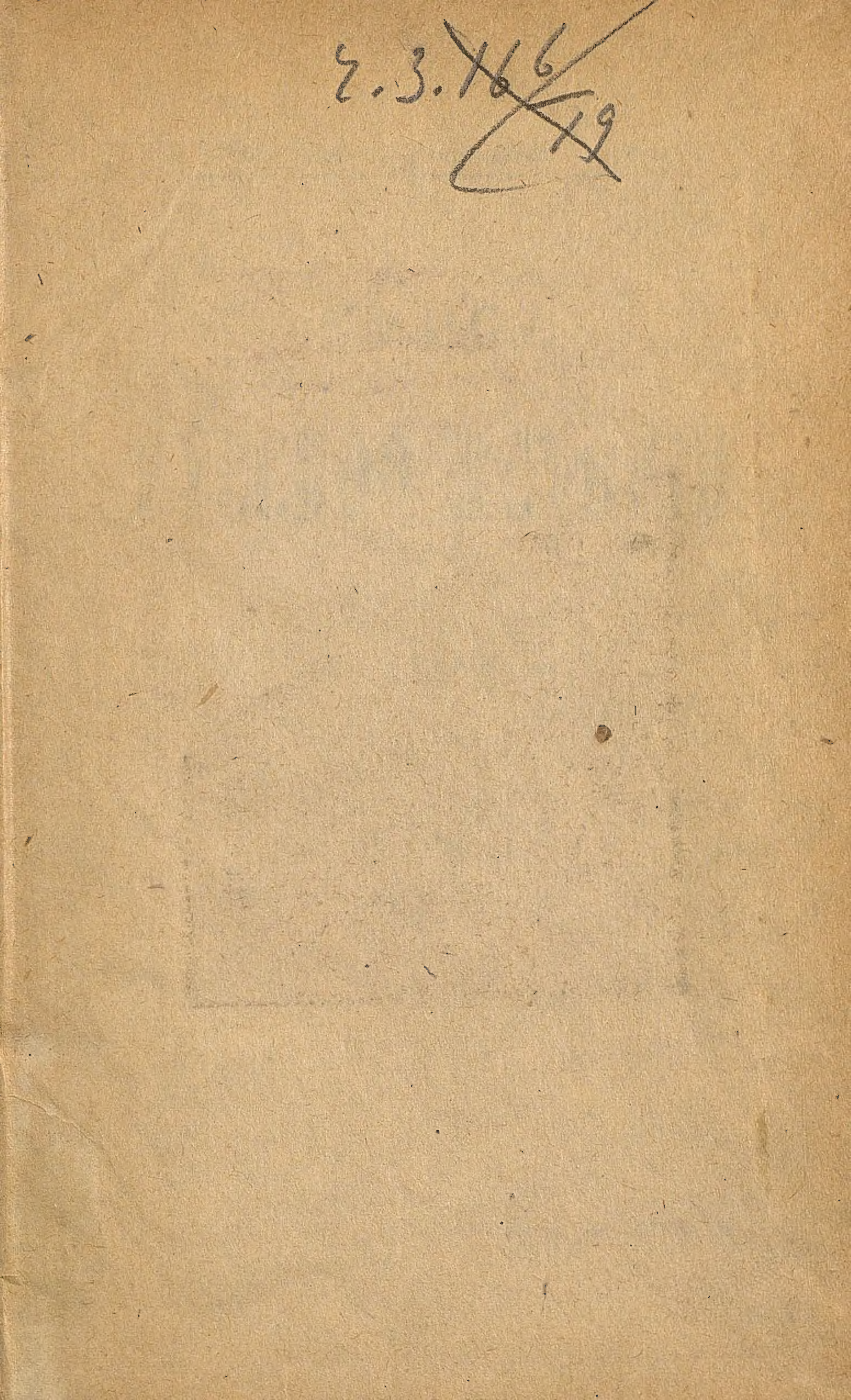
В. Ключевский

Курс русской истории.

ч 2

М 1912 г.

Единственный подлинный текстъ.

КУРСЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Проф. В. Ключевскаго.

Часть II.

Изданіе третье. МОСКВА. 1912.

Единственный подлинный текстъ.

КУРСЪ
РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Проф. В. Ключевскаго.

Часть II.

Изданіе третье.

Типографіи:

Москов. Город. Арнольдо-Третьяковскаго училища глухонѣмыхъ
(титулъ и обложка)
и
П. П. РЯБУШИНСКАГО (текстъ).

Москва. 1912 г.

Пересматривая вторую часть **Курса русской исторіи**, *авторъ находилъ нужнымъ измѣнить нѣсколько отдѣльныхъ выраженій: настоящее изданіе воспроизводитъ эти измѣненія въ точномъ соотвѣтствіи съ собственноручными помѣтками автора.*

Лекція XXI.

Москва начинаетъ собирать удѣльную Русь.—Первыя извѣстія о городѣ Москвѣ.—Первоначальное пространство московскаго Кремля.—Экономическія выгоды географическаго положенія г. Москвы.—Г. Москва—узловой пунктъ разностороннихъ путей.—Слѣды ранней населенности Московскаго края.—Москва—этнографическій центръ Великороссіи.—Р. Москва—транзитный путь.—Политическія слѣдствія географическаго положенія г. Москвы.—Москва—младшій удѣлъ.—Вліяніе этого на внѣшнія отношенія и внутреннюю дѣятельность московскихъ князей.—Политическіе и національные успѣхи московскихъ князей до половины XV в.—I. Расширеніе территоріи княжества.—II. Пріобрѣтеніе великокняжескаго стола.—III. Слѣдствія этого успѣха: пріостановка татарскихъ нашествій; московскій союзъ князей.—IV. Перенесеніе митрополичьей каѳедры въ Москву; значеніе этой перемѣны для московскихъ князей.—Выводы.

Москва собираетъ удѣльную Русь.

Намъ предстоитъ изучить второй процессъ, совершавшійся на верхневолжской Руси въ удѣльные вѣка. Первый процессъ, нами уже разсмотрѣнный, дробилъ эту Русь на княжескія вотчины въ потомствѣ Всеволода III. Одной вѣтви этого потомства пришлось начать обратное дѣло, собирать эти дробившіяся части въ нѣчто цѣлое. Москва стала центромъ образовавшагося этимъ путемъ государства.

Первыя извѣстія о г. Москвѣ.

Лѣтопись выводитъ Москву въ числѣ новыхъ городковъ Ростовской земли, возникшихъ въ княженіе Юрія Долгорукаго. Любопытно, что городокъ этотъ впервые является въ лѣтописномъ разсказѣ со значеніемъ пограничнаго пункта между сѣвернымъ Суздальскимъ и южнымъ Чер-

нигово-сѣверскимъ краемъ. Сюда въ 1147 г. Юрій Долгорукій пригласилъ на свиданіе своего союзника князя новгородъ-сѣверскаго Святослава Ольговича, пославъ сказать ему: „приди ко мнѣ, брате, въ Москову". Это—первое извѣстіе о Москвѣ, сохранившееся въ лѣтописяхъ. Повидимому поселокъ былъ тогда сельской княжеской усадьбой или, точнѣе, станціоннымъ дворомъ, гдѣ суздальскій князь останавливается при своихъ поѣздкахъ на кіевскій югъ и обратно. Дворъ долженъ былъ имѣть значительное хозяйственное обзаведеніе. На другой день по пріѣздѣ Святослава хозяинъ устроилъ гостю „обѣдъ силенъ" и хорошо угостилъ его свиту, для чего надобно было имѣть подъ руками достаточно запасовъ и помѣщенія, хотя Святославъ пріѣхалъ „въ малѣ дружинѣ". Въ 1156 г. по лѣтописи кн. Юрій Долгорукій „заложи градъ Москву" пониже устья Неглинной, т.-е. окружилъ свой москворѣцкій дворъ деревянными стѣнами и превратилъ его въ городъ. Это былъ московскій Кремль въ первоначальномъ своемъ очертаніи: онъ занималъ, какъ это выяснено И. Е. Забѣлинымъ въ его *Исторіи г. Москвы*, западный уголъ кремлевской горы, обрывавшійся крутымъ мысомъ къ устью Неглинной у нынѣшнихъ Боровицкихъ воротъ, въ названіи которыхъ сохранилась память о *борѣ*, хвойномъ лѣсѣ, нѣкогда покрывавшемъ кремлевскую гору. Пространство, опоясанное стѣнами кн. Юрія и имѣвшее видъ треугольника по соображеніямъ г. Забѣлина, едва ли занимало половину, скорѣе третью долю нынѣшняго Кремля.

Первоначальное пространство московскаго Кремля.

Городъ возникъ на перепутьи между днѣпровскимъ югомъ и верхневолжскимъ сѣверомъ. Съ тѣмъ же значеніемъ пограничнаго городка Суздальской земли является Москва и въ дальнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Я разсказывалъ о шумной борьбѣ, какая поднялась по смерти

Андрея Боголюбскаго между его младшими братьями и племянниками. Въ 1174 г. дяди, восторжествовавъ надъ племянниками, вызвали изъ Чернигова укрывавшихся тамъ своихъ женъ. Княгинь поѣхалъ провожать сынъ черниговскаго князя Олегъ; онъ довезъ тетокъ до Москвы и оттуда воротился въ „свою волость“ Лопасню. Лопасня—село въ 70 верстахъ отъ Москвы къ югу по серпуховской дорогѣ: такъ близко подходила тогдашняя черниговская граница къ суздальскому городку Москвѣ. Изъ разсказа той же лѣтописи видно, что Москва носила и другое болѣе раннее названіе *Куцкова.* Названіе это она получила отъ мѣстнаго вотчинника, боярина и по преданію суздальскаго тысяцкаго Степана Куцка или Кучка, которому принадлежали окрестныя села и деревни и память о которомъ, замѣчу мимоходомъ, сохранялась послѣ въ названіи московскаго урочища *Кучкова поля* (нынѣ улицы Срѣтенка и Лубянка).

Съ временемъ возникновенія и съ географическимъ положеніемъ Москвы тѣсно связана и ея дальнѣйшая политическая судьба. Какъ городокъ новый и далекій отъ суздальскихъ центровъ Ростова и Владиміра, Москва позднѣе другихъ суздальскихъ городовъ могла стать стольнымъ городомъ особаго княжества и притомъ должна была достаться младшему князю. Дѣйствительно, въ продолженіе большей части XIII в. въ Москвѣ не замѣтно постояннаго княженія: князья появлялись въ Москвѣ лишь на короткое время, и все это были младшіе сыновья своихъ отцовъ. Сначала сидѣлъ здѣсь нѣкоторое время одинъ изъ младшихъ Всеволодовичей Владиміръ; потомъ видимъ здѣсь другого Владиміра, одного изъ младшихъ сыновей великаго князя Юрія Всеволодовича: это—тотъ Владиміръ, который былъ захваченъ татарами Батыя при взятіи ими

Москвы зимой 1237—1238 г. Позднѣе изъ сыновей Ярослава Всеволодовича Москва досталась младшему Михаилу Хоробриту, по смерти котораго въ 1248 г. опять много лѣтъ не замѣтно въ Москвѣ особаго князя. Наконецъ, уже въ поколѣніи правнуковъ Всеволода III, по смерти Александра Невскаго (1263 г.) въ Москвѣ является младшій и малолѣтній сынъ его Даніилъ. Съ тѣхъ поръ Москва становится стольнымъ городомъ особаго княжества съ постояннымъ княземъ: Даніилъ сталъ родоначальникомъ московскаго княжескаго дома.

Таковы раннія извѣстія о Москвѣ. По нимъ трудно было бы угадать ея дальнѣйшую политическую судьбу. Ея судьба представлялась неожиданной и дальнѣйшимъ поколѣніямъ сѣвернорусскаго общества. Задавая себѣ вопросъ, какимъ образомъ Москва такъ быстро поднялась и стала политическимъ центромъ сѣверовосточной Руси, древнерусское общество затруднялось найти отвѣтъ: быстрый политическій подъемъ Москвы и ему казался исторической загадкой. Это впечатлѣніе отразилось въ одномъ изъ многихъ народныхъ сказаній, предметомъ которыхъ служитъ первоначальная судьба этого города и его князей. Одно изъ этихъ сказаній, записанное уже въ XVII в., начинается приблизительно въ такомъ тонѣ: „Кто думалъ-гадалъ, что Москвѣ царствомъ быти, и кто же зналъ, что Москвѣ государствомъ слыти? Стояли на Москвѣ-рѣкѣ села красныя боярина хорошаго Кучка Степана Ивановича“. Вы чувствуете, что записанное позднимъ книжникомъ народное сказаніе еще не утратило признаковъ размѣренной рѣчи, былиннаго стиха. Причина загадочности первыхъ успѣховъ города Москвы заключается въ томъ, что древніе памятники нашей исторіи отмѣтили далеко не первые моменты его роста, а уже крупныя внѣшнія

пріобрѣтенія, какихъ добилась Москва послѣ долгихъ и незамѣтныхъ подготовительныхъ усилій. Но уцѣлѣли нѣкоторыя косвенныя указанія, въ которыхъ вскрываются таинственныя историческія силы, работавшія надъ подготовкой успѣховъ Московскаго княжества съ первыхъ минутъ его существованія. Дѣйствіе этихъ силъ выражалось прежде всего въ экономическихъ условіяхъ, питавшихъ ростъ города, а эти условія вытекали изъ географическаго положенія его края въ связи съ ходомъ русской колонизаціи волжско-окскаго междурѣчья.

Географическое положеніе Москвы и его выгоды.

Въ ходѣ заселенія междурѣчья Оки и верхней Волги можно замѣтить два направленія, между которыми легче провести географическую, чѣмъ хронологическую раздѣльную черту. Повидимому раньше и усиленнѣе заселялись главныя рѣки, окаймляющія междурѣчье. По обѣимъ изогнутымъ линіямъ, по верхней Волгѣ отъ Ржева до Нижняго и по средней Окѣ отъ Калуги до Мурома ко времени татарскаго нашествія вытянулись двѣ довольно густыя цѣпи городовъ, основными звеньями которыхъ были старинныя русскія поселенія, Ярославль, Рязань, Муромъ. По первой линіи шелъ колонизаціонный притокъ съ новогородскаго сѣверо-запада и смоленскаго запада, по второй съ днѣпровскаго юго-запада и съ верхнеокскаго юга, изъ страны вятичей. Вслѣдъ за окрайными рѣчными магистралями заселялись и внутренніе ихъ притоки, прорѣзывающіе междурѣчье, хотя и здѣсь были незапамятностаринные центры, какъ Ростовъ и Суздаль. Большая часть здѣшнихъ городовъ возникла съ половины XII в. или немного раньше. Появленіе города на притокѣ служило признакомъ скопленія вдоль рѣки значительнаго сельскаго населенія, нуждавшагося въ укрѣпленномъ убѣжищѣ. Географическое размѣщеніе внутреннихъ городовъ

междурѣчья, постройку которыхъ можно относить къ XII и XIII вв., показываетъ, что пришлое населеніе осаживалось по притокамъ всего междурѣчья разбросанными полосами (идя съ З на В: Волокъ Ламскій, Вышгородъ и можетъ быть Боровскъ на Протвѣ, Звенигородъ, Москва, Клинъ, Дмитровъ, Переяславль, Юрьевъ Польскій, Владиміръ, Боголюбовъ, Нерехта, Стародубъ, Гороховецъ). При просторныхъ лѣсистыхъ и болотистыхъ промежуткахъ между притоками важное значеніе получали поселки, возникавшіе на концахъ короткихъ переволокъ изъ одного притока въ другой: здѣсь завязывались узловые пункты сухопутнаго и рѣчного сообщенія. Въ этомъ отношеніи географическое положеніе города Москвы было особенно выгодно. Верхнимъ притокомъ своимъ Истрой рѣка Москва подходитъ близко къ Ламѣ, притоку Шоши, впадающей въ Волгу. Такимъ образомъ рѣка Москва Ламскимъ волокомъ соединяла верхнюю Волгу со средней Окой. Съ другой стороны, городъ Москва возникъ на самомъ изломѣ рѣки, при ея поворотѣ на ЮВ, гдѣ она притокомъ своимъ Яузой почти вплоть подходитъ къ Клязьмѣ, по которой шелъ черезъ Москву поперечный путь съ З на В. Этимъ путемъ въ 1155 г. шелъ съ чудотворной иконой Божіей Матери Андрей Боголюбскій, направляясь черезъ Рогожскія поля на Клязьмѣ во Владиміръ съ р. Вазузы, куда онъ поднялся Днѣпромъ изъ Вышгорода подъ Кіевомъ. Въ концѣ XIV в. отъ Москвы шла, пролегая Кучковымъ полемъ, „великая дорога володимерьская", о которой упоминаетъ одна старая лѣтопись по случаю срѣтенія москвичами чудотворной иконы Божіей Матери въ 1395 г. Наконецъ съ третьей стороны черезъ Москву пролегала изъ Лопасни дорога съ кіевскаго и черниговскаго юга на Переяславль Залѣсскій и Ростовъ. Такъ

Москва — узловой пунктъ.

г. Москва возникъ въ пунктѣ пересѣченія трехъ большихъ дорогъ. Изъ такого географическаго положенія проистекли важныя экономическія выгоды для города и его края.

Ранняя населенность Московскаго края.

Прежде всего это положеніе содѣйствовало сравнительно болѣе ранней и густой населенности края. Москва возникла на рубежѣ между югозападной днѣпровской и сѣверовосточной волжской Русью, на раздѣльной линіи говоровъ *о* и *а*. Это былъ первый край, въ который попадали колонисты съ югозапада, перевaливъ за Угру; здѣсь слѣдовательно они осаживались наибольшими массами, какъ на первомъ своемъ привалѣ. Блѣдные слѣды этого усиленнаго осадка колонизаціи въ области рѣки Москвы находимъ въ старыхъ генеалогическихъ преданіяхъ. Родословныя росписи старинныхъ боярскихъ фамилій, съ теченіемъ времени основавшихся въ Москвѣ, обыкновенно начинаются сказаніемъ о томъ, какъ и откуда родоначальники этихъ фамилій пришли служить московскому князю. Соединяя эти отдѣльныя фамильныя преданія, мы получимъ цѣлый важный историческій фактъ: съ конца XIII в., еще прежде чѣмъ городъ Москва начинаетъ играть замѣтную роль въ судьбѣ сѣверной Руси, въ него со всѣхъ сторонъ собираются знатные служилые люди изъ Мурома, изъ Нижняго, Ростова, Смоленска, Чернигова, даже изъ Кіева и съ Волыни. Такъ еще ко князю Юрію Даниловичу пріѣхалъ на службу изъ Кіева знатный бояринъ Родіонъ, ставшій родоначальникомъ фамиліи Квашниныхъ, и привелъ съ собой цѣлый свой дворъ въ 1700 человѣкъ, стоившій изряднаго укрѣпленнаго города. Знатные слуги шли по теченію народной массы. Генеалогическія сказанія боярскихъ родословныхъ отразили въ себѣ лишь общее движеніе, господствовавшее

въ тогдашнемъ русскомъ населенiи. Въ Москву, какъ въ центральный водоемъ, со всѣхъ краевъ Русской земли, угрожаемыхъ внѣшними врагами, стекались народныя силы благодаря ея географическому положенiю.

Москва—этнографическiй центръ Великороссiи.

Москву часто называютъ географическимъ центромъ Европейской Россiи. Если взять Европейскую Россiю въ ея нынѣшнихъ предѣлахъ, это названiе не окажется вполнѣ точнымъ ни въ физическомъ, ни въ этнографическомъ смыслѣ: для того, чтобы быть дѣйствительнымъ географическимъ центромъ Европейской Россiи, Москвѣ слѣдовало бы стоять нѣсколько восточнѣе и нѣсколько южнѣе. Но надо представить себѣ, какъ размѣщена была масса русскаго населенiя, именно великорусскаго племени, въ XIII и XIV вв. Колонизацiя скучивала это населенiе въ междурѣчьи Оки и верхней Волги, и здѣсь населенiе долго задерживалось насильственно, не имѣя возможности выходить отсюда ни въ какую сторону. Разселенiю на сѣверъ за Волгу мѣшало перерѣзывающее движенiе новгородской колонизацiи, пугавшей мирныхъ переселенцевъ своими разбойничьими ватагами, которыя распространяли новгородскiе предѣлы къ востоку отъ Новгорода. Вольный городъ въ тѣ вѣка высылалъ съ Волхова разбойничьи шайки удальцовъ ушкуйниковъ, которые на своихъ рѣчныхъ судахъ, ушкуяхъ, грабили по верхней Волгѣ и ея сѣвернымъ притокамъ, мѣшая своими разбоями свободному распространенiю мирнаго населенiя въ сѣверномъ Заволжьи. Паисiй Ярославовъ въ своей лѣтописи Спасо-Каменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ (XV в.) имѣлъ въ виду именно эти XIII и XIV вѣка, когда писалъ, что тогда еще не вся Заволжская земля была крещена и много было некрещеныхъ людей: онъ хотѣлъ сказать, какъ скудно было тамъ русское христiанское населенiе. Съ сѣверово-

стока, востока и юга скоплявшееся въ междурѣчьи русское населеніе задерживалось господствовавшими тамъ инородцами, мордвой и черемисой, а также разбойничавшими за Волгой вятчанами и, наконецъ, татарами; на западъ и югозападъ русское населеніе не могло распространяться, потому что съ начала XIV в. тамъ стояла уже объединившаяся Литва, готовясь къ своему первому усиленному натиску на восточную Русь. Такимъ образомъ масса русскаго населенія, скучившись въ центральномъ междурѣчьи, долго не имѣла выхода отсюда. Москва и возникла въ срединѣ пространства, на которомъ сосредоточивалось тогда наиболѣе густое русское населеніе, т.-е. въ центрѣ области тогдашняго распространенія великорусскаго племени. Значитъ, Москву можно считать если не географическимъ, то этнографическимъ центромъ Руси, какъ эта Русь размѣщена была въ XIV в. Это центральное положеніе Москвы прикрывало ее со всѣхъ сторонъ отъ внѣшнихъ враговъ; внѣшніе удары падали на сосѣднія княжества Рязанское, Нижегородское, Ростовское, Ярославское, Смоленское, и очень рѣдко достигали до Москвы. Благодаря такому прикрытію Московская область стала убѣжищемъ для окрайнаго русскаго населенія, всюду страдавшаго отъ внѣшнихъ нападеній. Послѣ татарскаго погрома болѣе столѣтія, до перваго Ольгердова нападенія въ 1368 г., Московская страна была, можетъ быть, единственнымъ краемъ сѣверной Руси, не страдавшимъ или такъ мало страдавшимъ отъ вражескихъ опустошеній; по крайней мѣрѣ за все это время здѣсь, за исключеніемъ захватившаго и Москву татарскаго нашествія 1293 г., не слышно по лѣтописямъ о такихъ бѣдствіяхъ. Столь рѣдкій тогда покой вызвалъ даже обратное движеніе русской колонизаціи междурѣчья съ В на З, изъ старыхъ ростов-

скихъ поселеній въ пустынные углы Московскаго княжества. Признаки этого поворота встрѣчаемъ въ житіи пр. Сергія Родонежскаго. Отецъ его, богатый ростовскій бояринъ Кириллъ, обнищалъ отъ разорительныхъ поѣздокъ со своимъ княземъ въ Орду, отъ частыхъ набѣговъ татарскихъ и другихъ бѣдствій, бросилъ все и вмѣстѣ съ другими ростовцами переселился въ глухой и мирный московскій городокъ Радонежъ. Около того же времени многіе люди изъ ростовскихъ городовъ и селъ переселились въ московскіе предѣлы. Сынъ Кирилла, рѣшившись отречься отъ міра, уединился неподалеку отъ Радонежа въ дремучемъ лѣсу скудоводнаго перевала съ верхней Клязьмы въ Дубну, Сестру и Волгу. Лѣтъ 15 прожилъ здѣсь преп. Сергій съ немногими сподвижниками; но потомъ ихъ лѣсное убѣжище быстро преобразилось: откуда-то нашло множество крестьянъ, исходили они тѣ лѣса вдоль и поперекъ и начали садиться вокругъ монастыря и невозбранно рубить лѣса, наставили починковъ, дворовъ и селъ, устроили поля чистыя и „исказили пустыню“, съ грустью прибавляетъ біографъ и сподвижникъ Сергія, описывая одинъ изъ переливовъ сельскаго населенія въ Московскую область, повидимому не лишенный какой-либо связи съ разсказанной имъ же ростовской эмиграціей. Таково одно условіе, вытекавшее изъ географическаго положенія Московскаго края и содѣйствовавшее его успѣшному заселенію.

Р. Москва— транзитный путь.

То же географическое положеніе Москвы заключало въ себѣ другое условіе, благопріятствовавшее раннимъ промышленнымъ ея успѣхамъ. Я только что упомянулъ о рѣкѣ Москвѣ, какъ водномъ пути между верхней Волгой и средней Окой. Въ старое время эта рѣка имѣла немаловажное торговое значеніе. Изогнутой діагональю

прорѣзывая Московское княжество съ сѣверозапада на юговостокъ и нижнимъ теченіемъ связывая г. Москву съ бассейномъ Оки, а верховьями близко подходя къ правымъ притокамъ верхней Волги, она служила соединительной хордой, стягивавшей концы обширной рѣчной дуги, образуемой двумя главными торговопромышленными путями междурѣчья. Одно явленіе указываетъ на такое торговое значеніе рѣки Москвы. Очень рано на самомъ перевалѣ съ верхней Волги въ Москву возникъ торговый пунктъ Волокъ на Ламѣ (Волоколамскъ). Этотъ городъ былъ построенъ новгородцами и служилъ имъ складочнымъ мѣстомъ въ ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ бассейномъ Оки и съ областью средней Волги.

Такъ географическое положеніе Москвы, сдѣлавъ ее пунктомъ пересѣченія двухъ скрещивавшихся движеній, переселенческаго на СВ и торгово-транзитнаго на ЮВ, доставляло московскому князю важныя экономическія выгоды. Сгущенность населенія въ его удѣлѣ увеличивала количество плательщиковъ прямыхъ податей. Развитіе торговаго транзитнаго движенія по рѣкѣ Москвѣ оживляло промышленность края, втягивало его въ это торговое движеніе и обогащало казну мѣстнаго князя торговыми пошлинами.

Политическія слѣдствія.

Рядомъ съ этими экономическими слѣдствіями, вытекавшими изъ географическаго и этнографическаго положенія Москвы, изъ того же источника вышелъ рядъ важныхъ слѣдствій политическихъ. Съ географическимъ положеніемъ города Москвы тѣсно связано было генеалогическое положеніе его князя. Какъ городъ новый и окрайный, Москва досталась одной изъ младшихъ линій Всеволодова племени. Поэтому московскій князь не могъ питать надежды дожить до старшинства и по очереди занять старшій великокняжескій столъ. Чувствуя себя безправнымъ,

Москва—младшій удѣлъ. Значеніе этого для ея князей.

точнѣе, обездоленнымъ среди родичей и не имѣя опоры въ обычаяхъ и преданіяхъ старины, онъ долженъ былъ обезпечивать свое положеніе иными средствами, независимо отъ родословныхъ отношеній, отъ очереди старшинства. Благодаря тому московскіе князья рано вырабатываютъ своеобразную политику, съ первыхъ шаговъ начинаютъ дѣйствовать не по обычаю, раньше и рѣшительнѣе другихъ сходятъ съ привычной колеи княжескихъ отношеній, ищутъ новыхъ путей, не задумываясь надъ старинными счетами, надъ политическими преданіями и приличіями. Это обнаруживается какъ въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ князьямъ, такъ и въ веденіи ими внутреннихъ дѣлъ своего княжества. Они являются зоркими наблюдателями того, что происходитъ вокругъ нихъ, внимательно высматриваютъ, что лежитъ плохо, и прибираютъ это къ рукамъ. Первые московскіе князья выступаютъ смѣлыми хищниками. Не даромъ одинъ изъ нихъ Михаилъ Ярославичъ перешелъ въ потомство съ прозваніемъ *Хоробрита*, т. е. забіяки: онъ въ 1248 г. врасплохъ напалъ на своего дядю вел. кн. Святослава и вопреки всякому праву согналъ его съ владимірскаго стола. Первый московскій князь Александрова племени Даніилъ, по разсказу лѣтописца, точно такъ же врасплохъ напавъ на своего рязанскаго сосѣда князя Константина, побѣдилъ его „нѣкоей хитростью“, т. е. обманомъ, взялъ его въ плѣнъ и отнялъ у него Коломну. Сынъ этого Даніила Юрій въ 1303 г., напавъ на другого сосѣда, князя можайскаго, также взялъ его въ плѣнъ, и захватилъ можайскій удѣлъ въ самыхъ верховьяхъ р. Москвы, потомъ убилъ отцова плѣнника Константина и удержалъ за собой Коломну: теперь вся Москва-рѣка до самаго устья стала московской. Московскій князь — врагъ всякому великому князю, кто бы онъ

ни былъ: казалось, самая почва Москвы питала въ ея князьяхъ неуваженіе къ прежнимъ понятіямъ и отношеніямъ старшинства. Даніилъ долго и упорно боролся съ великими князьями, собственными старшими братьями, съ Димитріемъ переяславскимъ, потомъ съ Андреемъ городецкимъ. Но по смерти Димитрія онъ сблизился съ добрымъ и бездѣтнымъ его сыномъ Иваномъ и такъ подружился, что Иванъ, умирая въ 1302 г., отказалъ свой удѣлъ московскому своему сосѣду и младшему дядѣ помимо старшихъ родичей. Даніилъ принялъ наслѣдство и отстоялъ его отъ притязаній старшаго брата, вел. кн. Андрея. Но враги старшинства, московскіе князья были гибкіе и сообразительные дѣльцы. Какъ скоро измѣнялись обстоятельства, и они измѣняли свой образъ дѣйствій. Татарскій разгромъ надолго, на весь XIII в., повергъ народное хозяйство сѣверной Руси въ страшный хаосъ. Но съ XIV в. разстроенныя отношенія здѣсь начали улаживаться, народное хозяйство стало приходить въ нѣкоторый порядокъ. Съ тѣхъ поръ и московскіе князья, начавъ свое дѣло беззастѣнчивыми хищниками, продолжаютъ его мирными хозяевами, скопидомными, домовитыми устроителями своего удѣла, заботятся о водвореніи въ немъ прочнаго порядка, заселяютъ его промышленными и рабочими людьми, которыхъ перезываютъ къ себѣ изъ чужихъ княжествъ, толпами покупаютъ въ Ордѣ русскихъ плѣнниковъ и на льготныхъ условіяхъ сажаютъ тѣхъ и другихъ на своихъ московскихъ пустошахъ, строятъ деревни, села, слободы. Съ XIV в. можемъ слѣдить за ходомъ этого хозяйственнаго домостроительства московскихъ князей по длинному ряду ихъ духовныхъ грамотъ, начинающемуся двумя завѣщаніями третьяго московскаго князя изъ Александрова племени Ивана Калиты. Эти грамоты объясняютъ намъ,

почему къ половинѣ XV в. въ сѣверной Руси привыкли смотрѣть на московскаго князя, какъ на образцоваго хозяина, на Московское княжество, какъ на самый благоустроенный удѣлъ. Слѣды этого взгляда находимъ въ одномъ памятникѣ половины XV в. Это сухой генеалогическій перечень русскихъ князей, начиная отъ Рюрика. Здѣсь между прочимъ читаемъ, что Всеволодъ Большое Гнѣздо родилъ Ярослава, Ярославъ родилъ Александра Великаго, Храбраго, Александръ Даніила, а Даніилъ Ивана Калиту, „иже исправи землю Русскую отъ татей“. Итакъ сѣверное русское общество считало Ивана Калиту правителемъ, умѣвшимъ очистить свою землю отъ воровъ, водворить въ ней общественную безопасность. Навстрѣчу этому взгляду идутъ указанія съ другой стороны. Въ припискѣ на одной рукописи, писанной въ Москвѣ въ концѣ княженія Ивана Калиты, читаемъ хвалу правдолюбію этого князя, давшаго Русской землѣ „тишину велію и правый судъ“. Канонистъ А. С. Павловъ приписываетъ тому же князю введеніе въ дѣйствіе *Земледѣльческаго закона*, византійскаго земско-полицейскаго и уголовнаго устава, составленнаго, какъ предполагаютъ, императорами-иконоборцами въ VIII вѣкѣ. Если такъ, то можно думать, что Иванъ Калита особенно заботился объ устройствѣ сельскаго населенія въ своихъ владѣніяхъ. Такъ благодаря своему генеалогическому положенію, чувствуя себя наиболѣе безправнымъ княземъ среди родичей, московскій удѣльный владѣтель рано выработалъ себѣ образъ дѣйствій, который держался не на преданіяхъ старины, а на разсчетливомъ соображеніи обстоятельствъ текущей минуты.

Успѣхи Московскаго княжества до половины XV в.

Таковы были первоначальныя условія быстраго роста Московскаго княжества. Этихъ условій было два: географическое положеніе Москвы и генеалогическое положеніе

ея князя. Первое условіе сопровождалось выгодами экономическими, которыя давали въ руки московскому князю обильныя матеріальныя средства, а второе условіе указывало ему, какъ всего выгоднѣе пустить въ оборотъ эти средства, помогло ему выработать своеобразную политику, основанную не на родственныхъ чувствахъ и воспоминаніяхъ, а на искусномъ пользованіи текущей минутой. Располагая такими средствами и держась такой политики, московскіе князья въ XIV и въ первой половинѣ XV в. умѣли добиться очень важныхъ политическихъ успѣховъ. Перечислимъ ихъ.

Расширеніе территоріи.

I. Пользуясь своими средствами, московскіе князья постепенно выводили свое княжество изъ первоначальныхъ тѣсныхъ его предѣловъ. Въ самомъ началѣ XIV в. на сѣверѣ Руси, можетъ быть, не было удѣла незначительнѣе московскаго. Предѣлы его далеко не совпадали даже съ границами нынѣшней Московской губерніи. Изъ существовавшихъ тогда городовъ этой губерніи въ составъ удѣльной московской территоріи не входили Дмитровъ, Клинъ, Волоколамскъ, Можайскъ, Серпуховъ, Коломна, Верея. Удѣлъ князя Даніила до захвата Можайска и Коломны занималъ срединное пространство этой губерніи по среднему теченію р. Москвы съ продолженіемъ на В по верхней Клязьмѣ, которое клиномъ вдавалось между дмитровскими и коломенскими, т.-е. рязанскими волостями. Въ этомъ удѣлѣ едва ли было тогда больше двухъ городовъ, Москвы и Звенигорода: Руза и Радонежъ тогда были, кажется, еще простыми сельскими волостями. Изъ 13 нынѣшнихъ уѣздовъ губерніи во владѣніяхъ кн. Даніила можно предполагать только четыре: Московскій, Звенигородскій, Рузскій и Богородскій съ частью Дмитровскаго. Даже послѣ того какъ третій московскій князь изъ племени Александра

Невскаго Иванъ Калита сталъ великимъ княземъ, московскій удѣлъ оставался очень незначительнымъ. Въ первой духовной этого князя, написанной въ 1327 г., перечислены всѣ его вотчинныя владѣнія. Они состояли изъ пяти или семи городовъ съ уѣздами. То были: Москва, Коломна, Можайскъ, Звенигородъ, Серпуховъ, Руза и Радонежъ, если только эти двѣ послѣднія волости были тогда городами (Переяславль не упомянутъ въ грамотѣ). Въ этихъ уѣздахъ находилась 51 сельская волость и до 40 дворцовыхъ селъ. Вотъ весь удѣлъ Калиты, когда онъ сталъ великимъ княземъ. Но въ рукахъ его были обильныя матеріальныя средства, которыя онъ и пустилъ въ выгодный оборотъ. Тогдашнія тяжкія условія землевладѣнія заставляли землевладѣльцевъ продавать свои вотчины. Вслѣдствіе усиленнаго предложенія земли были дешевы. Московскіе князья, имѣя свободныя деньги, и начали скупать земли у частныхъ лицъ и у церковныхъ учрежденій, у митрополита, у монастырей, у другихъ князей. Покупая селы и деревни въ чужихъ удѣлахъ, Иванъ Калита купилъ цѣлыхъ три удѣльныхъ города съ округами, Бѣлозерскъ, Галичъ и Угличъ, оставивъ впрочемъ эти удѣлы до времени за прежними князьями на какихъ-либо условіяхъ зависимости. Преемники его продолжали это мозаическое собираніе земель. Въ каждой слѣдующей московской духовной грамотѣ перечисляются новопріобрѣтенныя села и волости, о которыхъ не упоминаетъ предшествующая. Новые „примыслы“ выплываютъ въ этихъ грамотахъ одни за другимъ неожиданно, выносимые какимъ-то непрерывнымъ, но скрытымъ пріобрѣтательнымъ процессомъ, безъ видимаго плана и большею частью безъ указанія, какъ они пріобрѣтались. Димитрій Донской какъ-то вытягалъ у смольнянъ Медынь; но неизвѣстно,

какъ пріобрѣтены до него Верея, Боровскъ, Серпуховъ, половина Волоколамска, Кашира и до полутора десятка селъ, разбросанныхъ по великокняжеской Владимірской области и по разнымъ чужимъ удѣламъ. При Калитѣ и его сыновьяхъ земельныя пріобрѣтенія совершались путемъ частныхъ полюбовныхъ сдѣлокъ, обыкновенно прикупами; но потомъ на подмогу этимъ мирнымъ способамъ снова пущенъ былъ въ ходъ насильственный захватъ съ помощью Орды или безъ нея. Димитрій Донской захватилъ Стародубъ на Клязьмѣ и Галичъ съ Дмитровомъ, выгнавъ тамошнихъ князей изъ ихъ вотчинъ. Сынъ его Василій „умздилъ" татарскихъ князей и самого хана и за „многое злато и серебро" купилъ ярлыкъ на Муромъ, Тарусу и цѣлое Нижегородское княжество, князей ихъ выживалъ изъ ихъ владѣній или жаловалъ ихъ же вотчинами на условіи подручнической службы. Съ конца XIV в. въ видимо безпорядочномъ, случайномъ расширеніи московской территоріи становится замѣтенъ нѣкоторый планъ, можетъ быть, самъ собою сложившійся. Захватомъ Можайска и Коломны московскій князь пріобрѣлъ все теченіе Москвы; пріобрѣтеніе великокняжеской области и потомъ Стародубскаго княжества дѣлало его хозяиномъ всей Клязьмы. Съ пріобрѣтеніемъ Калуги, Мещеры при Донскомъ, Козельска, Лихвина, Алексина, Тарусы, Мурома и Нижняго при его сынѣ все теченіе Оки отъ впаденія Упы и Жиздры до Коломны и отъ Городца Мещерскаго до Нижняго оказалось во власти московскаго князя, такъ что Рязанское княжество очутилось съ трехъ сторонъ среди волостей московскихъ и владимірскихъ, которыя съ Калиты были въ московскихъ же рукахъ. Точно такъ же съ пріобрѣтеніемъ Ржева, Углича и Нижегородскаго княжества при тѣхъ же князьяхъ и Романова при Василіи Темномъ, при

постоянномъ обладаніи Костромой, какъ частью великокняжеской Владимірской области, едвали не большее протяженіе верхней Волги принадлежало Москвѣ; и здѣсь княжества Тверское и Ярославское съ разныхъ сторонъ были охвачены московскими владѣніями. Такъ прежде всего московскій князь старался овладѣть главными рѣчными путями междурѣчья, внутренними и окрайными. Наконецъ, съ пріобрѣтеніемъ княжествъ Бѣлозерскаго и Галицкаго открылся широкій просторъ для московскихъ земельныхъ примысловъ въ верхнемъ Заволжьи. Тамъ московскій князь нашелъ много удобствъ для своего дѣла. Обширныя и глухія лѣсистыя пространства по Шекснѣ съ ея притоками, по притокамъ озеръ Бѣлаго и Кубенскаго, по верхней Сухонѣ въ первой половинѣ XV в. были раздѣлены между многочисленными князьями бѣлозерской и ярославской линіи. Слабые и бѣдные, бѣднѣя все болѣе отъ семейныхъ раздѣловъ и татарскихъ тягостей, иногда совмѣстно вчетверомъ или впятеромъ владѣя фамильнымъ городкомъ или даже простой сельской волостью, они не были въ состояніи поддерживать державныя права и владѣтельную обстановку удѣльныхъ князей и нечувствительно спускались до уровня частныхъ и даже некрупныхъ землевладѣльцевъ. Чтобы привести ихъ подъ свою руку, московскому князю не нужно было ни оружія, ни даже денегъ: они сами искали московской службы и послушно поступались своими вотчинами, которыя получали отъ новаго государя обратно въ видѣ служебнаго пожалованія. Такъ уже Василій Темный распоряжается отчинами князей Заозерскихъ, Кубенскихъ, Бохтюжскихъ, какъ своими примыслами.

Населеніе Заволжья.

Успѣшному рапространенію московской территоріи въ эту сторону много помогло одно народное движеніе. Съ

усиленіемъ Москвы верхнее Поволжье стало безопаснѣе и съ новгородской, и съ татарской стороны. Это давало возможность избытку долго скоплявшагося въ междурѣчьи населенія отливать за Волгу въ просторныя лѣсныя пустыни тамошняго края. Развѣдчиками въ этомъ переселенческомъ движеніи явились съ конца XIV в. монахи центральныхъ монастырей, преимущественно Троицкаго Сергіева; пробираясь въ костромскія и вологодскія дебри, они основывали по рѣчкамъ Комелѣ, Обнорѣ, Пелшмѣ, Авнегѣ, Глушицѣ обители, которыя становились опорными пунктами крестьянскихъ переселеній: черезъ нѣсколько лѣтъ по этимъ рѣкамъ возникали одноименныя волости съ десятками деревень. Съ этими монастырями-колоніями повторялось то же, что испытала ихъ метрополія, обитель преп. Сергія: онѣ обсаживались крестьянскими поселеніями, искажавшими ихъ любимую дремучую пустыню. При совмѣстномъ съ новгородцами владѣніи Вологдой и какъ правитель Костромской области по своему великокняжескому званію, московскій князь былъ въ правѣ считать своими эти волости, заселявшіяся выходцами изъ московскихъ владѣній.

Способы расширенія Московскаго княжества.

Такъ можно различить пять главныхъ способовъ, которыми пользовались московскіе князья для расширенія своего княжества: это были скупка, захватъ вооруженный, захватъ дипломатическій съ помощью Орды, служебный договоръ съ удѣльнымъ княземъ и разселеніе изъ московскихъ владѣній за Волгу. По духовной Василія Темнаго, составленной около 1462 года, можно видѣть плоды полуторавѣковыхъ скопидомныхъ усилій московскихъ князей по собиранію чужихъ земель. Въ этой духовной великое княженіе Владимірское впервые смѣшано съ Московскимъ княжествомъ, со старинными вотчинными владѣніями и

новыми примыслами въ одну безразличную владѣльческую массу. На всемъ пространствѣ окско-волжскаго междурѣчья немосковскими оставались только части Тверского и Ярославскаго княжествъ да половина Ростова, другая половина котораго была куплена Василіемъ Темнымъ. Но московскія владѣнія выходили за предѣлы междурѣчья на югъ вверхъ по Окѣ и Цнѣ, а на сѣверовостокѣ углублялись въ Вятскую землю и доходили до Устюга, который въ концѣ XIV в. уже принадлежалъ Москвѣ. Владѣнія кн. Даніила далеко не заключали въ себѣ и 500 кв. миль, такъ какъ во всей Московской губерніи не болѣе 590 кв. м. Если по духовной Василія Темнаго очертите предѣлы московскихъ владѣній, вы увидите, что въ нихъ можно считать по меньшей мѣрѣ 15000 кв. м. Таковы были территоріальные успѣхи, достигнутые московскими князьями къ половинѣ XV в. Благодаря этимъ успѣхамъ къ концу княженія Темнаго Московское княжество размѣрами своими превосходило любое изъ великихъ княжествъ, тогда еще существовавшихъ на Руси.

Пріобрѣтеніе великокняжескаго стола.

II. Пользуясь своими средствами и разсчетливой фамильной политикой, московскіе князья въ XIV в. постепенно сами выступали изъ положенія безправныхъ удѣльныхъ князей. Младшіе, но богатые, эти князья предприняли смѣлую борьбу со старшими родичами за великокняжескій столъ. Главными ихъ соперниками были князья тверскіе, старшіе ихъ родичи. Дѣйствуя во имя силы, а не права, московскіе князья долго не имѣли успѣха. Князь Юрій московскій оспаривалъ великое княженіе у своего двоюроднаго дяди Михаила тверского и погубилъ въ Ордѣ своего соперника, но потомъ самъ сложилъ тамъ свою голову, убитый сыномъ Михаила. Однако окончательное торжество осталось за Москвою, потому что средства бо-

ровшихся сторонъ были неравны. На сторонѣ тверскихъ князей были право старшинства и личныя доблести, средства юридическія и нравственныя; на сторонѣ московскихъ были деньги и умѣнье пользоваться обстоятельствами, средства матеріальныя и практическія, а тогда Русь переживала время, когда послѣднія средства были дѣйствительнѣе первыхъ. Князья тверскіе никакъ не могли понять истиннаго положенія дѣлъ и въ началѣ XIV в. все еще считали возможной борьбу съ татарами. Другой сынъ Михаила тверского Александръ призывалъ свою братію, русскихъ князей, „другъ за друга и брата за брата стоять, а татарамъ не выдавать и всѣмъ вмѣстѣ противиться имъ, оборонять Русскую землю и всѣхъ православныхъ христіанъ". Такъ отвѣчалъ онъ на увѣщаніе русскихъ князей покориться татарамъ, когда изгнанникомъ укрывался въ Псковѣ послѣ того, какъ въ 1327 г., не вытерпѣвъ татарскихъ насилій, онъ со всѣмъ городомъ Тверью поднялся на татаръ и истребилъ находившееся тогда въ Твери татарское посольство. Московскіе князья иначе смотрѣли на положеніе дѣлъ. Они пока вовсе не думали о борьбѣ съ татарами; видя, что на Орду гораздо выгоднѣе дѣйствовать „смиренной мудростью", т.-е. угодничествомъ и деньгами, чѣмъ оружіемъ, они усердно ухаживали за ханомъ и сдѣлали его орудіемъ своихъ замысловъ. Никто изъ князей чаще Калиты не ѣздилъ на поклонъ къ хану, и тамъ онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ, потому что пріѣзжалъ туда не съ пустыми руками. Въ Ордѣ привыкли уже думать, что когда пріѣдетъ московскій князь, будетъ „многое злато и сребро" и у великаго хана-царя, и у его ханшъ и у всѣхъ именитыхъ мурзъ Золотой Орды. Благодаря тому московскій князь, по генеалогіи младшій среди своей братіи, добился старшаго великокняжескаго стола. Ханъ

поручилъ Калитѣ наказать тверского князя за возстаніе. Тотъ исправно исполнилъ порученіе: подъ его предводительствомъ татары разорили Тверское княжество „и просто рещи, добавляетъ лѣтопись, всю землю Русскую положиша пусту“, не тронувъ, конечно, Москвы. Въ награду за это Калита въ 1328 г. получилъ великокняжескій столъ, который съ тѣхъ поръ уже не выходилъ изъ-подъ московскаго князя.

Слѣдствіе этого успѣха.

III. Пріобрѣтеніе великокняжескаго стола московскимъ княземъ сопровождалось двумя важными послѣдствіями для Руси, изъ коихъ одно можно назвать нравственнымъ, другое политическимъ. Нравственное состояло въ томъ, что московскій удѣльный владѣлецъ, ставъ великимъ княземъ, первый началъ выводить русское населеніе изъ того унынія и оцѣпенѣнія, въ какое повергли его внѣшнія несчастія. Образцовый устроитель своего удѣла, умѣвшій водворить въ немъ общественную безопасность и тишину, московскій князь, получивъ званіе великаго, далъ почувствовать выгоды своей политики и другимъ частямъ сѣверовосточной Руси. Этимъ онъ подготовилъ себѣ широкую популярность, т.-е. почву для дальнѣйшихъ успѣховъ.

Пріостановка татарскихъ нашествій.

Лѣтописецъ отмѣчаетъ, что съ тѣхъ поръ, какъ московскій князь получилъ отъ хана великокняжеское званіе, сѣверная Русь начала отдыхать отъ постоянныхъ татарскихъ погромовъ, какіе она терпѣла. Разсказывая о возвращеніи Калиты отъ хана въ 1328 г. съ пожалованіемъ, лѣтописецъ прибавляетъ: „бысть оттолѣ тишина велика по всей Русской землѣ на сорокъ лѣтъ и престаша татарове воевати землю Русскую“. Это, очевидно, замѣтка наблюдателя, жившаго во второй половинѣ XIV в. Оглянувшись назадъ за сорокъ лѣтъ, этотъ наблюдатель отмѣтилъ, какъ почувствовалось въ эти десятилѣтія господство Москвы въ

сѣверной Россіи: время съ 1328 по 1368 г., когда впервые напалъ на сѣверовосточную Русь Ольгердъ литовскій, считалось порою отдыха для населенія этой Руси, которое за то благодарило Москву. Въ эти спокойные годы успѣли народиться и вырости цѣлыхъ два поколѣнія, къ нервамъ которыхъ впечатлѣнія дѣтства не привили безотчетнаго ужаса отцовъ и дѣдовъ передъ татариномъ: они и вышли на Куликово поле. Политическое слѣдствіе пріобрѣтенія московскимъ княземъ великаго княженія состояло въ томъ, что московскій князь, ставъ великимъ, первый началъ выводить сѣверную Русь изъ состоянія политическаго раздробленія, въ какое привелъ ее удѣльный порядокъ. До тѣхъ поръ удѣльные князья, несмотря на свое родство, оставались чуждыми другъ другу, обособленными владѣтелями. При старшихъ сыновьяхъ Александра Невскаго, великихъ князьяхъ Димитріи и Андреѣ, составлялись союзы удѣльныхъ князей противъ того и другого брата, собирались княжескіе съѣзды для рѣшенія спорныхъ дѣлъ. Но это были случайныя и минутныя попытки возстановить родственное и владѣльческое единеніе. Направленные противъ старшаго князя, который по идеѣ, какъ названный отецъ, долженъ былъ объединять младшихъ, эти союзы не поддерживали, а скорѣе ослабляли родственную связь Всеволодовичей. Вокругъ Москвы со времени великокняженія Калиты образуется княжескій союзъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ, руководимый самимъ московскимъ княземъ. Сначала этотъ союзъ былъ финансовый и подневольный. Татары по завоеваніи Руси на первыхъ порахъ сами собирали наложенную ими на Русь дань, ордынскій *выходъ*, для чего въ первыя 35 лѣтъ ига три раза производили черезъ присылаемыхъ изъ Орды *численниковъ* поголовную, за исключеніемъ духовенства,

Московскій союзъ князей.

перепись народа, *число*; но потомъ ханы стали поручать сборъ выхода великому князю владимірскому. Такое порученіе собирать ордынскую дань со многихъ, если только не со всѣхъ князей, и доставлять ее въ Орду получилъ и Иванъ Даниловичъ, когда сталъ великимъ княземъ владимірскимъ. Это полномочіе послужило въ рукахъ великаго князя могучимъ орудіемъ политическаго объединенія удѣльной Руси. Не охотникъ и не мастеръ бить свою братію мечомъ, московскій князь получилъ возможность бить ее рублемъ. Этотъ союзъ, сначала только финансовый, потомъ сталъ на болѣе широкое основаніе, получивъ еще политическое значеніе. Простой отвѣтственный прикащикъ хана по сбору и доставкѣ дани московскій князь сдѣланъ былъ потомъ полномочнымъ руководителемъ и судьею русскихъ князей. Лѣтописецъ разсказываетъ, что когда дѣти Калиты по смерти отца въ 1341 г. явились къ хану Узбеку, тотъ встрѣтилъ ихъ съ честью и любовью, потому что очень любилъ и чтилъ ихъ отца, и обѣщалъ никому мимо нихъ не отдавать великаго княженія. Старшему сыну Семену, назначенному великимъ княземъ, даны были „подъ руки" всѣ князья русскіе. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Семенъ былъ у хана въ великомъ почетѣ, и всѣ князья русскіе, и рязанскіе, и ростовскіе, и даже тверскіе, столь подручны ему были, что все по его слову творили. Семенъ умѣлъ пользоваться выгодами своего положенія и давалъ чувствовать ихъ другимъ князьямъ, какъ показываетъ усвоенное ему прозваніе *Гордаго*. По смерти Семена въ 1353 г. его братъ и преемникъ Иванъ получилъ отъ хана вмѣстѣ съ великокняжескимъ званіемъ и судебную власть надъ всѣми князьями сѣверной Руси: ханъ велѣлъ имъ во всемъ слушаться великаго князя Ивана и у него судиться, а въ

обидахъ жаловаться на него хану. Въ княженіе Иванова сына Димитрія этотъ княжескій союзъ съ Москвою во главѣ, готовый превратиться въ гегемонію Москвы надъ русскими князьями, еще болѣе расширился и укрѣпился, получивъ національное значеніе. Когда при Димитріи возобновилась борьба Москвы съ Тверью, тверской князь Михаилъ Александровичъ искалъ себѣ опоры въ Литвѣ и даже въ Ордѣ, чѣмъ погубилъ популярность, какой дотолѣ пользовались тверскіе князья въ населеніи сѣверной Руси. Когда въ 1375 г. московскій князь шелъ на Тверь, къ его полкамъ присоединилось 19 князей. Многіе изъ нихъ, напримѣръ, князья ростовскіе, бѣлозерскій, стародубскій, все потомки Всеволода III, были давнишними или недавними подручниками московскаго князя; но нѣкоторые изъ нихъ добровольно примкнули къ нему изъ патріотическаго побужденія. Таковы были князья черниговской линіи Святославичей брянскій, новосильскій, оболенскій. Они сердились на тверского князя за то, что онъ неоднократно наводилъ на Русь Литву, столько зла надѣлавшую православнымъ христіанамъ, и соединился даже съ поганымъ Мамаемъ. Наконецъ почти вся сѣверная Русь подъ руководствомъ Москвы стала противъ Орды на Куликовомъ полѣ и подъ московскими знаменами одержала первую народную побѣду надъ агарянствомъ. Это сообщило московскому князю значеніе *національнаго вождя* сѣверной Руси въ борьбѣ съ внѣшними врагами. Такъ Орда стала слѣпымъ орудіемъ, помощью котораго создавалась политическая и народная сила, направившаяся противъ нея же.

Перенесеніе митрополичьей каѳедры въ Москву.

IV. Самымъ важнымъ успѣхомъ московскаго князя было то, что онъ пріобрѣлъ своему стольному городу значеніе церковной столицы Руси. И въ этомъ пріобрѣтеніи ему помогло географическое положеніе города Мо-

сквы. Татарскимъ разгромомъ окончательно опустошена была старинная Кіевская Русь, пустовавшая съ половины XII в. Вслѣдъ за населеніемъ на сѣверъ ушелъ и высшій іерархъ русской Церкви, кіевскій митрополитъ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что въ 1299 г. митрополитъ Максимъ, не стерпѣвъ насилія татарскаго, собрался со всѣмъ своимъ клиросомъ и уѣхалъ изъ Кіева во Владиміръ на Клязьму; тогда же и весь Кіевъ городъ разбѣжался, добавляетъ лѣтопись. Но остатки южно-русской паствы въ то тяжелое время не менѣе, даже болѣе прежняго нуждались въ заботахъ высшаго пастыря русской Церкви. Митрополитъ изъ Владиміра долженъ былъ время отъ времени посѣщать южнорусскія епархіи. Въ эти поѣздки онъ останавливался на перепутьи въ городѣ Москвѣ. Такъ, странствуя по Руси, проходя мѣста и города, по выраженію житія, часто бывалъ и подолгу живалъ въ Москвѣ преемникъ Максима митрополитъ Петръ. Благодаря тому у него завязалась тѣсная дружба съ княземъ Иваномъ Калитой, который правилъ Москвой еще при жизни старшаго брата Юрія во время его частыхъ отлучекъ. Оба они вмѣстѣ заложили каменный соборный храмъ Успенія въ Москвѣ. Можетъ быть, святитель и не думалъ о перенесеніи митрополичьей каѳедры съ Клязьмы на берега Москвы. Городъ Москва принадлежалъ ко Владимірской епархіи, архіереемъ которой былъ тотъ же митрополитъ со времени переселенія на Клязьму. Бывая въ Москвѣ, митрополитъ Петръ гостилъ у мѣстнаго князя, жилъ въ своемъ епархіальномъ городѣ, на старинномъ дворѣ кн. Юрія Долгорукаго, откуда потомъ перешелъ на то мѣсто, гдѣ вскорѣ былъ заложенъ Успенскій соборъ. Случилось такъ, что въ этомъ городѣ владыку и застигла смерть (въ 1326 г.). Но эта случайность стала завѣтомъ для даль-

нѣйшихъ митрополитовъ. Преемникъ Петра Ѳеогностъ уже не хотѣлъ жить во Владимірѣ, поселился на новомъ митрополичьемъ подворьѣ въ Москвѣ, у чудотворцева гроба въ новопостроенномъ Успенскомъ соборѣ. Такъ Москва стала церковной столицей Руси задолго прежде, чѣмъ сдѣлалась столицей политической. Нити церковной жизни, далеко расходившіяся отъ митрополичьей каѳедры по Русской землѣ, притягивали теперь ея части къ Москвѣ, а богатыя матеріальныя средства, которыми располагала тогда русская Церковь, стали стекаться въ Москву, содѣйствуя ея обогащенію. Еще важнѣе было нравственное впечатлѣніе, произведенное этимъ перемѣщеніемъ митрополичьей каѳедры на населеніе сѣверной Руси. Здѣсь съ большимъ довѣріемъ стали относиться къ московскому князю, полагая, что всѣ его дѣйствія совершаются съ благословенія верховнаго святителя русской Церкви. Слѣдъ этого впечатлѣнія замѣтенъ въ разсказѣ лѣтописца. Повѣствуя о перенесеніи каѳедры изъ Владиміра въ Москву, этотъ лѣтописецъ замѣчаетъ: „инымъ же княземъ многимъ немного сладостно бѣ, еже градъ Москва митрополита имяше въ себѣ живуща“. Еще ярче выступаетъ это нравственно- церковное впечатлѣніе въпамятникахъ позднѣйшаго времени. Митрополитъ Петръ умеръ страдальцемъ за Русскую землю, путешествовалъ въ Орду ходатайствовать за свою паству, много труда понесъ въ своихъ заботахъ о пасомыхъ. Церковь русская причислила его къ сонму святыхъ предстателей Русской земли, и русскіе люди клялись его именемъ уже въ XIV в. Жизнь этого святителя описана его другомъ и современникомъ, ростовскимъ епископомъ Прохоромъ. Этотъ біографъ кратко и просто разсказываетъ о томъ, какъ скончался въ Москвѣ св. Петръ въ отсутствіе кн. Ивана Калиты. Въ концѣ

Значеніе этой перемѣны.

XIV или въ началѣ XV в. одинъ изъ преемниковъ св. Петра сербъ Кипріанъ написалъ болѣе витіеватое жизнеописаніе святителя. Здѣсь встрѣчаемъ уже другое описаніе его кончины: св. Петръ умираетъ въ присутствіи Ивана Калиты, увѣщеваетъ князя достроить основанный ими обоими соборный храмъ Успенія Божіей Матери и при этомъ святитель изрекаетъ князю такое пророчество: „если, сынъ, меня послушаешь и храмъ Богородицы воздвигнешь и меня упокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься болѣе другихъ князей, и прославятся сыны и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ среди всѣхъ городовъ русскихъ, и святители станутъ жить въ немъ, и взойдутъ руки его на плеча враговъ его, да и кости мои въ немъ положены будутъ“. Очевидно, Кипріанъ заимствовалъ эту подробность, неизвѣстную Прохору, изъ народнаго сказанія, успѣвшаго сложиться подъ вліяніемъ событій XIV в. Русское церковное общество стало сочувственно относиться къ князю, дѣйствовавшему объ руку съ высшимъ пастыремъ русской Церкви. Это сочувствіе церковнаго общества, можетъ быть, всего болѣе помогло московскому князю укрѣпить за собою національное и нравственное значеніе въ сѣверной Руси.

Разсказы о. Пафнутія.

Слѣды этого сочувствія находимъ и въ другомъ нѣсколько позднѣйшемъ памятникѣ. Около половины XV в. началъ подвизаться въ основанномъ имъ монастырѣ инокъ Пафнутій Боровскій, одинъ изъ самыхъ своеобразныхъ и крѣпкихъ характеровъ, какіе извѣстны въ древней Руси. Онъ любилъ разсказывать ученикамъ, что видѣлъ и слышалъ на своемъ вѣку. Эти разсказы, записанные слушателями, дошли до насъ. Между прочимъ преп. Пафнутій разсказывалъ, какъ въ 1427 г. былъ моръ великій на Руси, мерли „болячкой-прыщемъ“; можетъ быть, это

была чума. Обмирала тогда одна инокиня и очнувшись разсказывала, кого видѣла въ раю и кого въ аду, и о комъ что разсказывала, разсудивъ по ихъ жизни, находили, что это правда. Видѣла она въ раю вел. князя Ивана Даниловича Калиту: такъ онъ прозванъ былъ, добавлялъ повѣствователь, за свое нищелюбіе, потому что всегда носилъ за поясомъ мѣшокъ съ деньгами (калиту), изъ котораго подавалъ нищимъ, сколько рука захватитъ. Можетъ быть, ироническому прозвищу, какое современники дали князю-скопидому, позднѣйшія поколѣнія стали усвоять уже нравственное толкованіе. Подходитъ разъ ко князю нищій и получаетъ отъ него милостыню; подходитъ въ другой разъ, князь даетъ ему другую милостыню: нищій не унялся и подошелъ въ третій разъ; тогда и князь не стерпѣлъ и, подавая ему третью милостыню, съ сердцемъ сказалъ: „на, возьми, несытыя зѣнки!—„Самъ ты несытыя зѣнки, возразилъ нищій: и здѣсь царствуешь, и на томъ свѣтѣ царствовать хочешь". Это—тонкая хвала въ грубой формѣ: нищій хотѣлъ сказать, что князь милостыней, нищелюбіемъ старается заработать себѣ царство небесное. Изъ этого ясно стало, продолжалъ разсказчикъ, что нищій посланъ былъ отъ Бога искусить князя и возвѣстить ему, что „по Бозѣ бяше дѣло его, еже творитъ". Видѣла еще инокиня въ аду литовскаго короля Витовта въ образѣ большого человѣка, которому страшный черный муринъ (бѣсъ) клалъ въ ротъ клещами раскаленные червонцы, приговаривая: „наѣдайся же, окаянный!" Добродушный юморъ, которымъ проникнуты эти разсказы, не позволяетъ сомнѣваться въ ихъ народномъ происхожденіи. Не смущайтесь хронологіей разсказа, не останавливайтесь на томъ, что въ 1427 г. инокиня даже въ аду не могла повстрѣчать Витовта, который умеръ въ 1430 г.

У народной памяти своя хронологія и прагматика, своя концепція историческихъ явленій. Народное сказаніе, забывая хронологію, противопоставляло литовскаго короля, врага Руси и православія, Ивану Даниловичу Калитѣ, другу меньшой, нищей братіи, правнукъ котораго Василій Димитріевичъ сдержалъ напоръ этого грознаго короля на православную Русь. Народная мысль живо восприняла эту близость обѣихъ властей, княжеской и церковной, и внесла участіе чувства въ легендарную разработку образовъ ихъ носителей, Калиты и московскаго первосвятителя. Въ тѣхъ же повѣстяхъ о. Пафнутія есть коротенькій, но выразительный разсказецъ. Разъ Калита видѣлъ во снѣ гору высокую, покрытую снѣгомъ; снѣгъ растаялъ, а потомъ и гора скрылась. Калита спросилъ св. Петра о значеніи сна.—„Гора, отвѣчалъ святитель, это—ты, князь, а снѣгъ на горѣ—я старикъ: я умру раньше твоего". Церковный колоритъ, которымъ окрашены приведенные разсказы, указываетъ на участіе духовенства въ ихъ созданіи. Очевидно, политическіе успѣхи московскаго князя освящались въ народномъ представленіи содѣйствіемъ и благословеніемъ высшей церковной власти на Руси. Благодаря тому эти успѣхи, достигнутые не всегда чистыми средствами, стали прочнымъ достояніемъ московскаго князя.

Выводы. Соединяя всѣ изложенные факты, мы можемъ представить себѣ отношеніе, какое въ продолженіе XVI в. установилось среди сѣвернаго русскаго населенія къ московскому княжеству и его князю: подъ вліяніемъ событій XIV в. въ этомъ населеніи на нихъ установился троякій взглядъ. 1) На старшаго великаго князя московскаго привыкли смотрѣть, какъ на образцоваго правителя-хозяина, установителя земской тишины и гражданскаго порядка, а на Московское княжество, какъ на исходный

пунктъ новаго строя земскихъ отношеній, первымъ плодомъ котораго и было установленіе большей внутренней тишины и внѣшней безопасности. 2) На старшаго московскаго князя привыкли смотрѣть, какъ на народнаго вождя Руси въ борьбѣ съ внѣшними врагами, а на Москву, какъ на виновницу первыхъ народныхъ успѣховъ надъ невѣрной Литвой и погаными „сыроядцами“ агарянами. 3) Наконецъ, въ московскомъ князѣ сѣверная Русь привыкла видѣть старшаго сына русской Церкви, ближайшаго друга и сотрудника главнаго русскаго іерарха, а Москву считать городомъ, на которомъ покоится особенное благословеніе величайшаго святителя Русской земли и съ которымъ связаны религіозно-нравственные интересы всего православнаго русскаго народа. Такое значеніе пріобрѣлъ къ половинѣ XV в. удѣльный москворѣцкій князекъ, который полтораста лѣтъ назадъ выступалъ мелкимъ хищникомъ, изъ-за угла подстерегавшимъ своихъ сосѣдей.

Лекція XXII.

Взаимныя отношенія московскихъ князей. — Порядокъ наслѣдованія. — Видимое юридическое безразличіе движимаго имущества и удѣльныхъ владѣній. — Отношеніе московскаго княжескаго порядка наслѣдованія къ юридическому обычаю древней Руси.—Отношенія московскихъ князей по родству и владѣнію. — Усиленіе старшаго наслѣдника. — Формы подчиненія ему младшихъ удѣльныхъ князей. — Вліяніе татарскаго ига на княжескія отношенія. — Установленіе преемства московской великокняжеской власти въ прямой нисходящей линіи. — Встрѣча фамильныхъ стремленій московскихъ князей съ народными нуждами Великороссіи. — Значеніе московской усобицы при Василіи Темномъ. — Характеръ московскихъ князей.

Взаимныя отношенія Московскихъ князей.

Начавъ изучать исторію Московскаго княжества въ XIV и въ первой половинѣ XV в., мы прослѣдили территоріальныя пріобрѣтенія и ростъ политическаго и національнаго значенія его князей. Но это былъ лишь одинъ изъ процессовъ, создавшихъ силу Москвы,—процессъ, которымъ обозначились *внѣшніе* успѣхи московскихъ князей, распространеніе ихъ владѣній и ихъ вліянія за первоначальные предѣлы ихъ вотчины. Но территоріальный и національный ростъ Московскаго княжества сопровождался еще политическимъ подъемомъ одного изъ его князей,—того, который носилъ званіе великаго и былъ признаваемъ старшимъ въ московской княжеской семьѣ. Въ то время, когда Московское княжество вбирало въ себя разъединенныя части Русской земли, этотъ фактически или фиктивно старшій князь собиралъ въ своихъ рукахъ раздробленные элементы верховной власти, и какъ пер-

вый процессъ превратилъ Московское княжество въ національное Русское государство, такъ результатомъ второго было превращеніе московскаго великаго князя, только старшаго по званію изъ удѣльныхъ, въ единственнаго, т.-е. единодержавнаго русскаго государя. Въ то время, когда Москва поднималась, поглощая другія русскія княжества, ея великій князь возвышался, подчиняя себѣ свою ближайшую братію—удѣльныхъ московскихъ князей. Это подчиненіе становилось возможно потому, что внѣшніе успѣхи, достигнутые Московскимъ княжествомъ, наибольшей долей своей доставались великому князю, который со своимъ московскимъ удѣломъ соединялъ обладаніе и Владимірской великокняжескою областью. Этотъ второй процессъ, которымъ обозначились *внутренніе* политическіе успѣхи Московскаго княжества, намъ и предстоитъ изучить. Чтобы лучше понять его, надо еще разъ представить себѣ порядокъ княжескаго владѣнія, дѣйствовавшій въ Московскомъ, какъ и въ другихъ княжествахъ.

Слѣдя за возвышеніемъ Москвы, мы видимъ на первомъ планѣ дѣятельность московскаго великаго князя; но московскій великій князь былъ не единственнымъ, а только старшимъ изъ московскихъ князей. Вотчина московскихъ Даниловичей не была цѣльной владѣльческой единицей: подобно вотчинамъ другихъ княжескихъ линій она представляла группу независимыхъ удѣльныхъ княжествъ. Въ то время, когда начиналась объединительная роль Москвы, въ семьѣ ея князей еще вполнѣ дѣйствовали старыя удѣльныя отношенія. Но по мѣрѣ того, какъ расширялись владѣнія и внѣшнее значеніе Москвы, измѣнялись и внутреннія отношенія между московскимъ великимъ княземъ и его младшими удѣльными родичами и измѣнялись въ пользу перваго. Чтобы изучить ходъ этого

измѣненія, мы разсмотримъ сначала порядокъ наслѣдованія, дѣйствовавшій въ семьѣ московскихъ князей до половины XV в., и потомъ взаимныя отношенія князей-сонаслѣдниковъ по владѣнію.

Порядокъ наслѣдованія.

Порядокъ наслѣдованія, дѣйствовавшій въ линіи московскихъ князей XIV и XV вв., открывается изъ длиннаго ряда дошедшихъ до насъ ихъ духовныхъ грамотъ. Начиная съ Калиты и кончая Иваномъ III, почти каждый московскій князь оставлялъ послѣ себя духовную; отъ нѣкоторыхъ осталось даже по двѣ и по три духовныхъ, такъ что за изучаемое время ихъ сохранилось всего до 16. Это довольно обильный матеріалъ для изученія московскаго порядка наслѣдованія. Самое появленіе этихъ грамотъ уже достаточно его характеризуетъ. Какъ вамъ извѣстно, есть два порядка наслѣдованія, по закону или обычаю и по завѣщанію. Первый состоитъ изъ правилъ, устанавливающихъ однообразный и обязательный переходъ имуществъ независимо отъ усмотрѣнія наслѣдодателя, хотя бы и не вопреки его волѣ. Если у московскихъ князей наслѣдованіе всякій разъ опредѣлялось завѣщаніемъ, значитъ, не существовало такихъ обязательныхъ обычныхъ правилъ или устанавливались новыя правила, несогласныя съ обычаемъ. Итакъ воля завѣщателя—вотъ юридическое основаніе порядка наслѣдованія, дѣйствовавшаго въ московскомъ княжескомъ домѣ, какъ и въ другихъ линіяхъ Всеволодова племени. Это основаніе вполнѣ отвѣчало юридической сущности удѣльнаго владѣнія, которая заключалась въ понятіи о княжествѣ, какъ личной собственности князя-владѣльца. Если князь—личный собственникъ владѣемаго имъ удѣла, то и преемство владѣнія могло опредѣляться только личной волей владѣльца. Такой порядокъ простирался лишь на вотчину и примыслы

московскихъ князей, дѣлившіеся на удѣлы, но не на Владимірскую великокняжескую волость, которая по старому обычаю доставалась старшему князю, а старшимъ теперь былъ тотъ, кого признавалъ такимъ ханъ. Наслѣдниками по московскимъ духовнымъ грамотамъ являются прежде всего сыновья завѣщателя, за отсутствіемъ сыновей его братья, наконецъ жена, одна или съ дочерьми, даже при сыновьяхъ и братьяхъ. Вел. князь Иванъ Калита раздѣлилъ свою вотчину на четыре части, изъ которыхъ три отдалъ тремъ своимъ сыновьямъ, а четвертую второй своей женѣ съ дочерьми; изъ нихъ одна и по смерти матери продолжала владѣть долей завѣщаннаго имъ совмѣстнаго удѣла. Сынъ Калиты великій князь Семенъ, умирая бездѣтнымъ, завѣщалъ весь свой удѣлъ женѣ помимо братьевъ. Княгини вдовы постоянно по завѣщанію участвуютъ въ наслѣдствѣ, хотя неодинаково съ прямыми наслѣдниками. Онѣ получаютъ отъ князей-завѣщателей, мужей своихъ, владѣнія двоякаго рода: 1) *опричнины*, т.-е. владѣнія, принадлежавшія имъ вполнѣ, и 2) *прожитки*, которыми онѣ пользовались лишь „до своего живота“, пожизненно. Это постоянное участіе княгинь вдовъ въ наслѣдствѣ въ силу завѣщанія составляло вторую черту юридическаго характера удѣльнаго княжескаго владѣнія, какъ частной собственности владѣльца. Еще яснѣе вскрывается этотъ частно-правовой характеръ удѣльнаго княжества въ завѣщательномъ распорядкѣ его частей между наслѣдниками. Вотчина завѣщателя не дѣлилась по завѣщанію на сплошныя пространства; въ раздѣлѣ господствовала чрезвычайная черезполосность. Причиною этого былъ самый способъ раздѣла. Московское княжество состояло изъ нѣсколькихъ пластовъ или разрядовъ владѣній, различавшихся между собою по своему

хозяйственному значенію или историческому происхожденію. Эти разряды великій князь Димитрій Донской въ своей духовной перечисляетъ въ такомъ порядкѣ: городъ Москва, дворцовыя села подмосковныя, дворцовыя села въ чужихъ немосковскихъ удѣлахъ и въ великокняжеской области Владимірской, затѣмъ остальныя владѣнія, города и сельскія волости, притомъ сначала владѣнія московскія старинныя и, наконецъ, позднѣйшія внѣмосковскія пріобрѣтенія. Каждый наслѣдникъ получалъ особую долю въ каждомъ изъ этихъ разрядовъ московскихъ владѣній, точно такъ же какъ онъ получалъ особую долю въ каждомъ разрядѣ движимаго имущества завѣщателя. Какъ всякому сыну отецъ завѣщатель назначалъ изъ своей домашней рухляди особую шапку, шубу и кафтанъ съ кушакомъ, такъ каждый наслѣдникъ получалъ особый жеребій въ городѣ Москвѣ и въ подмосковныхъ дворцовыхъ селахъ, особую долю въ старинныхъ московскихъ владѣніяхъ и въ новыхъ примыслахъ. Отсюда и происходила черезполосица княжескаго владѣнія. Безразличіе въ раздѣлѣ движимаго имущества, домашней рухляди, и вотчинныхъ владѣній составляетъ третью черту въ юридическомъ характерѣ, съ какимъ является удѣльное владѣніе въ московскихъ духовныхъ. Князь-завѣщатель дѣлилъ такъ черезполосно свою вотчину, очевидно по хозяйственнымъ, а не по государственнымъ соображеніямъ, по разсчету своихъ семейныхъ, а не общественныхъ интересовъ. Онъ смотрѣлъ на свои владѣнія, только какъ на различныя статьи своего хозяйства, а не какъ на цѣлое общество, управляемое имъ во имя общаго блага. Даже по своей формѣ духовныя грамоты московскихъ князей совершенно походили на завѣщанія частныхъ лицъ того времени. Раскроемъ, напримѣръ, первую духовную гра-

мoту второго московскаго великаго князя Ивана Калиты, составленную около 1327 г., когда онъ собирался ѣхать въ Орду. Грамота эта начинается такими словами:

„Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, се азъ грѣшный, худый рабъ Божій Иванъ пишу душевную грамоту, идя въ Орду, никимъ не нуженъ (никѣмъ не принуждаемый), цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи. Аже Богъ что розгадаетъ о моемъ животѣ, даю рядъ сыномъ своимъ и княгинѣ своей. Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву, я се есмь имъ роздѣлъ учинилъ (т. е. городъ Москву я отдаю всѣмъ сыновьямъ вмѣстѣ, а сверхъ того вотъ что даю имъ каждому въ отдѣльности)". Затѣмъ перечисляются города, села и волости, составлявшіе удѣлъ каждаго сына. Какъ завѣщанія частныхъ лицъ совершались при свидѣтеляхъ и скрѣплялись церковной властью, такъ и духовныя грамоты московскихъ великихъ князей писались при „послухахъ", которыми обыкновенно были ихъ бояре, и подписывались московскимъ митрополитомъ. Итакъ основными чертами господствовавшаго среди московскихъ князей порядка наслѣдованія были: личная воля завѣщателя, какъ единственное основаніе этого порядка, участіе въ раздѣлѣ наслѣдства всѣхъ членовъ семьи князя-завѣщателя, не исключая жены и дочерей, и видимое юридическое безразличіе движимаго и недвижимаго имущества, домашней рухляди и территоріальныхъ владѣній.

Изъ всѣхъ этихъ чертъ васъ можетъ смутить преимущественно это безразличіе, какъ признакъ грубости общественнаго сознанія. Но необходимо осторожно всматриваться въ изучаемые старинные документы, чтобы не ошибиться въ пониманіи людей, ихъ составлявшихъ. И Калита, конечно, понималъ, что владѣть Москвой съ ея

Движимое и вотчина въ завѣщаніяхъ.

населеніемъ далеко не то же, что владѣть своимъ сундукомъ съ его содержимымъ. Пониманіе этого такъ просто само по себѣ, что трудно отказать въ немъ кому-либо, даже людямъ XIV в. Калита различалъ въ своемъ лицѣ владѣльца и властелина, собственника и правителя. Онъ считалъ своей личной собственностью землю подъ городомъ Москвой съ ея угодьями, право возводить на этой землѣ постройки, промышлять и торговать или за все это брать пошлины. Всѣмъ этимъ онъ и распоряжается въ своихъ духовныхъ наравнѣ съ платьемъ и посудой. Но онъ еще судилъ и наказывалъ обывателей Москвы за преступленія и проступки, разбиралъ ихъ иски, издавалъ обязательныя для нихъ распоряженія съ цѣлью поддержанія общественнаго порядка, облагалъ ихъ сборами на общественныя нужды, напримѣръ, данью для уплаты ордынскаго выхода. Все онъ считалъ не своей собственностью, а дѣломъ властелина, отъ Бога поставленнаго „люди своя уймати отъ лихаго обычая", какъ писалъ потомъ преп. Кириллъ Бѣлозерскій одному изъ удѣльныхъ московскихъ князей. Потому Калита ничего и не говоритъ объ этихъ державныхъ правахъ въ своихъ духовныхъ: эти грамоты— частныя завѣщательныя распоряженія, а не земскіе уставы. И великаго княженія Владимірскаго, гдѣ московскіе князья были только правителями, они не вносили въ свои духовныя, пока съ Димитрія Донского не стали присвоять его себѣ на вотчинномъ правѣ. Наслѣдовались по завѣщанію вещи, хозяйства, а не лица и не общества, какъ политическіе союзы, которые и тогда отличались отъ хозяйственныхъ статей. И все-таки московскаго князя по разсматриваемымъ духовнымъ грамотамъ нельзя признать государемъ въ настоящемъ политическомъ смыслѣ слова по двумъ причинамъ: пространство Московскаго княжества

считалось вотчиной его князей, а не государственной территоріей; державныя права ихъ, составляющія содержаніе верховной власти, дробились и отчуждались вмѣстѣ съ вотчиной, наравнѣ съ хозяйственными статьями. У этихъ князей нельзя отвергать присутствія государственныхъ понятій, но понятій, еще не успѣвшихъ получить формъ и средствъ дѣйствія, которыя соотвѣтствовали бы ихъ природѣ. Итакъ указанное безразличіе движимаго и недвижимаго имущества въ завѣщаніяхъ московских князей характеризуетъ не столько ихъ общественное сознаніе, сколько ихъ владѣльческія привычки, еще не освободившіяся отъ удѣльнаго смѣшенія владѣнія съ управленіемъ.

Княжеское наслѣдованіе и обычай.

Если въ московскомъ князѣ XIV—XV в., даже великомъ князѣ, было такъ много частнаго владѣльца, закрывавшаго въ немъ собою государя, то можно спросить: какъ относился устанавливаемый въ московскихъ княжескихъ завѣщаніяхъ порядокъ наслѣдованія къ юридическому обычаю, дѣйствовавшему въ частномъ общежитіи древней Руси, въ ея гражданскомъ оборотѣ? Объ этомъ всего удобнѣе было бы судить по случаямъ законнаго наслѣдованія; но такого случая съ достаточно выясненными обстоятельствами не встрѣчаемъ въ московскомъ княжескомъ домѣ изучаемаго времени. Въ духовныхъ грамотахъ видимъ и сходства, и отступленія отъ этого обычая. Княгини сверхъ назначаемой имъ мужьями-завѣщателями опричнины получаютъ еще въ пожизненное владѣніе доли изъ удѣловъ своихъ сыновей вполнѣ согласно съ Русской Правдой, по которой вдовѣ „у своихъ дѣтей взяти часть“, подразумѣвается, „до живота“, а что ей далъ мужъ, тому она „госпожа“, т. е. полная собственница. Точно такъ же не встрѣчаемъ въ московскихъ духовныхъ случая участія въ наслѣдствѣ братьевъ при дѣтяхъ, какъ вообще не было

обычно въ древней Руси призывать боковыхъ наслѣдниковъ, когда есть прямые. Но въ тѣхъ же духовныхъ жены и дочери являются наслѣдницами, притомъ иногда на правѣ полной собственности, при сыновьяхъ и братьяхъ вопреки древнерусскому обычаю. Значитъ, наслѣдованіе по завѣщанію у московскихъ князей не вполнѣ совпадало съ наслѣдованіемъ по закону. Это разногласіе можно объяснить семейными соображеніями, подобными тѣмъ, какія побуждали московскихъ князей вопреки удѣльному началу строгой раздѣльности владѣнія завѣщать городъ Москву не одному, именно старшему, а всѣмъ сыновьямъ, однако съ раздѣленіемъ на отдѣльные участки. При общемъ стремленіи удѣльныхъ князей къ обособленію и взаимному отчужденію отцы хотѣли, чтобы сыновья чаще встрѣчались въ общемъ фамильномъ гнѣздѣ, у могилъ родителей, и не забывали, что они дѣти одного отца и одной матери.

Отношеніе князей по родству и владѣнію.

Теперь посмотримъ, какія *отношенія* устанавливались между князьями-сонаслѣдниками, когда закрывалъ глаза ихъ отецъ-завѣщатель, и они вступали во владѣніе доставшимися имъ участками отцовой вотчины. Эти отношенія можно изучить по договорнымъ грамотамъ московскихъ князей, которыхъ также дошло до насъ нѣсколько десятковъ отъ XIV и XV вв. По этимъ грамотамъ каждый князь-сонаслѣдникъ является полнымъ хозяиномъ доставшагося ему удѣла; онъ владѣетъ имъ вполнѣ независимо, какъ владѣлъ своей отчиной его отецъ. Формулой этой независимости можно признать слова великаго князя Димитрія Донского въ договорной его грамотѣ 1388 г. съ двоюроднымъ братомъ, удѣльнымъ княземъ серпуховскимъ Владиміромъ Андреевичемъ: „тобѣ знати своя отчина, а мнѣ знати своя отчина". На основаніи этой формулы и опредѣляются взаимныя отношенія князей сонаслѣдниковъ

по владѣнію. Каждый князь обязывался не вмѣшиваться въ удѣльныя дѣла другого, не могъ безъ разрѣшенія владѣльца пріобрѣтать земли въ чужомъ удѣлѣ, не могъ даже безъ позволенія мѣстнаго владѣльца проѣхать черезъ его владѣнія „на свою утѣху“, т.-е. на охоту. Но при изложенномъ порядкѣ раздѣла княжескихъ вотчинъ между наслѣдниками и при частныхъ способахъ пріобрѣтенія земель князьями обыкновенно бывало такъ, что одинъ князь владѣлъ селами и деревнями въ удѣлѣ другого. У такихъ владѣній являлось два владѣльца, какъ бы сказать, территоріальный и личный. Положеніе такихъ селъ опредѣлялось условіемъ договорныхъ грамотъ, которое имѣло характеръ обычнаго правила: „судомъ иданью тянуть по землѣ и по водѣ“, т.-е. такія села были подсудны и платили дань, прямой поземельный налогъ, мѣстному территоріальному владѣльцу, въ удѣлѣ котораго они находились, а не своему князю-собственнику, который довольствовался полученіемъ съ нихъ частнаго владѣльческаго оброка. Впрочемъ и это правило допускало исключеніе: иногда села князя, находившіяся въ чужомъ удѣлѣ, только данью тянули къ мѣстному территоріальному владѣльцу, а по суду зависѣли отъ своего князя-собственника. Итакъ каждый удѣльный князь былъ независимымъ владѣльцемъ своего удѣла.

Но легко понять, что удѣльные князья извѣстной княжеской линіи не могли стать вполнѣ чуждыми другъ другу владѣльцами потому уже, что были близкіе родственники другъ другу. Обыкновенно это были родные или двоюродные братья либо дядя съ племянниками. Родственная близость устанавливала между князьями извѣстныя невольныя связи. Подчиняясь этой близости, они въ договорныхъ грамотахъ обыкновенно обязывались „быть всѣмъ за одинъ

до живота". Согласно съ завѣтомъ отца, приказывавшаго старшему сыну молодшую его братію, чтобы онъ по Бозѣ былъ ей „печальникъ", попечитель, младшіе удѣльные князья обязывались чтить старшаго вмѣсто отца, старшій обязывался держать младшихъ братьевъ въ братствѣ безъ обиды и заботиться о дѣтяхъ ихъ, если они осиротѣютъ. При торжествѣ семейныхъ отношеній надъ родовыми между удѣльными князьями особенно важное значеніе въ княжеской семьѣ получала вдова-мать. Завѣщатели приказывали дѣтямъ слушаться во всемъ своей матери, ни въ чемъ не выступать изъ ея воли, чтить ее вмѣсто отца. Но легко видѣть, что все это родственныя, а не владѣльческія отношенія, скорѣе нравственные завѣты или благодушныя обѣщанія, чѣмъ дѣйствительныя политическія обязательства. Родство завязывало и владѣльческія отношенія: пожизненныя владѣнія вдовы по смерти ея дѣлились между ея сыновьями или внуками, свекрови обыкновенно завѣщали свои опричнины снохамъ, матери сыновьямъ и т. п. Но это были частныя гражданскія и не всегда обязательныя отношенія. Существовали ли какія-либо обязательныя отношенія по владѣнію съ характеромъ политическихъ связей? По договорнымъ грамотамъ московскихъ князей XIV и первой половины XV в. старшій великій князь въ силу только своего старшинства не имѣлъ постояннаго обязательнаго, т.-е. политическаго авторитета для младшихъ своихъ родичей, ни надѣлялъ, ни судилъ ихъ, какъ прежде, если это не были его дѣти. Притомъ тогда не существовало уже на Руси и единаго великаго князя. Съ развитіемъ удѣльнаго порядка владѣнія раздѣлилось и великокняжеское достоинство. Князья, владѣтели тогдашней сѣверной Руси, принадлежали къ различнымъ княжескимъ линіямъ, большая часть которыхъ шла отъ Всеволода III

суздальскаго. Каждая обособившаяся княжеская линія заводила своего великаго князя: у князей тверскихъ былъ свой великій князь, свой у ростовскихъ, ярославскихъ, рязанскихъ и въ другихъ линіяхъ. Правда, первымъ изъ этихъ великихъ князей, старѣйшимъ изъ старшихъ, можно было считать великаго князя московскаго, потому что съ Ивана Калиты онъ владѣлъ непрерывно и великокняжеской Владимірской областью, которая въ XIII в. была общимъ достояніемъ Всеволодова племени и которою по очереди владѣли старшіе изъ Всеволодовичей. Но въ XIV в. подъ вліяніемъ началъ, на которыхъ былъ построенъ удѣльный порядокъ владѣнія, и Владимірское великое княжество утратило свой прежній родовой характеръ. Въ духовной своей 1389 г. великій князь Димитрій Донской благословилъ своего старшаго сына этимъ княженіемъ, какъ своею отчиной, а внукъ его Василій Темный включилъ Владимірскую область въ составъ своей наслѣдственной московской вотчины. Такъ исчезъ послѣдній остатокъ прежняго нераздѣльнаго княжескаго владѣнія. Постоянныхъ политическихъ связей по владѣнію между князьями старшимъ и младшими въ каждой линіи, какъ и между князьями разныхъ линій, не существовало, судя по договорнымъ московскимъ грамотамъ; завязывались лишь связи временныя, семейныя, какъ пожизненное обезпеченіе матери и т. п. Димитрій Донской въ своей духовной впервые установилъ нѣкоторую солидарность по владѣнію между своими сыновьями, но случайнаго характера, стѣснивъ право бездѣтнаго сына распоряжаться своимъ удѣломъ на случай смерти: выморочный удѣлъ дѣлится между остальными братьями умершаго по усмотрѣнію княгини-матери; только удѣлъ старшаго брата, великаго князя, въ такомъ случаѣ безраздѣльно переходитъ къ слѣдующему

брату, а удѣлъ послѣдняго мать дѣлитъ между наличными сыновьями. Такія же временныя и случайныя связи возникли изъ потребностей внѣшней обороны и изъ отношеній къ Ордѣ. Въ интересахъ внѣшней безопасности князья-родственники, обыкновенно ближайшіе, составляли наступательный и оборонительный союзъ другъ съ другомъ. Въ договорныхъ грамотахъ младшіе удѣльные князья говорили своему старшему „быти тобѣ съ нами, а намъ съ тобою". Великій князь обязывался не заключать договоровъ безъ вѣдома младшихъ и наоборотъ. Великій князь и младшіе его родичи обязывались имѣть общихъ друзей и общихъ враговъ. Старшій говорилъ въ грамотѣ младшимъ: „сяду я на коня (пойду въ походъ), и вамъ садиться на коней; когда я самъ не пойду, а васъ пошлю, вамъ идти безъ ослушанія". Но это были временныя соглашенія, какія заключаются между независимыми владѣльцами по международному праву. Потому условія эти измѣнялись съ каждымъ поколѣніемъ князей, даже съ каждой перемѣной въ наличномъ составѣ княжескаго союза или просто съ измѣненіемъ обстоятельствъ. Благодаря этой измѣнчивости княжескихъ отношеній до насъ и дошло такое множество договорныхъ грамотъ. Великій князь Василій Темный только съ двоюродными братьями своими, удѣльными князьями можайскими Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами, заключилъ въ продолженіе своего княженія 17 договоровъ; еще болѣе договоровъ пришлось заключить тому же великому князю со своимъ дядей Юріемъ галицкимъ и его сыновьями Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Краснымъ. Другой рядъ владѣльческихъ отношеній между князьями завязывался подъ вліяніемъ ихъ зависимости отъ Орды. Ордынскій ханъ, какъ я уже говорилъ, сначала собиралъ дань съ Русской земли посредствомъ своихъ агентовъ, потомъ на-

шелъ болѣе удобнымъ поручать сборъ этой дани великимъ князьямъ русскимъ. Каждый великій князь собиралъ татарскую контрибуцію, *выходъ*, съ удѣльныхъ князей своей линіи и доставлялъ ее въ Орду; Калитѣ поручено было собирать дань даже съ князей другихъ линій. Этимъ преимуществомъ, которое давало великимъ князьямъ возможность держать въ зависимости князей удѣльныхъ, первые очень дорожили и старались не допускать младшихъ родичей до непосредственныхъ сношеній съ Ордой. Это стремленіе выражалось въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ словами великаго князя, обращенныхъ къ удѣльнымъ: „мнѣ знать Орду, а тобѣ Орды не знать“. Финансовая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго современемъ могла превратиться въ зависимость политическую. Но князья очень хорошо помнили, что эта связь навязана имъ извнѣ, и твердо стояли на той мысли, что она должна исчезнуть съ исчезновеніемъ этой сторонней силы. Вотъ почему въ упомянутомъ договорѣ Димитрія Донского съ серпуховскимъ удѣльнымъ княземъ мы встрѣчаемъ условіе: „оже ны Богъ избавитъ, ослободитъ отъ Орды, ино мнѣ два жеребья дани, а тобѣ треть“, т.-е. великій князь будетъ удерживать свои двѣ трети ордынской дани въ своихъ рукахъ, а удѣльный свою треть въ своихъ. Значитъ московскіе князья предполагали, что какъ скоро спадетъ татарское иго, должна исчезнуть и финансовая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго. Такимъ образомъ, разсматривая договорныя грамоты XIV и XV вв., мы не находимъ никакой постоянной политической связи, которая подчиняла бы удѣльныхъ князей великому. При такихъ отношеніяхъ какимъ же способомъ могла завязаться политическая зависимость удѣльныхъ князей отъ великаго? Вотъ вопросъ, разрѣшеніемъ котораго вскрывается

процессъ образованія верховной государственной власти въ Московскомъ княжествѣ.

Договорныя грамоты не отвѣчаютъ дѣйствительности.

Для изучающаго взаимныя отношенія московскихъ князей XIV и XV вв. ихъ договорныя грамоты—довольно коварный источникъ. Изложенныя условія ихъ уже не соотвѣтствовали современной имъ дѣйствительности. Съ этой стороны московскія договорныя грамоты представляютъ въ нѣкоторомъ смыслѣ историческій анахронизмъ; онѣ воспроизводятъ княжескія отношенія, несомнѣнно дѣйствовавшія нѣкогда, именно въ первую пору удѣльнаго порядка, въ XIII и развѣ въ началѣ XIV в., не позднѣе. Съ тѣхъ поръ какъ Москва начала пріобрѣтать рѣшительный перевѣсъ надъ другими княжествами, эти условія скоро устарѣли и повторялись въ договорныхъ грамотахъ, какъ затверженныя формулы, по старой памяти, вслѣдствіе обычной неповоротливости мышленія канцелярій, ихъ неумѣнья поспѣвать за жизнью. Этотъ недостатокъ раздѣляли со своими дьяками и сами князья. Вотъ опасность, которая грозитъ изслѣдователю договорныхъ грамотъ. Эта отсталость понятій отъ дѣйствительности выступаетъ въ княжескихъ договорахъ особенно явственно. Здѣсь сѣверные князья XIV в. продолжаютъ говорить языкомъ родства, какимъ ихъ южные предки XI—XII в. опредѣляли свои взаимныя отношенія. Но родственныя выраженія имѣютъ чисто условный смыслъ. Удѣльный дядя, старшій, но слабѣйшій князь, обязуется считать младшаго родича, племянника, но великаго князя, своимъ старшимъ братомъ; степенями родства измѣряется неравенство силы и власти. Для новыхъ отношеній еще не были найдены подходящія слова и эти отношенія ушли отъ ходячихъ понятій, значитъ, были созданы условіями, дѣйствовавшими помимо сознанія людей, захваченныхъ ихъ дѣйствіемъ:

Дѣйствительныя отношенія московскихъ князей съ Димитрія Донского, или даже при ближайшихъ его предшественникахъ, становились уже на другія основанія. Подъ прикрытіемъ терминологіи условнаго родства и началось постепенное превращеніе удѣльныхъ князей изъ самостоятельныхъ владѣльцевъ въ слугъ своего условно или дѣйствительно старшаго родича, великаго князя. Великій князь московскій, какъ мы видѣли, пріобрѣталъ все большее преобладаніе надъ удѣльными младшими родичами. Любопытно что это преобладаніе старшаго великаго князя, разрушившее потомъ удѣльный порядокъ, создавалось изъ условій этого же самаго порядка. Мы видѣли изъ московскихъ духовныхъ грамотъ, что порядокъ наслѣдованія въ средѣ московскихъ князей опредѣлялся исключительно личной волей завѣщателя. Но эти завѣщатели постепенно выработали и усвоили себѣ извѣстныя постоянныя правила, которыми они руководились въ раздѣлѣ своей вотчины между наслѣдниками. Такъ уже съ первой московской духовной грамоты, написанной Иваномъ Калитой, мы замѣчаемъ стремленіе московскихъ князей-завѣщателей дѣлить свою вотчину на неравныя части: размѣры каждой части соотвѣтствовали степени старшинства получавшаго ее наслѣдника. Чѣмъ старше былъ наслѣдникъ, тѣмъ большая доля наслѣдства доставалась ему. Въ этомъ неравенствѣ раздѣла, очевидно, сказывалось смутное воспоминаніе о нѣкогда дѣйствовавшемъ между князьями порядкѣ владѣнія по очереди старшинства. Но и въ этомъ случаѣ старое преданіе припомнилось, потому что отвѣчало семейнымъ соображеніямъ: старшій сынъ послѣ отца становился для младшихъ своихъ братьевъ вмѣсто отца, а потому долженъ быть сильнѣе ихъ. Благодаря этому обычаю, усвоенному

Усиленіе старшаго наслѣдника.

московскими завѣщателями, старшій наслѣдникъ, т.-е. старшій сынъ завѣщателя, получалъ изъ отцовскаго наслѣдства большую долю сравнительно съ младшими братьями-сонаслѣдниками. Этотъ излишекъ давался ему „на старѣйшій путь“, т.-е. по праву старшинства. Сначала онъ является очень малозначительнымъ, состоитъ изъ немногихъ лишнихъ городовъ или селъ, изъ нѣсколькихъ лишнихъ доходовъ; но съ завѣщанія Димитрія Донского этотъ излишекъ на старѣйшій путь получаетъ все большіе размѣры. По духовной Димитрія Донского владѣнія его были раздѣлены между пятью его сыновьями; въ духовной опредѣляется и доходность каждаго удѣла. Завѣщатель указываетъ сколько долженъ вносить каждый изъ его наслѣдниковъ въ составъ каждой тысячи рублей ордынской дани. Очевидно, взносъ каждаго наслѣдника соразмѣрялся съ доходностью его удѣла. Старшій сынъ, великій князь Василій долженъ былъ вносить въ составъ тысячи не пятую часть, а 342 р. т.-е. больше трети всей суммы. Послѣ Димитрія Донского съ каждымъ поколѣніемъ излишекъ старшаго наслѣдника на старѣйшій путь растетъ все болѣе. Возьмемъ духовную великаго князя Василія Темнаго, составленную въ 1462 г. Василій также раздѣлилъ свою вотчину между пятью сыновьями. Старшему, великому князю Ивану онъ далъ одному 14 городовъ съ уѣздами, притомъ самыхъ значительныхъ, а остальнымъ сыновьямъ всѣмъ вмѣстѣ только 11 или 12. Чтобы еще яснѣе представить себѣ этотъ процессъ, мы перейдемъ за предѣлы изучаемаго періода и перелистуемъ духовную грамоту великаго князя Ивана III, составленную около 1504 года. Иванъ III раздѣлилъ свою вотчину также между пятью сыновьями. Старшему изъ наслѣдниковъ, великому князю Василію онъ отказалъ одному 66 городовъ съ уѣздами, а

всѣмъ остальнымъ вмѣстѣ только 30. И этотъ завѣщатель опредѣляетъ долю каждаго наслѣдника въ составѣ каждой тысячи рублей на ордынскіе расходы. Великій князь, старшій наслѣдникъ, одинъ долженъ былъ вносить въ тысячу 717 руб., т.-е. около ³/₄ всей суммы, почти втрое больше, чѣмъ всѣ младшіе братья вмѣстѣ. Къ такому результату привелъ рано усвоенный московскими завѣщателями обычай нарушать равенство раздѣла вотчины между наслѣдниками въ пользу старшаго изъ нихъ. Излишекъ на старѣйшій путь, сначала столь мало замѣтный, въ началѣ XV в. достигъ такихъ размѣровъ, которые давали старшему наслѣднику рѣшительное матеріальное преобладаніе надъ младшими. Князья-завѣщатели не давали старшимъ сыновьямъ никакихъ лишнихъ политическихъ правъ, не ставили ихъ младшихъ братьевъ въ прямую политическую отъ нихъ зависимость; но они постепенно сосредоточивали въ рукахъ старшаго наслѣдника такую массу владѣльческихъ *средствъ*, которая давала имъ возможность подчинить себѣ младшихъ удѣльныхъ родичей и безъ лишнихъ политическихъ *правъ*. Такимъ чисто-матеріальнымъ, имущественнымъ преобладаніемъ и положено было основаніе политической власти московскаго великаго князя, старшаго наслѣдника. Посредствомъ такого вотчиннаго фактическаго преобладанія, безъ политическихъ преимуществъ, этотъ великій князь и превратился въ государя не только для простыхъ обывателей московскихъ удѣловъ, но и для самыхъ удѣльныхъ князей. Значитъ, политическая власть великаго князя московскаго, уничтожившая потомъ удѣльный порядокъ владѣнія, создавалась изъ условій этого же самаго порядка, при помощи права князей-завѣщателей располагать своими вотчинами по личному усмотрѣнію.

Формы подчиненія младшихъ князей.

Усиленіе старшаго наслѣдника посредствомъ старѣйшаго пути сопровождалось въ Москвѣ, какъ и въ Твери, стремленіемъ сильнѣйшихъ подчинять себѣ слабѣйшихъ удѣльныхъ князей. Это подчиненіе по обстоятельствамъ принимало различныя формы, достигало неодинаковыхъ степеней зависимости. Простѣйшую форму представляла личная служба удѣльнаго князя великому по договору. Эту форму встрѣчаемъ въ договорѣ Димитрія Донского съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ серпуховскимъ 1362 года: здѣсь удѣльный князь, оставаясь независимымъ въ своемъ удѣлѣ, обязывается служить великому безъ ослушанія „по згадцѣ", по обоюдному договору, а великій князь „кормить", вознаграждать слугу по его службѣ. Здѣсь служебное обязательство нисколько не связывается съ удѣльнымъ владѣніемъ слуги. Другую форму представляло положеніе *окупныхъ* князей, у которыхъ великій князь покупалъ ихъ удѣлы, оставляя за ними пользованіе ихъ бывшими вотчинами съ извѣстными служебными обязательствами. Такъ поступилъ Калита съ князьями бѣлозерскимъ и галицкимъ, Василій Темный съ ростовскими: здѣсь владѣльческая зависимость была источникомъ служебныхъ обязательствъ. Въ подобномъ положеніи находились и князья, у которыхъ великій князь отнималъ удѣлы, но самихъ принималъ на свою службу, возвращая подъ ея условіемъ отнятыя вотчины или части ихъ въ видѣ пожалованія. Въ такое положеніе стали князья стародубскіе при Донскомъ, тарусскіе и муромскіе при его сынѣ Василіи. Наконецъ, великіе князья стремились подчинить себѣ удѣльныхъ въ силу общаго принципіальнаго требованія, чтобы удѣльные князья повиновались великому именно потому, что они удѣльные,—повиновались, обезпечивая повиновеніе своими вотчинами. Самое рѣшительное

выраженіе этого требованія встрѣчаемъ въ договорѣ вел. князя тверского Бориса Александровича съ Витовтомъ 1427 года: всѣ князья тверскіе, дяди, братья, племянники великаго князя обязаны быть у него въ послушаніи; онъ воленъ кого жаловать, кого казнить; кто изъ нихъ вступитъ въ службу къ другому князю, лишается своей вотчины. На подобныхъ условіяхъ съ нѣкоторыми измѣненіями подчинились Василію Темному князья суздальскіе. Здѣсь вотчины удѣльныхъ князей не отнимались и не покупались, а князья сами по договору отказывались отъ нихъ и получали ихъ обратно, какъ пожалованіе; въ отличіе отъ второй формы подчиненія здѣсь служебныя обязательства становились источникомъ владѣльческой зависимости; но въ отличіе отъ первой формы служебный договоръ обезпечивался удѣломъ, служебныя отношенія связывались съ владѣльческими. Въ Московскомъ княжествѣ двѣ послѣднія формы зависимости удѣльныхъ князей нашли особенно успѣшное примѣненіе, и Василій Темный въ концѣ своего княженія могъ съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ сказать новгородскому владыкѣ, что ему дана власть надъ всѣми князьями русскими.

Мы прослѣдили два процесса, которыми создавалось политическое и національное значеніе Московскаго княжества и его старшаго князя. Одинъ процессъ расширялъ территорію и внѣшнее вліяніе этого княжества, другой собиралъ элементы верховной власти въ лицѣ старшаго изъ московскихъ князей. Эти успѣхи были закрѣплены встрѣчей благопріятныхъ условій, выпавшихъ на долю этихъ князей и поддержавшихъ дѣйствіе первоначальныхъ причинъ усиленія Москвы.

Вліяніе татарскаго ига.

Прежде всего татары стали въ отношеніе къ порабощенной ими Руси, устранявшее или облегчавшее многія

затрудненія, какія создавали себѣ и своей странѣ сѣверно-русскіе князья. Ордынскіе ханы не навязывали Руси какихъ-либо своихъ порядковъ, довольствуясь данью, даже плохо вникали въ порядокъ, тамъ дѣйствовавшій. Да и трудно было вникнуть въ него, потому что въ отношеніяхъ между тамошними князьями нельзя было усмотрѣть никакого порядка. Съ этой стороны верхневолжскіе Всеволодовичи стояли гораздо ниже своихъ предковъ, днѣпровскихъ Ярославичей. У тѣхъ мелькали въ головахъ хоть шаткія идеи старшинства и земскаго долга; эти идеи иногда направляли ихъ отношенія и сообщали имъ хотя бы тѣнь права. Всеволодовичи XIII в. въ большинствѣ плохо помнили старое родовое и земское преданіе и еще меньше чтили его, были свободны отъ чувства родства и общественнаго долга. Юрій московскій въ Ордѣ возмутилъ даже татаръ своимъ родственнымъ безчувствіемъ при видѣ изуродованнаго трупа Михаила тверского, валявшагося нагимъ у палатки. Въ опустошенномъ общественномъ сознаніи оставалось мѣсто только инстинктамъ самосохраненія и захвата. Только образъ Александра Невскаго нѣсколько прикрывалъ ужасъ одичанія и братскаго озлобленія, слишкомъ часто прорывавшагося въ средѣ русскихъ правителей, родныхъ или двоюродныхъ братьевъ, дядей и племянниковъ. Еслибы они были предоставлены вполнѣ самимъ себѣ, они разнесли бы свою Русь на безсвязные, вѣчно враждующіе между собою удѣльные лоскутья. Но княжества тогдашней сѣверной Руси были не самостоятельныя владѣнія, а данническіе „улусы“ татаръ; ихъ князья звались холопами „вольнаго царя“, какъ величали у насъ ордынскаго хана. Власть этого хана давала хотя призракъ единства мельчавшимъ и взаимно отчуждавшимся вотчиннымъ угламъ русскихъ князей. Пра-

вда, и въ волжскомъ Сараѣ напрасно было искать права. Великокняжескій владимірскій столъ былъ тамъ предметомъ торга и переторжки; покупной ханскій ярлыкъ покрывалъ всякую неправду. Но обижаемый не всегда тотчасъ хватался за оружіе, а хотѣлъ искать защиты у хана и не всегда безуспѣшно. Гроза ханскаго гнѣва сдерживала забіякъ; милостью, т.-е. произволомъ хана не разъ предупреждалась или останавливалась опустошительная усобица. Власть хана была грубымъ татарскимъ ножомъ, разрѣзавшимъ узлы, въ какіе умѣли потомки Всеволода III запутывать дѣла своей земли. Русскіе лѣтописцы не напрасно называли поганыхъ агарянъ батогомъ Божіимъ, вразумляющимъ грѣшниковъ, чтобы привести ихъ на путь покаянія. Всѣхъ удачнѣе пользовались этимъ батогомъ великіе князья московскіе противъ своей братіи. Особенно явственно обнаружилось это во время единственной московской усобицы, разыгравшейся въ княженіе Василія Темнаго. Эта усобица произошла вслѣдствіе притязанія кн. Юрія галицкаго, дяди Василіева, занять великокняжескій столъ мимо племянника. Этотъ дядя, опираясь на свое старшинство и ссылаясь на духовную своего отца Димитрія Донского, не хотѣлъ признать старшимъ десятилѣтняго племянника и въ 1431 г. поѣхалъ въ Орду тягаться съ нимъ. Успѣхъ Юрьева притязанія перенесъ бы великое княженіе въ другую линію московскаго княжескаго дома, разстроилъ бы порядки, заводившіеся Москвой цѣлое столѣтіе, и грозилъ безконечной усобицей. Ханъ разсѣкъ узелъ: отуманенный льстиво - насмѣшливою рѣчью ловкаго московскаго боярина Всеволожскаго, доказывавшаго, что источникъ права — его ханская милость, а не старые лѣтописцы и не мертвыя грамоты (т.-е. духовная Донского), ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу Василія.

Преемство въ прямой нисходящей линіи.

Другое благопріятное условіе заключалось въ новомъ порядкѣ преемства великокняжеской власти. Значеніе, какое пріобрѣтало Московское княжество своими успѣхами, все доставалось великому князю, старшему изъ московскихъ князей, который сверхъ своего московскаго удѣла владѣлъ еще великокняжеской Владимірской областью. Съ Ивана Калиты въ продолженіе ста лѣтъ такимъ великимъ княземъ становился почти всегда старшій сынъ предшествовавшаго великаго князя, у котораго въ минуту смерти обыкновенно не оказывалось на лицо младшихъ братьевъ. Случилось такъ, что московскій княжескій домъ не разростался въ боковыя вѣтви, младшіе дяди во-время уходили со сцены, не становясь поперекъ дороги старшимъ племянникамъ. Потому переходъ великокняжескаго достоинства въ нисходящей линіи до смерти Калитина правнука вел. кн. Василія Димитріевича не вызывалъ спора среди московскихъ князей, а князьямъ другихъ линій, соперничавшимъ съ московскими, ни суздальскимъ, ни тверскимъ, не удалось перебить у нихъ великаго княженія. Случайность, повторяясь, становится прецедентомъ, который силой привычки превращается въ обязательное требованіе, въ правило. Неоспариваемый переходъ великокняжеской власти отъ отца къ сыну, повторявшійся въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній, сталъ, по выраженію лѣтописи, „отчествомъ и дѣдствомъ“, обычаемъ, освященнымъ примѣрами отцовъ и дѣдовъ, на который общество начало смотрѣть, какъ на правильный порядокъ, забывая о прежнемъ порядкѣ преемства по старшинству. И это условіе рѣзко вскрылось въ той же московской усобицѣ. Продолженная по смерти Юрія его сыновьями, она взволновала все русское общество, руководящіе классы котораго, духовенство, князья, бояре и другіе служилые люди рѣши-

тельно стали за Василія. Галицкіе князья встрѣчены были въ Москвѣ, какъ чужіе и какъ похитители чужого, и чувствовали себя здѣсь одиноко, окруженные недовѣріемъ и недоброжелательствомъ. Когда сынъ Юрія Шемяка, по смерти отца наслѣдникъ его притязаній, нарушилъ свой договоръ съ Василіемъ, послѣдній отдалъ дѣло на судъ духовенства. Духовный соборъ изъ пяти епископовъ съ нѣсколькими архимандритами (тогда не было митрополита на Руси) въ 1447 г. обратился къ нарушителю договора съ грознымъ посланіемъ, и здѣсь іерархи высказали свой взглядъ на политическій порядокъ, какой долженъ существовать на Руси. Духовенство рѣшительно возстало противъ притязаній Шемякина отца на великокняжескій столъ, признавая исключительное право на него за племянникомъ, старшимъ сыномъ предшествовавшаго великаго князя. Притязаніе Юрія, помыслившаго беззаконно о великомъ княженіи, посланіе сравниваетъ съ грѣхомъ праотца Адама, возымѣвшаго желаніе „равнобожества“, внушенное сатаной. „Сколько трудовъ понесъ отецъ твой, писали владыки, сколько истомы потерпѣло отъ него христіанство, но великокняжескаго стола онъ все-таки не получилъ, чего ему не дано Богомъ, ни *земскою изначала пошлиной*“. Итакъ духовенство считало единственно правильнымъ порядкомъ преемство великокняжескаго стола въ нисходящей линіи, а не по очереди старшинства, и даже наперекоръ исторіи признавало такой порядокъ исконной *земской пошлиной*, т.-е. стариннымъ обычаемъ Русской земли. Этотъ новый порядокъ пролагалъ дорогу къ установленію единовластія, усиливая одну прямую старшую линію московскаго княжескаго дома, устраняя и ослабляя боковыя младшія. И усобица еще не кончилась, а глава русской іерархіи уже провозглашалъ единовластіе законнаго московскаго вели-

каго князя совершившимся фактомъ, предъ которымъ обязано преклониться все русское общество, и князья, и простые люди. Новопосвященный митрополитъ Іона въ извѣстительномъ окружномъ посланіи 1448 г. о своемъ посвященіи призываетъ князей, *пановъ*, бояръ, воеводъ и все христоименитое „людство" бить челомъ своему господарю вел. князю Василію, отдаться въ его волю; если же они этого не сдѣлаютъ и допустятъ Шемяку возобновить усобицу, съ нихъ взыщется вся пролитая кровь христіанская, въ землѣ ихъ никто не будетъ больше зваться христіаниномъ, ни одинъ священникъ не будетъ священствовать, всѣ церкви Божіи будутъ затворены.

Московскіе князья и Великороссія.

Въ дѣятельной поддержкѣ, оказанной обществомъ во время усобицы новому порядку преемства великокняжеской власти, сказалось самое важное условіе, упрочившее политическіе и національные успѣхи Московскаго княжества. Какъ скоро изъ среды удѣльныхъ князей поднялся одинъ съ такими средствами, какими обладалъ, со стремленіями, какія проводилъ преемственный рядъ великихъ князей московскихъ, вокругъ его начали сосредоточиваться политическіе помыслы и народные интересы всего сѣверорусскаго населенія. Это населеніе ждало такого вождя, и это ожиданіе шумно проявилось въ усобицѣ. Здѣсь фамильныя условія московскихъ великихъ князей встрѣтились съ народными нуждами и стремленіями. Первоначальной движущей пружиной дѣятельности этихъ князей былъ династическій интересъ, во имя котораго шло и внѣшнее усиленіе ихъ княжества, и внутреннее сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ. Но этотъ фамильный своекорыстный интересъ былъ живо поддержанъ всѣмъ населеніемъ сѣверной Руси съ духовенствомъ во главѣ, лишь только почувствовали здѣсь, что онъ совпадаетъ съ „общимъ добромъ всего

нашего православнаго христіанства", какъ писалъ въ одномъ посланіи тотъ же митрополитъ Іона. Эта поддержка объясняется фактомъ, незамѣтно совершившимся въ сѣверной Руси подъ шумъ княжескихъ усобицъ и татарскихъ погромовъ. Мы знаемъ, какія обстоятельства заставили массу русскаго населенія передвинуться изъ старой днѣпровской Руси въ область верхней Волги. Это передвиженіе сопровождалось раздробленіемъ народныхъ силъ, выразившимся въ удѣльномъ дробленіи верхневолжской Руси. Очутившись въ новыхъ условіяхъ, въ непривычной обстановкѣ, среди чуждаго имъ туземнаго населенія, пришельцы съ юга не могли ни возстановить стараго, ни скоро установить новаго общаго порядка и разсыпались по многочисленнымъ все мельчавшимъ удѣламъ. Но они не смыкались въ замкнутые удѣльные міры, отчужденные другъ отъ друга, какъ были отчуждены удѣльные князья. Народное броженіе продолжалось, и сами князья поддерживали его своими усобицами: лѣтописи прямо говорятъ, что ссоры тверскихъ и другихъ князей заставляли обывателей ихъ княжествъ уходить въ болѣе спокойные края. А съ конца XIV в. поднялось усиленное переселенческое движеніе изъ междурѣчья на сѣверъ за Волгу. Размѣщаясь мелкими поселками, ведя болѣе двухъ вѣковъ дробную работу по мѣстамъ, но при сходныхъ экономическихъ и юридическихъ условіяхъ, переселенцы со временемъ сложились всюду въ сходные общественные типы, освоились между собою, выработали на значительныхъ пространствахъ извѣстныя взаимныя связи и отношенія, юридическій бытъ и хозяйственный оборотъ, нравы, ассимилировали окрестныхъ инородцевъ, и изъ всѣхъ этихъ этнографическихъ элементовъ, прежде разсыпанныхъ и разъединенныхъ, къ половинѣ XV в. среди политическаго раздробленія сложилась новая національная

формація. Такъ завязалась и окрѣпла въ составѣ русскаго населенія цѣлая плотная народность—великорусское племя. Оно складывалось тяжело и терпѣливо. Въ продолженіе 234 лѣтъ (1228—1462) сѣверная Русь вынесла 90 внутреннихъ усобицъ и до 160 внѣшнихъ войнъ, при частыхъ повѣтріяхъ, неурожаяхъ и неисчислимыхъ пожарахъ. Выросши среди внѣшнихъ грозъ и внутреннихъ бѣдъ, быстро уничтожавшихъ плоды многолѣтней кропотливой работы, оно чувствовало потребность въ политическомъ сосредоточеніи своихъ неустроенныхъ силъ, въ твердомъ государственномъ порядкѣ, чтобы выйти изъ удѣльной неурядицы и татарскаго порабощенія. Эта потребность и была новой скрытой, но могущественной причиной успѣховъ вел. князя московскаго, присоединившейся къ первоначальнымъ и основнымъ, какими были: *экономическія выгоды* географическаго положенія г. Москвы и Московскаго княжества, *церковное значеніе*, пріобрѣтенное Москвой при содѣйствіи того же условія, и согласованный съ обстоятельствами времени *образъ дѣйствій* московскихъ князей, внушенный ихъ генеалогическимъ положеніемъ.

Значеніе Московской усобицы.

Той же потребностью объясняется неожиданный и чрезвычайно важный для сѣверной Руси исходъ московской усобицы. Начавъ княженіе чуть не ребенкомъ, мягкій и благодушный, Василій, казалось, совсѣмъ не годился для боевой роли, какая ему была суждена. Не разъ побитый, ограбленный и заточенный, наконецъ ослѣпленный, онъ однако вышелъ изъ 19-тилѣтней борьбы съ пріобрѣтеніями, которыя далеко оставили за собою все, что заработали продолжительными усиліями его отецъ и дѣдъ. Когда онъ вступалъ на спорный великокняжескій столъ, московская вотчина была раздѣлена на цѣлый десятокъ удѣловъ, а когда онъ писалъ свою духовную, вся эта вотчина была въ его

рукахъ кромѣ половины одного изъ прежнихъ удѣловъ (верейская половина Можайскаго княжества). Сверхъ того ему принадлежало Суздальское княжество, вотчичи котораго служили ему или бѣгали по чужимъ странамъ, московскіе намѣстники сидѣли по рязанскимъ городамъ, Новгородъ Великій и Вятка были во всей его волѣ. Наконецъ онъ не только благословилъ своего старшаго сына великимъ княженіемъ, что еще колебался сдѣлать его отецъ, но и прямо включилъ великокняжескую область въ составъ своей наслѣдственной вотчины. Такіе успѣхи достались Темному потому, что все вліятельное, мыслящее и благонамѣренное въ русскомъ обществѣ стало за него, за преемство великокняжской власти въ нисходящей линіи. Приверженцы Василія не давали покоя его соперникамъ, донимали ихъ жалобами, протестами и происками, брали на свою душу его клятвы, пустили въ дѣло на его защиту всѣ матеріальныя и нравственныя средства, какими располагали. Внукъ Донского попалъ въ такое счастливое положеніе, не имъ созданное, а имъ только унаслѣдованное, въ которомъ цѣли и способы дѣйствія были достаточно выяснены, силы направлены, средства заготовлены, орудія приспособлены и установлены,—и машина могла уже работать автоматически, независимо отъ главнаго механика. Какъ скоро населеніе сѣверной Руси почувствовало, что Москва способна стать политическимъ центромъ, около котораго оно могло собрать свои силы для борьбы съ внѣшними врагами, что московскій князь можетъ быть народнымъ вождемъ въ этой борьбѣ, въ умахъ и отношеніяхъ удѣльной Руси совершился переломъ, рѣшившій судьбу удѣльнаго порядка: всѣ дотолѣ затаенныя или дремавшія національныя и политическія ожиданія и сочувствія великорусскаго племени, долго и безуспѣшно искавшія себѣ на-

дежнаго пункта прикрѣпленія, тогда сошлись съ династическими усиліями московскаго великаго князя и понесли его на высоту національнаго государя Великороссіи. Такъ можно обозначить главные моменты политическаго роста Московскаго княжества.

Характеръ московскихъ князей.

Часто даютъ преобладающее значеніе въ ходѣ возвышенія Московскаго княжества личнымъ качествамъ его князей. Окончивъ обзоръ политическаго роста Москвы, мы можемъ оцѣнить и значеніе этихъ качествъ въ ея исторіи. Нѣтъ надобности преувеличивать это значеніе, считать политическое и національное могущество Московскаго княжества исключительно дѣломъ его князей, созданіемъ ихъ личнаго творчества, ихъ талантовъ. Историческіе памятники XIV и XV вв. не даютъ намъ возможности живо воспроизвести обликъ каждаго изъ этихъ князей. Московскіе великіе князья являются въ этихъ памятникахъ довольно блѣдными фигурами, преемственно смѣнявшимися на великокняжескомъ столѣ подъ именами Ивана, Семена, другого Ивана, Димитрія, Василія, другого Василія. Всматриваясь въ нихъ, легко замѣтить, что передъ нами проходятъ не своеобразныя личности, а однообразныя повторенія одного и того же фамильнаго типа. Всѣ московскіе князья до Ивана III какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга, такъ что наблюдатель иногда затрудняется рѣшить, кто изъ нихъ Иванъ и кто Василій. Въ ихъ дѣятельности замѣтны нѣкоторыя индивидуальныя особенности; но онѣ объясняются различіемъ возраста князей или исключительными внѣшними обстоятельствами, въ какія попадали иные изъ нихъ; эти особенности не идутъ далѣе того, насколько измѣняется дѣятельность одного и того же лица отъ такихъ условій. Слѣдя за преемственной смѣной московскихъ князей, можемъ уловить въ ихъ обликахъ только типическія

фамильныя черты. Наблюдателю они представляются не живыми лицами, даже не портретами, а скорѣе манекенами; онъ разсматриваетъ въ каждомъ его позу, его костюмъ, но лица ихъ мало что говорятъ зрителю.

Прежде всего московскіе Даниловичи отличаются замѣчательно устойчивой посредственностью — не выше и не ниже средняго уровня. Племя Всеволода Большого Гнѣзда вообще не блестѣло избыткомъ выдающихся талантовъ, за исключеніемъ одного развѣ Александра Невскаго. Московскіе Даниловичи даже среди этого племени не шли въ передовомъ ряду по личнымъ качествамъ. Это князья безъ всякаго блеска, безъ признаковъ какъ героическаго, такъ и нравственнаго величія. Во-первыхъ, это очень мирные люди; они неохотно вступаютъ въ битвы, а вступая въ нихъ, чаще проигрываютъ ихъ; они умѣютъ отсиживаться отъ непріятеля за дубовыми, а съ Димитрія Донского за каменными стѣнами московскаго Кремля, но еще охотнѣе при нападеніи врага уѣзжаютъ въ Переяславль или куда-нибудь подальше, на Волгу, собирать полки, оставляя въ Москвѣ для ея защиты владыку митрополита да жену съ дѣтьми. Не блестя ни крупными талантами, ни яркими доблестями, эти князья равно не отличались и крупными пороками или страстями. Это дѣлало ихъ во многихъ отношеніяхъ образцами умѣренности и аккуратности; даже ихъ наклонность выпить лишнее за обѣдомъ не возвышалась до столь извѣстной страсти древнерусскаго человѣка, высказанной устами Владиміра Святого. Это средніе люди древней Руси, какъ бы сказать, больше хронологическіе знаки, чѣмъ историческія лица. Лучшей ихъ фамильной характеристикой могутъ служить черты, какими характеризуетъ великаго князя Семена Гордаго одинъ изъ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ: „великій князь Симеонъ

былъ прозванъ Гордымъ, потому что не любилъ неправды и крамолы и всѣхъ виновныхъ самъ наказывалъ, пилъ медъ и вино, но не напивался допьяна и терпѣть не могъ пьяныхъ, не любилъ войны, но войско держалъ наготовѣ". Въ шести поколѣніяхъ одинъ Димитрій Донской далеко выдался впередъ изъ строго выровненнаго ряда своихъ предшественниковъ и преемниковъ. Молодость (умеръ 39 лѣтъ), исключительныя обстоятельства, съ 11 лѣтъ посадившія его на боевого коня, четырехсторонняя борьба съ Тверью, Литвой, Рязанью и Ордой, наполнившая шумомъ и тревогами его 30-лѣтнее княженіе, и болѣе всего великое побоище на Дону положили на него яркій отблескъ Александра Невскаго, и лѣтопись съ замѣтнымъ подъемомъ духа говоритъ о немъ, что онъ былъ „крѣпокъ и мужественъ и взоромъ дивенъ зѣло". Біографъ современникъ отмѣтилъ и другія, мирныя качества Димитрія, набожность, семейныя добродѣтели, прибавивъ: „аще книгамъ не ученъ сый добрѣ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имяше". При этомъ единственномъ исключеніи художнику высокаго стиля вообще мало дѣла съ московскими князьями. Но не блистая особыми доблестями, эти князья совмѣщали въ себѣ много менѣе дорогихъ, но болѣе доходныхъ качествъ, отличались обиліемъ дарованій, какими обыкновенно надѣляются недаровитые люди. Прежде всего эти князья дружно живутъ другъ съ другомъ. Они крѣпко держатся завѣта отцовъ: „жити за одинъ". Въ продолженіе четырехъ поколѣній, со смерти Данила до смерти Василія Дмитріевича, Московское княжество было, можетъ быть, единственнымъ въ сѣверной Руси, не страдавшимъ отъ усобицъ собственныхъ князей. Потомъ московскіе князья очень почтительные сыновья: они свято почитаютъ память и завѣтъ своихъ родителей. Поэтому среди нихъ рано складывается наслѣдственный

запасъ понятій, привычекъ и пріемовъ княженія, образуется фамильный обычай, отцовское и дѣдовское преданіе, которое замѣняло имъ личный разумъ, какъ намъ школьная выучка нерѣдко замѣняетъ самодѣятельность мысли. Отсюда твердость поступи у московскихъ князей, ровность движенія, послѣдовательность дѣйствія; они дѣйствуютъ болѣе по памяти, по затверженному завѣту отцовъ, чѣмъ по личному замыслу, и поэтому дѣйствуютъ навѣрняка, безъ капризныхъ перерывовъ и съ постояннымъ успѣхомъ, какъ недаровитому ученику крѣпкая память позволяетъ тверже отвѣчать урокъ сравнительно съ бойкимъ мальчикомъ, привыкшимъ говорить своими словами. Работа у московскихъ князей идетъ ровной и непрерывной нитью, какъ шла пряжа въ рукахъ ихъ женъ, повинуясь движенію веретена. Сынъ цѣпко хватается за дѣло отца и по мѣрѣ силъ ведетъ его дальше. Уваженіе къ отцовскому завѣту въ ихъ холодныхъ духовныхъ грамотахъ порой согрѣвается до степени теплаго набожнаго чувства. „А пишу вамъ се слово,—такъ Семенъ Гордый заканчиваетъ свое завѣщаніе младшимъ братьямъ,—того дѣля, чтобы не перестала память родителей нашихъ и наша и свѣча бы не погасла“. Въ чемъ же состояло это фамильное преданіе, эта наслѣдственная политика московскихъ князей? Они хорошіе хозяева-скопидомы по мелочамъ, понемногу. Недаромъ первый изъ нихъ, добившійся успѣха въ невзрачной съ нравственной стороны борьбѣ, перешелъ въ память потомства съ прозваніемъ Калиты, денежнаго кошеля. Готовясь предстать предъ престоломъ Всевышняго Судіи и диктуя дьяку духовную грамоту, какъ эти князья внимательны ко всѣмъ подробностямъ своего хозяйства, какъ хорошо помнятъ всякую мелочь въ немъ! Не забудутъ ни шубки, ни стадца, ни пояса зо-

лотого, ни коробки сердоликовой, все запишутъ, всему найдутъ мѣсто и наслѣдника. Сберечь отцовское стяженіе и прибавить къ нему что-нибудь новое, новую шубку построить, новое сельцо прикинуть—вотъ на что повидимому были обращены ихъ правительственные помыслы, какъ они обнаруживаются въ ихъ духовныхъ грамотахъ. Эти свойства и помогли ихъ политическимъ успѣхамъ.

У каждаго времени свои герои, ему подходящіе, а XIII и XIV вѣка были порой всеобщаго упадка на Руси, временемъ узкихъ чувствъ и мелкихъ интересовъ, мелкихъ, ничтожныхъ характеровъ. Среди внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій люди становились робки и малодушны, впадали въ уныніе, покидали высокіе помыслы и стремленія; въ лѣтописи XIII—XIV в. не услышимъ прежнихъ рѣчей о Русской землѣ, о необходимости оберегать ее отъ поганыхъ, о томъ, что не сходило съ языка южнорусскихъ князей и лѣтописцевъ XI—XII в. Люди замыкались въ кругу своихъ частныхъ интересовъ и выходили оттуда только для того, чтобы попользоваться на счетъ другихъ. Когда въ обществѣ падаютъ общіе интересы и помыслы его руководителей замыкаются въ сердоликовую коробку, положеніемъ дѣлъ обыкновенно овладѣваютъ тѣ, кто энергичнѣе другихъ дѣйствуетъ во имя интересовъ личныхъ, а такими чаще всего бываютъ не наиболѣе даровитые, а наиболѣе угрожаемые, тѣ, кому наиболѣе грозитъ это паденіе общихъ интересовъ. Московскіе князья были именно въ такомъ положеніи: по своему генеалогическому значенію это были наиболѣе безправные, приниженные князья, а условія ихъ экономическаго положенія давали имъ обильныя средства дѣйствовать во имя личной выгоды. Потому они лучше другихъ умѣли приноровиться къ характеру и условіямъ своего времени и рѣшительнѣе стали

дѣйствовать ради личнаго интереса. Съ ними было то же, что бываетъ съ промышленниками, у которыхъ ремесло усиленно развиваетъ смѣтливость и находчивость на счетъ другихъ, высшихъ качествъ и стремленій. Купецъ чѣмъ энергичнѣе входитъ въ свое купеческое дѣло, забывая другіе интересы, тѣмъ успѣшнѣе ведетъ его. Я хочу сказать, что фамильный характеръ московскихъ князей не принадлежалъ къ числу коренныхъ условій ихъ успѣховъ, а былъ самъ произведеніемъ тѣхъ же условій: ихъ фамильныя свойства не создали политическаго и національнаго могущества Москвы, а сами были дѣломъ историческихъ силъ и условій, создавшихъ это могущество, были такой же второстепенной, производной причиной возвышенія Московскаго княжества, какою, напримѣръ, было содѣйствіе плотнаго московскаго боярства, привлеченнаго въ Москву удобнымъ ея положеніемъ,—боярства, которое не разъ и выручало своихъ князей въ трудныя минуты. Условія жизни нерѣдко складываются такъ своенравно, что крупные люди размѣниваются на мелкія дѣла подобно кн. Андрею Боголюбскому, а людямъ некрупнымъ приходится дѣлать большія дѣла подобно князьямъ московскимъ.

Лекція XXIII.

Вольныя городскія общины.—Новгородъ Великій.—Его мѣстоположеніе; стороны и концы.—Область Новгорода; пятины и волости.—Условія и развитіе новгородской вольности.—Договорныя отношенія Новгорода къ князьямъ.—Управленіе.—Вѣче и его отношеніе къ князьямъ.—Посадникъ и тысяцкій.—Судъ.—Совѣтъ господъ.—Областное управленіе.—Пригороды и ихъ отношеніе къ главному городу.—Заключеніе.

Мы кончили изученіе удѣльнаго порядка владѣнія и того процесса, которымъ одно изъ удѣльныхъ княжествъ поднялось надъ другими и потомъ поглотило всѣ другія. Мы останавливаемся на половинѣ XV в., на томъ моментѣ въ исторіи Московскаго княжества, когда оно готовилось завершить этотъ процессъ и поглотить послѣднія самостоятельныя княжества, еще остававшіяся въ сѣверной Руси. Но Московское княжество, нѣкогда одно изъ многихъ удѣльныхъ и потомъ вобравшее въ себя всѣ удѣлы, не было единственной политической формой на Руси въ тѣ вѣка. Рядомъ съ нимъ существовали двѣ другія формы, въ которыхъ общественные элементы находились совсѣмъ въ другихъ сочетаніяхъ. То были: 1) козачество, 2) вольныя городскія общины. Козачество въ XV в. еще только завязывалось. Напротивъ вольныя городскія общины тогда уже доживали свой вѣкъ. Для полноты изученія русскаго общества, строя Русской земли въ удѣльные вѣка, мы сдѣлаемъ бѣглый обзоръ исторіи и устройства этихъ общинъ. Ихъ было три на Руси въ удѣльное время: Новгородъ Великій, его „млад-

шій братъ" Псковъ и его колонія Вятка, основанная въ XII в. Не изучая исторіи каждой изъ этихъ общинъ порознь, мы познакомимся съ ними по судьбѣ старшей изъ нихъ, Новгородской, отмѣтивъ только важнѣйшія особенности склада и быта вольнаго Пскова. Новгородъ Великій былъ родоначальникомъ и типическимъ представителемъ остальныхъ двухъ вольныхъ городскихъ общинъ.

Политическій строй Новгорода *Великаго*, т.-е. старшаго города въ своей землѣ, былъ тѣсно связанъ съ мѣстоположеніемъ города. Онъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Волхова, недалеко отъ истока ея изъ озера Ильменя. Новгородъ составился изъ нѣсколькихъ слободъ или поселковъ, которые сначала были самостоятельными обществами, а потомъ соединились въ одну большую городскую общину. Слѣды этого самостоятельнаго существованія составныхъ частей Новгорода сохранились и позднѣе въ распредѣленіи города на концы. Волховъ дѣлитъ Новгородъ на двѣ половины или *стороны*: на правую—по восточному берегу и лѣвую—по западному; первая называлась *Торговой*, потому что здѣсь находился главный городской рынокъ, торгъ; вторая носила названіе *Софійской* съ той поры, какъ въ концѣ X в., по принятіи христіанства Новгородомъ, на этой сторонѣ построенъ былъ соборный храмъ св. Софіи. Обѣ стороны соединялись большимъ волховскимъ мостомъ, находившимся недалеко отъ торга и называвшимся въ отличіе отъ другихъ *великимъ*. Къ торгу примыкала площадь, называвшаяся *Ярославовымъ* или *Княжимъ* дворомъ, потому что здѣсь нѣкогда находилось подворье Ярослава, когда онъ княжилъ въ Новгородѣ при жизни отца. На этой площади возвышалась *степень*, помостъ, съ котораго новгородскіе сановники обращались съ рѣчами къ собиравшемуся на вѣчѣ народу. Близъ степени находилась вѣчевая башня, на ко-

Мѣстоположеніе Новгорода В.

Стороны.

торой висѣлъ вѣчевой колоколъ, а внизу ея помѣщалась вѣчевая канцелярія. Торговая сторона состояла изъ двухъ

Концы. концовъ, *Плотницкаго* сѣвернѣе и *Славенскаго* южнѣе. Славенскій конецъ получилъ свое названіе отъ древнѣйшаго поселка, вошедшаго въ составъ Новгорода, *Славна*; потому и вся Торговая сторона называлась также *Славенской*. Городской торгъ и Ярославовъ дворъ находились въ Славенскомъ концѣ. На Софійской сторонѣ, тотчасъ по переходѣ черезъ волховскій мостъ, находился *дѣтинецъ*, обнесенное стѣною мѣсто, гдѣ стоялъ соборный храмъ св. Софіи. Софійская сторона дѣлилась на три конца: *Неревскій* къ сѣверу, *Загородскій* къ западу и *Гончарскій* или *Людинъ* къ югу, ближе къ озеру. Названія концовъ Гончарскаго и Плотницкаго указываютъ на ремесленный характеръ древнихъ слободъ, изъ которыхъ образовались концы Новгорода. Не даромъ кіевляне въ XI в. обзывали новгородцевъ презрительной кличкой плотниковъ. За валомъ и рвомъ, опоясывавшими всѣ пять концовъ, разсѣяны были составлявшіе продолженіе города многочисленные посады и слободы монастырей, цѣпью окаймлявшихъ Новгородъ. О населенности Новгорода можно приблизительно судить по тому, что въ сгорѣвшей въ 1211 г. части города числилось 4300 дворовъ.

Новгородъ со своими пятью концами былъ политическимъ средоточіемъ обширной территоріи, къ нему тянувшей. Эта территорія состояла изъ частей двухъ разрядовъ, изъ *пятинъ и волостей*; совокупность тѣхъ и другихъ

Пятины. составляла *область* или *землю* св. Софіи. Пятины были слѣдующія: на СЗ отъ Новгорода между рѣками Волховомъ и Лугой простиралась по направленію къ Финскому заливу пятина *Вотьская*, получившая свое названіе отъ обитавшаго здѣсь финскаго племени *Води* или *Воти*; на

СВ справа отъ Волхова шла далеко къ Бѣлому морю по обѣ стороны Онежскаго озера пятина *Обонежская*; къ ЮВ между рѣками Мстою и Ловатью простиралась пятина *Деревская*; къ ЮЗ между рѣками Ловатью и Лугой, по обѣ стороны рѣки Шелони, шла *Шелонская* пятина; на отлетѣ за пятинами Обонежской и Деревской простиралась далеко на В и ЮВ пятина *Бѣжецкая*, получившая свое названіе отъ селенія Бѣжичей, бывшаго нѣкогда однимъ изъ ея административныхъ средоточій (въ нынѣшней Тверской губерніи). Эта пятина захватывала сѣверную часть нынѣшней Тверской губерніи, западную Ярославской и юговосточный уголъ Новгородской. Это пятинное дѣленіе Новгородской области появляется уже въ актахъ московскаго времени, съ конца XV в., но неизвѣстно по памятникамъ вольнаго Новгорода. По этимъ памятникамъ Новгородская область изстари дѣлилась на округа, носившіе одинаковыя названія съ пятинами; только они звались не пятинами, а *землями*, въ XII в. *рядами*: *Вотьская* земля, *Обонежскій* и *Бѣжецкій* рядъ или просто *Шелонь*, *Дерева*. Неясный слѣдъ пятиннаго или соотвѣтственнаго ему дѣленія лѣтъ за 50 до паденія Новгорода находимъ и въ житіи преп. Варлаама Важскаго, составленномъ въ концѣ XVI в., гдѣ читаемъ: „бысть тогда (около 1426 г.) В. Новградъ по жребіямъ раздѣленъ, яже нарицаются *пятины*". Вѣроятно, Москва, не любя ломать мѣстную старину, удержала и въ Новгородѣ готовое областное дѣленіе. Особенностью пятиннаго дѣленія Новгородской области было то, что всѣ пятины кромѣ Бѣжецкой начинались вплоть у самаго Новгорода или, какъ Деревская, недалеко отъ него и въ видѣ расширяющихся радіальныхъ полосъ бѣжали во всѣ стороны. Такъ Деревяницкій погостъ Обонежской пятины находился въ

двухъ верстахъ отъ Новгорода, а погостъ Спасскій той же пятины въ 700 верстахъ на Выго-озерѣ около Бѣлаго моря. Только въ Бѣжецкой пятинѣ по книгамъ XVI в. ближайшій погостъ находился отъ Новгорода въ 100 верстахъ. Это наводитъ на мысль, что округа, рано или поздно получившіе названіе пятинъ, состояли изъ древнѣйшихъ и ближайшихъ къ Новгороду владѣній и постепенно расширялись.

Волости. Владѣнія, болѣе отдаленныя и позднѣе пріобрѣтенныя, не вошли въ пятинное дѣленіе и образовали рядъ *волостей*, находившихся на особомъ положеніи. Такъ города Волокъ-Ламскій, Бѣжичи, Торжокъ, Ржева, Великія Луки со своими округами не принадлежали ни къ какой пятинѣ. Въ положеніи этихъ городовъ была та особенность, что они состояли въ совмѣстномъ владѣніи у Новгорода—первые три съ великими князьями владимірскими и потомъ московскими, а послѣдніе два съ князьями смоленскими и потомъ литовскими, когда Смоленскъ былъ захваченъ Литвой. За пятинами Обонежской и Бѣжецкой простиралась на СВ волость *Заволочье* или *Двинская земля.* Она называлась Заволочьемъ, потому что находилась за *волокомъ*, обширнымъ водораздѣломъ, отдѣляющимъ бассейнъ Онеги и Сѣверной Двины отъ бассейна Волги. Теченіемъ рѣки Вычегды съ ея притоками опредѣлялось положеніе *Пермской земли.* За Двинской землей и Пермью далѣе къ сѣверовостоку находились волость *Печора* по обѣимъ сторонамъ рѣки этого имени, а по ту сторону сѣвернаго Уральскаго хребта волость *Югра.* На сѣверномъ берегу Бѣлаго моря была волость *Тре* или *Терскій берегъ.* Таковы были главныя волости новгородскія, не входившія въ пятинное дѣленіе. Онѣ рано пріобрѣтены были Новгородомъ: такъ уже въ XI в. новгородцы ходили собирать

дань за Двину на Печору, а въ XII в. на Терскій берегъ. Новгородская территорія расширялась преимущественно посредствомъ военно-промышленной колонизаціи. Въ Новгородѣ составлялись компаніи вооруженныхъ промышленниковъ, которые направлялись по рѣкамъ въ разныя стороны отъ города, чаще всего на финскій сѣверовостокъ, основывали тамъ поселенія, облагали данью покоренныхъ туземцевъ и заводили лѣсные и другіе промыслы.

Развитіе новгородской вольности.

Теперь изучимъ условія и ходъ развитія новгородской вольности. Въ началѣ нашей исторіи Новгородская земля по устройству своему была совершенно похожа на другія области Русской земли. Точно такъ же и отношенія Новгорода къ князьямъ мало отличались отъ тѣхъ, въ какихъ стояли другіе старшіе города областей. На Новгородъ съ тѣхъ поръ, какъ первые князья покинули его для Кіева, наложена была дань въ пользу великаго князя кіевскаго. По смерти Ярослава Новгородская земля присоединена была къ великому княжеству Кіевскому и великій князь обыкновенно посылалъ туда для управленія своего сына или ближайшаго родственника, назначая въ помощники ему посадника. До второй четверти XII в. въ бытѣ Новгородской земли не замѣтно никакихъ политическихъ особенностей, которыя выдѣляли бы ее изъ ряда другихъ областей Русской земли; только впослѣдствіи новгородцы въ договорахъ съ князьями ссылались на грамоты Ярослава I, по которымъ они платили дань великимъ князьямъ. Это было письменное опредѣленіе финансовыхъ отношеній, которыя въ другихъ старшихъ городахъ устанавливались устными договорами князей съ вѣчемъ. Но со смерти Владиміра Мономаха новгородцы все успѣшнѣе пріобрѣтаютъ преимущества, ставшія основаніемъ новгородской вольности. Успѣшному развитію этого политическаго обособленія Новгород-

ской земли помогали различныя условія, которыя нигдѣ, ни въ какой другой русской области не приходили въ такое своеобразное сочетаніе, въ какомъ они дѣйствовали въ судьбѣ Новгорода. Одни изъ этихъ условій были связаны съ географическимъ положеніемъ края, другія вышли изъ исторической обстановки, въ какой жилъ Новгородъ, изъ внѣшнихъ его отношеній. Укажу сперва географическія условія. 1) Новгородъ былъ политическимъ средоточіемъ края, составлявшаго отдаленный сѣверо-западный уголъ тогдашней Руси. Это отдаленное положеніе Новгорода ставило его внѣ круга русскихъ земель, бывшихъ главной ареной дѣятельности князей и ихъ дружинъ. Это освобождало Новгородъ отъ непосредственнаго давленія со стороны князя и его дружины и позволяло новгородскому быту развиваться свободнѣе на большемъ просторѣ. 2) Новгородъ былъ экономическимъ средоточіемъ края, наполненнаго лѣсами и болотами, въ которомъ хлѣбопашество никогда не могло стать основаніемъ народнаго хозяйства. Наконецъ 3) Новгородъ лежитъ близко къ главнымъ рѣчнымъ бассейнамъ нашей равнины, къ Волгѣ, Днѣпру и Западной Двинѣ, а Волховъ соединяетъ его прямымъ воднымъ путемъ съ Финскимъ заливомъ и Балтійскимъ моремъ. Благодаря этой близости къ большимъ торговымъ дорогамъ Руси Новгородъ рано втянулся въ разносторонніе торговые обороты. Такимъ образомъ промышленность и торговля стали основаніемъ мѣстнаго народнаго хозяйства. Столь же благопріятно для развитія новгородской вольности складывались и внѣшнія отношенія. Въ XII в. усобицы князей уронили княжескій авторитетъ. Это давало возможность мѣстнымъ земскимъ мірамъ свободнѣе опредѣлять свои отношенія къ князьямъ. Новгородъ шире всѣхъ воспользовался этой выгодой. Ставъ на окраинѣ Руси, съ нѣсколькихъ сто-

ронъ окруженный враждебными инородцами и притомъ занимаясь преимущественно внѣшней торговлей, Новгородъ всегда нуждался въ князѣ и его боевой дружинѣ для обороны своихъ границъ и торговыхъ путей. Но именно въ XII в., когда запутавшіеся княжескіе счеты уронили княжескій авторитетъ, Новгородъ нуждался въ князѣ и его дружинѣ гораздо менѣе, чѣмъ нуждался прежде и чѣмъ сталъ нуждаться потомъ. Потомъ на новгородской границѣ стали два опасныхъ врага, Ливонскій орденъ и объединенная Литва. Въ XII в. еще не грозила ни та, ни другая опасность: Ливонскій орденъ основался въ самомъ началѣ XIII в., а Литва стала объединяться съ конца этого столѣтія. Совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій опредѣлились и отношенія Новгорода къ князьямъ, и устройство его управленія, и его общественный складъ, и наконецъ характеръ его политической жизни. Съ этихъ четырехъ сторонъ мы и разсмотримъ исторію города.

Гарантіи вольности.

Въ X и XI вв. князья еще очень мало дорожили Новгородской землей: ихъ интересы были привязаны къ южной Руси. Когда Святославъ, собираясь во второй болгарскій походъ, сталъ дѣлить Русскую землю между своими сыновьями, къ нему пришли и новгородцы просить князя. Святославъ, по лѣтописи, сказалъ имъ: „да пойдетъ ли кто къ вамъ?“ Это пренебреженіе къ отдаленному отъ Кіева городу было одною изъ причинъ, почему Новгородъ не сдѣлался достояніемъ ни одной вѣтви Ярославова племени, хотя новгородцы, тяготясь частыми смѣнами своихъ наѣзжихъ князей, много хлопотали о пріобрѣтеніи постояннаго князя. Другою причиною было то, что Новгородская область по смерти Ярослава не образуетъ особаго княженія, а служитъ придаткомъ къ великому княженію Кіевскому и раздѣляетъ превратности судебъ этого княжества,

считавшагося общимъ достояніемъ Ярославичей. Позднѣе князья стали обращать больше вниманія на богатый городъ. Но тотчасъ послѣ смерти Мономаха, какъ только упала его тяжелая рука, обстоятельства помогли Новгороду добиться важныхъ политическихъ льготъ. Княжескія усобицы сопровождались частыми смѣнами князей на новгородскомъ столѣ. Пользуясь этими усобицами и смѣнами, новгородцы внесли въ свой политическій строй два важныя начала, ставшія гарантіями ихъ вольности: избирательность высшей администраціи и *рядъ,* т. е. договоръ съ князьями. Частыя смѣны князей въ Новгородѣ сопровождались перемѣнами и въ личномъ составѣ новгородской администраціи. Князь правилъ въ Новгородѣ при содѣйствіи назначаемыхъ имъ или великимъ княземъ кіевскимъ помощниковъ, посадника и тысяцкаго. Когда князь покидалъ городъ добровольно или по неволѣ, и назначенный имъ посадникъ обыкновенно слагалъ съ себя должность, потому что новый князь приводилъ или назначалъ своего посадника. Но въ промежутокъ между двумя княженіями новгородцы, оставаясь безъ высшаго правительства, привыкали выбирать на время исправляющаго должность посадника и требовать отъ новаго князя утвержденія его въ должности. Такъ самымъ ходомъ дѣлъ завелся въ Новгородѣ обычай выбирать посадника. Этотъ обычай начинаетъ дѣйствовать тотчасъ послѣ смерти Мономаха, когда, по разсказу лѣтописи, въ 1126 г. новгородцы „дали посадничество" одному изъ своихъ сограждан. Послѣ выборъ посадника сталъ постояннымъ правомъ, которымъ очень дорожили новгородцы. Понятна перемѣна въ самомъ характерѣ этой должности, происшедшая вслѣдствіе того, что она давалась не на княжескомъ дворѣ, а на вѣчевой площади. Изъ представителя и блюстителя интересовъ князя предъ Новгородомъ посад-

никъ долженъ былъ превратиться въ представителя и блюстителя интересовъ Новгорода предъ княземъ. Послѣ и другая важная должность тысяцкаго также стала выборной. Въ новгородскомъ управленіи важное значеніе имѣлъ мѣстный епископъ. До половины XII в. его рукополагалъ русскій митрополитъ съ соборомъ епископовъ въ Кіевѣ, слѣдовательно подъ вліяніемъ великаго князя. Но со второй половины XII в. новгородцы начали выбирать изъ мѣстнаго духовенства и своего владыку, собираясь „всѣмъ городомъ“ на вѣче и посылая избраннаго въ Кіевъ къ митрополиту для рукоположенія. Первымъ такимъ выборнымъ епископомъ былъ игуменъ одного изъ мѣстныхъ монастырей Аркадій, избранный новгородцами въ 1156 г. Съ тѣхъ поръ за кіевскимъ митрополитомъ осталось лишь право рукополагать присланнаго изъ Новгорода кандидата. Такъ во второй и третьей четверти XII в. высшая новгородская администрація стала выборной. Въ то же время новгородцы начали точнѣе опредѣлять и свои отношенія къ князьямъ. Усобицы князей давали Новгороду возможность и пріучали его выбирать между князьями соперниками и налагать на выбраннаго князя извѣстныя обязательства, стѣснявшія его власть. Сами князья поддерживали эту привычку. Вмѣстѣ съ успѣхами самоуправленія общественная жизнь Новгорода принимала все болѣе безпокойное, шумное теченіе и дѣлала положеніе новгородскаго князя все менѣе прочнымъ, такъ что князья иногда сами отказывались править своевольнымъ городомъ, даже тайкомъ ночью бѣгали изъ него. Одинъ князь въ XII в. сказалъ другому, позванному править на Волховѣ: „не хлопочи о Новгородѣ; пусть управляются сами, какъ умѣютъ, и ищутъ себѣ князя, гдѣ хотятъ“. Всеволодъ III, безцеремонно нарушавшій всѣ вольности, пріобрѣтенныя Новгородомъ, иногда позволялъ имъ

выбирать князя по своей волѣ, а въ 1196 г. онъ и другіе князья дали Новгороду свободу—„гдѣ имъ любо, ту собѣ князя поимають“, берутъ князя изъ какой имъ угодно княжеской линіи.

Договоры съ князьями.

Новгородскими *рядами*, въ которыхъ излагались принимаемыя выбраннымъ княземъ обязательства, и опредѣлялось его значеніе въ мѣстномъ управленіи. Неясные слѣды такихъ договоровъ, скрѣплявшихся крестнымъ цѣлованіемъ со стороны князя, появляются уже въ первой половинѣ XII вѣка. Позднѣе они яснѣе обозначаются въ разсказѣ лѣтописца. Въ 1209 г. новгородцы усердно помогали великому князю Всеволоду суздальскому въ его походѣ на Рязанскую землю. Въ награду за это Всеволодъ сказалъ новгородцамъ: „любите, кто вамъ добръ, и казните злыхъ“. При этомъ—добавляетъ лѣтописецъ,—Всеволодъ далъ новгородцамъ „всю волю и уставы старыхъ князей, чего они хотѣли“. Итакъ Всеволодъ возстановилъ какіе-то старые уставы князей, обезпечивавшіе права новгородцевъ, и предоставилъ городу судебную власть въ извѣстныхъ дѣлахъ, точнѣе, право самовольной расправы съ неугодными согражданами. Въ 1218 г. изъ Новгорода ушелъ правившій имъ Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, князь торопецкій. На мѣсто его прибылъ его смоленскій родичъ Святославъ Мстиславичъ. Этотъ князь потребовалъ смѣны выборнаго новгородскаго посадника Твердислава. „А за что, спросили новгородцы, какая его вина?“—„Такъ, безъ вины“, отвѣчалъ князь. Тогда Твердиславъ сказалъ, обращаясь къ вѣчу: „радъ я, что нѣтъ на мнѣ вины, а вы, братья, и въ посадникахъ, и въ князьяхъ вольны“. Тогда вѣче сказало князю: „вотъ ты лишаешь мужа должности, а вѣдь ты намъ крестъ цѣловалъ безъ вины мужа должности не лишать“. Итакъ уже въ началѣ XIII в. князья

крестнымъ цѣлованіемъ скрѣпляли извѣстныя права новгородцевъ. Условіе не лишать новгородскаго сановника должности безъ вины, т.-е. безъ суда, является въ позднѣйшихъ договорахъ однимъ изъ главныхъ обезпеченій новгородской вольности. Льготы, которыхъ добились новгородцы, излагались въ договорныхъ грамотахъ. Первыя договорныя грамоты, въ которыхъ излагались политическія льготы Новгорода, дошли до насъ отъ второй половины XIII в. Ихъ три: онѣ содержатъ въ себѣ условія, на которыхъ правилъ Новгородскою землей Ярославъ Ярославичъ тверской. Двѣ изъ нихъ написаны въ 1265 г. и одна въ 1270 г. Позднѣйшія договорныя грамоты съ нѣкоторыми измѣненіями и прибавками повторяютъ условія этихъ договоровъ съ Ярославомъ. Изучая ихъ, мы видимъ основанія политическаго устройства Новгорода, главныя условія его вольности. Здѣсь новгородцы обязываютъ князя цѣловать крестъ, на чемъ цѣловали дѣды и отцы и его отецъ Ярославъ. Главное общее обязательство, падавшее на князя, состояло въ томъ, чтобы онъ правилъ, „держалъ Новгородъ въ старинѣ по пошлинѣ", по старому обычаю. Значитъ, условія, изложенныя въ грамотахъ Ярослава, были не нововведеніемъ, а завѣтомъ старины. Договоры опредѣляли: 1) судебно-административныя отношенія князя къ городу, 2) финансовыя отношенія города къ князю, 3) отношенія князя къ новгородской торговлѣ.

Князь въ управленіи и судѣ.

Князь былъ въ Новгородѣ высшей правительственной и судебной властью, руководилъ управленіемъ и судомъ, опредѣлялъ частныя гражданскія отношенія согласно съ мѣстнымъ обычаемъ и закономъ, скрѣплялъ сдѣлки и утверждалъ въ правахъ. Но всѣ эти судебныя и административныя дѣйствія онъ совершалъ не одинъ и не по лич-

ному усмотрѣнію, а въ присутствіи и съ согласія выборнаго новгородскаго посадника: „безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей раздавати, ни грамотъ ти даяти“. На низшія должности, замѣщаемыя не по вѣчевому выбору, а по княжескому назначенію, князь избиралъ людей изъ новгородскаго общества, а не изъ своей дружины. Всѣ такія должности, „волости“, раздавалъ онъ съ согласія посадника. Князь не могъ отнять безъ суда должности у выборнаго или назначеннаго на нее лица. Всѣ судебныя и правительственныя дѣйствія совершалъ онъ лично въ Новгородѣ и ничѣмъ не могъ распоряжаться съ Низу, изъ Суздальской земли, находясь въ своей вотчинѣ. „А изъ Суждальской ти земли Новагорода не рядити, ни волостій ти не роздавати“. Такъ вся судебная и правительственная дѣятельность князя шла подъ постояннымъ и бдительнымъ надзоромъ новгородскаго представителя.

Финансовыя отношенія.

Съ мелочной подозрительностью опредѣляли новгородцы свои финансовыя отношенія къ князю, его доходы, стараясь въ этомъ отношеніи возможно крѣпче связать ему руки. Князь получалъ „даръ“ съ новгородскихъ волостей, не входившихъ въ составъ древнѣйшихъ коренныхъ владѣній Новгорода, каковы: Волокъ, Торжокъ, Вологда, Заволочье и др. Сверхъ того онъ получалъ еще даръ отъ новгородцевъ, ѣдучи въ Новгородъ, по станціямъ, но не получалъ его, уѣзжая изъ Новгородской земли. Боясь отпаденія или захвата Заволочья, новгородцы старались не допускать прямыхъ сношеній князя съ этой обширной и важной для нихъ волостью и требовали въ договорахъ, чтобы князь отдавалъ свои заволоцкіе сборы на откупъ новгородцамъ. Если же онъ самъ хотѣлъ собирать ихъ, то посылалъ бы въ Заволочье своего сборщика изъ Новгорода, и этотъ сборщикъ не отвозилъ бы собранную дань

прямо на Низъ, т.-е. въ Суздальскую землю, въ вотчину князя, а завозилъ бы напередъ въ Новгородъ, откуда она и передавалась князю: такъ Новгородъ получалъ возможность контролировать эту операцію. Послѣ татарскаго нашествія и на Новгородъ былъ наложенъ ордынскій *выходъ*, дань. Татары поручали сборъ этого выхода, названнаго *чернымъ боромъ*, т.-е. повальнымъ, поголовнымъ налогомъ, великому князю владимірскому, который обыкновенно правилъ и Новгородомъ. Новгородцы сами собирали черный боръ и передавали его великому князю, который доставлялъ его въ Орду. Кромѣ того князь пользовался въ Новгородской землѣ судными и проѣзжими пошлинами и разными рыбными ловлями, сѣнокосами, бортями, звѣриными гонами; но всѣми этими доходами и угодьями онъ пользовался по правиламъ, точно опредѣленнымъ, въ урочное время и въ условленныхъ размѣрахъ. Князь по договорамъ не могъ имѣть въ Новгородской землѣ своихъ источниковъ дохода, независимыхъ отъ Новгорода. Новгородцы всего болѣе старались помѣшать князю завязать непосредственныя юридическія и хозяйственныя связи въ Новгородской землѣ, которыя шли бы помимо выборныхъ новгородскихъ властей, и давали бы князю возможность пустить здѣсь прочные корни. Въ договорныхъ грамотахъ особымъ условіемъ запрещалось князю съ его княгиней, боярами и дворянами пріобрѣтать или заводить села и слободы въ Новгородской землѣ и принимать людей въ закладъ, т.-е. въ личную зависимость.

Отношенія по торговлѣ.

Съ такой же точностью были опредѣлены отношенія князя и къ новгородской торговлѣ. Торговля внутренняя и внѣшняя была жизненнымъ нервомъ города. Князь нуженъ былъ Новгороду не только для обороны границъ, но и для обезпеченія торговыхъ его интересовъ: онъ дол-

женъ былъ давать въ своемъ княжествѣ свободный и безопасный путь новгородскимъ купцамъ. Князь обязывался пускать ихъ въ свои владѣнія „гостить безъ рубежа“, безъ задержки. Было точно опредѣлено, какія пошлины взимать князю съ каждой новгородской ладьи или торговаго воза, являвшихся въ его княжество. Въ Новгородѣ рано появляются заморскіе купцы съ Запада. Около половины XII в. здѣсь основались купцы съ острова Готланда изъ г. Висби, который былъ тогда средоточіемъ торговли по балтійскимъ берегамъ. Готландцы построили въ Новгородѣ на Торговой сторонѣ у торга дворъ съ церковью скандинавскаго святого Олафа, съ „варяжскою божницей“, какъ ее называли новгородцы. Потомъ купцы изъ нѣмецкихъ городовъ, составлявшіе торговое общество на томъ же Готландѣ, построили въ той же части Новгорода другой дворъ, на которомъ въ 1184 г. поставлена была „нѣмецкая ропата“, церковь св. Петра. Съ усиленіемъ Ганзы въ XIV в. нѣмцы въ Новгородѣ вытѣснили готовъ и стали нанимать ихъ новгородскій дворъ, и тогда высшее руководство нѣмецкой торговлей въ Новгородѣ перешло отъ Висби къ Любеку, главѣ ганзейскаго союза. Новгородцы очень дорожили своей балтійской торговлей и давали большія льготы обѣимъ иноземнымъ конторамъ, хотя при корпоративной сплоченности и разсчетливо выработанномъ порядкѣ веденія дѣлъ заморскія торговыя компаніи извлекали изъ Новгорода несравненно больше выгодъ, чѣмъ умѣлъ извлечь Новгородъ изъ нихъ. По договорнымъ грамотамъ князь могъ участвовать въ торговлѣ города съ заморскими купцами только чрезъ новгородскихъ посредниковъ; онъ не могъ затворять нѣмецкаго торговаго двора, ни ставить къ нему своихъ приставовъ. Такимъ образомъ новгородская внѣшняя торговля была ограждена отъ произвола со стороны князя.

Нельзя сказать, чтобы въ изложенныхъ договорныхъ грамотахъ дѣйствительныя отношенія князя къ Новгороду были опредѣлены полно и всесторонне. Одна изъ главнѣйшихъ цѣлей, если не самая главная, для чего нуженъ былъ князь Новгороду, это—защита отъ внѣшнихъ враговъ, а объ этомъ въ договорѣ съ Ярославомъ тверскимъ нѣтъ ни слова и лишь въ позднѣйшихъ говорится мимоходомъ, что въ случаѣ размирья съ нѣмцами, Литвой или съ какой другой землей князь обязанъ пособлять Новгороду безъ хитрости. Значеніе князя по договорамъ неясно, потому что неясно его назначеніе, выражавшееся въ его правахъ и обязанностяхъ. Но права и обязанности князя въ грамотахъ не излагаются прямо, а лишь предполагаются; грамоты формулируютъ только границы правъ и слѣдствія обязанностей, т.-е. способы вознагражденія за ихъ исполненіе, *корма* за боевыя и правительственныя услуги князя. Въ недовѣрчивомъ, скрупулезно-детальномъ развѣсѣ кормовыхъ статей и состоитъ основное содержаніе новгородскихъ договоровъ съ князьями. Припомнимъ значеніе князя, вождя дружины, въ старинныхъ торговыхъ городахъ Руси IX в. Это былъ наемный военный сторожъ города и его торговли. Точно такое же значеніе сохранялъ для Новгорода и князь удѣльнаго времени. Это значеніе князя выражено въ псковской лѣтописи, которая одного новгородскаго князя XV в. называетъ „воеводой, княземъ *кормленымъ*, о комъ было имъ стояти и боронитися". Значеніе князя, какъ наемника, новгородцы, вѣрные своей старинѣ-пошлинѣ, старались поддерживать договорами до конца своей вольности. Такъ смотрѣли на князя ихъ отцы и дѣды; иначе не хотѣли или не умѣли посмотрѣть на него дѣти и внуки. Но такой старообразный взглядъ Новгорода на князя удѣльнаго времени, какъ увидимъ, со-

Неполнота договорныхъ грамотъ.

всѣмъ не сходился со взглядомъ тогдашняго князя на Новгородъ.

Управленіе Новгорода В.

Переходимъ къ устройству новгородскаго управленія и суда. Они строились въ связи съ опредѣленіемъ отношеній вольнаго города къ князю. Эти отношенія, видѣли мы, опредѣлялись договорами; но договорами опредѣлялись еще въ XII в. и отношенія другихъ старшихъ городовъ на Руси къ князьямъ. Слѣдовательно Новгородъ въ удѣльные вѣка развивалъ лишь порядокъ политическихъ отношеній, какой завязался всюду на Руси гораздо раньше; но этотъ порядокъ прежде времени погибъ въ остальныхъ областяхъ, а въ Новгородѣ имѣлъ время развиться въ сложную систему правительственныхъ учрежденій. Въ этомъ и сходство его съ волостными городами Кіевской Руси, и вмѣстѣ отличіе отъ нихъ. Разсмотримъ основанія этой системы.

Новгородъ—державная союзная община.

У Новгорода не было *своихъ* постоянныхъ князей. По идеѣ общее достояніе княжескаго рода, владѣемое по очереди старшими его представителями, великими князьями, онъ сталъ ничьимъ на дѣлѣ. Выбирая князей по произволу на условіяхъ найма и корма, онъ былъ всѣмъ чужой и всѣ князья были ему чужіе. По мѣрѣ того, какъ устанавливались у него договорныя отношенія къ князьямъ, новгородскій князь постепенно выступалъ изъ состава мѣстнаго общества, теряя органическія связи съ нимъ. Онъ со своей дружиной входилъ въ это общество лишь механически, какъ сторонняя временная сила. Онъ и жилъ внѣ города, на *Городищѣ*, какъ называлось его подворье. Благодаря тому политическій центръ тяжести въ Новгородѣ долженъ былъ съ княжескаго двора перемѣститься въ среду мѣстнаго общества, на вѣчевую площадь. Вотъ почему, несмотря на присутствіе князя Новгородъ въ удѣль-

ные вѣка былъ собственно державной общиной. Далѣе, въ Новгородѣ мы встрѣчаемъ то же военное устройство, какое еще до князей сложилось въ другихъ старшихъ городахъ Руси. Новгородъ составлялъ *тысячу*, вооруженный полкъ подъ командой тысяцкаго. Эта тысяча дѣлилась на *сотни*, военныя части города. Каждая сотня со своимъ выборнымъ сотскимъ представляла особое общество, пользовавшееся извѣстной долей самоуправленія, имѣвшее свой сходъ, свое вѣче. Въ военное время это былъ рекрутскій округъ, въ мирное—округъ полицейскій. Но сотня не была самой мелкой административной частью города: она подраздѣлялась на *улицы*, изъ которыхъ каждая со своимъ выборнымъ *улицкимъ* старостой составляла также особый мѣстный міръ, пользовавшійся самоуправленіемъ. Съ другой стороны, сотни складывались въ болѣе крупные союзы, *концы*. Каждый городской конецъ состоялъ изъ двухъ сотенъ. Во главѣ конца стоялъ выборный *кончанскій* староста, который велъ текущія дѣла конца. Но онъ правилъ концомъ не одинъ, а при содѣйствіи коллегіи знатныхъ обывателей конца, которая составляла кончанскую управу. Эта управа была исполнительнымъ учрежденіемъ, дѣйствовавшимъ подъ надзоромъ кончанскаго вѣча, имѣвшаго распорядительную власть. Союзъ концовъ и составлялъ общину Великаго Новгорода. Такимъ образомъ Новгородъ представлялъ многостепенное соединеніе мелкихъ и крупныхъ мѣстныхъ міровъ, изъ которыхъ большіе составлялись сложеніемъ меньшихъ.

Вѣче и его отношеніе къ князю.

Совокупная воля всѣхъ этихъ союзныхъ міровъ выражалась въ общемъ вѣчѣ города. По происхожденію своему новгородское вѣче было городскимъ собраніемъ, совершенно однороднымъ со сходами другихъ старшихъ городовъ Руси. Можно было бы предполагать, что большій политическій

просторъ позволялъ новгородскому вѣчу сложиться въ болѣе выработанныя формы. Однако въ разсказахъ древней новгородской лѣтописи вѣче благодаря этому простору является только болѣе шумнымъ и произвольнымъ, чѣмъ гдѣ-либо. Въ устройствѣ его до конца вольности города оставались важные пробѣлы. Вѣче созывали иногда князь, чаще который-нибудь изъ главныхъ городскихъ сановниковъ, посадникъ или тысяцкій. Впрочемъ иногда, особенно во время борьбы партій, вѣче созывали и частныя лица. Оно не было постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, созывалось, только когда являлась въ немъ надобность. Никогда не было установлено постояннаго срока для его созыва. Вѣче собиралось по звону вѣчевого колокола. Звукъ этого колокола новгородское ухо хорошо отличало отъ звона церковныхъ колоколовъ. Вѣче собиралось обыкновенно на площади, называвшейся Ярославовымъ дворомъ. Обычнымъ вѣчевымъ мѣстомъ для выбора новгородскаго владыки была площадь у Софійскаго собора, на престолѣ котораго клали избирательные жеребьи. Вѣче не было по составу своему представительнымъ учрежденіемъ, не состояло изъ депутатовъ: на вѣчевую площадь бѣжалъ всякій, кто считалъ себя полноправнымъ гражданиномъ. Вѣче обыкновенно состояло изъ гражданъ одного старшаго города; но иногда на немъ являлись и жители младшихъ городовъ земли, впрочемъ только двухъ; Ладоги и Пскова. Это были или пригородскіе депутаты, которыхъ посылали въ Новгородъ, когда на вѣчѣ возникалъ вопросъ, касавшійся того или другого пригорода, или случайные посѣтители Новгорода изъ пригорожанъ, приглашенные на вѣче. Въ 1384 г. пригорожане Орѣхова и Корелы прибыли въ Новгородъ жаловаться на посаженнаго у нихъ новгородцами кормленщика, литовскаго князя Патрикія. Собрались два вѣча, одно за князя, другое

за пригорожанъ. Это было, очевидно, обращеніе обижаемыхъ провинціаловъ за управой къ державной столицѣ, а не участіе ихъ въ законодательной или судебной власти вѣча. Вопросы, подлежавшіе обсужденію вѣча, предлагались ему со *степени* княземъ или высшими сановниками, степеннымъ посадникомъ либо тысяцкимъ. Вѣче вѣдало всю область законодательства, всѣ вопросы внѣшней политики и внутренняго устройства, а также судъ по политическимъ и другимъ важнѣйшимъ преступленіямъ, соединеннымъ съ наиболѣе тяжкими наказаніями, лишеніемъ жизни или конфискаціей имущества и изгнаніемъ *(потокъ и разграбленіе* Русской Правды). Вѣче постановляло новые законы, приглашало князя или изгоняло его, выбирало и судило главныхъ городскихъ сановниковъ, разбирало ихъ споры съ княземъ, рѣшало вопросы о войнѣ и мирѣ и т. п. Въ законодательной дѣятельности вѣча принималъ участіе и князь; но здѣсь въ компетенціи обѣихъ властей трудно провести раздѣльную черту между правомѣрными и фактическими отношеніями. По договорамъ князь не могъ замышлять войны „безъ новгородскаго слова“; но не встрѣчаемъ условія, чтобы Новгородъ не замышлялъ войны безъ княжескаго согласія, хотя внѣшняя оборона страны была главнымъ дѣломъ новгородскаго князя. По договорамъ князь не могъ безъ посадника раздавать доходныхъ должностей, *волостей и кормленій*, а на дѣлѣ бывало, что вѣче давало кормленія безъ участія князя. Точно также князь не могъ отнимать должностей „безъ вины“, а вину должностного лица онъ обязанъ былъ объявить на вѣчѣ, которое тогда производило дисциплинарный судъ надъ обвиняемымъ. Но иногда роли обвинителя и судьи мѣнялись: вѣче привлекало на судъ предъ княземъ неудобнаго областного кормленщика. По договорамъ князь не могъ безъ

посадника давать грамотъ, утверждавшихъ права должностныхъ или частныхъ лицъ; но нерѣдко такія грамоты исходили отъ вѣча помимо князя и даже безъ его имени и только рѣшительнымъ пораженіемъ новгородской рати Василій Темный заставилъ новгородцевъ въ 1456 г. отказаться отъ „вѣчныхъ грамотъ".

Анархическій характеръ вѣча.

На вѣчѣ по самому его составу не могло быть ни правильнаго обсужденія вопроса, ни правильнаго голосованія. Рѣшеніе составлялось на глазъ, лучше сказать, на слухъ, скорѣе по силѣ криковъ, чѣмъ по большинству голосовъ. Когда вѣче раздѣлялось на партіи, приговоръ вырабатывался насильственнымъ способомъ, посредствомъ драки: осилившая сторона и признавалась большинствомъ. Это была своеобразная форма *поля*, суда Божія, какъ сбрасываніе съ волховскаго моста осужденныхъ вѣчевымъ приговоромъ было пережиточной формой древняго испытанія водой. Иногда весь городъ „раздирался" между боровшимися партіями и тогда собирались одновременно два вѣча, одно на обычномъ мѣстѣ, на Торговой сторонѣ, другое на Софійской; но это были уже мятежныя междоусобныя сборища, а не нормальныя вѣча. Случалось не разъ, раздоръ кончался тѣмъ, что оба вѣча, двинувшись другъ противъ друга, сходились на большомъ волховскомъ мосту и начинали побоище, если духовенство вовремя не успѣвало разнять противниковъ. Такое значеніе волховскаго моста, какъ очевидца городскихъ усобицъ, выразилось въ поэтической формѣ, въ легендѣ, занесенной въ нѣкоторыя русскія лѣтописи и въ записки одного иностранца, бывавшаго въ Россіи въ началѣ XVI в., барона Герберштейна. По его разсказу, когда новгородцы при Владимірѣ Святомъ сбросили идолъ Перуна въ Волховъ, разсерженный богъ, доплывъ до моста, выкинулъ на него палку со словами: „вотъ

вамъ, новгородцы, отъ меня на память". Съ тѣхъ поръ новгородцы въ урочное время сходятся съ палками на волховскомъ мосту и начинаютъ драться, какъ бѣшеные.

Посадникъ и тысяцкій.

Исполнительными органами вѣча были два высшихъ выборныхъ сановника, которые вели текущія дѣла управленія и суда, *посадникъ и тысяцкій.* Пока они занимали свои должности, они назывались *степенными,* т.-е. стоящими на степени, а покинувъ степенную службу, получали званіе посадниковъ и тысяцкихъ *старыхъ.* Довольно трудно разграничить вѣдомство обоихъ сановниковъ: посадники степенные и старые въ походахъ командуютъ новгородскими полками; тысяцкіе дѣлаютъ одни дѣла съ посадниками. Кажется, посадникъ былъ собственно гражданскимъ правителемъ города, а тысяцкій военнымъ и полицейскимъ; вотъ почему нѣмцы въ удѣльные вѣка называли посадника бургграфомъ, а тысяцкаго герцогомъ. Оба сановника получали свои правительственныя полномочія на неопредѣленное время: одни правили годъ, другіе меньше, иные по нѣскольку лѣтъ. Кажется, не раньше XV в. установился постоянный срокъ для занятія этихъ должностей. По крайней мѣрѣ одинъ фламандскій путешественникъ Guillebert de Lannoy, посѣтившій Новгородъ въ началѣ XV в., говоритъ о посадникѣ и тысяцкомъ, что эти сановники смѣнялись ежегодно. Посадникъ и тысяцкій правили съ помощью цѣлаго штата подчиненныхъ имъ низшихъ агентовъ, называвшихся *приставами, биричами, подвойскими, позовниками, извѣтниками,* которые исполняли разныя судебныя и административно-полицейскія распоряженія, объявляли рѣшенія вѣча, призывали къ суду, извѣщали судъ о совершенномъ преступленіи, производили обыски и т. п. Въ пользу посадника и тысяцкаго за ихъ службу шелъ поземельный налогъ *поралье* (рало—плугъ).

Судъ. Кромѣ дѣлъ собственно правительственныхъ посадникъ и тысяцкій принимали дѣятельное участіе въ судопроизводствѣ. Изображеніе новгородскаго суда находимъ въ сохранившейся части Новгородской Судной грамоты, устава, составленнаго и утвержденнаго вѣчемъ въ послѣдніе годы новгородской вольности. Источники ея—„старина", т.-е. юридическій обычай и давняя судебная практика Новгорода, постановленія вѣча и договоры съ князьями. Въ новгородскомъ судоустройствѣ прежде всего вниманіе останавливается на обиліи подсудностей. Судъ не сосредоточивался въ особомъ вѣдомствѣ, а былъ распредѣленъ между разными правительственными властями: онъ составлялъ доходную статью, въ которой нуждались всѣ вѣдомства. Былъ свой судъ у новгородскаго владыки, свой у княжескаго намѣстника, у посадника, свой у тысяцкаго. Возникновеніе инстанцій вносило новое осложненіе въ судопроизводство. По договорнымъ грамотамъ князь не могъ судить безъ посадника, и по Судной грамотѣ посадникъ судитъ съ намѣстникомъ князя, а безъ намѣстника суда не *кончаетъ,* слѣдовательно только начинаетъ его. На практикѣ эта совмѣстная юрисдикція посадника и намѣстника разрѣшалась тѣмъ, что уполномоченные органы того и другого, *тіуны,* каждый отдѣльно разбирали подлежавшія имъ дѣла въ своихъ *одринахъ* или камерахъ при содѣйствіи избранныхъ тяжущимися сторонами двухъ *приставовъ,* засѣдателей, но не рѣшали дѣлъ окончательно, а переносили ихъ въ высшую инстанцію: или на *докладъ,* т.-е. для составленія окончательнаго рѣшенія, или на *пересудъ,* т.-е. на ревизію, для пересмотра дѣла и утвержденія положеннаго тіуномъ рѣшенія. Въ судѣ этой докладной и ревизіонной инстанціи съ посадникомъ и намѣстникомъ или съ ихъ тіунами сидѣли 10 присяжныхъ

засѣдателей, по боярину и житьему отъ каждаго конца. Они составляли постоянную коллегію *докладчиковъ*, какъ они назывались, и собирались на дворѣ новгородскаго архіепископа „во владычнѣ комнатѣ“ три раза въ недѣлю подъ страхомъ денежной пени за неявку. Наконецъ судопроизводство усложнялось еще комбинаціями разныхъ юрисдикцій въ смѣсныхъ дѣлахъ, гдѣ встрѣчались стороны различныхъ подсудностей. Въ тяжбѣ церковнаго человѣка съ міряниномъ городской судья судилъ вмѣстѣ съ владычнимъ намѣстникомъ или его тіуномъ. Княжескаго человѣка съ новгородцемъ судила на Городищѣ особая коммиссія изъ двухъ бояръ, княжескаго и новгородскаго, и если они не могли согласиться въ рѣшеніи, дѣло докладывалось самому князю, когда онъ пріѣзжалъ въ Новгородъ, въ присутствіи посадника. Тысяцкій повидимому судилъ дѣла преимущественно полицейскаго характера. Но онъ же былъ первымъ изъ трехъ старшинъ въ совѣтѣ, который стоялъ во главѣ возникшаго въ XII в. при церкви св. Іоанна Предтечи на Опокахъ купеческаго общества и вѣдалъ торговый судъ. Этотъ же совѣтъ съ участіемъ посадника кстати разбиралъ дѣла между новгородцами и купцами нѣмецкаго двора въ Новгородѣ. Столь заботливо расчлененное судоустройство повидимому прочно обезпечивало право и общественное спокойствіе. Но статьи Судной грамоты объ огромныхъ штрафахъ за грабежи и наѣзды на оспариваемыя земли и за *наводку*, подговоръ толпы къ нападенію на судъ, производятъ другое впечатлѣніе. Усиленная строгость законодательства въ поддержаніи общественнаго порядка не говоритъ за то, что общество пользуется достаточнымъ порядкомъ.

Совѣтъ господъ.

Вѣче было законодательнымъ учрежденіемъ, посадникъ и тысяцкій—его исполнительными судебно-администра-

тивными органами. По характеру своему вѣче не могло правильно обсуждать предлагаемые ему вопросы, а тѣмъ менѣе возбуждать ихъ, имѣть законодательный починъ; оно могло только отвѣчать на поставленный вопросъ, отвѣчать простымъ *да* или *нѣтъ*. Нужно было особое учрежденіе, которое предварительно разрабатывало бы законодательные вопросы и предлагало вѣчу готовые проекты законовъ или рѣшеній. Такимъ подготовительнымъ и распорядительнымъ учрежденіемъ былъ новгородскій *совѣтъ господъ*, Herrenrath, какъ называли его нѣмцы, или *господа*, какъ онъ назывался въ Псковѣ. Госпо̀да вольнаго города развилась изъ древней боярской думы князя съ участіемъ городскихъ старѣйшинъ. Такую думу встрѣчаемъ мы при Владимірѣ Святомъ въ Кіевѣ. Новгородскіе князья для обсужденія важныхъ вопросовъ въ XII в. приглашали къ себѣ на совѣтъ вмѣстѣ со своими боярами городскихъ сотскихъ и старостъ. По мѣрѣ того, какъ князь терялъ органическія связи съ мѣстнымъ обществомъ, онъ съ боярами былъ постепенно вытѣсненъ изъ мѣстнаго правительственнаго совѣта. Тогда постояннымъ предсѣдателемъ этого совѣта господъ остался мѣстный владыка-архіепископъ, въ палатахъ котораго онъ и собирался. Новгородскій совѣтъ послѣ того состоялъ изъ княжескаго намѣстника и городскихъ властей: изъ степенныхъ посадника и тысяцкаго, изъ старостъ кончанскихъ и сотскихъ. Но рядомъ со степенными въ совѣтѣ сидѣли и старые посадники и тысяцкіе. Частыя смѣны высшихъ сановниковъ подъ вліяніемъ борьбы партій были причиной того, что въ совѣтѣ господъ было всегда много старыхъ посадниковъ и тысяцкихъ. Вотъ почему новгородскій совѣтъ въ XV в. наканунѣ паденія новгородской вольности состоялъ болѣе чѣмъ изъ 50 членовъ. Всѣ они кромѣ

председателя назывались *боярами.* Совѣтъ, сказали мы, подготовлялъ и вносилъ на вѣче законодательные вопросы, представлялъ готовые проекты законовъ, не имѣя своего собственнаго голоса въ законодательствѣ; но по характеру соціально-политическаго строя Новгорода этотъ совѣтъ на дѣлѣ имѣлъ болѣе важное значеніе. Состоя изъ представителей высшаго новгородскаго класса, имѣвшаго могущественное экономическое вліяніе на весь городъ, этотъ подготовительный совѣтъ часто и предрѣшалъ вносимые имъ на вѣче вопросы, проводя среди гражданъ подготовленные имъ самимъ отвѣты. Въ исторіи политической жизни Новгорода боярскій совѣтъ имѣлъ гораздо больше значенія, чѣмъ вѣче, бывшее обыкновенно послушнымъ его орудіемъ: это была скрытая, но очень дѣятельная пружина новгородскаго управленія.

Областное управленіе.

Центральное управленіе и судъ въ Новгородѣ осложнялись двойственностью властей—вѣчевой и княжеской. Въ областномъ управленіи встрѣчаемъ двойственность началъ—централизаціи и мѣстной автономіи. Новгородъ былъ державный городъ, повелѣвавшій обширной территоріей; но онъ предоставлялъ частямъ этой территоріи значительную самостоятельность. При взаимномъ антагонизмѣ этихъ началъ установилось довольно своеобразное отношеніе областного управленія къ центральному. Сохранились слѣды, впрочемъ неясные, указывающіе на то, что коренныя области, вошедшія потомъ въ пятинное дѣленіе Новгородской земли, зависѣли въ управленіи отъ частей Новгорода, между которыми онѣ были расписаны. На эту зависимость указываетъ упомянутый мною баронъ Герберштейнъ; впрочемъ это свидѣтельство очень неясно выражено. Передаю его слова въ возможно близкомъ къ подлиннику изложеніи. Лѣтъ 40 съ чѣмъ-нибудь спустя

Отношеніе пятинъ къ концамъ.

послѣ паденія Новгорода Герберштейну разсказывали въ Москвѣ, что нѣкогда, во времена своей вольности, этотъ городъ имѣлъ обширную область, раздѣленную на пять частей; каждая изъ этихъ частей не только относилась во всѣхъ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ къ подлежащему начальству своей части (quarum quaelibet pars non solum de publicis ac privatis rebus cognoscendis ad ordinarium ac competenten suae partis magistratum referebat), но и сдѣлки съ согражданами каждый могъ совершать только въ своей части города, и никому не позволялось обращаться съ чѣмъ-либо къ другому начальству того же города (verum in sua dumtaxat civitatis regione contrahere res quiscunque ac commode cum aliis civibus suis conficere poterat etc.). Герберштейнъ хотѣлъ сказать или ему говорили, что каждая *территоріальная* часть Новгородской земли во всѣхъ дѣлахъ обращалась къ управленію своей *городской* части, т.-е. городского конца. Такое же отношеніе частей территоріи къ концамъ города существовало и въ Псковской землѣ. Здѣсь старые пригороды издавна были распредѣлены между концами города. Въ 1468 г., когда накопилось много новыхъ пригородовъ, на вѣчѣ было рѣшено также раздѣлить ихъ по жребію между концами, по два пригорода на каждый конецъ. И въ новгородскихъ документахъ есть кое-какія указанія на административную зависимость загородныхъ земель отъ городскихъ концовъ. Такъ по писцовымъ книгамъ конца XV в. извѣстны съемщики подгородныхъ земель въ Вотской пятинѣ, тянувшіе тягломъ въ Неревскій конецъ, съ которымъ она соприкасалась. Новгородская Судная грамота говоритъ о сельскихъ волостныхъ людяхъ „кончанскихъ и улицкихъ", которыхъ старосты концовъ и улицъ обязаны были ставить на судъ въ искахъ на нихъ сто-

ронних лицъ. Впрочемъ пятина или соотвѣтствующая ей округа не была цѣльной административной единицей, не имѣла своего мѣстнаго административнаго средоточія. Она распадалась по пригородамъ на части, называвшіяся ихъ *волостями*, а въ московское время *уѣздами* или *присудами*; каждая волость имѣла свое особое административное средоточіе въ извѣстномъ пригородѣ, такъ что кончанское управленіе было единственной связью, соединявшей пятины въ одно административное цѣлое. Пригородъ со своей волостью былъ такой же мѣстный самоуправляющійся міръ, какими были новгородскіе концы и сотни. Его автономія выражалась въ мѣстномъ пригородномъ вѣчѣ. Впрочемъ этимъ вѣчемъ руководилъ посадникъ, который обыкновенно присылался изъ старшаго города. Назначеніе пригородскихъ посадниковъ изъ Новгорода было одной изъ формъ, въ которыхъ выражалась политическая зависимость пригородовъ отъ старшаго города. Вмѣстѣ съ этою открываются и другія формы въ разсказѣ о томъ, какъ Псковъ сталъ самостоятельнымъ городомъ. До половины XIV в. онъ былъ пригородомъ Новгорода, въ 1347 г. по договору съ Новгородомъ получилъ независимость отъ него, сталъ называться младшимъ его братомъ. По этому договору новгородцы отказались отъ права посылать въ Псковъ посадника и вызывать псковичей въ Новгородъ на судъ гражданскій и церковный; новгородскій владыка, къ епархіи котораго принадлежалъ Псковъ, долженъ былъ для церковнаго суда назначать туда своимъ намѣстникомъ природнаго псковича. Значитъ, судебныя учрежденія старшаго города служили высшей инстанціей для пригорожанъ. По договорнымъ грамотамъ *сотскіе и рядовичи* безъ княжескаго намѣстника и посадника не судятъ нигдѣ. Это значитъ, что старосты городскіе и сельскіе подобно

Пригороды.

новгородскимъ тіунамъ посадника и намѣстника только начинали судебныя дѣла, а для окончательнаго рѣшенія переносили ихъ къ докладу въ судъ докладчиковъ въ Новгородѣ. Третья форма политической зависимости пригорода отъ старшого города состояла въ правѣ послѣдняго облагать пригородное населеніе сборами на свои нужды. Далѣе, Новгородъ раздавалъ свои пригороды въ кормленіе князьямъ, которыхъ призывалъ къ себѣ на службу; во время войны пригороды по приказу Новгорода высылали свои ополченія, которыми иногда командовали новгородскіе воеводы. За ослушаніе Новгородъ наказывалъ пригороды денежной пеней и даже „казнью", которая состояла въ военной экзекуціи, сжигавшей села въ волости непокорнаго пригорода. Такъ казнены были въ 1435 г. Ржева и Великія Луки за отказъ платить дань Новгороду. Несмотря на то политическая зависимость пригородовъ, выражавшаяся въ столь разнообразныхъ формахъ, была всегда очень слаба: пригороды иногда отказывались принимать посадниковъ, которыхъ присылалъ главный городъ; Торжокъ не разъ ссорился съ Новгородомъ и принималъ къ себѣ князей противъ его воли; въ 1397 г. вся Двинская земля „задалась" за великаго князя московскаго Василія по первому его зову и цѣловала ему крестъ, отпавъ отъ Новгорода. Вообще въ устройствѣ областного управленія Новгородской земли замѣтенъ рѣшительный перевѣсъ центробѣжныхъ силъ, парализовавшихъ дѣйствіе политическаго центра.

Противорѣчія политическаго строя.

Въ началѣ сегодняшняго чтенія я сказалъ, что устройство Новгородской земли въ удѣльные вѣка было дальнѣйшимъ развитіемъ основъ, лежавшихъ въ общественномъ быту старшихъ городовъ Кіевской Руси; только это развитіе осложнялось мѣстными условіями. Тамъ и здѣсь

встрѣчаемъ ту же двойственность власти—вѣча и князя—и тѣже договорныя отношенія между ними. Но въ Новгородѣ эти отношенія разработаны и опредѣлены подробнѣе, отлиты въ стереотипныя формулы письменнаго договора, управленіе расчленено и сплелось въ сложную, даже запутанную сѣть учрежденій и все это, и отношенія, и учрежденія, направлено въ одну сторону, противъ князя, безъ котораго однако вольный городъ не могъ обойтись. Князь долженъ былъ стоять около Новгорода, служа ему, а не во главѣ его правя, имъ. Онъ для Новгорода или наемникъ, или врагъ; въ случаѣ вражды къ нему, какъ къ враждебной державѣ, посылали съ вѣча на Городище ультиматумъ, грамоту, „исписавше всю вину его", съ заключеніемъ: „поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ". Но такъ какъ князь въ Новгородѣ былъ единственной централизующей силой, которая могла объединить и направить сословные и мѣстные интересы къ общей цѣли, то ослабленіе его власти помогало накопиться въ общественномъ быту Новгорода обильному запасу противорѣчій и условій раздора. Жизненныя стихіи Новгородской земли сложились въ такое сочетаніе, которое сдѣлало изъ нея обширный наборъ крупныхъ и мелкихъ мѣстныхъ міровъ, устроившихся по образцу центра, съ большей или меньшей долей уступленной или присвоенной державности,—наборъ, неустойчивый внутри и только механически сжатый внѣшними опасностями. Нужна была внутренняя нравственная сила, чтобы сообщить землѣ нѣкоторую прочность. Такой силы будемъ искать въ общественномъ составѣ Новгорода.

Лекція XXIV.

Классы новгородскаго общества.—Новгородское боярство и его происхожденіе.—Житые люди.—Купцы и черные люди.—Холопы, смерды и половники.—Земцы; происхожденіе и значеніе этого класса.—Основаніе сословнаго дѣленія новгородскаго общества.—Политическій бытъ Новгорода.—Происхожденіе и борьба партій княжескихъ и соціальныхъ.—Характеръ и значеніе новгородскихъ усобицъ.—Особенности псковскаго политическаго строя и быта.—Различный характеръ псковскаго и новгородскаго политическаго порядка.—Недостатки новгородскаго политическаго быта.—Общая причина паденія вольности Новгорода.—Предсказанія.

Мы изучали политическія формы жизни Новгорода Великаго. Теперь войдемъ въ ея содержаніе и прежде всего остановимся на составѣ новгородскаго общества.

Составъ общества.

Новгородская Судная грамота, въ которой можно видѣть завершительное дѣло новгородской юридической мысли, въ первой статьѣ своей о судѣ церковномъ ставитъ какъ бы общее правило: „судити всѣхъ равно, какъ боярина, такъ и житьего, такъ и молодчего человѣка“; по договору съ Казимиромъ литовскимъ это правило обязательно и для совмѣстнаго суда посадника и намѣстника. Можно подумать, что въ этой формулѣ равенства всѣхъ состояній передъ закономъ выразилось вѣковое развитіе новгородскаго общества въ демократическомъ направленіи. Въ такомъ случаѣ Новгородъ надобно признать непохожимъ на его сверстниковъ, на старшіе волостные города Кіевской

Руси, въ которыхъ общественный бытъ отличался аристократическимъ, патриціанскимъ характеромъ.

Въ составѣ новгородскаго общества надобно различать классы городскіе и сельскіе. Населеніе Новгорода Великаго состояло изъ *бояръ, житьихъ людей, купцовъ и черныхъ людей.*

Во главѣ новгородскаго общества стояло *боярство.* Мы знаемъ, что въ другихъ областяхъ Русской земли боярство создавалось вольной службой князю. Въ Новгородѣ князь со своей дружиной былъ сторонней, пришлой силой, не входившей органически въ составъ мѣстнаго общества. Какимъ же образомъ могло возникнуть боярство въ Новгородѣ, когда здѣсь не было самого корня, изъ котораго выросталъ этотъ классъ въ другихъ областяхъ Руси? Отвѣчая на этотъ вопросъ, надо припомнить, что еще до князей старшіе города на Руси управлялись военной старшиной, выходившей изъ мѣстной промышленной знати. Новгородское боярство образовалось изъ такого же класса. Въ другихъ областяхъ Руси съ появленіемъ князей городская военно-промышленная знать была вытѣснена изъ управленія княжеской дружиной. По разнымъ обстоятельствамъ въ Новгородѣ эта знать не утратила своего правительственнаго значенія и при князьяхъ. Уже въ XI в. князья, правившіе Новгородомъ, назначали на мѣстныя правительственныя должности людей изъ мѣстнаго же общества. Такимъ образомъ новгородская администрація по личному составу своему стала туземной еще прежде, чѣмъ сдѣлалась выборной. Посредствомъ такихъ назначеній изъ княжескихъ сановниковъ туземнаго происхожденія къ началу XII в. въ Новгородѣ и сложился вліятельный классъ или кругъ знатныхъ фамилій, имѣвшій двоякое руководящее значеніе въ мѣстномъ обществѣ: члены

Происхожденіе боярства.

его занимали правительственныя должности въ городѣ по назначенію князя, а въ столкновеніяхъ послѣдняго съ городомъ этотъ классъ становился во главѣ горожанъ противъ князя. Занимая по назначенію князя должности, которыя въ другихъ областяхъ давались княжескимъ боярамъ, и новгородская знать усвоила себѣ значеніе и званіе бояръ. Князь Всеволодъ въ данномъ имъ Новгороду церковномъ уставѣ (1135 г.) прямо называетъ новгородскихъ сотскихъ „своими мужами", а княжи мужи—бояре. Значитъ и въ Новгородѣ боярство вышло изъ того же политическаго источника, изъ какого оно выходило въ другихъ областяхъ Русской земли: этимъ источникомъ была служба князю, занятіе высшихъ правительственныхъ должностей по назначенію князя. Усвоивъ себѣ званіе бояръ на княжеской службѣ, мѣстная правительственная знать удержала его и послѣ, когда стала получать свои правительственныя полномочія не отъ князя, а отъ мѣстнаго вѣча.

Житые люди.

Не такъ ясно выступаетъ въ новгородскихъ памятникахъ второй классъ по мѣсту на соціальной лѣствицѣ Новгорода, *житые* или *житьи* люди. Можно замѣтить, что въ управленіи этотъ классъ стоялъ ближе къ мѣстному боярству, чѣмъ къ низшимъ слоямъ населенія. Значеніе его нѣсколько объясняется въ связи съ экономическимъ значеніемъ мѣстнаго боярства. Правя городомъ по вѣчевому выбору, это боярство вмѣстѣ съ тѣмъ руководило и народнымъ хозяйствомъ въ Новгородской землѣ. Это были крупные землевладѣльцы и капиталисты, принимавшіе двоякое участіе въ торговлѣ. Обширныя земельныя имущества служили имъ не столько пашней, сколько промысловыми угодьями: отсюда ставили они на новгородскій рынокъ товары, бывшіе главными статьями русскаго вывоза за море: мѣха, кожи, воскъ, смолу, золу, строевой лѣсъ и пр. Посредниками

между ними и иноземцами служили новгородскіе купцы. Точно такъ же и своими капиталами они пользовались не для непосредственныхъ торговыхъ операцій, а для кредитныхъ оборотовъ, ссужали ими торговцевъ или вели торговыя дѣла при посредствѣ агентовъ изъ купцовъ. Въ новгородскихъ памятникахъ и преданіяхъ мѣстный бояринъ чаще всего является съ физіономіей капиталиста - дисконтера. У одного посадника въ XIII в. народъ, разграбившій его домъ, нашелъ долговыя „доски", на которыхъ значилось отданныхъ взаймы денегъ „безъ числа". Такимъ непрямымъ участіемъ въ торговлѣ можно объяснить отсутствіе старосты отъ бояръ въ совѣтѣ новгородскаго купеческаго общества, образовавшагося около 1135 г. при церкви св. Іоанна Предтечи на гостиномъ дворѣ. *Житьи* были повидимому люди средняго состоянія, *середніе жилецкіе* по московской соціальной терминологіи, стоявшіе между боярствомъ и молодчими или черными людьми. Они принимали болѣе прямое участіе въ торговлѣ, и ихъ вмѣстѣ съ черными людьми представлялъ въ совѣтѣ купеческаго общества тысяцкій. Капиталисты средней руки и постоянные городскіе обыватели, домовладѣльцы, это были и землевладѣльцы, иногда очень крупные. Упомянутый уже мною рыцарь Ланнуа пишетъ, что въ Новгородѣ кромѣ бояръ есть еще такіе горожане (bourgeois), которые владѣютъ землями на 200 лье въ длину, чрезвычайно богатые и вліятельные. Это свидѣтельство можетъ относиться только къ житьимъ людямъ. По личному землевладѣнію, какъ наиболѣе характерной чертѣ въ общественномъ положеніи житьихъ людей, Москва, переселяя ихъ тысячами въ свои области послѣ паденія Новгорода, верстала ихъ не въ городское посадское населеніе, какъ купцовъ, а въ служилые люди съ помѣстнымъ надѣломъ. Личное землевладѣніе сближало ихъ съ

новгородскимъ боярствомъ; но они не принадлежали къ тому рано замкнувшемуся кругу знатныхъ фамилій, изъ котораго вѣче привыкло выбирать высшихъ сановниковъ города, хотя вмѣстѣ съ боярами они исполняли, какъ представители концовъ, судебныя, дипломатическія и другія правительственныя порученія. Классъ настоящихъ торговцевъ

Купцы.

назывался *купцами*. Они уже стояли ближе къ городскому простонародью, слабо отдѣлялись отъ массы городскихъ черныхъ людей. Они работали съ помощью боярскихъ капиталовъ, либо кредитуясь у бояръ, либо служа имъ коммиссіонерами въ торговыхъ оборотахъ. Впрочемъ и въ ихъ сословной организаціи не было равенства. Купеческое общество при церкви св. Іоанна Предтечи образовало высшій разрядъ, своего рода первую гильдію новгородскаго купечества. По уставу этого общества, данному княземъ Всеволодомъ около 1135 г., чтобы стать „пошлымъ купцомъ“, полноправнымъ и потомственнымъ членомъ „Иванскаго купечества“, надобно было дать вкладу 50 гривенъ серебра—цѣлый капиталъ при тогдашней цѣнности этого металла. Обществу даны были важныя привилегіи, совѣтъ его, состоявшій изъ двухъ купеческихъ старостъ подъ предсѣдательствомъ тысяцкаго, вѣдалъ всѣ торговыя дѣла и торговый судъ въ Новгородѣ независимо отъ посадника и совѣта господъ. Есть слѣды и другихъ разрядовъ или гильдій, стоявшихъ ниже Иванскаго купечества: таково „купецкое сто“, упоминаемое въ духовной од-

Черные люди.

ного новгородца XIII в. *Черные* люди были мелкіе ремесленники и рабочіе, которые брали работу или деньги для работы у высшихъ классовъ, бояръ и житьихъ людей. Таковъ составъ общества въ главномъ городѣ. Тѣ же самые классы встрѣчаемъ мы и въ пригородахъ, по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ.

Холопы и крестьяне.

Въ глубинѣ сельскаго, какъ и городского общества въ

Новгородской землѣ видимъ *холоповъ*. Этотъ классъ былъ тамъ очень многочисленъ. Развитію его способствовало особенно боярское и житье землевладѣніе. Крупныя вотчины заселялись и эксплоатировались преимущественно холопами. Все свободное крестьянское населеніе въ Новгородской землѣ носило общее названіе *смердовъ*; но въ составѣ его различаются два разряда: смерды въ тѣсномъ смыслѣ слова, обрабатывавшіе государственныя земли Новгорода Великаго, и *половники*, сидѣвшіе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ. Названіе свое половники получили отъ обычнаго въ древней Руси условія поземельной аренды—обрабатывать землю *исполу*, изъ половины урожая. Впрочемъ въ Новгородской землѣ половники снимали земли и на болѣе льготныхъ условіяхъ, изъ третьяго или четвертаго снопа, смотря по цѣнности земли и земледѣльческаго труда въ данномъ мѣстѣ. Половники, подобно закупамъ Русской Правды, являются въ Новгородской землѣ въ болѣе подневольномъ состояніи сравнительно съ вольными крестьянами въ княжеской Руси, стояли въ положеніи, близкомъ къ холопамъ, и эта зависимость не была исконной, а устанавливалась въ XIII—XV в., въ періодъ расцвѣта новгородской вольности. Это можно замѣтить по новгородскимъ договорамъ съ князьями. Сначала здѣсь постановлялось, что судьи князя не судятъ холопа безъ его господаря. Потомъ это условіе осложняется присоединеніемъ къ холопу половника: землевладѣльцу косвенно присвоялась вотчинная юрисдикція надъ его крестьниномъ. Договоръ съ княземъ Ярославомъ 1270 г. постановилъ не вѣрить доносу холоповъ на своихъ господъ; позднѣйшіе договоры распространяютъ это условіе и на смердовъ. Наконецъ договоръ съ тверскимъ княземъ Михаиломъ 1308 года требуетъ обратной выдачи вмѣстѣ съ холопами и новгородскихъ половниковъ, бѣжавшихъ въ Тверскую об-

ласть. Въ Московской землѣ подобныя стѣсненія крестьянскаго перехода и то въ видѣ частной или мѣстной мѣры становятся извѣстны не ранѣе половины XV в. Въ новгородской Судной грамотѣ появляются слѣды письменныхъ обязательствъ, ограничивавшихъ свободу крестьянъ и такъ же неизвѣстныхъ въ княжеской Руси того времени. Грамота говоритъ о волостныхъ, сельскихъ людяхъ владычнихъ (архіепископа), монастырскихъ, боярскихъ, житьихъ, которыхъ господари, ихъ хозяева, обязаны ставить на судъ въ случаѣ частнаго ихъ обвиненія въ уголовномъ преступленіи. Эти люди не были холопы, однако „давались въ грамоту" землевладѣльцамъ, входили въ личную зависимость на тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Значитъ, въ вольной Новгородской землѣ сельское населеніе, работавшее на господскихъ земляхъ, было поставлено въ большую зависимость отъ землевладѣльцевъ, чѣмъ гдѣ-либо въ тогдашней Руси.

Земцы.

Другою особенностью новгородскаго землевладѣнія былъ классъ крестьянъ-собственниковъ. Этого класса мы не встрѣчаемъ на всемъ пространствѣ княжеской Руси: тамъ всѣ крестьяне работали либо на государственныхъ, либо на частныхъ господскихъ земляхъ. Въ областяхъ вольныхъ городовъ, напротивъ, встрѣчаемъ сельскій классъ населенія, очень похожій на крестьянъ, но владѣвшій землей на правѣ собственности. Онъ назывался *земцами* или *своеземцами*. Этотъ классъ въ Новгородской землѣ повидимому былъ довольно многочисленъ. По поземельной новгородской книгѣ, составленной въ 1500 г., въ уѣздахъ Новгородскомъ, Ладожскомъ и Орѣховскомъ значится около 400 земцевъ, на земляхъ которыхъ обрабатывалось свыше 7000 десятинъ; на каждаго своеземца приходилось среднимъ числомъ пашни десятинъ по 18. Итакъ это вообще мелкіе

землевладѣльцы съ небольшими хозяйствами. Но землевладѣніе земцевъ отличалось нѣкоторыми своеобразными чертами. Они рѣдко владѣли землей въ одиночку. Чаще всего своеземцы сидятъ гнѣздами, землевладѣльческими товариществами, связанными родствомъ или договоромъ. Многіе владѣютъ и пашутъ совмѣстно, иные раздѣльно, живя вмѣстѣ, въ одной деревнѣ, или особыми деревнями, но пріобрѣтаютъ землю обыкновенно сообща, въ складчину; раздѣльное владѣніе—уже слѣдствіе раздѣла совмѣстно пріобрѣтенной земли. Встрѣчаемъ одно имѣніе, въ которомъ пашни было всего 84 десятины и которое принадлежало 13 совладѣльцамъ. Своеземцы или сами обрабатывали свои земли, или сдавали ихъ въ аренду крестьянамъ половникамъ. По роду занятій и размѣрамъ участковъ своеземцы ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ; но они владѣли своими землями на правахъ полной собственности. Такой характеръ ихъ землевладѣнія ясно обозначается въ писцовыхъ книгахъ. Своеземцы мѣняли и продавали свои земли, выкупали у родичей, отдавали въ приданое за дочерьми; даже женщины, вдовы и сестры, являются владѣлицами и совладѣлицами такихъ земель. Наконецъ псковскія лѣтописи въ разсказѣ о событіяхъ, которыми сопровождалось паденіе Пскова, прямо называютъ земли своеземцевъ ихъ „вотчинами“. Каково было происхожденіе этого своеобразнаго класса въ областяхъ вольныхъ городскихъ общинъ? Слѣды этого происхожденія еще сохранились въ городскихъ поземельныхъ книгахъ, составленныхъ уже московскими писцами послѣ паденія Новгорода, въ послѣдніе годы XV в. Въ городѣ Орѣшкѣ по книгѣ 1500 г. рядомъ съ „городчанами“ обозначено 29 дворовъ своеземцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежали къ разряду *лутчихъ* людей. Эти своеземцы ясно

отличены въ книгѣ отъ горожанъ, даже отъ „лутчихъ“ горожанъ. Читая описаніе сельскихъ погостовъ уѣзда, находимъ, что эти орѣшковскіе дворовладѣльцы-своеземцы владѣли еще землями въ Орѣховскомъ и другихъ ближнихъ уѣздахъ. Одни изъ нихъ жили въ городѣ, сдавая свои земли въ аренду крестьянамъ; другіе только числились въ городскомъ обществѣ, а жили въ своихъ деревняхъ, отдавая городскіе свои дворы въ аренду „дворникамъ“ (постояльцамъ), которые за нихъ и тянули городское тягло вмѣстѣ съ горожанами. Любопытно, что въ одномъ разрядѣ съ землями своеземцевъ поземельная книга перечисляетъ и земли „купецкія“. Среди своеземцевъ появляются изрѣдка поповичи, отцы которыхъ служили при городскихъ церквахъ. Итакъ сельскій классъ своеземцевъ образовался преимущественно изъ горожанъ: это были не сельскіе обыватели, пріобрѣтавшіе дворы въ городахъ, а чаще горожане, пріобрѣтавшіе земли въ уѣздѣ. Въ Новгородской и Псковской землѣ право земельной собственности не было привилегіей высшаго служилаго или правительственнаго класса, какъ въ княжеской Руси; оно усвоено было и другими классами свободнаго населенія. Городскіе. какъ и сельскіе обыватели пріобрѣтали мелкіе земельные участки въ собственность съ цѣлію не только земледѣльческой, но и промышленной ихъ эксплоатаціи, разводя ленъ, хмѣль и лѣсныя борти, ловя рыбу и звѣря; но какъ люди небогатые, они складывались для этого въ товарищества, въ землевладѣльческія компаніи. Такія землевладѣльческія товарищества носили въ Новгородской и Псковской землѣ спеціальныя юридическія названія *сябровъ* (сосѣдей) и *складниковъ*. Къ типу такого землевладѣнія въ складчину принадлежало и земецкое, и этимъ коллективнымъ способомъ пріобрѣтенія и владѣнія оно отличалось отъ личнаго

боярскаго и житьяго. Значитъ, городской промышленный капиталъ, главный рычагъ народнаго хозяйства въ Новгородской землѣ, создалъ здѣсь и особый своеобразный классъ земельныхъ собственниковъ, какого не встрѣчается въ княжеской Руси.

Обозрѣвши составъ общества въ Новгородской землѣ, остается рѣшить вопросъ: перечисленные общественные классы—простыя ли это экономическія состоянія, или сословія въ юридическомъ смыслѣ слова, съ особыми правами и обязанностями, съ неодинаковымъ правомѣрнымъ, а не фактическимъ только значеніемъ въ управленіи и жизни вольнаго города? И то, и другое: въ исторіи Новгорода наблюдаемъ довольно рѣдкій сулчай совпаденія экономической и политической классификаціи общества. Боюсь, что объясненіе возможности такого совпаденія покажется вамъ нѣсколько сложнымъ и даже запутаннымъ. Основаніе сословнаго дѣленія.

При изученіи основанія, на которомъ держалось общественное дѣленіе въ Новгородѣ, вниманіе прежде всего останавливается на видимой рѣзкой разницѣ между политическимъ и соціальнымъ строемъ Новгорода, между формами его политическаго быта и дѣйствительными общественными отношеніями. Формы его политическаго быта носили демократическій отпечатокъ: передъ судомъ были равны лица всѣхъ свободныхъ состояній; всѣ свободные обыватели имѣли мѣсто и равные голоса на вѣчѣ. Но общественный бытъ Новгорода созидался не на почвѣ равенства. Значеніе каждаго класса въ новгородской политической жизни зависѣло отъ его экономическаго положенія; политическій авторитетъ каждаго состоянія на дѣлѣ опредѣлялся его торговымъ вѣсомъ. На верху общества лежалъ классъ бояръ, крупныхъ капиталистовъ, къ которымъ примыкали капиталисты средней руки, житые люди;

оба эти класса и были политическими руководителями мѣстнаго общества. Ниже ихъ стояли купцы, настоящіе торговцы: они работали чужимъ капиталомъ. Еще ниже лежалъ слой черныхъ людей, ремесленниковъ и рабочихъ, экономически зависѣвшихъ также отъ высшихъ классовъ. Еще менѣе послѣднихъ значили въ политической жизни земли сельскіе классы, дальше городскихъ стоявшіе отъ главнаго источника власти и богатства, отъ торговаго капитала, кромѣ развѣ земцевъ, которые по своему происхожденію больше принадлежали къ городскому обществу. Такимъ образомъ новгородская соціально-политическая лѣствица выстроилась соотвѣтственно имущественному неравенству состояній. Это соотвѣтствіе отражалось и въ сословно-юридическихъ опредѣленіяхъ. Боярство образовало правительственный классъ, исключительно, монопольно комплектовавшій по выборамъ вѣча личный составъ высшаго управленія. Это было только обычаемъ, и вѣче могло выбрать посадника изъ какого ему было угодно класса. Но политическій обычай замѣнялъ тогда законъ, и демократическое вѣче, чтя старину, ни разу, сколько извѣстно, не дало посадничества ни купцу, ни смерду. Бояре вмѣстѣ съ житьими ставили изъ своей среды представителей отъ концовъ, присяжныхъ докладчиковъ въ судъ посадника и намѣстника, также въ выборныя коммиссіи по внѣшнимъ сношеніямъ и внутреннимъ дѣламъ, производившимся съ участіемъ депутацій отъ державнаго города. Все это важныя политическія права, созданныя обычаемъ, закрѣпленныя длиннымъ рядомъ договоровъ съ князьями и отчасти Судной грамотой. Можно думать, что и въ отбываніи повинностей, въ податномъ обложеніи оба правящіе класса пользовались нѣкоторыми льготами и изъятіями. То же значеніе ихъ сказывалось и въ частныхъ

отношеніяхъ. Договоры съ князьями и Судная грамота ставили основное правило „судити всѣхъ равно“; однако купецъ или черный человѣкъ не могъ явиться съ своимъ искомъ въ „тіуню одрину“ безъ подысканнаго имъ пристава изъ „добрыхъ людей“, т.-е. изъ тѣхъ же бояръ и житьихъ. Купцы имѣли свое сословное устройство, свой торговый судъ и свое выборное управленіе, судились только въ Новгородѣ, каждый въ своемъ *стѣ*, а также раздѣляли съ высшими классами преимущество имѣть на своихъ земляхъ холоповъ и половниковъ съ правами полицейскаго надзора и участія въ судѣ надъ ними. Смерда и половника нельзя признать равноправными состояніями съ бояриномъ или житьимъ. Не говоримъ о духовенствѣ, которое въ Новгородѣ, какъ и вездѣ на Руси, имѣло свое точно опредѣленное сословное устройство, свои права и законы.

Такъ экономическое неравенство общественныхъ классовъ служило основой и опорой неравенства юридическаго, а то и другое покрывалось народной верховной властью, по своей формѣ совсѣмъ не соотвѣтствовавшей ни такому складу общества, ни общественному положенію высшихъ сановниковъ, облекаемыхъ властью отъ вѣча. Запомнимъ это важное въ исторіи Новгорода противорѣчіе его жизни, на бѣду новгородцевъ не единственное.

Мы разсмотрѣли отношенія Новгорода къ князьямъ, строй его управленія и складъ общества, главные элементы его политической жизни. Теперь взглянемъ на эту жизнь, какъ она шла въ совмѣстномъ дѣйствіи своихъ силъ, какъ ея ходъ обнаруживался въ явленіяхъ, отмѣченныхъ древней лѣтописью.

Политическій бытъ.

Внѣшнія и внутреннія условія, въ какихъ жилъ вольный городъ, укоренили въ его политическомъ быту два противорѣчія, сообщившія своеобразный характеръ его по-

литической жизни и не оставшіяся безучастными въ рѣшеніи судьбы его вольности. Я только что указалъ одно изъ этихъ противорѣчій, состоявшее въ несогласіи политическаго строя Новгорода съ соціальнымъ. Раньше начало обнаруживаться другое противорѣчіе, заключавшееся въ отношеніяхъ Новгорода къ князьямъ. Городъ нуждался въ князѣ для внѣшней обороны и поддержанія внутренняго порядка, искалъ его, иногда готовъ былъ силою удержать его у себя и въ то же время относился къ нему съ крайнимъ недовѣріемъ, старался стѣснить его права, оставить ему возможно меньше мѣста въ правительственномъ своемъ обиходѣ, гналъ его отъ себя, когда былъ имъ недоволенъ. Эти противорѣчія и вызывали необыкновенный шумъ и движеніе въ политической жизни города. Ни одинъ изъ старинныхъ городовъ древней Руси не далъ такой тревожной исторіи, какъ Новгородъ. Съ самыхъ раннихъ поръ видимъ здѣсь оживленную борьбу политическихъ партій; но въ разное время характеръ ея былъ неодинаковъ. Въ этомъ отношеніи внутреннюю политическую жизнь города можно раздѣлить на два періода.

Партіи княжескія.

До XIV вѣка въ Новгородѣ часто смѣнялись князья и эти князья соперничали другъ съ другомъ, принадлежа къ враждебнымъ княжескимъ линіямъ. Подъ вліяніемъ этихъ княжескихъ смѣнъ въ Новгородѣ образовались мѣстные политическіе кружки, которые стояли за разныхъ князей и которыми руководили главы богатѣйшихъ боярскихъ фамилій города. Такъ первый періодъ въ исторіи политической жизни Новгорода былъ ознаменованъ борьбою княжескихъ партій. Но не князья сами по себѣ вызывали эту борьбу: ими прикрывались важные мѣстные интересы, для которыхъ враждебные другъ другу князья служили только орудіями или знаменами. Князь нуженъ былъ Новгороду не

только для внѣшней обороны, но и для расширенія и обезпеченія торговыхъ оборотовъ. Въ договорахъ съ князьями новгородцы настойчиво требовали, чтобы они не замышляли „рубежа“, не задерживали новгородскихъ купцовъ въ своихъ земляхъ, давали имъ „путь чистъ“. Во время размолвки съ Новгородомъ суздальскій князь ловилъ новгородскихъ купцовъ, торговавшихъ въ его владѣніяхъ, и тогда партія въ Новгородѣ, къ которой принадлежали задержанные купцы, поднималась, чтобы заставить вѣче мириться съ суздальскимъ княземъ. Эти торговыя связи и раздѣляли новгородскихъ капиталистовъ-бояръ и купцовъ въ борьбѣ за князей на враждебныя партіи. Богатые торговые дома, имѣвшіе дѣла преимущественно съ Суздальскимъ или Смоленскимъ краемъ, стояли за суздальскаго или смоленскаго Мономаховича, а черниговскій Ольговичъ нуженъ былъ, когда на кіевскомъ столѣ сидѣлъ князь изъ черниговской линіи, тѣмъ новгородскимъ капиталистамъ, которые вели дѣла преимущественно съ Черниговскимъ краемъ или съ Кіевской землей. Значитъ, борьба княжескихъ партій, наполнявшая смутами исторію Новгорода до XIV вѣка, была собственно борьбой новгородскихъ торговыхъ домовъ, соперничавшихъ другъ съ другомъ.

Партіи соціальныя.

Съ XIV в. прекращается частая смѣна князей на новгородскомъ столѣ; вмѣстѣ съ этимъ измѣняется и характеръ политической жизни въ Новгородѣ. Читая разсказъ мѣстной лѣтописи, легко замѣтить эту перемѣну. Со смерти Ярослава I до татарскаго нашествія новгородская лѣтопись, по счету С. М. Соловьева, описываетъ до 12 смутъ въ городѣ; изъ нихъ только двѣ не были связаны съ княжескими смѣнами, т. е. не были вызваны борьбою мѣстныхъ политическихъ круговъ за того или другого князя. Съ татарскаго нашествія до вступленія Ивана III на великокня-

жескій столъ въ мѣстной лѣтописи описано болѣе 20 смутъ; изъ нихъ всего четыре связаны съ княжескими смѣнами, вызваны были борьбой новгородскихъ партій за того или другого князя; всѣ остальныя имѣли совсѣмъ другой источникъ. Этимъ новымъ источникомъ смутъ, замѣтно обнаруживающимся съ XIV вѣка, была соціальная рознь, борьба низшихъ бѣдныхъ классовъ новгородскаго общества съ высшими богатыми. Новгородское общество дѣлится съ тѣхъ поръ на два враждебные лагеря, изъ которыхъ въ одномъ стояли *лъпшіе* или *вятшіе* люди, какъ называетъ новгородская лѣтопись мѣстную богатую знать, а въ другомъ люди *меньшіе*, т. е. чернь. Такъ въ XIV в. борьба торговыхъ домовъ Новгорода смѣняется борьбою общественныхъ классовъ. Эта новая борьба имѣла свой корень также въ политическомъ и экономическомъ строѣ города; здѣсь вступило въ дѣйствіе другое противорѣчіе, мною упомянутое. Рѣзкое имущественное неравенство между гражданами— очень обычное явленіе въ большихъ торговыхъ городахъ, особенно съ республиканскими формами устройства. Въ Новгородѣ это неравенство при политическомъ равноправіи, при демократическихъ формахъ устройства, чувствовалось особенно рѣзко, получило острый характеръ, производило раздражающее дѣйствіе на низшіе классы. Это дѣйствіе усиливалось еще тяжкой экономической зависимостью низшаго рабочаго населенія отъ бояръ-капиталистовъ. Бѣдняки, неоплатно задолжавшіе, спасаясь отъ долговой неволи, собирались въ шайки и съ бѣглыми холопами пускались разбойничать по Волгѣ, ссоря свой городъ съ низовскими князьями, особенно съ Москвой. Встрѣчаясь на вѣчѣ, равноправные сограждане, меньшіе люди Новгорода тѣмъ съ большей горечью чувствовали на себѣ экономическій гнетъ со стороны немногихъ богатыхъ фамилій,

а по старинѣ изъ нихъ же должны были выбирать себѣ управителей. Этимъ былъ воспитанъ въ низшихъ классахъ новгородскаго общества упорный антагонизмъ противъ высшихъ. Малые люди вдвойнѣ озлобляются на большихъ, когда нуждаются въ ихъ деньгахъ и тяготятся ихъ властью. Раздвоеніе между верхомъ и низомъ новгородскаго общества не разъ проявлялось и до XIV в. Такъ въ 1255 г. по поводу ссоры города съ Александромъ Невскимъ меньшіе отдѣлились отъ вятшихъ, а тѣ сговорились побить меньшихъ. Но здѣсь меньшіе являются еще не политической партіей, а подвластнымъ непокорнымъ сословіемъ, черные, которую правящій классъ хотѣлъ покарать за ослушаніе. Они получили характеръ такой партіи, когда само боярство раскололось, и во главѣ новгородскаго простонародья стали также нѣкоторыя богатыя боярскія фамиліи, отдѣлившись въ политической борьбѣ отъ своей братіи.

Господство боярства.

Такъ новгородское боярство оставалось руководителемъ мѣстной политической жизни во все продолженіе исторіи вольнаго города. Благодаря тому съ теченіемъ времени все мѣстное управленіе перешло въ руки немногихъ знатныхъ домовъ. Изъ нихъ новгородское вѣче выбирало посадниковъ и тысяцкихъ; ихъ члены наполняли новгородскій правительственный совѣтъ, который собственно и давалъ направленіе мѣстной политической жизни. Читая новгородскую лѣтопись, легко замѣтить это господство боярской аристократіи въ Новгородѣ, которая является даже съ признаками замкнутой правительственной олигархіи. Въ продолженіе XIII в. новгородское вѣче 23 раза выбирало посадника. На эту должность выбрано было 15 лицъ, такъ какъ нѣкоторые посадники по нѣскольку разъ смѣщались и вновь выбирались на должность. Десятеро изъ нихъ принадлежали къ двумъ знатнымъ фамиліямъ, изъ

которыхъ одна шла отъ новгородскаго боярина Михалка Степанича, а другая имѣла своимъ родоначальникомъ другого новгородскаго боярина Мирошку Нездинича; оба они были посадниками въ Новгородѣ въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія. Обѣ эти фамиліи постоянно враждовали между собою, стоя во главѣ двухъ враждебныхъ политическихъ партій. Михалчичи были вождями Софійской стороны, гдѣ преимущественно сосредоточивалась новгородская боярская знать, а Нездиничи верховодили демократической торговой стороной, гдѣ обыкновенно поднимались возстанія новгородскихъ меньшихъ людей противъ боярства. Значитъ, первенствующая должность новгородскаго посадника въ продолженіе XIII вѣка оставалась почти исключительно въ рукахъ двухъ боярскихъ фамилій. Изъ фамиліи Михалчичей въ продолженіе двухъ столѣтій съ конца XII в. до конца XIV в. выбрано было 12 однихъ посадниковъ, не говоря о другихъ важныхъ должностяхъ, которыя замѣщались членами того же боярскаго дома. Такъ противорѣчіе, укоренившееся въ политическомъ строѣ Новгорода, повело къ тому, что этотъ вольный городъ при демократическихъ формахъ своего устройства сталъ аристократической республикой, и мѣстное общество, вѣчно неспокойное и недовѣрчивое къ своей знати, во все время своей политической вольности оставалось въ рукахъ немногихъ знатныхъ фамилій богатыхъ капиталистовъ.

Усобицы. Древняя новгородская лѣтопись, сухая и тусклая по изложенію, не скупится на краски въ описаніи „усобныхъ ратей" въ родномъ городѣ и наглядно изображаетъ, какъ разыгрывалась на площади внутренняя нескладица новгородской политической жизни. Автономія кончанскихъ и улицкихъ обществъ проявлялась въ пренебреженіи къ верховному вѣчу державнаго города. Въ 1359 г. Славенскому

концу не полюбился посадникъ Андреянъ Захарьиничъ, и конецъ самовольно назначилъ другого вопреки волѣ города. Пользуясь близостью своей къ вѣчевой площади, славляне въ доспѣхахъ „подсѣли" на вѣче и разогнали безоружныхъ зарѣчанъ Софійской стороны, многихъ бояръ избили и „полупили", ограбили, а одного и убили. Волховской мостъ разметали; обѣ стороны стояли другъ противъ друга по берегамъ рѣки 3 дня, пока духовенство не уговорило ихъ разойтись. Однако много селъ у славлянъ пограбили, много и невиноватыхъ людей погибло, посадничество дали третьему боярину и на томъ помирились; „не попустилъ Богъ діаволу до конца порадоваться, но возвеличено было христіанство въ родъ и родъ": такъ закончила лѣтопись свой разсказъ. Взаимное озлобленіе обѣихъ сторонъ, простонародной Торговой и Софійской боярской, рѣзко и характерно выразилось въ возстаніи 1418 г. „Человѣкъ нѣкій" Степанко, совсѣмъ простой, малый человѣкъ, схватилъ на улицѣ одного боярина и закричалъ прохожимъ: „господа! пособите мнѣ на этого злодѣя". Боярина притащили на вѣче, избили чуть не до смерти и сбросили съ моста, какъ государственнаго преступника. Случившійся у моста рыбакъ сжалился надъ бояриномъ и взялъ его къ себѣ въ челнъ. За это народъ раграбилъ домъ рыбака. Спасенный отъ народной казни бояринъ хотѣлъ отмстить за обиду и схватилъ обидчика. Тогда созвали вѣче на Ярославовомъ дворѣ и стали другъ противъ друга „чернь" и „бояре". Чернь въ доспѣхахъ со знаменемъ разграбила домъ боярина и Кузьмодемьянскую улицу, гдѣ онъ жилъ. Боясь худшаго, бояре заставили освободить Степанка, и по ихъ просьбѣ архіепископъ отправилъ его съ попомъ и своимъ бояриномъ на вѣче. Опьянѣвъ отъ политическаго разгула, вѣчевая толпа не угомонилась и принялась сво-

дить счеты со знатью, разграбила нѣсколько боярскихъ улицъ, также монастырь св. Николая, гдѣ находились боярскія житницы. Только Прусская улица, главное гнѣздо знати отбилась. Тогда толпа прибѣжала на свою Торговую сторону, крича: „Софійская сторона хочетъ дома наши грабить“. Поднялся звонъ по всему городу; съ обѣихъ сторонъ вооруженные люди повалили на главный мостъ. Завязалось настоящее сраженіе, начали падать убитые. Къ тому же разразилась страшная гроза. Обѣ стороны были въ ужасѣ. Тогда владыка съ соборомъ духовенства въ церковномъ облаченіи протѣснился къ мосту и сталъ посреди него, благословляя крестомъ на обѣ подравшіяся стороны, потомъ послалъ свое благословеніе на Ярославовъ дворъ къ степеннымъ посаднику и тысяцкому, руководившимъ Торговой стороной, и по слову святителя обѣ стороны разошлись.

Ихъ значеніе.

Въ эти усобицы новгородское вѣче получало значеніе, какого оно не имѣло при нормальномъ теченіи дѣлъ. Въ обычномъ порядкѣ оно законодательствовало и частью наблюдало за ходомъ управленія и суда, смѣняло выборныхъ сановниковъ, которыми было недовольно; въ поземельной тяжбѣ, затянувшейся по винѣ судей, истецъ всегда могъ взять съ вѣча приставовъ, чтобы понудить судъ рѣшить дѣло въ узаконенный срокъ. Но когда народъ подозрѣвалъ или видѣлъ со стороны выборныхъ властей либо всего правящаго класса замыслы или дѣйствія, казавшіяся ему преступными или опасными, тогда вѣче, преобразуясь въ верховное судилище, получало не всенародный, а простонародный составъ, становилось одностороннимъ, представляло одну лишь Торговую *черную* сторону во главѣ съ боярами демократической партіи. Такъ какъ движеніе въ такихъ случаяхъ шло противъ наличныхъ

властей, то оно получало видъ народнаго мятежа. Анархическій его характеръ усиливался еще примѣненіемъ къ политическимъ преступленіямъ переживших свой смыслъ древнихъ формъ судопроизводства: сбрасываніе съ волховского моста было остаткомъ стариннаго вида суда Божія, испытанія водой, а въ грабежѣ боярскихъ домовъ, вынуждавшемъ домовладѣльцевъ бѣжать изъ города, сказывалась смутная память о древней казни за тяжкія преступленія, которая въ Русской Правдѣ называется *потокомъ* и *разграбленіемъ*. Нельзя, конечно, назвать прочнымъ общественный порядокъ, который приходится поддерживать средствами анархіи; но у новгородскаго вѣча мятежъ былъ единственнымъ средствомъ сдерживать правительство, когда оно по мнѣнію народа угрожало народному благу. Къ такому средству прибѣгалъ не одинъ Новгородъ, какъ вамъ извѣстно изъ исторіи средневѣковой Европы.

Корень указанныхъ недостатковъ новгородскаго политическаго строя и быта лежалъ не въ природѣ вольной городской общины, а въ условіяхъ, которыхъ могло и не быть. Доказательствомъ этого можетъ служить Псковъ. Прежде пригородъ Новгорода, а съ XIV в. такой же вольный городъ, какъ и Новгородъ, Псковъ далеко не былъ его копіей. Мимоходомъ отмѣчу его особенности, прежде чѣмъ закончу рѣчь объ его старшемъ братѣ.

Переходя въ изученіи исторіи вольныхъ городовъ отъ новгородскихъ лѣтописей къ псковскимъ, испытываешь чувство успокоенія, точно при переходѣ съ толкучаго рынка въ тихій переулокъ. Псковскіе лѣтописцы описываютъ преимущественно явленія мирнаго характера, поиски князя, строеніе церквей, городскихъ стѣнъ и башенъ, знаменія отъ иконъ, пожары и повѣтрія, изрѣдка недоразумѣнія съ новгородскимъ владыкой, епархіальнымъ архіереемъ Псковъ.

Пскова, изъ-за церковнаго суда и сборовъ съ духовенства. Особенно часты извѣстія о храмоздательствѣ: въ 19 лѣтъ (1370—1388) псковичи построили 14 каменныхъ церквей. Въ Псковѣ не замѣтно ни бурныхъ сценъ и побоищъ на вѣчевой площади передъ Троицкимъ соборомъ, ни новгородскаго задора въ отношеніяхъ къ князьямъ, ни соціальнаго антагонизма и партійной борьбы. Разъ прибили посадниковъ на вѣчѣ за неудачную мѣру; въ другой разъ собирались кнутомъ избезчествовать на вѣчѣ псковскихъ священниковъ, протестовавшихъ противъ участія духовенства въ военныхъ расходахъ; однажды спихнули съ вѣчевой степени московскаго намѣстника, не прошеннаго Псковомъ. Впрочемъ подобныя излишества—рѣдкія явленія въ политической исторіи Пскова. Но при довольно мирномъ теченіи внутренней жизни этому городу во внѣшнихъ дѣлахъ досталась тяжелая боевая участь. Съ тѣхъ поръ какъ въ сосѣдствѣ съ Псковской землей объединилась Литва и основался Ливонскій орденъ, Псковъ, стоя на рубижѣ Русской земли, въ продолженіе трехъ вѣковъ ведетъ съ ними упорную двустороннюю борьбу, располагая средствами своей небольшой области, простиравшейся верстъ на 300 неширокой полосой съ юга на сѣверъ, отъ верховьевъ р. Великой до р. Наровы. При двусмысленномъ и нерѣдко прямо враждебномъ отношеніи Новгорода, для котораго Псковъ со своими стѣнами въ четыре ряда служилъ передовымъ оплотомъ съ запада и юга, эта борьба была крупной исторической заслугой не только передъ Новгородомъ, но и передъ всей Русской землей тѣхъ вѣковъ. Эта же борьба въ связи съ ограниченнымъ пространствомъ области создала главныя особенности политическаго строя и быта Пскова.

Управленіе. Этимъ условіямъ, во-первыхъ, Псковъ обязанъ былъ

большей сравнительно съ Новгородомъ сосредоточенностью управленія и земскаго состава своей области. Подобно Новгороду Псковъ дѣлился на концы, которыхъ извѣстно по лѣтописи шесть, съ подраздѣленіемъ на сотни. Между концами по дѣламъ военнаго управленія распредѣлены были, по два на каждый, пригороды, которыхъ во второй половинѣ XV в. было 12 (Изборскъ, Гдовъ, Островъ, Опочка и др.). Это были небольшія укрѣпленныя поселенія; большинство ихъ оборонительной сѣтью размѣщено было въ югозападномъ углу области, вблизи наиболѣе угрожаемыхъ границъ съ Литвой и Ливоніей. Къ каждому изъ нихъ были приписаны сельскія волости; но это были небольшіе административные округа, непохожіе на обширныя области важнѣйшихъ новгородскихъ пригородовъ. И псковскіе пригороды пользовались долей самоуправленія; но будучи болѣе стратегическими пунктами, чѣмъ мѣстными земскими центрами, они не могли достигнуть самостоятельности, какую обнаруживали нѣкоторые новгородскіе пригороды. Подъ дѣйствіемъ тѣхъ же условій и центральное управленіе въ Псковѣ получило больше единства и силы. Какъ пригородъ, Псковъ не составлялъ *тысячи*, военной единицы старшихъ городовъ, и не устроилъ ея, когда самъ сталъ вольнымъ городомъ; потому въ его управленіи не было должности тысяцкаго. За то съ той поры или нѣсколько позднѣе Псковъ началъ выбирать двухъ посадниковъ, которые вмѣстѣ со старыми посадниками и сотскими, а также, вѣроятно, и со старостами концовъ, подъ предсѣдательствомъ князя или его намѣстника составляли правительственный совѣтъ, подобный новгородскому, а въ тѣсномъ составѣ, безъ кончанскихъ старостъ,—судебную коллегію, *господу*, соотвѣтствовавшую новгородскому суду докладчиковъ и засѣдавшую въ *судебнѣ* „у князя на сѣнехъ“. Пригородское положеніе

Пскова отразилось на авторитетѣ его князя, когда городъ сталъ вольнымъ. До того времени псковскій князь, присланный ли изъ Новгорода, или призванный самимъ Псковомъ, былъ намѣстникомъ или подручникомъ новгородскаго князя либо вѣча. Онъ и теперь сохранилъ то же значеніе; только его прежнее отношеніе перешло къ псковскому вѣчу: онъ не раздѣлялъ власти съ этимъ вѣчемъ, а служилъ ему; какъ наемный вождь боевой дружины, обязанъ былъ защищать страну, исполняя порученія Пскова наравнѣ съ посадниками, и за то получалъ опредѣленный кормъ. Права новгородскаго князя, участіе въ законодательствѣ и управленіи, въ назначеніи и смѣнѣ должностныхъ лицъ, перенесены были не на псковскаго князя, а достались безраздѣльно тамошнему вѣчу, которое сверхъ законодательства и суда по чрезвычайнымъ и политическимъ дѣламъ принимало еще дѣятельное участіе въ текущемъ управленіи. Внѣшнія опасности дѣлали такое сосредоточеніе власти необходимымъ, а тѣсные предѣлы области—возможнымъ.

Составъ общества.

Дѣйствіе указанныхъ условій, сообщившихъ земскую плотность и цѣльность Псковской области, еще явственнѣе сказалось въ составѣ псковскаго общества. И въ Псковѣ было вліятельное боярство, образовавшее правительственный классъ, въ фамиліяхъ котораго высшія правительственныя должности преемственно передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе; и на псковскомъ вѣчѣ случались острыя столкновенія простого народа со знатью. Но боярская аристократія въ Псковѣ не вырождается въ олигархію; политическія столкновенія не разростаются въ соціальный антагонизмъ, не зажигаютъ партійной борьбы; обычныя тревоги и неровности народныхъ правленій сдерживаются и сглаживаются. Можно замѣтить и нѣкоторыя причины такого направленія общественныхъ отношеній, какъ бы сказать,

столь мягкаго тона псковской политической жизни. Ограниченное пространство Псковской земли не давало такого простора для развитія крупнаго боярскаго землевладѣнія, какой открывался для того въ безпредѣльной Новгородской области. Потому политическая сила псковского боярства не находила достаточной опоры въ его экономическомъ положеніи, и это сдерживало политическія притязанія правительственнаго класса. Въ связи съ тѣмъ не замѣтно ни рѣзкаго сословнаго неравенства, ни хронической соціальной розни, какъ въ Новгородѣ. Бояре наравнѣ съ прочими классами „обрубались", несли съ своихъ земель военныя тягости по вѣчевой разверсткѣ. Псковъ, какъ и Новгородъ, жилъ торговлей и землевладѣльческій капиталъ отступалъ здѣсь еще болѣе, чѣмъ тамъ, передъ капиталомъ торговымъ. Это сближало здѣсь классы, рѣзко раздѣленные въ Новгородѣ: псковскіе купцы по мѣстной лѣтописи являются въ числѣ лучшихъ людей и притомъ рядомъ съ боярами, выше житьихъ. Но самыя характерныя особенности встрѣчаемъ въ составѣ чернаго населенія, преимущественно сельскаго. И въ Псковской землѣ было развито землевладѣніе земцевъ и сябровъ. Но здѣсь нѣтъ слѣдовъ холопства и полусвободныхъ состояній, подобныхъ новгородскимъ половникамъ. Въ этомъ отношеніи Псковская область была, можетъ быть, единственнымъ исключеніемъ въ тогдашней Россіи. Въ псковскомъ законодательствѣ замѣтно даже усиленное вниманіе къ интересамъ *изорника*, какъ назывался тамъ крестьянинъ, работавшій на землѣ частнаго владѣльца. Это вольный хлѣбопашецъ, снимавшій землю по годовому договору изъ четвертаго или второго снопа и пользовавшійся правомъ перехода отъ одного владѣльца къ другому. Ссуда—обычное и повсемѣстное условіе найма земли крестьяниномъ у частнаго владѣльца въ древней Руси, и вездѣ она

ставила перваго въ большую или меньшую личную зависимость отъ послѣдняго. И псковской изорникъ обыкновенно бралъ у землевладѣльца ссуду, *покруту*. Но долговое обязательство не стѣсняло личной свободы изорника. По Русской Правдѣ закупъ, бѣжавшій отъ хозяина безъ расплаты, становился полнымъ его холопомъ. По псковскому закону въ случаѣ побѣга изорника безъ возврата покруты землевладѣлецъ въ присутствіи властей и стороннихъ людей бралъ покинутое бѣглецомъ имущество въ возмѣщеніе ссуды по оцѣнкѣ, а если оно не покрывало долга, господинъ могъ искать доплаты на изорникѣ, когда тотъ возвращался изъ бѣговъ,—и только, безъ дальнѣйшихъ послѣдствій для бѣглеца.

Псковская Правда.

Таковы постановленія объ изорникѣ въ псковской *Судной грамотѣ* или *Правдѣ*. Этотъ замѣчательный памятникъ псковскаго вѣчевого законодательства получилъ окончательный составъ во второй половинѣ XV в. Основнымъ источникомъ его были „псковскія пошлины", мѣстные юридическіе обычаи. Грамота очень трудна для объясненія: единственный доселѣ извѣстный полный списокъ ея страдаетъ описками и недописками, мѣстами перепутываетъ порядокъ словъ; въ языкѣ его не мало мѣстныхъ идіотизмовъ, терминовъ, не встрѣчающихся въ другихъ древнерусскихъ памятникахъ; предусматриваемые закономъ случаи нерѣдко излагаются слишкомъ сжато, только намеками, въ свое время для всѣхъ ясными, но теперь малопонятными. За то трудность изученія вознаграждается интересомъ содержанія. Вмѣстѣ съ другими подобными законодательными уставами или юридическими сводами древней Руси псковская Правда удѣляетъ значительное мѣсто судоустройству и судопроизводству, но при этомъ даетъ обильный запасъ нормъ и матеріальнаго права, особенно гражданскаго. Встрѣчаемъ обстоятельныя постановленія о договорахъ купли-продажи, найма и займа, о тор-

говыхъ и землевладѣльческихъ товариществахъ, о семейныхъ отношеніяхъ по имуществу. Въ заемныхъ записяхъ обыкновенно обозначался размѣръ процента, *гостинца*. Кредиторъ, потребовавшій досрочной уплаты долга, лишается условленнаго процента; въ досрочной уплатѣ по желанію должника процентъ взимается по разсчету времени. Должникъ могъ не платить долга, отказавшись отъ заклада, которымъ заемъ обезпеченъ; но онъ могъ искать своего заклада присягой или судебнымъ поединкомъ, если кредиторъ отказывался отъ взысканія долга, чтобы овладѣть закладомъ. Получившій по завѣщанію недвижимое имущество въ пользованіе, въ *кормлю*, и продавшій его обязанъ его выкупить, а за незаконную продажу теряетъ право пользованія, какъ за кражу: „а свою кормлю покралъ". Правда различаетъ юридическія понятія, требовавшія развитого правосознанія, предусматриваетъ юридическіе случаи, какіе могли возникнуть въ живомъ и сложномъ гражданскомъ оборотѣ торговаго города. Въ ея опредѣленіяхъ имущественныхъ и обязательственныхъ отношеній сказывается чутье правды, стремившееся установить равновѣсіе борющихся частныхъ интересовъ и на немъ построить порядокъ, ограждаемый не только законами, но и нравами. Поэтому въ ряду судебныхъ доказательствъ она даетъ предпочтительное значеніе присягѣ, отдавая обыкновенно на волю истца рѣшить тяжбу этимъ способомъ: „хочетъ, самъ поцѣлуетъ, или у креста положитъ", т.-е. предоставитъ цѣловать крестъ отвѣтчику, положивъ у креста спорную вещь или ея цѣну. Такое довѣріе закона къ совѣсти тяжущихся должно было имѣть опору въ характерѣ самаго быта. Герберштейнъ, собиравшій свои наблюденія и свѣдѣнія о Россіи немного лѣтъ спустя послѣ паденія вольности Пскова, съ большой похвалой отзывается о благовоспитанныхъ и человѣчныхъ нравахъ псковичей,

говоря, что они въ торговыхъ сдѣлкахъ отличались честностью и прямотой, не тратя лишнихъ словъ, чтобы подвести покупателя, а коротко и ясно показывая настоящее дѣло.

Псковъ и Новгородъ.

Въ псковскихъ нравахъ и заключалась нравственная сила, смягчавшая дѣйствіе противорѣчій, какія мы замѣтили въ политическомъ быту Новгорода, хотя элементы ихъ были на лицо и въ Псковѣ: князь, то призываемый, то изгоняемый, вліятельное и зажиточное боярство, руководившее управленіемъ, торговый капиталъ, способный угнетать рабочую массу, и народное вѣче, дававшее рабочей массѣ возможность угнетать капиталистовъ. Но въ Псковѣ эти элементы не разростались черезчуръ, сохраняли способность ко взаимному соглашенію и дружному дѣйствію и тѣмъ выработали нѣкоторый политическій тактъ, эту нравственную силу, обнаруживавшуюся въ настроеніи общества и въ складномъ соотношеніи общественныхъ классовъ, въ гуманныхъ и благовоспитанныхъ нравахъ, которые замѣчали въ псковичахъ иноземные наблюдатели. А въ Новгородѣ эта сила сосредоточивалась въ одномъ классѣ, въ духовенствѣ, и дѣйствовала торжественными выходами на волховской мостъ, примирительными вторженіями въ новгородскія побоища. Различіе политическихъ порядковъ въ томъ и другомъ городѣ всего яснѣе выражалось въ отношеніи боярства къ вѣчу въ обоихъ городахъ. По псковской Судной грамотѣ вѣче постановляетъ новые законы по предложенію посадниковъ, какъ представителей боярскаго совѣта господъ, предварительно обсуждавшаго проекты законовъ. Въ Новгородѣ „новгородскимъ словомъ“, закономъ, признавалось постановленіе, состоявшееся на вѣчѣ въ присутствіи и съ согласія городскихъ властей, правительственной знати, во главѣ которой стоялъ такой же боярскій совѣтъ господъ;

иначе рѣшеніе вѣча являлось незаконнымъ, мятежнымъ актомъ, поступкомъ неразумной черни, какъ выразился совѣтъ господъ въ одномъ документѣ. Но при постоянномъ антагонизмѣ между вѣчевой простонародной массой и правительственной знатью не простонародью приходилось добиваться соглашенія съ правительствомъ, а наоборотъ боярамъ происками привлекать на свою сторону часть простонародья, чтобы придать рѣшенію вѣча видъ народной воли. Такъ въ Псковѣ совѣтъ господъ съ боярствомъ позади являлся однимъ изъ органовъ законодательной власти, а въ Новгородѣ боярство съ совѣтомъ господъ во главѣ—политической партіей, не болѣе. Потому псковскій политической порядокъ можно назвать смягченной, умѣренной аристократіей, а новгородскій—поддѣльной, фиктивной демократіей.

Политическіе недостатки Новгорода.

Непримиренныя противорѣчія политической жизни Новгорода стали роковой причиной внутренняго разрушенія его вольности. Ни въ какомъ другомъ краю древней Руси не встрѣтимъ такого счастливаго подбора условій, благопріятныхъ для широкаго развитія политической жизни. Новгородъ рано освободился отъ давленія княжеской власти и сталъ въ сторонѣ отъ княжескихъ усобицъ и половецкихъ разбоевъ, не испыталъ непосредственнаго гнета и страха татарскаго, въ глаза не видалъ ордынскаго баскака, былъ экономическимъ и политическимъ центромъ громадной промышленной области, рано вступилъ въ дѣятельныя торговыя сношенія и могъ вступить въ тѣсныя культурныя связи съ европейскимъ Западомъ, былъ нѣсколько вѣковъ торговымъ посредникомъ между этимъ Западомъ и азіатскимъ Востокомъ. Духъ свободы и предпріимчивости, политическое сознаніе „мужей вольныхъ“, поднимаемое идеей могущественной общины „го-

сподина Великаго Новгорода"—нигдѣ болѣе въ древней Руси не соединялось столько матеріальныхъ и духовныхъ средствъ, чтобы воспитать въ обществѣ эти качества, необходимыя для устроенія крѣпкаго и справедливаго общественнаго порядка. Но Великій Новгородъ такъ воспользовался доставшимися ему дарами исторической судьбы, что внѣшнія и внутреннія условія, въ первоначальномъ своемъ сочетаніи создавшія политическую вольность города, съ теченіемъ времени приведены были въ новую комбинацію, подготовлявшую ея разрушеніе. Мы еще разъ бросимъ бѣглый взглядъ на изученную нами судьбу Новгорода въ краткомъ обзорѣ недостатковъ, укоренившихся въ его политической жизни.

Соціальная рознь.

Природа Новгородской земли, рано вызвавъ оживленный и разносторонній торгово-промышленный оборотъ, открывала населенію обильные источники обогащенія. Но богатства распредѣлялись съ крайней неравномѣрностью, которая, закрѣпившись политическимъ неравенствомъ, разбила общество на дробныя части и создала *соціальную рознь*, глубокій антагонизмъ между имущими и неимущими, между правящими и работающими классами. Смуты, какими эта рознь наполняла жизнь Новгорода въ продолженіе вѣковъ, пріучали степенную или равнодушную часть общества не дорожить столь дорого стоившей вольностью города и скрѣпя сердце или себѣ на умѣ обращаться къ князю, отъ него ждать водворенія порядка и управы на своевольную вѣчевую толпу и своекорыстную знать.

Земская рознь.

Политическая свобода помогла Новгороду широко развернуть свои общественныя силы, особенно на торгово-промышленномъ поприщѣ. Начало автономіи легло и въ основу политическаго быта мѣстныхъ міровъ, изъ кото-

рыхъ сложилась Новгородская земля. Но при неумѣломъ или своекорыстномъ обращеніи центра съ мѣстными мірами эта общность политической основы стала причиной *земской розни* въ Новгородской области. Неурядицы и злоупотребленія, шедшія изъ Новгорода въ пригороды и волости, побуждали ихъ стремиться къ обособленію, а мѣстная автономія давала къ тому возможность, и Новгородъ не обнаружилъ ни охоты, ни умѣнья привязать ихъ къ себѣ крѣпкими правительственными узами либо прочными земскими интересами. Описывая новгородскія злоупотребленія, лѣтописецъ съ горечью замѣчаетъ, что не было тогда въ Новгородѣ правды и праваго суда, были по всей области разоръ и поборы частые, крикъ и вопль, „и всѣ люди проклинали старѣйшинъ нашихъ и городъ нашъ". Крупныя области Новгородской земли издавна стремились оторваться отъ своего центра: Псковъ уже въ XIV в. добился полной политической независимости; отдаленная новгородская колонія Вятка съ самыхъ первыхъ поръ своей жизни стала въ независимое отношеніе къ метрополіи; Двинская земля также не разъ пыталась оторваться отъ Новгорода. Въ минуту послѣдней рѣшительной борьбы Новгорода за свою вольность не только Псковъ и Вятка, но и Двинская земля не оказали ему никакой поддержки или даже послали свои полки противъ него на помощь Москвѣ.

Зависимость отъ Низа.

Мы видѣли, какъ много содѣйствовало успѣхамъ новгородской вольности политическое обособленіе Новгорода отъ княжеской Руси. Но оставалась *экономическая зависимость* отъ Низа, отъ центральной княжеской Великороссіи. Новгородъ всегда нуждался въ привозномъ хлѣбѣ съ Низа. Это заставляло его поддерживать постоянно добрыя отношенія къ Низовой Руси. Суздальскіе князья,

враждуя съ Новгородомъ, легко вынуждали у него покорность, задерживая въ Торжкѣ обозы съ хлѣбомъ, направлявшіеся въ Новгородъ. Потому новгородцы не могли быть долго во враждѣ съ низовыми князьями: по выраженію лѣтописца, тогда „ни жито къ нимъ не идяше ни отколѣже". Въ Новгородѣ начиналась дороговизна, наступалъ голодъ; простонародье поднималось на бояръ и заставляло ихъ идти на мировую съ княземъ. Въ 1471 г. прекращеніе подвоза хлѣба Иваномъ III и возстаніе простого народа въ Новгородѣ довершили торжество Москвы, начатое побѣдой на Шелони. Но Новгородъ не умѣлъ и не могъ пріобрѣсти себѣ искреннихъ и надежныхъ друзей ни среди князей, ни въ Низовой Руси. Чужой для князей, точнѣе, ничей, но богатый Новгородъ былъ для нихъ лакомымъ кускомъ, возбуждавшимъ ихъ аппетитъ, а новгородское устройство было для нихъ досаднымъ препятствіемъ, мѣшавшимъ воспользоваться этимъ кускомъ. Разнообразныя причины рано поселили и въ населеніи княжеской Руси очень враждебное отношеніе къ Новгороду. Эти причины были: своеобразный политическій бытъ Новгорода, частые походы новгородскихъ „молодцовъ", разорявшихъ встрѣчные города Низовой Руси по Волгѣ и ея притокамъ, раннія и тѣсныя торговыя и культурныя связи Новгорода съ нѣмецкимъ католическимъ Западомъ, наконецъ и болѣе всего союзъ съ литовскимъ королемъ-папежникомъ. Вотъ чѣмъ объясняется радость, съ какою Низовая Русь привѣтствовала разгромъ Новгорода при Иванѣ III. Здѣсь на новгородцевъ привыкли смотрѣть, какъ на крамольниковъ и вѣроотступниковъ, вознесшихся гордостью. Въ глазахъ низоваго лѣтописца новгородцы хуже невѣрныхъ. „Невѣрные, по его словамъ, искони не знаютъ Бога; эти же новгородцы такъ долго были въ

христіанствѣ, а подъ конецъ начали отступать къ латинству; великій князь Иванъ пошелъ на нихъ не какъ на христіанъ, а какъ на иноплеменниковъ и вѣроотступниковъ". Въ то время, какъ Ивановы полки громили новгородцевъ въ низовыхъ областяхъ, самъ народъ добровольно собирался большими толпами и ходилъ на Новгородскую землю за добычей, такъ что, по замѣчанію лѣтописца, весь край былъ опустошенъ до самаго моря.

Слабость военныхъ силъ.

Наконецъ существеннымъ недостаткомъ новгородскаго устройства была *слабость военныхъ силъ*. Новгороду рано, особенно съ XIII в., пришлось вести многостороннюю внѣшнюю борьбу со шведами, ливонскими нѣмцами, Литвой и русскими князьями, изъ-за него соперничавшими. Потомъ онъ самъ неразумно усложнялъ свои внѣшнія затрудненія ссорами со своимъ бывшимъ пригородомъ Псковомъ. Въ этой борьбѣ Новгородъ выработалъ себѣ военное устройство съ тысяцкимъ во главѣ. Главную силу составляло народное ополченіе, *полкъ*, набиравшійся на время войны по *разрубу*, разверсткѣ, изъ обывателей главнаго города, пригородовъ и сельскихъ волостей. Внѣшнюю борьбу облегчали Новгороду князья съ ихъ дружинами, которыхъ онъ призывалъ къ себѣ, и Псковъ, на который по его пограничному положенію падала наибольшая тяжесть борьбы. Съ половины XIV вѣка во внѣшнихъ отношеніяхъ Новгорода наступило затишье, изрѣдка прерывавшееся столкновеніями на западныхъ границахъ. Но онъ не воспользовался столѣтнимъ покоемъ, чтобы обновить и усилить свое старое военное устройство, напротивъ, повидимому допустилъ его до упадка въ привычной надеждѣ среди соперничавшихъ князей всегда найти себѣ союзника. Но къ половинѣ XV в. на Руси уже не стало соперниковъ, боровшихся за Новгородъ: за него боролись только Москва и Литва. Не при-

готовивъ своей силы, достаточной для обороны, Новгородъ до времени лавировалъ между обѣими соперницами, откупаясь отъ той и другой. Москва грозила Новгороду уничтоженіемъ вольности. Чтобы спасти ее, оставалось искать спасенія у Литвы; но союзъ съ Литвой казался измѣной родной вѣрѣ и землѣ въ глазахъ не только остальной Руси, но и значительной части самого новгородскаго общества. Въ послѣдніе годы независимости новгородцы больно почувствовали свой недосмотръ. Въ походѣ 1456 г. 200 москвичей подъ Русой наголову разбили 5000 новгородскихъ конныхъ ратниковъ, совсѣмъ не умѣвшихъ биться коннымъ строемъ. Въ 1471 г., начавъ рѣшительную борьбу съ Москвой и потерявъ уже двѣ пѣшія рати, Новгородъ наскоро посадилъ на коней и двинулъ въ поле тысячъ 40 всякаго сброда, гончаровъ, плотниковъ и другихъ ремесленниковъ, которые, по выраженію лѣтописи, отъ роду и на лошади не бывали. На Шелони 4½ тысячъ московской рати было достаточно, чтобы разбить наголову эту толпу, положивъ тысячъ 12 на мѣстѣ.

Общая причина паденія вольнаго города.

Таковы недостатки новгородскаго государственнаго строя и быта. Не подумайте, что я изложилъ ихъ, чтобы объяснить паденіе Новгорода. Эти недостатки важны для насъ не какъ причины его паденія, а какъ слѣдствія противорѣчій его политическаго склада, какъ доказательство, что въ ходѣ историческихъ дѣлъ есть своя логика, извѣстная закономѣрность. Около половины XV в. мыслящіе люди Новгорода, предчувствуя его паденіе, расположены были видѣть причину приближавшейся бѣды въ городскихъ раздорахъ. Новгородскій архіепископъ Іона, отговаривая Василія Темнаго не задолго до его смерти отъ похода на Новгородъ, обѣщалъ великому князю испросить у Бога его сыну Ивану свободу отъ Орды за сохраненіе свободы Новгорода и при этомъ,

вдругъ заплакавъ, произнесъ: „кто можетъ озлобить толикое множество людей моихъ, смирить величіе моего города? Только усобицы смятутъ ихъ, раздоръ низложитъ ихъ". Но въ судьбѣ Новгорода усобицами, какъ и другими недостатками его быта можно объяснить развѣ только легкость его покоренія Москвой. Новгородъ палъ бы, если бы и былъ отъ нихъ свободенъ: участь вольнаго города была рѣшена не мѣстными условіями, а болѣе общей причиной, болѣе широкимъ и гнетущимъ историческимъ процессомъ. Я указывалъ на этотъ процессъ, заканчивая исторію Московскаго княжества въ удѣльные вѣка. Къ половинѣ XV в. образованіе великорусской народности уже завершилось; ей недоставало только единства политическаго. Эта народность должна была бороться за свое существованіе на востокѣ, на югѣ и на западѣ. Она искала политическаго центра, около котораго могла бы собрать свои силы для этой тяжелой и опасной борьбы. Мы видѣли, какъ такимъ центромъ сдѣлалась Москва, какъ удѣльныя династическія стремленія московскихъ князей встрѣтились съ политическими потребностями всего великорусскаго населенія. Эта встрѣча рѣшила участь не только Новгорода Великаго, но и другихъ самостоятельныхъ политическихъ міровъ, какіе еще оставались на Руси къ половинѣ XV в. Уничтоженіе особности земскихъ частей независимо отъ ихъ политической формы было жертвой, которой требовало общее благо земли, теперь становившейся строго централизованнымъ и однообразно устроеннымъ государствомъ, и московскій государь явился исполнителемъ этого требованія. А Новгородъ, по основамъ своего народнаго быта органическая часть Великороссіи, жилъ отдѣльною отъ нея жизнью и хотѣлъ продолжать такъ жить, не раздѣляя ея интересовъ и тягостей: въ 1477 г., переговариваясь съ Иваномъ III, новгородцы ставили усло-

віе, чтобы ихъ „въ Низовскую землю къ берегу“ на службу не посылали—защищать южную окраину Московскаго государства отъ татаръ. Новгородъ при лучшемъ политическомъ устройствѣ могъ бы вести болѣе упорную борьбу съ Москвой, но исходъ этой борьбы былъ бы все тотъ же: вольный городъ неминуемо палъ бы подъ ударами Москвы.

Предсказанія.

Когда разрушается сильный физическій организмъ, его разрушеніе сказывается тяжкими вздохами и стонами; когда гибнетъ общественный союзъ, жившій долгой и сильной жизнью, его гибель обыкновенно предваряется или сопровождается легендой, въ которую отливается усиленная работа мысли современниковъ надъ тѣмъ, что́ ими ожидалось или что́ съ ними случилось. Въ нашей исторіи немного такихъ катастрофъ, которыя были бы окружены такимъ роемъ сказаній, какъ паденіе Новгорода, изъ коихъ иныя не лишены фактической основы. Ожиданіе близкой бѣды еще въ началѣ княженія Ивана III привело новгородскіе умы и нервы въ напряженное состояніе; это напряженіе обнаруживалось въ пророчествахъ о близкой судьбѣ города. Въ новгородскомъ монастырѣ на подгородномъ урочищѣ Клопскѣ въ сороковыхъ годахъ XV столѣтія подвизался блаженный Михаилъ, извѣстный въ нашихъ святцахъ подъ именемъ Клопскаго. Въ 1440 г. посѣтилъ его мѣстный архіепископъ Евѳимій. Блаженный сказалъ владыкѣ: „а сегодня радость большая въ Москвѣ“. — „Какая, отче, радость?“ — „У великаго князя московскаго родился сынъ, которому дали имя Иванъ; разрушитъ онъ обычаи Новгородской земли и принесетъ гибель нашему городу“. Незадолго до паденія Новгорода съ далекаго острова Бѣлаго моря пришелъ въ Новгородъ основатель Соловецкаго монастыря преп. Зосима ходатайствовать предъ властями о нуждахъ своей обители. Пошелъ онъ и къ боярынѣ Марѳѣ

Борецкой, вдовѣ посадника, пользовавшейся большимъ вліяніемъ въ новгородскомъ обществѣ; но она не приняла старца и велѣла холопамъ прогнать его. Уходя со двора надменной боярыни, Зосима покачалъ головой и сказалъ спутникамъ: „придутъ дни, когда живущіе въ этомъ дворѣ не будутъ ступать по нему ногами своими, когда затворятся его ворота и не отворятся болѣе, и запустѣетъ этотъ дворъ“, — что и случилось, прибавляетъ жизнеописатель преп. Зосимы. Мареа послѣ одумалась, узнавъ, какъ радушно новгородскіе бояре принимаютъ обиженнаго ею пустынника. Она усердно просила Зосиму придти къ ней и благословить ее. Зосима согласился. Мареа устроила для него обѣдъ со знатными гостями, первыми новгородскими сановниками, вождями литовской партіи, душой которой была Мареа. Среди обѣда Зосима взглянулъ на гостей и вдругъ съ изумленіемъ молча опустилъ глаза въ землю. Взглянувъ въ другой разъ, онъ опять сдѣлалъ то же; взглянулъ въ третій разъ — и опять наклонившись, покачалъ головой и прослезился. Съ той минуты онъ не дотронулся до пищи, несмотря на просьбы хозяйки. По выходѣ изъ дому ученикъ Зосимы спросилъ его, что значило его поведеніе за столомъ. Зосима отвѣчалъ: „взглянулъ я на бояръ и вижу—нѣкоторые изъ нихъ безъ головъ сидятъ“. Это были тѣ новгородскіе бояре, которымъ Иванъ III въ 1471 г. послѣ Шелонской битвы велѣлъ отрубить головы, какъ главнымъ своимъ противникамъ. Задумавъ передаться литовскому королю, новгородцы выпросили себѣ у него въ намѣстники подручника его, князя Михаила Олельковича. Готовилась борьба съ Москвой. Посадникъ Немиръ, принадлежавшій къ литовской партіи, пріѣхалъ въ Клопскій монастырь къ упомянутому блаженному Михаилу. Михаилъ спросилъ посадника, откуда онъ. — Былъ, отче-

9*

у своей пратещи (тещиной матери).—Что, сынокъ у тебя, за дума, о чемъ это ты все ѣздишь думать съ женщинами? — Слышно, сообщилъ посадникъ, лѣтомъ собирается идти на насъ князь московскій, а у насъ есть свой князь Михаилъ.—То, сынокъ, не князь, а грязь, возразилъ блаженный: шлите-ка скорѣе пословъ въ Москву, добивайте челомъ московскому князю за свою вину, а не то придетъ онъ на Новгородъ со всѣми силами своими, выйдете вы противъ него, и не будетъ вамъ Божьяго пособія, и перебьетъ онъ многихъ изъ васъ, а еще больше того въ Москву сведетъ, а князь Михаилъ отъ васъ въ Литву уѣдетъ и ни въ чемъ вамъ не поможетъ. — Все такъ и случилось, какъ предсказалъ блаженный.

Лекція XXV.

Главныя явленія III періода русской исторіи.—Положеніе Русской земли въ половинѣ XV в.—Границы Московскаго княжества.—Перемѣна въ дальнѣйшемъ ходѣ собиранія Руси Москвой.—Территоріальныя пріобрѣтенія Ивана III и его преемника.—Политическое объединеніе Великороссіи—основной фактъ III періода.—Ближайшія слѣдствія этого факта.—Перемѣна во внѣшнемъ положеніи Московскаго княжества и во внѣшней политикѣ его великихъ князей.—Мысль о народномъ русскомъ государствѣ и ея выраженіе во внѣшней политикѣ Ивана III.

Обратимся къ изученію третьяго періода нашей исторіи. Онъ начинается съ половины XV в., точнѣе говоря, со вступленія Ивана III на великокняжескій столъ въ 1462 г., и продолжается до начала XVII в. (1613 г.), когда на московскомъ престолѣ является новая династія. Я назвалъ этотъ періодъ временемъ Московской Руси или Великорусскаго государства.

Главныя явленія.

Сѣверная Русь, дотолѣ разбитая на самостоятельные мѣстные міры, объединяется подъ одной государственной властью, носителемъ которой является московскій государь; но онъ правитъ при содѣйствіи новаго класса, вокругъ него образовавшагося, боярства. Основой народнаго хозяйства въ этомъ государствѣ остается попрежнему земледѣльческій трудъ вольнаго крестьянина, работающаго на государственной или частной землѣ; но государственная земля все болѣе переходитъ въ руки новаго военнаго класса, создаваемаго государствомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе стѣсняется свобода крестьянскаго труда, замѣняясь

хозяйственной зависимостью крестьянина отъ служилаго землевладѣльца. Таковы главныя явленія, которыя въ этомъ періодѣ намъ предстоитъ изучить.

Прежде всего попытаемся выяснить основной, такъ сказать, центральный фактъ, отъ котораго шли или къ которому сводились всѣ эти явленія. Что даетъ намъ право положить грань новаго періода на половинѣ XV в.? Съ этого времени происходятъ важныя перемѣны въ Русской землѣ и всѣ эти перемѣны идутъ отъ Московскаго государства и отъ московскаго государя, который правилъ этимъ государствомъ. Вотъ главныя дѣйствующія силы, которыя въ продолженіе полутораста лѣтъ этого періода ставятъ Русскую землю въ новое положеніе. Но когда Иванъ III наслѣдовалъ на московскомъ столѣ своему отцу, въ Русской землѣ еще не было ни Московскаго государства въ тѣхъ границахъ, которыя оно имѣло въ концѣ XVI вѣка, ни московскаго государя съ тѣмъ политическимъ значеніемъ, съ какимъ онъ является 100 лѣтъ спустя. Оба эти фактора еще не были готовы въ 1462 году, оба являются результатами медленнаго и труднаго процесса, совершающагося въ этотъ самый періодъ. Чтобы лучше понять появленіе этихъ факторовъ, надобно представить себѣ политическое положеніе Русской земли около половины XV в.

Русская земля въ половинѣ XV в.

Весь почти сѣверъ нашей равнины съ сѣверозападнымъ ея угломъ къ Финскому заливу составлялъ область вольнаго Новгорода Великаго, къ которой на югозападѣ, со стороны Ливоніи, примыкала маленькая область другого вольнаго города, Пскова. Вся западная Русь, т.-е. Бѣлоруссія, вмѣстѣ съ частью Великороссіи, областью Смоленской, и Русь Малая съ сосѣдними краями нынѣшнихъ великорусскихъ губерній Курской, Орловской, даже съ частями Тульской и Калужской, входили въ составъ Ли-

товско-Польскаго государства. За Тулой и Рязанской землей начиналось обширное степное пространство, тянувшееся до береговъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей, на которомъ осѣдлому населенію Руси не удавалось основаться прочно и гдѣ господствовали татары, гнѣздившіеся въ Крыму и на нижней Волгѣ. На востокѣ за средней и верхней Волгой господствовали татары Казанскаго царства, отдѣлившіеся отъ Золотой Орды въ первой половинѣ XV в., затѣмъ вятчане, мало слушавшіеся московскаго князя, хотя Вятка числилась въ его владѣніяхъ, и разные инородцы Пермской земли. Собственно центральное пространство равнины представляло кучу большихъ и малыхъ княжествъ, среди которыхъ находилось и княжество Московское. Обозначимъ въ общихъ чертахъ его границы. Московское княжество. Сѣверная часть нынѣшней Московской губерніи, именно Клинскій уѣздъ, принадлежала еще Тверскому княжеству. Далѣе на сѣверъ и сѣверовостокъ за Волгой московскія владѣнія соприкасались или перемежались съ владѣніями новгородскими, ростовскими, ярославскими, простираясь до сліянія Сухоны и Юга. Съ югозападной стороны граница съ Литвой шла по Угрѣ, въ Калужской губерніи, Калуга находилась на югозападной окраинѣ Московскаго княжества, а она всего въ 170 верстахъ отъ Москвы. Среднимъ теченіемъ Оки между Калугой и Коломной Московское княжество граничило съ великимъ княжествомъ Рязанскимъ, а нижнее теченіе Оки отъ Устья Цны и теченіе Волги отъ Нижняго до устья Суры и Ветлуги отдѣляло его отъ Мордвы и Черемисы, находившихся подъ властью казанскихъ татаръ. Этотъ стѣсненный югозападный уголъ территоріи и былъ головной частью княжества, передовымъ его оплотомъ, указывавшимъ, въ какія стороны были обращены его боевыя силы: здѣсь находилось ихъ средо-

точіе. Городъ Москва въ половинѣ XV в. лежалъ вблизи трехъ окраинъ княжества: на сѣверѣ верстахъ въ 80 начиналось княжество Тверское, самое враждебное Москвѣ изъ русскихъ княжествъ; на югѣ верстахъ во 100 по берегу средней Оки шла сторожевая линія противъ самаго безпокойнаго врага—татаръ; на западѣ верстахъ во 100 съ чѣмъ-нибудь за Можайскомъ въ Смоленской области стояла Литва, самый опасный изъ враговъ Москвы. Съ сѣверной, западной и южной стороны непріятельскимъ полкамъ достаточно было немногихъ переходовъ, чтобы дойти до Москвы. Собираясь изучать исторію Москвы съ половины XV в., запомнимъ хорошенько это неудобство ея внѣшняго положенія въ то время.

Итакъ Русская земля распадалась на множество мелкихъ и крупныхъ политическихъ міровъ, независимыхъ другъ отъ друга, и среди этихъ міровъ Московское княжество было далеко не самымъ крупнымъ: Литовское княжество, по большинству населенія состоявшее изъ Руси, и область Новгорода Великаго были гораздо обширнѣе его. Разрубленная внутри Русская земля распадалась на двѣ половины по своему внѣшнему политическому положенію: югозападная половина была подъ властью соединенныхъ Польши и Литвы, сѣверовосточная платила дань хану Золотой Орды. Значитъ, положеніе Русской земли въ половинѣ XV вѣка можно опредѣлить двумя чертами: политическое порабощеніе извнѣ и политическое раздробленіе внутри. На всемъ пространствѣ нашей равнины, гдѣ только обитала Русь, кромѣ Вятки, не было деревни, которая не находилась бы подъ чуждымъ, иноземнымъ игомъ.

Политическій составъ восточной Руси.

Въ такой обстановкѣ Иванъ III продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ, великихъ князей московскихъ. Еще до него на протяженіи полутора столѣтія мы наблюдали въ

исторіи сѣверной Руси два параллельные процесса: собираніе земли и сосредоточеніе власти, постепенное территоріальное расширеніе вотчины московскихъ князей на счетъ другихъ княжествъ и постепенное матеріальное усиленіе великаго князя московскаго на счетъ удѣльныхъ. Какъ ни были велики успѣхи, достигнутые Москвой, ни тотъ, ни другой изъ этихъ процессовъ далеко еще не былъ доведенъ до конца, когда Иванъ III вступилъ на столъ отца и дѣда. Территоріальное собираніе Руси Москвой не подвинулось еще настолько, чтобы захватить всѣ самостоятельные мѣстные міры, какіе существовали въ центральной и сѣверной Руси. Эти міры, ждавшіе своей очереди быть поглощенными Москвой, по ихъ политическому устройству можно раздѣлить на два разряда: то были или вольные города (Новгородъ, Псковъ, Вятка), или княжества. Послѣднія принадлежали двумъ княжескимъ линіямъ—стараго Святослава черниговскаго и Всеволода III суздальскаго—и образовали 4 группы удѣльныхъ княжествъ съ особымъ великимъ княземъ во главѣ каждой: то были княжества Рязанское, Ростовское, Ярославское и Тверское. Съ другой стороны, ни Иванъ III, ни его старшій сынъ Василій не были единственными властителями Московскаго княжества, дѣлили обладаніе имъ съ ближайшими родичами, удѣльными московскими князьями, и власть великаго князя не разрослась еще настолько, чтобы превратить этихъ удѣльныхъ владѣтелей въ простыхъ подданныхъ московскаго государя. Великій князь пока поднимался надъ удѣльными не объемомъ власти, а только количествомъ силы, пространствомъ владѣній и суммой доходовъ. У Ивана III было 4 удѣльныхъ брата и двоюродный удѣльный дядя Михаилъ верейскій; у Василія III также было 4 брата. Отношенія между ними попрежнему опредѣлялись догово-

рами, и здѣсь встрѣчаемъ все прежнія опредѣленія, повторяются знакомыя намъ формулы княжескихъ отношеній, давно уже не соотвѣтствовавшія дѣйствительности. Договаривающіяся стороны продолжаютъ притворяться, будто не замѣчая совершившихся перемѣнъ, какъ будто между ними все оставалось постарому, хотя Иванъ III по пустому поводу пригрозилъ тюрьмой сыну Михаила верейскаго и отнялъ у старика дяди удѣлъ за побѣгъ этого сына въ Литву.

Перемѣна въ моск. собираніи Руси.

Иванъ III продолжалъ старое дѣло территоріальнаго собиранія Руси, но уже не по-старому. Въ удѣльное время территоріальныя пріобрѣтенія московскихъ князей носили характеръ или захватовъ, или частныхъ хозяйственныхъ сдѣлокъ съ сосѣдними князьями. Мѣстныя общества еще не принимали замѣтнаго дѣятельнаго участія въ этомъ территоріальномъ объединеніи Руси, хотя по временамъ и проявлялось ихъ нравственное тяготѣніе къ Москвѣ. Съ половины XV в. становится замѣтно прямое вмѣшательство самихъ мѣстныхъ обществъ въ дѣло. Можно замѣтить, что не вездѣ одни и тѣ же классы мѣстныхъ обществъ обнаруживаютъ открытое влеченіе къ Москвѣ. Въ Новгородѣ московская партія состояла преимущественно изъ простонародья съ нѣсколькими боярами, стоявшими во главѣ его; эта сторона ищетъ управы на своевольную новгородскую знать у московскаго великаго князя. Въ княжеской Руси, напротивъ, высшіе служилые классы общества тяготѣютъ къ Москвѣ, соблазняясь выгодами службы у богатаго и сильнаго князя. Такъ въ Твери еще задолго до послѣдняго удара, нанесеннаго ей Москвой, мѣстные бояре и рядовые служилые люди начали переходить на московскую службу. Когда Иванъ III только еще собирался въ походъ на Тверь за ея союзъ съ Литвой, многіе тверскіе

бояре и дѣти боярскіе стали покидать своего князя и толпами переходить въ Москву; даже два тверскихъ удѣльныхъ князя перешли тогда на московскую службу. Когда Иванъ III подступилъ къ Твери (1485 г.), новая толпа тверскихъ князей и бояръ переѣхала въ московскій лагерь и била челомъ Ивану на службу. Тверской лѣтописецъ называетъ этихъ перелетовъ крамольниками и считаетъ ихъ главными виновниками паденія Тверского княжества. По замѣчанію другого лѣтописца, Иванъ взялъ Тверь измѣной боярскою. То же самое явленіе повторилось и въ другомъ великомъ княжествѣ—Рязанскомъ. Это княжество присоединено было къ Москвѣ при Ивановомъ преемникѣ въ 1517 г. Но задолго до этого московскій государь имѣлъ тамъ опору въ главномъ рязанскомъ бояринѣ Коробьинѣ, который и подготовилъ низложеніе своего князя. Далѣе, союзъ князей, образовавшійся подъ рукою московскаго государя изъ ближнихъ и дальнихъ его родичей еще въ удѣльные вѣка, теперь расширился и скрѣпился новыми интересами, усилившими авторитетъ московскаго государя. Прежде въ этомъ союзѣ, завязавшемся по волѣ хана, замѣтно было дѣйствіе преимущественно матеріальной силы или случайныхъ, временныхъ отношеній: союзные князья большею частью становились подъ руку московскаго государя, уступая его матеріальному давленію и его вліянію въ Ордѣ или движимые патріотическими побужденіями, по которымъ нѣкоторые изъ нихъ соединились съ Димитріемъ Донскимъ противъ Твери и Мамая. Теперь этотъ союзъ расширился подъ дѣйствіемъ новой связи, входящей въ его составъ, интереса религіознаго. Дѣйствіе этого интереса обнаруживается среди православныхъ князей, подвластныхъ Литвѣ. Мы покинули Югозападную Русь въ минуту ея разгрома татарами въ

1240 г. Съ половины XIII ст. въ сосѣдствѣ съ этой Русью начинаетъ подниматься княжество Литовское. Въ XIII и XIV в. литовскіе князья постепенно подчиняютъ себѣ разъединенныя и опустошенныя княжества Западной Руси. Эта Русь со своими князьями не оказывала особенно упорнаго сопротивленія Литвѣ, которая освобождала ее отъ татарской неволи. Съ тѣхъ поръ начинается могущественное культурное и политическое вліяніе Западной Руси на Литву. Уже къ концу XIV в. Литва и по составу населенія, и по складу жизни представляла изъ себя больше русское, чѣмъ литовское княжество. Но въ 1386 г. литовскій великій князь Ягелло (Яковъ), воспитанный въ православіи своею матерью, рожденной княжной тверской Юліаніей, женился на наслѣдницѣ Польскаго королевства Ядвигѣ и принялъ католичество. Этотъ династическій союзъ Литвы и Польши завязалъ роковой для соединеннаго государства религіозно-политическій узелъ. Съ тѣхъ поръ началась при содѣйствіи польско-литовскаго правительства католическая пропаганда въ Западной Руси. Пропаганда эта особенно усилилась во второй половинѣ XV в., когда Литвой правилъ сынъ Ягелла Казиміръ IV. Православное русское общество оказывало стойкое противодѣйствіе католическимъ миссіонерамъ. Въ Западной Руси начиналось сильное броженіе, „замятня великая“ между католиками и православными. „Все наше православное христіанство хотятъ окрестить“, писали оттуда: „за это наша Русь вельми ся съ Литвою не любятъ“. Увлекаемые этимъ религіознымъ движеніемъ, и православные князья Западной Руси, еще не утратившіе прежней самостоятельности въ своихъ владѣніяхъ подъ легкою властью великаго князя литовскаго, начали одинъ за другимъ приставать къ Москвѣ, какъ къ своему религіозному центру. Тѣ изъ нихъ, которые могли присоединиться къ

Москвѣ со своими владѣніями по ихъ близости къ московскимъ границамъ, принимали условія зависимости, выработавшіяся въ Москвѣ для добровольно поддавшихся удѣльныхъ князей: они дѣлались постоянными и подчиненными союзниками московскаго государя, обязывались служить ему, но сохраняли при себѣ свои дворы, дружины, и не только оставались или становились вотчинниками своихъ владѣній, но и пользовались въ нихъ административными правами, держали свое особое управленіе. Въ такое положеніе становились передававшіеся Москвѣ владѣльцы мелкихъ княжествъ по верхней Окѣ, потомки св. Михаила черниговскаго, князья Бѣлевскіе, Новосильскіе, Воротынскіе, Одоевскіе и другіе. Примѣру ихъ послѣдовали потомки Всеволода III, князья черниговскій и новгородъ-сѣверскій, сынъ Ивана Андреевича можайскаго и внукъ Шемяки. Отцы ихъ, когда ихъ дѣло въ борьбѣ съ Василіемъ Темнымъ было проиграно, бѣжали въ Литву и тамъ получили обширныя владѣнія по Деснѣ, Семи, Сожу и Днѣпру съ городами Черниговомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ. Отецъ одного и дѣдъ другого были злѣйшими недругами Василія Темнаго, своего двоюроднаго брата, а сынъ и внукъ, стоя за православіе, забыли наслѣдственную вражду и стали подчиненными союзниками Васильева сына. Такъ московскій союзъ князей, расширяясь, превращался въ военную гегемонію Москвы надъ союзными князьями.

Пріобрѣтенія Ивана III и Василія III.

Таковы новыя явленія, которыя замѣчаются въ территоріальномъ собираніи Руси Москвой съ половины XV в. Сами мѣстныя общества начинаютъ открыто обращаться къ Москвѣ, увлекая за собой и свои правительства или увлекаемыя ими. Благодаря этому тяготѣнію московское собираніе Руси получило иной характеръ и ускоренный ходъ. Теперь оно перестало быть дѣломъ захвата или частнаго

соглашенія, а сдѣлалось національно-религіозным движеніемъ. Достаточно короткаго перечня территоріальныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Москвой при Иванѣ III и его сынѣ Василіи, чтобы видѣть, какъ ускорилось это политическое объединеніе Руси. Съ половины XV в. и вольные города со своими областями, и княжества быстро входятъ въ составъ московской территоріи. Въ 1463 г. всѣ князья Ярославскіе, великій съ удѣльными, били Ивану III челомъ о принятіи ихъ на московскую службу и отказались отъ своей самостоятельности. Въ 1470-хъ годахъ покоренъ былъ Новгородъ Великій съ его обширной областью въ Сѣверной Руси. Въ 1472 г. приведена была подъ руку московскаго государя Пермская земля, въ части которой (по р. Вычегдѣ) начало русской колонизаціи положено было еще въ XIV в., во времена св. Стефана Пермскаго. Въ 1474 г. князья Ростовскіе продали Москвѣ оставшуюся за ними половину Ростовскаго княжества; другая половина еще раньше была пріобрѣтена Москвой. Эта сдѣлка сопровождалась вступленіемъ князей Ростовскихъ въ составъ московскаго боярства. Въ 1455 г. безъ боя присягнула Ивану III осажденная имъ Тверь. Въ 1489 г. окончательно покорена Вятка. Въ 1490-хъ годахъ князья Вяземскіе и цѣлый рядъ мелкихъ князей черниговской линіи, Одоевскіе, Новосильскіе, Воротынскіе, Мезецкіе, а также сейчасъ упомянутые сыновья московскихъ бѣглецовъ, князья черниговскій и сѣверскій, всѣ со своими владѣніями, захватывавшими восточную полосу Смоленской и большую часть Черниговской и Сѣверской земель, признали надъ собой, какъ уже сказано было, верховную власть московскаго государя. Въ княженіе Иванова преемника присоединены были къ Москвѣ въ 1510 г. Псковъ съ его областью, въ 1514 г. Смоленское княжество, захваченное

Литвой въ началѣ XV в., въ 1517 г. княжество Рязанское; наконецъ 1517—1523 гг. княжества Черниговское и Сѣверское включены были въ число непосредственныхъ владѣній Москвы, когда сѣверскій Шемячичъ выгналъ своего черниговскаго сосѣда и товарища по изгнанію изъ его владѣній, а потомъ и самъ попалъ въ московскую тюрьму. Мы не будемъ перечислять территоріальныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Москвой въ царствованіе Ивана IV за предѣлами тогдашней Великоруссіи, по средней и нижней Волгѣ и въ степяхъ по Дону и его притокамъ. Довольно того, что было пріобрѣтено отцомъ и дѣдомъ царя, чтобы видѣть, насколько расширилась территорія Московскаго княжества. Не считая шаткихъ, неукрѣпленныхъ зауральскихъ владѣній въ Югрѣ и землѣ вогуличей, Москва владѣла отъ Печоры и горъ сѣвернаго Урала до устьевъ Невы и Наровы и отъ Васильсурска на Волгѣ до Любеча на Днѣпрѣ. При восшествіи Ивана III на великокняжескій столъ московская территорія едва ли заключала въ себѣ болѣе 15.000 квадр. миль. Пріобрѣтенія Ивана III и его сына увеличили эту территорію по меньшей мѣрѣ тысячъ на 40 квадр. миль.

Основной фактъ.

Такова перемѣна, происшедшая въ положеніи Московскаго княжества. Территоріальное расширеніе само по себѣ—успѣхъ чисто внѣшній, географическій; но оно оказало могущественное дѣйствіе на политическое положеніе Московскаго княжества и его князя. Важно было не количество новыхъ пространствъ. Въ Москвѣ почувствовали, что завершается большое давнее дѣло, глубоко касающееся внутренняго строя земской жизни. Это чувство выразили тогдашніе органы московской публицистики,—лѣтопись и юродивый. Лѣтопись называетъ вел. князя Василія III послѣднимъ собирателемъ Руси. Только что упомянутый

Шемячичъ сѣверскій былъ послѣдній московскій родомъ князь не изъ семьи Темнаго, находившійся на положеніи удѣльнаго. Когда его посадили въ тюрьму, на московскихъ улицахъ появился блаженный съ метлой въ рукахъ. На вопросъ, зачѣмъ у него метла, онъ отвѣчалъ: „государство не совсѣмъ еще чисто; пора вымести послѣдній соръ". Если вы представите себѣ новыя границы Московскаго княжества, созданныя перечисленными территоріальными пріобрѣтеніями, вы увидите, что это княжество вобрало въ себя цѣлую народность. Мы знаемъ, какъ въ удѣльные вѣка путемъ колонизаціи въ центральной и сѣверной Руси сложилось новое племя въ составѣ русскаго населенія, образовалась новая народность—*великорусская.* Но до половины XV в. эта народность оставалась лишь фактомъ этнографическимъ, безъ политическаго значенія: она была разбита на нѣсколько самостоятельныхъ и разнообразно устроенныхъ политическихъ частей; единство національное не выражалось въ единствѣ государственномъ. Теперь вся эта народность соединяется подъ одной государственной властью, вся покрывается одной политической формой. Это сообщаетъ новый характеръ Московскому княжеству. До сихъ поръ оно было однимъ изъ нѣсколькихъ великихъ княжествъ сѣверной Руси; теперь оно остается здѣсь единственнымъ и потому становится національнымъ: его границы совпадаютъ съ предѣлами великорусской народности. Прежнія народныя сочувствія, тянувшія Великую Русь къ Москвѣ, теперь превратились въ политическія связи. Вотъ тотъ основной фактъ, отъ котораго пошли остальныя явленія, наполняющія нашу исторію XV и XVI вѣковъ. Можно такъ выразить этотъ фактъ: *завершеніе территоріальнаго собиранія сѣверовосточной Руси Москвой превратило Московское княжество въ національное великорусское госу-*

дарство и такимъ образомъ сообщило великому князю московскому значенiе національнаго великорусскаго государя. Если вы припомните главныя явленія нашей исторіи XV и XVI вв. вы увидите, что внѣшнее и внутреннее положеніе Московскаго государства въ это время слагается изъ послѣдствій этого основного факта.

Перемѣна во внѣшнемъ положеніи и въ политикѣ Москвы.

Вслѣдствіе этого, во-первыхъ, измѣнилось *внѣшнее положеніе* Московскаго княжества. До сихъ поръ оно почти со всѣхъ сторонъ было прикрыто отъ внѣшнихъ враговъ другими русскими же княжествами или землями вольныхъ городскихъ общинъ; съ сѣвера княжествомъ Тверскимъ, съ сѣверовостока и востока Ярославскимъ, Ростовскимъ и до конца XV в. Нижегородскимъ, а съ юга Рязанскимъ и мелкими княжествами по верхней Окѣ, съ запада Смоленскимъ (до захвата его Витовтомъ въ 1404 г.), съ сѣверозапада землями Новгорода и Пскова. Съ половины XV в. всѣ эти внѣшнія прикрытія исчезаютъ, и Московское княжество становится глазъ на глазъ съ иноземными государствами, не принадлежавшими къ семьѣ русскихъ княжествъ. Въ связи съ этой перемѣной во внѣшнемъ положеніи княжества измѣнилась и *внѣшняя политика* московскихъ князей. Теперь, дѣйствуя на болѣе широкой сценѣ, они усвояютъ себѣ новыя задачи, какія не стояли передъ московскими князьями удѣльныхъ вѣковъ. До сихъ поръ внѣшнія отношенія московскихъ князей ограничивались тѣснымъ кругомъ своей же братіи, другихъ русскихъ князей, великихъ и удѣльныхъ, да татарами. Съ Ивана III московская политика выходитъ на болѣе широкую дорогу: Московское государство заводитъ сложныя дипломатическія сношенія съ иноземными западно-европейскими государствами, Польшей и Литвой, Швеціей, съ орденами Тевтонскимъ и Ливонскимъ, съ императоромъ германскимъ и др.

10

Идея національнаго государства.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ дипломатической сцены измѣняется и программа внѣшней политики. Эта перемѣна тѣсно связана съ одной идеей, пробуждающейся въ московскомъ обществѣ около этого времени, идеей національнаго государства. Эта идея требуетъ тѣмъ большаго вниманія съ нашей стороны, чѣмъ рѣже приходится намъ отмѣчать прямое участіе идей въ образованіи фактовъ нашей древней исторіи. Сознаніе или скорѣе чувство народнаго единства Русской земли—не новый фактъ XV—XVI вѣковъ: это дѣло Кіевской Руси XI—XII в., и заканчивая изученіе политическаго строя Русской земли въ тѣ вѣка, я указывалъ на это чувство, даже пытался отмѣтить нѣкоторыя его особенности. Я говорилъ, что въ то время оно выражалось не столько въ сознаніи характера и историческаго назначенія народа, сколько въ мысли о Русской землѣ, какъ *общемъ отечествѣ* (лекц. XII). Трудно сказать, какое дѣйствіе оказали на эту мысль тревоги удѣльныхъ вѣковъ. Но она несомнѣнно тлѣла въ народѣ, питаемая церковными и другими связями. Разрывъ русской народности на двѣ половины, югозападную и сѣверовосточную, удѣльное дробленіе послѣдней, иноземное иго—эти неблагопріятныя условія едва ли могли содѣйствовать проясненію мысли о народномъ единствѣ, однако были способны пробудить или поддержать смутную потребность въ немъ, и мы уже знаемъ, какую крупную роль сыграла эта потребность въ ходѣ успѣховъ Московскаго княжества. Я веду рѣчь не объ этой потребности, а объ идеѣ національнаго государства, о стремленіи къ политическому единству на народной основѣ. Эта идея возникаетъ и усиленно разрабатывается прежде всего въ московской правительственной средѣ по мѣрѣ того, какъ Великороссія объединялась подъ московской властью. Любопытно слѣдить, въ какомъ видѣ

и съ какою степенью пониманія дѣла проявлялась эта идея, которая не могла не оказать вліянія на ходъ жизни Московскаго княжества. Видно, во-первыхъ, что она вырабатывается подъ давленіемъ измѣнявшихся внѣшнихъ сношеній московскаго великаго князя. Потому первой провозвѣстницей ея является московская дипломатія Иванова времени и уже отсюда, изъ государева дворца и кремлевской канцеляріи, она проникаетъ въ московское общество. Прежде столкновенія московскихъ великихъ князей съ ихъ русскими сосѣдями затрогивали только мѣстные интересы и чувства москвича, тверича, рязанца, разъединявшіе ихъ другъ съ другомъ. Боролась Москва съ Тверью, Рязанью; теперь борется Русь съ Польшей, со Швеціей, съ нѣмцами. Прежнія войны Москвы—усобицы русскихъ князей; теперь это—борьба народовъ. Внѣшнія отношенія Москвы къ иноплеменнымъ сосѣдямъ получаютъ одинаковое общее значеніе для всего великорусскаго народа: они не разъединяли, а сближали его мѣстныя части въ сознаніи общихъ интересовъ и опасностей, и поселяли мысль, что Москва—общій сторожевой постъ, откуда слѣдятъ за этими интересами и опасностями, одинаково близкими и для москвича, и для тверича, для всякаго русскаго. Внѣшнія дѣла Москвы усиленно вызывали мысль о народности, о народномъ государствѣ. Эта мысль должна была положить свой отпечатокъ и на общественное сознаніе московскихъ князей. Они вели свои дѣла во имя своего фамильнаго интереса. Но равнодушіе или молчаливое сочувствіе, съ какимъ мѣстныя общества относились къ московской уборкѣ ихъ удѣльныхъ князей, открытое содѣйствіе высшаго духовенства, усилія Москвы въ борьбѣ съ поработителями народа—все это придавало эгоистической работѣ московскихъ собирателей земли ха-

рактеръ народнаго дѣла, патріотическаго подвига, а совпаденіе ихъ земельныхъ стяжаній съ предѣлами Великороссіи волей-неволей заставляло ихъ слить свой династическій интересъ съ народнымъ благомъ, выступить борцами за вѣру и народность. Вобравъ въ составъ своей удѣльной вотчины всю Великороссію и принужденный дѣйствовать во имя народнаго интереса, московскій государь сталъ заявлять требованіе, что всѣ части Русской земли должны войти въ составъ этой вотчины. Объединявшаяся Великороссія рождала идею народнаго государства, но не ставила ему предѣловъ, которые въ каждый данный моментъ были случайностью, раздвигаясь съ успѣхами московскаго оружія и съ колонизаціоннымъ движеніемъ великорусскаго народа.

Ея выраженіе въ политикѣ Ивана III.

Вотъ эта идея все настойчивѣе начинаетъ пробиваться въ московскихъ дипломатическихъ бумагахъ со времени Ивана III. Приведу изъ нихъ нѣсколько, можетъ быть, не самыхъ выразительныхъ чертъ. Иванъ III два раза воевалъ со своимъ литовскимъ сосѣдомъ великимъ княземъ Александромъ, сыномъ Казиміра IV. Обѣ войны вызваны были одинаковымъ поводомъ: переходомъ мелкихъ князей Черниговской земли на московскую службу. Первая война началась тотчасъ по смерти Казиміра въ 1492 г. и прервалась въ 1494. Женитьба Александра на дочери Ивановой не помѣшала второй войнѣ (1500—1503 гг.), когда переходъ служилыхъ князей изъ Литвы возобновился въ усиленной степени. Посредникомъ между враждующими сторонами явился пріѣхавшій въ Москву посолъ отъ папы и венгерскаго короля Владислава, старшаго брата Александрова. Въ то же время (1501) Александръ литовскій былъ избранъ по смерти другого брата Яна Альбрехта и на польскій престолъ. Посолъ жаловался въ Москвѣ на то,

что московскій государь захватываетъ вотчины у Литвы, на которыя онъ не имѣетъ никакого права. Московское правительство возражало на эту жалобу: „короли венгерскій и литовскій объявляютъ, что хотятъ стоять противъ насъ за свою вотчину; но они что называютъ своей вотчиной? Не тѣ ли города и волости, съ которыми русскіе князья пришли къ намъ служить или которые наши люди у Литвы побрали? Папѣ, надѣемся, хорошо извѣстно, что короли Владиславъ и Александръ вотчичи Польскаго королевства да Литовской земли отъ своихъ предковъ, а Русская земля отъ нашихъ предковъ изъ старины наша отчина. Папа положилъ бы себѣ то на разумъ, гораздо ли короли поступаютъ, что не за свою вотчину воевать съ нами хотятъ". По этой дипломатической діалектикѣ вся Русская земля, а не одна только великорусская ея половина объявлена была вотчиной московскаго государя. Это же заявленіе повторено было Москвой и по заключеніи перемирія съ Александромъ въ 1503 г., когда литовскій великій князь сталъ жаловаться на московскаго за то, что тотъ не возвращаетъ ему захваченныхъ у Литвы земель, говоря, что ему, Александру, жаль своей вотчины. „А мнѣ,—возражалъ Иванъ,—развѣ не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой, Кіева, Смоленска и другихъ городовъ?" Во время мирныхъ переговоровъ въ 1503 г. московскіе бояре отъ имени Ивана III упрямо твердили польско-литовскимъ посламъ: „Ано и не то одно наша отчина, кои городы и волости нынѣ за нами: и вся Русская земля изъ старины отъ нашихъ прародителей наша отчина". Въ то же время Иванъ III объявлялъ въ Крыму, что у Москвы съ Литвою прочнаго мира быть не можетъ, пока московскій князь не воротитъ своей отчины, всей Русской земли, что̀ за Литвой, что борьба будетъ

перемежаться только перемиріями для возстановленія силъ, чтобы перевести духъ. Эта мысль о государственномъ единствѣ Русской земли изъ историческаго воспоминанія теперь превращается въ политическое притязаніе, которое Москва и спѣшила заявить во всѣ стороны, какъ свое неотъемлемое право.

Войны съ Польшей.

Таковы были два ближайшія слѣдствія, вышедшія изъ указаннаго основного факта. Благодаря новымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ московскихъ князей 1) измѣнилось внѣшнее положеніе Московскаго княжества, 2) усложнились задачи внѣшней московской политики, которая теперь, когда Великая Русь образовала единое политическое цѣлое, поставила на очередь вопросъ о политическомъ объединеніи всей Русской земли, и изъ этого вопроса вышла вѣковая борьба двухъ сосѣднихъ славянскихъ государствъ, Руси и Польши. Простой перечень войнъ Москвы съ Польшей-Литвой при Иванѣ III и его двухъ ближайшихъ преемникахъ показываетъ, сколько тяжелаго историческаго предвидѣнія было въ его крымскомъ заявленіи: двѣ войны при немъ самомъ, двѣ при его сынѣ Василіи, одна война въ правленіе Васильевой вдовы Елены, при Иванѣ IV война съ Ливоніей, сопровождавшаяся продолжительной войной, точнѣе говоря, двумя войнами съ Польшей, поглотившими около 20 лѣтъ его царствованія. Изъ 90 лѣтъ (1492—1582) не менѣе 40 ушло на борьбу съ Литвой—Польшей.

Лекція XXVI.

Внутреннія слѣдствія основного факта III періода.—Ростъ политическаго самосознанія московскаго государя.—Софья Палеологъ и ея значеніе въ Москвѣ.—Новые титулы.—Новая генеалогія и сказаніе о короновании Владиміра Мономаха.—Идея божественнаго происхожденія великокняжеской власти.—Вотчина и государство.—Колебанія между обѣими формами правленія.—Порядокъ престолонаслѣдія.—Расширеніе власти великаго князя.—Запоздалость и вредъ удѣльнаго владѣнія.—Нерѣшительное отношеніе къ нему Ивана III и его преемниковъ.—Составъ верховной власти московскаго государя.—Перемѣна во взглядѣ московскаго общества на своего государя.—Выводы.

Я указалъ ближайшія внѣшнія слѣдствія, какія вышли изъ основного факта изучаемаго періода. Но этотъ фактъ подѣйствовалъ и на болѣе скрытыя сферы московской государственной жизни, на политическія понятія и внутреннія государственныя отношенія, и это дѣйствіе требуетъ особеннаго вниманія.

Ростъ политическаго сознанія.

Указанный фактъ замѣтно отразился на политическомъ самосознаніи московскаго государя и великорусскаго общества. Мы не можемъ, конечно, ожидать, чтобы новое положеніе, въ какомъ очутился московскій государь, какъ бы сильно оно ни почувствовалось, тотчасъ вызвало въ московскихъ правительственныхъ умахъ соотвѣтственный рядъ новыхъ и отчетливыхъ политическихъ понятій. Ни въ одномъ тогдашнемъ памятникѣ мы не найдемъ прямого и цѣльнаго выраженія понятій, отлагавшихся въ

умахъ подъ вліяніемъ измѣнившагося положенія. Тогдашніе политическіе дѣльцы не привыкли въ своей дѣятельности ни исходить изъ отвлеченныхъ теорій, ни быстро переходить отъ новыхъ фактовъ къ новымъ идеямъ. Новая идея развивалась туго, долго оставаясь въ фазѣ смутнаго помысла или шаткаго настроенія. Чтобы понять людей въ этомъ состояніи, надобно искать болѣе простыхъ первичныхъ проявленій человѣческой души, смотрѣть на внѣшнія подробности ихъ жизни: на костюмъ, по которому они строятъ свою походку, на окружающую ихъ обстановку, по которой они подбираютъ себѣ осанку: эти признаки выдаютъ ихъ помыслы и ощущенія, еще неясные для нихъ самихъ, не созрѣвшіе для болѣе понятнаго выраженія. Почувствовавъ себя въ новомъ положеніи, но еще не отдавая себѣ яснаго отчета въ своемъ новомъ значеніи, московская государственная власть ощупью искала дома и на сторонѣ формъ, которыя бы соотвѣтствовали этому положенію, и уже облекшись въ эти формы, старалась съ помощью ихъ уяснить себѣ свое новое значеніе. Съ этой стороны получаютъ немаловажный историческій интересъ нѣкоторыя дипломатическія формальности и новыя придворныя церемоніи, появляющіяся въ княженіе Ивана III.

Софья Палеологъ.

Иванъ былъ женатъ два раза. Первая его жена была сестра его сосѣда, великаго князя тверского, Марья Борисовна. По смерти ея (1467) Иванъ сталъ искать другой жены подальше и поважнѣе. Тогда въ Римѣ проживала сирота племянница послѣдняго византійскаго императора Софья Ѳоминична Палеологъ. Несмотря на то, что греки со времени флорентійской уніи сильно уронили себя въ русскихъ православныхъ глазахъ, несмотря на то, что Софья жила такъ близко къ ненавистному папѣ, въ

такомъ подозрительномъ церковномъ обществѣ, Иванъ III, одолѣвъ въ себѣ религіозную брезгливость, выписалъ царевну изъ Италіи и женился на ней въ 1472 г. Эта царевна, извѣстная тогда въ Европѣ своей рѣдкой полнотой, привезла въ Москву очень тонкій умъ и получила здѣсь весьма важное значеніе. Бояре XVI в. приписывали ей всѣ непріятныя имъ нововведенія, какія съ того времени появились при московскомъ дворѣ. Внимательный наблюдатель московской жизни баронъ Герберштейнъ, два раза пріѣзжавшій въ Москву посломъ германскаго императора при Ивановомъ преемникѣ, наслушавшись боярскихъ толковъ, замѣчаетъ о Софьѣ въ своихъ запискахъ, что это была женщина необыкновенно хитрая, имѣвшая большое вліяніе на великаго князя, который по ея внушенію сдѣлалъ многое. Ея вліянію приписывали даже рѣшимость Ивана III сбросить съ себя татарское иго. Въ боярскихъ росказняхъ и сужденіяхъ о царевнѣ не легко отдѣлить наблюденіе отъ подозрѣнія или преувеличенія, руководимаго недоброжелательствомъ. Софья могла внушить лишь то, чѣмъ дорожила сама и что понимали и цѣнили въ Москвѣ. Она могла привезти сюда преданія и обычаи византійскаго двора, гордость своимъ происхожденіемъ, досаду, что идетъ замужъ за татарскаго данника. Въ Москвѣ ей едва ли нравились простота обстановки и безцеремонность отношеній при дворѣ, гдѣ самому Ивану III приходилось выслушивать, по выраженію его внука, „многія поносныя и укоризненныя слова“ отъ строптивыхъ бояръ. Но въ Москвѣ и безъ нея не у одного Ивана III было желаніе измѣнить всѣ эти старые порядки, столь не соотвѣтствовавшіе новому положенію московскаго государя, а Софья съ привезенными ею греками, видавшими и византійскіе, и римскіе виды, могла

дать цѣнныя указанія, какъ и по какимъ образцамъ ввести желательныя перемѣны. Ей нельзя отказать во вліяніи на декоративную обстановку и закулисную жизнь московскаго двора, на придворныя интриги и личныя отношенія: но на политическія дѣла она могла дѣйствовать только внушеніями, вторившими тайнымъ или смутнымъ помысламъ самого Ивана. Особенно понятливо могла быть воспринята мысль, что она, царевна, своимъ московскимъ замужствомъ дѣлаетъ московскихъ государей преемниками византійскихъ императоровъ со всѣми интересами православнаго Востока, какіе держались за этихъ императоровъ. Потому Софья цѣнилась въ Москвѣ и сама себя цѣнила не столько какъ великая княгиня московская, сколько какъ царевна византійская. Въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ хранится шелковая пелена, шитая руками этой великой княгини, которая вышила на ней и свое имя. Пелена эта вышита въ 1498 г. Въ 26 лѣтъ замужства Софьѣ, кажется, пора уже было забыть про свое дѣвичество и прежнее византійское званіе; однако въ подписи на пеленѣ она все еще величаетъ себя „царевною царегородскою", а не великой княгиней московской. И это было недаромъ: Софья, какъ царевна, пользовалась въ Москвѣ правомъ принимать иноземныя посольства. Такимъ образомъ бракъ Ивана и Софьи получалъ значеніе политической демонстраціи, которою заявляли всему свѣту, что царевна, какъ наслѣдница павшаго византійскаго дома, перенесла его державныя права въ Москву, какъ въ новый Царьградъ, гдѣ и раздѣляетъ ихъ со своимъ супругомъ.

Новые титулы.

Почувствовавъ себя въ новомъ положеніи и еще рядомъ съ такой знатной женой, наслѣдницей византійскихъ императоровъ, Иванъ нашелъ тѣсной и некрасивой преж-

нюю кремлевскую обстановку, въ какой жили его невзыскательные предки. Вслѣдъ за царевной изъ Италіи выписаны были мастера, которые построили Ивану новый Успенскій соборъ, Грановитую палату и новый каменный дворецъ на мѣстѣ прежнихъ деревянныхъ хоромъ. Въ то же время въ Кремлѣ при дворѣ сталъ заводиться тотъ сложный и строгій церемоніалъ, который сообщалъ такую чопорность и натянутость придворной московской жизни. Точно такъ же, какъ у себя дома, въ Кремлѣ, среди придворныхъ слугъ своихъ, Иванъ началъ выступать болѣе торжественной поступью и во внѣшнихъ сношеніяхъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ само собою, безъ бою, при татарскомъ же содѣйствіи, свалилось съ плечъ ордынское иго, тяготѣвшее на сѣверовосточной Руси $2^1/_2$ столѣтія (1238—1480). Въ московскихъ правительственныхъ, особенно дипломатическихъ бумагахъ съ той поры является новый, болѣе торжественный языкъ, складывается пышная терминологія, незнакомая московскимъ дьякамъ удѣльныхъ вѣковъ. Между прочимъ для едва воспринятыхъ политическихъ понятій и тенденцій не замедлили подыскать подходящее выраженіе въ новыхъ титулахъ, какіе появляются въ актахъ при имени московскаго государя. Это— цѣлая политическая программа, характеризующая не столько дѣйствительное, сколько искомое положеніе. Въ основу ея положены тѣ же два представленія, извлеченныя московскими правительственными умами изъ совершавшихся событій, и оба эти представленія—политическія притязанія: это—мысль о московскомъ государѣ, какъ о національномъ властителѣ *всей* Русской земли, и мысль о немъ, какъ о политическомъ и церковномъ преемникѣ византійскихъ императоровъ. Много Руси оставалось за Литвой и Польшей, и однако въ сношеніяхъ съ запад-

ными дворами, не исключая и литовскаго, Иванъ III впервые отважился показать европейскому политическому міру притязательный титулъ *государя всея Руси*, прежде употреблявшійся лишь въ домашнемъ обиходѣ, въ актахъ внутренняго управленія, и въ договорѣ 1494 г. даже заставилъ литовское правительство формально признать этотъ титулъ. Послѣ того какъ спало съ Москвы татарское иго, въ сношеніяхъ съ неважными иностранными правителями, напримѣръ, съ ливонскимъ магистромъ, Иванъ III титулуетъ себя *царемъ* всея Руси. Этотъ терминъ, какъ извѣстно, есть сокращенная южнославянская и русская форма латинскаго слова *цесарь* или по старинному написанію *цѣсарь*, какъ отъ того же слова по другому произношенію *кесарь* произошло нѣмецкое Kaiser. Титулъ царя въ актахъ внутренняго управленія при Иванѣ III иногда, при Иванѣ IV обыкновенно соединялся со сходнымъ по значенію титуломъ *самодержца*: это славянскій переводъ византійскаго императорскаго титула αὐτοκράτωρ. Оба термина въ древней Руси значили не то, что стали значить потомъ, выражали понятіе не о государѣ съ неограниченной внутренней властью, а о властителѣ, независимомъ ни отъ какой сторонней внѣшней власти, никому не платящемъ дани. На тогдашнемъ политическомъ языкѣ оба эти термина противополагались тому, что мы разумѣемъ подъ словомъ *вассалъ*. Памятники русской письменности до татарскаго ига иногда и русскихъ князей называютъ царями, придавая имъ этотъ титулъ въ знакъ почтенія, не въ смыслѣ политическаго термина. Царями по преимуществу древняя Русь до половины XV в. звала византійскихъ императоровъ и хановъ Золотой Орды, наиболѣе извѣстныхъ ей независимыхъ властителей, и Иванъ III могъ принять этотъ титулъ, только переставъ быть дан-

никомъ хана. Сверженіе ига устраняло политическое къ тому препятствіе, а бракъ съ Софьей давалъ на то историческое оправданіе: Иванъ III могъ теперь считать себя единственнымъ оставшимся въ мірѣ православнымъ и независимымъ государемъ, какими были византійскіе императоры, и верховнымъ властителемъ Руси, бывшей подъ властью ордынскихъ хановъ. Усвоивъ эти новые пышные титулы, Иванъ нашелъ, что теперь ему не пригоже называться въ правительственныхъ актахъ просто по-русски Иваномъ, государемъ великимъ княземъ, а началъ писаться въ церковной книжной формѣ: „Іоаннъ, Божіею милостью государь всея Руси". Къ этому титулу какъ историческое его оправданіе, привѣшивается длинный рядъ географическихъ эпитетовъ, обозначавшихъ новые предѣлы Московскаго государства: „Государь всея Руси и великій князь Владимірскій и Московскій и Новгородскій и Псковской и Тверской и Пермскій и Югорскій и Болгарскій и иныхъ", т.-е. земель. Почувствовавъ себя и по политическому могуществу, и по православному христіанству, наконецъ и по брачному родству преемникомъ павшаго дома византійскихъ императоровъ, московскій государь нашелъ и наглядное выраженіе своей династической связи съ ними: съ конца XV в. на его печатяхъ появляется византійскій гербъ, двуглавый орелъ.

Генеалогія Рюрика.

Тогда мыслили не идеями, а образами, символами, обрядами, легендами, т.-е. идеи развивались не въ логическія сочетанія, а въ символическія дѣйствія или предполагаемые факты, для которыхъ искали оправданія въ исторіи. Къ прошлому обращались не для объясненія явленій настоящаго, а для оправданія текущихъ интересовъ, подыскивали примѣры для собственныхъ притязаній. Московскимъ политикамъ начала XVI в. мало было брачнаго

родства съ Византіей: хотѣлось породниться и по крови, притомъ съ самымъ корнемъ или міровымъ образцомъ верховной власти — съ самимъ Римомъ. Въ московской лѣтописи того вѣка появляется новое родословіе русскихъ князей, ведущее ихъ родъ прямо отъ императора римскаго. Повидимому въ началѣ XVI в. составилось сказаніе, будто Августъ, кесарь римскій, обладатель всей вселенной, когда сталъ изнемогать, раздѣлилъ вселенную между братьями и сродниками своими и брата своего Пруса посадилъ на берегахъ Вислы-рѣки по рѣку, называемую Нѣманъ, что̀ и донынѣ по имени его зовется Прусской землей, „а отъ Пруса четырнадцатое колѣно — великій государь Рюрикъ". Московская дипломатія дѣлала изъ этого сказанія практическое употребленіе: въ 1563 г. бояре царя Ивана, оправдывая его царскій титулъ въ переговорахъ съ польскими послами, приводили словами лѣтописи эту самую генеалогію московскихъ Рюриковичей.

Сказаніе о Вл. Мономахѣ.

Хотѣли освѣтить исторіей и идею византійскаго наслѣдства. Владиміръ Мономахъ былъ сынъ дочери византійскаго императора Константина Мономаха, умершаго за 50 лѣтъ слишкомъ до вступленія своего внука на кіевскій столъ. Въ московской же лѣтописи, составленной при Грозномъ, повѣствуется, что Владиміръ Мономахъ, вокняжившись въ Кіевѣ, послалъ воеводъ своихъ на Царьградъ воевать этого самаго царя греческаго Константина Мономаха, который съ цѣлью прекратить войну отправилъ въ Кіевъ съ греческимъ митрополитомъ крестъ изъ животворящаго древа и царскій вѣнецъ со своей головы, т.-е. Мономахову шапку, съ сердоликовой чашей, изъ которой Августъ, царь римскій, веселился, и съ золотою цѣпью. Митрополитъ именемъ своего царя просилъ у князя кіевскаго мира и любви, чтобы все православіе въ покоѣ пребывало „подъ общею

властью нашего царства и твоего великаго самодержавства Великія Руси“. Владиміръ былъ вѣнчанъ этимъ вѣнцомъ и сталъ зваться Мономахомъ, боговѣнчаннымъ царемъ Великой Руси. „Оттолѣ — такъ заканчивается разсказъ — тѣмъ царскимъ вѣнцомъ вѣнчаются всѣ великіе князи владимірскіе“. Сказаніе было вызвано вѣнчаніемъ Ивана IV на царство въ 1547 г., когда были торжественно приняты и введены какъ во внѣшнія сношенія, такъ и во внутреннее управленіе титулы царя и самодержца, появлявшіеся при Иванѣ III какъ бы въ видѣ пробы лишь въ нѣкоторыхъ, преимущественно дипломатическихъ актахъ. Основная мысль сказанія: значеніе московскихъ государей, какъ церковно-политическихъ преемниковъ византійскихъ царей, основано на установленномъ при Владимірѣ Мономахѣ совмѣстномъ властительствѣ греческихъ и русскихъ царей-самодержцевъ надъ всѣмъ православнымъ міромъ. Вотъ почему Иванъ IV нашелъ необходимымъ укрѣпить принятіе царскаго титула соборнымъ письменнымъ благословеніемъ греческихъ святителей со вселенскимъ патріархомъ константинопольскимъ во главѣ: московскому акту 1547 года въ Кремлѣ придавали значеніе вселенскаго церковнаго дѣянія. Любопытно, что и въ этотъ актъ восточныхъ іерарховъ внесено московское сказаніе о царскомъ вѣнчаніи Владиміра Мономаха. Есть византійское извѣстіе XIV в., что русскій великій князь носилъ чинъ стольника (τὸ τοῦ ἐπὶ τραπέζης ὀφφίκιον) при дворѣ греческаго царя, владыки вселенной (ὁ τῆς οἰκουμένης κύριος καὶ ἄρχων), какъ учила о немъ византійская іерархія, а Василій Темный въ одномъ посланіи къ византійскому императору называетъ себя „сватомъ святого царства его“. Теперь по московской теоріи XV — XVI в. этотъ стольникъ и сватъ вселенскаго царя превратился въ его

товарища, а потомъ преемника. Эти идеи, на которыхъ въ продолженіе трехъ поколѣній пробовала свои силы московская политическая мысль, проникали и въ мыслящее русское общество. Инокъ одного изъ псковскихъ монастырей Филоѳей едва ли высказывалъ только свои личныя мысли, когда писалъ отцу Грознаго, что всѣ христіанскія царства сошлись въ одномъ его царствѣ, что во всей поднебесной одинъ онъ православный государь, что Москва—третій и послѣдній Римъ.

Идея божественнаго происхожденія власти.

Изложенныя подробности, не всѣ одинаково важныя сами по себѣ, всѣ любопытны, какъ своего рода символы политическаго мышленія, какъ выраженіе усиленной работы политической мысли, какая началась въ московскихъ государственныхъ умахъ при новыхъ условіяхъ положенія. Въ новыхъ титулахъ и церемоніяхъ, какими украшала или обставляла себя власть, особенно въ генеалогическихъ и археологическихъ легендахъ, какими она старалась освѣтить свое прошлое, сказывались успѣхи ея политическаго самосознанія. Въ Москвѣ чувствовали, что значительно выросли, и искали исторической и даже богословской мѣрки для опредѣленія своего роста. Все это вело къ попыткѣ вникнуть въ сущность верховной власти, въ ея основанія, происхожденіе и назначеніе. Увидѣвъ себя въ новомъ положеніи, московскій государь нашелъ недостаточнымъ прежній источникъ своей власти, какимъ служила *отчина и дѣдина*, т.-е. преемство отъ отца и дѣда. Теперь онъ хотѣлъ поставить свою власть на болѣе возвышенное основаніе, освободить ее отъ всякаго земного юридическаго источника. Идея божественнаго происхожденія верховной власти была нечужда и предкамъ Ивана III; но никто изъ нихъ не выражалъ этой идеи такъ твердо, какъ онъ, когда представлялся къ тому случай. Въ 1486 г. нѣкій

нѣмецкій рыцарь Поппель, странствуя по малоизвѣстнымъ въ Европѣ отдаленнымъ краямъ, какимъ-то образомъ попалъ въ Москву. Видъ столицы невѣдомаго Московскаго государства поразилъ его, какъ политическое и географическое открытіе. На католическомъ Западѣ знали преимущественно Русь Польско-Литовскую, и многіе даже не подозрѣвали существованія Руси Московской. Воротясь домой, Поппель разсказывалъ германскому императору Фридриху III, что за Польско-Литовской Русью есть еще другая Русь, Московская, независимая ни отъ Польши, ни отъ татаръ, государь которой будетъ, пожалуй, посильнѣе и побогаче самого короля польскаго. Удивленный такимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, императоръ послалъ Поппеля въ Москву просить у Ивана руки одной изъ его дочерей для своего племянника и въ вознагражденіе за это предложить московскому князю королевскій титулъ. Иванъ благодарилъ за любезное предложеніе, но въ отвѣтъ на него велѣлъ сказать послу: „а что ты намъ говорилъ о королевствѣ, то мы Божіею милостью государи на своей землѣ изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы. Молимъ Бога, чтобы намъ и дѣтямъ нашимъ далъ до вѣка такъ быть, какъ мы топерь государи на своей землѣ, а поставленія какъ прежде ни отъ кого не хотѣли, такъ и теперь не хотимъ“. Подобно дѣду царь Иванъ, въ бесѣдѣ съ польско-литовскими послами, жалуясь на то, что король Сигизмундъ Августъ не признаетъ его титуловъ и правъ, ими выражаемыхъ, говорилъ, что эти права даны ему Богомъ и ни въ чьемъ признаніи не нуждаются.

Вотчина и государство.

Таковы успѣхи, достигнутые московскимъ политическимъ самосознаніемъ путемъ столь разнообразныхъ усилій. Объединеніе Великороссіи повело къ мысли о соеди-

неніи всей Руси подъ одною властью и къ стремленію придать этой власти не только всероссійское, но и вселенское значеніе. Но во имя чего объединили Великороссію и хотѣли объединить всю Русь? Иванъ III настойчиво заявлялъ и его преемники повторяли, что вся Русская земля—ихъ *отчина*. Значитъ, новый союзъ, образуемый объединявшейся Великороссіей, подводился подъ старую политическую форму: ни изъ чего не видно, чтобы Иванъ III понималъ отчину какъ-нибудь иначе, не такъ, какъ понимали эту форму его удѣльные предки. Но общественные союзы имѣютъ свою природу, требующую соотвѣтственныхъ ей политическихъ формъ. Въ удѣльной вотчинѣ, гдѣ свободные обыватели находились къ князю во временныхъ договорныхъ отношеніяхъ, ежеминутно способныхъ порваться, князь былъ собственникомъ только территоріи, земельнаго пространства съ хозяйственными угодьями. Страна, населенная цѣлымъ народомъ, для котораго она стала отечествомъ, соединившись подъ одною властью, не могла оставаться вотчинной собственностью носителей этой власти. Въ Москвѣ заявляли притязаніе на всю Русскую землю, какъ на цѣльный народъ, во имя государственнаго начала, а обладать ею хотѣли, какъ отчиной, на частномъ удѣльномъ правѣ. Въ этомъ состояло внутреннее противорѣчіе того объединительнаго дѣла, которое съ такимъ видимымъ успѣхомъ довершили Иванъ III и его преемникъ. Иванъ III, первый изъ московскихъ князей, громко объявлявшій всю Русскую землю своей вотчиной, кажется, чувствовалъ это противорѣчіе и искалъ изъ него выхода, усиливаясь согласовать свою вотчинную власть съ требованіями измѣнившагося положенія. Увидѣвъ себя государемъ цѣлаго православнаго народа, онъ сознавалъ, хотя и смутно, тѣ новыя обязанности, какія ложились на него,

какъ на поставленнаго свыше блюстителя народнаго блага. Мысль объ этомъ мелькнула при одномъ случаѣ, о которомъ впрочемъ узнаемъ далеко не изъ перваго источника. Въ 1491 г. по договору Иванъ велѣлъ своимъ удѣльнымъ братьямъ послать ихъ полки на помощь своему крымскому союзнику хану Менгли-Гирею. Удѣльный князь Андрей углицкій не послушался, не послалъ своихъ полковъ. Въ Москвѣ сначала смолчали и, когда князь Андрей пріѣхалъ въ столицу, приняли его ласково, но потомъ неожиданно схватили и посадили въ тюрьму. Митрополитъ по долгу сана ходатайствовалъ передъ великимъ княземъ за арестованнаго; но Иванъ отказался дать ему свободу, говоря, что этотъ князь и раньше нѣсколько разъ злоумышлялъ противъ него. „Да это бы еще ничего, добавилъ Иванъ: но когда я умру, онъ будетъ искать великаго княженія подъ внукомъ моимъ, и если даже не добудетъ княженія, то смутитъ дѣтей моихъ, и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а татары будутъ Русскую землю бить, жечь и плѣнить и дань опять наложатъ, и кровь христіанская польется попрежнему, и всѣ мои труды останутся напрасны, и вы попрежнему будете рабами татаръ". Такъ повѣствуетъ Татищевъ въ своемъ лѣтописномъ сводѣ, не указывая, откуда заимствовалъ слова великаго князя. Во всякомъ случаѣ съ тѣхъ поръ, какъ обезпеченъ былъ успѣхъ московскаго собиранія Руси, въ Иванѣ III, его старшемъ сынѣ и внукѣ начинаютъ бороться вотчинникъ и государь, самовластный хозяинъ и носитель верховной государственной власти. Это колебаніе между двумя началами или порядками обнаруживалось въ рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ, поставленныхъ самымъ этимъ собираніемъ, о порядкѣ преемства власти, объ ея объемѣ и формѣ. Ходъ политической жизни объединенной Великороссіи бо-

лѣе чѣмъ на столѣтіе испорченъ былъ этимъ колебаніемъ, приведшимъ государство къ глубокимъ потрясеніямъ, а династію собирателей къ гибели.

Престолонаслѣдіе.

Мы уже знаемъ, какъ еще до Ивана III фактическимъ, не юридическимъ путемъ устанавливался въ московскомъ княжескомъ домѣ порядокъ преемства великокняжеской власти въ прямой нисходящей линіи. Все зависѣло отъ обстоятельствъ и хана; но обстоятельства и воля хана обыкновенно складывались въ пользу такого порядка и образовали обычай, въ силу котораго великое княженіе уже съ Димитрія Донского стало не только московской отчиной, но именно отчиной старшаго сына московскаго великаго князя. Василій Темный, столько потерпѣвшій въ борьбѣ за этотъ порядокъ, придумалъ средство упрочить его, еще при своей жизни назначивъ старшаго своего сына Ивана великимъ княземъ-соправителемъ. Иванъ хотѣлъ послѣдовать примѣру отца и старшаго сына своего отъ первой жены Ивана такъ же назначилъ своимъ соправителемъ. Но соправитель умеръ, оставивъ сына Димитрія, когда и у Софьи подросталъ сынъ Василій. У Ивана III получились двѣ нисходящія и равносильныя линіи: представитель старшей (внукъ) на одно колѣно былъ ниже представителя младшей (сынъ). Бояре по нелюбви къ Софьѣ были за внука. Софья съ сыномъ завела темную придворную интригу, которая открылась, и разсерженный Иванъ рѣшилъ назначить соправителемъ и наслѣдникомъ внука. Но онъ не довольствовался простымъ изъявленіемъ своей воли: недавній обычай назначать наслѣдника, предварительно объявивъ его соправителемъ, онъ хотѣлъ освятить торжественнымъ церковнымъ вѣнчаніемъ избранника на великое княженіе. Изъ византійскихъ коронаціонныхъ обрядниковъ выбрали подходящія церемоніи, дополнили ихъ

подходящіями къ случаю подробностями и составили „чинъ“ поставленія Димитрія Ивановича на великое княженіе, дошедшій до насъ въ современной рукописи. Вѣнчаніе происходило въ Успенскомъ соборѣ въ 1498 г. Великій князь-дѣдъ возложилъ на великаго князя-внука *шапку*, вѣнецъ и *бармы*; оплечье, широкій отложной воротникъ. Во время вѣнчанія митрополитъ, обращаясь къ дѣду, называлъ его „преславнымъ царемъ самодержцемъ“. Торжественная минута вызвала въ московскомъ князѣ потребность оглянуться назадъ и призвать старину, исторію, въ оправданіе новаго порядка престолонаслѣдія—въ прямой нисходящей линіи. Обратясь къ митрополиту, Иванъ сказалъ: „Отецъ митрополитъ! Божіимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей, великихъ князей, старина наша оттолѣ и до сихъ мѣстъ: отцы наши, великіе князья, сыновьямъ своимъ старшимъ давали великое княженіе: и я было сына своего перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ; но Божьею волей сынъ мой Иванъ умеръ; у него остался сынъ первый Димитрій, и я его теперь благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ, и ты бы его, отецъ, на великое княженіе благословилъ“. По прямому смыслу этихъ словъ Иванъ рѣшилъ при назначеніи преемника держаться прямой нисходящей линіи въ самомъ строгомъ смыслѣ слова. Торжественный церковный обрядъ, освящавшій такой порядокъ престолонаслѣдія, придавалъ установленію характеръ основного закона въ тогдашнемъ сознаніи. Такіе законы и впереди всѣхъ законъ о престолонаслѣдіи были особенно необходимы въ моментъ превращенія непомѣрно расширившейся вотчины Даниловичей въ Московское государство: государство тѣмъ и отличается отъ вотчины, что въ немъ воля вотчинника уступаетъ

мѣсто государственному закону. Но Иванъ самъ же нарушилъ свое столь торжественное установленіе. Софья успѣла поправить свои дѣла: вѣнчанный внукъ былъ разжалованъ и заключенъ подъ стражу, а сынъ пожалованъ и посаженъ на великое княженіе „самодержцемъ".—„Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? Кому хочу, тому и дамъ княженіе" — сказалъ однажды Иванъ по другому случаю; здѣсь въ немъ говорилъ своенравный хозяинъ вотчинникъ, а не государь, которымъ изданъ первый *Судебникъ*. Та же мысль о произвольномъ выборѣ преемника между нисходящими выражена и въ договорѣ, заключенномъ между Василіемъ и Юріемъ, старшими сыновьями Ивана III, еще при его жизни и по его волѣ; отецъ благословляетъ великимъ княжествомъ сына, котораго хочетъ, не взирая на старшинство. Преемникамъ Ивана III данъ былъ примѣръ, которому они слѣдовали съ печальнымъ постоянствомъ — одной рукой созидать, а другой разрушать свое созданіе, пока не разрушили созданнаго ими государства.

Расширеніе власти вел. князя.

Такое же колебаніе замѣтно и въ опредѣленіи объема и формы верховной власти. Усиленная работа политической мысли повела не къ одному лишь накопленію новыхъ украшеній вокругъ великаго князя и его титула: отъ этой работы оставались и нѣкоторые практическіе осадки. Новое значеніе верховной власти, постепенно уясняясь, отражалось не только на придворномъ церемоніалѣ, но и на государственномъ правѣ. Мы знаемъ, какъ великіе князья московскіе уже съ первой половины XIV в. постепенно усиливали вотчинное преобладаніе старшаго своего наслѣдника надъ младшими князьями удѣльными. Иванъ III въ своемъ завѣщаніи довелъ это усиленіе до небывалыхъ размѣровъ: старшему своему сыну и наслѣднику великаго

княженія онъ одному завѣщалъ болѣе 60 областей, городовъ съ уѣздами или цѣлыхъ земель съ городами и пригородами, а четыремъ удѣльнымъ его братьямъ всѣмъ вмѣстѣ было дано не болѣе 30 городовъ, притомъ большею частью малозначительныхъ. Теперь великій князь московскій сталъ гораздо богаче и сильнѣе всѣхъ удѣльныхъ своихъ родичей, вмѣстѣ взятыхъ. Это было практическое средство, къ которому прибѣгали и предшественники Ивана III для обезпеченія политическаго преобладанія старшаго наслѣдника. Иванъ III и здѣсь сдѣлалъ важное нововведеніе, въ которомъ сказалось дѣйствіе государственныхъ идей, усиленно проникавшихъ въ сознаніе московскаго государя. Усиливая матеріальное преобладаніе старшаго сына, великаго князя, онъ въ своей духовной далъ ему и существенныя политическія преимущества надъ младшими удѣльными братьями. Въ этомъ отношеніи духовная Ивана есть первый актъ своего рода въ исторіи нашего государственнаго права: въ немъ видимъ попытку опредѣлить составъ верховной власти. Перечислю эти политическія преимущества, данныя великому князю надъ удѣльными. 1) До сихъ поръ всѣ князья-сонаслѣдники совмѣстно по долямъ или участкамъ владѣли городомъ Москвой, собирали съ нея дань и пошлины, прямые и косвенные налоги; въ духовной Ивана III важнѣйшія статьи финансоваго управленія столицей, торговые пошлины и сборы съ торговыхъ помѣщеній предоставлены одному великому князю, который только выдавалъ изъ нихъ по 100 рублей (не менѣе 10 тыс. р. на наши деньги) въ годъ каждому изъ удѣльныхъ своихъ братьевъ. 2) До сихъ поръ удѣльные князья творили судъ и расправу по всѣмъ дѣламъ каждый въ своемъ участкѣ столицы и въ принадлежавшихъ ему подмосковныхъ селахъ; по духов-

ной Ивана III судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ во всей Москвѣ и въ подмосковныхъ станахъ, доставшихся въ удѣлъ братьямъ, принадлежалъ исключительно великому князю. 3) До сихъ поръ каждый владѣтельный князь, великій, какъ и удѣльные, билъ или могъ бить свою монету, и въ нашихъ нумизматическихъ кабинетахъ вы найдете много экземпляровъ удѣльной монеты XIV и XV вв.; по духовной Ивана III право чеканить монету предоставлено было одному великому князю московскому. 4) До сихъ поръ согласно съ удѣльнымъ порядкомъ владѣнія удѣльные князья могли располагать своими вотчинами въ завѣщаніяхъ по личному усмотрѣнію. Димитрій Донской впервые ввелъ нѣкоторое ограниченіе въ это право, постановивъ въ своей духовной, что удѣльный князь, умирая безсыновнымъ, не могъ никому завѣщать свой удѣлъ, который по смерти безсыновнаго владѣльца дѣлился между оставшимися братьями по усмотрѣнію матери. Въ духовной Ивана III это ограниченіе направлено исключительно въ пользу великаго князя: выморочный удѣлъ весь безъ раздѣла переходилъ къ послѣднему. Часть удѣла, выдѣленная княгинѣ-вдовѣ „на прожитокъ", оставалась въ ея пользованіи только до ея смерти, „до живота", а потомъ также отходила къ великому князю.

Вредъ удѣльнаго владѣнія.

Видимъ, что духовная Ивана III опредѣляетъ верховную власть великаго князя только съ одной стороны, по отношенію къ князьямъ удѣльнымъ. Великій князь, прежде превосходившій удѣльныхъ родичей только размѣрами своихъ владѣній, количествомъ матеріальныхъ средствъ, теперь сосредоточилъ въ своемъ лицѣ и наибольшее количество политическихъ правъ. Преемникъ Ивана III вступалъ на великокняжескій столъ болѣе государемъ, чѣмъ самъ Иванъ. Удѣльные братья, въ первую половину Ива-

нова княженія еще способные надѣлать большихъ хлопотъ великому князю, потомъ являются передъ нимъ безсильными и безправными владѣтелями. Они бѣднѣли и падали все болѣе, вели хищническое управленіе въ своихъ удѣлахъ и все-таки нуждались, не были въ состояніи нести расходовъ на татаръ, занимали деньги, у кого и сколько могли, иногда по 2 рубля на соль и не платили процентовъ, умирали въ большихъ долгахъ, возлагая уплату ихъ на великаго князя, которому отказывали свои удѣлы. Въ такихъ чертахъ рисуется ихъ хозяйственное положеніе въ ихъ духовныхъ грамотахъ. Еще печальнѣе было положеніе удѣльныхъ братьевъ великаго князя Василія. Они иногда помышляли о побѣгѣ въ Литву, но по обнаруженіи замысла униженно ходатайствовали о прощеніи черезъ митрополита, монаховъ, московскихъ бояръ, называли себя холопами великаго князя, своего „государя". Съ ними и не стѣснялись въ Москвѣ ни при Иванѣ, ни при Василіи: они знали, что за ослушаніе и за крамолу по одному доносу, даже только по подозрѣнію, ихъ ждетъ московская тюрьма. Но удѣльное право формально признавали оба эти великіе князя, заключали съ удѣльными договоры на старыхъ условіяхъ, какъ съ независимыми владѣтелями, только обязывая ихъ быть неотступными отъ великихъ князей „никуда ни къ кому никоторыми дѣлы", ни съ кѣмъ не заключать договоровъ, вообще не сноситься безъ вѣдома великихъ князей и подъ ихъ дѣтьми, своими племянниками, великихъ княжествъ не подыскиваться: попрежнему дѣйствуютъ личныя обязательства вмѣсто закона. Однако безопасные сами по себѣ, по своей политической и нравственной слабости, неспособные и своихъ удѣловъ устроить, не то чтобы царствомъ править, какъ отозвался о своихъ удѣльныхъ братьяхъ вел. кн. Василій, они не

перестали быть вредными при тогдашнемъ ходѣ дѣлъ и при складѣ общества того времени. Удѣльныя преданія были еще слишкомъ свѣжи и кружили слабыя удѣльныя головы при всякомъ удобномъ случаѣ. Удѣльный князь былъ крамольникъ если не по природѣ, то по положенію: за него цѣплялась всякая интрига, заплетавшаяся въ сбродной придворной толпѣ. Въ московскомъ Кремлѣ отъ него ежеминутно ожидали смуты; всего болѣе боялись его побѣга за границу, въ Литву, хотя эта опасность была, можетъ быть, лучшимъ средствомъ освободить государство отъ этихъ ни на что непригодныхъ остатковъ безнарядной старины, какъ это средство избавило Василія Темнаго отъ его злѣйшихъ враговъ, князей можайскаго и Шемячича. Формальное, т.-е. притворное признаніе удѣльнаго права, не соотвѣтствовавшее дѣйствительнымъ отношеніямъ, внося фальшь въ государственную жизнь, мѣшало московскимъ государямъ уяснить себѣ и проводить одно изъ основныхъ началъ государственнаго порядка, единство, цѣльность верховной власти. Печальный опытъ отца и свой собственный заставилъ Ивана III тревожно задумываться надъ мыслью о такой власти. Московскій посланецъ отъ его имени говорилъ въ Вильнѣ его дочери, вел. княгинѣ литовской: „слыхалъ я, каково было нестроенье въ Литовской землѣ, коли было государей много, а и въ нашей землѣ, слыхала ты, каково было нестроеніе при моемъ отцѣ, а послѣ отца каковы были дѣла и у меня съ братьями, надѣюсь, слыхала же, а иное и сама помнишь“. Но воспріимчивые къ идеѣ самодержавія, московскіе государи очень туго усвояли себѣ мысль о единодержавіи. Мы скоро увидимъ, какъ Иванъ IV, торжественно принявшій постоянный титулъ царя и самодержца, въ полемикѣ съ кн. Курбскимъ принялся за напряженную разработку новаго взгляда на самодержавіе, незна-

Нерѣшительность моск. государей.

комаго древней Руси; но и онъ не могъ отрѣшиться отъ удѣльныхъ привычекъ. Въ духовной 1572 г., назначивъ своимъ преемникомъ старшаго сына Ивана, онъ отказалъ ему все царство Русское, но при этомъ выдѣлилъ и второму сыну Θедору удѣлъ, набранный изъ городовъ въ разныхъ частяхъ государства (Суздаль, Кострома, Волоколамскъ, Козельскъ, Мценскъ и др.). Правда, этотъ удѣлъ не становился особымъ самостоятельнымъ княжествомъ; его владѣтель не получалъ значенія автономнаго государя подобно удѣльнымъ князьямъ прежняго времени, а во всемъ подчиненъ былъ царю, и самый удѣлъ его оставался подъ верховной властью старшаго брата, какъ единственнаго государя, составлялъ неотдѣлимую часть единаго нераздѣльнаго Русскаго царства; „а удѣлъ сына моего Θедора, гласила духовная, ему жъ (старшему сыну, царю Ивану) къ великому государству". Въ умѣ завѣщателя, очевидно, присутствовала мысль о нераздѣльности верховной власти и государственной территоріи. Въ той же духовной впервые въ исторіи нашего государственнаго права рѣшительно выражено было понятіе объ удѣльномъ князѣ, какъ о простомъ слугѣ государя. Въ самыхъ настойчивыхъ выраженіяхъ отецъ внушаетъ младшему сыну безусловную и безпрекословную покорность передъ старшимъ, приказываетъ ни въ чемъ ему не прекословить, во всемъ жить изъ его слова, во всемъ быть въ его волѣ до крови и до смерти, даже въ случаѣ обиды отъ старшаго брата рати не поднимать и самому собой не обороняться, а бить ему челомъ, чтобъ гнѣвъ сложить изволилъ. Словомъ, удѣльный князь—владѣтельный подданный государя и больше ничего. Но дѣло было въ самомъ званіи удѣльнаго князя, а не въ степени его подчиненія государю по завѣщательнымъ отеческимъ наставленіямъ, не имѣвшимъ никакого практическаго значенія. Когда стар-

шій сынъ Грознаго погибъ, второй заступилъ его мѣсто наслѣдника, а родившемуся незадолго до смерти отца царевичу Димитрію назначенъ былъ маленькій удѣлъ Угличъ. Но отецъ не успѣлъ еще закрыть глазъ, а у колыбели этого удѣльнаго князя уже завязалась смута, которая, долго тлѣя, наконецъ разгорѣлась въ такую бѣду, едва не разрушившую всѣхъ плодовъ 300-лѣтней терпѣливой работы московскихъ Даниловичей. Такъ до конца династіи въ Кремлѣ не могли оторваться отъ мысли, что каждый членъ владѣтельнаго рода долженъ имѣть удѣлъ, хоть маленькій и хоть съ призрачной властью, но все же свой удѣлъ, и такой смѣлый мыслитель и преобразователь, какъ Иванъ Грозный, остался вѣренъ фамильной московской логикѣ и политикѣ,—логикѣ полумыслей и политикѣ полумѣръ.

Сведемъ все сказанное, чтобъ видѣть, какъ сложилась верховная власть въ Московскомъ государствѣ къ концу изучаемаго періода.

Составъ верховной власти.

Одному изъ маленькихъ удѣловъ окско-волжскаго междурѣчья счастливое сочетаніе различныхъ условій помогло расшириться на всю область тогдашняго распредѣленія великорусскаго племени. Столь успѣшное расширеніе побуждало владѣтелей этого удѣла постепенно расширять и свой взглядъ на себя, на свою власть, чтобы привести ее въ мѣру все улучшавшагося положенія. Разнообразныя пособія вовлечены были въ эту работу московской политической мысли: общехристіанскія воззрѣнія и византійскія преданія, туземныя историческія воспоминанія и уроки, выносимые изъ переживаемыхъ событій, даже чаянія будущаго. Изъ такого матеріала выработался довольно сложный, но недостаточно опредѣленный образъ верховной власти, въ которомъ съ нѣкоторой ясностью обозначились три черты: божественное происхожденіе, вселенское представи-

тельство православія на основѣ церковно-исторической связи съ павшей Византіей и національное всероссійское значеніе на основѣ прямого преемства отъ вел. князя Владиміра Мономаха. Но эти черты были привнесены въ составъ власти, а не развивались изъ ея исторически сложившагося содержанія. Это содержаніе состояло въ вотчинномъ правѣ московскаго государя на Русскую землю, какъ принадлежащую, такъ и имѣющую принадлежать ему въ будущемъ. Въ этомъ правѣ можно различить три опредѣленія: независимое отъ сторонней силы вотчинное полновластіе, выраженное въ заимствованныхъ титулахъ царя и самодержца; наслѣдованіе по завѣщанію въ прямой нисходящей линіи съ выборомъ наслѣдника изъ нисходящихъ по усмотрѣнію завѣщателя; недѣлимость *царства*, какъ власти и какъ области, съ сохраненіемъ подчиненнаго царю удѣльнаго владѣнія. Исходя изъ чисто вотчиныхъ основаній, эти опредѣленія при надлежащей законодательной обработкѣ и очисткѣ отъ вотчинной примѣси могли стать основами государственнаго порядка; изъ нихъ два послѣднихъ тѣмъ и были вызваны, что вотчина расширилась до размѣровъ, въ которыхъ она не могла оставаться вотчиной и превращалась въ государство.

Взглядъ общества на государя.

Мы доселѣ перечисляли послѣдствія основного факта обнаружившіяся съ одной стороны во внѣшнемъ положеніи и внѣшней политикѣ Московскаго государства, съ другой—въ политическомъ сознаніи московскаго государя и въ составѣ его верховной власти. Но этотъ фактъ отразился и на отношеніи московскаго общества къ своему государю. До конца XV в. это отношеніе отличалось простотой удѣльнаго времени и еще не замѣтно было слѣдовъ того почитанія, своего рода культа, которымъ впослѣдствіи былъ окруженъ московскій государь. Въ 1480 г.,

во время нашествія хана Ахмата, Иванъ III, постоявъ съ полками на Окѣ, покинулъ армію и воротился въ Москву. Столица была въ смятеніи; горожане сносили въ Кремль свои пожитки, ожидая татарской осады. Увидѣвъ возвращавшагося великаго князя, они подступили къ нему съ жалобами и говорили ему, по свидѣтельству лѣтописи: „когда ты, государь, княжишь надъ нами въ мирное время, тогда насъ много понапрасну обременяешь поборами, а теперь самъ, разсердивъ хана, не заплативъ ему выхода, насъ же выдаешь татарамъ". Престарѣлый ростовскій архіепископъ Вассіанъ встрѣтилъ великаго князя еще болѣе рѣзкими упреками, началъ „зло говорить ему", называя его „бѣгуномъ", трусомъ, и грозя, что на немъ взыщется кровь христіанская, которая прольется отъ татаръ. Приведемъ еще эпизодъ изъ княженія Иванова преемника. И въ это время еще не исчезли прежнія простыя отношенія подданныхъ къ государю. Тогда въ Москвѣ заподозрили по доносу въ зломъ умыслѣ государева брата, удѣльнаго дмитровскаго князя Юрія и рѣшили дождаться его пріѣзда въ столицу, чтобы арестовать его. Узнавъ объ этомъ, Юрій обратился къ волоколамскому игумену преп. Іосифу, жалуясь ему, что въ Москвѣ слушаютъ навѣтниковъ, и прося игумена съѣздить въ Москву, походатайствовать за него передъ великимъ княземъ. Іосифъ уговаривалъ удѣльнаго князя не противиться великому: „преклони главу твою предъ помазанникомъ Божіимъ и покорись ему". Юрій отвѣчалъ на это: „будь мнѣ вмѣсто отца родного; я по твоему наставленію не буду противъ государя, готовъ все терпѣть отъ него, даже самую смерть, только съѣзди къ нему". Іосифъ послалъ къ великому князю двухъ старцевъ своего монастыря. Не соблюдая обычныхъ правилъ вѣжливости, не поздоровавшись и не

спросивъ о здоровьѣ игумена, Василій встрѣтилъ посланныхъ сердитыми словами: „зачѣмъ пришли, какое вамъ до меня дѣло?“ Тогда одинъ изъ старцевъ началъ наставительно пенять великому князю, что государю не подобаетъ такъ выходить изъ себя, не разузнавъ напередъ, въ чемъ дѣло, а слѣдуетъ распросить хорошенько и выслушать съ кротостью и смиреніемъ. Великій князь смутился, всталъ и улыбаясь сказалъ: „ну, простите, старцы, я пошутилъ“. Затѣмъ, снявъ шапку, онъ поклонился старцамъ и спросилъ о здоровьѣ игумена. Тогда уже пошла рѣчь о дѣлѣ, и великій князь уважилъ ходатайство Іосифа, помирился съ братомъ. Это было до 1515 года, когда умеръ Іосифъ. Такъ еще въ началѣ XVI в. по временамъ проявлялись простыя удѣльныя отношенія подданыхъ къ своему государю; но эти отношенія исчезали быстро вмѣстѣ съ послѣдними удѣлами. Уже при Иванѣ III, еще болѣе при Василіи, верховная власть окружала себя тѣмъ ореоломъ, который такъ рѣзко отдѣлилъ московскаго государя отъ всего остальнаго общества. Посолъ императора германскаго Герберштейнъ, наблюдавшій Москву при Василіи, замѣчаетъ, что этотъ великій князь докончилъ то, что̀ началъ его отецъ, и властью своею надъ подданными превосходитъ едва ли не всѣхъ монарховъ на свѣтѣ. Онъ добавляетъ: что въ Москвѣ говорятъ про великаго князя: воля государева—Божія воля, государь—исполнитель воли Божіей. Когда москвичей спрашиваютъ о какомъ-нибудь неизвѣстномъ имъ или сомнительномъ дѣлѣ, они отвѣчаютъ затверженными выраженіями: мы того не знаемъ, знаютъ то Богъ да великій государь. По словамъ Герберштейна, они даже величали своего государя ключникомъ и постельничимъ Божіимъ, примѣняя языкъ московскаго двора къ столь возвышеннымъ отношеніямъ. Такъ уже

ко времени Василіева преемника Ивана IV въ Москвѣ былъ готовъ тотъ кодексъ политическихъ понятій, которымъ такъ долго жила потомъ Московская Русь.

Выводы. Припоминая изученныя нами сегодня явленія, не можемъ сказать, чтобы полтора вѣка со смерти Василія Темнаго прошли даромъ для политическаго сознанія и власти московскаго государя. Идея государственнаго объединенія всей Русской земли, національнаго значенія московскаго государя, свыше возложеннаго на него полномочія блюсти народное благо,—эти идеи вмѣстѣ съ первыми попытками установить составъ верховной власти, единой и недѣлимой, надобно признать значительными успѣхами для московскихъ умовъ того времени. Впрочемъ значеніе этихъ успѣховъ ограничилось бы исторіей понятій, если бы они не сопровождались соотвѣтственнымъ движеніемъ общественнаго и государственнаго порядка, къ изученію котораго мы обращаемся.

Лекція XXVII.

Московское боярство. — Перемѣна въ его составѣ съ половины XV в.—Условія и правила родословнаго распорядка боярскихъ фамилій.—Политическое настроеніе боярства въ новомъ его составѣ.—Опредѣленіе московскаго боярства, какъ класса.—Мѣстничество.—Мѣстническое *отечество*.—Мѣстническій счетъ простой и сложный.—Законодательныя ограниченія мѣстничества.—Идея мѣстничества.—Когда оно сложилось въ систему.—Значеніе его, какъ политической гарантіи для боярства.—Недостатки его въ этомъ отношеніи.

Изучая политическія послѣдствія основного факта періода, превращенія Московскаго княжества въ великорусское государство, я указалъ дѣйствіе этого факта на политическое сознаніе московскаго государя и великорусскаго общества. Этотъ фактъ утвердилъ въ умѣ московскаго государя новый взглядъ на свою власть, какъ и въ умахъ великорусскаго народа новый взглядъ на своего государя. Почувствовавъ себя на высотѣ національнаго властителя, московскій государь страшно выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, какъ и въ глазахъ своего народа. Но, заронивъ въ умы новыя политическія *понятія*, тотъ же фактъ вызвалъ и новыя политическія *отношенія*. Политическое объединеніе Великороссіи глубоко измѣнило положеніе и взаимныя отношенія классовъ объединеннаго русскаго общества и прежде всего составъ и настроеніе его верхняго слоя, боярства, а перемѣна въ составѣ и настроеніи этого класса измѣнила его отношеніе къ государю и измѣнила

Внутреннія отношенія.

не въ томъ направленіи, въ какомъ измѣнилось отношеніе къ нему остального общества.

Составъ боярства.

Чтобы понять эту перемѣну, надобно припомнить положеніе московскаго боярства въ удѣльные вѣка. Уже тогда Москва привлекла къ себѣ многочисленное и блестящее боярство, какого не было ни при какомъ другомъ княжескомъ дворѣ сѣверной Руси. Съ конца XIII столѣтія на берега р. Москвы стекаются со всѣхъ сторонъ знатные слуги и изъ сосѣднихъ сѣверныхъ княжествъ, и съ далекаго русскаго юга, изъ Чернигова, Кіева, даже съ Волыни, и изъ-за границы, съ нѣмецкаго запада и татарскаго юго-востока, изъ Крыма и даже изъ Золотой Орды. Благодаря этому приливу уже къ половинѣ XV в. московскій великій князь былъ окруженъ плотной стѣной знатныхъ боярскихъ фамилій. По стариннымъ родословнымъ книгамъ московскаго боярства такихъ фамилій можно насчитать до четырехъ десятковъ. Наиболѣе видныя изъ нихъ были Кошкины, Морозовы, Бутурлины и Челяднины, Вельяминовы и Воронцовы, Ховрины и Головины, Сабуровы и др. Въ своихъ отношеніяхъ къ великому князю это боярство сохраняло тотъ же характеръ случайныхъ, вольныхъ совѣтниковъ и соратниковъ князя по уговору, какими были бояре при князьяхъ XII в. Съ половины XV в. составъ московскаго боярства глубоко измѣняется. Родословныя боярскія росписи XVI в. вскрываютъ эту перемѣну. Къ концу XVI в. по этимъ книгамъ на московской службѣ можно насчитать до 200 родовитыхъ фамилій. Выключивъ изъ этого числа фамиліи, основавшіяся въ Москвѣ еще до Ивана III, найдемъ, что болѣе 150 фамилій вошло въ составъ московскаго боярства съ половины XV в. По происхожденію своему это боярство было очень пестро. Старыя родословныя книги его производятъ впечатлѣніе каталога русскаго этно-

графическаго музея. Вся русская равнина со своими окраинами была представлена этимъ боярствомъ во всей полнотѣ и пестротѣ своего разноплеменнаго состава, со всѣми своими русскими, нѣмецкими, греческими, литовскими, даже татарскими и финскими элементами. Важнѣе всего то, что рѣшительное большинство въ этомъ новомъ составѣ боярства принадлежало титулованнымъ княжескимъ фамиліямъ. Усиленное собираніе Руси Москвой съ Ивана III сопровождалось вступленіемъ на московскую службу множества князей, покидавшихъ упраздненные великокняжескіе и удѣльные столы. Съ тѣхъ поръ во всѣхъ отрасляхъ московскаго управленія, въ государевой думѣ совѣтниками, въ приказахъ судьями, т. е. министрами, въ областяхъ намѣстниками, въ полкахъ воеводами являются все князья и князья. Служилое княжье если не задавило, то закрыло старый слой московскаго нетитулованнаго боярства. Эти князья за немногими исключеніями были наши Рюриковичи или литовскіе Гедиминовичи. Вслѣдъ за князьями шли въ Москву ихъ ростовскіе, ярославскіе, рязанскіе бояре.

Родословный распорядокъ.

Столь пестрые и сбродные этнографическіе и соціальные элементы не могли скоро слиться въ плотную и однообразную массу. Новое московское боярство образовало длинную іерархическую лѣствицу, на которой боярскія фамиліи размѣщались уже не по уговору, а по своему служебному достоинству. Это достоинство опредѣлялось различными условіями. Въ Москвѣ восторжествовала мысль, что князь, только потому, что онъ князь, долженъ стоять выше простого боярина, хотя бы онъ былъ только вчерашнимъ слугой московскаго государя, а бояринъ имѣлъ длинный рядъ предковъ, служившихъ въ Москвѣ. Такъ давность службы была принесена въ жертву знатности происхожденія. Таково было первое условіе. Но и князья не всѣ выстроились въ одну

линію на московской службѣ: потомки прежнихъ великихъ князей стали выше, потомки бывшихъ удѣльныхъ—ниже. Князья Пѣнковы всегда становились выше по службѣ своихъ ближайшихъ родичей князей Курбскихъ или Прозоровскихъ, потому что Пѣнковы шли отъ великихъ князей ярославскихъ, а Курбскіе и Прозоровскіе—отъ князей ярославскихъ удѣльныхъ. Итакъ служебное положеніе титулованнаго слуги въ Москвѣ опредѣлялось его значеніемъ въ минуту перехода на московскую службу. Таково второе условіе. Послѣдовательное примѣненіе этого второго условія приводило къ одному исключенію изъ перваго, т. е. ставило иныхъ князей ниже простыхъ бояръ. Многіе удѣльные князья теряли свои удѣлы еще до перехода на московскую службу. Въ Москву они переходили уже со службы при какомъ-либо другомъ дворѣ, великокняжескомъ или удѣльномъ. Какъ слуги младшихъ князей, они въ Москвѣ становились ниже здѣшнихъ старинныхъ бояръ, служившихъ старшему изъ всѣхъ князей, какимъ считался великій князь московскій, какъ обладатель старѣйшей Владимірской области. Отсюда вытекало третье условіе: московское положеніе князей, перестававшихъ быть владѣтельными до перехода на московскую службу, равно какъ и положеніе простыхъ бояръ, переходившихъ въ Москву изъ другихъ княжествъ, опредѣлялось сравнительнымъ значеніемъ княжескихъ дворовъ, при которыхъ тѣ и другіе служили передъ переходомъ на московскую службу. На этихъ условіяхъ основывались правила родословнаго распорядка титулованныхъ и простыхъ слугъ въ Москвѣ. Положеніе на московской службѣ опредѣлялось для владѣтельныхъ князей значеніемъ *столовъ,* на которыхъ они сидѣли, для простыхъ бояръ и служилыхъ князей значеніемъ *дворовъ*, при которыхъ они служили. Слѣдовательно 1) потомокъ великихъ

князей становился выше потомка удѣльныхъ, 2) владѣтельный потомокъ удѣльнаго князя выше простого боярина, 3) московскій великокняжескій бояринъ выше служилаго князя и боярина удѣльнаго. Благодаря такому распорядку московское боярство въ новомъ своемъ составѣ распалось на нѣсколько іерархическихъ слоевъ. Верхній слой образовали потомки бывшихъ великихъ князей русскихъ и литовскихъ. Здѣсь встрѣчаемъ князей Пѣнковыхъ ярославскихъ, князей Шуйскихъ суздальскихъ, старшихъ князей Ростовскихъ, литовскихъ князей Бѣльскихъ, Мстиславскихъ и Патрикѣевыхъ, отъ которыхъ пошли князья Голицыны и Куракины. Изъ стариннаго нетитулованнаго боярства Москвы въ этомъ слоѣ удержались одни Захарьины, вѣтвь стараго московскаго боярскаго рода Кошкиныхъ. Второй слой составился изъ потомковъ значительныхъ удѣльныхъ князей Микулинскихъ изъ тверскихъ, Курбскихъ изъ ярославскихъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ и Бѣлевскихъ изъ черниговскихъ, Пронскихъ изъ рязанскихъ. Къ нимъ примкнули и знатнѣйшія фамиліи стариннаго московскаго боярства: Вельяминовы, Давыдовы, Бутурлины, Челяднины и др. Второстепенное московское боярство и потомство мелкихъ удѣльныхъ князей вмѣстѣ съ боярами изъ княжествъ Тверского, Ростовскаго и другихъ образовали третій и дальнѣйшіе разряды. Впрочемъ мы сейчасъ увидимъ, что по отношеніямъ, установившимся въ высшей московской служилой средѣ, легче было опредѣлить сравнительный служебный вѣсъ отдѣльныхъ лицъ и фамилій, чѣмъ провести точныя раздѣльныя черты между цѣлыми разрядами.

Политическое настроеніе.

Въ новомъ своемъ составѣ московское боярство стало проникаться и новымъ политическимъ *настроеніемъ*. Первостепенная знать, ставшая во главѣ этого боярства, шла отъ бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей. Не ду-

майте, что съ исчезновеніемъ великихъ и удѣльныхъ княжествъ тотчасъ безъ слѣда исчезалъ и удѣльный порядокъ, существовавшій въ сѣверной Руси. Нѣтъ, этотъ порядокъ долго еще дѣйствовалъ и подъ самодержавной рукой московскаго государя. Политическое объединеніе сѣверной Руси на первыхъ порахъ выражалось только въ единствѣ московской верховной власти, но не сопровождалось немедленной коренной перестройкой мѣстнаго управленія, гдѣ еще довольно устойчиво хранились остатки удѣльнаго порядка. Власть московскаго государя становилась не на мѣсто удѣльныхъ властей, а надъ ними, и новый государственный порядокъ ложился поверхъ дѣйствовавшаго прежде, не разрушая его, а только образуя новый высшій рядъ учрежденій и отношеній. Даже высшія мѣстныя управленія въ Твери, Ростовѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и пр., не упразднялись, а только переносились въ Москву и здѣсь продолжали дѣйствовать особнякомъ, не сливаясь съ центральными московскими учрежденіями. Точно такъ же и удѣльные князья, переставая быть самостоятельными владѣтелями своихъ удѣловъ, обыкновенно оставались въ нихъ простыми вотчинниками-землевладѣльцами, иногда очень крупными, и часто даже продолжали пользоваться долей своей прежней правительственной власти, судили и рядили по старымъ мѣстнымъ обычаямъ и законамъ, сохраняли свои удѣльные полки, иные даже оффиціально назывались *удѣльными*, а не служебными князьями. Еще при Грозномъ до опричнины встрѣчались землевладѣльцы изъ высшей знати, которые въ своихъ обширныхъ вотчинахъ правили и судили безапелляціонно, даже не отдавая отчета царю. Благодаря тому переходъ князя на московскую службу съ удѣльнаго и даже великокняжескаго стола не былъ для него крутымъ переворотомъ, потерей

всего, что имѣлъ онъ прежде. При дворѣ московскаго государя, въ Кремлѣ, онъ видѣлъ себя въ новой обстановкѣ, къ какой не привыкли его владѣтельные предки: но у себя дома, среди своихъ дворовыхъ слугъ, въ кругу своего вотчиннаго хозяйства, этотъ князь не переставалъ чувствовать себя узломъ прежнихъ отношенiй, поддерживалъ прежнiя понятiя и привычки. Съ другой стороны, титулованное боярство заняло всѣ высшiя должности въ московскомъ управленiи, командовало московскими полками, правило областями Московскаго государства. Извѣстны случаи, когда бывшiй владѣтельный князь продолжалъ править своимъ княжествомъ въ качествѣ намѣстника московскаго государя. Все это помогло новымъ титулованнымъ московскимъ боярамъ, потомкамъ князей великихъ и удѣльныхъ, усвоить взглядъ на себя, какого не имѣли старые нетитулованные московскiе бояре. Послѣднiе были вольными и перехожими слугами князя *по договору*; первые стали видѣть въ себѣ властныхъ правителей земли, государства *по происхожденiю*. Руководя всѣмъ въ объединенной сѣверной Руси, потомки бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей и въ Москвѣ продолжали смотрѣть на себя, какъ на такихъ же хозяевъ Русской земли, какими были ихъ владѣтельные предки; только предки, разсѣянные по удѣламъ, правили Русской землей по частямъ и по одиночкѣ, а потомки, собравшись въ Москвѣ, стали править всей землей и всѣ вмѣстѣ. Среди титулованнаго боярства XVI в. утверждается взглядъ на свое правительственное значенiе не какъ на пожалованiе московскаго государя, а какъ на свое наслѣдственное право, доставшееся имъ отъ предковъ независимо отъ этого государя, установившееся само собою, ходомъ событiй. Сами московскiе государи поддерживали среди нихъ этотъ взглядъ, не трогая ихъ удѣль-

ныхъ порядковъ и преданій, и даже отецъ Грознаго, не долюбливавшій знатнаго боярства, призналъ его наслѣдственное правительственное право, назвавъ своихъ совѣтниковъ въ предсмертномъ къ нимъ обращеніи „извѣчными боярами“ своего дома. Увидѣвъ себя въ сборѣ вокругъ московскаго Кремля, новое титулованное боярство взглянуло на себя, какъ на собраніе наслѣдственныхъ и привычныхъ, т.-е. общепризнанныхъ властителей Русской земли, а на Москву, какъ на сборный пунктъ, откуда они попрежнему будутъ править Русской землей, только не по частямъ и не въ одиночку, какъ правили предки, а совмѣстно и совокупно,—будутъ править всѣ вмѣстѣ и всей землей въ совокупности. Значитъ въ новомъ московскомъ боярствѣ преданіе власти, шедшее изъ удѣльныхъ вѣковъ, не прервалось, а только преобразилось. Теперь, когда потомки прежнихъ владѣтельныхъ князей собрались въ Москвѣ, ихъ прежняя власть, унаслѣдованная отъ отцовъ, изъ одиночной, личной и мѣстной превратилась въ собирательную, сословную и всеземскую. Такъ московская боярская знать въ новомъ своемъ составѣ усвоила себѣ и новый взглядъ на свое политическое значеніе, незнакомый боярству удѣльныхъ вѣковъ, и по этому взгляду настроилась политически.

Мѣстничество.

Итакъ, обратившись къ изученію состава общества въ Московскомъ государствѣ XV—XVI в., встрѣчаемся еще съ однимъ слѣдствіемъ основного факта этого періода. Образованіе національнаго великорусскаго государства отразилось въ боярскомъ сознаніи своего рода теоріей аристократическаго правительства. Основное положеніе этой теоріи можно выразить такъ: московскій государь для управленія соединенной подъ его властью Русской землей призываетъ родовитыхъ сотрудниковъ, предки которыхъ

нѣкогда владѣли частями этой земли. Объединеніе Великороссіи, сообщивъ великому князю московскому значеніе всеземскаго, національнаго государя, и собраннымъ подъ его рукой мѣстнымъ правителямъ внушило идею всеземскаго правительственнаго класса. Такой взглядъ боярства на свое значеніе не остался только политическимъ притязаніемъ, но облекся въ цѣлую систему служебныхъ отношеній, извѣстную въ нашей исторіи подъ названіемъ *мѣстничества*. Прежде чѣмъ обратиться къ его изученію, объясню, что я разумѣю подъ московскимъ боярствомъ.

Я пользуюсь этимъ словомъ не въ томъ значеніи, какое оно имѣло на оффиціальномъ московскомъ языкѣ XVI в. Тогда имъ обозначался не общественный классъ, а высшій служебный чинъ боярина: *сказать* кому *боярство* значило объявить оффиціально лицу, что оно пожаловано въ бояре. Я говорю о боярствѣ въ условномъ смыслѣ верхняго слоя многочисленнаго военно-служилаго класса въ Московскомъ государствѣ изучаемаго времени. Для опредѣленія состава этого слоя можно принять за основаніе оффиціальную родословную книгу, содержавшую въ себѣ поименныя росписи важнѣйшихъ служилыхъ родовъ въ порядкѣ поколѣній. Этотъ *Государевъ Родословецъ*, какъ онъ назывался, составленъ былъ при Грозномъ, и на него опирались при разборѣ генеалогическихъ споровъ московскихъ служилыхъ людей. Фамиліи, помѣщенныя въ этомъ родословцѣ, назывались *родословными*. Эту родословную знать мы и называемъ московскимъ боярствомъ. Можно замѣтить два условія или признака принадлежности къ этой знати. Фамилія входила въ родословный кругъ, если приблизительно до начала XVI в., когда этотъ кругъ складывался, въ своихъ поколѣнныхъ рядахъ имѣла лицъ, служившихъ въ Москвѣ боярами, окольничими и въ другихъ высшихъ

Боярство какъ классъ.

чинахъ. Потомъ, чтобы фамилія не выпала изъ этого круга, надобно было членамъ ея держаться на столичной службѣ, занимая высшія должности по центральному, областному и военному управленію.

Мѣстническое отечество.

Изложу главныя основанія мѣстничества. Этимъ словомъ въ собственнномъ смыслѣ слѣдуетъ называть тотъ порядокъ служебныхъ отношеній, какой сложился между родословными фамиліями въ Московскомъ государствѣ XV и XVI вв.

Чтобы понять такое сложное и запутанное явленіе, какъ старинное *московское* мѣстничество, надобно отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ современныхъ понятій о государственной службѣ или, лучше сказать, сопоставить тогдашнія и нынѣшнія условія назначенія на правительственныя должности. Теперь при назначеніи лицъ на службу по одному вѣдомству ихъ ставятъ въ отношеніе равенства или подчиненія одного другому по ихъ сравнительной служебной годности, а эта годность опредѣляется способностями, степенью школьной и служебной подготовки, заслугами, т.-е. продолжительностью и успѣшностью прежней службы, и вообще *личными* качествами; по крайней мѣрѣ другія соображенія признаются побочными и негласными. Во всякомъ случаѣ служебное отношеніе между назначаемыми лицами устанавливается при самомъ ихъ назначеніи на должности и устанавливается на основаніи сравнительной оцѣнки нужныхъ для службы личныхъ качествъ, производимой начальствомъ. Въ Москвѣ XVI в. при замѣщеніи высшихъ должностей служилыми людьми соображались не съ личными качествами назначаемыхъ, а съ относительнымъ служебнымъ значеніемъ фамилій, къ которымъ они принадлежали, и съ генеалогическимъ положеніемъ каждаго изъ нихъ въ своей фамиліи. Князья

Одоевскіе на службѣ по одному вѣдомству вообще ставились выше Бутурлиныхъ; таково было взаимное іерархическое отношеніе обѣихъ этихъ фамилій. Но старшіе Бутурлины могли приближаться къ младшимъ князьямъ Одоевскимъ и даже равняться съ ними, и сообразно съ тѣмъ мѣнялось ихъ служебное соотношеніе. Значитъ, каждая родословная фамилія и каждое отдѣльное лицо такой фамиліи занимали опредѣленное и постоянное положеніе среди другихъ фамилій и отдѣльныхъ лицъ, съ которымъ должны были сообразоваться ихъ должностныя назначенія и которое слѣдовательно не зависѣло отъ этихъ назначеній. Іерархическое отношеніе между сослуживцами не устанавливалось при ихъ назначеніи на должности по усмотрѣнію назначавшей ихъ власти, а заранѣе указывалось помимо нея фамильнымъ положеніемъ назначаемыхъ. Это фамильное значеніе лица по отношенію къ другимъ лицамъ какъ своей собственной, такъ и чужихъ фамилій называлось его *отечествомъ*. Это значеніе пріобрѣталось предками и становилось наслѣдственнымъ достояніемъ всѣхъ членовъ фамиліи.

Мѣстническій счетъ простой.

Итакъ, повторю, мѣстническое отечество—это унаслѣдованное отъ предковъ отношеніе по службѣ служилаго лица и цѣлой служилой фамиліи къ другимъ служилымъ лицамъ и фамиліямъ. Былъ выработанъ особый способъ опредѣлять отечество съ математической точностью. Отечество каждаго высчитывалось. Правила этого вычисленія—цѣлая система, которую можно назвать мѣстнической ариѳметикой. По двойственному назначенію отечества, указывавшаго отношеніе лица къ его родичамъ и чужеродцамъ, и мѣстническій счетъ былъ двоякій: простой—по *родословцу*, или *лѣствицею*, и двойной—по родословцу и по *разрядамъ* вмѣстѣ. Мы уже знакомы съ родословцемъ.

Разрядами назывались росписи назначеній на высшія должности придворныя, по центральному и областному управленію, начальниками приказовъ, т.-е. министерствъ, намѣстниками и воеводами городовъ, также полковыми походными воеводами и т. п. Эти записи велись въ *Разрядномъ* приказѣ, соотвѣтствующемъ нынѣшнему Военному министерству или точнѣе Главному Штабу, и сводились въ погодныя разрядныя книги. Въ 1556 г., какъ это выяснено г. Милюковымъ, составленъ былъ *Государевъ Разрядъ,* оффиціальная разрядная книга за 80 лѣтъ назадъ, начиная съ 1475 г. Счетъ по родословцу опредѣлялъ генеалогическое отношеніе лица къ его родичамъ; этотъ счетъ былъ снятъ съ отношеній между членами стариннаго русскаго дома, т.-е. семьи, состоявшей изъ отца съ женатыми сыновьями или изъ жившихъ вмѣстѣ родныхъ братьевъ съ семействами. Члены такой сложной семьи строго наблюдали отношенія старшинства, выражавшіяся между прочимъ въ ихъ разсадкѣ за обѣденнымъ столомъ. Возьмемъ семью изъ родныхъ братьевъ съ дѣтьми. Первое мѣсто принадлежало старшему брату, домохозяину, большаку, два за нимъ слѣдующія—двумъ его младшимъ братьямъ, четвертое мѣсто его старшему сыну. Если у большака былъ третій братъ, онъ не могъ сѣсть ни выше, ни ниже старшаго племянника, былъ ему ровня (ровесникъ). Это равенство указывалось, вѣроятно, обычнымъ порядкомъ нарожденія; четвертый братъ рождался обыкновенно около времени появленія на свѣтъ перваго сына у старшаго брата и потому отчислялся уже ко второму поколѣнію—*дѣтей*, тогда какъ три старшіе брата составляли первое поколѣніе—*отцовъ*. Такимъ распорядкомъ мѣстъ объясняются основныя правила мѣстнической ариѳметики. По этой ариѳметикѣ старшій сынъ отъ своего отца—чет-

вертое мѣсто, т.-е. между тѣмъ и другимъ должны оставаться два свободныхъ мѣста для второго и третьяго отцова брата. Каждый слѣдующій братъ мѣстомъ ниже предшествующаго старшаго: значитъ, родные братья садятся рядомъ въ порядкѣ старшинства. Изъ этихъ двухъ правилъ вытекало третье: четвертый изъ братьевъ или третій дядя равенъ старшему племяннику. Это правило выражалось формулой: „перваго брата сынъ четвертому (считая и отца) дядѣ въ версту", т.-е. *сверстникъ*, ровня, ровесникъ (*верста*—мѣра, уравненіе). Значитъ они не сидѣли рядомъ, а должны были сѣсть врозь или насупротивъ. Общее основаніе этихъ правилъ: отечество каждаго изъ родичей опредѣлялось его сравнительнымъ разстояніемъ отъ общаго предка. Это разстояніе измѣрялось особыми мѣстническими единицами, *мѣстами*. Отсюда и самое названіе *мѣстничества*. По мѣстнической связи генеалогіи со службой и *мѣсто* имѣло двоякое значеніе, генеалогическое и служебное. Въ генеалогическомъ смыслѣ это—ступень, занимаемая каждымъ членомъ фамиліи на фамильной лѣствицѣ старшинства по его разстоянію отъ родоначальника, измѣряемому количествомъ предшествующихъ ему въ прямой восходящей линіи рожденій. Первоначальное понятіе о мѣстѣ въ смыслѣ служебномъ, очевидно, сложилось среди бояръ за княжескимъ столомъ, гдѣ они разсаживались въ порядкѣ служебно-генеалогическаго старшинства; но потомъ это понятіе было перенесено и на всѣ служебныя отношенія, на правительственныя должности. Отсюда употребляемое нами выраженіе *искать мѣста*. Генеалогическое разстояніе между лицами одной и той же или разныхъ фамилій, назначенными на извѣстныя должности по одному вѣдомству, должно было соотвѣтствовать іерархическому разстоянію между этими

должностями. Для этого каждая сфера служебныхъ отношеній, каждое правительственное вѣдомство, мѣста въ государевой думѣ, должности административныя, городовыя намѣстничества, какъ и должности полковыхъ воеводъ, были также расположены въ извѣстномъ порядкѣ старшинства, составляли іерархическую лѣствицу. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ порядкѣ слѣдовали одна за другой должности полковыхъ воеводъ. Московская армія, большая или малая, ходила въ походъ обыкновенно пятью *полками* или отрядами. Это были *большой полкъ, правая рука, передовой* и *сторожевой* полки, т.-е. авангардъ и аррьергардъ, и *лѣвая рука.* Каждый полкъ имѣлъ одного или нѣсколькихъ воеводъ, смотря по численному составу полка, по числу *сотенъ*, ротъ въ немъ. Эти воеводы назывались *большими* или первыми, *другими* или вторыми, *третьими* и т. д. Должности этихъ воеводъ по старшинству слѣдовали въ такомъ порядкѣ: первое мѣсто принадлежало первому воеводѣ большого полка, второе—первому воеводѣ правой руки, третье—первымъ воеводамъ передового и сторожевого полковъ, которые были ровни, четвертое—первому воеводѣ лѣвой руки, пятое—второму воеводѣ большого полка, шестое—второму воеводѣ правой руки и т. д. Если изъ двухъ родственниковъ, назначенныхъ воеводами въ одной арміи, старшій по генеалогіи, по отечеству, былъ двумя мѣстами выше младшаго, то при назначеніи старшаго первымъ воеводой большого полка младшаго надобно было назначить первымъ воеводой сторожевого либо передового полка, не выше и не ниже. Если его назначили мѣстомъ выше, большимъ воеводой правой руки, старшій родичъ билъ челомъ, что такое повышеніе младшаго родича грозитъ ему, челобитчику, „потерькой“ чести, отечества, что всѣ, свои и чужіе, считавшіеся ему ровнями,

станутъ его „утягивать", понижать, считать себя выше его на одно мѣсто, такъ какъ онъ стоялъ рядомъ, однимъ мѣстомъ выше человѣка, который ниже ихъ двумя мѣстами. Если младшаго назначали ниже, большимъ воеводой лѣвой руки, онъ билъ челомъ о безчестьи, говоря, что ему такъ служить со своимъ родичемъ „не вмѣстно", что онъ „потеряетъ", а родичъ „найдетъ" передъ нимъ, выиграетъ одно мѣсто. Привожу этотъ схематическій примѣръ, чтобы показать, какъ въ лѣствичномъ счетѣ генеалогія лицъ должна была соотвѣтствовать іерархіи мѣстъ.

Сложнѣе былъ счетъ, опредѣлявшій мѣстническія отношенія между чужеродцами. Если члены двухъ разныхъ фамилій назначались на службу, гдѣ они должны были дѣйствовать вмѣстѣ съ подчиненіемъ одного другому, они для провѣрки назначенія высчитывали, какое между ними разстояніе по служебному отечеству, принимая за основаніе обыкновенно службу своихъ „родителей", т.-е. родственниковъ по восходящей линіи, какъ прямыхъ, такъ и боковыхъ. Для этого они брали разряды и искали въ нихъ *случая*, прецедента, такого назначенія изъ прежнихъ лѣтъ, гдѣ бы ихъ предки также назначены были служить вмѣстѣ. Встрѣтивъ такой случай, они вычисляли ранговое разстояніе, какое лежало между доставшимися ихъ родителямъ должностями. Это разстояніе принималось за основаніе для учета служебнаго отношенія обѣихъ фамилій, ихъ сравнительнаго отечества, фамильной чести. Опредѣливъ это отношеніе фамилій по разрядамъ, оба назначенные „совмѣстника" брали свои родословныя и по нимъ высчитывали свое генеалогическое разстояніе каждый отъ того своего предка, который встрѣтился на службѣ въ найденномъ случаѣ съ предкомъ другого совмѣстника. Если разстояніе это было одинаково у обоихъ совмѣстниковъ, то они могли

Счетъ сложный.

быть назначены на такія же должности, т. е. съ такимъ же іерархическимъ разстояніемъ, какое было между должностями ихъ предковъ. Но если одинъ изъ совмѣстниковъ дальше отстоялъ отъ своего предка, чѣмъ его соперникъ отъ своего, онъ долженъ былъ спуститься ниже соперника на соотвѣтствующее число мѣстъ. Если въ найденномъ случаѣ предки совмѣстниковъ, кн. Одоевскій и Бутурлинъ, служили первый большимъ воеводой большого полка, другой большимъ же воеводой лѣвой руки, значитъ, кн. Одоевскій по фамильной чести относился къ Бутурлину, какъ отецъ къ сыну, „былъ ему что отецъ", т. е. отдѣлялся отъ него двумя мѣстами, потому что большой воевода лѣвой руки—четвертое мѣсто, какъ и старшій сынъ отъ отца. Установивъ по разрядамъ общее служебное отношеніе фамилій, предстояло еще опредѣлить по родословной частное генеалогическое положеніе лицъ, каждаго въ своей фамиліи. Если потомокъ кн. Одоевскаго отстоялъ отъ своего предка на шесть мѣстъ, а потомокъ Бутурлина отъ своего на пять, то потомокъ Бутурлина не могъ служить первымъ воеводой лѣвой руки при назначеніи потомка кн. Одоевскаго первымъ воеводой большого полка: Бутурлинъ долженъ былъ подняться на одно мѣсто выше. Въ постоянное мѣстническое отношеніе фамилій по разрядамъ вводился измѣнчивый коэффиціентъ поколѣній, опредѣлявшій генеалогическое положеніе каждаго отдѣльнаго лица въ своей фамиліи. Итакъ родословцемъ опредѣлялось взаимное служебное отношеніе лицъ одной и той же фамиліи, разрядами—отношеніе разныхъ фамилій, родословцемъ и разрядами вмѣстѣ—отношеніе лицъ разныхъ фамилій.

Законодательныя ограниченія.

Изложенной схемы мѣстническаго счета, думаю, достаточно, чтобы понять, какъ мѣстничество осложняло должностныя назначенія. Особенно въ распорядкѣ мѣстъ полко-

выхъ воеводъ дьякамъ Разряднаго приказа трудно было составить подборъ лицъ, который предусматривалъ бы всѣ разнообразныя генеалогическія и разрядныя отношенія, примирялъ всѣ возможныя фамильныя притязанія. Рѣдкая полковая роспись обходилась безъ споровъ, челобитій о счетѣ мѣстъ, безъ жалобъ на „поруху въ отечествѣ". Путаница увеличивалась еще тѣмъ, что знатные молодые дворяне мѣстничались съ полковыми воеводами, къ которымъ ихъ прикомандировывали въ штабъ или для особыхъ порученій. Этими затрудненіями вызывались законодательныя ограниченія мѣстничества. Такъ приговоромъ государя и боярской думы въ 1550 г. съ участіемъ даже митрополита нѣкоторыя должности полковыхъ воеводъ были изъяты изъ мѣстническаго счета, объявлены „безъ мѣстъ". Было, напримѣръ, постановлено, что большому воеводѣ правой руки, который тремя мѣстами былъ выше второго воеводы большого полка, до этого воеводы дѣла и счета нѣтъ, а первые воеводы передового и сторожевого полковъ не меньше воеводъ правой руки. Также и служба знатныхъ дворянъ подъ командой менѣе знатнаго воеводы не ставилась имъ въ счетъ при дальнѣйшихъ назначеніяхъ, когда они сами становились воеводами. Иногда всѣ назначенія полковыхъ воеводъ или при какомъ-либо придворномъ торжествѣ объявлялись безъ мѣстъ.

Идея мѣстничества.

Изъ того же мѣстническаго счета открывается и идея мѣстничества, строго консервативная и аристократическая. Позднѣйшія поколѣнія родословныхъ людей должны были размѣщаться на службѣ и за столомъ государя, какъ размѣщались первыя поколѣнія. Отношенія между фамиліями, разъ установившіяся, не должны были измѣняться. Какъ нѣкогда стали на службѣ отцы и дѣды, такъ должны стоять дѣти и всѣ дальнѣйшіе потомки. Итакъ мѣстничество уста-

навливало не фамильную наслѣдственность служебныхъ должностей, какъ это было въ феодальномъ порядкѣ, а наслѣдственность служебныхъ отношеній между фамиліями. Этимъ объясняется значеніе правительственныхъ должностей въ мѣстничествѣ. Должность сама по себѣ здѣсь ничего не значила: она была тѣмъ же по отношенію къ отечеству, чѣмъ служитъ ариѳметическое число по отношенію къ алгебраическому выраженію, т. е. конкретной случайностью. Кн. Одоевскій готовъ былъ занять какую угодно должность, лишь бы Бутурлинъ съ нимъ вмѣстѣ стоялъ на должности еще ниже, и бывали случаи, когда одно и то же лицо въ походахъ послѣдовательно занимало полковыя воеводскія должности все въ порядкѣ пониженія: это не было пониженіемъ лица по службѣ, а зависѣло отъ его мѣстническаго отношенія къ товарищамъ, воеводамъ другихъ полковъ. Все дѣло было не въ должности, а во взаимномъ отношеніи лицъ по должностямъ. Слѣдовательно должности въ мѣстничествѣ имѣли значеніе, совершенно обратное тому, какое онѣ имѣютъ теперь. Теперь правительственное значеніе лица опредѣляется его должностью, т. е. степенью власти и отвѣтственности, съ ней сопряженной; въ мѣстничествѣ генеалогическимъ положеніемъ лица указывалась должность, какую оно получало. Теперь по извѣстной поговоркѣ мѣсто краситъ человѣка; тогда думали, что человѣкъ долженъ красить свое мѣсто.

Когда оно сложилось.

Князья Одоевскіе стали выше Бутурлиныхъ и многихъ другихъ старинныхъ фамилій московскаго боярства въ силу одного изъ указанныхъ мною правилъ московскаго родословнаго распорядка, потому что въ концѣ XV в. эти князья пришли въ Москву прямо со своего удѣла. Московское мѣстничество было практическимъ приложеніемъ этихъ

правилъ къ служебнымъ отношеніямъ московскихъ служилыхъ людей. Поэтому можно приблизительно опредѣлить время, когда оно сложилось. Элементы мѣстничества встрѣтимъ еще въ удѣльные вѣка при московскомъ, какъ и при другихъ княжескихъ дворахъ, замѣтимъ присутствіе мысли о служебномъ старшинствѣ, найдемъ указанія на застольное и должностное размѣщеніе бояръ по этому старшинству, на ихъ требованіе, чтобы ихъ разсаживали за княжескимъ столомъ, какъ сидѣли ихъ отцы, на признаніе *случаевъ* обязательными прецедентами. Но при удѣльной бродячести вольныхъ служилыхъ людей служебный ихъ распорядокъ лишенъ былъ устойчивости. Положеніе ихъ при княжескихъ дворахъ опредѣлялось временными личными договорами съ княземъ. Лишь только бояре усядутся, уладятся мѣстами и службой, новый знатный пришелецъ урядится съ княземъ „въ рядъ и крѣпость возьметъ", „заѣдетъ", сядетъ выше многихъ старыхъ служакъ и спутаетъ установившійся распорядокъ мѣстъ. Въ 1408 г. пріѣхалъ въ Москву на службу внукъ Гедимина литовскаго кн. Патрикѣй. Сынъ его Юрій, ставшій въ Москвѣ родоначальникомъ князей Голицыныхъ и Куракиныхъ, „заѣхалъ", посаженъ былъ выше многихъ московскихъ бояръ, потому что вел. князь московскій, выдавая за него свою сестру, „мѣсто ему упросилъ" у своихъ бояръ. У Юрія былъ старшій братъ кн. Ѳедоръ Хованскій. На Юрьевой свадьбѣ его „посѣлъ", сѣлъ выше старый московскій бояринъ Ѳедоръ Сабуръ, прапрадѣдъ котораго вступилъ на московскую службу при Калитѣ. Кн. Хованскій при этомъ сказалъ Сабуру: „сядь-ка повыше моего брата меньшого кн. Юрья".—„У твоего брата богъ въ кикѣ (счастье въ кичкѣ, въ женѣ), а у тебя бога въ кикѣ нѣтъ", возразилъ Сабуръ, и сѣлъ выше Хованскаго. Возможность завоевывать высокія мѣста жениной кичкой, эта кичливость

прекратилась въ Москвѣ, когда при массовомъ наплывѣ сюда служилаго княжья, смѣнившемъ прежніе одиночные заѣзды, пришлось замѣнить личное соглашеніе князя съ новымъ пріѣзжимъ слугой „уложеніемъ", общимъ способомъ оцѣнки служебнаго достоинства служилыхъ людей. Только въ Москвѣ элементы мѣстничества успѣли сложиться въ цѣлую систему, и его сложеніе надобно относить къ эпохѣ, когда шелъ этотъ наплывъ, т.-е. къ княженію Ивана III и его сына Василія. Къ этому времени стали готовы двѣ основы мѣстничества: личный уговоръ замѣнился уложеніемъ; исполнился комплектъ фамилій, между которыми дѣйствовали мѣстническія отношенія. Съ той поры собравшіяся въ Москвѣ боярскія фамиліи стали въ стройные ряды. Поэтому линіи предковъ, на служебныя отношенія которыхъ потомки въ мѣстническихъ спорахъ XVI и XVII вв. ссылались въ оправданіе своихъ родословныхъ и разрядныхъ притязаній, обыкновенно не восходили раньше княженія Ивана III. Большая часть знатнѣйшихъ московскихъ фамилій, служившихъ главными звеньями мѣстнической цѣпи, до Ивана III еще и не значились въ московскомъ родословцѣ.

Политическое его значеніе.

Теперь мы можемъ уяснить себѣ политическое значеніе мѣстничества для московскаго боярства. Оно ставило служебныя отношенія бояръ въ зависимость отъ службы ихъ предковъ, т. е. дѣлало политическое значеніе лица или фамиліи независимымъ ни отъ личнаго усмотрѣнія государя, ни отъ личныхъ заслугъ или удачъ служилыхъ людей. Какъ стояли предки, такъ вѣчно должны стоять и потомки, и ни государева милость, ни государственныя заслуги, ни даже личные таланты не должны измѣнять этой роковой наслѣдственной разстановки. Служебное соперничество становилось невозможно: должностное положеніе каждаго было

предопредѣлено, не завоевывалось, не заслуживалось, а наслѣдовалось. Служебная карьера лица не была его личнымъ дѣломъ, его частнымъ интересомъ. За его служебнымъ движеніемъ слѣдилъ весь родъ, потому что каждый его служебный выигрышъ, каждая мѣстническая *находка* повышала всѣхъ его родичей, какъ всякая служебная *потерька* понижала ихъ. Каждый родъ выступалъ въ служебныхъ столкновеніяхъ, какъ единое цѣлое; родовая связь устанавливала между родичами и служебную солидарность, взаимную отвѣтственность, круговую поруку родовой чести, подъ гнетомъ которой личныя отношенія подчинялись фамильнымъ, нравственныя побужденія приносились въ жертву интересамъ рода. Въ 1598 г. кн. Репнинъ-Оболенскій по росписи занималъ въ походѣ мѣсто ниже кн. Ив. Сицкого, чего ему не слѣдовало дѣлать по служебному положенію своего рода, и не билъ челомъ царю объ обидѣ на Сицкого, потому что они съ Сицкимъ были „свояки и великіе други". Тогда обидѣлись всѣ его родичи, и кн. Ноготковъ-Оболенскій „во всѣхъ Оболенскихъ князей мѣсто" билъ челомъ царю, что кн. Репнинъ то сдѣлалъ, дружась съ кн. Иваномъ, чтобъ тѣмъ его воровскимъ нечелобитьемъ поруху и укоръ учинить всему ихъ роду Оболенскихъ князей отъ всѣхъ чужихъ родовъ. Царь разобралъ дѣло и рѣшилъ, что кн. Репнинъ былъ на службѣ съ кн. Ив. Сицкимъ по дружбѣ и потому одинъ „виноватъ" кн. Ивану, т. е. себя одного понизилъ передъ Сицкимъ и его родичами, а роду его всѣмъ князьямъ Оболенскимъ въ томъ порухи въ отечествѣ нѣтъ никому. Такимъ образомъ мѣстничество имѣло оборонительный характеръ. Имъ служилая знать защищалась какъ отъ произвола сверху, со стороны государя, такъ и отъ случайностей и происковъ снизу, со стороны отдѣльныхъ честолюбивыхъ лицъ, стремившихся подняться

выше своего отечества, наслѣдственнаго положенія. Вотъ почему бояре такъ дорожили мѣстничествомъ: за мѣста, говорили они въ XVII вѣкѣ, наши отцы помирали. Боярина можно было избить, прогнать со службы, лишить имущества, но нельзя было заставить занять должность въ управленіи или сѣсть за государевымъ столомъ ниже своего отечества. Значитъ, мѣстничество, ограничивая сферу своего дѣйствія родословными людьми, выдѣляло изъ военно-служилой массы классъ, изъ котораго верховная власть волей-неволей должна была преимущественно выбирать лицъ для занятія правительственныхъ должностей, и такимъ образомъ оно создавало этому классу политическое право или, точнѣе, привилегію на участіе въ управленіи, т. е. въ дѣятельности верховной власти. Этимъ мѣстничество сообщало боярству характеръ правящаго класса или сословной аристократіи. Сама власть поддерживала такой взглядъ на мѣстничество, значитъ, признавала боярство такой аристократіей. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, гдѣ выразился взглядъ на мѣстничество, какъ на опору или гарантію политическаго положенія боярства. Въ 1616 г. кн. Волконскій, человѣкъ неродовитый, но много служившій, билъ челомъ государю, что ему по своей *службѣ* меньше боярина Головина быть не вмѣстно. Головинъ отвѣтилъ челобитчику встрѣчной жалобой, что кн. Волконскій его и родичей его обезчестилъ и опозорилъ, и просилъ государя „дать ему оборонь". По указу государя бояре въ думѣ разобрали дѣло и приговорили послать князя въ тюрьму, сказавъ ему, что онъ человѣкъ неродословный, а по государеву указу неродословнымъ людямъ съ родословными суда и счета въ отечествѣ не бываетъ; что же касается до службы Волконскаго, то „за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ". Итакъ государь можетъ сдѣлать своего слугу

богатымъ, но не можетъ сдѣлать его родовитымъ, потому что родовитость идетъ отъ предковъ, а покойныхъ предковъ уже нельзя сдѣлать ни болѣе, ни менѣе родовитыми, чѣмъ они были при жизни. Такъ, когда московское боярство изъ пестрыхъ, сбродныхъ элементовъ стало складываться въ цѣльный правительственный классъ, его складъ вышелъ своеобразно аристократическимъ.

Своеобразный отпечатокъ клали на аристократическое значеніе боярства два недостатка, какими страдало мѣстничество. Недостатки его. Вводя въ государственную службу цензъ породы, оно ограничивало верховную власть въ самой щекотливой ея прерогативѣ, въ правѣ подбора подходящихъ проводниковъ и исполнителей своей воли: она искала способныхъ и послушныхъ слугъ, а мѣстничество подставляло ей породистыхъ и зачастую безтолковыхъ неслуховъ. Оцѣнивать служебную годность происхожденіемъ или службою предковъ значило подчинять государственную службу обычаю, который коренился въ нравахъ и понятіяхъ частнаго быта, а въ сферѣ публичнаго права становился по существу своему противогосударственнымъ. Такимъ обычаемъ и было мѣстничество, и государственная власть могла терпѣть его, пока или сама не понимала настоящихъ задачъ своихъ, или не находила въ неродословныхъ классахъ пригодныхъ людей для службы. Петръ Великій смотрѣлъ на мѣстничество строго государственнымъ взглядомъ, назвавъ его „зѣло жестокимъ и вредительнымъ обычаемъ, который какъ законъ почитали“. Такъ мѣстничество поддерживало ежеминутную молчаливую досаду московскаго государя на свое боярство. Но подготовляя вражду, оно не увеличивало, а скорѣе ослабляло силы класса, для котораго служило главной, если не единственной политической опорой. Сплачивая родичей въ отвѣтственныя фамильныя корпо-

раціи, оно разрознивало самыя фамиліи, мелочнымъ сутяжничествомъ за мѣста вносило въ ихъ среду соперничество, зависть и непріязнь, чувствомъ узко понимаемой родовой чести притупляло чутье общественнаго, даже сословнаго интереса и такимъ образомъ разрушало сословіе нравственно и политически. Значитъ, мѣстничество было вредно и государству, и самому боярству, которое такъ имъ дорожило.

Намъ предстоитъ теперь видѣть, какъ политическое настроеніе московскаго боярства, нашедшее себѣ такую ненадежную опору, выразилось въ отношеніяхъ, какія устанавливались между боярствомъ и государемъ съ конца XV вѣка.

Лекція XXVIII.

Отношенія боярства въ новомъ его составѣ къ своему государю.— Отношенія московскихъ бояръ къ вел. князю въ удѣльные вѣка.— Перемѣна въ этихъ отношеніяхъ съ Ивана III.—Столкновенія.—Неясность причины разлада. — Бесѣды Берсеня съ Максимомъ Грекомъ.—Боярское правленіе.—Переписка царя Ивана съ кн. Курбскимъ.—Сужденія кн. Курбскаго.—Возраженія царя.—Характеръ переписки.—Династическое происхожденіе разлада.

Мы видѣли, какъ вслѣдствіе политическаго объединенія Великороссіи измѣнились и составъ, и настроеніе московскаго боярства. Эта перемѣна неизбѣжно должна была измѣнить и добрыя отношенія, существовавшія между московскимъ государемъ и его боярствомъ въ удѣльные вѣка.

Отношеніе бояръ къ в. князю въ удѣльные вѣка.

Эта перемѣна отношеній была неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того же самаго процесса, которымъ созданы были власть московскаго государя и его новое боярство. Въ удѣльные вѣка бояринъ ѣхалъ на службу въ Москву, ища здѣсь служебныхъ выгодъ. Эти выгоды росли для служилаго человѣка вмѣстѣ съ успѣхами его хозяина. Это устанавливало единство интересовъ между обѣими сторонами. Вотъ почему московскіе бояре во весь XIV в. дружно помогали своему государю въ его внѣшнихъ дѣлахъ и усердно радѣли ему во внутреннемъ управленіи. Тѣсная связь, задушевность отношеній между обѣими сторонами яркой чертой проходитъ по московскимъ памятникамъ того вѣка. Великій князь Семенъ Гордый пишетъ, обращаясь въ ду-

ховной къ своимъ младшимъ братьямъ съ предсмертными наставленіями: „слушали бы вы во всемъ отца нашего владыки Алексѣя да старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ". Еще задушевнѣе выступаютъ эти отношенія въ написанной современникомъ біографіи вел. кн. Димитрія Донского, который и великокняжескимъ столомъ обязанъ былъ своимъ боярамъ. Обращаясь къ своимъ дѣтямъ, великій князь говорилъ: „бояръ своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте по ихъ службѣ, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте". Обратившись затѣмъ къ самимъ боярамъ, великій князь въ сочувственныхъ словахъ напомнилъ имъ, какъ онъ работалъ вмѣстѣ съ ними въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, какъ они укрѣпляли княженіе, какъ стали страшны недругамъ Русской земли. Между прочимъ Димитрій сказалъ своимъ сотрудникамъ: „я всѣхъ васъ любилъ и въ чести держалъ, веселился съ вами, съ вами и скорбѣлъ, и вы назывались у меня не боярами, а князьями земли моей".

Перемѣна отношеній.

Эти добрыя отношенія и стали разстраиваться съ конца XV в. Новые титулованные бояре шли въ Москву не за новыми служебными выгодами, а большею частью съ горькимъ чувствомъ сожалѣнія объ утраченныхъ выгодахъ удѣльной самостоятельности. Теперь только нужда и неволя привязывали новое московское боярство къ Москвѣ, и оно не могло любить этого новаго мѣста своего служенія. Разошедшись въ интересахъ, обѣ стороны еще болѣе разошлись въ политическихъ чувствахъ, хотя эти чувства выходили изъ одного источника. Одни и тѣ же обстоятельства, съ одной стороны, поставили московскаго великаго князя на высоту національнаго государя съ широкой властью, съ другой — навязали ему правительственный классъ съ притязательными политическими вкусами и стре-

мленіями и со стѣснительной для верховной власти сословной организаціей. Почувствовавъ себя въ сборѣ вокругъ московскаго Кремля, титулованные бояре стали смотрѣть на себя, какъ не смѣли смотрѣть московскіе бояре удѣльнаго времени. Почувствовавъ себя государемъ объединенной Великой Руси, великій князь московскій съ трудомъ переносилъ и прежнія свои отношенія къ боярамъ, какъ вольнымъ слугамъ по договору, и совсѣмъ не могъ ужиться съ новыми ихъ притязаніями на раздѣлъ власти. Одна и та же причина—объединеніе Великороссіи—сдѣлала московскую верховную власть менѣе терпѣливой и уступчивой, а московское боярство болѣе притязательнымъ и заносчивымъ. Такимъ образомъ одни и тѣ же историческія обстоятельства разрушили единство интересовъ между обѣими политическими силами, а разъединеніе интересовъ разстроило гармонію ихъ взаимныхъ отношеній. Отсюда и вышелъ рядъ столкновеній между московскимъ государемъ и его боярами. Эти столкновенія вносятъ драматическое оживленіе въ монотонную и церемонную жизнь московскаго двора того времени и производятъ впечатлѣніе политической борьбы московскаго государя съ его непокорнымъ боярствомъ. Впрочемъ это была довольно своеобразная борьба какъ по пріемамъ борцовъ, такъ и по руководившимъ ею побужденіямъ. Отстаивая свои притязанія, бояре не поднимались открыто противъ своего государя, не брали въ руки оружія, даже не вели дружной политической оппозиціи противъ него. Столкновенія разрѣшались обыкновенно придворными интригами и опалами, немилостями, происхожденіе которыхъ иногда трудно разобрать. Это скорѣе придворная вражда, иногда довольно молчаливая, чѣмъ открытая политическая борьба, скорѣе пантомима, чѣмъ драма.

Столкновенія.

Эти столкновенія съ особенной силой обнаруживались два раза и каждый разъ по одинаковому поводу, по вопросу о престолонаслѣдіи. Иванъ III, какъ мы знаемъ, сперва назначилъ своимъ наслѣдникомъ внука Димитрія и вѣнчалъ его на великое княженіе, а потомъ развѣнчалъ, назначивъ преемникомъ сына своего отъ второй жены Василія. Въ этомъ семейномъ столкновеніи боярство стало за внука и противодѣйствовало сыну изъ нелюбви къ его матери и къ принесеннымъ ею византійскимъ понятіямъ и внушеніямъ, тогда какъ на сторонѣ Василія оказались всё малые, худые служилые люди. Столкновеніе доходило до сильнаго раздраженія съ обѣихъ сторонъ, вызвало шумныя ссоры при дворѣ, рѣзкія выходки со стороны бояръ, кажется, даже что-то похожее на крамолу. По крайней мѣрѣ сынъ Василія, царь Иванъ, жаловался послѣ, что бояре на его отца вмѣстѣ съ племянникомъ послѣдняго Димитріемъ „многія пагубныя смерти умышляли", даже самому государю дѣду „многія поносныя и укоризненныя слова говорили". Но какъ шло дѣло, чего именно добивались бояре, въ подробностяхъ это остается не совсѣмъ яснымъ; только черезъ годъ послѣ вѣнчанія Димитрія (1499) пострадали за противодѣйствіе Василію знатнѣйшіе московскіе бояре: князю Семену Ряполовскому-Стародубскому отрубили голову, а его сторонниковъ кн. И. Ю. Патрикѣева съ сыномъ Василіемъ, знаменитымъ впослѣдствіи старцемъ Вассіаномъ Косымъ, насильно постригли въ монашество. Та же глухая придворная вражда, сопровождавшаяся опалами, шла и въ княженіе Василія. Этотъ великій князь съ понятнымъ недовѣріемъ относился къ боярамъ, какъ государь, котораго они не хотѣли видѣть на престолѣ и съ трудомъ на немъ терпѣли. Между прочимъ за что-то посадили въ тюрьму первостепеннаго боярина кн. В. Д. Холмскаго, женатаго на сестрѣ великаго князя,

и отецъ котораго былъ еще удѣльнымъ тверскимъ владѣтелемъ, а второстепенному думному человѣку Берсеню Беклемишеву отсѣкли голову за непригожія рѣчи о великомъ князѣ и его матери. Но особенно сильно разгорѣлась вражда при Грозномъ и опять по тому же поводу, по вопросу о престолонаслѣдіи. Вскорѣ по завоеваніи царства Казанскаго, въ концѣ 1552 года или въ началѣ 1553, царь Иванъ опасно занемогъ и велѣлъ боярамъ присягнуть новорожденному сыну своему царевичу Димитрію. Многіе первостепенные бояре отказались отъ присяги или принесли ее неохотно, говоря, что не хотятъ служить „малому мимо старого", т. е. хотятъ служить двоюродному брату царя, удѣльному князю Владиміру Андреевичу старицкому, котораго они имѣли въ виду посадить на царство въ случаѣ смерти царя. Пробужденное этимъ столкновеніемъ озлобленіе царя противъ бояръ черезъ нѣсколько лѣтъ повело къ полному разрыву между обѣими сторонами, сопровождавшемуся жестокими опалами и казнями, которымъ подверглось боярство.

Неясность причины разлада.

Во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, прорывавшихся въ продолженіе трехъ поколѣній, можно разглядѣть поводы, ихъ вызывавшіе, но побужденія, руководившія ссорившимися сторонами, питавшія взаимную непріязнь, не высказываются достаточно внятно ни той, ни другой стороной. Иванъ III глухо жаловался на неуступчивость, строптивость своихъ бояръ. Отправляя въ Польшу пословъ вскорѣ послѣ дѣла о наслѣдникѣ, Иванъ между прочимъ давалъ имъ такое наставленіе: „смотрите, чтобы во всемъ между вами гладко было, пили бы бережно, не допьяна, и во всемъ бы себя берегли, а не поступали бы такъ, какъ кн. Семенъ Ряполовскій *высокоумничалъ* съ кн. Василіемъ, сыномъ Ивана Юрьевича (Патрикѣева)". Нѣсколько явственнѣе

выступаютъ чувства и стремленія оппозиціонной боярской знати въ княженіе Василія. До насъ дошелъ отъ того времени памятникъ, вскрывающій политическое настроеніе боярской стороны: это—отрывокъ слѣдственнаго дѣла объ упомянутомъ сейчасъ думномъ человѣкѣ Ив. Ник. Берсенѣ Беклемишевѣ (1525). Берсень, далеко не принадлежавшій къ первостепенной знати, былъ человѣкъ упрямый, неуступчивый. Въ то время проживалъ въ Москвѣ вызванный съ Аѳона для перевода съ греческаго Толковой Псалтири ученый монахъ Максимъ Грекъ, человѣкъ бывалый, образованный, знакомый съ католическимъ Западомъ и его наукой, учившійся въ Парижѣ, Флоренціи и Венеціи. Онъ привлекъ къ себѣ любознательныхъ людей изъ московской знати, которые приходили къ нему побесѣдовать и поспорить „о книгахъ и цареградскихъ обычаяхъ", такъ что Максимова келья въ подмосковномъ Симоновомъ монастырѣ стала похожа на ученый клубъ. Любопытно, что наиболѣе обычными гостями Максима были все люди изъ оппозиціонной знати: между ними встрѣчаемъ и кн. Андр. Холмскаго, двоюродняго племянника упомянутаго опальнаго боярина, и В. М. Тучкова, сына боярина Тучкова, наиболѣе грубившаго Ивану III, по свидѣтельству Грознаго. Но самымъ близкимъ гостемъ и собесѣдникомъ Максима былъ Иванъ Никитичъ Берсень, съ которымъ онъ часто и подолгу сиживалъ съ глазу на глазъ. Берсень находился въ это время въ немилости и удаленіи отъ двора: оправдывая свое колючее прозвище (*берсень*—крыжовникъ), Иванъ Никитичъ разъ въ Думѣ что-то рѣзко возразилъ государю при обсужденіи вопроса о Смоленскѣ. Великій князь разсердился и выгналъ его изъ совѣта, сказавъ: „пошелъ, смердъ, вонъ, ты мнѣ не надобенъ". Въ бесѣдахъ съ Максимомъ Берсень и изливалъ свои огорченныя чувства, въ

которыхъ можно видѣть отраженіе политическихъ думъ тогдашняго боярства. Передамъ ихъ бесѣды, какъ онѣ записаны были на допросахъ. Это очень рѣдкій случай, когда мы можемъ подслушать интимный политическій разговоръ въ Москвѣ XVI вѣка.

Бесѣды Берсеня съ М. Грекомъ.

Опальный совѣтникъ, конечно, очень раздраженъ. Онъ ничѣмъ недоволенъ въ Московскомъ государствѣ, ни людьми, ни порядками. „Про здѣшніе люди есми молвилъ, что нынѣ въ людяхъ правды нѣтъ“. Всего болѣе недоволенъ онъ своимъ государемъ и не хочетъ скрывать своего недовольства передъ иноземцемъ.

—„Вотъ, говорилъ Берсень старцу Максиму, у васъ въ Царьградѣ цари теперь басурманскіе, гонители; настали для васъ злыя времена, и какъ-то вы съ ними перебиваетесь?“

—„Правда, отвѣчалъ Максимъ, цари у насъ нечестивые, однако въ церковныя дѣла у насъ они не вступаются“.

—„Ну, возразилъ Берсень, хоть у васъ цари и нечестивые, да ежели такъ поступаютъ, стало быть, у васъ еще есть Богъ“.

И какъ бы въ оправданіе проглоченной мысли, что въ Москвѣ уже нѣтъ Бога, опальный совѣтникъ пожаловался Максиму на московскаго митрополита, который въ угоду государю не ходатайствуетъ по долгу сана за опальныхъ, и вдругъ, давая волю своему возбужденному пессимизму, Берсень обрушился и на своего собесѣдника.

—„Да вотъ и тебя, господинъ Максимъ, взяли мы со Св. Горы, а какую пользу отъ тебя получили?“

—„Я—сиротина, отвѣчалъ Максимъ обидчиво: какой же отъ меня и пользѣ быть?“

—„Нѣтъ, возразилъ Берсень, ты человѣкъ разумный и могъ бы намъ пользу принести, и пригоже намъ было

тебя спрашивать, какъ государю землю свою устроить, какъ людей награждать и какъ митрополиту вести себя".

—„У васъ есть книги и правила, сказалъ Максимъ, можете и сами устроиться".

Берсень хотѣлъ сказать, что государь въ устроеніи своей земли не спрашивалъ и не слушалъ разумныхъ совѣтовъ и потому строилъ ее неудовлетворительно. Это „несовѣтіе", „высокоуміе", кажется, всего больше огорчало Берсеня въ образѣ дѣйствій в. кн. Василія. Онъ еще снисходительно относился къ Васильеву отцу: Иванъ III, по его словамъ, былъ добръ и до людей ласковъ, а потому и Богъ помогалъ ему во всемъ; онъ любилъ „встрѣчу", возраженіе противъ себя. „А нынѣшній государь, жаловался Берсень, не таковъ: людей мало жалуетъ, упрямъ, встрѣчи противъ себя не любитъ и раздражается на тѣхъ, кто ему встрѣчу говоритъ".

Итакъ Берсень очень недоволенъ государемъ; но это недовольство совершенно консервативнаго характера: съ недавняго времени старые московскіе порядки стали шататься и шатать ихъ сталъ самъ государь—вотъ на что̀ особенно жаловался Берсень. При этомъ онъ излагалъ цѣлую философію политическаго консерватизма.

—„Самъ ты знаешь, говорилъ онъ Максиму, да и мы слыхали отъ разумныхъ людей, что которая земля перестанавливаетъ свои обычаи, та земля недолго стоитъ, а здѣсь у насъ старые обычаи нынѣшній великій князь перемѣнилъ: такъ какого же добра и ждать отъ насъ?"

Максимъ возразилъ, что Богъ наказываетъ народы за нарушеніе Его заповѣдей, но что обычаи царскіе и земскіе перемѣняются государями по соображенію обстоятельствъ и государственныхъ интересовъ.

—„Такъ-то такъ, возразилъ Берсень, а все-таки лучше

старыхъ обычаевъ держаться, людей жаловать и стариковъ почитать; а нынѣ государь нашъ, запершись самъ третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ".

Этой перемѣной обычаевъ Берсень объясняетъ внѣшнія затрудненія и внутреннія неурядицы, какія тогда переживала Русская земля. Первой виновницей этого отступничества отъ старыхъ обычаевъ, сѣятельницей этой измѣны родной старинѣ Берсень считаетъ мать великаго князя.

— „Какъ пришли сюда греки, говорилъ онъ Максиму, такъ земля наша и замѣшалась, а до тѣхъ поръ земля наша Русская въ мирѣ и тишинѣ жила. Какъ пришла сюда мать вел. князя вел. княгиня Софья съ вашими греками, такъ и пошли у насъ нестроенія великія, какъ и у васъ въ Царѣ-городѣ при вашихъ царяхъ".

Максимъ Грекъ счелъ долгомъ заступиться за землячку, и возразилъ:

— „Великая княгиня Софья съ обѣихъ сторонъ была роду великаго—по отцу царскаго роду цареградскаго, а по матери великаго дуксуса феррарійскаго Италійской страны".

— „Господинъ! какова бы она ни была, да къ нашему нестроенію пришла"—такъ заключилъ Берсень свою бесѣду.

Итакъ, если Берсень точно выражалъ взгляды современнаго ему оппозиціоннаго боярства, оно было недовольно нарушеніемъ установленныхъ обычаемъ правительственныхъ порядковъ, недовѣріемъ государя къ своимъ боярамъ и тѣмъ, что рядомъ съ Боярской думой онъ завелъ особый интимный кабинетъ изъ немногихъ довѣренныхъ лицъ, съ которыми предварительно обсуждалъ и даже предрѣшалъ государственные вопросы, подлежавшіе восхожденію въ Боярскую думу. Берсень не требуетъ никакихъ

новыхъ правъ для боярства, а только отстаиваетъ старые обычаи, нарушае́мые государемъ; онъ—оппозиціонный консерваторъ, противникъ государя, потому что стоитъ противъ вводимыхъ государемъ перемѣнъ.

Боярское правленіе.

По смерти Василія, въ малолѣтство его сына, требовавшее продолжительной опеки, власть надолго попала въ руки бояръ. Теперь они могли распорядиться государствомъ по-своему, осуществить свои политическіе идеалы и согласно съ ними перестроить государственный порядокъ. Но они не пытались строить никакого новаго государственнаго порядка. Раздѣлившись на партіи князей Шуйскихъ и Бѣльскихъ, бояре повели ожесточенныя усобицы другъ съ другомъ изъ личныхъ или фамильныхъ счетовъ, а не за какой-либо государственный порядокъ. Въ продолженіе десяти лѣтъ со смерти правительницы Елены (1538) они вели эти усобицы, и это десятилѣтіе прошло не только безплодно для политическаго положенія боярства, но и уронило его политическій авторитетъ въ глазахъ русскаго общества. Всѣ увидѣли, какая анархическая сила это боярство, если оно не сдерживается сильной рукой; но причина его разлада съ государемъ и на этотъ разъ не выяснилась.

Переписка царя съ Курбскимъ.

Въ царствованіе Грознаго, когда возобновилось столкновеніе, обѣ ссорившіяся стороны имѣли случай высказать яснѣе свои политическіе взгляды и объяснить причины взаимнаго нелюбья. Въ 1564 г. бояринъ кн. А. М. Курбскій, сверстникъ и любимецъ царя Ивана, герой казанской и ливонской войны, командуя московскими полками въ Ливоніи, проигралъ тамъ одну битву и, боясь царскаго гнѣва за эту ли неудачу, или за связь съ павшими Сильвестромъ и Адашевымъ, убѣжалъ къ польскому королю, покинувъ въ Дерптѣ, гдѣ былъ воеводой, свою

жену съ малолѣтнимъ сыномъ. Онъ принялъ дѣятельное участіе въ польской войнѣ противъ своего царя и отечества. Но бѣглый бояринъ не хотѣлъ молча разстаться со своимъ покинутымъ государемъ: съ чужбины, изъ Литвы онъ написалъ рѣзкое укоризненное, „досадительное“ посланіе Ивану, укоряя его въ жестокомъ обращеніи съ боярами. Царь Иванъ, самъ „словесной мудрости риторъ“, какъ его звали современники, не хотѣлъ остаться въ долгу у бѣглеца и отвѣчалъ ему длиннымъ оправдательнымъ посланіемъ, „широковѣщательнымъ и многошумящимъ“, какъ назвалъ его кн. Курбскій, на которое послѣдній возражалъ. Переписка съ длинными перерывами шла въ 1564—1579 гг. Кн. Курбскій написалъ всего четыре письма, царь Иванъ—два; но его первое письмо составляетъ по объему больше половины всей переписки (62 изъ 100 страницъ по изданію Устрялова). Кромѣ того Курбскій написалъ въ Литвѣ обвинительную *Исторію князя великаго московскаго*, т. е. царя Ивана, гдѣ также выражалъ политическія воззрѣнія своей боярской братіи. Такъ обѣ стороны какъ бы исповѣдались другъ другу, и можно было бы ожидать, что онѣ полно и откровенно высказали свои политическія воззрѣнія, т. е. вскрыли причины взаимной непріязни. Но и въ этой полемикѣ, веденной обѣими сторонами съ большимъ жаромъ и талантомъ, не находимъ прямого и яснаго отвѣта на вопросъ объ этихъ причинахъ, и она не выводитъ читателя изъ недоумѣнія. Письма кн. Курбскаго наполнены преимущественно личными или сословными упреками и политическими жалобами; въ *Исторіи* онъ высказываетъ и нѣсколько общихъ политическихъ и историческихъ сужденій.

Сужденія Курбскаго.

Свою Исторію царя Ивана онъ начинаетъ заунывнымъ раздумьемъ. „Много разъ докучали мнѣ вопросомъ: какъ

все это приключилось отъ столь добраго прежде и прекраснаго царя, для отечества пренебрегавшаго своимъ здоровьемъ, понесшаго тяжкіе труды и бѣды въ борьбѣ съ врагами креста Христова и отъ всѣхъ пользовавшагося доброй славой? И много разъ со вздохомъ и слезами молчалъ я на этотъ вопросъ,—не хотѣлось отвѣчать; наконецъ вынужденъ былъ сказать хоть что-нибудь объ этихъ происшествіяхъ и такъ отвѣчалъ на учащенные вопросы: если бы разсказывать съ начала и по порядку, много пришлось бы мнѣ писать о томъ, какъ въ предобрый русскихъ князей родъ посѣялъ дьяволъ злые нравы, особенно злыми ихъ женами чародѣйками, какъ это было и у израильскихъ царей, болѣе же всего тѣми, которыя взяты были изъ иноплеменниковъ". Значитъ, во взглядѣ на ближайшее московское прошлое и кн. Курбскій стоитъ на точкѣ зрѣнія Берсеня, видитъ корень зла въ царевнѣ Софьѣ, за которой слѣдовала такая же иноземка Елена Глинская, мать царя. Впрочемъ и безъ того какъ-то предобрый нѣкогда русскихъ князей родъ выродился въ московскій, „этотъ нашъ издавна кровопійственный родъ", какъ выразился Курбскій въ письмѣ къ царю. „Обычай у московскихъ князей издавна, пишетъ онъ въ Исторіи, желать братій своихъ крови и губить ихъ убогихъ ради и окаянныхъ вотчинъ, несытства ради своего". Попадаются у Курбскаго и политическія сужденія, похожія на принципы, на теорію. Онъ считаетъ нормальнымъ только такой государственный порядокъ, который основанъ не на личномъ усмотрѣніи самовластія, а на участіи „синклита", боярскаго совѣта въ управленіи; чтобы вести государственныя дѣла успѣшно и благочинно, государю необходимо совѣтоваться съ боярами. Царю подобаетъ быть главой, а мудрыхъ совѣтниковъ своихъ любить, „яко свои уды": такъ

выражаетъ Курбскій правильныя, благочинныя отношенія царя къ боярамъ. Вся его Исторія построена на одной мысли—о благотворномъ дѣйствіи боярскаго совѣта: царь правилъ мудро и славно, пока былъ окруженъ доброродными и правдивыми совѣтниками. Впрочемъ государь долженъ дѣлиться своими царскими думами не съ одними великородными и правдивыми совѣтниками: кн. Курбскій допускаетъ и народное участіе въ управленіи, стоитъ за пользу и необходимость земскаго собора. Въ своей Исторіи онъ высказываетъ такой политическій тезисъ: „если царь и почтенъ царствомъ,но не получилъ отъ Бога какихъ-либо дарованій, онъ долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у своихъ совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ, потому что даръ духа дается не по богатству внѣшнему и не по могуществу власти, но по правотѣ душевной". Подъ этими *всенародными человѣками* Курбскій могъ разумѣть только собраніе людей, призываемыхъ для совѣта изъ разныхъ сословій, отъ всей земли: келейныя совѣщанія съ отдѣльными лицами едвали ему были желательны. Вотъ почти и всѣ политическія воззрѣнія Курбскаго. Князь стоитъ за правительственное значеніе боярскаго совѣта и за участіе земскаго собора въ управленіи. Но онъ мечтаетъ о вчерашнемъ днѣ, запоздалъ со своими мечтами. Ни правительственное значеніе боярскаго совѣта, ни участіе земскаго собора въ управленіи не были уже въ то время идеалами, не могли быть политическими мечтами. Боярскій совѣтъ и земскій соборъ были уже въ то время политическими фактами, первый фактомъ очень старымъ, а второй—явленіемъ еще недавнимъ, и оба—фактами, хорошо знакомыми нашему публицисту. Искони государи русскіе и московскіе думали о всякихъ дѣлахъ, законодательствовали со своими боя-

рами. Въ 1550 г. созванъ былъ и первый земскій соборъ, и кн. Курбскій долженъ былъ хорошо помнить это событіе, когда царь обратился за совѣтомъ ко „всенароднымъ человѣкамъ“, къ простымъ земскимъ людямъ. Итакъ кн. Курбскій стоитъ за существующіе факты; его политическая программа не идетъ за предѣлы дѣйствующаго государственнаго порядка: онъ не требуетъ ни новыхъ правъ для бояръ, ни новыхъ обезпеченій для ихъ старыхъ правъ, вообще не требуетъ перестройки наличнаго государства. Въ этомъ отношеніи онъ развѣ только немного идетъ дальше своего предшественника И. Н. Берсеня Беклемишева, и рѣзко осуждая московское прошлое, ничего не умѣетъ придумать лучше этого прошлаго.

Возраженіе царя.

Теперь послушаемъ другую сторону. Царь Иванъ пишетъ менѣе спокойно и складно. Раздраженіе тѣснитъ его мысль множествомъ чувствъ, образовъ и помысловъ, которыхъ онъ не умѣетъ уложить въ рамки послѣдовательнаго и спокойнаго изложенія. Новая фраза, навернувшаяся кстати, заставляетъ его повертывать рѣчь въ другую сторону, забывая главную мысль, не договаривая начатаго. Поэтому нелегко уловить его основныя мысли и тенденціи въ этой пѣнѣ нервной діалектики. Разгораясь, рѣчь его становится жгучей. „Письмо твое принято, пишетъ царь, и прочитано внимательно. Ядъ аспида у тебя подъ языкомъ, и письмо твое наполнено медомъ словъ, но въ немъ—горечь полыни. Такъ ли привыкъ ты, христіанинъ, служить христіанскому государю? Ты пишешь въ началѣ, чтобы разумѣвалъ тотъ, кто обрѣтается противнымъ православію и совѣсть прокаженную имѣетъ. Подобно бѣсамъ отъ юности моей вы поколебали благочестіе и Богомъ данную мнѣ державную власть себѣ похитили“. Это возраженіе—основной мотивъ въ письмахъ царя. Мысль о по-

хищеніи царской власти боярами больше всего и возмущаетъ Ивана. Онъ возражаетъ не на отдѣльныя выраженія кн. Курбскаго, а на весь политическій образъ мыслей боярства, защитникомъ котораго выступилъ Курбскій. „Вѣдь ты, пишетъ ему царь, въ своей бѣсосоставной грамотѣ твердишь все одно и то же, переворачивая „разными словесы“, и такъ, и этакъ, любезную тебѣ мысль, чтобы рабамъ помимо господъ обладать властью“,—хотя въ письмѣ Курбскаго ничего этого не было написано. „Это ли, продолжаетъ царь, совѣсть прокаженная, чтобы царство свое въ своей рукѣ держать, а рабамъ своимъ не давать властвовать? Это ли противно разуму—не хотѣть быть обладаему своими рабами? Это ли православіе пресвѣтлое—быть подъ властью рабовъ?“ Все *рабы* и *рабы* и никого больше кромѣ *рабовъ*. Курбскій толкуетъ царю о мудрыхъ совѣтникахъ, о синклитѣ, а царь не признаетъ никакихъ мудрыхъ совѣтниковъ, для него не существуетъ никакого синклита, а есть только люди, служащіе при его дворѣ, дворовые холопы. Онъ знаетъ одно, что „земля правится Божіимъ милосердіемъ и родителей нашихъ благословеніемъ, а потомъ нами, своими государями, а не судьями и воеводами, не ипатами и стратигами“. Всѣ политическіе помыслы царя сводятся къ одной идеѣ, къ мысли о самодержавной власти. Самодержавіе для Ивана не только нормальный, свыше установленный государственный порядокъ, но и исконный фактъ нашей исторіи, идущій изъ глубины вѣковъ. „Самодержавства нашего начало отъ святаго Владиміра; мы родились и выросли на царствѣ, своимъ обладаемъ, а не чужое похитили; русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и вельможи“. Царь Иванъ былъ первый, кто высказалъ на Руси такой взглядъ на самодержавіе: древ-

няя Русь не знала такого взгляда, не соединяла съ идеей самодержавія внутреннихъ политическихъ отношеній, считая самодержцемъ только властителя, независимаго отъ внѣшней силы. Царь Иванъ обратилъ первый вниманіе на эту внутреннюю сторону верховной власти и глубоко проникся своимъ новымъ взглядомъ: черезъ все свое длинное-предлинное первое посланіе проводитъ онъ эту идею, оборачивая одно слово, по его собственному признанію, „сѣмо и овамо", то туда, то сюда. Всѣ его политическія идеи сводятся къ одному этому идеалу, къ образу самодержавнаго царя, не управляемаго ни „попами", ни „рабами". „Како же самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?" Многовластіе — безуміе. Этой самодержавной власти Иванъ даетъ божественное происхожденіе и указываетъ ей не только политическое, но и высокое религіозно-нравственное назначеніе: „Тщусь со усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да отстанутъ, коими царства разрушаются; ибо если царю не повинуются подвластные, то никогда междоусобныя брани не прекратятся". Столь возвышенному назначенію власти должны соотвѣтствовать многоразличныя свойства, требуемыя отъ самодержца. Онъ долженъ быть осмотрителенъ, не имѣть ни звѣрской ярости, ни безсловеснаго смиренія, долженъ карать татей и разбойниковъ, быть и милостивымъ, и жестокимъ, милостивымъ къ добрымъ и жестокимъ къ злымъ: не то—онъ и не царь. „Царь—гроза не для добрыхъ, а для злыхъ дѣлъ; хочешь не бояться власти—дѣлай добро а дѣлаешь зло—бойся, ибо царь не зря носитъ мечъ, а для кары злыхъ и для ободренія добрыхъ". Никогда у насъ до Петра Ве-

ликаго верховная власть въ отвлеченномъ самосознаніи не поднималась до такого отчетливаго, по крайней мѣрѣ до такого энергическаго выраженія своихъ задачъ. Но когда дѣло дошло до практическаго самоопредѣленія, этотъ полетъ политической мысли кончился крушеніемъ. Вся философія самодержавія у царя Ивана свелась къ одному простому заключенію: „жаловать своихъ холопей мы вольны и казнить ихъ вольны же". Для подобной формулы вовсе не требовалось такого напряженія мысли. Удѣльные князья приходили къ тому же заключенію безъ помощи возвышеннныхъ теорій самодержавія и даже выражались почти тѣми же словами: „я, князь такой-то, воленъ, кого жалую, кого казню". Здѣсь и въ царѣ Иванѣ, какъ нѣкогда въ его дѣдѣ, вотчинникъ торжествовалъ надъ государемъ.

Характеръ переписки.

Такова политическая программа царя Ивана. Столь рѣзко и своеобразно выраженная идея самодержавной власти, однако, не развивается у него въ опредѣленный, разработанный политическій порядокъ; изъ нея не извлекаются практическія послѣдствія. Царь нигдѣ не говоритъ, согласенъ ли его политическій идеалъ съ существующимъ государственнымъ устройствомъ, или требуетъ новаго, можетъ ли, напримѣръ, его самодержавная власть дѣйствовать объ руку съ наличнымъ боярствомъ, только измѣнивъ его политическіе нравы и привычки, или должна создать совсѣмъ иныя орудія управленія. Можно только почувствовать, что царь тяготится своимъ боярствомъ. Но противъ самодержавія, какъ его тогда понимали въ Москвѣ, самодержавія, идущаго отъ св. Владиміра, не возставало прямо и боярство. Бояре признавали самодержавную власть московскаго государя, какъ ее создала исторія. Они только настаивали на необходимости и пользѣ участія въ управленіи другой политической силы, создан-

ной той же исторіей,—боярства, и даже призывали въ помощь обѣимъ этимъ силамъ третью — земское представительство. Несправедливо было со стороны царя обвинять бояръ и въ самоволіи „попа невѣжи“ Сильвестра и „собаки“ Адашева: Иванъ могъ пенять за это только на самого себя, потому что самъ далъ неподобающую власть этимъ людямъ, къ боярству и не принадлежавшимъ, сдѣлалъ ихъ временщиками. Изъ-за чего же шелъ споръ? Обѣ стороны отстаивали существующее. Чувствуется, что онѣ какъ будто не вполнѣ понимали другъ друга, что какое-то недоразумѣніе раздѣляло обоихъ спорщиковъ. Это недоразумѣніе заключалось въ томъ, что въ ихъ перепискѣ столкнулись не два политическіе образа мыслей, а два политическія настроенія; они не столько полемизируютъ другъ съ другомъ, сколько исповѣдуются одинъ другому. Курбскій такъ прямо и назвалъ царское посланіе исповѣдью, насмѣшливо замѣтивъ, что не будучи пресвитеромъ, не считаетъ себя достойнымъ и краемъ уха послушать царской исповѣди. Каждый изъ нихъ твердитъ свое и плохо слушаетъ противника. — За что ты бьешь насъ, вѣрныхъ слугъ своихъ? спрашиваетъ князь Курбскій.—Нѣтъ, отвѣчаетъ ему царь Иванъ, русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ своими царствами, а не бояре и не вельможи. Въ такой простѣйшей формѣ можно выразить сущность знаменитой переписки. Но плохо понимая одинъ другого и свое настоящее положеніе, оба противника доспорились до предвидѣнія будущаго, до пророчества и—предсказали другъ другу обоюдную гибель. Въ посланіи 1579 г., напомнивъ царю гибель Саула съ его царскимъ домомъ, Курбскій продолжаетъ: „не губи себя и дому твоего... облитые кровью христіанской исчезнутъ вскорѣ со всѣмъ домомъ“. Курбскій представлялъ свою родовитую братію

какимъ-то избраннымъ племенемъ, на которомъ почіетъ особое благословеніе, и кололъ глаза царю затрудненіемъ, какое онъ самъ себѣ создалъ, перебивъ и разогнавъ „сильныхъ во Израилѣ“, богоданныхъ воеводъ своихъ, и оставшись съ худородными „воеводишками“, которые пугаются не только появленія непріятеля, но и шелеста листьевъ, колеблемыхъ вѣтромъ. На эти попреки царь отвѣтилъ исторической угрозой: „когда бы вы были чада Авраамовы, то и дѣла творили бы Авраамовы; но можетъ Богъ и изъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму“. Эти слова написаны были въ 1564 гору, въ то самое время, когда царь задумывалъ смѣлое дѣло, подготовку новаго правящаго класса, который долженъ былъ придти на смѣну ненавистному боярству.

Династическое происхожденіе разлада.

Итакъ обѣ спорившія стороны были недовольны другъ другомъ и государственнымъ порядкомъ, въ которомъ дѣйствовали, которымъ даже руководили. Но ни та, ни другая сторона не могла придумать другого порядка, который бы соотвѣтствовалъ ея желаніямъ, потому что все, чего желали онѣ, уже практиковалось или было испробовано. Если однако онѣ спорили и враждовали другъ съ другомъ, это происходило отъ того, что настоящей причиной раздора былъ не вопросъ о государственномъ порядкѣ. Политическія сужденія и упреки высказывались лишь въ оправданіе обоюднаго недовольства, шедшаго изъ другого источника. Мы уже знаемъ, что раздоръ съ особенной силой обнаруживался два раза и по одинаковому поводу, по вопросу о наслѣдникѣ престола: государь назначалъ одного, бояре хотѣли другого. Такъ разладъ обѣихъ сторонъ имѣлъ собственно не политическій, а династическій источникъ. Дѣло шло не о томъ, какъ править государствомъ, а о томъ, кто будетъ имъ править. И здѣсь съ

обѣихъ сторонъ сказались преломленныя ходомъ дѣлъ привычки удѣльнаго времени. Тогда бояринъ выбиралъ себѣ князя, переѣзжая отъ одного княжескаго двора къ другому. Теперь, когда уѣхать изъ Москвы стало некуда или неудобно, бояре хотѣли выбирать между наслѣдниками престола, когда представлялся случай. Свое притязаніе они могли оправдывать отсутствіемъ закона о престолонаслѣдіи. Здѣсь имъ помогъ самъ московскій государь. Сознавъ себя національнымъ государемъ всея Руси, онъ на половину своего самосознанія остался удѣльнымъ вотчинникомъ и не хотѣлъ ни поступиться кому-либо своимъ правомъ предсмертнаго распоряженія вотчиной, ни закономъ ограничить своей личной воли: „кому хочу, тому и дамъ княжество". Стороннее вмѣшательство въ эту личную волю государя трогало его больнѣе, чѣмъ могъ трогать какой-либо общій вопросъ о государственномъ порядкѣ. Отсюда обоюдное недовѣріе и раздраженіе. Но когда приходилось выражать эти чувства устно или письменно, затрогивались и общіе вопросы, и тогда обнаруживалось, что дѣйствовавшій государственный порядокъ страдалъ противорѣчіями, частично отвѣчалъ противоположнымъ интересамъ, никого вполнѣ не удовлетворяя. Эти противорѣчія и вскрылись въ опричнинѣ, въ которой царь Иванъ искалъ выхода изъ непріятнаго положенія.

Лекція XXIX.

Обстоятельства, подготовившія учрежденіе опричнины.—Необычайный отъѣздъ царя изъ Москвы и его посланія въ столицу.—Возвращеніе царя.—Указъ объ опричнинѣ.—Жизнь царя въ Александровской слободѣ.—Отношеніе опричнины къ земщинѣ.—Назначеніе опричнины.—Противорѣчіе въ строѣ Московскаго государства.—Мысль о смѣнѣ боярства дворянствомъ.—Безцѣльность опричнины.—Сужденія о ней современниковъ.

Изложу напередъ обстоятельства, при которыхъ явилась эта злополучная *опричнина*.

Едва вышедши изъ малолѣтства, еще не имѣя 20 лѣтъ, царь Иванъ съ необычайной для его возраста энергіей принялся за дѣла правленія. Тогда по указаніямъ умныхъ руководителей царя митрополита Макарія и священника Сильвестра изъ боярства, разбившагося на враждебные кружки, выдвинулось и стало около престола нѣсколько дѣльныхъ, благомыслящихъ и даровитыхъ совѣтниковъ, „избранная рада", какъ называетъ кн. Курбскій этотъ совѣтъ, очевидно, получившій фактическое господство въ Боярской думѣ, вообще въ центральномъ управленіи. Съ этими довѣренными людьми царь и началъ править государствомъ. Въ этой правительственной дѣятельности, обнаруживающейся съ 1550 г., смѣлыя внѣшнія предпріятія шли рядомъ съ широкими и хорошо обдуманными планами внутреннихъ преобразованій. Въ 1550 г. былъ созванъ первый земскій соборъ, на которомъ обсуждали, какъ устроить

Обстоятельства, подготовившія опричнину.

мѣстное управленіе, и рѣшили пересмотрѣть и исправить старый Судебникъ Ивана III и выработать новый, лучшій порядокъ судопроизводства. Въ 1551 г. созванъ былъ большой церковный соборъ, которому царь предложилъ обширный проектъ церковныхъ реформъ, имѣвшій цѣлью привести въ порядокъ религіозно-нравственную жизнь народа. Въ 1552 г. было завоевано царство Казанское, и тотчасъ послѣ того начали вырабатывать сложный планъ мѣстныхъ земскихъ учрежденій, которыми предназначено было замѣнить коронныхъ областныхъ управителей, „кормленщиковъ“: вводилось земское самоуправленіе. Въ 1558 г. начата была ливонская война съ цѣлью пробиться къ Балтійскому морю и завязать непосредственныя сношенія съ западной Европой, пользоваться ея богатой культурой. Во всѣхъ этихъ важныхъ предпріятіяхъ, повторяю, Ивану помогали сотрудники, которые сосредоточивались около двухъ лицъ, особенно близкихъ къ царю, священника Сильвестра и Алексѣя Адашева, начальника Челобитнаго приказа, по нашему статсъ-секретаря у принятія прошеній на Высочайшее имя. Разныя причины, частью домашнія недоразумѣнія, частью несогласіе въ политическихъ взглядахъ охладили царя къ его избраннымъ совѣтникамъ. Разгоравшаяся непріязнь ихъ къ родственникамъ царицы Захарьинымъ повела къ удаленію отъ двора Адашева и Сильвестра, а случившуюся при такихъ обстоятельствахъ въ 1560 г. смерть Анастасіи царь приписалъ огорченіямъ, какія потерпѣла покойная отъ этихъ дворцовыхъ дрязгъ. „Зачѣмъ вы разлучили меня съ моей женой? болѣзненно спрашивалъ Иванъ Курбскаго въ письмѣ къ нему 18 лѣтъ спустя послѣ этого семейнаго несчастія: только бы у меня не отняли юницы моей, кроновыхъ жертвъ (боярскихъ казней) не было бы“. Наконецъ бѣгство кн. Курбскаго, ближайшаго и даровитѣй-

шаго сотрудника, произвело окончательный разрывъ. Нервный и одинокій, Иванъ потерялъ нравственное равновѣсіе, всегда шаткое у нервныхъ людей, когда они остаются одинокими.

Отъѣздъ царя изъ Москвы и его посланія.

При такомъ настроеніи царя въ московскомъ Кремлѣ случилось странное, небывалое событіе. Разъ въ концѣ 1564 г. тамъ появилось множество саней. Царь, ничего никому не говоря, собрался со всей своей семьей и съ нѣкоторыми придворными куда-то въ дальній путь, захватилъ съ собой утварь, иконы и кресты, платье и всю свою казну и выѣхалъ изъ столицы. Видно было, что это ни обычная богомольная, ни увеселительная поѣздка царя, а цѣлое переселеніе. Москва оставалась въ недоумѣніи, не догадываясь, что задумалъ хозяинъ. Побывавъ у Троицы, царь со всѣмъ багажомъ остановился въ Александровской слободѣ: нынѣ это—Александровъ, уѣздный городъ Владимірской губ. Отсюда черезъ мѣсяцъ по отъѣздѣ царь прислалъ въ Москву двѣ грамоты. Въ одной, описавъ беззаконія боярскаго правленія въ свое малолѣтство, онъ клалъ свой государевъ гнѣвъ на все духовенство и бояръ, на всѣхъ служилыхъ и приказныхъ людей, поголовно обвиняя ихъ въ томъ, что они о государѣ, государствѣ и обо всемъ православномъ христіанствѣ не радѣли, отъ враговъ ихъ не обороняли, напротивъ, сами притѣсняли христіанъ, расхищали казну и земли государевы, а духовенство покрывало виновныхъ, защищало ихъ, ходатайствуя за нихъ предъ государемъ. И вотъ царь, гласила грамота, „отъ великой жалости сердца“, не стерпѣвъ всѣхъ этихъ измѣнъ, покинулъ свое царство и пошелъ поселиться гдѣ-нибудь, гдѣ ему Богъ укажетъ. Это—какъ будто отреченіе отъ престола съ цѣлью испытать силу своей власти въ народѣ. Московскому простонародью, купцамъ и всѣмъ тяглымъ людямъ

столицы царь прислалъ другую грамоту, которую имъ прочитали всенародно на площади. Здѣсь царь писалъ, чтобы они сомнѣнія не держали, что царской опалы и гнѣва на нихъ нѣтъ. Все замерло, столица мгновенно прервала свои обычныя занятія: лавки закрылись, приказы опустѣли, пѣсни замолкли. Въ смятеніи и ужасѣ городъ завопилъ, прося митрополита, епископовъ и бояръ ѣхать въ слободу, бить челомъ государю, чтобы онъ не покидалъ государства. При этомъ простые люди кричали, чтобы государь вернулся на царство оборонять ихъ отъ волковъ и хищныхъ людей, а за государскихъ измѣнниковъ и лиходѣевъ они не стоятъ и сами ихъ истребятъ.

Возвращеніе царя.

Въ слободу отправилась депутація изъ высшаго духовенства, бояръ и приказныхъ людей съ архіепископомъ новгородскимъ Пименомъ во главѣ, сопровождаемая многими купцами и другими людьми, которые шли бить челомъ государю и плакаться, чтобы государь правилъ, какъ ему угодно, на всей своей государской волѣ. Царь принялъ земское челобитье, согласился воротиться на царство, „паки взять свои государства", но на условіяхъ, которыя обѣщалъ объявить послѣ. Черезъ нѣсколько времени, въ февралѣ 1565 г., царь торжественно воротился въ столицу и созвалъ государственный совѣтъ изъ бояръ и высшаго духовенства. Его здѣсь не узнали: небольшіе сѣрые проницательные глаза погасли, всегда оживленное и привѣтливое лицо осунулось и высматривало нелюдимо, на головѣ и въ бородѣ отъ прежнихъ волосъ уцѣлѣли только остатки. Очевидно, два мѣсяца отсутствія царь провелъ въ страшномъ душевномъ состояніи, не зная, чѣмъ кончится его затѣя. Въ совѣтѣ онъ предложилъ условія, на которыхъ принималъ обратно брошенную имъ власть. Условія эти состояли въ томъ, чтобы ему на измѣнниковъ своихъ и ослушниковъ опалы

класть, а иныхъ и казнить, имущество ихъ брать на себя въ казну, чтобы духовенство, бояре и приказные люди все это положили на его государевой волѣ, ему въ томъ не мѣшали. Царь какъ будто выпросилъ себѣ у государственнаго совѣта полицейскую диктатуру: своеобразная форма договора государя съ народомъ!

Указъ объ опричнинѣ.

Для расправы съ измѣнниками и ослушниками царь предложилъ учредить *опричнину*. Это былъ особый дворъ, какой образовалъ себѣ царь, съ особыми боярами, съ особыми дворецкимъ, казначеями и прочими управителями, дьяками, всякими приказными и дворовыми людьми, съ цѣлымъ придворнымъ штатомъ. Лѣтописецъ усиленно ударяетъ на это выраженіе „особной дворъ", на то, что царь приговорилъ все на этомъ дворѣ „учините себѣ особно". Изъ служилыхъ людей онъ отобралъ въ опричнину 1000 человѣкъ, которымъ въ столицѣ на посадѣ за стѣнами Бѣлаго города, за линіей нынѣшнихъ бульваровъ, отведены были улицы (Пречистенка, Сивцевъ вражекъ, Арбатъ и лѣвая отъ города сторона Никитской) съ нѣсколькими слободами до Новодѣвичьяго монастыря; прежніе обыватели этихъ улицъ и слободъ изъ служилыхъ и приказныхъ людей были выселены изъ своихъ домовъ въ другія улицы московскаго посада. На содержаніе этого двора, „на свой обиходъ" и своихъ дѣтей, царевичей Ивана и Ѳеодора, онъ выдѣлилъ изъ своего государства до 20 городовъ съ уѣздами и нѣсколько отдѣльныхъ волостей, въ которыхъ земли розданы были опричникамъ, а прежніе землевладѣльцы выведены были изъ своихъ вотчинъ и помѣстій и получили земли въ неопричныхъ уѣздахъ. До 12,000 этихъ выселенцевъ зимой съ семействами шли пѣшкомъ изъ отнятыхъ у нихъ усадебъ на отдаленныя пустыя помѣстья, имъ отведенныя. Эта выдѣленная изъ государства оприч-

ная часть не была цѣльная область, сплошная территорія, составилась изъ селъ, волостей и городовъ, даже только частей иныхъ городовъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ, преимущественно въ центральныхъ и сѣверныхъ уѣздахъ (Вязьма, Козельскъ, Суздаль, Галичъ, Вологда, Старая Руса, Каргополь и др.; послѣ взята въ опричнину Торговая сторона Новгорода). „Государство же свое Московское", т.-е. всю остальную землю, подвластную московскому государю, съ ея воинствомъ, судомъ и управой царь приказалъ вѣдать и всякія дѣла земскія дѣлать боярамъ, которымъ велѣлъ быть „въ земскихъ", и эта половина государства получила названіе *земщины*. Всѣ центральныя правительственныя учрежденія, оставшіяся въ земщинѣ, *приказы*, должны были дѣйствовать попрежнему, „управу чинить по старинѣ", обращаясь по всякимъ важнымъ земскимъ дѣламъ въ думу земскихъ бояръ, которая правила земщиной, докладывая государю только о военныхъ и важнѣйшихъ земскихъ дѣлахъ. Такъ все государство раздѣлилось на двѣ части, на земщину и опричнину: во главѣ первой осталась Боярская дума, во главѣ второй непосредственно сталъ самъ царь, не отказываясь и отъ верховнаго руководительства думой земскихъ бояръ. „За подъемъ же свой", т.-е. на покрытіе издержекъ по выѣзду изъ столицы, царь взыскалъ съ земщины, какъ бы за служебную командировку по ея дѣламъ, подъемныя деньги—100,000 р. (около 5,000,000 р. на наши деньги). Такъ изложила старая лѣтопись не дошедшій до насъ „указъ объ опричнинѣ", повидимому заранѣе заготовленный еще въ Александровской слободѣ и прочитанный на засѣданіи государственнаго совѣта въ Москвѣ. Царь спѣшилъ: не медля, на другой же день послѣ этого засѣданія, пользуясь предоставленнымъ ему полномочіемъ, онъ при-

нялся на измѣнниковъ своихъ опалы класть, а иныхъ казнить, начавъ съ ближайшихъ сторонниковъ бѣглаго кн. Курбскаго: въ одинъ этотъ день шестеро изъ боярской знати были обезглавлены, а седьмой посаженъ на колъ.

Жизнь въ Слободѣ.

Началось устроеніе опричнины. Прежде всего самъ царь, какъ первый опричникъ, поторопился выйти изъ церемоннаго, чиннаго порядка государевой жизни, установленнаго его отцомъ и дѣдомъ, покинулъ свой наслѣдственный кремлевскій дворецъ, перевезся на новое укрѣпленное подворье, которое велѣлъ построить себѣ гдѣ-то среди своей опричнины между Арбатомъ и Никитской, въ то же время приказалъ своимъ опричнымъ боярамъ и дворянамъ ставить себѣ въ Александровской слободѣ дворы, гдѣ имъ предстояло жить, а также зданія правительственныхъ мѣстъ, предназначенныхъ для управленія опричниной. Скоро онъ и самъ поселился тамъ же, а въ Москву сталъ пріѣзжать „не на великое время". Такъ возникла среди глухихъ лѣсовъ новая резиденція, опричная столица съ дворцомъ, окруженнымъ рвомъ и валомъ, со сторожевыми заставами по дорогамъ. Въ этой берлогѣ царь устроилъ дикую пародію монастыря, подобралъ три сотни самыхъ отъявленныхъ опричниковъ, которые составили *братію*, самъ принялъ званіе игумена, а кн. Аѳ. Вяземскаго облекъ въ санъ келаря, покрылъ этихъ штатныхъ разбойниковъ монашескими скуфейками, черными рясами, сочинилъ для нихъ общежительный уставъ, самъ съ царевичами по утрамъ лазилъ на колокольню звонить къ заутренѣ, въ церкви читалъ и пѣлъ на клиросѣ и клалъ такіе земные поклоны, что со лба его не сходили кровоподтеки. Послѣ обѣдни за трапезой, когда веселая братія объѣдалась и опивалась, царь за аналоемъ читалъ поученія отцовъ церкви о постѣ и воздержаніи, потомъ оди-

15*

ноко обѣдалъ самъ, послѣ обѣда любилъ говорить о законѣ, дремалъ или шелъ въ застѣнокъ присутствовать при пыткѣ заподозрѣнныхъ.

Опричнина и земщина.

Опричнина при первомъ взглядѣ на нее, особенно при такомъ поведеніи царя, представляется учрежденіемъ, лишеннымъ всякаго политическаго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, объявивъ въ посланіи всѣхъ бояръ измѣнниками и расхитителями земли, царь оставилъ управленіе землей въ рукахъ этихъ измѣнниковъ и хищниковъ. Но и у опричнины былъ свой смыслъ, хотя и довольно печальный. Въ ней надо различать территорію и цѣль. Слово *опричнина* въ XVI в. было уже устарѣлымъ терминомъ, который тогдашняя московская лѣтопись перевела выраженіемъ *особный дворъ*. Не царь Иванъ выдумалъ это слово, заимствованное изъ стараго удѣльнаго языка. Въ удѣльное время такъ назывались особыя выдѣленныя владѣнія, преимущественно тѣ, которыя отдавались въ полную собственность княгинямъ-вдовамъ, въ отличіе отъ данныхъ въ пожизненное пользованіе, отъ *прожитковъ*. Опричнина царя Ивана была дворцовое хозяйственно - административное учрежденіе, завѣдывавшее землями, отведенными на содержаніе царскаго двора. Подобное учрежденіе возникло у насъ позднѣе, въ концѣ XVIII в., когда императоръ Павелъ закономъ 5 апрѣля 1797 года объ императорской фамиліи выдѣлилъ „изъ государственныхъ владѣній особыя недвижимыя имѣнія“, въ количествѣ свыше 460 тыс. душъ крестьянъ муж. пола, состоящія „въ государственномъ исчисленіи подъ наименованіемъ дворцовыхъ волостей и деревень“ и получившія названіе *удѣльныхъ*. Разница была лишь въ томъ, что опричнина съ дальнѣйшими присоединеніями захватила чуть не половину всего государства, тогда какъ въ удѣльное вѣдомство имп. Павла

вошла лишь $^1/_{38}$ тогдашняго населенія имперіи. Самъ царь Иванъ смотрѣлъ на учрежденную имъ опричнину, какъ на свое частное владѣніе, на особый дворъ или удѣлъ, который онъ выдѣлилъ изъ состава государства: онъ предназначалъ послѣ себя земщину старшему своему сыну, какъ царю, а опричнину младшему, какъ удѣльному князю. Есть извѣстіе, что во главѣ земщины поставленъ былъ крещеный татаринъ, плѣнный казанскій царь Едигеръ-Симеонъ. Позднѣе, въ 1574 г. царь Иванъ вѣнчалъ на царство другого татарина, касимовскаго хана Саинъ-Булата, въ крещеніи Симеона Бекбулатовича, далъ ему титулъ государя великаго князя *всея Руси*. Переводя этотъ титулъ на нашъ языкъ, можно сказать, что Иванъ назначалъ того и другого Симеона предсѣдателями думы земскихъ бояръ. Симеонъ Бекбулатовичъ правилъ царствомъ два года; потомъ его сослали въ Тверь. Всѣ правительственные указы писались отъ имени этого Симеона, какъ настоящаго всероссійскаго царя, а самъ Иванъ довольствовался скромнымъ титуломъ государя князя, даже не великаго, а просто князя *московскаго*, не всея Руси, ѣздилъ къ Симеону на поклонъ, какъ простой бояринъ, и въ челобитныхъ своихъ къ Симеону величалъ себя княземъ московскимъ Иванцомъ Васильевымъ, который бьетъ челомъ „съ своими дѣтишками“, съ царевичами. Можно думать, что здѣсь не все—политическій маскарадъ. Царь Иванъ противопоставлялъ себя, какъ князя московскаго удѣльнаго, государю всея Руси, стоявшему во главѣ земщины; выставляя себя особымъ, опричнымъ княземъ московскимъ, Иванъ какъ будто признавалъ, что вся остальная Русская земля составляла вѣдомство совѣта, состоявшаго изъ потомковъ ея бывшихъ властителей, князей великихъ и удѣльныхъ, изъ которыхъ состояло высшее

московское боярство, засѣдавшее въ земской думѣ. Послѣ Иванъ переименовалъ опричнину во *дворъ*, бояръ и служилыхъ людей опричныхъ въ бояръ и служилыхъ людей *дворовыхъ*. У царя въ опричнинѣ была своя дума, „свои бояре"; опричной областью управляли особые приказы, однородные со старыми земскими. Дѣла общегосударственныя, какъ бы сказать, имперскія, вела съ докладомъ царю земская дума. Но иные вопросы царь приказывалъ обсуждать всѣмъ боярамъ, земскимъ и опричнымъ, и „бояре обои" ставили общее рѣшеніе.

Назначеніе опричнины.

Но, спрашивается, зачѣмъ понадобилась эта реставрація или эта пародія удѣла? Учрежденію съ такой обветшалой формой и съ такимъ архаичнымъ названіемъ царь указалъ небывалую дотолѣ задачу: опричнина получила значеніе политическаго убѣжища, куда хотѣлъ укрыться царь отъ своего крамольнаго боярства. Мысль, что онъ долженъ бѣжать отъ своихъ бояръ, постепенно овладѣла его умомъ, стала его безотвязной думой. Въ духовной своей, написанной около 1572 года, царь пресерьезно изображаетъ себя изгнанникомъ, скитальцемъ. Здѣсь онъ пишетъ: „по множеству беззаконій моихъ распростерся на меня гнѣвъ Божій, изгнанъ я боярами ради ихъ самовольства изъ своего достоянія и скитаюсь по странамъ". Ему приписывали серьезное намѣреніе бѣжать въ Англію. Итакъ опричнина явилась учрежденіемъ, которое должно было ограждать личную безопасность царя. Ей указана была политическая цѣль, для которой не было особаго учрежденія въ существовавшемъ московскомъ государственномъ устройствѣ. Цѣль эта состояла въ томъ, чтобы истребить крамолу, гнѣздившуюся въ Русской землѣ, преимущественно въ боярской средѣ. Опричнина получила назначеніе высшей полиціи по дѣламъ государственной измѣны.

Отрядъ въ тысячу человѣкъ, зачисленный въ опричнину и потомъ увеличенный до 6 тысячъ, становился корпусомъ дозорщиковъ внутренней крамолы. Малюта Скуратовъ, т.-е. Григорій Яковлевичъ Плещеевъ-Бѣльскій, родичъ св. митрополита Алексія, былъ какъ бы шефомъ этого корпуса, а царь выпросилъ себѣ у духовенства, бояръ и всей земли полицейскую диктатуру для борьбы съ этой крамолой. Какъ спеціальный полицейскій отрядъ, опричнина получила особый мундиръ; у опричника были привязаны къ сѣдлу собачья голова и метла; это были знаки его должности, состоявшей въ томъ, чтобы выслѣживать, вынюхивать и выметать измѣну и грызть государевыхъ злодѣевъ-крамольниковъ. Опричникъ ѣздилъ весь въ черномъ съ головы до ногъ, на ворономъ конѣ въ черной же сбруѣ; потому современники прозвали опричнину „тьмой кромѣшной", говорили о ней: „яко нощь темна". Это былъ какой-то орденъ отшельниковъ, подобно инокамъ отъ земли отрекшихся и съ землей боровшихся, какъ иноки борются съ соблазнами міра. Самый пріемъ въ опричную дружину обставленъ былъ не то монастырской, не то конспиративной торжественностью. Кн. Курбскій въ своей *Исторіи* царя Ивана пишетъ, что царь со всей Русской земли собралъ себѣ „человѣковъ скверныхъ и всякими злостьми исполненныхъ" и обязалъ ихъ страшными клятвами не знаться не только съ друзьями и братьями, но и съ родителями, а служить единственно ему, и на этомъ заставлялъ ихъ цѣловать крестъ. Припомнимъ при этомъ, что̀ я сказалъ о монастырскомъ чинѣ жизни, какой установилъ Иванъ въ слободѣ для своей избранной опричной *братіи*.

Противорѣчіе въ строѣ государства.

Таково было происхожденіе и назначеніе опричнины. Но объяснивъ ея происхожденіе и назначеніе, все-таки

довольно трудно понять ея политическій смыслъ. Легко видѣть, какъ и для чего она возникла, но трудно уяснить себѣ, какъ могла она возникнуть, какъ могла придти царю самая мысль о такомъ учрежденіи. Вѣдь опричнина не отвѣчала на политическій вопросъ, стоявшій тогда на очереди, не устраняла затрудненія, которымъ была вызвана. Затрудненіе создавалось столкновеніями, какія возникали между государемъ и боярствомъ. Источникомъ этихъ столкновеній были не противорѣчивыя политическія стремленія обѣихъ государственныхъ силъ, а одно противорѣчіе въ самомъ политическомъ строѣ Московскаго государства. Государь и боярство не расходилось другъ съ другомъ непримиримо въ своихъ политическихъ идеалахъ, въ планахъ государственнаго порядка, а только натолкнулись на одну несообразность въ установившемся уже государственномъ порядкѣ, съ которой не знали что̀ дѣлать. Что̀ такое было на самомъ дѣлѣ Московское государство въ XVI вѣкѣ? Это была абсолютная монархія, но съ аристократическимъ управленіемъ, т. е. правительственнымъ персоналомъ. Не было политическаго законодательства, которое опредѣляло бы границы верховной власти; но былъ правительственный классъ съ аристократической организаціей, которую признавала сама власть. Эта власть росла вмѣстѣ, одновременно и даже объ руку съ другой политической силой, ее стѣснявшей. Такимъ образомъ характеръ этой власти не соотвѣтствовалъ свойству правительственныхъ орудій, посредствомъ которыхъ она должна была дѣйствовать. Бояре возмнили себя властными совѣтниками государя всея Руси въ то самое время, когда этотъ государь, оставаясь вѣренъ воззрѣнію удѣльнаго вотчинника, согласно съ древнерусскимъ нравомъ пожаловалъ ихъ, какъ дворовыхъ слугъ своихъ, въ званіе холоповъ государевыхъ. Обѣ стороны

очутились въ такомъ неестественномъ отношенiи другъ къ другу, котораго онѣ, кажется, не замѣчали, пока оно складывалось, и съ которымъ не знали, чтò дѣлать, когда его замѣтили. Тогда обѣ стороны почувствовали себя въ неловкомъ положенiи и не знали, какъ изъ него выдти. Ни боярство не умѣло устроиться и устроить государственный порядокъ безъ государевой власти, къ какой оно привыкло, ни государь не зналъ, какъ безъ боярскаго содѣйствiя управиться со своимъ царствомъ въ его новыхъ предѣлахъ. Обѣ стороны не могли ни ужиться одна съ другой, ни обойтись другъ безъ друга. Не умѣя ни поладить, ни разстаться, онѣ попытались раздѣлиться, жить рядомъ, но не вмѣстѣ. Такимъ выходомъ изъ затрудненiя и была опричнина.

Мысль о смѣнѣ боярства дворянствомъ.

Но такой выходъ не устранялъ самаго затрудненiя. Оно заключалось въ неудобномъ для государя политическомъ положенiи боярства, какъ правительственнаго класса, его стѣснявшаго. Выдти изъ затрудненiя можно было двумя путями: надобно было или *устранить* боярство, какъ правительственный классъ, и замѣнить его другими, болѣе гибкими и послушными орудiями управленiя, или *разъединить* его, привлечь къ престолу наиболѣе надежныхъ людей изъ боярства и съ ними править, какъ и правилъ Иванъ въ началѣ своего царствованiя. Перваго онъ не могъ сдѣлать скоро, второго не сумѣлъ или не захотѣлъ сдѣлать. Въ бесѣдахъ съ приближенными иноземцами царь неосторожно признавался въ намѣренiи измѣнить все управленiе страной и даже истребить вельможъ. Но мысль преобразовать управленiе ограничилась раздѣленiемъ государства на земщину и опричнину, а поголовное истребленiе боярства осталось нелѣпой мечтой возбужденнаго воображенiя: мудрено было выдѣлить изъ общества и истребить цѣлый классъ, переплетавшiйся разнообразными бытовыми нитями со сло-

ями, подъ нимъ лежавшими. Точно такъ же царь не могъ скоро создать другой правительственный классъ взамѣнъ боярства. Такія перемѣны требуютъ времени, навыка: надобно, чтобы правящій классъ привыкъ къ власти и чтобы общество привыкло къ правящему классу. Но несомнѣнно, царь подумывалъ о такой замѣнѣ и въ своей опричнинѣ видѣлъ подготовку къ ней. Эту мысль онъ вынесъ изъ дѣтства, изъ неурядицы боярскаго правленія; она же побудила его приблизить къ себѣ и А. Адашева, взявъ его, по выраженію царя, изъ палочниковъ, „отъ гноища", и учинивъ съ вельможами въ чаяніи отъ него прямой службы. Такъ Адашевъ сталъ первообразомъ опричника. Съ образомъ мыслей, господствовавшимъ потомъ въ опричнинѣ, Иванъ имѣлъ случай познакомиться въ самомъ началѣ своего царствованія. Въ 1537 г. или около того выѣхалъ изъ Литвы въ Москву нѣкто Ив. Пересвѣтовъ, причитавшій себя къ роду героя-инока Пересвѣта, сражавшагося на Куликовомъ полѣ. Этотъ выходецъ былъ авантюристъ-кондотьери, служившій въ наемномъ польскомъ отрядѣ тремъ королямъ, польскому, венгерскому и чешскому. Въ Москвѣ онъ потерпѣлъ отъ большихъ людей, потерялъ „собинку", нажитое службой имущество, и въ 1548 или 1549 г. подалъ царю обширную челобитную. Это—рѣзкій политическій памфлетъ, направленный противъ бояръ въ пользу „воиновъ", т. е. рядового военно-служилаго дворянства, къ которому принадлежалъ самъ челобитчикъ. Авторъ предостерегаетъ царя Ивана отъ ловленія со стороны ближнихъ людей, безъ которыхъ онъ не можетъ „ни часу быти"; другого такого царя во всей подсолнечной не будетъ, лишь бы только Богъ соблюлъ его отъ „ловленія вельможъ". Вельможи у царя худы, крестъ цѣлуютъ, да измѣняютъ; царь междоусобную войну „на свое царство пущаетъ", назначая ихъ управи-

телями городовъ и волостей, а они отъ крови и слезъ христіанскихъ богатѣютъ и лѣнивѣютъ. Кто приближается къ царю вельможествомъ, а не воинской заслугой или другой какой мудростью, тотъ чародѣй и еретикъ, у царя счастіе и мудрость отнимаетъ, того жечь надо. Авторъ считаетъ образцовымъ порядокъ, заведенный царемъ Махметъ-салтаномъ, который возведетъ правителя высоко, „да и пхнетъ его въ зашею надолъ", приговаривая: не умѣлъ въ доброй славѣ жить и вѣрно государю служить. Государю пристойно со всего царства доходы сбирать себѣ въ казну, изъ казны воинамъ сердце веселить, къ себѣ ихъ припускать близко и во всемъ имъ вѣрить. Челобитная какъ будто была писана переднимъ числомъ въ оправданіе опричнины: такъ ея идеи были на-руку „худороднымъ кромѣшникамъ", и самъ царь не могъ не сочувствовать направленію мыслей Пересвѣтова. Онъ писалъ одному изъ опричниковъ, Васюку Грязному: „По грѣхамъ нашимъ учинилось и намъ того какъ утаить, что отца нашего и наши бояре учали намъ измѣнять и мы васъ, *страдниковъ*, приближали, ожидая отъ васъ службы и правды". Эти опричные страдники, худородные люди изъ рядового дворянства, и должны были служить тѣми чадами Авраама изъ камня, о которыхъ царь писалъ кн. Курбскому. Такъ по мысли царя Ивана дворянство должно было смѣнить боярство, какъ правящій классъ, въ видѣ опричника. Въ концѣ XVII в. эта смѣна, какъ увидимъ, и совершилась, только въ иной формѣ, не столь ненавистной.

Безцѣльность опричнины.

Во всякомъ случаѣ, избирая тотъ или другой выходъ, предстояло дѣйствовать противъ политическаго положенія цѣлаго класса, а не противъ отдѣльныхъ лицъ. Царь поступилъ прямо наоборотъ: заподозривъ все боярство въ измѣнѣ, онъ бросился на заподозрѣнныхъ, вырывая ихъ по одиночкѣ, но оставилъ классъ во главѣ земскаго упра-

вленія; не имѣя возможности сокрушить неудобный для него правительственный строй, онъ сталъ истреблять отдѣльныхъ подозрительныхъ или ненавистныхъ ему лицъ. Опричники ставились не на мѣсто бояръ, а противъ бояръ; они могли быть по самому назначенію своему не правителями, а только палачами земли. Въ этомъ состояла политическая безцѣльность опричнины: вызванная столкновеніемъ, причиной котораго былъ порядокъ, а не лица, она была направлена противъ лицъ, а не противъ порядка. Въ этомъ смыслѣ и можно сказать, что опричнина не отвѣчала на вопросъ, стоявшій на очереди. Она могла быть внушена царю только невѣрнымъ пониманіемъ положенія боярства, какъ и своего собственнаго положенія. Она была въ значительной мѣрѣ плодомъ черезчуръ пугливаго воображенія царя. Иванъ направлялъ ее противъ страшной крамолы, будто бы гнѣздившейся въ боярской средѣ и грозившей истребленіемъ всей царской семьи. Но дѣйствительно ли такъ страшна была опасность? Политическая сила боярства и помимо опричнины была подорвана условіями, прямо или косвенно созданными московскимъ собираніемъ Руси. Возможность дозволеннаго, законнаго отъѣзда, главной опоры служебной свободы боярина, ко времени царя Ивана уже исчезла: кромѣ Литвы отъѣхать было некуда; единственный уцѣлѣвшій удѣльный князь Владиміръ старицкій договорами обязался не принимать ни князей, ни бояръ и никакихъ людей, отъѣзжавшихъ отъ царя. Служба бояръ изъ вольной стала обязательной, невольной. Мѣстничество лишало классъ способности къ дружному совмѣстному дѣйствію. Поземельная перетасовка важнѣйшихъ служилыхъ князей, производившаяся при Иванѣ III и его внукѣ посредствомъ обмѣна старинныхъ княжескихъ вотчинъ па новыя, перемѣщала князей Одоевскихъ, Воротынскихъ, Мезецкихъ съ опасныхъ

окраинъ, откуда они могли завести сношенія съ заграничными недругами Москвы, куда-нибудь на Клязьму или верхнюю Волгу, въ чуждую имъ среду, съ которой у нихъ не было никакихъ связей. Знатнѣйшіе бояре правили областями, но такъ, что своимъ управленіемъ пріобрѣтали себѣ только ненависть народа. Такъ боярство не имѣло подъ собой твердой почвы ни въ управленіи, ни въ народѣ, ни даже въ своей сословной организаціи, и царь долженъ былъ знать это лучше самихъ бояръ. Серьезная опасность грозила при повтореніи случая 1553 года, когда многіе бояре не хотѣли присягать ребенку, сыну опасно больного царя, имѣя въ виду возвести на престолъ удѣльнаго Владиміра, дядю царевича. Едва перемогавшійся царь прямо сказалъ присягнувшимъ боярамъ, что въ случаѣ своей смерти онъ предвидитъ судьбу своего семейства при царѣ-дядѣ. Это— участь, обычно постигавшая принцевъ-соперниковъ въ восточныхъ деспотіяхъ. Собственные предки царя Ивана, князья московскіе, точно такъ же расправлялись со своими родичами, становившимися имъ поперекъ дороги; точно такъ же расправился и самъ царь Иванъ со своимъ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ старицкимъ. Опасность 1553 г. не повторилась. Но опричнина не предупреждала этой опасности, а скорѣе усиливала ее. Въ 1553 г. многіе бояре стали на сторону царевича, и династическая катастрофа могла не состояться. Въ 1568 г. въ случаѣ смерти царя едвали оказалось бы достаточно сторонниковъ у его прямого наслѣдника: опричнина сплотила боярство инстинктивно—чувствомъ самосохраненія.

Суждения о ней современниковъ.

Безъ такой опасности боярская крамола не шла далѣе помысловъ и попытокъ бѣжать въ Литву: ни о заговорахъ ни о покушеніяхъ со стороны бояръ не говорятъ современники. Но если бы и существовала дѣйствительно

мятежная боярская крамола, царю слѣдовало дѣйствовать иначе: онъ долженъ былъ направлять свои удары исключительно на боярство, а онъ билъ не однихъ бояръ и даже не бояръ преимущественно. Кн. Курбскій въ своей *Исторіи*, перечисляя жертвы Ивановой жестокости, насчитываетъ ихъ свыше 400. Современники-иностранцы считали даже за 10 тысячъ. Совершая казни, царь Иванъ по набожности заносилъ имена казненныхъ въ помянники (синодики), которые разсылалъ по монастырямъ для поминовенія душъ покойныхъ съ приложеніемъ поминальныхъ вкладовъ. Эти помянники очень любопытные памятники; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ число жертвъ возрастаетъ до 4 тысячъ. Но боярскихъ именъ въ этихъ мартирологахъ сравнительно немного; зато сюда заносились перебитые массами и совсѣмъ неповинные въ боярской крамолѣ дворовые люди, подъячіе, псари, монахи и монахини—„скончавшіеся христіане мужескаго, женскаго и дѣтскаго чина имена коихъ Ты Самъ, Господи, вѣси“, какъ заунывно причитаетъ синодикъ послѣ каждой группы избіенныхъ массами. Наконецъ очередь дошла и до самой тьмы кромѣшной: погибли ближайшіе опричные любимцы царя, кн. Вяземскій и Басмановы, отецъ съ сыномъ. Глубоко пониженнымъ, сдержанно-негодующимъ тономъ повѣствуютъ современники о смутѣ, какую внесла опричнина въ умы, непривычные къ такимъ внутреннимъ потрясеніямъ. Они изображаютъ опричнину, какъ соціальную усобицу. Воздвигнулъ царь, пишутъ они, крамолу междоусобную, въ одномъ и томъ же городѣ однихъ людей на другихъ напустилъ, однихъ опричными назвалъ, своими собственными учинилъ, а прочихъ земщиною наименовалъ и заповѣдалъ своей части другую часть людей насиловать, смерти предавать и домы ихъ грабить. И была туга и

ненависть на царя въ міру, и кровопролитіе, и казни учинились многія. Одинъ наблюдательный современникъ изображаетъ опричнину какой-то непонятной политической игрой царя: всю державу свою какъ топоромъ пополамъ разсѣкъ и этимъ всѣхъ смутилъ, такъ Божіими людьми играя, ставъ заговорщикомъ противъ самого себя. Царь захотѣлъ въ земщинѣ быть государемъ, а въ опричнинѣ остаться вотчинникомъ, удѣльнымъ княземъ. Современники не могли уяснить себѣ этого политическаго двуличія; но они поняли, что опричнина, выводя крамолу, вводила анархію, оберегая государя, колебала самыя основы государства. Направленная противъ воображаемой крамолы, она подготовляла дѣйствительную. Наблюдатель, слова котораго я сейчасъ привелъ, видитъ прямую связь между Смутнымъ временемъ, когда онъ писалъ, и опричниной, которую помнилъ: „великій расколъ земли всей сотворилъ царь, и это раздѣленіе, думаю, было прообразомъ нынѣшняго всеземскаго разгласія“. Такой образъ дѣйствій царя могъ быть слѣдствіемъ не политическаго разсчета, а исказившагося политическаго пониманія. Столкнувшись съ боярами, потерявъ къ нимъ всякое довѣріе послѣ болѣзни 1553 года и особенно побѣга кн. Курбскаго, царь преувеличилъ опасность, испугался: „за себя есми сталъ“. Тогда вопросъ о государственномъ порядкѣ превратился для него въ вопросъ о личной безопасности, и онъ, какъ не въ мѣру испугавшійся человѣкъ, закрывъ глаза, началъ бить направо и налѣво, не разбирая друзей и враговъ. Значитъ, въ направленіи, какое далъ царь политическому столкновенію, много виноватъ его личный характеръ, который потому и получаетъ нѣкоторое значеніе въ нашей государственной исторіи.

Лекція XXX.

Характеристика царя Ивана Грознаго.

Дѣтство. Царь Иванъ родился въ 1530 году. Отъ природы онъ получилъ умъ бойкій и гибкій, вдумчивый и немного насмѣшливый, настоящій великорусскій, московскій умъ. Но обстоятельства, среди которыхъ протекло дѣтство Ивана, рано испортили этотъ умъ, дали ему неестественное, болѣзненное развитіе. Иванъ рано осиротѣлъ, на четвертомъ году лишился отца, а на восьмомъ потерялъ и мать. Онъ съ дѣтства видѣлъ себя среди чужихъ людей. Въ душѣ его рано и глубоко врѣзалось и всю жизнь сохранялось чувство сиротства, брошенности, одиночества, о чемъ онъ твердилъ при всякомъ случаѣ: „родственники мои не заботились обо мнѣ“. Отсюда его робость, ставшая основной чертой его характера. Какъ всѣ люди, выросшіе среди чужихъ, безъ отцовскаго призора и материнскаго привѣта, Иванъ рано усвоилъ себѣ привычку ходить, оглядываясь и прислушиваясь. Это развило въ немъ подозрительность, которая съ лѣтами превратилась въ глубокое недовѣріе къ людямъ. Въ дѣтствѣ ему часто приходилось испытывать равнодушіе или пренебреженіе со стороны окружающихъ. Онъ самъ вспоминалъ послѣ въ письмѣ къ кн. Курбскому, какъ его съ младшимъ братомъ Юріемъ въ дѣтствѣ стѣсняли во всемъ, держали, какъ убогихъ людей, плохо кормили и одѣвали, ни въ чемъ воли не да-

вали, все заставляли дѣлать насильно и не по возрасту. Въ торжественные, церемоніальные случаи, при выходѣ или пріемѣ пословъ, его окружали царственной пышностью, становились вокругъ него съ раболѣпнымъ смиреніемъ, а въ будни тѣ же люди не церемонились съ нимъ, порой баловали, порой дразнили. Играютъ они, бывало съ братомъ Юріемъ въ спальнѣ покойнаго отца, а первенствующій бояринъ кн. И. В. Шуйскій развалится передъ ними на лавкѣ, обопрется локтемъ о постель покойнаго государя, ихъ отца, и ногу на нее положитъ, не обращая на дѣтей никакого вниманія, ни отеческаго, ни даже властительнаго. Горечь, съ какою Иванъ вспоминалъ объ этомъ 25 лѣтъ спустя, даетъ почувствовать, какъ часто и сильно его сердили въ дѣтствѣ. Его ласкали, какъ государя, и оскорбляли, какъ ребенка. Но въ обстановкѣ, въ какой шло его дѣтство, онъ не всегда могъ тотчасъ и прямо обнаружить чувство досады или злости, сорвать сердце. Эта необходимость сдерживаться, дуться въ рукавъ, глотать слезы питала въ немъ раздражительность и затаенное, молчаливое озлобленіе противъ людей, злость со стиснутыми зубами. Къ тому же онъ былъ испуганъ въ дѣтствѣ. Въ 1542 г., когда правила партія князей Бѣльскихъ, сторонники кн. И. Шуйскаго ночью врасплохъ напали на стоявшаго за ихъ противниковъ митрополита Іоасафа. Владыка скрылся во дворцѣ великаго князя. Мятежники разбили окна у митрополита, бросились за нимъ во дворецъ и на разсвѣтѣ вломились съ шумомъ въ спальню маленькаго государя, разбудили и напугали его.

Вліяніе боярскаго правленія.

Безобразныя сцены боярскаго своеволія и насилій, среди которыхъ росъ Иванъ, были первыми политическими его впечатлѣніями. Они превратили его робость въ нервную пугливость, изъ которой съ лѣтами развилась наклон-

ность преувеличивать опасность, образовалось то, что называется страхомъ съ великими глазами. Вѣчно тревожный и подозрительный, Иванъ рано привыкъ думать, что окруженъ только врагами, и воспиталъ въ себѣ печальную наклонность высматривать, какъ плетется вокругъ него безконечная сѣть козней, которою, чудилось ему, стараются опутать его со всѣхъ сторонъ. Это заставляло его постоянно держаться настороже; мысль, что вотъ-вотъ изъ-за угла на него бросится недругъ, стала привычнымъ, ежеминутнымъ его ожиданіемъ. Всего сильнѣе работалъ въ немъ инстинктъ самосохраненія. Всѣ усилія его бойкаго ума были потрачены на разработку этого грубаго чувства.

Ранняя развитость и возбуждаемость.

Какъ всѣ люди, слишкомъ рано начавшіе борьбу за существованіе, Иванъ быстро росъ и преждевременно выросъ. Въ семнадцать-двадцать лѣтъ, при выходѣ изъ дѣтства, онъ ужъ поражалъ окружающихъ непомѣрнымъ количествомъ пережитыхъ впечатлѣній и передуманныхъ мыслей, до которыхъ его предки не додумывались и въ зрѣломъ возрастѣ. Въ 1546 г., когда ему было шестнадцать лѣтъ, среди ребяческихъ игръ, онъ, по разсказу лѣтописи, вдругъ заговорилъ съ боярами о женитьбѣ, да заговорилъ такъ обдуманно, съ такими предусмотрительными политическими соображеніями, что бояре расплакались отъ умиленія, что царь такъ молодъ, а ужъ такъ много подумалъ, ни съ кѣмъ не посовѣтовавшись, отъ всѣхъ утаившись. Эта ранняя привычка къ тревожному уединенному размышленію про-себя, втихомолку, надорвала мысль Ивана, развила въ немъ болѣзненную впечатлительность и возбуждаемость. Иванъ рано потерялъ равновѣсіе своихъ духовныхъ силъ, умѣнье направлять ихъ, когда нужно, раздѣлять ихъ работу или сдерживать одну противодѣйствіемъ другой, рано привыкъ вводить въ дѣятельность ума уча-

стіе чувства. О чемъ бы онъ ни размышлялъ, онъ подгонялъ, подзадоривалъ свою мысль страстью. Съ помощью такого самовнушенія онъ былъ способенъ разгорячить свою голову до отважныхъ и высокихъ помысловъ, раскалить свою рѣчь до блестящаго краснорѣчія, и тогда съ его языка или изъ-подъ его пера, какъ отъ горячаго желѣза подъ молоткомъ кузнеца, сыпались искры остротъ, колкія насмѣшки, мѣткія словца, неожиданные обороты. Иванъ— одинъ изъ лучшихъ московскихъ ораторовъ и писателей XVI в., потому что былъ самый раздраженный москвичъ того времени. Въ сочиненіяхъ, написанныхъ подъ диктовку страсти и раздраженія, онъ больше заражаетъ, чѣмъ убѣждаетъ, поражаетъ жаромъ рѣчи, гибкостью ума, изворотливостью діалектики, блескомъ мысли; но это—фосфорическій блескъ, лишенный теплоты; это не вдохновеніе, а горячка головы, нервическая прыть, слѣдствіе искусственнаго возбужденія. Читая письма царя къ кн. Курбскому, поражаешься быстрой смѣной въ авторѣ самыхъ разнообразныхъ чувствъ: порывы великодушія и раскаянія, проблески глубокой задушевности чередуются съ грубой шуткой, жесткимъ озлобленіемъ, холоднымъ презрѣніемъ къ людямъ; минуты усиленной работы ума и чувства смѣнялись полнымъ упадкомъ утомленныхъ душевныхъ силъ, и тогда отъ всего его остроумія не оставалось и простого здраваго смысла. Въ эти минуты умственнаго изнеможенія и нравственной опущенности онъ способенъ былъ на затѣи, лишенныя всякой сообразительности. Быстро перегорая, такіе люди современемъ, когда въ нихъ слабѣетъ возбуждаемость, прибѣгаютъ обыкновенно къ искусственному средству, къ вину, и Иванъ въ годы опричнины, кажется, не чуждался этого средства. Такой нравственной неровностью, чередованіемъ высокихъ подъ-

емовъ духа съ самыми постыдными паденіями объясняется и государственная дѣятельность Ивана. Царь совершилъ или задумывалъ много хорошаго, умнаго, даже великаго, и рядомъ съ этимъ надѣлалъ еще больше поступковъ, которые сдѣлали его предметовъ ужаса и отвращенія для современниковъ и послѣдующихъ поколѣній. Разгромъ Новгорода по одному подозрѣнію въ измѣнѣ, московскія казни, убійство сына и митрополита Филиппа, безобразія съ опричниками въ Москвѣ и въ Александровской слободѣ—читая обо всемъ этомъ, подумаешь, что это былъ звѣрь отъ природы.

Нравственная неуравновѣшенность.

Но онъ не былъ такимъ. По природѣ или воспитанію онъ былъ лишенъ устойчиваго нравственнаго равновѣсія и при малѣйшемъ житейскомъ затрудненіи охотнѣе склонялся въ дурную сторону. Отъ него ежеминутно можно было ожидать грубой выходки; онъ не умѣлъ сладить съ малѣйшимъ непріятнымъ случаемъ. Въ 1577 г. на улицѣ въ завоеванномъ ливонскомъ городѣ Кокенгаузенѣ онъ благодушно бесѣдовалъ съ пасторомъ о любимыхъ своихъ богословскихъ предметахъ, но едва не приказалъ казнить его, когда тотъ неосторожно сравнилъ Лютера съ апостоломъ Павломъ, ударилъ пастора хлыстомъ по головѣ и ускакалъ со словами: „поди ты къ черту со своимъ Лютеромъ". Въ другое время онъ велѣлъ изрубить присланнаго ему изъ Персіи слона, не хотѣвшаго стать передъ нимъ на колѣна. Ему недоставало внутренняго природнаго благородства; онъ былъ воспріимчивѣе къ дурнымъ, чѣмъ къ добрымъ впечатлѣніямъ; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ недобрыхъ людей, которые скорѣе и охотнѣе замѣчаютъ въ другихъ слабости и недостатки, чѣмъ дарованія или добрыя качества. Въ каждомъ встрѣчномъ онъ прежде всего видѣлъ врага. Всего труднѣе было пріобрѣсти его довѣріе. Для этого такимъ людямъ надобно ежеминутно давать чувствовать, что ихъ

любятъ и уважаютъ, всецѣло имъ преданы, и кому удавалось увѣрить въ этомъ царя Ивана, тотъ пользовался его довѣріемъ до излишества. Тогда въ немъ вскрывалось свойство, облегчающее такимъ людямъ тягость постоянно напряженнаго злого настроенія: это—привязчивость. Первую жену свою онъ любилъ какой-то особенно чувствительной, не домостроевской любовью. Такъ же безотчетно онъ привязывался къ Сильвестру и Адашеву, а потомъ и къ Малютѣ Скуратову. Это соединеніе привязчивости и недовѣрчивости выразительно сказалось въ духовной Ивана, гдѣ онъ даетъ дѣтямъ наставленіе, „какъ людей любить и жаловать и какъ ихъ *беречься*". Эта двойственность характера и лишила его устойчивости. Житейскія отношенія больше тревожили и злили его, чѣмъ заставляли размышлять. Но въ минуты нравственнаго успокоенія, когда онъ освобождался отъ внѣшнихъ раздражающихъ впечатлѣній и оставался наединѣ съ самимъ собой, со своими задушевными думами, имъ овладѣвала грусть, къ какой способны только люди, испытавшіе много нравственныхъ утратъ и житейскихъ разочарованій. Кажется, ничего не могло быть формальнѣе и бездушнѣе духовной грамоты древняго московскаго вел. князя съ ея мелочнымъ распорядкомъ движимаго и недвижимаго имущества между наслѣдниками. Царь Иванъ и въ этомъ стереотипномъ актѣ выдержалъ свой лирическій характеръ. Эту духовную онъ начинаетъ возвышенными богословскими размышленіями и продолжаетъ такими задушевными словами: „Тѣло изнемогло, болѣзнуетъ духъ, раны душевныя и тѣлесныя умножились и нѣтъ врача, который бы исцѣлилъ меня, ждалъ я, кто бы поскорбѣлъ со мной, и не явилось никого, утѣшающихъ я не нашелъ, заплатили мнѣ зломъ за добро, ненавистью за любовь". Бѣдный страдалецъ, царственный мученикъ, подумаешь, читая эти жа-

лобно-скорбныя строки; а этотъ страдалецъ года за два до того, ничего не разслѣдовавъ, по одному подозрѣнію, такъ зря, безчеловѣчно и безбожно разгромилъ большой древній городъ съ цѣлою областью, какъ никогда не громили никакого русскаго города татары. Въ самыя злыя минуты онъ умѣлъ подниматься до этой искусственной задушевности, до крокодилова плача. Въ разгаръ казней входитъ онъ въ московскій Успенскій соборъ. Митрополитъ Филиппъ встрѣчаетъ его, готовый по долгу сана *печаловаться*, ходатайствовать за несчастныхъ, обреченныхъ на казнь. „Только молчи, говорилъ царь, едва сдерживаясь отъ гнѣва: одно тебѣ говорю—молчи, отецъ святой, молчи и благослови насъ".—„Наше молчаніе, отвѣчалъ Филиппъ, грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ".—„Ближніе мои, скорбно возразилъ царь, встали на меня, ищутъ мнѣ зла; какое тебѣ дѣло до нашихъ царскихъ предначертаній!"

Описанныя свойства царя Ивана сами по себѣ могли бы послужить только любопытнымъ матеріаломъ для психолога—скорѣе для психіатра, скажутъ иные: вѣдь такъ легко нравственную распущенность, особенно на историческомъ разстояніи, признать за душевную болѣзнь и подъ этимъ предлогомъ освободить память мнимо-больныхъ отъ исторической отвѣтственности. Къ сожалѣнію, одно обстоятельство сообщало описаннымъ свойствамъ значеніе гораздо болѣе важное, чѣмъ какое обыкновенно имѣютъ психологическіе курьезы, появляющіеся въ людской жизни, особенно такой обильной всякими душевными курьезами, какъ русская: Иванъ былъ *царь*. Черты его личнаго характера дали особое направленіе его политическому образу мыслей, а его политическій образъ мыслей оказалъ сильное, притомъ вредное вліяніе на его политическій образъ дѣйствій, испортилъ его.

Иванъ рано и много, раньше и больше, чѣмъ бы слѣдовало, сталъ думать своей тревожной мыслью о томъ, что онъ—государь московскій и всея Руси. Скандалы боярскаго правленія постоянно поддерживали въ немъ эту думу, сообщали ей тревожный, острый характеръ. Его сердили и обижали; выталкивали изъ дворца и грозили убить людей, къ которымъ онъ привязывался, пренебрегая его дѣтскими мольбами и слезами, у него на глазахъ выказывали непочтеніе къ памяти его отца, можетъ быть, дурно отзывались о покойномъ въ присутствіи сына. Но этого сына всѣ признавали законнымъ государемъ; ни отъ кого не слыхалъ онъ и намека на то, что его царственное право можетъ подвергнуться сомнѣнію, спору. Каждый изъ окружающихъ, обращаясь къ Ивану, называлъ его великимъ государемъ; каждый случай, его тревожившій или раздражавшій, заставлялъ его вспоминать о томъ же и съ любовью обращаться къ мысли о своемъ царственномъ достоинствѣ, какъ къ политическому средству самообороны. Ивана учили грамотѣ, вѣроятно, такъ же, какъ учили его предковъ, какъ вообще учили грамотѣ въ древней Руси, заставляя твердить Часословъ и Псалтирь съ безконечнымъ повтореніемъ *задовъ*, прежде пройденнаго. Изреченія изъ этихъ книгъ затверживались механически, на всю жизнь врѣзывались въ память. Кажется, дѣтская мысль Ивана рано начала проникать въ это механическое зубреніе Часослова и Псалтиря. Здѣсь онъ встрѣчалъ строки о царѣ и царствѣ, о помазанникѣ Божіемъ, о нечестивыхъ совѣтникахъ, о блаженномъ мужѣ, который не ходитъ на ихъ совѣтъ и т. п. Съ тѣхъ поръ какъ сталъ Иванъ понимать свое сиротское положеніе и думать объ отношеніяхъ своихъ къ окружающимъ, эти строки должны были живо затрогивать его вниманіе. Онъ понималъ эти библейскіе афо-

Ранняя мысль о власти.

ризмы по своему, прилагая ихъ къ себѣ, къ своему положенію. Они давали ему прямые и желанные отвѣты на вопросы, какіе возбуждались въ его головѣ житейскими столкновеніями, подсказывали нравственное оправданіе тому чувству злости, какое вызывали въ немъ эти столкновенія. Легко понять, какіе быстрые успѣхи въ изученіи Св. Писанія долженъ былъ сдѣлать Иванъ, примѣняя къ своей экзегетикѣ такой нервный, субъективный методъ, изучая и толкуя слово Божіе подъ диктовку раздраженнаго, капризнаго чувства. Съ тѣхъ поръ книги должны были стать любимымъ предметомъ его занятій. Отъ Псалтиря онъ перешелъ къ другимъ частямъ Писанія, перечиталъ много, что̀ могъ достать изъ тогдашняго книжнаго запаса, вращавшагося въ русскомъ читающемъ обществѣ. Это былъ начитаннѣйшій москвичъ XVI вѣка. Недаромъ современники называли его „словесной мудрости риторомъ". О богословскихъ предметахъ онъ любилъ бесѣдовать, особенно за обѣденнымъ столомъ, и имѣлъ, по словамъ лѣтописи, особливую остроту и память отъ Божественнаго Писанія. Разъ въ 1570 г. онъ устроилъ въ своихъ палатахъ торжественную бесѣду о вѣрѣ съ пасторомъ польскаго посольства, чехомъ-евангеликомъ Рокитой, въ присутствіи посольства, бояръ и духовенства. Въ пространной рѣчи онъ изложилъ протестантскому богослову обличительные пункты противъ его ученія и приказалъ ему защищаться „вольно и смѣло", безъ всякихъ опасеній, внимательно и терпѣливо выслушалъ защитительную рѣчь пастора и послѣ написалъ на нее пространное опроверженіе, до насъ дошедшее. Этотъ отвѣтъ царя по мѣстамъ отличается живостью и образностью. Мысль не всегда идетъ прямымъ логическимъ путемъ, натолкнувшись на трудный предметъ, туманится или сбивается въ сторону, но порой обнаружи-

ваетъ большую діалектическую гибкость. Тексты Писанія не всегда приводятся кстати; но очевидна обширная начитанность автора не только въ Писаніи и отеческихъ твореніяхъ, но и въ переводныхъ греческихъ хронографахъ, тогдашнихъ русскихъ учебникахъ всеобщей исторіи. Главное, что̀ читалъ онъ особенно внимательно, было духовнаго содержанія; вездѣ находилъ онъ и отмѣчалъ одни и тѣ же мысли и образы, которые отвѣчали его настроенію, вторили его собственнымъ думамъ. Онъ читалъ и перечитывалъ любимыя мѣста, и они неизгладимо врѣзывались въ его память. Не менѣе иныхъ нынѣшнихъ записныхъ ученыхъ Иванъ любилъ пестрить свои сочиненія цитатами кстати и некстати. Въ первомъ письмѣ къ кн. Курбскому онъ на каждомъ шагу вставляетъ отдѣльныя строки изъ Писанія, иногда выписываетъ подъ рядъ цѣлыя главы изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ или апостольскихъ посланій и очень часто безъ всякой нужды искажаетъ библейскій текстъ, это происходило не отъ небрежности въ списываніи, а отъ того, что Иванъ, очевидно, выписывалъ цитаты наизусть.

Идея власти.

Такъ рано зародилось въ головѣ Ивана политическое размышленіе, занятіе, котораго не знали его московскіе предки ни среди дѣтскихъ игръ, ни въ дѣловыхъ заботахъ зрѣлаго возраста. Кажется, это занятіе шло втихомолку, тайкомъ отъ окружающихъ, которые долго не догадывались, въ какую сторону направлена встревоженная мысль молодого государя, и вѣроятно не одобрили бы его усидчиваго вниманія къ книгамъ, если бы догадались. Вотъ почему они такъ удивились, когда въ 1546 г. шестнадцатилѣтній Иванъ вдругъ заговорилъ съ ними о томъ, что онъ задумалъ жениться, но что прежде женитьбы онъ хочетъ поискать прародительскихъ обычаевъ, какъ праро-

дители его, цари и великіе князья и сродникъ его Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ на царство, на великое княженіе садились. Пораженные неожиданностью думъ государя, бояре, прибавляетъ лѣтописецъ, удивились, что государь такъ молодъ, а ужъ прародительскихъ обычаевъ поискалъ. Первымъ помысломъ Ивана при выходѣ изъ правительственной опеки бояръ было принять титулъ *царя* и вѣнчаться на царство торжественнымъ церковнымъ обрядомъ. Политическія думы царя вырабатывались тайкомъ отъ окружающихъ, какъ тайкомъ складывался его сложный характеръ. Впрочемъ по его сочиненіямъ можно съ нѣкоторой точностью возстановить ходъ его политическаго самовоспитанія. Его письма къ кн. Курбскому—наполовину политическіе трактаты о царской власти и наполовину полемическіе памфлеты противъ боярства и его притязаній. Попробуйте бѣгло перелистовать его первое длинное-предлинное посланіе: оно поразитъ васъ видимой пестротой и безпорядочностью своего содержанія, разнообразіемъ книжнаго матеріала, кропотливо собраннаго авторомъ и щедрой рукой разсыпаннаго по этимъ нескончаемымъ страницамъ. Чего тутъ нѣтъ, какихъ именъ, текстовъ и примѣровъ! Длинныя и короткія выписки изъ Св. Писанія и отцовъ Церкви, строки и цѣлыя главы изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, Моисея, Давида, Исаіи, изъ новозавѣтныхъ церковныхъ учителей, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Іоанна Златоуста, образы изъ классической миѳологіи и эпоса, Зевсъ, Аполлонъ, Антеноръ, Эней, рядомъ съ библейскими именами Іисуса Навина, Гедеона, Авимелеха, Іеффая, безсвязные эпизоды изъ еврейской, римской, византійской исторіи и даже изъ исторіи западно-европейскихъ народовъ со средневѣковыми именами „Зинзириха“ вандальскаго, готовъ, савроматовъ, францу-

говъ, вычитанными изъ хронографовъ, и наконецъ порой невзначай брошенная черта изъ русской лѣтописи,—и все это, перепутанное, переполненное анахронизмами, съ калейдоскопической пестротой, безъ видимой логической послѣдовательности всплываетъ и исчезаетъ передъ читателемъ, повинуясь прихотливымъ поворотамъ мысли и воображенія автора, и вся эта, простите за выраженіе, ученая каша сдобрена богословскими или политическими афоризмами, настойчиво подкладываемыми, и порой посолена тонкой иронiей или жесткимъ, иногда мѣткимъ сарказмомъ. Какая хаотическая память, набитая наборомъ всякой всячины,—подумаешь, перелистовавъ это посланіе. Не даромъ кн. Курбскій назвалъ письмо Ивана бабьей болтовней, гдѣ тексты Писанія переплетены съ рѣчами о женскихъ тѣлогрѣяхъ и о постеляхъ. Но вникните пристальнѣе въ этотъ пѣнистый потокъ текстовъ, размышленій, воспоминаній, лирическихъ отступленій, и вы безъ труда уловите основную мысль, которая красной нитью проходитъ по всѣмъ этимъ видимо столь нестройнымъ страницамъ. Съ дѣтства затверженные авторомъ любимые библейскіе тексты и историческіе примѣры всѣ отвѣчаютъ на одну тему, всѣ говорятъ о царской власти, о ея божественномъ происхожденіи, о государственномъ порядкѣ, объ отношеніяхъ къ совѣтникамъ и подданнымъ, о гибельныхъ слѣдствіяхъ разновластія и безначалія. *Нѣсть власти, аще не отъ Бога. Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется. Горе граду, имъ же градомъ мнози обладаютъ* и т. п. Упорно вчитываясь въ любимые тексты и безконечно о нихъ размышляя, Иванъ постепенно и незамѣтно создалъ себѣ изъ нихъ идеальный міръ, въ который уходилъ, какъ Моисей на свою гору, отдыхать отъ житейскихъ страховъ и огорченій. Онъ съ любовью созер-

цалъ эти величественные образы ветхозавѣтныхъ избранниковъ и помазанниковъ Божіихъ, Моисея, Саула, Давида, Соломона. Но въ этихъ образахъ онъ какъ въ зеркалѣ старался разглядѣть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить въ нихъ отраженіе своего блеска или перенести на себя самого отблескъ ихъ свѣта и величія. Понятно, что онъ залюбовался собой, что его собственная особа въ подобномъ отраженіи представилась ему озаренною блескомъ и величіемъ, какого и не чуяли на себѣ его предки, простые московскіе князья-хозяева. Иванъ IV былъ первый изъ московскихъ государей, который узрѣлъ и живо почувствовалъ въ себѣ царя въ настоящемъ библейскомъ смыслѣ помазанника Божія. Это было для него политическимъ откровеніемъ, и съ той поры его царственное *я* сдѣлалось для него предметомъ набожнаго поклоненія: онъ самъ для себя сталъ святыней и въ помыслахъ своихъ создалъ цѣлое богословіе политическаго самообожанія въ видѣ ученой теоріи своей царской власти. Тономъ вдохновеннаго свыше и вмѣстѣ съ обычной тонкой ироніей писалъ онъ во время переговоровъ о мірѣ врагу своему Стефану Баторію, коля ему глаза его избирательной властью: „Мы, смиренный Іоаннъ, царь и великій князь всея Руси *по Божію изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію*“.

Недостатокъ практической ея разработки.

Однако изъ всѣхъ этихъ усилій ума и воображенія царь вынесъ только простую, голую идею царской власти безъ практическихъ выводовъ, какихъ требуетъ всякая идея; теорія осталась неразработанной въ государственный порядокъ, въ политическую программу. Увлеченный враждой и воображаемыми страхами, онъ упустилъ изъ виду практическія задачи и потребности государственной жизни и не умѣлъ приладить своей отвлеченной теоріи къ мѣстной

исторической дѣйствительности. Безъ этой практической разработки его возвышенная теорія верховной власти превратилась въ капризъ личнаго самовластія, исказилась въ орудіе личной злости, безотчетнаго произвола. Потому стоявшіе на очереди практическіе вопросы государственнаго порядка остались неразрѣшенными. Въ молодости, какъ мы видѣли, начавъ править государствомъ, царь съ избранными своими совѣтниками повелъ смѣлую внѣшнюю и внутреннюю политику, цѣлью которой было съ одной стороны добиться берега Балтійскаго моря и войти въ непосредственныя торговыя и культурныя сношенія съ западной Европой, а съ другой—привести въ порядокъ законодательство и устроить областное управленіе, создать мѣстные земскіе міры и призвать ихъ къ участію не только въ мѣстныхъ судебно-административныхъ дѣлахъ, но и въ дѣятельности центральной власти. Земскій соборъ, впервые созванный въ 1550 г., развиваясь и входя обычнымъ органомъ въ составъ управленія, долженъ былъ укрѣпить въ умахъ идею земскаго царя взамѣнъ удѣльнаго вотчинника. Но царь не ужился со своими совѣтниками. При подозрительномъ и болѣзненно возбужденномъ чувствѣ власти онъ считалъ добрый прямой совѣтъ посягательствомъ на свои верховныя права, несогласіе со своими планами—знакомъ крамолы, заговора и измѣны. Удаливъ отъ себя добрыхъ совѣтниковъ, онъ отдался одностороннему направленію своей мнительной политической мысли, вездѣ подозрѣвавшей козни и крамолы, и неосторожно возбудилъ старый вопросъ объ отношеніи государя къ боярству, — вопросъ, котораго онъ не въ состояніи былъ разрѣшить и котораго потому не слѣдовало возбуждать. Дѣло заключалось въ исторически сложившемся противорѣчіи, въ несогласіи правительственнаго положенія и по-

литическаго настроенія боярства съ характеромъ власти и политическимъ самосознаніемъ московскаго государя. Этотъ вопросъ былъ неразрѣшимъ для московскихъ людей XVI в. Потому надобно было до поры до времени заминать его, сглаживая вызвавшее его противорѣчіе средствами благоразумной политики, а Иванъ хотѣлъ разомъ разрубить вопросъ, обостривъ самое противорѣчіе, своей односторонней политической теоріей поставивъ его ребромъ, какъ ставятъ тезисы на ученыхъ диспутахъ, принципіально, но непрактично. Усвоивъ себѣ чрезвычайно исключительную и нетерпѣливую, чисто-отвлеченную идею верховной власти, онъ рѣшилъ, что не можетъ править государствомъ, какъ правили его отецъ и дѣдъ, при содѣйствіи бояръ; но какъ иначе онъ долженъ править, этого онъ и самъ не могъ уяснить себѣ. Превративъ политическій вопросъ о порядкѣ въ ожесточенную вражду съ лицами, въ безцѣльную и неразборчивую рѣзню, онъ своей опричниной внесъ въ общество страшную смуту, а сыноубійствомъ подготовилъ гибель своей династіи. Между тѣмъ успѣшно начатыя внѣшнія предпріятія и внутреннія реформы разстроились, были брошены недоконченными по винѣ неосторожно обостренной внутренней вражды. Отсюда понятно, почему этотъ царь двоился въ представленіи современниковъ, переживших его царствованіе. Такъ одинъ изъ нихъ, описавъ славныя дѣянія царя до смерти царицы Анастасіи, продолжаетъ: „а потомъ словно страшная буря, налетѣвшая со стороны, смутила покой его добраго сердца, и я не знаю, какъ перевернула его многомудренный умъ въ нравъ свирѣпый, и сталъ онъ мятежникомъ въ собственномъ государствѣ“. Другой современникъ, характеризуя грознаго царя, пишетъ, что это былъ „мужъ чуднаго разсужденія, въ наукѣ книжнаго почитанія доволенъ

и многорѣчивъ, зѣло ко ополченію дерзостенъ и за свое отечество стоятеленъ, на рабы, отъ Бога данные ему, жестосердъ, на пролитіе крови дерзостенъ и неумолимъ, множество народа отъ мала и до велика при царствѣ своемъ погубилъ, многіе города свои поплѣнилъ и много иного содѣялъ надъ рабами своими; но тотъ же царь Иванъ и много добраго совершилъ, воинство свое весьма любилъ и на нужды его изъ казны своей неоскудно подавалъ".

Таким образомъ положительное значеніе царя Ивана въ исторіи нашего государства далеко не такъ велико, какъ можно было бы думать, судя по его замысламъ и начинаніямъ, по шуму, какой производила его дѣятельность. Грозный царь больше задумывалъ, чѣмъ сдѣлалъ, сильнѣе подѣйствовалъ на воображеніе и нервы своихъ современниковъ, чѣмъ на современный ему государственный порядокъ. Жизнь Московскаго государства и безъ Ивана устроилась бы такъ же, какъ она строилась до него и послѣ него; но безъ него это устроеніе пошло бы легче и ровнѣе, чѣмъ оно шло при немъ и послѣ него, важнѣйшіе политическіе вопросы были бы разрѣшены безъ тѣхъ потрясеній, какія были имъ подготовлены. Важнѣе отрицательное значеніе этого царствованія. Царь Иванъ былъ замѣчательный писатель, пожалуй даже бойкій политическій мыслитель; но онъ не былъ государственный дѣлецъ. Одностороннее, себялюбивое и мнительное направленіе его политической мысли при его нервной возбужденности лишило его практическаго такта, политическаго глазомѣра, чутья дѣйствительности, и успѣшно предпринявъ завершеніе государственнаго порядка, заложеннаго его предками, онъ незамѣтно для себя самого кончилъ тѣмъ, что поколебалъ самыя основанія этого порядка. Карамзинъ преувеличилъ очень немного, поставивъ царство-

Значеніе царя Ивана

ваніе Ивана,—одно изъ прекраснѣйшихъ по началу,—по конечнымъ его результатамъ на ряду съ монгольскимъ игомъ и бѣдствіями удѣльнаго времени. Враждѣ и произволу царь жертвовалъ и собой, и своей династіей, и государственнымъ благомъ. Его можно сравнить съ тѣмъ ветхозавѣтнымъ слѣпымъ богатыремъ, который, чтобы погубить своихъ враговъ, на самого себя повалилъ зданіе, на крышѣ коего эти враги сидѣли.

Лекція XXXI.

Составъ удѣльнаго общества. — Составъ московскаго служилаго класса. — Элементы служилые. — Элементы неслужилые: горожане-землевладѣльцы, приказные, служилые по прибору. — Иноземцы. — Количественное отношеніе составныхъ элементовъ по племенному происхожденію. — Лѣствица чиновъ. — Численность военно-служилаго класса. — Внѣшнее положеніе государства. — Войны на СЗ. — Борьба съ Крымомъ и ногаями. — Оборона сѣверо-восточныхъ границъ. — Береговая служба. — Линіи оборонительныхъ укрѣпленій. — Сторожевая и станичная служба. — Тяжесть борьбы. — Вопросъ о хозяйственномъ и военномъ устройствѣ служилаго класса и помѣстная система.

Мы изучили положеніе, какое заняло Московское боярство при своемъ новомъ составѣ въ отношеніи къ государю и въ государственномъ управленіи. Но политическое значеніе боярства не ограничивалось его правительственною дѣятельностью. Бояринъ былъ не только высшій сановникъ, правительственный совѣтникъ и сотрудникъ, но и соратникъ своего государя. По этому военному значенію боярство было только верхнимъ слоемъ многочисленнаго военно-служилаго класса, формировавшагося въ Московскомъ государствѣ въ продолженіе XV и XVI вв. Какъ слой правительственный, боярство выдѣлялось изъ этого класса; но оно входило въ его составъ, какъ слой военно-служилый, составляя его штабъ и высшую команду. Теперь изучимъ составъ и положеніе этого военно-служилаго класса, разумѣя и боярство, какъ его составную часть.

Составъ удѣльнаго общества.

Составъ военно-служилаго класса въ Московскомъ государствѣ тѣхъ вѣковъ былъ очень сложенъ. Чтобы понять его составные элементы, надо припомнить составъ общества въ удѣльномъ княжествѣ. Идеи подданства, какъ мы видѣли, въ удѣльномъ княжествѣ не существовало: господствовали договорныя отношенія свободныхъ обывателей удѣла къ его князю, основанныя на обоюдныхъ выгодахъ. Общество дѣлилось на классы по роду услугъ, какія оказывали лица удѣльному князю: одни служили ему ратную службу и назывались *боярами* и *слугами вольными;* другіе служили по дворцовому хозяйству князя, были его дворовыми людьми и назывались *слугами дворными;* наконецъ, третьи снимали у князя его земли, городскія или сельскія, за что̀ платили ему подать, тягло, и носили названіе *людей тяглыхъ, земскихъ* или *черныхъ.* Таковы три основные класса, изъ которыхъ состояло свободное гражданское общество въ удѣльномъ княжествѣ: слуги вольные съ боярами во главѣ, слуги дворные и люди черные, городскіе и сельскіе. Холопы, какъ несвободные люди, не составляли общественнаго класса въ юридическомъ смыслѣ слова. Особое положеніе занимали разные разряды лицъ, состоявшихъ при Церкви, съ духовенствомъ во главѣ: это былъ не особый классъ, а цѣлое общество *церковныхъ людей,* параллельное мірскому, со своимъ управленіемъ и судомъ, съ исключительными привилегіями; въ составъ его входили классы однородные съ мірскими, церковные бояре и слуги, крестьяне на церковныхъ земляхъ и т. п.

Служилые элементы служилаго класса.

Всѣ слои удѣльнаго общества или цѣликомъ вошли, или внесли свои вклады въ составъ служилаго класса въ Московскомъ государствѣ. Ядро его образовали бояре и слуги вольные, служившіе при московскомъ княжескомъ дворѣ въ удѣльные вѣка; только договорныя отношенія теперь замѣ-

нились обязательными государственными повинностями по закону. Съ половины XV в. составъ этого первоначальнаго московскаго двора, т. е. военно-служилаго класса осложнился новыми военными же элементами, вошедшими въ него со стороны. То были: 1) потомки князей великихъ и удѣльныхъ, сведенныхъ или сошедшихъ со своихъ столовъ и вошедшихъ въ составъ московскаго двора; 2) бояре и вольные слуги бывшихъ великихъ и удѣльныхъ князей, вмѣстѣ со своими хозяевами перешедшіе на московскую службу. Оба эти элемента цѣликомъ вошли въ составъ класса, хотя нѣкоторое время сохраняли свое мѣстное обособленіе и даже въ актахъ XVI в. писались: *князи ростовскіе, князи стародубскіе, дворъ тверской* и т. д.

Кромѣ этихъ военныхъ или вольныхъ слугъ въ составъ класса вошли еще элементы невоенные и невольные по происхожденію. То были: 1) бывшіе дворцовые, большею частью даже несвободные слуги великихъ и удѣльныхъ князей, разные приказные и ремесленные люди, служившіе при княжескихъ дворахъ для хозяйственныхъ надобностей, ключники, казначеи, тіуны, дьяки съ подъячими, конюхи, псари, садовники и т. п. Приблизительно съ половины XV в. эти дворцовые слуги стали получать отъ московскаго государя земли наравнѣ съ военно-служилыми людьми и вошли въ одинъ разрядъ съ ними, отбывая по землѣ ратную службу.

2) У прежнихъ удѣльныхъ бояръ и дворянъ были свои вооруженные дворовые слуги, холопы, съ которыми господа ходили въ походы. Московское правительство иногда отбирало этихъ привычныхъ къ оружію боярскихъ слугъ, *послужильцевъ* (бывшихъ служителей), на государственную службу, надѣляя ихъ землей и заставляя по землѣ нести ратную повинность наравнѣ съ прочими служилыми людьми.

Такъ послѣ покоренія Новгорода Великаго въ Москвѣ съ княжескихъ и боярскихъ дворовъ забрано было 47 семействъ такихъ слугъ, которые были испомѣщены въ Вотской пятинѣ и впослѣдствіи являются въ составѣ мѣстнаго дворянства.

Элементы неслужилые.

3) И неслужилое тяглое общество земскихъ или черныхъ людей вмѣстѣ съ духовенствомъ также внесло свой вкладъ въ составъ московскаго военно-служилаго класса. Тяглые люди вмѣстѣ съ поповичами различными путями проникали въ этотъ классъ. *а*) Съ половины XV в. устанавливается правило, что всѣ личные землевладѣльцы должны нести по землѣ воинскую повинность. Завоевывая вольные города, Новгородъ, Псковъ, Вятку, московское правительство находило тамъ горожанъ, владѣвшихъ землей, бояръ, житыхъ людей, земцевъ, и какъ землевладѣльцевъ верстало ихъ въ службу, однихъ оставляя на мѣстѣ, а другихъ переводя въ центральные уѣзды московскаго государства, гдѣ ихъ надѣляли вотчинами или помѣстьями взамѣнъ покинутыхъ земель. Я уже говорилъ въ свое время о массовыхъ переселеніяхъ новгородцевъ въ московскіе предѣлы. Въ 1488 г. переведено было сюда болѣе семи тысячъ житыхъ людей. Со многими изъ нихъ, вѣроятно, было поступлено такъ же, какъ съ боярами, житыми людьми и купцами новгородскими, переселенными въ московскіе края въ слѣдующемъ году числомъ болѣе тысячи „головъ“, по выраженію лѣтописи: всѣмъ имъ даны были помѣстья въ Московскомъ, Владимірскомъ, Муромскомъ, Ростовскомъ и другихъ центральныхъ уѣздахъ. На ихъ мѣсто и были посланы въ Новгородскую землю тѣ боярскіе послужильцы, о которыхъ я сейчасъ говорилъ. Такія же переселенія дѣлались изъ Пскова и Вятки послѣ ихъ покоренія. Такъ значительное количество землевладѣль-

цевъ-горожанъ изъ вольныхъ городовъ очутилось въ составѣ помѣстнаго дворянства по средней и нижней Окѣ, въ Алексинѣ, Боровскѣ, Муромѣ и т. д. *б*) Съ усложненіемъ приказной администраціи и письменнаго канцелярскаго дѣлопроизводства размножался и классъ дьяковъ съ подъячими. Они набирались примущественно изъ грамотныхъ людей, принадлежавшихъ къ духовному сословію или къ городскому простонародью. Еще кн. Курбскій съ боярской досадой писалъ, что большинство московскихъ дьяковъ его времени, самыхъ преданныхъ слугъ московскаго государя, вышло изъ „поповичей и простого всенародства". Эти дьяки съ подъячими получали свою приказную службу или пріобрѣтали сами вотчины и помѣстья и по общему правилу, какъ землевладѣльцы, обязаны были отбывать ратную службу, ставя за себя наемныхъ или крѣпостныхъ ратниковъ. Дѣти ихъ часто уже не сидѣли въ канцеляріяхъ, а со своихъ вотчинъ и помѣстій отбывали личную ратную службу наравнѣ съ прочими служилыми людьми. *в*) Сверхъ постоянныхъ служилыхъ людей, на которыхъ ратная служба падала *по отечеству*, какъ наслѣдственная сословная повинность, московское правительство, нуждаясь въ ратникахъ для внѣшней обороны, набирало ихъ на время войны и изъ тяглыхъ классовъ, городскихъ и сельскихъ. Церковные и свѣтскіе землевладѣльцы, не отправлявшіе личной ратной службы, архіерейскія каѳедры, монастыри, бояре, занятые при дворѣ, вдовы посылали со своихъ земель въ походы соотвѣтственное число вооруженныхъ слугъ, если не нанимали на-время охотниковъ. Съ городскихъ и сельскихъ обывателей, тяглыхъ и нетяглыхъ, иногда набирали ратныхъ людей по человѣку съ извѣстнаго числа дворовъ, „отъ отцовъ дѣтей и отъ братьи, братью и отъ дядь племянниковъ". По южнымъ городамъ

смежнымъ со степью, особенно по рѣкѣ Дону, жили козаки, которыхъ правительство также пріурочивало къ ратной службѣ. Всѣ эти разряды людей представляли обильный резервъ боевыхъ силъ, изъ котораго правительство по мѣрѣ надобности *прибирало* ратныхъ людей, пополняя этими людьми *по прибору* ряды постоянныхъ служилыхъ людей по отечеству. Такъ въ 1585 г. въ Епифанскомъ уѣздѣ 289 донскихъ козаковъ заразъ были поверстаны въ званіе *дѣтей боярскихъ*, составлявшее низшій чинъ провинціальнаго дворянства, и получили тамъ помѣстные надѣлы. Наконецъ, приказный человѣкъ половины XVII в. Котошихинъ въ своемъ описаніи Московскаго государства вспоминаетъ, что въ давніе прошлые годы, когда бывали войны у государства съ сосѣдями, московское правительство набирало ратниковъ изъ людей всякихъ чиновъ, даже изъ холоповъ и крестьянъ, изъ коихъ многіе за свою ратную службу и за „полонное терпѣніе“ выходили изъ холопства и крестьянства, получали отъ правительства мелкіе поземельные участки въ помѣстное или вотчинное владѣніе и такимъ путемъ входили въ ряды дѣтей боярскихъ. Таковы были разнообразныя туземныя струи, вносившія въ составъ московскаго служилаго люда боевыя силы изъ разныхъ классовъ общества.

Иноземцы. Но какъ въ удѣльные вѣка, такъ и теперь не прекращался приливъ ратныхъ слугъ изъ-за границы, изъ татарскихъ ордъ, изъ Польши, особенно изъ Литвы. Московское правительство иногда цѣлыми массами принимало этихъ выѣзжихъ слугъ. При Василіи, отцѣ Грознаго, съ кн. Глинскимъ выѣхала изъ Литвы толпа западно-руссовъ, которые цѣлымъ гнѣздомъ были испомѣщены въ Муромскомъ уѣздѣ и назывались „Глинскаго людьми“ или просто „Литвой“. Точно также въ 1535 г., въ правленіе

Елены, выѣхало на службу государя московскаго 300 семействъ Литвы съ женами и дѣтьми. По спискамъ провинціальныхъ дворянъ, сохранившимся отъ времени Грознаго, встрѣчаемъ среди помѣщиковъ Коломенскаго и другихъ уѣздовъ „литвяковъ нововыѣзжихъ". Еще обильнѣе былъ приливъ съ татарской стороны. Вслѣдъ за Василіемъ Темнымъ, когда онъ вышелъ изъ казанскаго плѣна, пріѣхалъ служить ему съ отрядомъ татаръ казанскій царевичъ Касимъ. Около половины XV в. этимъ татарамъ отданъ былъ Мещерскій Городецъ на Окѣ съ уѣздомъ, гдѣ среди иновѣрцевъ мещеры и мордвы верстъ на 200 вокругъ города испомѣщена была дружина Касимова; съ тѣхъ поръ и самый городъ сталъ зваться именемъ царевича. Точно такъ же при Грозномъ испомѣщены были многіе татарскіе мурзы около г. Романова на Волгѣ, доходы съ котораго шли на содержаніе этихъ поселенцевъ. Многіе татары, становясь русскими помѣщиками, принимали крещеніе и сливались съ русскими служилыми людьми. Въ тѣхъ же провинціальныхъ спискахъ начала XVII в. встрѣчаемъ въ уѣздахъ Московскомъ, Боровскомъ, Калужскомъ и смежныхъ сотни новокрещенъ изъ татаръ, Ивана Салтанова сына Турчанинова или Ѳедора Девлеткозина сына Рѣзанова и т. п., отчества которыхъ показываютъ, что отцы ихъ, ставъ тамъ помѣщиками и вотчинниками, еще въ XVI в. оставались магометанами. Сохранилась одна челобитная, бросающая нѣкоторый свѣтъ на пути этого перелива татарскихъ силъ въ составъ русскаго служилаго люда. Въ 1589 г. нововыѣзжій татаринъ новокрещенъ Кирѣйка билъ челомъ государю, что выѣхалъ онъ изъ Крыма на Донъ къ козакамъ и служилъ тамъ государю съ козаками 15 лѣтъ, крымскихъ людей грамливалъ и на крымскихъ людей воевать съ козаками хаживалъ, а съ Дону пришелъ въ

Путивль и здѣсь женился тому 5 лѣтъ; такъ государь смиловался бы, велѣлъ бы его дворъ въ Путивлѣ „обѣлить", освободить отъ податей, и ему служить царскую службу вмѣстѣ съ путивльскими бѣлодворцами.

Племенной составъ класса.

Такъ разнородны были составные элементы московскаго военно-служилаго класса. Довольно трудно опредѣлить количественное отношеніе между этими элементами. До насъ дошла оффиціальная родословная книга, составленная въ правленіе царевны Софьи послѣ отмѣны мѣстничества, на основаніи стараго московскаго родословца и поколѣнныхъ росписей, поданныхъ въ Разрядный приказъ служилыми людьми разныхъ фамилій. Въ этой такъ называемой *Бархатной книгѣ* перечислено до 930 служилыхъ фамилій, которыя составляли, какъ бы сказать, основной корпусъ московскаго служилаго класса, тотъ слой, что позднѣе стали называть *столбовымъ* дворянствомъ. Книга не даетъ достаточныхъ указаній, по которымъ можно было бы опредѣлить количественное отношеніе между фамиліями по соціальному происхожденію ихъ родоначальниковъ; но она сообщаетъ данныя, безъ сомнѣнія, неполныя и не всегда точныя, которыя позволяютъ составить хотя приблизительное понятіе о составѣ класса по племенному происхожденію его фамилій. По такому разсчету фамилій русскихъ, т.-е. великорусскихъ, оказывается 33%, происхожденія польско-литовскаго, т.-е. въ значительной степени западно-русскаго, 24%, происхожденія нѣмецкаго, западно-европейскаго 25%, происхожденія татарскаго и вообще восточнаго 17% и 1% остается неопредѣлимъ.

Лѣствица чиновъ.

Разнообразіе составныхъ элементовъ, соціальныхъ и этнографическихъ, должно было сообщать служилому московскому классу XV и XVI вв. чрезвычайную пестроту. Современемъ эти столь разнообразные элементы помощью

одинаковыхъ правъ и обязанностей сольются въ одно сословіе, а сословныя права и обязанности при содѣйствіи одинаковаго воспитанія, одинаковыхъ понятій, нравовъ и интересовъ сомкнутъ это сословіе въ плотный однородный слой населенія, который подъ именемъ дворянства надолго станетъ во главѣ русскаго общества и оставитъ въ немъ глубокіе слѣды своего вліянія. Но въ XVI в. еще не было ничего подобнаго: говоря о тогдашнемъ военно-служиломъ людѣ, нельзя говорить объ однородномъ плотномъ сословіи. Пестрота составныхъ элементовъ класса отражалась и на его служебной организаціи. Различные слои его къ концу XVI в. составили служебную іерархію, по ступенямъ которой служилые люди размѣщались „по отечеству и по службѣ", по родословной знатности и по боевой годности, образуя нѣсколько разрядовъ или *чиновъ*. Эти ступени составляли три группы чиновъ, горизонтально лежавшія одна на другой. Вотъ ихъ перечень, начиная сверху: 1) чины думные, *бояре*, *окольничіе* и *думные дворяне;* 2) чины служилые московскіе, т.-е. столичные—*стольники*, *стряпчіе*, *дворяне московскіе*, *жильцы;* 3) чины городовые или уѣздные, провинціальные—*дворяне выборные*, *дѣти боярскіе дворовые* и *дѣти боярскіе городовые*. Дворяне выборные были наиболѣе зажиточные и исправные по службѣ, отборные изъ уѣздныхъ дѣтей боярскихъ, какіе бывали не въ каждомъ уѣздѣ; они по очереди на извѣстный срокъ вызывались въ Москву для исполненія столичныхъ порученій, служили младшими офицерами въ своихъ уѣздныхъ отрядахъ, вмѣстѣ съ московскими чинами входили въ составъ царева полка, когда государь самъ шелъ въ походъ, вообще составляли переходную ступень отъ городовыхъ чиновъ къ столичнымъ. Лѣствица перечисленныхъ служилыхъ чиновъ XVI в. очень похожа на позднѣйшую табель о ран-

гахъ, однако отличаясь отъ нея тѣмъ, что служебные чины нашего времени пріобрѣтаются, разумѣется, въ законномъ порядкѣ, служебной подготовкой, образовательнымъ цензомъ и потомъ личной службой, а въ Московскомъ государствѣ ими жаловали не столько за личную службу, сколько „по отечеству", по службѣ отцовъ и дѣдовъ, составлявшей цензъ генеалогическій; слѣдовательно тогдашніе чины въ значительной степени были наслѣдственными. Человѣкъ знатнаго боярскаго рода обыкновенно начиналъ службу въ чинѣ дворянина московскаго, штабъ-офицера, или даже стольника, полковника, и постепенно поднимался выше. Незнатный городовой сынъ боярскій могъ дослужиться до чина жильца или дворянина московскаго, но чрезвычайно рѣдко поднимался выше. Значитъ, родовитый человѣкъ начиналъ съ того, чѣмъ иногда и очень рѣдко кончалъ неродовитый.

Численность класса.

Трудно опредѣлить численность всего военно-служилаго московскаго класса въ концѣ XVI в., когда завершалась его вербовка. Англійскій посолъ Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1588—1589 г., насчитываетъ до 100.000 ратниковъ, получавшихъ ежегодное жалованье и находившихся на постоянной службѣ; но онъ не указываетъ количества многочисленныхъ городовыхъ дѣтей боярскихъ, которыхъ мобилизовали только для извѣстнаго похода и потомъ распускали по домамъ. Флетчеръ не говоритъ и о служилыхъ инородцахъ, казанскихъ татарахъ, черемисахъ и мордвѣ, которыхъ Маржеретъ немного позднѣе Флетчера насчитываетъ до 28.000. По разрядной книгѣ полоцкаго похода 1563 г. въ рати, какую повелъ съ собой царь подъ этотъ городъ, числилось свыше 30.000 боевыхъ людей. Но книга не считала вооруженныхъ дворовыхъ людей, съ которыми шли въ походъ служилые помѣщики и вотчинники, и по-

тому разрядную цифру арміи, взявшей Полоцкъ, надобно удвоить, если не утроить; современники очевидно преувеличивали, доводя ея силу до 280, даже до 400 тысячъ. Въ 1581 г., когда Баторій осадилъ Псковъ съ гарнизономъ не менѣе 30.000 человѣкъ, а въ Новгородѣ стоялъ кн. Голицынъ съ 40 тысячами, подъ Старицей у царя было по лѣтописи собрано 30.000. Къ этимъ массамъ надо прибавить еще многія тысячи, которыя защищали взятыя незадолго до того Баторіемъ Полоцкъ, Соколъ, Великія Луки и другіе города и большая часть которыхъ погибла при взятіи этихъ городовъ. Тотъ же французскій капитанъ Маржеретъ, перечисляя разнообразныя составныя части московской рати, говоритъ, что онѣ въ совокупности достигаютъ невѣроятнаго числа (un nombre incroyable).

Внѣшнее положеніе государства.

Наборъ столь многочисленнаго военно-служилаго класса сопровождался глубокими перемѣнами въ общественномъ строѣ Московскаго государства. Этотъ наборъ со всѣми своими послѣдствіями былъ тѣсно связанъ съ тѣмъ же основнымъ фактомъ, изъ котораго вышли уже изученныя нами явленія тѣхъ вѣковъ, т.-е. съ территоріальнымъ расширеніемъ Московскаго государства. Новыя границы государства поставили его въ непосредственное сосѣдство съ внѣшними иноплеменными врагами Руси, шведами, литовцами, поляками, татарами. Это сосѣдство ставило государство въ положеніе, которое дѣлало его похожимъ на вооруженный лагерь, съ трехъ сторонъ окруженный врагами. Ему приходилось бороться на два растянутые и изогнутые фронта, сѣверозападный европейскій и юговосточный, обращенный къ Азіи. На сѣверозападѣ борьба изрѣдка прерывалась кратковременными перемиріями; на юговостокѣ въ тѣ вѣка она не прерывалась ни на минуту. Такое состояніе непрерывной борьбы стало уже нормальнымъ для

государства въ XVI в. Герберштейнъ, наблюдавшій Московію при отцѣ Грознаго, вынесъ такое впечатлѣніе, что для нея миръ—случайность, а не война.

Войны на СЗ.

На европейскомъ фронтѣ шла борьба со Швеціей и Ливоніей за восточные берега Балтійскаго моря, съ Литвой-Польшей за западную Русь. Въ 1492—1595 гг. было 3 войны со Швеціей и 7 войнъ съ Литвой-Польшей совмѣстно съ Ливоніей. Эти войны поглотили не менѣе 50 лѣтъ; слѣдовательно на западѣ въ эти 103 года мы круглымъ счетомъ годъ воевали и годъ отдыхали.

На ЮВ.

Зато на азіатской сторонѣ шла изнурительная непрерывная борьба. Здѣсь не было ни мировъ, ни перемирій, ни правильныхъ войнъ, а шло вѣчное обоюдостороннее подсиживаніе. Флетчеръ, намъ уже извѣстный, пишетъ, что война съ татарами крымскими, ногаями и другими восточными инородцами бываетъ у Москвы каждый годъ. Золотая Орда въ XV в. уже распадалась и окончательно разрушилась въ началѣ XVI в. Изъ ея развалинъ образовались новыя татарскія гнѣзда, царства Казанское и Астраханское, ханство Крымское и орды Ногайскія за Волгой и по берегамъ морей Азовскаго и Чернаго, между Кубанью и Днѣпромъ. По завоеваніи Казани и Астрахани наиболѣе безпокойствъ причинялъ Москвѣ Крымъ по своей связи съ турками, которые завоевали его въ 1475 г. и положили здѣсь конецъ господству генуезцевъ, владѣвшихъ Кафой-Ѳеодосіей, Судакомъ-Сурожемъ и другими колоніями по берегамъ Крыма. Прикрытый широкими пустынными степями, отрѣзанный отъ материка *перекопью*, широкимъ и глубокимъ шести-верстнымъ рвомъ, прорѣзывавшимъ узкій перешеекъ, съ высокимъ укрѣпленнымъ валомъ, Крымъ образовалъ неприступную съ суши разбойничью берлогу. Литвинъ Михалонъ, писавшій о татарахъ, литов-

цахъ и москвитянахъ въ половинѣ XVI в., насчитываетъ въ Крыму не болѣе 30 тысячъ конныхъ ратниковъ; но къ нимъ всегда готовы были присоединиться безчисленные татарскіе улусы, кочевавшіе по обширнымъ припонтійскимъ и прикаспійскимъ степямъ отъ Урала до нижняго Дуная. Въ 1571 и 1572 гг. ханъ крымскій дважды нападалъ на Москву съ полчищами во 120,000 чел. Крымское ханство представляло огромную шайку разбойниковъ, хорошо приспособленную для набѣговъ на Польшу, Литву и Московію. Эти набѣги были ея главнымъ жизненнымъ промысломъ. Тотъ же Флетчеръ пишетъ, что татары крымскіе обыкновенно нападаютъ на предѣлы Московскаго государства разъ или дважды въ годъ, иногда около Троицына дня, чаще во время жатвы, когда легче было ловить людей, разсѣянныхъ по полямъ. Но нерѣдки были и зимніе набѣги, когда морозъ облегчалъ переправу черезъ рѣки и топи. Въ началѣ XVI в. южная степь, лежавшая между Московскимъ государствомъ и Крымомъ, начиналась скоро за Старой Рязанью на Окѣ и за Ельцомъ на Быстрой Соснѣ, притокѣ Дона. Татары, кое-какъ вооруженные луками, кривыми саблями и ножами, рѣдко пиками, на своихъ малорослыхъ, но сильныхъ и выносливыхъ степныхъ лошадяхъ, безъ обоза, питаясь небольшимъ запасомъ сушенаго пшена или сыра да кобылиной, легко переносились черезъ эту необъятную степь, пробѣгая чуть не тысячу верстъ пустыннаго пути. Частыми набѣгами они прекрасно изучили эту степь, приспособились къ ея особенностямъ, высмотрѣли удобнѣйшія дороги, *сакмы* или *шляхи*, и выработали превосходную тактику степныхъ набѣговъ; избѣгая рѣчныхъ переправъ, они выбирали пути по водораздѣламъ; главнымъ изъ ихъ путей къ Москвѣ былъ *Муравскій* шляхъ, шедшій отъ Перекопа до Тулы

между верховьями рѣкъ двухъ бассейновъ, Днѣпра и Сѣвернаго Донца. Скрывая свое движенiе отъ московскихъ степныхъ разъѣздовъ, татары крались по лощинамъ и оврагамъ, ночью не разводили огней и во всѣ стороны разсылали ловкихъ развѣдчиковъ. Такъ имъ удавалось незамѣтно подкрадываться къ русскимъ границамъ и дѣлать страшныя опустошенiя. Углубившись густою массой въ населенную страну верстъ на сто, они поворачивали назадъ и, развернувъ отъ главнаго корпуса широкiя крылья, сметали все на пути, сопровождая свое движенiе грабежомъ и пожарами, захватывая людей, скотъ, всякое цѣнное и удобопереносное имущество. Это были обычные ежегодные набѣги, когда татары налетали на Русь внезапно, отдѣльными стаями въ нѣсколько сотенъ или тысячъ человѣкъ, кружась около границъ подобно дикимъ гусямъ, по выраженiю Флетчера, бросаясь туда, гдѣ чуялась добыча. Полонъ—главная добыча, которой они искали, особенно мальчики и дѣвочки. Для этого они брали съ собой ременныя веревки, чтобы связывать плѣнниковъ, и даже большiя корзины, въ которыя сажали забранныхъ дѣтей. Плѣнники продавались въ Турцiю и другiя страны. Кафа была главнымъ невольничьимъ рынкомъ, гдѣ всегда можно было найти десятки тысячъ плѣнниковъ и плѣнницъ изъ Польши, Литвы и Московiи. Здѣсь ихъ грузили на корабли и развозили въ Константинополь, Анатолiю и въ другiе края Европы, Азiи и Африки. Въ XVI в. въ городахъ по берегамъ морей Чернаго и Средиземнаго можно было встрѣтить немало рабынь, которыя укачивали хозяйскихъ ребятъ польской или русской колыбельной пѣсней. Во всемъ Крыму не было другой прислуги, кромѣ плѣнниковъ. Московскiя полоняники за свое умѣнье бѣгать цѣнились на крымскихъ рынкахъ дешевле польскихъ и

литовскихъ; выводя живой товаръ на рынокъ гуськомъ, цѣлыми десятками скованными за шею, продавцы громко кричали, что это рабы самые свѣжіе, простые, нехитрые, только что приведенные изъ народа королевскаго, польскаго, а не московскаго. Плѣнные приливали въ Крымъ въ такомъ количествѣ, что одинъ еврей-мѣняла, по разсказу Михалона, сидя у единственныхъ воротъ перекопи, которыя вели въ Крымъ, и видя нескончаемыя вереницы плѣнныхъ, туда проводимыхъ изъ Польши, Литвы и Московіи, спрашивалъ у Михалона, есть ли еще люди въ тѣхъ странахъ, или ужъ не осталось никого.

Береговая служба.

Взаимные счеты и недоразумѣнія, раздѣлявшіе Польшу-Литву и Москву, близорукость ихъ правительствъ и пренебреженіе къ интересамъ своихъ народовъ мѣшали обоимъ государствамъ устроить дружную борьбу со степными хищниками. Московское государство съ своей стороны напрягало всѣ силы и изобрѣтало разнообразные способы для обороны своихъ южныхъ границъ. Первымъ изъ нихъ была *береговая служба*: ежегодно весной мобилизовались значительныя силы на берегъ Оки. Разрядныя книги XVI в. ярко рисуютъ тревожную жизнь на южныхъ границахъ государства и усилія правительства для ихъ обороны. Ранней весной въ Разрядномъ Приказѣ закипала оживленная работа. Дьяки съ подъячими разсылали повѣстки въ центральные и украйные уѣзды съ приказомъ собрать ратныхъ людей, городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, назначая имъ сборные пункты и сборный срокъ, обыкновенно 25 марта, день Благовѣщенія. Посланные, собравъ ратниковъ по списку всѣхъ сполна, ѣхали съ ними на государеву службу; укрывавшихся, сыскивая, били кнутомъ. Городовые дворяне и дѣти боярскіе выступали въ походъ „конны, людны и оружны“, съ указнымъ числомъ коней, вооруженныхъ

дворовыхъ людей и въ указномъ вооруженіи. Пересмотрѣвъ ихъ на сборныхъ пунктахъ, присланные изъ Москвы воеводы въ случаѣ тревожныхъ вѣстей изъ степи соединяли ратниковъ въ пять корпусовъ, *полковъ*: большой полкъ становился у Серпухова, правая рука у Калуги, лѣвая у Каширы, передовой полкъ у Коломны, сторожевой у Алексина. Кромѣ того выдвигался впередъ шестой полкъ, летучій *ертоулъ*, для развѣдочныхъ разъѣздовъ. При дальнѣйшихъ тревожныхъ вѣстяхъ эти полки въ извѣстномъ порядкѣ трогались съ Оки и вытягивались къ степной границѣ. Такимъ образомъ ежегодно поднималось на ноги до 65 тысячъ рати. Если не приходило изъ степи тревожныхъ вѣстей, полки стояли на своихъ мѣстахъ иногда до глубокой осени, пока распутица не являлась имъ на смѣну посторожить Московское государство отъ внѣшнихъ враговъ.

Оборонительныя черты.

Другимъ средствомъ обороны было построеніе на опасныхъ границахъ укрѣпленныхъ линій, которыя не давали бы татарамъ врываться внутрь страны до сбора полковъ. Такія линіи, *черты*, какъ онѣ тогда назывались, состояли изъ цѣпи городовъ, остроговъ и острожковъ, обнесенныхъ рублеными стѣнами либо тыномъ, стоячими острогаными сверху бревнами, со рвами, валами, лѣсными *засѣками*, завалами изъ подсѣченныхъ деревьевъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ—все это съ цѣлью затруднить движеніе степныхъ конныхъ полчищъ. На юговосточной сторонѣ древнѣйшая изъ такихъ линій и ближайшая къ Москвѣ шла по Окѣ отъ Нижняго Новгорода до Серпухова, отсюда поворачивала на югъ до Тулы и продолжалась до Козельска. Впереди этой линіи тянулась верстъ на 400 отъ Оки подъ Рязанью мимо Венева, Тулы, Одоева, Лихвина до р. Жиздры подъ Козельскомъ цѣпь засѣкъ со рвами и валами въ безлѣс-

ныхъ промежуткахъ, съ острожками и укрѣпленными воротами. Вторая линія, построенная въ царствованіе Грознаго, шла отъ г. Алатыря на р. Сурѣ, захватывая въ свою цѣпь Темниковъ, Шацкъ, Ряжскъ, Данковъ, Новосиль, Орелъ, продолжалась къ югозападу на Новгородъ Сѣверскій и отсюда круто поворачивала на Рыльскъ и Путивль, такъ же имѣя впереди, гдѣ было можно, засѣки, рвы, острожки. При царѣ Ѳедорѣ въ исходѣ XVI в. возникла третья линія, чрезвычайно ломаная, точнѣе, представлявшая три ряда городовъ, постепенно углублявшіеся въ степь: Кромы, Ливны и Елецъ, Курскъ, Осколъ и Воронежъ, Бѣлгородъ и Валуйки—два послѣдніе въ южныхъ частяхъ нынѣшнихъ губерній Курской и Воронежской. Съ построеніемъ г. Борисова въ 1600 г. цѣпь укрѣпленныхъ украинскихъ городовъ подошла къ среднему теченію Сѣвернаго Донца, въ какія-нибудь 15 лѣтъ продвинулась къ югу съ верхней Оки и Тихой Сосны верстъ на 500 — 600 до черты, за которой неподалеку начинались уже татарскія кочевья. Первоначальное, коренное населеніе этихъ городовъ и остроговъ составлялось изъ военнаго люда, козаковъ, стрѣльцовъ, дѣтей боярскихъ, разныхъ службъ служилыхъ людей; но къ нимъ присоединялись и простые обыватели изъ ближнихъ городовъ. Старинная повѣсть о чудотворной Курской иконѣ Божіей матери даетъ нѣсколько указаній на постройку и заселеніе этихъ украйныхъ городовъ. Курскъ вмѣстѣ съ Ливнами и Воронежемъ входилъ въ третью оборонительную линію, въ цѣпь городовъ, называвшихся „польскими“ или „отъ поля“, со степной стороны. Онъ возникъ на мѣстѣ древняго города, носившаго то же имя и извѣстнаго уже въ XI в. Въ Батыево нашествіе онъ былъ разоренъ до основанія, и съ тѣхъ поръ весь тотъ край запустѣлъ надолго, покрылся большими лѣсами, въ

которыхъ обильно развелись звѣри и дикія пчелы, привлекавшіе къ себѣ промышленниковъ изъ Рыльска и другихъ окрестныхъ городовъ. Но татарскіе набѣги мѣшали основаться здѣсь прочному поселенію несмотря на то, что недалеко отъ Курскаго городища въ XV в. явилась чудотворная икона, собиравшая къ себѣ много богомольцевъ. Наконецъ слухъ о чудесахъ отъ иконы, стоявшей въ малой хижинѣ среди пустыни, дошелъ до царя Ѳедора, и онъ повелѣлъ въ 1597 г. на пустѣвшемъ $3^1/_2$ столѣтія городищѣ построить городъ. Слыша, что тотъ край исполненъ всякимъ довольствомъ, хлѣбомъ и звѣремъ, и медомъ, много народа приходило изъ Мценска, Орла и другихъ окрестныхъ городовъ и селилось въ Курскѣ и его уѣздѣ.

Сторожевая и станичная служба.

Одновременно съ укрѣпленными линіями устроялась *сторожевая и станичная служба*, бывшая третьимъ и очень важнымъ оборонительнымъ средствомъ. Опишу ее, какъ она отправлялась около 1571 г., когда для ея упорядоченія образована была особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ боярина кн. М. И. Воротынскаго, составившая уставъ той и другой службы. Изъ передовыхъ городовъ второй и частью третьей оборонительной линіи выдвигались въ разныхъ направленіяхъ на извѣстные наблюдательные пункты *сторожи и станицы* въ два, въ четыре и больше конныхъ ратниковъ, дѣтей боярскихъ и козаковъ, наблюдать за движеніями въ степи ногайскихъ и крымскихъ татаръ, „чтобъ воинскіе люди на государевы украины безвѣстно войною не приходили". Наблюдательные пункты удалялись отъ городовъ дня на четыре или дней на пять пути. Передъ 1571 г. такихъ сторожъ было 73, и онѣ образовали 12 цѣпей, сѣтью тянувшихся отъ р. Суры до р. Сейма и отсюда поворачивавшихъ на рр. Ворсклу и Сѣверный Донецъ. Сторожевые пункты отстояли

одинъ отъ другого на день, чаще на полдня пути, чтобы возможно было постоянное сообщеніе между ними. Сторожи были *ближнія и дальнія*, называвшіяся по городамъ, изъ которыхъ онѣ выходили. Ближе къ Окѣ, въ заднемъ ряду, становились сторожи дѣдиловскія, одна епифанская, мценскія и новосильскія, налѣво отъ нихъ — мещерскія шацкія и ряжскія, направо—орловскія и карачевскія, южнѣе, далѣе въ степь — сосенскія (по р. Быстрой Соснѣ), отъ Ельца и Ливенъ, донскія, рыльскія, путивльскія и наконецъ—донецкія, самыя дальнія. Сторожа̀ должны были стоять на своихъ мѣстахъ неподвижно, „съ коней не ссѣдая“, преимущественно оберегая рѣчные броды, *перелазы,* гдѣ татары лазили черезъ рѣки въ своихъ набѣгахъ. Въ то же время станичники, по два человѣка, объѣзжали свои *урочища*, пространства, порученныя ихъ береженію, верстъ по шести, по десяти и по пятнадцати направо и налѣво отъ наблюдательнаго пункта. Высмотрѣвъ движеніе татаръ, станичники тотчасъ давали о томъ знать въ ближніе города, а сами, пропустивъ татаръ, *разъѣзжали*, рекогносцировали сакмы, которыми прошелъ непріятель, чтобы смѣтить его численность по глубинѣ конскихъ слѣдовъ. Была выработана цѣлая система передачи степныхъ вѣстей сторожами и станичниками. Капитанъ Маржеретъ говоритъ что сторожа становились обыкновенно у большихъ одинокихъ степныхъ деревьевъ; одинъ изъ нихъ наблюдалъ съ вершины дерева, другіе кормили осѣдланныхъ лошадей. Замѣтивъ пыль на степной сакмѣ, сторожъ садился на готоваго коня и скакалъ къ другому сторожевому дереву, сторожъ котораго, едва завидѣвъ скачущаго, скакалъ къ третьему и такъ далѣе. Такимъ образомъ вѣсть о непріятелѣ довольно быстро достигала украйныхъ городовъ и самой Москвы.

Тяжесть борьбы.

Такъ шагъ за шагомъ отвоевывали степь у степныхъ разбойниковъ. Въ продолженіе всего XVI в. изъ году въ годъ тысячи пограничнаго населенія пропадали для страны, а десятки тысячъ лучшаго народа страны выступали на южную границу, чтобы прикрыть отъ плѣна и разоренія обывателей центральныхъ областей. Если представить себѣ, сколько времени и силъ матеріальныхъ и духовныхъ гибло въ этой однообразной и грубой, мучительной погонѣ за лукавымъ степнымъ хищникомъ, едва ли кто спроситъ, что дѣлали люди Восточной Европы, когда Европа Западная достигала своихъ успѣховъ въ промышленности и торговлѣ, въ общежитіи, въ наукахъ и искусствахъ.

Вопросъ объ устройствѣ служилаго класса.

Хозяйственное и военное устройство служилаго класса было согласовано какъ съ условіями внѣшней борьбы, такъ и съ наличными экономическими средствами государства. Постоянныя внѣшнія опасности создали для московскаго правительства необходимость многочисленной вооруженной силы. По мѣрѣ того, какъ эта сила набиралась, возникалъ и все настойчивѣе требовалъ разрѣшенія вопросъ, какъ содержать эту вооруженную массу. Въ удѣльные вѣка содержаніе немногочисленнаго служилаго люда при княжескихъ дворахъ обезпечивалось тремя главными источниками. То были: 1) *денежное жалованье,* 2) *вотчины*, пріобрѣтенію которыхъ служилыми людьми содѣйствовали князья, 3) *кормленія,* доходы съ извѣстныхъ правительственныхъ должностей, на которыя назначались служилые люди. Въ XV и XVI вв. эти удѣльные источники были уже недостаточны для хозяйственнаго обезпеченія все разроставшагося служилаго класса. Возникала настоятельная нужда въ новыхъ экономическихъ средствахъ. Но московское объединеніе сѣверной Руси не дало такихъ средствъ, не сопровождалось замѣтнымъ подъемомъ народнаго благо-

состоянія; торговля и промышленность не сдѣлали значительныхъ успѣховъ. Натуральное хозяйство продолжало господствовать. Успѣшнымъ собираніемъ Руси московскій государь-хозяинъ пріобрѣлъ одинъ новый капиталъ: то были обширныя пространства земли пустой или жилой, населенной крестьянами. Только этотъ капиталъ онъ и могъ пустить въ оборотъ для обезпеченія своихъ служилыхъ людей. Съ другой стороны, свойства враговъ, съ которыми приходилось бороться Московскому государству, особенно татаръ, требовали быстрой мобилизаціи, постоянной готовности встрѣтить непріятеля на границахъ. Отсюда естественно возникала мысль разсыпать служилыхъ людей по внутреннимъ, особенно по окрайнымъ областямъ съ большей или меньшей густотой, смотря по степени ихъ нужды въ оборонѣ, сдѣлать изъ землевладѣльцевъ живую изгородь противъ степныхъ набѣговъ. Для этого и пригодились обширныя земельныя пространства, пріобрѣтенныя Московскимъ государствомъ. Такимъ образомъ земля сдѣлалась въ рукахъ московскаго правительства средствомъ хозяйственнаго обезпеченія ратной службы; служилое землевладѣніе стало основаніемъ системы народной обороны. Изъ этого соединенія народной обороны съ землевладѣніемъ выработалась *помѣстная система.* Эта система является въ исторіи русскаго общественнаго строя съ половины XV в. вторымъ коореннымъ фактомъ, вышедшимъ изъ территоріальнаго расширенія Московскаго государства, считая первымъ фактомъ усиленный наборъ многочисленнаго служилаго класса. Въ нашей исторіи немного фактовъ, имѣющихъ такое значеніе въ образованіи государственнаго порядка и общественнаго быта, какое имѣла эта помѣстная система. Къ ея изученію мы и обращаемся.

Лекція XXXII.

Помѣстное землевладѣніе.—Мнѣнія о происхожденіи помѣстнаго права.—Происхожденіе помѣстнаго землевладѣнія.—Помѣстная система.—Ея правила.—Помѣстные и денежные оклады.—Помѣстное верстаніе.—Прожитки.

Помѣстное землевладѣніе.

Помѣстной системой мы называемъ порядокъ служилаго, т. е. обязаннаго ратной службой землевладѣнія, установившійся въ Московскомъ государствѣ XV и XVI вв. Въ основаніи этого порядка лежало *помѣстье*. Помѣстьемъ въ Московской Руси назывался участокъ казенной или церковной земли, данный государемъ или церковнымъ учрежденіемъ въ личное владѣніе служилому человѣку подъ условіемъ службы, т. е. какъ вознагражденіе за службу и вмѣстѣ какъ средство для службы. Подобно самой службѣ это владѣніе было временнымъ, обыкновенно пожизненнымъ. Условнымъ, личнымъ и временнымъ характеромъ своимъ помѣстное владѣніе отличалось отъ *вотчины*, составлявшей полную и наслѣдственную земельную собственность своего владѣльца.

Мнѣнія о происхожденіи помѣстнаго права.

Происхожденіе и развитіе помѣстнаго землевладѣнія—одинъ изъ самыхъ трудныхъ для изученія и самыхъ важныхъ по значенію вопросовъ въ исторіи русскаго права и государственнаго устройства. Понятно, что историки-юристы наши много занимались этимъ вопросомъ. Изъ высказанныхъ ими мнѣній приведу два наиболѣе авторитетныя. Неволинъ въ своей *Исторіи россійскихъ гражданскихъ*

законовъ допускаетъ существованіе такого условнаго землевладѣнія и даже правилъ для него до половины XV в., до княженія Ивана III. Но основанія помѣстнаго права, по его мнѣнію, являются только со времени этого великаго князя, когда входитъ въ употребленіе и самое слово *помѣстье*, и въ развитіи помѣстной системы изъ этихъ основаній Неволинъ считаетъ возможнымъ участіе греческаго вліянія, византійскаго государственнаго права, проводникомъ котораго въ московскую государственную жизнь былъ бракъ Ивана III съ греческой царевной. „По крайней мѣрѣ, говоритъ Неволинъ, слово *помѣстье* составлено по примѣру греческаго τοπίον: такъ назывались въ Византійской имперіи поземельные участки, которые были даваемы лицамъ отъ правительства подъ условіемъ воинской службы и переходили подъ тѣмъ же условіемъ отъ отца къ дѣтямъ". Но прилагательное отъ слова *помѣстье* является въ древнерусскомъ языкѣ раньше появленія царевны Софьи на Руси: въ окружномъ посланіи митрополита Іоны 1454 г. *помѣстными* называются удѣльные князья въ противоположность великимъ. Потому едва ли терминъ и понятіе русскаго помѣстья были подражаніемъ слову и институту византійскаго государственнаго права. Другой историкъ, Градовскій, даетъ вопросу болѣе сложное рѣшеніе. Помѣстное владѣніе предполагаетъ верховнаго собственника, которому земля принадлежитъ какъ неотъемлемая собственность. Русская государственная жизнь въ первый періодъ нашей исторіи не могла-де выработать идеи такого верховнаго землевладѣльца: русскій князь того времени считался государемъ, но не владѣльцемъ земли. Понятіе о князѣ, какъ верховномъ землевладѣльцѣ, возникло только въ монгольскій періодъ. Русскіе князья, какъ представители власти хана, пользовались въ своихъ удѣлахъ правами, какія

имѣлъ ханъ на всемъ подвластномъ ему пространствѣ. Потомъ русскіе князья унаслѣдовали отъ хана эти государственныя права въ свою полную собственность, и это наслѣдство поколебало начало частной собственности. Но Градовскій, какъ и Неволинъ, объясняя происхожденіе помѣстной системы, говоритъ собственно о происхожденіи *помѣстнаго права*, идеи помѣстнаго, условнаго владѣнія землей. Но право и основанная на немъ система общественныхъ отношеній—два совершенно различные историческіе момента. Не входя въ разборъ спорнаго вопроса о происхожденіи права, остановлю ваше вниманіе только на фактахъ, объясняющихъ развитіе системы.

Происхожденіе помѣстнаго землевладѣнія.

Какъ и все въ Московскомъ государствѣ, помѣстное землевладѣніе возникло еще въ удѣльное время: оно имѣло свой первоначальный источникъ въ поземельномъ хозяйствѣ московскаго князя. Чтобы объяснить происхожденіе такого землевладѣнія, надобно припомнить опять составъ общества въ удѣльномъ княжествѣ. Мы видѣли, что при дворѣ удѣльнаго князя было два рода слугъ: 1) слуги *вольные*, военные, 2) слуги *дворные*, дворцовые, называвшіеся еще „слугами подъ дворскимъ“. Слуги вольные составляли боевую дружину князя и служили ему по договору. Обязательства, какія они на себя принимали, не простирались на ихъ вотчины: служебныя отношенія слугъ вольныхъ были совершенно обособлены отъ отношеній поземельныхъ. Слуга вольный могъ покинуть князя, которому онъ служилъ, и перейти на службу къ другому князю, не теряя своихъ владѣльческихъ правъ на вотчину, находившуюся въ покинутомъ княжествѣ. Это раздѣленіе служебныхъ и поземельныхъ отношеній слугъ вольныхъ очень точно и настойчиво проведено въ договорныхъ грамотахъ князей удѣльнаго времени. Такъ въ договорѣ сыновей Калиты

1341 г. младшіе братья говорятъ старшему Семену: „а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля; кто поѣдетъ отъ насъ къ тобѣ или отъ тобе къ намъ, нелюбья ны не держати". Это значитъ, что если слуга вольный покинетъ службу при дворѣ одного брата и перейдетъ къ другому, оставленный братъ не долженъ мстить за это покинувшему его слугѣ. Итакъ вольная служба не связывалась съ землевладѣніемъ. Слуги подъ дворскимъ, дворецкимъ, составляли хозяйственную служню князя. Эта служба, напротивъ, обыкновенно обусловливалась землевладѣніемъ. Слуги дворные были ключники, тіуны, разные дворцовые прикащики, псари, конюхи, садовники, бортники и другіе ремесленники и рабочіе люди. Они рѣзко отличались отъ слугъ вольныхъ, военныхъ, и князья въ договорахъ обязывались не принимать ихъ, какъ и черныхъ людей, т.-е. крестьянъ, въ военную службу. Одни изъ этихъ слугъ дворныхъ были лично свободные люди, другіе принадлежали къ холопамъ князя. Тѣмъ и другимъ удѣльный князь за ихъ службу или для обезпеченія исправнаго ея отбыванія давалъ участки земли въ пользованіе. Отношеніе такихъ слугъ къ князю по землѣ изображено въ духовной грамотѣ удѣльнаго князя серпуховскаго Владиміра Андреевича 1410 г. Князь-завѣщатель говоритъ здѣсь о своихъ дворовыхъ людяхъ, которымъ розданы были земли въ пользованіе, что кто изъ тѣхъ бортниковъ, садовниковъ, псарей не захочетъ жить на тѣхъ земляхъ, „инъ земли лишенъ, поди прочь, а сами сыну князю Ивану не надобѣ, на котораго грамоты полные не будетъ, а земли ихъ сыну князю Ивану". Люди, на которыхъ не было полной грамоты,—это слуги лично свободные, не холопы *полные.* Грамота князя Владиміра хочетъ сказать, что для тѣхъ и другихъ дворцовыхъ слугъ, какъ свободныхъ, такъ и холоповъ, пользованіе княжей землей

неразрывно связано было со службой по княжескому хозяйству. Даже лично-свободные слуги по своимъ дворцовымъ обязанностямъ становились неполноправными, не могли, напримѣръ, пріобрѣтать земли въ полную собственность на вотчинномъ правѣ, на какомъ владѣли землей слуги вольные. Въ той же духовной князя Владиміра серпуховскаго мы читаемъ условіе: „а что мои ключники некупленые, а покупили деревни за моимъ ключомъ, сами ключники дѣтямъ моимъ не надобѣ, а деревни ихъ дѣтемъ моимъ, во чьемъ будутъ удѣлѣ". Значитъ, эти ключники были лично-свободные люди; служа князю, они покупали деревни въ его княжествѣ, т.-е. пріобрѣтали ихъ въ собственность; но эта собственность не признавалась полной: какъ скоро пріобрѣтатели покидали службу при князѣ, они, несмотря на свою личную свободу, лишались купленныхъ ими деревень. Древнерусская юридическая норма „по ключу по сельскому холопъ", не лишая ихъ личной свободы, ограничивала ихъ право землевладѣнія. Такимъ образомъ различные роды службы при дворѣ удѣльнаго князя вознаграждались разными способами. Это было однимъ изъ отличій службы вольной отъ дворной. Вольные слуги получали отъ князя за свою службу *кормы* и *доводы*, т.-е. доходныя административныя и судебныя должности: по договорнымъ грамотамъ князей тотъ слуга и признавался вольнымъ, „кто въ кормленьи бывалъ и въ доводѣ". Напротивъ, слуги дворные не назначались на такія доходныя должности: служба ихъ вознаграждалась земельными дачами, только подъ условіемъ службы, или правомъ пріобрѣтать земли куплей подъ тѣмъ же условіемъ. Съ половины XV в., съ московскимъ объединеніемъ сѣверной Руси, произошли важныя перемѣны въ строѣ служилаго класса. Во-первыхъ, служба слугъ вольныхъ, оставаясь военной,

перестаетъ быть вольной, становится обязательной: они лишаются права покидать службу великому князю московскому и переѣзжать въ удѣлы, а тѣмъ паче за русскую границу. Вмѣстѣ съ тѣмъ слугамъ военнымъ, переставшимъ быть вольными, московскій государь за ихъ службу даетъ земли на особенномъ правѣ, отличномъ отъ вотчиннаго. Въ первое время такія земли не назывались еще помѣстьями; но владѣніе ими отличалось уже условнымъ характеромъ. Такой характеръ особенно ясно обнаруживается въ одномъ замѣчаніи духовной грамоты вел. кн. Василія Темнаго 1462 г. Однимъ изъ усерднѣйшихъ боевыхъ слугъ этого князя въ борьбѣ съ Шемякой былъ нѣкто Ѳедоръ Басенокъ. Мать вел. князя Софья Витовтовна дала этому Басенку два своихъ села въ Коломенскомъ уѣздѣ, предоставивъ сыну своему по смерти ея распорядиться этими селами. Сынъ въ своей духовной и пишетъ о селахъ Басенка, что послѣ Басенкова живота тѣ села должны отойти къ его великой княгинѣ-женѣ. Значитъ, села, пожалованныя слугѣ вольному, даны были ему только въ пожизненное владѣніе: это—одинъ изъ признаковъ и признакъ существенный владѣнія помѣстнаго. Наконецъ, въ-третьихъ, дворцовая служба, въ удѣльные вѣка столь рѣзко отдѣлявшаяся отъ вольной, военной, съ половины XV в. стала смѣшиваться съ послѣдней, соединяться со службой ратной. Слуги дворные, какъ и бывшіе слуги вольные, одинаково стали зваться служилыми людьми московскаго государя и ходить въ походы наравнѣ съ ними. Тѣмъ и другимъ слугамъ правительство раздавало казенныя земли въ пользованіе совершенно на томъ же правѣ, на какомъ получали ихъ слуги дворные XIV в., только подъ условіемъ ратной службы, которой прежде не несли послѣдніе. Какъ скоро произошли эти перемѣны въ служебныхъ отношеніяхъ и

въ служиломъ землевладѣніи, это землевладѣніе получило характеръ помѣстнаго. Земельныя дачи, обусловленныя дворцовой и ратной службой бывшихъ вольныхъ и дворцовыхъ слугъ, и получили въ XV и XVI вв. названіе *помѣстій*.

Помѣстная система.

Итакъ, повторю, помѣстное владѣніе развилось изъ землевладѣнія дворцовыхъ слугъ при удѣльныхъ князьяхъ и отличалось отъ этого землевладѣнія тѣмъ, что условливалось не только дворцовой, но и ратной службой. Это отличіе становится замѣтно съ половины XV в.: не раньше этого времени помѣстье получаетъ значеніе средства обезпеченія какъ дворцовой, такъ и ратной службы; впрочемъ тогда же оба эти рода службы сливаются, теряютъ юридическое различіе. Съ той поры возникаетъ юридическая идея помѣстья, какъ земельнаго участка, обезпечивающаго государственную службу служилаго человѣка, ратную или дворцовую—безразлично. Съ этого же времени, т.-е. со второй половины XV в., помѣстное землевладѣніе складывается въ стройную и сложную систему, вырабатываются точныя правила испомѣщенія, раздачи земель въ помѣстное владѣніе. Эти правила стали необходимы, когда правительство, создавъ усиленнымъ наборомъ многочисленную вооруженную массу, начало устроять ея содержаніе земельными дачами. Слѣды усиленной и систематической раздачи казенныхъ земель въ помѣстное владѣніе появляются уже во второй половинѣ XV в. До насъ дошла переписная книга Вотьской пятины Новгородской земли, составленная въ 1500 г. Въ двухъ уѣздахъ этой пятины, Ладожскомъ и Орѣховскомъ, встрѣчаемъ по этой книгѣ уже 106 московскихъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ находилось около 3 тысячъ дворовъ съ 4 тысячами жившихъ въ нихъ крестьянъ и дворовыхъ людей.

Эти цифры показываютъ, какъ торопливо шло испомѣщеніе служилыхъ людей, и какого развитія достигло московское помѣстное владѣніе на сѣверозападной окраинѣ государства, въ Новгородской землѣ въ теченіе какихъ-нибудь двадцати лѣтъ по завоеваніи Новгорода. Въ названныхъ уѣздахъ Вотьской пятины по указанной книгѣ едва ли не большая половина всей пахотной земли была уже во владѣніи помѣщиковъ, переведенныхъ изъ центральной Московской Руси. Слѣды такого же усиленнаго развитія помѣстнаго владѣнія встрѣчаемъ и въ центральныхъ уѣздахъ государства. Отъ первыхъ лѣтъ XVI в. сохранилось нѣсколько межевыхъ грамотъ, разграничивающихъ Московскій и ближайшіе къ нему уѣзды одинъ отъ другого. По границамъ этихъ уѣздовъ грамоты указываютъ рядомъ съ вотчинниками множество мелкихъ помѣщиковъ; это были дьяки съ подьячими, псари, конюхи,—словомъ тѣ же дворцовые слуги, которымъ въ XIV в. князья давали земли въ пользованіе за службу. Въ XVI в. служилые люди иногда испомѣщались одновременно цѣлыми массами. Наиболѣе извѣстный случай такого испомѣщенія относится къ 1550 году. Для разныхъ службъ при дворѣ правительство тогда набрало изъ разныхъ уѣздовъ 1000 наиболѣе исправныхъ служилыхъ людей изъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Служилымъ людямъ, которыхъ служба привязывала къ столицѣ, нужны были для хозяйственныхъ надобностей подмосковныя вотчины или помѣстья. Этой тысячѣ набранныхъ по уѣздамъ для столичной службы служилыхъ людей правительство и роздало помѣстья въ Московскомъ и ближайшихъ уѣздахъ, присоединивъ къ этой массѣ нѣсколько людей высшихъ чиновъ, бояръ и окольничихъ, у которыхъ не было подмосковныхъ. Размѣры помѣстныхъ участковъ были неодинаковы и со-

отвѣтствовали чинамъ помѣщиковъ; бояре и окольничіе получили по 200 четвертей пашни въ полѣ (300 десятинъ въ 3 поляхъ); дворяне и дѣти боярскіе городовые, раздѣленные на нѣсколько статей или разрядовъ, получили по 200, 150 и по 100 четвертей въ каждомъ полѣ. Такимъ образомъ 1078 служилымъ людямъ разныхъ чиновъ въ томъ году роздано было заразъ 176,775 десятинъ пашни въ 3 поляхъ. Вскорѣ послѣ завоеванія Казани правительство привело въ порядокъ помѣстное владѣніе и поземельную службу, составило списки служилыхъ людей съ раздѣленіемъ ихъ на статьи по размѣрамъ помѣстнаго владѣнія и по окладамъ денежнаго жалованья, которое съ того же времени приведено было въ правильное соотношеніе съ размѣромъ ратной службы. До насъ дошли отрывки этихъ списковъ, составленныхъ около 1556 г. Здѣсь при имени каждаго служилаго лица обозначено, сколько у него вотчины и помѣстья, съ какимъ числомъ дворовыхъ людей обязанъ онъ являться на службу и въ какомъ вооруженіи и какъ великъ назначенный ему окладъ денежнаго жалованья. Съ этого времени помѣстное владѣніе и является стройной и сложной системой, основанной на точно опредѣленныхъ и постоянныхъ правилахъ. Изложу въ схематическомъ видѣ основанія этой системы, какъ они установились къ началу XVII в.

Правила системы.

Поземельнымъ устройствомъ и всѣми поземельными отношеніями служилыхъ людей завѣдывало особое центральное учрежденіе, *Помѣстный* приказъ, какъ приказъ *Разрядный* завѣдывалъ ихъ военно-служебными отношеніями, насколько тѣ и другія отношенія были тогда разграничены. Служилые люди владѣли землей *по мѣсту* службы, какъ и служили *по мѣсту*, гдѣ владѣли землей: такъ можно понимать слово *помѣстье*, каково бы ни было происхо-

жденіе этого термина, и кажется, такъ же понимали его у насъ и въ старину. Служба привязывала служилыхъ людей либо къ столицѣ, либо къ извѣстной области. Поэтому и служилые люди раздѣлялись на два разряда: къ первому принадлежали высшіе чины, служившіе „съ Москвы“, а также *выборъ* изъ городовъ, о которомъ у насъ уже была рѣчь. Второй разрядъ составляли низшіе чины, служившіе „изъ городовъ“, городовые или уѣздные дворяне и дѣти боярскіе. Московскіе чины кромѣ помѣстій и вотчинъ въ дальнихъ уѣздахъ должны были имѣть по закону подмосковныя дачи. Городовые дворяне и дѣти боярскіе получали помѣстья преимущественно тамъ, гдѣ служили, т.-е. гдѣ должны были защищать государство, образуя мѣстную землевладѣльческую милицію. Служебныя обязанности служилаго человѣка падали не только на его помѣстье, но и на вотчину; слѣдовательно служба была не помѣстная, а поземельная. Въ половинѣ XVI в. была точно опредѣлена самая мѣра службы съ земли, т.-е. тяжесть ратной повинности, падавшей на служилаго человѣка по его землѣ. По закону 20 сентября 1555 г. съ каждыхъ 100 четей доброй, угожей пашни въ полѣ, т.-е. со 150 десятинъ доброй пахотной земли долженъ былъ являться въ походъ одинъ ратникъ „на конѣ и въ доспѣхѣ полномъ“, а въ дальній походъ съ двумя конями. Землевладѣльцы, у которыхъ было больше 100 четвертей пашни въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, выводили съ собой въ походъ или выставляли, если не шли сами, соразмѣрное пашнѣ количество вооруженныхъ дворовыхъ людей. Помѣстные оклады или надѣлы назначались „по отечеству и по службѣ“, по родовитости служилаго лица и по качеству его службы, а потому были очень разнообразны. Притомъ *новику*, начинавшему службу, обыкновенно давали не весь окладъ

сразу, а только часть его, дѣлая потомъ прибавки по службѣ. Поэтому *оклады* отличались отъ *дачъ*. Размѣры тѣхъ и другихъ опредѣлялись различными условіями. Оклады были прямо пропорціональны чинамъ: чѣмъ выше чинъ служилаго человѣка, тѣмъ крупнѣе его помѣстный окладъ. Размѣръ дачи обусловливался размѣромъ вотчины и продолжительностью службы; дачи были обратно пропорціональны вотчинамъ: чѣмъ значительнѣе была вотчина у служилаго человѣка, тѣмъ меньше его помѣстная дача, ибо помѣстье было собственно подспорьемъ или замѣной вотчины. Наконецъ, и къ окладу, и къ дачѣ дѣлались *придачи* по продолжительности и исправности службы. Всѣ эти условія схематически можно выразить такъ: *окладъ по чину, дача по вотчинѣ и служебному возрасту, придача и къ окладу, и къ дачѣ—по количеству и качеству службы.*

Помѣстные оклады.

Таковы общія черты помѣстной системы. Обращаясь къ подробностямъ, находимъ указанія, что люди высшихъ чиновъ, бояре, окольничіе и думные дворяне, получали помѣстья отъ 800 до 2000 четвертей (1200—3000 десятинъ), стольники и дворяне московскіе—отъ 500 до 1000 четв. (750 — 1500 дес.). Въ царствованіе Михаила состоялся законъ, запрещавшій назначать стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ московскимъ помѣстные оклады свыше 1000 четвертей. Оклады провинціальныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ были еще разнообразнѣе въ зависимости отъ чиновъ, продолжительности службы, густоты служилаго населенія и запаса удобныхъ для испомѣщенія земель въ томъ или другомъ уѣздѣ: например̌ъ, въ Коломенскомъ уѣздѣ по книгѣ 1577 г. низшій окладъ — 100 четвертей, высшій—400; 100 четей, какъ мы видѣли признавались мѣрою, какъ бы единицей измѣренія слу-

жебной повинности служилаго человѣка. Если по той же книгѣ высчитать среднiй окладъ коломенскаго служилаго человѣка, получимъ 289 десятинъ пашни; но въ Ряжскомъ уѣздѣ, который имѣлъ болѣе густое служилое населенiе, среднiй окладъ понижается до 166 десятинъ. Впрочемъ размѣръ помѣстнаго оклада имѣлъ очень условное, даже фиктивное хозяйственное значенiе: помѣстныя дачи далеко ему не соотвѣтствовали. По коломенской книгѣ 1577 г. первому по списку сыну боярскому, какъ наиболѣе исправному, назначенъ высшiй окладъ въ 400 четв. пашни, а на дѣлѣ въ принадлежавшихъ ему коломенскихъ помѣстьяхъ числилось дѣйствительной пашни только 20 четей, да „перелогу и лѣсомъ поросло"—229 четей. Пашня запускалась подъ перелогъ и даже подъ кустарь и лѣсъ по недостатку хозяйственныхъ средствъ, инвентаря и рабочихъ рукъ у землевладѣльца, но и тогда она принималась въ счетъ пахотнаго надѣла при назначенiи помѣстнаго оклада и при разсчетѣ отношенiя помѣстнаго оклада къ дачѣ. Переступимъ нѣсколько за предѣлы изучаемаго времени, чтобы нагляднѣе видѣть разницу между окладами и дачами. По книгѣ Бѣлевскаго уѣзда 1622 г. значится 25 чел. *выбора,* составлявшаго высшiй разрядъ уѣздныхъ служилыхъ людей: это были наиболѣе состоятельные и исправные служилые люди уѣзда, получавшiе высшiе помѣстные оклады и дачи. Оклады бѣлевскимъ выборнымъ дворянамъ по той книгѣ назначены были въ размѣрѣ отъ 500 до 850 четей. Окладное количество земли, назначенной этимъ дворянамъ, достигаетъ 17,000 четвертей (25,500 дес.); между тѣмъ въ дачахъ, т. е. въ дѣйствительномъ владѣнiи за ними состояло только 4133 чети (6200 дес.). Значитъ, дачи составляли только 23% окладного назначенiя. Возьмемъ еще книги двухъ уѣздовъ, входившихъ въ одну хозяйственную полосу

съ Бѣлевскимъ, чтобы видѣть, какъ при одинаковыхъ или сходныхъ географическихъ и хозяйственныхъ условіяхъ разнообразились помѣстныя дачи: среднее помѣстье въ дачѣ для всѣхъ городовыхъ дѣтей боярскихъ Бѣлевскаго уѣзда — 150 десятинъ, Елецкаго — 123 десятины, Мценскаго—68 дес. Наконецъ, изъ книгъ тѣхъ же уѣздовъ можно видѣть отношеніе землевладѣнія вотчиннаго къ помѣстному по крайней мѣрѣ въ тѣхъ же верхне-окскихъ уѣздахъ: вотчины составляли въ Бѣлевскомъ уѣздѣ 24% всего служилаго городового землевладѣнія, въ Мценскомъ 17%, въ Елецкомъ 0,6%, а въ Курскомъ, прибавимъ, даже 0,14%, тогда какъ въ Коломенскомъ уѣздѣ, если судить только по одному Большому стану, за коломничанами и дѣтьми боярскими другихъ городовъ значилось по писцовой книгѣ 1577 г. вотчинъ 39% всего служилаго городового землевладѣнія, не считая того, чѣмъ владѣли тамъ церковныя учрежденія и люди высшихъ столичныхъ чиновъ. Итакъ, чѣмъ далѣе на югъ, въ глубь степи, тѣмъ болѣе вотчинное владѣніе отступало передъ помѣстнымъ. Запомнимъ этотъ выводъ: онъ объяснитъ намъ многое при изученіи общественнаго склада и экономическихъ отношеній въ южныхъ и центральныхъ уѣздахъ государства.

Оклады денежные.

Къ окладу помѣстному обыкновенно присоединялся денежный въ извѣстной пропорціи. О денежномъ жалованьи служилымъ людямъ говоритъ уже Герберштейнъ, извѣстія котораго относятся ко времени отца Грознаго; возможно, что это подспорье помѣстной службѣ дѣлалось и раньше, еще при дѣдѣ Грознаго. Размѣры денежныхъ окладовъ зависѣли отъ тѣхъ же условій, какими опредѣлялись оклады помѣстные; поэтому должно было существовать извѣстное отношеніе между тѣми и другими. По документамъ XVI в. трудно уловить это отношеніе; но въ XVII в. оно становится

замѣтно. По крайней мѣрѣ въ спискахъ служилыхъ людей того вѣка встрѣчаемъ замѣчаніе, что извѣстному человѣку „справленъ помѣстный окладъ противъ денежнаго жалованья“. Тогда же установилось правило увеличивать денежный окладъ въ связи съ помѣстнымъ: „денежная придача безъ помѣстные не бываетъ“. Приказный человѣкъ половины XVII в. Котошохинъ говоритъ, что денежный окладъ назначался по рублю на каждыя пять четей оклада помѣстнаго. Впрочемъ по документамъ видно, что эта пропорція и тогда не поддерживалась неизмѣнно. И денежные оклады, подобно помѣстнымъ, не всегда соотвѣтствовали дѣйствительнымъ дачамъ, были связаны съ характеромъ и ходомъ самой службы. Люди высшихъ чиновъ, постоянно занятые столичной службой или ежегодно мобилизуемые, получали назначенные имъ денежные оклады сполна и ежегодно; напротивъ, дѣти боярскіе городовые получали его во время Герберштейна черезъ два года въ третій, по Судебнику 1550 г.—или въ третій же, или въ четвертый годъ, а одинъ московскій памятникъ начала XVII в. замѣчаетъ, что городовымъ дѣтямъ боярскимъ, когда службы нѣтъ, даютъ денежное жалованье разъ въ пять лѣтъ и даже рѣже. Вообще денежное жалованье, какъ воспособленіе къ помѣстнымъ доходамъ, выдавалось служилымъ людямъ, когда надобно было поставить ихъ на ноги, приготовить къ походу. При ослабленіи служебной тягости денежный окладъ выдавался съ убавкой, напримѣръ, наполовину, „вполы“, а то и вовсе не выдавался, если служилый человѣкъ занималъ должность, дававшую ему доходъ или освобождавшую его отъ исполненія ратной повинности. О служилыхъ людяхъ высшихъ чиновъ, получавшихъ ежегодное жалованье, въ книгахъ писалось, что они „емлютъ жалованье изъ чети“, а о низшихъ городовыхъ—„емлютъ жалованье съ городомъ“.

Подъ *четями* разумѣлись финансовые приказы, между которыми распредѣлено было денежное содержаніе служилыхъ людей. То были чети Устюжская, Галицкая, Владимірская, Костромская, Новгородская. Получали жалованье „съ городомъ" городовые дѣти боярскіе, когда нужно было подготовить ихъ къ мобилизаціи.

Помѣстное верстаніе.

Уже въ XVI в. дворянская служба становилась сословной и наслѣдственной повинностью. По Судебнику 1550 г. отъ этой повинности свободны были только тѣ дѣти боярскіе и ихъ сыновья, еще не поступившіе на службу, которыхъ отставлялъ отъ службы самъ государь. Тогда же установился и порядокъ передачи этой повинности отъ отцовъ дѣтямъ. Помѣщики, служившіе съ помѣстій и вотчинъ, если онѣ были, держали при себѣ до возраста и готовили къ службѣ своихъ сыновей. Дворянинъ XVI в. начиналъ свою службу обыкновенно съ 15 лѣтъ. До этого онъ числился въ *недоросляхъ*. Поспѣвъ на службу и записанный въ служилый списокъ, онъ становился *новикомъ*. Тогда его, смотря по первымъ служебнымъ опытамъ, *верстали* помѣстьемъ, а по дальнѣйшимъ успѣхамъ и денежнымъ окладомъ *новичнымъ*, къ которому потомъ бывали придачи за службу, покуда новикъ не становился настоящимъ служилымъ человѣкомъ съ полнымъ *свершеннымъ* окладомъ денежнаго жалованья. Верстаніе новиковъ было двоякое: въ *отводъ* и въ *припускъ*. Старшихъ сыновей, поспѣвавшихъ на службу, когда отецъ еще сохранялъ силы служить, верстали въ отводъ, отдѣляли отъ отца, надѣляя ихъ особыми помѣстьями; одного изъ младшихъ, который поспѣвалъ на службу, когда отецъ уже дряхлѣлъ, припускали къ нему въ помѣстье, какъ замѣстителя, который по смерти отца вмѣстѣ съ землей долженъ былъ наслѣдовать и его служебныя обязанности; обыкновенно

онъ еще при жизни отца ходилъ за него въ походы, „служилъ съ отцова помѣстья". Иногда нѣсколько сыновей владѣли совмѣстно отцовымъ помѣстьемъ, имѣя въ немъ свои выти, доли.

Таковы были главныя правила помѣстнаго верстанія. Прожитки. Съ теченіемъ времени выработались мѣры для обезпеченія семействъ, остававшихся послѣ служилыхъ людей. Когда умиралъ служилый человѣкъ, его помѣстье уже въ XVI в. нерѣдко оставляли за недорослями-сиротами, если не было неверстанаго взрослаго сына, которому вмѣстѣ съ отцовымъ помѣстьемъ по смерти отца передавали и попеченіе о малолѣтнихъ братьяхъ и сестрахъ. Но изъ помѣстья выдѣлялись извѣстныя доли *на прожитокъ* (пенсію) вдовѣ и дочерямъ умершаго, вдовѣ до смерти, вторичнаго замужства или до постриженія, дочерямъ до 15 лѣтъ, когда онѣ могли выйти замужъ: въ 1556 г. было указано „больше 15 лѣтъ за дѣвками помѣстья не держать". Но если къ тому сроку у дѣвицы подыскивался женихъ изъ служилыхъ же людей, она могла справить за нимъ свой прожитокъ. Такъ въ служилой семьѣ всѣ дѣти служили: достигнувъ призывнаго возраста, сынъ—на коня защищать отечество, дочь—подъ вѣнецъ готовить резервъ защитниковъ. Размѣръ прожитковъ зависѣлъ отъ рода смерти покидавшаго пенсіонерокъ помѣщика. Если онъ умиралъ дома своей смертью, вдовѣ его выдѣлялось 10% изъ его помѣстья, дочерямъ по 5%; если онъ былъ убитъ на походѣ, эти оклады прожитковъ удвоялись.

Таковы главныя основанія помѣстной системы. Теперь изучимъ ея дѣйствіе.

Лекція XXXIII.

Ближайшія слѣдствія помѣстной системы. — I. Вліяніе помѣстнаго принципа на вотчинное землевладѣніе. Мобилизація вотчинъ въ XVI в.—II. Помѣстная система, какъ средство искусственнаго развитія частнаго землевладѣнія.—III. Образованіе уѣздныхъ дворянскихъ обществъ. — IV. Появленіе служилаго землевладѣльческаго пролетаріата.—V. Неблагопріятное вліяніе помѣстнаго землевладѣнія на города.—VI. Вліяніе помѣстной системы на судьбу крестьянъ.

Я изложилъ основанія помѣстной системы въ томъ видѣ, какой она приняла къ началу XVII в. Развитіе этой системы служилаго землевладѣнія сопровождалось разнообразными и важными послѣдствіями, которыя сильно чувствовались въ государственномъ и народно-хозяйственномъ быту не только древней, но и новой Руси, чувствуются еще и доселѣ. Въ нашей исторіи очень немного фактовъ, которые производили бы болѣе глубокій переворотъ какъ въ политическомъ складѣ, такъ и въ хозяйственномъ быту общества. Я перечислю теперь только ближайшія изъ этихъ послѣдствій, которыя успѣли обнаружиться уже къ концу XVI вѣка.

Помѣстье и вотчина.

I. Помѣстное землевладѣніе измѣнило юридическій характеръ землевладѣнія вотчиннаго. Перемѣна эта была произведена распространеніемъ на вотчинное землевладѣніе принципа, на которомъ было построено землевладѣніе помѣстное. Въ удѣльное время, какъ мы видѣли, государственная служба, точнѣе, вольная служба при дворѣ

князя не была связана съ землевладѣніемъ. Поземельныя отношенія боярина и вольнаго слуги строго отдѣлялись отъ его личныхъ служебныхъ отношеній къ князю; вольный слуга могъ служить въ одномъ удѣлѣ и владѣть землею въ другомъ. Этимъ строгимъ раздѣленіемъ поземельныхъ и служебныхъ отношеній въ удѣльные вѣка обусловливалось тогдашнее государственное значеніе земли. Тогда земля платила, несла тягло; служили только лица. Это правило примѣнялось такъ послѣдовательно, что бояре и вольные слуги, покупавшіе земли черныхъ людей, т.-е. крестьянъ, живущихъ на казенной княжеской землѣ, обязаны были тянуть тягло вмѣстѣ съ крестьянами, а въ противномъ случаѣ теряли купленныя земли, которыя возвращались чернымъ людямъ даромъ. Точно такъ же барская пашня, которую служилый землевладѣлецъ пахалъ на себя своими дворовыми людьми, подлежала общимъ поземельнымъ повинностямъ, и только со второй половины XVI в. часть ея, пропорціонально помѣстному окладу владѣльца, *обѣлялась*, освобождалась отъ тягла. Въ томъ и другомъ случаѣ привилегированное положеніе служилаго землевладѣльца по службѣ не отражалось на его землевладѣніи. Теперь служба связалась съ землей, т.-е. служебныя повинности распредѣлялись на лица по землѣ. Поэтому теперь рядомъ съ землей *платящей* явилась земля *служащая* или, говоря точнѣе, земля платящая въ рукахъ служилаго человѣка становилась и землей служащей. Благодаря этому соединенію службы съ землей произошла двоякая перемѣна въ вотчинномъ землевладѣніи: 1) стѣснено было право пріобрѣтенія вотчинъ, т.-е. ограниченъ былъ кругъ лицъ, имѣвшихъ это право; 2) стѣснено было право распоряженія вотчинами. Какъ скоро государственная служба, какъ повинность, стала падать на лица по землѣ, утвер-

дилась мысль, что кто служитъ, тотъ долженъ имѣть землю. На этой мысли и была построена помѣстная система. Прямымъ послѣдствіемъ этой мысли было другое правило: кто владѣетъ землей, тотъ долженъ служить. Въ удѣльное время право земельной собственности принадлежало на Руси всѣмъ свободнымъ классамъ общества; но какъ скоро восторжествовало указанное правило, внесенное принципомъ помѣстнаго владѣнія, землевладѣніе на личномъ вотчинномъ правѣ должно было стать привилегіей служилыхъ лицъ. Вотъ почему въ Московскомъ государствѣ XVI в. мы уже не встрѣчаемъ въ гражданскомъ обществѣ землевладѣльцевъ вотчинниковъ, которые бы не принадлежали къ служилому классу. Вотчины церковныя не были личной собственностью, а принадлежали церковнымъ учрежденіямъ; впрочемъ и 'они отбывали ратную повинность черезъ своихъ церковныхъ слугъ, которые подобно государевымъ служилымъ людямъ получали помѣстья отъ этихъ учрежденій. Итакъ кто владѣлъ землей въ Московскомъ государствѣ на вотчинномъ правѣ, тотъ долженъ былъ служить или переставалъ быть земельнымъ вотчинникомъ. Далѣе ограничено было право распоряженія вотчинами. На вотчинное землевладѣніе налагалась служебная повинность въ одинаковой степени, какъ и на землевладѣніе помѣстное. Слѣдовательно, вотчиной могло владѣть только лицо физическое или юридическое, способное нести военную службу лично или черезъ своихъ вооруженныхъ слугъ. Отсюда законъ сталъ ограничивать право распоряженія вотчинами, чтобы помѣшать ихъ переходу въ руки, неспособныя къ службѣ, или помѣшать ихъ выходу изъ рукъ способныхъ, т.-е. предотвратить ослабленіе служебной годности служилыхъ фамилій. Это стѣсненіе коснулось права отчужденія и права завѣщанія вотчинъ, именно родовыхъ,

т.-е. наслѣдственныхъ, а не благопріобрѣтенныхъ. Государство старалось обезпечить и поддержать служебную годность не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ служилыхъ фамилій. Отсюда и вытекали ограниченія, какимъ подвергалось право отчужденія и завѣщанія родовыхъ вотчинъ. Эти ограниченія наиболѣе полно изложены въ двухъ законахъ 1562 и 1572 гг. Оба эти указа ограничивали право отчужденія вотчинъ княжескихъ и боярскихъ. Князья и бояре по этимъ законамъ не могли продавать, мѣнять, вообще какимъ-либо образомъ отчуждать свои старинныя наслѣдственныя вотчины. На дѣлѣ допускались случаи, въ которыхъ вотчинники могли продавать свои родовыя вотчины, впрочемъ ни въ какомъ случаѣ не болѣе половины; но это дозволенное отчужденіе стѣснялось правомъ выкупа родовыхъ вотчинъ родичами. Это право опредѣлено уже въ Судебникѣ царя Ивана и въ дополнительныхъ къ нему указахъ. Отчужденіе родовыхъ вотчинъ обусловливалось молчаливымъ согласіемъ родичей. Вотчинникъ, продавая родовую вотчину, отказывался отъ права выкупать ее за себя и за своихъ нисходящихъ потомковъ. Боковые родственники, подписываясь свидѣтелями на купчей, этимъ самымъ отказывались отъ права выкупа проданной вотчины: но это право сохранялось за остальными родичами, которые не давали своихъ подписей на купчей; они могли выкупить проданную вотчину въ продолженіе 40 лѣтъ. Притомъ родичъ, выкупившій свою родовую вотчину, лишался уже права дальнѣйшаго отчужденія ея въ чужой родъ, а былъ обязанъ передавать ее путемъ продажи или завѣщанія только членамъ своей фамиліи. Еще болѣе стѣснено было наслѣдованіе родовыхъ вотчинъ. Вотчинникъ могъ отказать свою вотчину нисходящимъ потомкамъ или за неимѣніемъ ихъ ближайшимъ боковымъ родичамъ, разумѣя

подъ послѣдними степени родства, не допускающія брака; но право завѣщанія, какъ и право наслѣдованія по закону, ограничено было немногими поколѣніями, именно могло простираться только до четвертаго колѣна, т.-е. не далѣе боковыхъ внучатъ: „а далѣ внучатъ вотчинъ не отдавать роду". Вотчинникъ могъ отказать свою вотчину или только часть вотчины, если она была крупная, своей женѣ, но только на прожитокъ, во временное владѣніе, не предоставляя ей права дальнѣйшаго распоряженія; по прекращеніи этого владѣнія завѣщанное отходитъ къ государю, а душу вдовы „велитъ государь изъ своея казны устроить". Наконецъ, закономъ 1572 г. запрещено было вотчинникамъ отказывать свои вотчины „по душѣ" въ большіе монастыри, „гдѣ вотчинъ много". Благодаря этимъ стѣсненіямъ вотчинное землевладѣніе значительно приблизилось къ землевладѣнію помѣстному. Какъ легко замѣтить, всѣ изложенныя ограниченія вызваны были двумя цѣлями: поддержать служебную годность служилыхъ фамилій и не допускать перехода служилыхъ земель въ руки, неспособныя къ службѣ или непривычныя къ ней. Послѣдняя цѣль прямо высказывалась въ указахъ XVI в., ограничивавшихъ право завѣщанія. Эти указы оправдывали налагаемыя ими стѣсненія тѣмъ, чтобы „въ службѣ убытка не было, и земля бы изъ службы не выходила". Таково было первое послѣдствіе помѣстной системы, отразившееся на юридическомъ значеніи вотчиннаго землевладѣнія. Вотчина подобно помѣстью переставала быть полной частной собственностью и становилась владѣніемъ обязаннымъ, условнымъ.

Мобилизація вотчинъ.

Впрочемъ надо оговориться, что это ограниченіе правъ вотчиннаго землевладѣнія не было исключительнымъ дѣломъ землевладѣнія помѣстнаго: по крайней мѣрѣ едва ли

не большая часть княжескихъ вотчинъ XVI в. подверглась дѣйствію еще другого условія, ограничивавшаго также эти права. Послѣдніе ускоренные шаги государственнаго объединенія Московской Руси произвели въ средѣ служилыхъ князей и значительной части нетитулованныхъ бояръ быструю мобилизацію земельной собственности. Въ этомъ движеніи участвовали не одни государственные разсчеты московскаго правительства, но и хозяйственныя побужденія самихъ служилыхъ землевладѣльцевъ. Тогда во множествѣ исчезали вотчины, владѣемыя изстари, унаслѣдованныя отъ отцовъ и дѣдовъ, во множествѣ стали являться вотчины новыя, недавно купленныя, вымѣненныя, чаще всего пожалованныя. Благодаря этому движенію юридическое понятіе о частной гражданской вотчинѣ, завязавшееся въ періодъ удѣльнаго дробленія Руси или унаслѣдованное отъ предыдущихъ вѣковъ, но еще не успѣвшее устояться, укрѣпиться при недавнемъ господствѣ родового владѣнія,— теперь это понятіе снова замутилось и поколебалось. Причина этого колебанія сказалась и въ законѣ 1572 г., въ которомъ отъ старинныхъ вотчинъ боярскихъ отличены вотчины „государскаго данья“, т.-е. жалованныя государемъ, и о нихъ постановлено, что въ случаѣ бездѣтной смерти владѣльца съ ними должно поступать, какъ обозначено въ жалованной грамотѣ: если грамота утверждаетъ вотчину за бояриномъ съ правомъ передачи женѣ, дѣтямъ и роду, такъ и поступать; если же въ грамотѣ вотчина написана только самому боярину лично, то по смерти его она возвращается къ государю. Впрочемъ и это условіе имѣло нѣкоторую внутреннюю связь съ помѣстнымъ землевладѣніемъ, вытекало изъ соображеній или интересовъ государственной службы. Оба условія также вели къ тому, что вотчина подобно помѣстью переставала быть полной частной

собственностью и становилась владѣніемъ обязаннымъ, условнымъ.

Искусственное развитіе частнаго землевладѣнія.

II. Помѣстное землевладѣніе стало средствомъ искусственнаго развитія частнаго землевладѣнія на Руси. Огромное количество казенной земли роздано было служилымъ людямъ на помѣстномъ правѣ. При настоящей обработкѣ исторіи русскаго землевладѣнія нельзя опредѣлить точно количественное отношеніе помѣстныхъ земель къ вотчиннымъ ни въ XVI, ни въ XVII в. Можно только догадываться, что уже къ концу XVI в. помѣстное землевладѣніе количественно на много превосходило вотчинное. Даже тамъ, гдѣ можно предполагать давнее и усиленное развитіе вотчиннаго землевладѣнія, оно въ первой половинѣ XVII в. уступало помѣстному: въ Московскомъ уѣздѣ по книгамъ 1623—24 г. за помѣщиками числилось 55% всей служилой земли, тамъ значившейся. Опираясь на это данное, сдѣлаю нѣсколько фантастическій разсчетъ, имѣющій значеніе не историческаго вывода, а только методологическаго пріема, помогающаго воображенію представить хотя приблизительные размѣры изучаемаго факта. Я уже приводилъ извѣстіе лѣтописи о 300 тысячахъ ратниковъ, собранныхъ царемъ Иваномъ подъ Старицей въ концѣ войны съ королемъ Баторіемъ. Въ этой массѣ навѣрное было не мало людей даточныхъ, рекрутовъ изъ неслужилыхъ классовъ; поэтому убавимъ ее на одну треть. За каждымъ служилымъ ратникомъ въ походѣ предполагалось по закону 150 дес. пашни, не считая луговой земли. Знаемъ также, что среди провинціальнаго дворянства вотчины встрѣчались очень рѣдко; да не особенно богато было ими и дворянство столичное, даже большинство боярства. Потому въ составѣ 30 мил. десят. пахотной земли, которые можно предполагать за 200-тысячною ратью, собранной подъ Старицей, помѣстной земли

можно считать гораздо болѣе половины. При тогдашней территоріи Московскаго государства и особенно при тогдашнихъ размѣрахъ лѣсной площади на ней можно по такому примѣрному разсчету представить себѣ, какое относительно огромное количество угожей пашни путемъ испомѣщенія перешло къ служилымъ людямъ къ концу XVI в., т.-е. во 100 лѣтъ съ чѣмъ-нибудь. Желательно было бы хотя приблизительно разсчитать, сколько сельскихъ рабочихъ силъ занимало все это количество земли, перешедшей къ служилымъ владѣльцамъ. Обратимся опять къ извѣстіямъ XVII в. Самъ Котошихинъ отказывается даже приблизительно смѣтить, сколько было крестьянъ за всѣми служилыми людьми его времени; онъ только говоритъ, что за иными боярами было по 10, по 15 и болѣе тысячъ крестьянскихъ дворовъ. Но онъ приводитъ нѣсколько цифръ, помогающихъ выясненію дѣла. По его словамъ, казенныхъ и дворцовыхъ земель въ царствованіе Алексѣя оставалось уже немного: казенныхъ или черныхъ не болѣе 20 тысячъ, дворцовыхъ не болѣе 30 т. крестьянскихъ дворовъ. Всѣ остальныя населенныя земли находились уже въ частномъ владѣніи; изъ нихъ за церковными властями, патріархомъ и епископами, числилось 35 т. дворовъ, за монастырями около 90 т. Но по переписнымъ книгамъ 1678—79 г. всѣхъ крестьянскихъ дворовъ числилось 750 тыс. или нѣсколько болѣе; исключивъ 175 т. дворовъ церковныхъ, казенныхъ и дворцовыхъ, за служилыми людьми всѣхъ чиновъ можно считать около 575 т., т.-е. болѣе $^3/_4$ всего количества крестьянскихъ дворовъ. Для насъ теперь не важно, сколько считалось помѣстныхъ и сколько вотчинныхъ крестьянъ во время Котошихина и по переписи 1678—79 г. Во второй половинѣ XVII в. уже завершался давно начавшійся двусторонній процессъ превращенія помѣстій въ вотчины и сліянія помѣстій съ вотчинами. Во-пер-

выхъ, помѣстное владѣніе постепенно прямо превращалось въ вотчинное посредствомъ выслуги. Важныя государственныя заслуги, оказанныя служилымъ лицомъ, награждались тѣмъ, что извѣстная доля его помѣстнаго оклада, обыкновенно 20%, жаловалась ему въ вотчину. Кромѣ того разрѣшалось помѣщикамъ покупать у казны помѣстныя земли въ вотчину. Рядомъ съ этими отдѣльными переходами одного вида землевладѣнія въ другой шло постепенное общее сліяніе обоихъ видовъ. Если начала помѣстнаго владѣнія проникали въ вотчинное, то и помѣстье воспринимало особенности вотчины. Землю, недвижимость, заставляли исполнять роль денегъ, замѣнять денежное жалованье за службу. Потому помѣстье вопреки своей юридической природѣ личнаго и временнаго владѣнія стремилось стать фактически наслѣдственнымъ. По устанавливавшемуся уже въ XVI в. порядку верстанія и испомѣщенія помѣстье либо дѣлилось между всѣми сыновьями помѣщика, либо справлялось только за младшими, въ службу поспѣвшими, либо переходило къ малолѣтнимъ дѣтямъ въ видѣ прожитка. Еще отъ 1532 года сохранилась духовная, въ которой завѣщатель проситъ душеприкащиковъ ходатайствовать о передачѣ его помѣстья его женѣ и сыну, а въ одной духовной 1547 г. братья-наслѣдники наравнѣ съ вотчиной отца подѣлили между собой и его помѣстье. Законъ 1550 г., испомѣщая подъ Москвой извѣстную тысячу служилыхъ людей, установилъ, какъ правило, переходъ подмосковнаго помѣстья отъ отца къ сыну, годному къ службѣ. Бывали случаи и менѣе прямого наслѣдованія: одно помѣстье перешло отъ отца къ сыну, послѣ котораго оно было справлено за его матерью, а послѣ нея досталось ея внуку. Съ начала XVII в. помѣстья иногда прямо завѣщаются женамъ и дѣтямъ, какъ вотчины, а при царѣ

Михаилѣ былъ узаконенъ переходъ помѣстья въ родъ въ случаѣ бездѣтной смерти помѣщика. Отсюда уже при Михаилѣ появляется въ указахъ совсѣмъ не помѣстное выраженіе *родовыя помѣстья.* Кромѣ завѣщанія постепенно входила въ обычай и облегчалась закономъ *мѣна* помѣстій. Потомъ разрѣшена была *сдача* помѣстій зятьямъ въ видѣ приданаго или родичамъ и даже стороннимъ людямъ съ обязательствомъ кормить сдатчика или сдатчицу, а въ 1674 г. отставные помѣщики получили право сдавать помѣстья и за деньги, т. е. продавать ихъ. Такъ къ праву пользованія, которымъ первоначально ограничивалось помѣстное владѣніе, присоединились и права распоряженія, и если къ концу XVII в. законъ тѣсно приблизилъ помѣстье къ вотчинѣ, то въ понятіяхъ и практикѣ помѣстныхъ владѣльцевъ между обоими видами землевладѣнія исчезло всякое различіе. Наконецъ въ XVIII в. по законамъ Петра Великаго и императрицы Анны помѣстья стали собственностью владѣльцевъ, окончательно слились съ вотчинами, и самое слово *помѣщикъ* получило значеніе земельнаго собственника изъ дворянъ, замѣнивъ собою слово *вотчинникъ:* это также показываетъ, что помѣстье было преобладающимъ видомъ земельнаго владѣнія въ Московскомъ государствѣ. Значитъ, безъ помѣстной системы, путемъ естественнаго народно-хозяйственнаго оборота у насъ не образовалось бы столько частныхъ земельныхъ собственниковъ, сколько ихъ оказалось въ XVIII в. Въ этомъ отношеніи помѣстная система имѣла для русскаго дворянства то же значеніе, какое получило для крестьянъ Положеніе 19 февраля 1861 года: этимъ Положеніемъ искусственно, при содѣйствіи государства, создано крестьянское землевладѣніе, т. е. огромное количество земли на правахъ собственности передано крестьянскимъ обществамъ.

Уѣздныя дворянскія общества.

III. Развитіе помѣстнаго землевладѣнія создало уѣздныя дворянскія общества, мѣстныя землевладѣльческія корпораціи. Напрасно образованіе такихъ обществъ считаютъ дѣломъ законодательства XVIII в., императрицы Екатерины II преимущественно. Мѣстныя дворянскія общества были уже готовы въ XVI в. Когда надобно было „разобрать“ дворянъ и дѣтей боярскихъ извѣстнаго города, т. е. сдѣлать имъ смотръ, поверстать ихъ помѣстными окладами или раздать имъ денежное жалованье, и если это происходило на мѣстѣ, а не на сторонѣ, не въ Москвѣ и не въ другомъ сборномъ пунктѣ, городовые служилые люди съѣзжались въ свой уѣздный городъ. Здѣсь они выбирали изъ своей среды *окладчиковъ*, людей надежныхъ и свѣдущихъ, человѣкъ по 10, по 20 и болѣе на уѣздъ и приводили ихъ ко кресту на томъ, что имъ про своихъ товарищей сказывать производившимъ разборъ или верстанье командирамъ или уполномоченнымъ обо всемъ въ правду. Эти присяжные окладчики показывали объ уѣздныхъ служилыхъ людяхъ, кто каковъ отечествомъ и службою, каковы за кѣмъ помѣстья и вотчины, къ какой кто годенъ службѣ, къ *полковой*, походной, конной, или къ *городовой, осадной*, пѣшей, сколько у кого дѣтей и сколь они велики, какъ кто служитъ, является ли въ походъ съ надлежащимъ *служебнымъ нарядомъ*, т. е. съ положеннымъ количествомъ ратныхъ людей и коней и въ узаконенномъ вооруженіи, „кто къ службамъ лѣнивъ за бѣдностью, и кто лѣнивъ безъ бѣдности“ и т. п. При полученіи денежнаго жалованья служилые люди уѣзда связывались между собою порукой. Обыкновенно за каждаго ручался „въ службѣ и въ деньгахъ“ кто-либо изъ окладчиковъ, такъ что у каждаго окладчика подбирался отрядъ, связанный его поручительствомъ, какъ бы его взводъ. Впрочемъ и рядовые дворяне и дѣти

боярскіе бывали поручителями. Иногда порука принимала болѣе сложный видъ: за Венюкова ручались трое сослуживцевъ; онъ въ свою очередь ручался за каждаго изъ своихъ поручителей и еще за четвертаго товарища; точно такъ же поступалъ и каждый изъ этихъ четверыхъ. Такъ порука складывалась въ цѣпь поручителей, охватывавшую весь служилый уѣздъ. Можно думать, что въ подборѣ звеньевъ этой цѣпи, какъ и въ порукѣ окладчиковъ, участвовало сосѣдство по землевладѣнію. Это была порука не *круговая*, какъ въ податныхъ крестьянскихъ обществахъ, гдѣ каждый ручался за всѣхъ и всѣ за каждаго, а порука *сосѣдская*, какъ бы сказать, *цѣпная*, рука съ рукой или плечо съ плечомъ, соотвѣтственно военному и поземельному строю служилыхъ людей. Наконецъ, уѣздное дворянство черезъ своихъ уполномоченныхъ принимало довольно широкое участіе въ мѣстномъ управленіи. Такими уполномоченными были *городовые прикащики*, которыхъ выбирали по одному или по два на уѣздъ дворяне и дѣти боярскіе „всѣмъ городомъ“ или „всею землею“, т. е. всѣмъ уѣзднымъ сословнымъ обществомъ. Какъ представитель мѣстнаго военнаго и землевладѣльческаго общества, городовой прикащикъ смотрѣлъ за городскими укрѣпленіями и вѣдалъ подати и повинности, падавшія на землевладѣніе и имѣвшія прямое или косвенное отношеніе къ оборонѣ уѣзднаго города и къ дѣламъ мѣстнаго дворянства, обязаннаго оборонять свой городъ, какъ его ближайшій гарнизонъ: прикащикъ распредѣлялъ эти подати и повинности и слѣдилъ за ихъ сборомъ и отбываніемъ, смотрѣлъ за постройкой и ремонтомъ городскихъ укрѣпленій и заготовкой военныхъ припасовъ, собиралъ „посошныхъ людей“ съ тяглаго населенія на военныя надобности и т. п. Сверхъ того городовой прикащикъ былъ дворянскимъ асси-

стентомъ на судѣ намѣстника, какъ излюбленные старосты и цѣловальники присутствовали на томъ же судѣ отъ тяглыхъ земскихъ обществъ. Онъ же временно исполнялъ иногда судебныя обязанности намѣстника и разныя полицейскія порученія, охранялъ спорныя имущества, оберегалъ землевладѣльцевъ отъ намѣстничьяго произвола. Словомъ, онъ велъ разнообразныя текущія дѣла мѣстнаго управленія, такъ или иначе касавшіяся мѣстнаго дворянскаго общества и служилаго землевладѣнія, былъ своего рода уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Со временемъ уѣздныя дворянскія общества пріобрѣли и нѣкоторое политическое значеніе: уѣздные дворяне всѣмъ городомъ обращались къ государю съ челобитьями о своихъ нуждахъ; дворянскіе окладчики являлись депутатами на земскихъ соборахъ и ходатайствовали передъ центральнымъ правительствомъ о нуждахъ своихъ обществъ. Такимъ образомъ служба и соединенное съ нею служилое землевладѣніе были связями, которыми скрѣплялись уѣздныя дворянскія общества.

Появленіе служилаго землевладѣльческаго пролетаріата.

IV. Усиленное развитіе помѣстнаго землевладѣнія создало въ служилой средѣ слой прежде незамѣтный, который можно назвать служилымъ землевладѣльческимъ пролетаріатомъ. Чѣмъ болѣе размножался служилый классъ, тѣмъ болѣе истощались земельныя средства московскаго правительства. Это истощеніе происходило отъ разныхъ причинъ. Въ помѣстную раздачу первоначально шли дворцовыя земли, бывшія въ непосредственномъ распоряженіи государя для надобностей его дворца, а также вотчины, по разнымъ причинамъ терявшія своихъ владѣльцевъ, напримѣръ, конфискованныя. Потомъ въ помѣстный оборотъ вошли и земли *черныя*, казенныя, доходы съ которыхъ шли на общегосударственныя нужды. Такой переходъ чер-

ныхъ земель въ частное владѣніе объясняется тѣмъ, что помѣстья, какъ средство содержанія служилыхъ людей, замѣняли кормленія: въ поземельныхъ описяхъ XV—XVI в. встрѣчаемъ запрещеніе отдавать извѣстныя земли въ помѣстье, потому что съ нихъ шелъ кормъ намѣстнику. Разработка всѣхъ этихъ земель была очень слаба: по приблизительному разсчету, основанному на отрывочныхъ данныхъ, только пятая часть этихъ земель эксплоатировалась: земледѣльческій трудъ изнемогалъ передъ лѣсомъ и болотомъ. Притомъ географическое расположеніе земель, удобныхъ для испомѣщенія, не соотвѣтствовало стратегическимъ цѣлямъ, на которыя была разсчитана помѣстная система. Помѣщику, больше ратнику, чѣмъ сельскому хозяину, нужна была земля *угожая*, съ выгодной пашней и угодьями, и *живущая*, населенная, съ достаточными рабочими крестьянскими руками, а земли, совмѣщавшія въ себѣ оба эти удобства, были тогда на средней Окѣ и на сѣверъ отъ нея совсѣмъ не въ изобиліи. Но съ завоеваніемъ Казанскаго царства, по мѣрѣ передвижки передовыхъ оборонительныхъ линій въ глубь безлюдныхъ, хотя и плодородныхъ степей, оба эти удобства совмѣщались все рѣже и испомѣщеніе все болѣе затруднялось: на землѣ, нуждавшейся и въ ратникѣ, и въ сельскомъ хозяинѣ, приходилось сажать массу помѣщиковъ, которымъ было не до сельскаго хозяйства. Къ этому прибавилось новое неудобство, созданное тѣмъ же расширеніемъ государственной территоріи на югъ и юговостокъ. Съ половины XVI в. обнаруживается усиленный отливъ сельскаго населенія съ центральнаго суглинка на южный донской, верхнедонецкій о средневолжскій черноземъ. Этотъ отливъ сулилъ хозяйственную опору служилымъ людямъ, тамъ испомѣщавшимся; но при первой встрѣчѣ на дикомъ степномъ полѣ

и крестьянинъ новоселъ, и помѣщикъ-переведенецъ, одинаково нуждаясь другъ въ другѣ, не могли сразу сладиться одинъ съ другимъ въ отношеніяхъ землевладѣльца и оброчника-арендатора. Мы сейчасъ увидимъ, какъ они устроились. Этотъ же отливъ расширилъ площадь пустопорожнихъ земель въ центральныхъ, сравнительно густо населенныхъ уѣздахъ. Но такія необорудованныя земли неохотно разбирались въ помѣстья: онѣ требовали капитала, охоты и умѣнья ихъ разработать; всего этого недоставало служилымъ людямъ того времени. Вотъ почему помѣстныя дачи рѣдко равнялись окладамъ и потому же въ документахъ второй половины XVI в. встрѣчаемъ множество новиковъ, которые исправно служили по нѣскольку лѣтъ, но оставались безпомѣстными, не могли пріискать или получить удобныхъ помѣстій. Одно сопоставленіе наглядно укажетъ, насколько потребность въ удобной для испомѣщенія землѣ превышала ея наличность. При разборѣ, верстаньи и раздачѣ денежнаго жалованья составлялись книги или списки уѣздныхъ служилыхъ людей, называвшіеся *десятнями*, съ раздѣленіемъ служилыхъ людей на чины и *статьи*, разряды, и съ обозначеніемъ ихъ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ, а также ихъ *службы* (вооруженія, походныхъ слугъ и коней). По коломенской десятнѣ 1577 г. назначено было дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ Коломенскаго уѣзда окладного помѣстнаго надѣла 84 т. десятинъ. Но въ этомъ уѣздѣ очень много земли значилось за монастырями, боярами и другихъ чиновъ людьми, не принадлежавшими къ дворянскому обществу уѣзда. Пространство Коломенскаго уѣзда въ XVI в. едва ли намного превосходило нынѣшніе его предѣлы, а по статистическимъ данным 1880-хъ годовъ пашни въ этомъ уѣздѣ было всего 102 т. десятинъ. Едва ли дачи колом-

ничанъ могли быть доведены до окладныхъ размѣровъ изъ земель Коломенскаго уѣзда. Къ концу XVI в. уже сильно чувствовался недостатокъ удобной земли для испомѣщенія, и на это жаловались въ Москвѣ Флетчеру въ царствованіе Ѳедора. Правительство вынуждено было все болѣе сокращать помѣстныя дачи и даже оклады. Въ концѣ этого вѣка среди провинціальнаго дворянства встрѣчаемъ чрезвычайно мелкихъ помѣщиковъ, у которыхъ оклады падали ниже предѣльной мѣры, назначенной по закону для поставки одного вооруженнаго коннаго ратника (150 дес.): назначали по 120 и по 60 десятинъ оклада. Еще скуднѣе бывали дачи, приближавшіяся уже къ крестьянскимъ участкамъ: встрѣчаются помѣщики съ 30, 22, даже съ 10 дес. пахотной земли. Такъ образовалась значительная масса бѣдныхъ провинціальныхъ дворянъ, безпомѣстныхъ или малопомѣстныхъ. Десятни уѣзднаго дворянства XVI в. съ отмѣченными въ нихъ отзывами окладчиковъ даютъ много выразительныхъ указаній на успѣхъ, съ какимъ развивался этотъ дворянскій пролетаріатъ. Многіе помѣщики въ своихъ помѣстьяхъ не имѣли ни одного крестьянскаго двора, жили одними своими дворами, „однодворками"; отсюда позднѣе произошли классъ и званіе *однодворцевъ*. Въ десятняхъ встрѣчаемъ такія заявленія окладчиковъ: такой-то сынъ боярскій „худъ (малогоденъ, худо вооруженъ), не служитъ, отъ службы отбылъ, на службу ходитъ пѣшъ"; другой „худъ, не служитъ, службы отбылъ и впередъ служити нечѣмъ и помѣстья за нимъ нѣтъ"; третій „худъ, не служитъ и помѣстья за нимъ нѣтъ и служити нечѣмъ, живетъ въ городѣ у церкви, стоитъ дьячкомъ на клиросѣ"; четвертый „не служитъ, отъ службы отбылъ, служба худа, служити ему впередъ нечѣмъ и поруки по немъ нѣтъ, помѣстья сказалъ 15 четей"; пятый „обнищалъ,

волочится межъ дворъ"; шестой „жилъ во крестьянѣхъ за Протасовымъ, помѣстья за собою сказалъ 40 четей"; седьмой „мужикъ, жилъ у Фролова въ дворникахъ, портной мастеришко: бояре осматривали и приговорили изъ службы выкинуть вонъ".

Помѣстье и городъ.

V. Помѣстное землевладѣніе оказало неблагопріятное дѣйствіе и на другіе классы русскаго общества. Прежде всего оно подорвало развитіе русскихъ городовъ и городской промышленности. Въ XVI в. встрѣчаемъ въ центральныхъ и сѣверныхъ уѣздахъ государства не мало городовъ со значительнымъ посадскимъ, торгово-промышленнымъ населеніемъ. Чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ скуднѣе становилось это населеніе; въ ближайшихъ къ степи городахъ, въ области верхней Оки и верхняго Дона, даже вовсе не встрѣчаемъ посадскихъ людей. Города этого края— чисто военныя, укрѣпленныя поселенія, наполнявшіяся служилымъ людомъ разныхъ чиновъ. Но и впослѣдствіи, когда южная граница отодвинулась далеко на югъ, въ этихъ городахъ туго водворялось торгово-промышленное населеніе. Помѣстная система, увлекая массу служилыхъ людей изъ города въ деревню, лишала городскую промышленность и городской ремесленный трудъ сбыта и спроса, главныхъ, наиболѣе доходныхъ потребителей. Служилые люди, обживаясь въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, старались завести своихъ дворовыхъ ремесленниковъ, все необходимое получать на мѣстѣ, не обращаясь въ городъ. Такимъ образомъ у городскихъ торговцевъ, ремесленниковъ и рабочихъ исчезалъ цѣлый классъ закащиковъ и потребителей. Вотъ чѣмъ между прочимъ объясняется необыкновенно медленный, зяблый ростъ нашихъ городовъ и городской промышленности въ XVI и XVII вв. и не только въ южной заокской, но и въ центральной оксковолжской полосѣ.

VI. Еще важнѣе дѣйствіе помѣстной системы на положеніе крестьянскаго населенія: она подготовила радикальную, даже роковую перемѣну въ судьбѣ этого класса. Еще разъ напомню вамъ, что завоеваніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго открыло русскому земледѣльческому труду обширныя пространства *дикаго поля*, невоздѣланнаго степного чернозема по верхней Окѣ, верхнему Дону и по обѣ стороны средней Волги. На отодвигавшихся все далѣе окраинахъ строились новыя укрѣпленныя *черты*, куда переводились служилые люди изъ внутреннихъ городовъ, и гдѣ они получали помѣстья. Для заселенія своихъ пустынныхъ степныхъ дачъ они искали крестьянъ-съемщиковъ и рабочихъ. Навстрѣчу этимъ поискамъ изъ старыхъ центральныхъ областей шло усиленное переселенческое движеніе крестьянъ, искавшихъ черноземной нови. Но съ половины XVI в. правительство по финансовымъ и полицейскимъ соображеніямъ начало стѣснять свободу крестьянскихъ переселеній. „Старымъ тяглецамъ", которые уже обсидѣлись на своихъ мѣстахъ и были записаны въ писцовыя книги, какъ отвѣтственные дворовладѣльцы, а потому назывались „людьми письменными", запрещено было переходить на другія земли; перешедшихъ велѣно было возвращать въ покинутыя ими деревни. Это было не личное закрѣпощеніе крестьянъ, а полицейское прикрѣпленіе ихъ къ мѣсту жительства, что̀, какъ увидимъ, совсѣмъ не одно и то же и даже исключало одно другое. Но крестьянскій дворъ имѣлъ тогда очень сложный составъ: при дворовладѣльцахъ, записанныхъ въ книги и отвѣчавшихъ за податную исправность дворовъ, жили за ихъ тягломъ кромѣ ихъ дѣтей еще неотдѣленные братья, племянники, также захребетники, сосѣди и подсосѣдники, люди „нетяглые и неписьменные". Такихъ людей землевладѣльцамъ и раз- Помѣщики и крестьяне.

рѣшалось перезывать на свои пустоши и старыя селища. Но эти люди, жившіе дотолѣ за чужими хозяйствами, садились на новыя мѣста съ пустыми руками, нуждались въ обзаведеніи, въ ссудѣ и подмогѣ. Этими людьми преимущественно и заселялись многочисленныя новыя помѣстья на обширной полосѣ къ югу отъ средней Оки, между первой и второй оборонительной линіей и даже южнѣе, по Быстрой Соснѣ, верхнему Осколу и верхнему Донцу. Такъ масса захребетниковъ, жившихъ за чужимъ тягломъ, становилась самостоятельными хозяевами. Значитъ, развитіе помѣстной системы на степныхъ окраинахъ вело къ *разрѣженію крестьянскаго двора*, къ упрощенію его личнаго состава въ центральныхъ уѣздахъ. Но откуда брались у степныхъ помѣщиковъ средства для хозяйственнаго обзаведенія бездомныхъ насельниковъ ихъ пустынныхъ помѣстій? Мы уже знаемъ, что еще при отцѣ Грознаго служилые люди періодически получали денежное жалованье. Въ 1550-хъ годахъ, когда съ отмѣной кормленій для нихъ закрывался такой важный источникъ содержанія, установлены были новые денежные оклады, очевидно, повышенные. По десятнямъ второй половины XVI в. можно замѣтить, что денежные оклады устанавливались въ обратномъ отношеніи къ доходности недвижимыхъ имуществъ служилыхъ людей; поэтому окрайныхъ степныхъ помѣщиковъ окладывали выше сравнительно съ землевладѣльцами населенныхъ внутреннихъ уѣздовъ. До насъ дошли отъ того времени десятни пяти поокскихъ и заокскихъ уѣздовъ (Муромскаго, Коломенскаго, Каширскаго, Ряжскаго и Епифанскаго) съ обозначеніемъ денежныхъ окладовъ. Книги относятся къ 1590-мъ годамъ, кромѣ коломенской (1577 г.). По этимъ книгамъ среднимъ числомъ приходилось единовременной денежной дачи по 1830 р. на уѣздъ. По закону 1555 г.

городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ денежное жалованье раздавалось разъ въ четыре или въ три года; но во вторую половину царствованія Грознаго, когда шла почти непрерывная война, при учащенныхъ и расширенныхъ мобилизаціяхъ раздавали жалованье городовымъ и въ болѣе короткіе сроки. Мы примемъ для разсчета трехлѣтнюю раздачу. Въ 15 такихъ раздачъ съ 1555 г. до конца столѣтія на каждый изъ пяти уѣздовъ досталось средней суммой по 27,450 р., а въ переводѣ на наши деньги (по пропорціи 1:60) приблизительно по 1.647.000 р. Примемъ эти уѣзды за примѣрные. На указанной полосѣ между первой и второй укрѣпленной линіей, т.-е. между средней Окой и высотой Алатырь — Орелъ, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Рязанской, Тульской и Орловской со смежными частями сосѣднихъ губерній, въ концѣ XVI в. можно насчитать до 26 уѣздовъ. Итакъ въ указанныя 45 лѣтъ казна перевела на среднюю Оку и далѣе на югъ въ помѣстныя усадьбы до 43 мил. рубл. на наши деньги, а если взять въ разсчетъ заселявшіеся тогда же уѣзды за второй линіей, въ губерніяхъ Курской, Тамбовской, Воронежской, Симбирской, то эту сумму можно увеличить по крайней мѣрѣ еще на половину. Изъ этого денежнаго фонда, столь значительнаго для тогдашняго московскаго бюджета, заокскіе помѣщики устрояли на дикомъ полѣ свои *усады* съ 20, 30, 60, 75, 80 десятинами усадебной земли, на которой сажали и обзаводили деревни пришлыхъ крестьянъ изъ людей „неписьменныхъ и нетяглыхъ“. Какъ дѣло хозяйственныхъ, колонизаторскихъ усилій помѣщиковъ, эти усады рано пріобрѣли характеръ наслѣдственныхъ имѣній, обыкновенно цѣликомъ переходили ко вдовамъ съ малолѣтними сыновьями своихъ устроителей, а если послѣдніе были убиты на службѣ, то и съ мужнинымъ денежнымъ окладомъ; сынъ-недоросль по достиженіи

служебнаго возраста обязанъ былъ съ „помѣстья отцовы усады служба служить и мать кормить“. Въ этихъ заокскихъ помѣстьяхъ особенно явственно проявились двѣ характерныя черты помѣстной системы: рѣшительное преобладаніе мелкаго землевладѣнія и стремленіе закрѣпить поземельныя обязательства крестьянъ личной долговой зависимостью. Захребетникъ большого крестьянскаго двора, превращенный въ самостоятельнаго двоfeвладѣльца посредствомъ неоплатной барской ссуды, оказывался на степной нови въ безвыходномъ положеніи. По близости не было крупныхъ имѣній, ни церковныхъ, ни боярскихъ, владѣльцамъ которыхъ выгодно было поддерживать крестьянское право выхода, перезывая къ себѣ чужихъ крестьянъ; переселенца, задолжавшаго мелкому помѣщику, выкупить было некому, а сойти „на поле“, въ степь, въ „вольные козаки“ не съ чѣмъ, по неимѣнію оружія и навыка къ нему. Можно думать, что въ заокскихъ помѣщичьихъ усадахъ раньше, чѣмъ гдѣ-либо встрѣтились условія, завязавшія первый узелъ крѣпостной неволи крестьянъ, положеніе которыхъ въ XV и XVI вв. будетъ предметомъ нашихъ дальнѣйшихъ занятій.

Лекція XXXIV.

Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ.—Распространеніе монастырей.—Монастыри въ сѣверовосточной Россіи.—Пустынные монастыри.—Монастыри-колоніи.—Колонизаторская дѣятельность Троицкаго Сергіева монастыря.—Значеніе пустынныхъ монастырей.—Древнерусскій мѣсяцесловъ.—Древнерусская агіографія.—Составъ и характеръ древнерусскаго житія.—Мірскіе монастыри.—Основатели пустынныхъ монастырей.—Странничество и поселеніе отшельника въ пустынѣ.—Пустынный общежительный монастырь.

Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ.

Въ прошлый часъ, излагая слѣдствія помѣстной системы, я указалъ на затрудненіе, обнаружившееся въ ея устроеніи уже къ концу XVI в.: это недостатокъ удобной для испомѣщенія земли. Недостатокъ этотъ почувствовался съ двухъ сторонъ. На степномъ югѣ, гдѣ государству нужно было особенно много военно-служилыхъ людей, правительство располагало для ихъ хозяйственнаго обезпеченія обширными пространствами земли плодородной, но слабо заселенной, еще нуждавшейся въ усиленномъ хозяйственномъ обзаведеніи. Въ центральныхъ уѣздахъ земли, менѣе плодородныя, были достаточно заселены и обзаведены, но ихъ уже мало оставалось въ распоряженіи правительства. Здѣсь господствовало крупное вотчинное землевладѣніе, боярское и церковное. Въ изучаемый нами періодъ, когда устанавливалась помѣстная система, особенно успѣшно развивалось въ Московской Руси землевладѣніе монастырское, создавая государству

своими успѣхами большія затрудненія въ дѣлѣ обезпеченія военно-служилаго класса. Это привело московское правительство въ столкновеніе съ церковной іерархіей: поднялся вопросъ о церковныхъ, собственно о монастырскихъ вотчинахъ. Но съ этимъ вопросомъ, по его значенію для государства только экономическимъ, аграрнымъ, сплелось столько разнообразныхъ интересовъ политическихъ, соціальныхъ, церковно-нравственныхъ, даже богословскихъ, что онъ разросся въ цѣлое государственное и церковное движеніе, которое внесло много оживленія въ жизнь Московской Руси, придало особый характеръ цѣлому вѣку нашей исторіи. Потому это движеніе важно само по себѣ, независимо отъ своей связи съ экономическими нуждами государства. Уклоненіе въ сторону, на которое я рѣшаюсь, нѣсколько исправитъ пробѣлы нашего изученія. Доселѣ мы такъ настойчиво сосредоточивали наше вниманіе на фактахъ политическихъ и экономическихъ, что теперь, когда эти самые факты вовлекаютъ насъ въ другія болѣе глубокія теченія общественной жизни, намъ трудно отказаться слѣдовать за ними.

Приступая къ изученію вопроса о монастырскихъ вотчинахъ, прежде всего невольно спрашиваешь себя, какъ могло случиться, что общества людей, отрекавшихся отъ міра и всѣхъ его благъ, явились у насъ обладателями обширныхъ земельныхъ богатствъ, стѣснявшихъ государство. Условія такого земельнаго обогащенія древнерусскихъ монастырей выясняются въ исторіи ихъ распространенія и устроенія. Познакомлю васъ съ ходомъ того и другого, прежде чѣмъ обращусь къ самому вопросу.

Распространеніе монастырей.

Монашество появилось на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ. Митрополитъ Иларіонъ, первый изъ русскихъ посвященный въ этотъ санъ (въ 1051 г.), вспоминая близ-

кое къ нему время водворенія христіанства при Владимірѣ Св., писалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что уже тогда „монастыреве на горахъ сташа“. Какіе именно монастыри разумѣлъ митрополитъ, сколько ихъ было при кн. Владимірѣ, и какъ они были устроены,—это остается неизвѣстнымъ. Письменныя извѣстія объ отдѣльныхъ монастыряхъ появляются съ княженія Ярослава I. Слѣдя за распространеніемъ монастырей, приведенныхъ въ извѣстность, замѣчаемъ, что первоначально они идутъ вслѣдъ за русско-христіанской жизнью, а не ведутъ ея за собою, не вносятъ ея въ предѣлы, дотолѣ ей чуждые. Потому въ первые два вѣка христіанской жизни Руси мы встрѣчаемъ наибольшее количество монастырей въ центральной полосѣ тогдашней Русской земли по среднему и верхнему Днѣпру, по Ловати и Волхову, гдѣ наиболѣе сгущено было русское населеніе и съ наименьшими затрудненіями распространялось христіанство. Изъ 70 монастырей, извѣстныхъ до конца XII в., на эту полосу приходится до 50. Всего усерднѣе обзаводятся монастырями старѣйшіе общественные центры, господствовавшіе надъ концами древняго рѣчного „пути изъ варягъ въ греки“, Кіевъ и Новгородъ: до конца XII в. въ первомъ извѣстно 15 монастырей, во второмъ до 20; остальные разсѣяны по второстепеннымъ областнымъ средоточіямъ южной и сѣверной Руси, какими были Галичъ, Черниговъ, Переяславль Русскій, Смоленскъ, Полоцкъ, Ростовъ, Владиміръ на Клязьмѣ и др. Почти всѣ эти монастыри ютятся внутри городовъ или жмутся къ ихъ стѣнамъ, не уходя отъ нихъ далеко въ степную или лѣсную глушь.

Но являясь пока спутниками, а не проводниками христіанства, монастыри этимъ самымъ съ особенной чуткостью отражали переливы исторической жизни. Въ этомъ от-

ношеніи, слѣдя за географическимъ распространеніемъ монастырей, замѣчаемъ большую разницу между первыми вѣками христіанской жизни Руси: изъ 20 монастырей, извѣстныхъ до XII в., только 4 встрѣчаемъ въ сѣверной Россіи, отдѣляя ее отъ южной чертой по широтѣ г. Калуги: напротивъ изъ 50 извѣстныхъ новыхъ монастырей XII в. южной Руси принадлежитъ только 9. Числомъ монастырей Новгородъ, видѣли мы, перебилъ первенство у самого Кіева; но почти всѣ монастыри, которыми онъ наполнялся и опоясывался, относятся уже къ XII в. Вмѣстѣ съ русско-христіанской жизнью быстро расширяется кругъ монастырей и въ другихъ краяхъ сѣверной Руси: они появляются въ Смоленскѣ, Псковѣ, Старой Русѣ, Ладогѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ, Суздалѣ, Владимрѣ на Клязьмѣ.

Монастыри на СВ.

Указавъ, какъ движеніемъ монастырей обозначился начавшійся въ XII в. отливъ русской жизни съ юга на сѣверъ, я въ дальнѣйшемъ обзорѣ ограничусь монастырями сѣверовосточной Руси, изъ которой потомъ образовалось Московское государство, и гдѣ возникъ вопросъ о монастырскомъ землевладѣніи. Здѣсь въ XIII в. продолжаетъ расширяться кругъ городскихъ и подгородныхъ монастырей, указывая на размноженіе центровъ общественной жизни. Въ упомянутыхъ уже сѣверныхъ городахъ къ существовавшимъ прежде монастырямъ прибавляются новые, и въ то же время являются первые монастыри въ другихъ городахъ: Твери, Ярославлѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Устюгѣ, Москвѣ. Удѣльное дробленіе сѣверовосточной Руси содѣйствуетъ этому распространенію монастырей. Во многихъ городахъ, гдѣ прежде не сидѣли князья, устанавливаются княжескіе столы. Первый князь новаго удѣла старался украсить свою резиденцію хотя одной обителью: городъ, особенно стольно-княжескій, не

считался благоустроеннымъ, если не имѣлъ монастыря и собора.

Пустынные монастыри.

Но съ XIV в. замѣчаемъ важную перемѣну въ способѣ распространенія монастырей и именно на сѣверѣ. Доселѣ почти всѣ монастыри какъ въ южной, такъ и въ сѣверной Россіи, говорилъ я, строились въ городахъ или въ ихъ ближайшихъ окрестностяхъ. Рѣдко появлялась *пустынь*, монастырекъ, возникавшій вдали отъ городовъ, въ пустынной, незаселенной мѣстности, обыкновенно среди глухого лѣса. Въ первые вѣка нашей христіанской жизни пустынножительство развивалось у насъ очень туго; пустынная обитель мелькаетъ рѣдкимъ, случайнымъ явленіемъ среди городскихъ и подгородныхъ монастырей. Болѣе чѣмъ изъ 100 монастырей, приведенныхъ въ извѣстность до конца XIII в., такихъ пустынокъ не насчитываемъ и десятка, да и изъ тѣхъ большинство приходится именно на XIII в. Зато съ XIV в. движеніе въ лѣсную пустыню развивается среди сѣвернаго русскаго монашества быстро и сильно: пустынные монастыри, возникшіе въ этомъ вѣкѣ, числомъ сравнялись съ новыми городскими (42 и 42), въ XV в. превзошли ихъ болѣе чѣмъ вдвое (57 и 27), въ XVI в. въ $1^1/_2$ раза (51 и 35). Такимъ образомъ въ эти три вѣка построено было въ предѣлахъ Московской Руси, сколько извѣстно, 150 пустынныхъ и 104 городскихъ и пригородныхъ монастыря.

Монастыри-колоніи.

Городскіе и пустынные монастыри различались между собою не одной только внѣшней обстановкой, но и общественнымъ значеніемъ, духомъ складывавшагося въ тѣхъ и другихъ быта, даже въ большинствѣ случаевъ самымъ происхожденіемъ. Городскіе и подгородные монастыри обыкновенно созидались набожнымъ усердіемъ высшихъ церковныхъ іерарховъ, также князей, бояръ, богатыхъ

горожанъ,—людей, которые оставались въ сторонѣ отъ основанныхъ ими обителей, не входили въ составъ созваннаго ими монастырскаго братства. Ктиторы обстраивали монастырь, созывали братію и давали ей средства содержанія. Живя среди міра, въ ежедневномъ съ нимъ общеніи и для его религіозныхъ нуждъ, такіе монастыри и назывались „мірскими“. Другіе имѣли болѣе самобытное происхожденіе, основывались людьми, которые, отрекшись отъ міра, уходили въ пустыню; тамъ становились руководителями собиравшагося къ нимъ братства, и сами вмѣстѣ съ нимъ изыскивали средства для построенія и содержанія монастыря. Иные основатели такихъ пустынныхъ монастырей становились отшельниками прямо изъ міра, еще до постриженія, подобно преподобному Сергію Радонежскому; но большинство проходило иноческій искусъ въ какомъ-либо монастырѣ, обыкновенно также пустынномъ, и оттуда потомъ уходили для лѣсного уединенія и создавали новыя пустынныя обители, являвшіяся какъ бы колоніями старыхъ. Три четверти пустынныхъ монастырей XIV и XV вв. были такими колоніями, образовались путемъ выселенія ихъ основателей изъ другихъ монастырей, большею частью пустынныхъ же. Пустынный монастырь воспитывалъ въ своемъ братствѣ, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе воспріимчивыхъ его членахъ, особое настроеніе; складывался особый взглядъ на задачи иночества. Основатель его нѣкогда ушелъ въ лѣсъ, чтобы спастись въ безмолвномъ уединеніи, убѣжденный, что въ міру среди людской „молвы“ то невозможно. Къ нему собирались такіе же искатели безмолвія и устрояли пустынку. Строгость жизни, слава подвиговъ привлекала сюда издалека не только богомольцевъ и вкладчиковъ, но и крестьянъ, которые селились вокругъ богатѣвшей обители, какъ религіоз-

ной и хозяйственной своей опоры, рубили окрестный лѣсъ, ставили починки и деревни, расчищали нивы и „искажали пустыню“, по выраженію житія преп. Сергія Радонежскаго. Здѣсь монастырская колонизація встрѣчалась съ крестьянской и служила ей невольной путеводительницей. Такъ на мѣстѣ одинокой хижины отшельника выросталъ многолюдный, богатый и шумный монастырь. Но среди братіи нерѣдко оказывался ученикъ основателя, тяготившійся этимъ иноческимъ шумомъ и богатствомъ; вѣрный духу и преданію своего учителя, онъ съ его же благословенія уходилъ отъ него въ нетронутую пустыню, а тамъ тѣмъ же порядкомъ возникала новая лѣсная обитель. Иногда это дѣлалъ даже не разъ и самъ основатель, бросая свой монастырь, чтобы въ новомъ лѣсу повторить свой прежній опытъ. Такъ изъ одиночныхъ разобщенныхъ мѣстныхъ явленій складывалось широкое колонизаціонное движеніе, которое, исходя изъ нѣсколькихъ центровъ, въ продолженіе четырехъ столѣтій проникало въ самые неприступные медвѣжьи углы и усѣивало монастырями обширныя лѣсныя дебри средней и сѣверной России.

Троицкій Сергіевъ монастырь.

Нѣкоторые монастыри явились особенно дѣятельными метрополіями. Первое мѣсто между ними занималъ монастырь Троицкій Сергіевъ, возникшій въ сороковыхъ годахъ XIV в. Преп. Сергій былъ великій устроитель монастырей: своимъ смиреніемъ, терпѣливымъ вниманіемъ къ людскимъ нуждамъ и слабостямъ и неослабнымъ трудолюбіемъ онъ умѣлъ не только установить въ своей обители образцовый порядокъ иноческаго общежитія, но и воспитать въ своей братіи духъ самоотверженія и энергію подвижничества. Его призывали строить монастыри и въ Москву, и въ Серпуховъ, и въ Коломну. Онъ пользовался всякимъ случаемъ завести обитель, гдѣ находилъ то нуж-

нымъ. Въ 1365 г. в. кн. Димитрій Донской послалъ его въ Нижній-Новгородъ мирить ссорившихся князей-братьевъ Константиновичей и на пути, мимоходомъ, онъ нашелъ время въ глуши Гороховскаго уѣзда, на болотѣ при р. Клязьмѣ, устроить пустынку, воздвигнуть въ ней храмъ св. Троицы и поселить „старцевъ пустынныхъ отшельниковъ, а питались они лыками и сѣно по болоту косили". Обитель Сергія и развила широкую колонизаторскую дѣятельность: въ XIV в. изъ нея вышло 13 пустынныхъ монастырей-колоній и 2 въ XV в. Потомъ ея ослабѣвшую дѣятельность въ этомъ отношеніи продолжали ея колоніи и колоніи колоній, преимущественно монастырь преп. Кирилла Бѣлозерскаго, вышедшаго изъ основаннаго преп. Сергіемъ подмосковнаго Симонова монастыря (въ концѣ XIV в.). Вообще въ продолженіе XIV и XV вв. изъ Сергіева монастыря или изъ его колоній образовалось 27 пустынныхъ монастырей, не говоря о 8 городскихъ. Этими колоніями и намѣчены были главныя направленія монастырской колонизаціи въ тѣ два вѣка и частью даже въ XVI ст. Если вы проведете отъ Троицкаго Сергіева монастыря двѣ линіи, одну по р. Костромѣ на р. Вычегду, другую по р. Шекснѣ на Бѣлоозеро, этими линіями будетъ очерчено пространство, куда съ конца XIV в. усиленно направлялась монастырская колонизація изъ монастырей центральнаго междурѣчья Оки-Волги и ихъ колоній. Небольшія лѣсныя рѣчки, притоки Костромы, верхней Сухоны и Кубенскаго озера, Нурма-Обнора, Монза, Лежа съ Комелой, Пельшма, Глушица, Кушта унизывались десятками монастырей, основатели которыхъ выходили изъ Троицкой Сергіевой обители, изъ Ростова (ст. Стефанъ Пермскій), изъ монастырей Каменнаго на Кубенскомъ озерѣ и Кириллова Бѣлозерскаго. Водораздѣлъ Костромы и Сухоны, покрытый тогда дре-

мучимъ Комельскимъ лѣсомъ, сталъ русской заволжской Ѳиваидой. Движеніе шло полосами по рѣкамъ, не соблюдая географической послѣдовательности, дѣлая широкіе скачки отъ Троицкаго Сергіева монастыря къ Бѣлоозеру (монастырь Кирилла Бѣлозерскаго), а съ Бѣлоозера прямо на Соловецкій островъ, сливаясь съ боковымъ теченіемъ, шедшимъ туда же къ Бѣлому морю изъ Новгорода. Во второй половинѣ XV в. монастырская колонизація перешла изъ Бѣлозерскаго края въ бассейнъ р. Онеги: постриженникъ Кириллова монастыря преп. Александръ Ошевневъ поставилъ Ошевенскій монастырь къ сѣверу отъ Каргополя на притокѣ р. Онеги, получивъ пособіе отъ радѣтелей изъ Новгорода, а между тѣмъ еще въ 1429 г. болѣе ранній постриженникъ того же монастыря Савватій поставилъ первую келью на Соловецкомъ островѣ, гдѣ вскорѣ послѣ его смерти выходецъ изъ Новгорода Зосима устроилъ знаменитый бѣломорскій монастырь. Колонія болѣе ранняя иногда уходила въ извѣстномъ направленіи дальше позднѣйшихъ. Въ промежуткахъ между метрополіями и этими ранними колоніями и между полосами колоній оставалось много угловъ столь же пустынныхъ, какъ и дальнѣйшія пространства, въ которыя еще не проникала ни крестьянская, ни даже монастырская колонизація. Выходцы изъ разныхъ монастырей въ своихъ пустынныхъ поискахъ обращались по временамъ и къ этимъ обойденнымъ промежуточнымъ захолустьямъ. Такъ продолжалось дѣло и въ XVI в. Въ перестававшихъ дремать, но все еще глухихъ лѣсахъ по Шекснѣ и ея притокомъ, по Костромѣ съ Нурмой-Обнорой, по Сухонѣ съ ея притоками Песьей Деньгой и Маркушей появляются новыя монастырскія точки. Старыя метрополіи высылаютъ сюда новыя колоніи; иныя колоніи въ свою очередь становятся дѣятельными метропо-

ліями. Основанный въ концѣ XV в. на р. Нурмѣ монастырь преп. Корнилія Комельскаго, выходца изъ обители преп. Кирилла Бѣлозерскаго, въ XVI в. выдвинулъ основателей 6 новыхъ монастырей на берега Обноры, Бѣлоозера, притока Шексны Андоги и даже Сойги, притока Вычегды. Невѣдомый инокъ Пахомій, вѣроятно, въ самомъ началѣ XVI в. далеко оставилъ за собой Шексну и по Онегѣ продвинулся за Каргополь, поставивъ въ 50 верстахъ отъ него къ сѣверу монастырь на р. Кенѣ, а постриженникъ Пахоміевъ двинскій крестьянинъ Антоній передвинулся на Двину подъ Холмогоры и въ 78 верстахъ отъ нихъ къ югу основалъ среди озеръ на притокѣ Двины Сіи Сійскій монастырь (около 1520 г.).

Значеніе пустынныхъ монастырей.

Такъ при разностороннихъ мѣстныхъ уклоненіяхъ движеніе пустынныхъ монастырей сохраняло свое общее направленіе на бѣломорскій сѣверъ, „къ Студеному морю-окіяну“, какъ выражаются житія заволжскихъ пустынниковъ. Это движеніе имѣло очень важное значеніе въ древнерусской колонизаціи. Во-первыхъ, лѣсной пустынный монастырь самъ по себѣ, въ своей тѣсной деревянной или каменной оградѣ, представлялъ земледѣльческое поселеніе, хотя и непохожее на мірскія, крестьянскія села: монахи расчищали лѣсъ, разводили огороды, пахали, косили, какъ и крестьяне. Но дѣйствіе монастыря простиралось и на населеніе, жившее за его оградой. Мы скоро увидимъ, какъ вокругъ пустыннаго монастыря образовывались мірскія, крестьянскія селенія, которыя вмѣстѣ съ иноческой братіей составляли одинъ приходъ, тянувшій къ монастырской церкви. Впослѣдствіи монастырь исчезалъ, но крестьянскій приходъ съ монастырской церковью оставался. Такимъ образомъ движеніе пустынныхъ монастырей есть движеніе будущихъ сельскихъ приходовъ, которые притомъ

въ большинствѣ были первыми въ своей округѣ. Во-вторыхъ, куда шли монахи, туда же направлялось и крестьянское населеніе; передъ тѣми и другими лежала одна дорога—въ привольные пустыри сѣвера и сѣверо-востока, гдѣ крестьянинъ могъ на просторѣ производить свою *палъ*, росчисть дикаго лѣса подъ пашню, а монахъ совершать свое безмолвіе. Не всегда возможно указать, гдѣ которое изъ обоихъ движеній шло впереди другого, гдѣ монахи влекли за собой крестьянъ, и гдѣ было наоборотъ; но очевидна связь между тѣмъ и другимъ движеніемъ. Значитъ, направленія, по которымъ двигались пустынные монастыри, могутъ служить показателями тѣхъ невѣдомыхъ путей, по которымъ расходилось крестьянское населеніе.

Что такое былъ древнерусскій пустынный монастырь, какъ онъ возникалъ и устроялся, какія были у него условія земельнаго обогащенія и почему именно въ его средѣ возникъ вопросъ о секуляризаціи монастырскихъ земель? Прежде чѣмъ отвѣтить на всѣ эти вопросы, я долженъ познакомить васъ съ главнымъ источникомъ по исторіи древнерусскихъ монастырей, съ древнерусской агіографіей.

Древнерусскій мѣсяцесловъ.

Въ разное время русская Церковь *канонизовала* свято поживших отечественныхъ подвижниковъ, т. е. причисляла ихъ къ лику святыхъ, устанавливая церковное празднованіе ихъ памяти. Въ царствованіе Грознаго митрополитъ Макарій созывалъ въ 1547 и 1549 гг. нарочитые церковные соборы, которые установили церковное празднованіе 39 русскимъ святымъ, сопричисливъ ихъ къ отечественнымъ святымъ, прежде того канонизованнымъ, число которыхъ русская церковная исторіографія полагаетъ до 22. Не будетъ лишнимъ отмѣтить общественное положеніе всѣхъ этихъ подвижниковъ, имена коихъ образовали раннюю основу мѣсяцеслова русскихъ святыхъ: здѣсь встрѣ-

чаемъ 16 князей и княгинь, 1 боярина и 3 литовскихъ мученшковъ, состоявшихъ на службѣ у князя Ольгерда, 14 высшихъ іерарховъ, митрополитовъ и епископовъ, 4 юродивыхъ и 23 основателя и подвижника монастырей. Имена святыхъ этого послѣдняго класса, канонизованныхъ послѣ макарьевскихъ соборовъ до учрежденія Св. Синода, занимаютъ въ русскомъ мѣсяцесловѣ еще болѣе видное мѣсто: изъ 146—такихъ именъ болѣе половины, именно 74.

Древнерусская агіографія.

Древнерусская агіографія старалась въ житіяхъ увѣковѣчить въ назиданіе потомству память обо всѣхъ отечественныхъ подвижникахъ благочестія; о нѣкоторыхъ составилось по нѣскольку житій и отдѣльныхъ сказаній. Далеко не всѣ эти повѣствованія дошли до насъ; многія ходятъ по рукамъ на мѣстахъ, оставаясь неизвѣстными русской церковной исторіографіи. Я знаю до 250 агіографическихъ произведеній болѣе чѣмъ о 170 древнерусскихъ святыхъ. Привожу эти цифры, чтобы дать вамъ нѣкоторое представленіе о наличномъ запасѣ русской агіографіи. Дошедшія до насъ древнерусскія житія и сказанія, большею частію еще не изданныя, читаются во множествѣ списковъ—знакъ, что они входили въ составъ наиболѣе любимаго чтенія древней Руси. Эта распространенность объясняется литературными особенностями агіографіи.

Древнерусское житіе.

Въ каждомъ изъ насъ есть болѣе или менѣе напряженная потребность духовнаго творчества, выражающаяся въ наклонности обобщать наблюдаемыя явленія. Человѣческій духъ тяготится хаотическимъ разнообразіемъ воспринимаемыхъ имъ впечатлѣній, скучаетъ непрерывно льющимся ихъ потокомъ; они кажутся намъ навязчивыми случайностями и намъ хочется уложить ихъ въ какое-либо русло, нами самими очерченное, дать имъ направленіе,

нами указанное. Этого мы достигаемъ посредствомъ обобщенія конкретныхъ явленій. Обобщеніе бываетъ двоякое. Кто эти мелочныя, разбитыя или разорванныя явленія объединяетъ отвлеченной мыслью, сводя ихъ въ цѣльное міросозерцаніе, про того мы говоримъ, что онъ философствуетъ. У кого житейскія впечатлѣнія охватываются воображеніемъ или чувствомъ, складываясь въ стройное зданіе образовъ или въ цѣльное жизненное настроеніе, того мы называемъ поэтомъ. Въ духовномъ запасѣ, какимъ располагала древняя Русь, не было достаточно средствъ, чтобы развить наклонность къ философскому мышленію. Но у нея нашлось довольно матеріала, надъ которымъ могли поработать чувство и воображеніе. Это была жизнь русскихъ людей, которые по примѣру восточныхъ христіанскихъ подвижниковъ посвящали себя борьбѣ съ соблазнами міра. Древнерусское общество очень чутко и сочувственно отнеслось къ такимъ подвижникамъ, какъ и сами подвижники очень воспріимчиво усвоили себѣ восточные образцы. Можетъ быть, тѣ и другіе поступили такъ по одинаковой причинѣ: соблазны своей русской жизни были слишкомъ элементарны или слишкомъ трудно доставались, а люди любятъ бороться съ неподатливой или требовательной жизнью. *Житія*, жизнеописанія такихъ подвижниковъ, и стали любимымъ чтеніемъ древнерусскаго грамотнаго человѣка. Житія описываютъ жизнь святыхъ князей и княгинь, высшихъ іерарховъ русской Церкви, потомъ подчиненныхъ ея служителей, архимандритовъ, игуменовъ, простыхъ иноковъ, всего рѣже лицъ изъ бѣлаго духовенства, всего чаще основателей и подвижниковъ монастырей, выходившихъ изъ разныхъ классовъ древнерусскаго общества, въ томъ числѣ и изъ крестьянъ: основатель Сійскаго монастыря на Сѣверной Двинѣ преп. Ан-

тоній былъ даже кабальнымъ холопомъ изъ крестьянъ. Люди, о которыхъ повѣствуютъ житія были все болѣе или менѣе историческія лица, привлекшія на себя вниманіе современниковъ или воспоминаніе ближайшаго потомства: иначе мы и не знали бы объ ихъ существованіи. Въ народной памяти они образовали сонмъ новыхъ сильныхъ людей, заслонившій собой богатырей, въ которыхъ языческая Русь воплотила свое представленіе о сильномъ человѣкѣ. Но житіе—не біографія и не богатырская былина. Отъ послѣдней оно отличается тѣмъ, что описываетъ дѣйствительную, былевую жизнь, только съ извѣстнымъ подборомъ матеріала, въ потребныхъ типическихъ, можно было бы сказать, стереотипныхъ ея проявленіяхъ. У агіографа, составителя житія, свой стиль, свои литературные пріемы, своя особая задача. Житіе—это цѣлое литературное сооруженіе, нѣкоторыми деталями напоминающее архитектурную постройку. Оно начинается обыкновенно пространнымъ, торжественнымъ предисловіемъ, выражающимъ взглядъ на значеніе святыхъ жизней для людского общежитія. Свѣтильникъ не скрывается подъ спудомъ, а ставится на вершинѣ горы, чтобы свѣтить всѣмъ людямъ; полезно зѣло повѣствовать житіе божественныхъ мужей; если мы лѣнимся вспоминать о нихъ, то о нихъ вопіютъ ихъ чудеса; праведники и по смерти живутъ вѣчно: такими размышленіями подготовляетъ агіографъ своего читателя къ назидательному разумѣнію изображаемой святой жизни. Потомъ повѣствуется дѣятельность святого, предназначеннаго съ младенческихъ лѣтъ, иногда еще до рожденія, стать богоизбраннымъ сосудомъ высокихъ дарованій; эта дѣятельность сопровождается чудесами при жизни, запечатлѣвается чудесами и по смерти святого. Житіе заканчивается похвальнымъ словомъ святому, выражающимъ обыкновенно

благодареніе Господу Богу за ниспосланіе міру новаго свѣтильника, освятившаго житейскій путь грѣшнымъ людямъ. Всѣ эти части соединяются въ нѣчто торжественное, богослужебное: житіе и предназначалось для прочтенія въ церкви на всенощномъ бдѣніи наканунѣ дня памяти святого. Житіе обращено собственно не къ слушателю или читателю, а къ молящемуся. Оно болѣе чѣмъ поучаетъ: поучая, оно настраиваетъ, стремится превратить душеполезный моментъ въ молитвенную наклонность. Оно описываетъ индивидуальную личность, личную жизнь; но эта случайность цѣнится не сама по себѣ, не какъ одно изъ многообразныхъ проявленій человѣческой природы, а лишь какъ воплощеніе вѣчнаго идеала. Цѣль житія—наглядно на отдѣльномъ существованіи показать, что все, чего требуетъ отъ насъ заповѣдь, не только исполнимо, но не разъ и исполнялось, стало быть, обязательно для совѣсти, ибо изъ всѣхъ требованій добра для совѣсти необязательно только невозможное. Художественное произведеніе по своей литературной формѣ, житіе обрабатываетъ свой предметъ дидактически: это—назиданіе въ живыхъ лицахъ, а потому живыя лица являются въ немъ поучительными типами. Житіе—не біографія, а назидательный панегирикъ въ рамкахъ біографіи, какъ и образъ святого въ житіи—не портретъ, а икона. Потому въ ряду основныхъ источниковъ древнерусской исторіи житія святыхъ древней Руси занимаютъ свое особое мѣсто. Древнерусская лѣтопись отмѣчаетъ текущія явленія въ жизни своей страны; повѣсти и сказанія передаютъ отдѣльныя событія, особенно сильно подѣйствовавшія на жизнь или воображеніе народа; памятники права, судебники и грамоты, формулируютъ общія правовыя нормы или устанавливаютъ частныя юридическія отношенія, изъ нихъ возникавшія: только древне-

русское житіе даетъ намъ возможность наблюдать личную жизнь въ древней Руси, хотя и возведенную къ идеалу, переработанную въ типъ, съ котораго корректный агіографъ старался стряхнуть всѣ мелочныя конкретныя случайности личнаго существованія, сообщающія такую жизненную свѣжесть простой біографіи. Его стереотипныя подробности о провиденціальномъ воспитаніи святого, о борьбѣ съ бѣсами въ пустынѣ — требованія агіографическаго стиля, не біографическія данныя. Онъ и не скрывалъ этого. Не зная ничего о происхожденіи и ранней порѣ жизни своего святого, онъ иногда откровенно начиналъ свой разсказъ: а изъ какого града или веси и отъ каковыхъ родителей произошелъ такой свѣтильникъ, того мы не обрѣли въ писаніи, Богу то вѣдомо, а намъ довольно знать, что онъ горняго Іерусалима гражданинъ, отца имѣетъ Бога, а матерь—святую Церковь, сродники его — всенощныя многослезныя молитвы и непрестанныя воздыханія, ближніе его — неусыпные труды пустынные. Но время подвиговъ святого обыкновенно хорошо было извѣстно агіографу по устному преданію, письменнымъ воспоминаніямъ очевидцевъ, даже по личнымъ наблюденіямъ: нерѣдко онъ самъ стоялъ близко къ святому, даже „возливалъ воду на его руки“, т.-е. жилъ съ нимъ въ одной кельѣ, былъ его послушникомъ, а потому при всемъ его загробномъ благоговѣніи къ памяти небожителя сквозь строгія условности житійнаго изложенія проглядываютъ обаятельныя черты живой личности. Наконецъ очень цѣнны для исторіографіи часто сопровождающія житіе посмертныя чудеса святого, особенно подвизавшагося въ пустынномъ монастырѣ. Это—нерѣдко своеобразная мѣстная лѣтопись глухого уголка, не оставившаго по себѣ слѣда въ общей лѣтописи, даже ни въ какой грамотѣ. Такія записи чудесъ

иногда велись по порученію игумена и братіи особыми на то назначенными лицами, съ опросомъ исцѣленныхъ и свидѣтельскими показаніями, съ прописаніемъ обстоятельствъ дѣла, являясь скорѣе дѣловыми документами, книгами форменныхъ протоколовъ, чѣмъ литературными произведеніями. Несмотря на то въ нихъ иногда ярко отражается бытъ мѣстнаго мірка, притекавшаго къ могилѣ или ко гробу святого со своими нуждами и болѣзнями, семейными непорядками и общественными неурядицами.

Мірскіе монастыри.

Я не буду говорить о томъ, въ какой мѣрѣ древнерусскіе монастыри отвѣчали первоначальной идеѣ христіанскаго монашества и какое вліяніе оказали на нихъ греческіе монастыри той эпохи, когда Русь принимала христіанство: это спеціальные вопросы русской церковной исторіи. Я коснусь лишь условій, содѣйствовавшихъ развитію монастырскаго землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи немало значило то, какъ и гдѣ возникали монастыри. Мы уже видѣли отчасти, какъ они возникали. Высшій іерархъ, митрополитъ или епископъ, строилъ монастырь, чтобы отдыхать тамъ отъ пастырскихъ трудовъ и упокоиться по оставленіи паствы. Владѣтельный князь украшалъ обителями свой стольный городъ, свое княжество, чтобы создать „прибѣжище“ для окрестныхъ обывателей и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть постоянныхъ богомольцевъ за себя съ семьей и за своихъ родителей, иногда руководясь при этомъ и особенными побужденіями исполнить обѣтъ, данный въ трудномъ случаѣ, или ознаменовать память о какомъ-либо счастливомъ событіи своего княженія. Бояринъ или богатый купецъ создавалъ себѣ въ монастырѣ мѣсто, гдѣ надѣялся съ наибольшей пользой для души молиться и благотворить при жизни и лечь по смерти. Построивъ церковь и кельи и собравъ братію, основатель обезпечивалъ содержаніе

своей обители недвижимыми имѣніями или средствами для ихъ пріобрѣтенія. Новгородскій бояринъ Своеземцевъ, богатый землевладѣлецъ, въ XV в. построилъ около своего городка на р. Вагѣ монастырь, въ которомъ и самъ постригся подъ именемъ Варлаама, приписавъ къ нему значительныя земли изъ своихъ важскихъ вотчинъ и оставивъ братіи посмертный завѣтъ ежегодно въ день его кончины вдоволь кормить бѣдныхъ, сколько бы ихъ ни набралось въ монастырь на праздникъ; послѣ трапезы, отпуская изъ монастыря, еще надѣляли ихъ печенымъ и зерновымъ хлѣбомъ. Иногда монастырь строился при содѣйствіи цѣлаго общества, городского или сельскаго. Монастырь былъ нуженъ городу и сельскому округу, чтобы обывателямъ было гдѣ постричься въ старости и при смерти и „устроить душу" посмертнымъ поминовеніемъ. Изъ одной грамоты 1582 г. узнаемъ, что на Сѣверной Двинѣ близъ Холмогоръ былъ „убогой" монастырь, о которомъ крестьяне тамошней Чухченемской волости показали, что у него было 14 деревенекъ, что тотъ монастырь строили и деревни къ нему „подпущали и прикупали" ихъ прадѣды и дѣды и отцы, проча его себѣ и своимъ дѣтямъ и внучатамъ „на постриганіе и на поминокъ"; монастыремъ и его деревнями завѣдывали они же, волостные крестьяне, и монастырскую казну держали у себя въ волости. Казна такого монастыря составлялась преимущественно изъ вкладовъ за постриженіе и поминъ души и такъ же обращалась на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ съ разными доходными угодьями и заведеніями. Въ XVI в. былъ построенъ монастырь, который можно назвать не только мірскимъ, но и „*земскимъ*". Преп. Трифонъ, подвизавшійся въ Пермской странѣ, узнавъ, что въ сосѣдней Вятской землѣ, многолюдной и богатой, нѣтъ монастыря, возгорѣлъ желаніемъ

доставить ей это средство душевнаго устроенія. Онъ предложилъ вятскимъ земскимъ старостамъ и судьямъ возложить это дѣло на него, какъ старца, уже потрудившагося въ монастырскомъ строительствѣ. Вятчане съ радостью приняли предложеніе, и Трифонъ ѣздилъ въ Москву бить челомъ о построеніи монастыря отъ всей Вятской земли, „отъ всѣхъ вятскихъ городовъ". Но скоро вятчане охладѣли къ дѣлу и перестали помогать Трифону. Его выручилъ вятскій воевода Овцынъ. На первый день Пасхи онъ позвалъ къ себѣ всѣхъ знатныхъ и богатыхъ вятчанъ. Былъ здѣсь и Трифонъ. Когда всѣ „быша въ веселіи", воевода пригласилъ гостей помочь Трифону, кто сколько можетъ. Гости радушно согласились. Тотчасъ явился „нѣкій скорописецъ" съ подписной книгой. Воевода первый подписалъ значительную сумму; гости отъ него не отстали. Христосованье съ воеводой и воеводское угощенье съ подпиской продолжались еще два дня и собрано было болѣе 600 р. (около 30,000 р. на наши деньги). Въ Москвѣ Трифонъ выхлопоталъ своему монастырю „села и деревни съ людьми", озера, рыбныя ловли и сѣнные покосы. Братія, которую строители набирали въ такіе мірскіе монастыри для церковной службы, имѣла значеніе наемныхъ богомольцевъ и получала „служеное", жалованіе изъ монастырской казны, а для вкладчиковъ монастырь служилъ богадѣльней, въ которой они своими вкладами покупали право на пожизненное „прекормленіе и покой". Люди, искавшіе подъ старость въ мірскомъ монастырѣ покоя отъ мірскихъ заботъ, не могли исполнять строгихъ, дѣятельныхъ правилъ иноческаго устава. Когда въ одномъ такомъ монастырѣ попытались ввести подобныя правила, иноки съ плачемъ заявили строителю, что новыя требованія имъ не подъ силу: эта братія, какъ объяснилъ дѣло самъ строитель, поселяне и

старики, непривычные къ порядку жизни настоящихъ иноковъ, состарившіеся въ простыхъ обычаяхъ. Въ вятскомъ земскомъ монастырѣ дѣло шло еще плачевнѣе. Трифонъ ввелъ въ немъ строгій уставъ, запретилъ монахамъ держать столъ съ виномъ по кельямъ, предписавъ довольствоваться одинаковой пищей въ общей трапезѣ. Братія, набившаяся въ богатый монастырь, была такова, что строгія требованія настоятеля подняли ее на открытый мятежъ: Трифона бранили въ глаза, запирали и даже били и наконецъ выгнали изъ монастыря.

Основатели пустынныхъ монастырей.

Осуществленія идеи настоящаго иночества надобно искать въ пустынныхъ монастыряхъ. Основатели ихъ выходили на свой подвигъ по внутреннему призванію и обыкновенно еще въ молодости. Древнерусскія житія изображаютъ разнообразныя и часто характерныя условія прохожденія пустыннаго подвижничества въ древней Руси; но самый путь, которымъ шли подвижники, былъ довольно однообразенъ. Будущій основатель пустыннаго монастыря готовился къ своему дѣлу продолжительнымъ искусомъ обыкновенно въ пустынномъ же монастырѣ подъ руководствомъ опытнаго старца, часто самого основателя этого монастыря. Онъ проходилъ разныя монастырскія службы, начиная съ самыхъ черныхъ работъ, при строгомъ постѣ, „изнуряя плоть свою по вся дни, бодрствуя и молясь по вся нощи“. Такъ усвоялось первое и основное качество инока, отреченіе отъ своей воли, послушаніе безъ разсужденія. Проходя эту школу физическаго труда и нравственнаго самоотверженія, подвижникъ, часто еще юный, вызывалъ среди братіи удивленные толки, опасную для смиренія „молву“, а пустынная молва, по замѣчанію одного житія, ничѣмъ не отличается отъ мятежной городской славы. Искушаемому подвижнику приходилось бѣжать изъ

воспитавшей его обители, искать безмолвія въ настоящей глухой пустынѣ, и настоятель охотно благословлялъ его на это. Основатели пустынныхъ монастырей даже поощряли своихъ учениковъ, въ которыхъ замѣчали духовную силу, по окончаніи искуса уходить въ пустыню, чтобы основывать тамъ новые монастыри. Пустынный монастырь признавался совершеннѣйшей формой общежитія, основаніе такого монастыря—высшимъ подвигомъ инока. Древнерусское *житіе* недостаточно выясняетъ, изъ какихъ практическихъ побужденій составился такой взглядъ, было ли то исканіе пустыннаго безмолвія ради спасенія души, или стремленіе почувствовавшаго свою силу инока имѣть *свой* монастырь, изъ послушника превратиться въ хозяина, или наконецъ желаніе пойти навстрѣчу общественной потребности. Мы уже видѣли, что съ XIV в. монастырское движеніе усиленно направлялось изъ центральныхъ областей на сѣверъ за Волгу. Причина понятна: сѣверное Заволжье—это былъ тогда край, наиболѣе привольный для пустынножителей, гдѣ они при поселеніи наименѣе могли опасаться столкновеній съ землевладѣльцами и сельскими обществами. Но въ ту же сторону, оттуда же и съ того же времени направлялась и крестьянская колонизація; монахъ и крестьянинъ были попутчики, шедшіе рядомъ, либо одинъ впереди другого. Указанныя сейчасъ побужденія пустынножителей не исключали другъ друга, а либо переходили одно въ другое, либо сливались одно съ другимъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ. По крайней мѣрѣ въ житіяхъ есть намеки на то, что отшельники, строя церкви и при нихъ монастыри, нерѣдко имѣли въ виду доставить расходившимся по заволжскимъ лѣсамъ переселенцамъ возможность помолиться, постричься и похорониться въ недалекомъ храмѣ съ обителью. Связь пу-

стынническаго движенія съ крестьянской колонизаціей выступаетъ въ агіографіи довольно явственно. Постриженникъ Каменнаго монастыря на Кубенскомъ озерѣ преп. Діонисій, подвизаясь въ концѣ XIV и въ началѣ XV в. въ глухихъ дебряхъ по р. Глушицѣ, лѣвому притоку верхней Сухоны, строитъ въ разныхъ мѣстахъ одинъ храмъ за другимъ „на прихожденіе православному христіанству", потому что „не бяше тогда церкви на томъ мѣстѣ", а деревни вокругъ все множились. Около того же времени другой инокъ Ѳеодоръ, обходя пустыни около Бѣлаозера, нашелъ тамъ на устьѣ р. Ковжи „новопашенныя мѣста починки", свѣжія росчисти подъ пашню, выпросилъ себѣ у удѣльнаго князя эти починки съ покосами и рыбными ловлями и устроилъ монастырь, который сталъ для окрестныхъ новоселовъ сборнымъ мѣстомъ молитвы и постриженія.

Поселеніе въ пустынѣ.

Но отшельникъ не всегда переходилъ изъ воспитавшей его обители прямо въ пустыню, гдѣ суждено ему было основать свой монастырь. Многіе долго странствовали по другимъ монастырямъ и пустынямъ: ученикъ Сергія Радонежскаго Павелъ, постригшись 22 лѣтъ отъ роду, 50 лѣтъ странствовалъ по разнымъ пустынямъ, прежде чѣмъ основалъ свою обитель на р. Обнорѣ. Странничество было распространено среди сѣвернаго русскаго монашества тѣхъ вѣковъ и рисуется въ житіяхъ яркими чертами. Странникъ уходилъ иногда тайкомъ, чтобы видѣть обычаи разныхъ монастырей и поклониться святымъ мѣстамъ Русской земли. Кириллъ Новоезерскій, скитаясь по пустынямъ, ходилъ босой, питался травой, кореньями и сосновой корой и „со звѣрями живше 20 лѣтъ", наконецъ сталъ помышлять о покоѣ и основалъ свой монастырь въ Бѣлозерскомъ краю (1517 г.). Найти мѣсто, гдѣ бы „уединитися отъ человѣка", было важной заботой для отшельника, манили

дебри, гдѣ были бы „лѣса черные, блата, мхи и чащи непроходимыя“. На выборномъ мѣстѣ ставилась кельица малая или просто устроялось землянка. Павелъ Обнорскій три года прожилъ въ дуплѣ большой старой липы, а Корнилій, пришедши въ Комельскій лѣсъ, поселился въ одинокой избѣ, покинутой разбойниками. Но отшельнику рѣдко приходилось долго оставаться въ безмолвіи: его открывали окрестные крестьяне и другіе пустынники, которыхъ много скрывалось по заволжскимъ лѣсамъ. Около кельи отшельника строились другія для желавшихъ съ нимъ сожительствовать, и составлялось пустынническое братство.

Пустынный общежительный монастырь.

Въ древней Руси различали три вида иноческой жизни: *общежитіе*, житіе *особное* и *отходное*. Общежительный монастырь—это монашеская община съ нераздѣльнымъ имуществомъ и общимъ хозяйствомъ, съ одинаковой для всѣхъ пищей и одеждой, съ распредѣленіемъ монастырскихъ работъ между всей братіей; ничего не считать своимъ, но все имѣть общее—главное правило общежитія. Отходному житію посвящали себя люди, стремившіеся жить въ полномъ пустынномъ уединеніи, пощеніи и молчаніи, оно считалось высшей ступенью иночества, доступной лишь тѣмъ, кто достигалъ иноческаго совершенства въ школѣ общаго житія. Особное житіе вообще предшествовало монастырскому общежитію и было подготовительной къ нему ступенью. Оно было очень распространено въ древней Руси, какъ простѣйшій видъ иночества, и принимало различныя формы. Иногда люди, отрекавшіеся или помышлявшіе отречься отъ міра, строили себѣ кельи у приходскаго храма, заводили даже игумена, какъ духовнаго руководителя, но жили отдѣльными хозяйствами и безъ опредѣленнаго устава. Такой монастырь „особнякъ“ составлялъ не братство, а товарищество, объединявшееся

сосѣдствомъ, общимъ храмомъ, иногда и общимъ духовникомъ. Другіе селились въ пустынѣ человѣка по два, по три или болѣе въ отдѣльныхъ кельяхъ по сосѣдству, образуя небольшіе отшельническіе поселки. Но когда среди нихъ появлялся сильный, пріобрѣтавшій извѣстность подвижникъ, вокругъ него сосредоточивались эти разсѣянныя пустынки, образовывалось скученное поселеніе, заводились общія работы, пришельцы помогали хозяину въ трудахъ надъ окрестнымъ лѣсомъ, „древіе посѣкая и землю очищая къ насѣянію плодовъ земныхъ“, отшельники начинали „обще ясти во единой храминѣ“, по выраженію одного житія, являлась нужда построить для умножившейся братіи просторный храмъ съ общей трапезой. Такъ особное житіе само собою переходило въ общежитіе. Наконецъ братія слала въ Москву челобитье о монастырскомъ строеніи, какъ читаемъ въ житіи Антонія Сійскаго, „пожаловалъ бы государь, велѣлъ богомолье свое монастырь строити на пустомъ мѣстѣ, на дикомъ лѣсу, братію собирати и пашню пахати“. Разрѣшеніе пашню пахать значило, что дикій казенный лѣсъ, окружавшій монастырь, отдавался ему во владѣніе для расчистки подъ пашню. Съ минуты этого пожалованія товарищество безформеннаго особняка превращалось въ учрежденіе, становилось юридическимъ лицомъ. На первыхъ порахъ, когда монастырь устроялся и обзаводился, братія вела усиленно трудовую жизнь, терпѣла „монастырскую страду“. По задачамъ иночества монахи должны были питаться отъ своихъ трудовъ, „свои труды ясти и пити“, а не жить подаяніями мірянъ. Среди основателей и собиравшейся къ нимъ рядовой братіи пустынныхъ монастырей встрѣчались люди изъ разныхъ классовъ общества, дворяне, купцы, промышленники и ремесленники, иногда люди духовнаго происхожденія, очень часто крестьяне. Общежи-

тельный монастырь подъ руководствомъ дѣятельнаго основателя представлялъ рабочую общину, въ которой занятія строго распредѣлялись между всѣми, каждый зналъ свое дѣло, и работы каждаго шли „на братскую нужу". Уставъ бѣлозерскихъ монастырей Кирилла и Ѳерапонта, какъ онъ изложенъ въ житіи послѣдняго, живо изображаетъ этотъ распорядокъ монастырскихъ занятій, „чинъ всякаго рукодѣлія": кто книги пишетъ, кто книгамъ учится, кто рыболовныя сѣти плететъ, кто кельи строитъ; одни дрова и воду носили въ хлѣбню и поварню, гдѣ другіе готовили хлѣбъ и варево; хотя и много было служебъ въ монастырѣ, вся братія сама ихъ исправляла, отнюдь не допуская до того мірянъ, монастырскихъ служекъ. Но первой хозяйственной заботой основателя пустыннаго монастыря было пріобрѣтеніе окрестной земли, обработка ея—главнымъ хозяйственнымъ дѣломъ собиравшейся въ немъ братіи. Пока на монастырскую землю не садились крестьяне, монастырь самъ обрабатывалъ ее, всѣмъ своимъ составомъ, со строителемъ во главѣ выходя на лѣсныя и полевыя работы. Земледѣльческое хозяйство приходилось заводить на дикомъ нетронутомъ лѣсу, расчищая его подъ пашни и огороды. Въ одномъ монастырскомъ сказаніи XVI в. такими чертами изображается образцовая дѣятельность основателя пустыннаго монастыря: довольно лѣтъ подвизался онъ въ своей обители, построилъ церкви и кельи поставилъ, „и многая по чину монастырскому взградивъ, и нивы и пашни къ монастырю пріобрѣте, и человѣки многіе (слуги-міряне) и скоты на службу въ обитель сію устрои, и не преста отъ труда своего, аще и въ многолѣтной сѣдинѣ, и не даде тѣлу своему ни мало покоя, еще второе о Бозѣ умышляетъ, дабы ему далъ Богъ обрѣсти мѣсто потребно къ рыбной ловлѣ". Такъ помыслы о пустынномъ безмолвіи заверша-

лись образованіемъ монашеской земледѣльческой общины. Причиной такого, какъ бы сказать, уклона иночества была его связь съ крестьянской колонизаціей. Пустынники шли вслѣдъ за крестьянами или пролагали имъ дороги въ заволжскихъ лѣсахъ; пустынный общежительный монастырь служилъ нуждамъ переселенцевъ, религіознымъ и хозяйственнымъ, широко пользовался ихъ трудомъ, изъ ихъ среды пополнялъ свою братію. Та же причина въ ряду другихъ условій содѣйствовала и дальнѣйшему уклоненію большинства русскихъ монастырей отъ идеи иночества, о чемъ буду говорить въ слѣдующій часъ.

Лекція XXXV.

Способы земельнаго обогащенія монастырей. — Земли жалованныя. — Вклады по душѣ и для постриженія. — Купли и другія сдѣлки. — Вредныя слѣдствія монастырскаго землевладѣнія для самого монашества. — Монастырскіе кормы. — Упадокъ монастырской дисциплины. — Неудобства монастырскаго землевладѣнія для служилыхъ людей и государства. — Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ. — Нилъ Сорскій и Іосифъ Волоцкій. — Соборъ 1503 г. — Литературная полемика по вопросу. — Законодательныя попытки сдержать земельное обогащеніе монастырей.

Мы видѣли, какъ древнерусскій общежительный монастырь становился земледѣльческой общиной. Теперь намъ предстоитъ разсморѣть, какъ многіе изъ этихъ монастырей превращались въ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Земли жалованныя.

Житіе изображаетъ древнерусскаго пустынножителя въ минуты его жизни, когда онъ приближался къ своему иноческому идеалу. Но сохранились документы, въ которыхъ тотъ же пустынножитель является въ ежедневномъ быту, среди своихъ будничныхъ хлопотъ. Здѣсь онъ заботливый хозяинъ, пекущійся о прокормленіи собранной братіи. Около половины XVI в. на южномъ берегу оз. Ильменя близъ пустоши Леохнова началъ подвизаться отшельникъ Антоній изъ тверскихъ дворянъ. Потомъ къ нему собралось нѣсколько сподвижниковъ, и къ концу вѣка возникъ монастырь. Жизнь Антонія описана въ житіи обычными чертами строгаго пустынножительства. Но изъ сохранившихся актовъ монастыря видно, какъ заботливо и съ ка-

кимъ трудомъ устроялъ Антоній поземельное хозяйство своей пустынки. Стѣсненный помѣщичьими землями, онъ жаловался, что ему некуда выпустить монастырскую животину, выпрашивалъ себѣ сѣнные покосы, брошенные крестьянами и заросташіе лѣсомъ, также дворцовыя пустоши, покинутыя помѣщиками, бралъ ихъ „изъ оброку для пашни и животиннаго выпуску“, съ обязательствомъ ихъ распахать и обстроить, „хоромы поставить“. Выпрошенные луга и пустоши называются въ документахъ „государевой жалованной землей“. Между служилымъ землевладѣльцемъ и тяглымъ хлѣбопашцемъ пустынный монастырь оперируетъ съ землей, какъ соперникъ того и другого, съ тою лишь немаловажною разницей, что монастырь прочнѣе ихъ обоихъ умѣлъ укрѣплять за собой пріобрѣтаемыя земли. Способы этого укрѣпленія особенно явственно выступаютъ въ другомъ случаѣ. Въ 1618 г. Троицкаго Сергіева монастыря старецъ Трифиллій да крестьянинъ Ивашка выпросили себѣ въ Москвѣ въ дворцовомъ вѣдомствѣ „для пустыннаго строенья“ лѣсное урочище Пелегово за р. Унжей па дикомъ мѣстѣ, „отъ людей поотдалѣло“. Предприниматели брали урочище на 6-лѣтнюю льготу съ обязательствомъ въ эти льготные годы „пустыню строить, храмъ воздвигнуть, братію и крестьянъ на пашню призывать, лѣсъ расчищать, и пашню пахать къ той пустынѣ и всякими угодьями владѣть“, а по истеченіи льготнаго срока платить въ казну ежегодно около 10 р. на наши деньги. Черезъ 9 лѣтъ строитель отдалъ свою пустынь въ Сергіевъ монастырь, который съ крестьянъ сосѣдней волости взялъ запись—никакихъ споровъ о землѣ съ пустынью не затѣвать и своимъ строеньемъ ея не называть. Между тѣмъ пустынь уже наставила починковъ и насажала крестьянъ на своей землѣ и даже

воспользовалась „промежной землей“, нейтральной полосой, пролегавшей между нею и волостью, и начала тамъ „дворы строить и бобылей призывать“, стѣсняя своихъ сосѣдей. При такой колонизаторской домовитости казна охотно уступала строителямъ пустынныхъ монастырей обширныя дико-лѣсныя пространства, чтобы ввести ихъ въ народно-хозяйственный оборотъ. Въ концѣ XV в. монастырю Павла Обнорскаго пожаловано было „чернаго непашеннаго“, нетронутаго Комельскаго лѣса въ Вологодскомъ краю на 8 верстъ въ длину и на 3—4 версты въ ширину. Въ началѣ XVI в. нѣкій старецъ Ефремъ основалъ монастырь въ глухомъ краю на верхней Вагѣ; преемнику основателя царь въ 1559 г. далъ грамоту съ правомъ „отъ той пустыни лѣсъ сѣчи, и людей на томъ на дикомъ лѣсу садити, и пашню пахати на всѣ стороны отъ монастыря по пяти верстъ“. А игумену Ѳеодору, построившему пустынку на дикомъ лѣсу гдѣ-то между Вологдой, Каргополемъ и Вагой, въ 1546 г. позволено было лѣсъ расчищать и заселять на 12 верстъ отъ монастыря во всѣ стороны. Такія огульныя земельныя пожалованія соединялись со щедрыми судными и податными льготами для крестьянъ, селившихся на пожалованныхъ земляхъ, и потому заселеніе ихъ шло очень успѣшно. Когда преп. Павелъ въ концѣ XIV в. началъ подвизаться на пустынной Обнорѣ, далеко кругомъ его кельи не было мірского житья. Въ 1489 г., когда монастырю было пожаловано до 30 кв. верстъ Комельскаго лѣса, съ крестьянъ 4 монастырскихъ деревень велѣно было „податей ни какихъ не имати“, и спустя 56 лѣтъ на отведенномъ монастырю лѣсу стояло уже до 45 старыхъ и новыхъ деревень и починковъ, самимъ монастыремъ поставленныхъ. Землевладѣльческіе успѣхи монастыря при такой щедрости набожнаго прави-

тельства и при тогдашней неопредѣленности поземельныхъ отношеній нерѣдко приводили къ прискорбнымъ столкновеніямъ. Окрестные землевладѣльцы и крестьяне говорили про строителя: „сей старецъ близъ насъ поселился, по малѣ времени завладѣетъ нами и селитвами нашими; на нашей землѣ монастырь поставилъ и пашню строитъ и хочетъ завладѣть нашими землями и селами, которыя близъ монастыря“, Въ началѣ XVII в. вотчинный крестьянинъ Іосифова волоколамскаго монастыря Симонъ, въ Смутное время брошенный отцомъ и ушедшій кормиться въ Устюгъ, поселился въ глухомъ лѣсу на рѣчкѣ Кичменгѣ, притокѣ р. Юга, въ урочищѣ Волмахъ, откуда до ближайшихъ крестьянскихъ поселеній было не меньше 20 верстъ. Жилъ онъ, какъ всѣ лѣсные отшельники, „во многихъ трудѣхъ и подвизѣхъ, лѣсъ посѣкая и землю очищая“, и когда къ нему стали собираться сожители, пошелъ въ Москву хлопотать о разрѣшеніи „въ непроходимомъ черномъ лѣсу обитель составити и братію собрати“. Царь далъ ему жалованную грамоту съ правомъ владѣть тѣмъ лѣсомъ на 10 верстъ во всѣ стороны отъ его аршинной („яко лактя единаго“) келейки на р. Кичменгѣ. Тогда окрестные крестьяне испугались, что привольный лѣсъ, гдѣ они промышляли на просторѣ, ускользнетъ изъ ихъ рукъ. Симонъ построилъ церковь въ своей пустынѣ: они сожгли ее. Симонъ построилъ другую: крестьяне захватывали его въ пустынѣ наединѣ, просьбами, угрозами и даже пытками старались выманить у него царскую жалованную грамоту и наконецъ звѣрски его убили. Разсказы объ озлобленномъ отношеніи окрестныхъ обывателей къ строителямъ монастырей изъ опасенія потерять земли и угодья не рѣдки въ древнерусскихъ житіяхъ. Усердные не по разуму правители иногда оправдывали такое опасеніе,

противъ воли самихъ строителей навязывая имъ даже населенныя земли. Преп. Корнилій Комельскій, основавшій монастырь на р. Нурмѣ, былъ строгій и нестяжательный пустынникъ. Отецъ Грознаго очень чтилъ старца, который въ молодости служилъ при дворѣ его бабушки. Житіе Корнилія передаетъ короткую бесѣду его съ вел. кн. Василіемъ. „Слышалъ я, отче, что у твоего монастыря нѣтъ селъ и деревень; но проси, и я дамъ, что тебѣ нужно". Корнилій отвѣчалъ, что ему ничего не нужно, а только проситъ онъ дать ему немного земли съ лѣсомъ близъ монастыря, чтобы онъ со своею братіей могъ „отъ поту лица своего ѣсть хлѣбъ свой". Великій князь исполнилъ просьбу старца да отъ себя прибавилъ прилегавшіе къ монастырю деревни и починки „со всякимъ угодіемъ", освободивъ ихъ обывателей отъ всякихъ податей и поборовъ. Сохранилась пожалованная тогда Корнилію грамота, укрѣплявшая за монастыремъ 29 деревень и починковъ, обывателей которыхъ „вѣдаетъ и судитъ старецъ Корнилій съ братьею сами во всемъ". Пустынникъ, которому собственный монастырь казался слишкомъ шумнымъ и который искалъ полнаго безмолвія, волей-неволей сталъ управителемъ чуть не цѣлой сельской волости со всѣми ея дрязгами.

Вклады по душѣ.

Вотчины *жалованныя*, испрошенныя у мірской власти, были основнымъ фондомъ земельнаго богатства монастырей. Деревни и починки, пожалованные преп. Корнилію помимо его просьбы, имѣли уже характеръ вклада. *Вклады* были другимъ, еще болѣе обильнымъ источникомъ земельнаго обогащенія монастырскаго монашества. Они входили въ составъ довольно сложной системы *строенія души*, выработанной древнерусской набожностью, точнѣе, древнерусскимъ духовенствомъ. Въ духовной жизни древней Руси я не знаю другой черты, которая такъ выпукло обнаружи-

вала бы степень пониманія христіанства древнерусскимъ человѣкомъ. *Строить душу* значило обезпечить человѣку загробную молитву Церкви о его грѣхахъ, о спасеніи его души. Вы помните, что̀ замѣчаетъ православный катехизисъ въ изложеніи XI члена Символа вѣры о душахъ умершихъ съ вѣрою, но не успѣвшихъ принести плоды достойные покаянія: для достиженія блаженнаго воскресенія имъ могутъ вспомоществовать приносимыя за нихъ молитвы, особенно соединенныя съ приношеніемъ безкровной жертвы, и благотворенія, съ вѣрою совершаемыя въ память ихъ. Православное ученіе о молитвѣ за усопшихъ древнерусская рядовая совѣсть усвоила недостаточно вдумчиво и осторожно: возможность молитвы о душахъ умершихъ, не успѣвшихъ принести плоды покаянія, пріободрила къ мысли, что и нѣтъ нужды спѣшить съ этимъ дѣломъ, что на все есть свое время. Въ одной былинѣ древнерусскій богатырь, собираясь подъ старость въ Іерусалимъ, чтобы пристойно завершить свои неблаговидные подвиги, говоритъ:

Смолоду было много бито, граблено,
А теперь пора душа спасти.

Сострадательная заботливость Церкви о не успѣвшихъ позаботиться о себѣ послужила для податливой на соблазнъ и трусливой совѣсти поводомъ къ мнѣнію, что можно отмолиться чужой молитвой, лишь были бы средства нанять ее, и лишь бы она была не кой-какая, а истовая, технически усовершенствованная молитва. Привилегированными мастерскими такой наемной молитвы были признаны монастыри: свѣтъ инокамъ ангелы, свѣтъ мірянамъ иноки,— говорили въ древней Руси. Такой взглядъ на монастыри, укрѣпившійся въ древнерусскомъ обществѣ, былъ большимъ несчастіемъ для монастырскаго монашества, разстраивавшимъ его бытъ и мѣшавшимъ ему понять свое истинное

назначеніе. Средствомъ для найма монастырской молитвы и служили вклады ради спасенія души, „въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ". Они принимали разнообразныя формы и дѣлались всевозможными вещами, церковными предметами, колоколами, свѣчами, сосудами, иконами, богослужебными книгами, также хозяйственными принадлежностями, хлѣбомъ, домашнимъ скотомъ, платьемъ, всего обычнѣе деньгами и недвижимыми имуществами. Различны были и блага, какія надѣялись пріобрѣсти вкладами. Всего ближе къ церковному ученію о молитвѣ за успошихъ были вклады *по душѣ*, для заупокойнаго поминовенія. Такой вкладъ входилъ, какъ норма, въ составъ древнерусскаго права наслѣдованія: изъ имущества состоятельнаго покойника обязательно выдѣлялась доля на поминъ его души, хотя бы онъ не оставлялъ по себѣ никакихъ предсмертныхъ распоряженій; его молчаливая воля по этому предмету предполагалась, какъ необходимая юридическая презумпція. Древнерусскому человѣку вообразить себя на томъ свѣтѣ безъ заказнаго поминовенія на землѣ было такъ же страшно, какъ ребенку остаться безъ матери въ незнакомомъ пустынномъ мѣстѣ. Выработана была подробная такса заупокойныхъ богослуженій, панихидъ „большихъ и меньшихъ", литій, обѣденъ. Поминовеніе по *сенанику* (синодику) отличалось отъ „годоваго поминовенія впрокъ", которое стоило дороже; смотря по вкладу усопшаго записывали въ вѣчные сенаники *налойный*, *литейный*, *олтарный*, *постъный*, *вседневный* и *сельный съ сельники*, т.-е. съ покойниками, по которымъ были вклады селами. Въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ въ 1630-хъ гг. за запись въ литейный синодикъ брали по 50 р. (не менѣе 500 р. на наши деньги) съ каждаго имени. Преп. Іосифъ Волоцкій въ посланіи къ княгинѣ-вдовѣ Голениной изложилъ своего рода догму по-

минальныхъ вкладовъ. Княгиня въ теченіе 15 лѣтъ передала въ монастырь Іосифа по своемъ отцѣ, мужѣ и двухъ сыновьяхъ деньгами и другими вкладами болѣе 70 рублей (не менѣе 4 тыс. на наши деньги). Ей хотѣлось, чтобы ея покойниковъ поминали особо, а не на общихъ панихидахъ заурядъ съ другими усопшими вкладчиками, и имена ихъ были бы внесены въ вѣчный синодикъ. Изъ монастыря ей отвѣчали, что для этого требуется особый значительный вкладъ. Княгиня въ сердцахъ назвала это требованіе „грабежомъ“. Іосифъ въ своемъ письмѣ и опровергаетъ это вспыльчивое выраженіе. Онъ точно высчитываетъ, что и на общихъ „панаѳидахъ“, заупокойныхъ литіяхъ и вседневныхъ обѣдняхъ покойники княгини въ сложности поминаются не меньше 6 разъ на день, а въ иной день и по 10 разъ, что пѣть за всякаго по особой панихидѣ и обѣднѣ—дѣло невозможное; даромъ священникъ ни одной обѣдни, ни панихиды не служитъ, а надобно каждому заплатить за обѣдню въ праздикъ болѣе 1 руб. (на наши деньги), а въ будни половину того. Въ концѣ письма Іосифъ говоритъ, что въ годовое поминанье не записываютъ „безъ ряды“, особаго договора съ условіемъ либо ежегоднаго урочнаго взноса деньгами или хлѣбомъ, либо единовременнаго вклада селомъ.

Вклады для постриженія.

Кромѣ вкладовъ по душѣ монастыри обогащались еще взносами для постриженія. Такимъ взносомъ какъ бы обезпечивалось пожизненное содержаніе постриженника въ монастырѣ. Этотъ источникъ расширялся по мѣрѣ того, какъ въ древнерусскомъ обществѣ укрѣплялся обычай постригаться подъ старость или передъ смертью: думали, что во что-нибудь зачтется, если отречься отъ міра хотя за нѣсколько минутъ раньше, чѣмъ сама природа закроетъ человѣку глаза на этотъ міръ. Рѣдкій государь въ древней

Руси умиралъ, не постригшись хотя бы передъ самой смертью; то же дѣлали по возможности и частныя лица. особенно знатныя и состоятельныя. Вступленіе въ иночество обыкновенно соединялось со вкладомъ въ монастырь при самомъ постриженіи или со вкладомъ, назначеннымъ заранѣе на случай постриженія; въ послѣднемъ случаѣ вкладчикъ оговаривалъ свой вкладъ условіемъ: „а похочу язъ постричись, и игумену меня постричь за тѣмъ же вкладомъ". Іосифъ Волоцкій признавался, что его монастырь началъ обстраиваться съ тѣхъ поръ, какъ стали въ немъ стричься въ чернцы добрые люди изъ князей, бояръ, дворянъ и купцовъ, которые давали много, отъ 10 до 200 р. (до 12 тыс. на наши деньги). На Трифона, основавшаго въ концѣ XVI в. монастырь на Вяткѣ, жаловались, что онъ за постриженіе вкладу проситъ дорого и съ убогаго человѣка меньше 10 р. (болѣе 100 р.) не возьметъ. Вкладъ при постриженіи считался тѣмъ обязательнѣе, что по смерти вкладчика онъ превращался въ поминальный. Въ письмѣ къ княгинѣ-вдовѣ Іосифъ Волоцкій высказываетъ, какъ общее правило, что если богатый человѣкъ при постриженіи не дастъ вкладу по силѣ, его не велѣно поминать въ томъ монастырѣ. Иногда вкладной договоръ обставлялся разнородными условіями, получалъ довольно сложный юридическій составъ. Одинъ вкладчикъ, напримѣръ, съ женой и 4 сыновьями въ 1568 г. отдалъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь свою небольшую подмосковную вотчину, и за это его у Троицы „постричи и келейкою пожаловати упокоити и семью (жену) его тоже постричь въ приписномъ къ Сергіеву женскомъ монастырѣ и келейку ей пожаловать, а двухъ сыновей ихъ принять въ слуги монастыря и деревеньку имъ пожаловать, на чемъ имъ можно прожити", а кто изъ нихъ захочетъ постричься, того постричь и тоже

келейкою поустроить за тѣмъ же вкладомъ. Такъ вкладомъ пристроилась къ монастырю цѣлая дворянская семья, давая ему готовыхъ и будущихъ постриженниковъ и даже военныхъ слугъ-помѣщиковъ. Иногда вкладъ въ монастырь дѣлался съ условіемъ не только поминать, но и похоронить вкладчика въ томъ монастырѣ; нѣкоторые монастыри становились фамильными кладбищами знатныхъ родовъ, члены которыхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе приносили въ обители „вѣчнаго покоя“ за свои души и могилы свои вотчинныя села, деревни и сѣнные покосы.

Купли. Не всѣ въ древней Руси смотрѣли на церковное поминовеніе и на вклады за него, какъ смотрѣлъ на это преп. Іосифъ. Въ одной рукописи XVII в., въ предисловіи къ синодику Сійскаго монастыря я встрѣтилъ такое наставленіе игуменамъ: „Если скончается монахъ вашей паствы или мірянинъ, въ нищетѣ жившій, не говорите: не далъ вкладу, такъ не писать его въ поминаніе; тогда вы ужъ не пастыри, а наемники и мздоимцы; если состоятельный человѣкъ, умирая, ничего не дастъ церкви Божіей ни отцу своему духовному, а все оставитъ плотскому своему роду— это не вашъ грѣхъ, ты же, пастуше словесныхъ овецъ, имѣй опасливое попеченіе о душахъ ихъ“. Однако взглядъ Іосифа оставался господствующимъ и поддерживалъ непрерывный притокъ въ монастыри денежныхъ и земельныхъ вкладовъ. Впрочемъ и денежные вклады шли прежде всего на пріобрѣтеніе вотчинъ, и сами вкладчики подыскивали земли для монастыря, чтобы купить ихъ на вкладываемыя ими деньги: съ вкладомъ связано было ихъ поминовеніе, а денежный капиталъ легко могъ быть израсходованъ, тогда какъ монастырская земля была неотчуждаема и должна была напоминать о поминовеніи вкладчика-сельника, „чтобы душа его во вѣки безпамятна не была“, какъ писалось во

вкладныхъ. Отъ разныхъ монастырей древней Руси сохранилось большое количество купчихъ на земли; въ архивѣ Троицкаго Сергіева монастыря рядъ ихъ идетъ отъ преемника Сергіева иг. Никона. Но нерѣдко купля-продажа замѣнялась сдѣлками другого рода или съ ними соединялась. Такъ иногда вотчина отчуждалась монастырю за деньги подъ видомъ заклада: вотчинникъ занималъ деньги подъ залогъ вотчины; при неуплатѣ въ срокъ или при отказѣ отъ уплаты закладная по условію превращалась въ купчую. Подобный характеръ прикрытой продажи получила и мѣна вотчинами: монастырь покупалъ малоцѣнную землю и мѣнялъ ее на болѣе цѣнную, доплачивая разницу стоимости деньгами. На такую мѣну съ придачей или приплатой походили и вклады по душѣ со *сдачей*. Вотчинные вклады обыкновенно дѣлались заранѣе съ условіемъ жить вкладчику на вкладной вотчинѣ до смерти или до постриженія. Это былъ своего рода прожитокъ или *пожитъ*, какъ называлось подобное временное владѣніе въ помѣстномъ правѣ. Но нерѣдко вотчинникъ получалъ съ монастыря еше сдачу при самомъ вкладѣ вотчины, въ стоимости которой такимъ образомъ различались двѣ составныя доли, одна собственно вкладная на поминъ души, другая продажная, оплачиваемая сдачей. Всѣ такія сдѣлки основывались на общихъ нормахъ древнерусскаго гражданскаго права; но при участіи религіозныхъ мотивовъ въ монастырской практикѣ онѣ складывались въ такія сложныя комбинаціи, какія едва ли возможны были во внѣцерковномъ юридическомъ оборотѣ. Приведу примѣръ изъ архива Троицкаго Сергіева монастыря, самаго крупнаго и оборотливаго землевладѣльца между монастырями древней Руси. Въ 1624 г. вдова знатнаго происхожденія дала къ Троицѣ хорошую старинную вотчину мужа съ условіемъ поминать его, ихъ дѣтей и

родителей, а ее по смерти положить у Троицы, съ записью въ сенаникъ и проч. При этомъ вкладчица взяла у монастыря значительную сумму, чтобы расплатиться съ долгами, и поставила условіе: кто изъ ея рода захочетъ выкупить вкладную вотчину, обязанъ уплатить взятую вдовой у монастыря сумму и сверхъ того внести большой денежный вкладъ взамѣнъ той доли стоимости выкупаемой вотчины, какая назначалась на поминовеніе. Вкладчица живетъ во вкладной вотчинѣ до своей смерти, а послѣ нея монастырь дастъ ея человѣку во вкладномъ селѣ или въ какой-либо вотчинѣ монастыря, гдѣ самъ тотъ человѣкъ похочетъ, бѣлую, нетяглую землю, чѣмъ ему съ семьей сыту быть до его смерти. Здѣсь совмѣщены разнородныя юридическія и церковно-нравственныя нормы: вкладъ по душѣ съ его обычными условіями и душевными благами, на него пріобрѣтаемыми, и сдача, и выкупъ родовой вотчины съ обязательствами, на ней лежащими, и пожизненный прожитокъ не только для самой вкладчицы, но и для ея крѣпостного слуги съ семьей.

Вредныя слѣдствія.

Я перечислилъ далеко не всѣ землевладѣльческія операціи монастырей: это—дѣло спеціальнаго изслѣдованія. Въ нашей исторической литературѣ есть такое изслѣдованіе, изданное слишкомъ 40 лѣтъ тому назадъ и доселѣ сохраняющее большую научную цѣну: это—сочиненіе Вл. Милютина *О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи;* оно говоритъ о монастыряхъ въ ряду другихъ церковныхъ учрежденій. Я веду рѣчь только о монастырскихъ вотчинахъ. Сказаннаго мною, думаю, достаточно, чтобы замѣтить, какое направленіе принимала жизнь старыхъ пустынныхъ общежительныхъ монастырей къ половинѣ XVI в. Изъ трудовыхъ земледѣльческихъ общинъ, питавшихся своими трудами, гдѣ каждый братъ работалъ на всѣхъ, и всѣ духовно

поддерживали каждаго изъ своей братіи, многіе изъ этихъ монастырей, если не большинство, разрослись въ крупныя землевладѣльческія общества со сложнымъ хозяйствомъ и привилегированнымъ хозяйственнымъ управленіемъ, съ многообразными житейскими суетами, поземельными тяжбами и запутанными мірскими отношеніями. Окруженное монастырскими слободами, слободками и селами, братство такого монастыря представляло изъ себя черноризческое барство, на которое работали сотни и тысячи крестьянскихъ рукъ, а оно властно правило своими многочисленными слугами, служками и крестьянами и потомъ молилось о всемъ мірѣ и особенно о мірянахъ—вкладчикахъ своего монастыря. Въ большихъ монастыряхъ, какъ Троицкій Сергіевъ, Іосифовъ Волоколамскій, было много родовитыхъ постриженниковъ изъ князей, бояръ и дворянъ, которые и подъ монашеской рясой сохраняли воспитанныя въ міру чувства и привычки людей правящаго класса. Неправильно понятая идея церковной молитвы за усопшихъ повела къ непомѣрному земельному обогащенію монастырей и поставила ихъ въ безысходный кругъ противорѣчій. Уже въ началѣ XVI в., во времена Іосифа Волоцкаго, какъ писалъ онъ самъ, во всѣхъ монастыряхъ было земли много отъ того, что князья и бояре давали имъ села на вѣчное поминаніе. Общества отшельниковъ, убѣгавшихъ отъ міра, міръ превратилъ въ привилегированныя наемныя молельни о мірскихъ грѣхахъ и ломился въ мирныя обители со своими заказами. Это было главное противорѣчіе, обострившее всѣ остальныя. Инокъ, полагавшій въ основу своего подвига смиреніе и послушаніе, „еже не имѣти никоея же своея воля“, видѣлъ себя членомъ корпораціи, властвовавшей надъ многочисленнымъ населеніемъ монастырскихъ земель. Большіе монастыри были очень богатыя общества, каждый

членъ которыхъ однако давалъ обѣтъ нищеты, отрекаясь отъ всякой собственности. Единственное оправданіе монастырскаго землевладѣнія было указано церковнымъ правиломъ: „церковное богатство—нищихъ богатство". Міръ, т. е. общество и государство, щедро надѣляя монастыри вотчинами, этимъ возлагалъ на нихъ обязанность устроить общественную благотворительность. Строители монастырей, наиболѣе чтимые въ древней Руси, глубоко проникнуты были сознаніемъ святости этого иноческаго долга передъ міромъ, приносившимъ иночеству такія жертвы: они шли навстрѣчу народнымъ нуждамъ, не отказывали просящимъ, въ неурожайные годы кормили голодающихъ. Такъ поступалъ Кирилловъ бѣлозерскій монастырь при своемъ основателѣ и его ближайшихъ преемникахъ: во время одного голода въ монастырѣ кормилось ежедневно до новаго урожая болѣе 600 человѣкъ. Преп. Іосифъ, исчисляя княгинѣ Голениной расходы своего монастыря, писалъ, что на нищихъ и странниковъ у него ежегодно расходится деньгами по 150 р. (около 9,000), иногда и больше, да хлѣбомъ по 3,000 четвертей, что у него въ трапезѣ каждый день кормится 600—700 душъ. Житіе его разсказываетъ, что во время голода къ воротамъ монастыря подступило изъ окрестныхъ селъ до 7000 народа, прося хлѣба. Другіе побросали передъ монастыремъ своихъ голодныхъ дѣтей, а сами разошлись. Іосифъ приказалъ келарю ребятъ подобрать и содержать въ монастырской странноприимницѣ, а взрослымъ раздавать хлѣбъ. Черезъ нѣсколько дней келарь доложилъ: ржи нѣтъ и братію кормить нечѣмъ. Іосифъ велѣлъ казначею купить ржи. Тотъ возразилъ: денегъ нѣтъ. Игуменъ приказалъ занимать деньги и покупать рожь, а братскую трапезу сократить до крайней скудости. Братія зароптала: „какъ это можно прокормить столько народа!

только насъ переморитъ, а людей не прокормитъ". Но про подвигъ Іосифа узнали окрестные землевладѣльцы, также удѣльные московскіе князья и самъ вел. князь Василій и щедрыми вспоможеніями выручили игумена. Многіе монастыри скоро забывали нищелюбивый завѣтъ своихъ основателей, и ихъ благотворительная дѣятельность не развилась въ устойчивыя учрежденія, а случайныя, неупорядоченныя подаянія монастырскихъ богомольцевъ создали при большихъ монастыряхъ особый классъ профессіональныхъ нищихъ. Богадѣльни были при немногихъ монастыряхъ, и когда царь на Стоглавомъ соборѣ возбудилъ вопросъ о безпризорныхъ нищихъ, убогихъ и увѣчныхъ, отцы собора дали совѣтъ собрать такихъ въ богадѣльни и содержать на счетъ царской казны и на приношенія христолюбцевъ, но объ участіи церковныхъ учрежденій въ ихъ содержаніи умолчали. Куда же дѣвали богатые монастыри свои деньги, обильно приливавшія къ нимъ отъ вкладчиковъ и изъ обширныхъ вотчинъ? Обличители XVI в. настойчиво повторяютъ, что монастыри вопреки церковнымъ правиламъ дисконтировали, отдавали деньги въ ростъ, особенно въ ссуду своимъ крестьянамъ. Вассіанъ Косой изображаетъ ихъ суровыми заимодавцами, которые налагали „лихву на лихву", проценты на проценты, у несостоятельнаго должника крестьянина отнимали корову или лошадь, а самого съ женой и дѣтьми сгоняли со своей земли или судебнымъ порядкомъ доводили до конечнаго разоренія. Это обвиненіе въ „заимоданіяхъ многолихвенныхъ убогимъ человѣкомъ" было отчасти поддержано и на Стоглавомъ соборѣ. Царь спрашивалъ: „церковную и монастырскую казну въ ростъ даютъ—угодно ли это Богу?" Отцы собора отвѣчали постановленіемъ: архіереямъ и монастырямъ деньги и хлѣбъ давать крестьянамъ своихъ селъ безъ роста, чтобы кре-

стьяне за ними жили, отъ нихъ не бѣгали и села ихъ не пустовали бы. Такъ частію по винѣ земельнаго богатства монастыри начинали превращаться изъ убѣжищъ нищей братіи въ ссудо-лихвенныя конторы.

Монастырскіе кормы.

Ни въ чемъ такъ наглядно и рѣзко не проявлялось противорѣчіе вотчинно-монастырскаго быта монашескому обѣту, какъ въ монастырскихъ *кормахъ*. Это было цѣлое учрежденіе, покоившееся на вѣковомъ обычаѣ и даже на договорномъ основаніи. Значительный земельный вкладъ по душѣ обыкновенно соединялся съ условіемъ, чтобы монастырь, т.-е. его правленіе, ежегодно устроялъ братіи кормъ въ память того, по чьей душѣ дѣлался вкладъ, иногда два корма, въ день ангела и въ день *памяти*, кончины вкладчика. Значитъ, кормъ входилъ въ составъ церковнаго поминовенія. Иногда вотчину отказывали въ монастырь съ тѣмъ, чтобы оброка она не платила, а только доставляла въ монастырь столовые припасы и деньги на поминки по вкладчикѣ. Различали кормы большіе, средніе и малые; всѣ они были расцѣнены подобно записи въ разные синодики. Изъ одной грамоты 1637 года видимъ, что большой ежегодный кормъ въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ стоилъ 50 р. (не менѣе 500 р.). Кромѣ заупокойныхъ ежегодныхъ были еще случайные кормы молебенные, когда знатные богомольцы пріѣзжали въ обитель отслужить молебенъ за здравіе, по обѣту, данному по какому-либо случаю, или просто изъ усердія къ угоднику и при этомъ *учредить* братію, т.-е. хорошо покормить ее и подать ей денежную *милостыню*. Богатые люди для такихъ кормовъ привозили въ монастырь свои припасы. Да человѣкъ маломощный и не былъ въ состояніи устроить такого *учрежденія*. Одинъ молодой придворный вел. кн. Василія Темнаго по обѣту думалъ учредить многочислен-

ную братію Троицкаго Сергіева монастыря. Но потомъ имъ овладѣло раздумье: если онъ исполнитъ свой обѣтъ, то совсѣмъ разорится, не останется у него и половины его состоянія. Къ кормовымъ монастырскимъ днямъ надобно еще прибавить праздники господскіе, богородичные и „великихъ святыхъ", которыхъ числилось въ году до 40, когда братія также получала усиленный столъ. Кормъ тѣмъ и отличался отъ вседневнаго, будничнаго продовольствія братіи, что улучшалось качество пищи и увеличивалось количество „ѣствъ", блюдъ: вмѣсто чернаго хлѣба подавали бѣлый пшеничный, ѣствъ было за обѣдомъ не 2 или 3, а 4, „ѣли дважды днемъ съ рыбою", пили квасъ медвяной или сыченый, а не „простой братскій" и т. п. Въ монастыряхъ велись особыя *кормовыя книги*, гдѣ перечислялись дни кормовъ заупокойныхъ и праздничныхъ, иногда съ описаніемъ состава усиленнаго стола и съ указаніемъ, по какомъ вкладчикѣ полагается заупокойный кормъ въ извѣстное число. По одной кормовой книгѣ Іосифова Волоколамскаго монастыря первой половины XVI в. значится 51 день въ году съ заупокойными кормами. Въ рукописной кормовой книгѣ Соловецкаго монастыря, относящейся ко времени царя Алексѣя, кормовыхъ заупокойныхъ и праздничныхъ дней значится 191, больше половины года. Вообще столовый обиходъ въ землевладѣльческихъ монастыряхъ былъ разработанъ особенно тщательно. Въ уставахъ о трапезахъ Троицкаго Сергіева и Тихвинскаго монастырей конца XVI в. сдѣлана подробная поденная роспись на весь годъ, что ѣсть и пить монахамъ за обѣдомъ и ужиномъ; здѣсь обозначено до 36 разныхъ ѣствъ горячихъ и холодныхъ, мучныхъ, рыбныхъ и другихъ, изъ напитковъ квасы, меды, пиво сыченое, вино.

Упадокъ монастырской дисциплины.

Привожу эти подробности, чтобы объяснить недоумѣніе, возбуждаемое упомянутыми документами о монастырскихъ трапезахъ. Монахъ, обрекавшій себя на строгій постъ и всякое воздержаніе, садился за трапезу, удовлетворявшую изысканнымъ требованіямъ тогдашней гастрономіи и служившую завершеніемъ братской молитвы объ упокоеніи души щедраго вкладчика. Это было одно изъ тѣхъ противорѣчій, въ какія поставлены были монастыри своими вотчинами. Упадокъ дисциплины въ старыхъ монастыряхъ— общее явленіе XVI в., рѣзко отмѣченное въ литературныхъ памятникахъ и въ правительственныхъ актахъ того времени. Этотъ упадокъ былъ слѣдствіемъ перемѣны въ подборѣ монастырскаго братства, а перемѣна произведена была монастырскимъ землевладѣніемъ. Къ лѣснымъ отшельникамъ, основавшимъ эти монастыри, приходили люди, желавшіе дѣлить съ ними труды пустынножительства и „душа своя спасти“. Пустынникъ встрѣчалъ пришельцевъ суровымъ вопросомъ: „хотити ли и можете ли терпѣть труды мѣста сего, голодъ и жажду и всякіе недостатки?“ Когда преп. Сергію отвѣчали, что хотятъ и могутъ, онъ говорилъ пришельцамъ: „знайте, что̀ вамъ предстоитъ здѣсь, будьте готовы терпѣть скорби, бѣды, печали, всякую тугу и нужду, приготовьтесь не къ покою и безпечалію, но къ трудамъ, посту, всякимъ искушеніямъ и подвигамъ духовнымъ“. Эти люди пришли къ Сергію съ пустыми руками, безъ вкладовъ, какъ и онъ пришелъ на свое мѣсто. Совсѣмъ другая бесѣда шла у преп. Іосифа съ его братіей, составившейся изъ зажиточныхъ вкладчиковъ, когда онъ задумалъ покинуть свой уже разбогатѣвшій монастырь: „и мы разойдемся по дворамъ, а вѣдь мы отдали все свое имущество этой обители и тебѣ и надѣялись, что ты будешь насъ покоить до смерти, а по смерти

поминать, и сколько было у насъ силы, мы ее истощили въ работѣ на монастырь, и какъ теперь у насъ не стало ни имѣнія, ни силы, ты насъ хочешь оставить, а намъ прочь пойти не съ чѣмъ". Чѣмъ болѣе чтили подвижника, тѣмъ больше текло изъ міра вкладовъ въ его обитель, а по мѣрѣ накопленія земельныхъ вкладовъ въ нее все больше тѣснилось людей, которые искали не пустыннаго труда и безмолвія, а монастырскаго покоя и довольства. Они и уронили въ XVI в. строгую монастырскую дисциплину временъ Сергія Радонежскаго и Кирилла Бѣлозерскаго. Царь Иванъ прямо указалъ на этотъ упадокъ Стоглавому собору: „въ монастыри постригаются не ради спасенія души, а покоя ради тѣлеснаго, чтобы всегда бражничать". И отцы собора подтвердили заявленіе царя, признавъ, что къ Сергіеву монастырю уставъ непримѣнимъ, потому что „то мѣсто чудотворное и гости безпрестанные день и нощь"; соборъ рѣшилъ и въ другихъ большихъ монастыряхъ князьямъ и боярамъ, постригающимся со вкладами великими, законовъ не полагать, покоить ихъ ѣствою и питіемъ, держать для нихъ „квасы сладкіе и черствые и выкислые, кто какова требуетъ". Такъ добрая идея, неправильно понятая и примѣненная, въ своемъ послѣдовательномъ развитіи приводитъ къ разстройству порядка, усвоившаго ее съ такимъ неправильнымъ пониманіемъ и примѣненіемъ.

Монастырскія вотчины и государство.

Не такъ очевидно, но не менѣе сильно затрогивало монастырское землевладѣніе интересы государства и служилаго класса, сходные по отношенію къ этому землевладѣнію. Обиліе денегъ давало монастырямъ возможность, возвышая покупныя цѣны, перебивать продажныя земли у другихъ покупщиковъ, особенно у слабосильныхъ служилыхъ людей, и доставило монастырямъ господство на земельномъ рынкѣ: дѣти боярскіе жаловались правительству,

что „мимо монастырей вотчинъ никому ни у кого купити не мочно“. Мы уже видѣли, какія земельныя операціи совершали монастыри посредствомъ вкладовъ со сдачей и мѣны съ придачей. При неумѣренной заботливости объ устроеніи души земельные вклады часто соединялись съ ущербомъ для законныхъ наслѣдниковъ, родичей и даже собственной семьи вкладчика, и получали одіозный характеръ. Иные отказывали въ монастыри свои вотчины по душѣ, чтобы эти вотчины „ближнему ихъ роду не достались“, а чтобы родичей не могли воспользоваться своимъ правомъ выкупа, завѣщатели или вкладчики назначали такія высокія выкупныя цѣны вкладнымъ вотчинамъ, что выкупъ ихъ становился невозможнымъ. Иной отказывалъ въ монастырь все свое имѣніе, оставляя жену безъ всякаго обезпеченія, и только просилъ братію „жену его надѣлити, какъ имъ, государямъ, Богъ извѣститъ“. Особенно тяжело читается вкладная (1580 г.) одной вдовы: свою вотчину, отца своего благословеніе, она отказывала въ монастырь по душѣ отца и по своей; у нея было два сына, одинъ 4 лѣтъ, другой полугоду, и она проситъ архимандрита съ братіей „пожаловать, тѣхъ моихъ дѣтишекъ по дворамъ не пустить“. Такими разнообразными путями служилыя вотчины, бывшія подспорьемъ помѣстій, уходили изъ служилыхъ рукъ въ монастыри, вынуждая правительство для поддержанія военно-служебной годности своихъ слугъ возмѣщать ихъ вотчинное оскуденіе усиленными помѣстными и денежными окладами. Чтобы остановить или хотя бы только упорядочить этотъ уходъ земли изъ служилой среды въ неслужилую, въ XVI в. стали запрещать монастырямъ безъ доклада государю покупать, брать въ закладъ и по душѣ вотчины у служилыхъ людей. Монастырское землевладѣніе создавало государству и

служилому классу еще другое затрудненіе. Мы уже видѣли, какъ боялись за свои земли казенные крестьяне, по сосѣдству съ которыми возникалъ монастырь. Это опасеніе раздѣляли и сосѣдніе землевладѣльцы, и оно нерѣдко оправдывалось для тѣхъ и другихъ: земли ихъ такъ или иначе отходили къ монастырю. Испрашивая себѣ широкія привилегіи по податямъ и повинностямъ, монастыри могли заселять свои пустоши на льготныхъ условіяхъ, перезывая крестьянъ съ сосѣднихъ казенныхъ и владѣльческихъ земель, отнимая тяглыхъ и оброчныхъ плательщиковъ у крестьянскихъ обществъ и у служилыхъ землевладѣльцевъ. Уже къ половинѣ XVI в. монастырское землевладѣніе достигло обременительныхъ для государства размѣровъ. Одинъ изъ англичанъ, бывшихъ въ Москвѣ въ это время, писалъ, что въ Московіи строится множество обителей, получающихъ большіе доходы со своихъ земель, ибо монахи владѣютъ третьей частью всей земельной собственности въ государствѣ (tertiam fundorum partem totius imperii tenent monachi). Это—пропорція, схваченная на глазъ, а не добытая точнымъ исчисленіемъ; но неполныя поземельныя описи, сохранившіяся отъ того вѣка, показываютъ, что она вообще не особенно далека отъ дѣйствительности, а по мѣстамъ близко къ ней подходила. Нѣкоторые монастыри выдѣлялись изъ ряда другихъ своимъ земельнымъ богатствомъ. За Кирилловымъ бѣлозерскимъ монастыремъ въ 1582 г. числилось до 20,000 десятинъ пашни, не считая пустырей и лѣса. Англійскій посолъ Флетчеръ, пріѣхавшій въ Москву въ 1588 г., пишетъ, что русскіе монастыри сумѣли занять лучшія и пріятнѣйшія мѣста въ государствѣ, что нѣкоторые изъ нихъ получаютъ поземельнаго дохода отъ 1000 до 2000 р. (не менѣе 40—80 тыс. на наши деньги). Но первымъ богачомъ изъ всѣхъ цер-

ковныхъ землевладѣльцевъ Флетчеръ признаетъ Троицкій Сергіевъ монастырь, который будто бы получалъ поземельныхъ и другихъ доходовъ до 100,000 р. ежегодно (до 4 мил. р). Такая масса земельнаго богатства ускользала отъ непосредственнаго распоряженія государственной власти въ то время, когда усиленное развитіе помѣстнаго владѣнія все больнѣе давало ей чувствовать недостатокъ земли, удобной для хозяйственнаго обезпеченія вооруженныхъ силъ страны.

Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ.

Монастырское землевладѣніе было вдвойнѣ неосторожной жертвой, принесенной набожнымъ обществомъ недостаточно ясно понятой идеѣ иночества: оно мѣшало нравственному благоустроенію самихъ монастырей, и въ то же время нарушало равновѣсіе экономическихъ силъ государства. Раньше почувствовалась внутренняя нравственная его опасность. Уже въ XIV в. стригольники возставали противъ вкладовъ по душѣ и всякихъ приносовъ въ церкви и монастыри за умершихъ. Но то были еретики. Скоро самъ глава русской іерархіи выразилъ сомнѣніе, подобаетъ ли монастырямъ владѣть селами. Одинъ игуменъ спрашивалъ митрополита Кипріана, что ему дѣлать съ селомъ, которое князь далъ въ его монастырь. Святые отцы, отвѣчалъ митрополитъ, не предали инокамъ владѣть людьми и селами; когда чернецы будутъ владѣть селами и обяжутся мірскими попеченіями, чѣмъ они будутъ отличаться отъ мірянъ? Но Кипріанъ останавливается передъ прямымъ выводомъ изъ своихъ положеній и идетъ на сдѣлку: онъ предлагаетъ село принять, но завѣдывать имъ не монаху, а мірянину, который привозилъ бы оттуда въ монастырь все готовое, жито и другіе припасы. И преподобный Кириллъ Бѣлозерскій былъ противъ владѣнія селами и отклонялъ предлагаемые земельные вклады, но вынужденъ былъ уступить настояніямъ вкладчиковъ и ропоту братіи, и монастырь

уже при немъ началъ пріобрѣтать вотчины. Но сомнѣніе, разъ возникнувъ, повело къ тому, что колеблющіяся мнѣнія обособились въ два рѣзко различныхъ взгляда, которые, встрѣтившись, возбудили шумный вопросъ, волновавшій русское общество почти до конца XVI в., и оставившій яркіе слѣды въ литературѣ и законодательствѣ того времени. Въ поднявшемся спорѣ обозначались два направленія монашества, исходившія изъ одного источника, изъ мысли о необходимости преобразовать существующіе монастыри. Общежитіе прививалось въ нихъ очень туго; даже въ тѣхъ изъ нихъ, которые считались общежительными, общежитіе разрушалось примѣсью особнаго. Одни хотѣли въ корнѣ преобразовать всѣ монастыри на основѣ нестяжательности, освободивъ ихъ отъ вотчинъ; другіе надѣялись исправить монастырскую жизнь возстановленіемъ строгаго общежитія, которое примирило бы монастырское землевладѣніе съ монашескимъ отреченіемъ отъ всякой собственности. Первое направленіе проводилъ преподобный Нилъ Сорскій, второе преподобный Іосифъ Волоцкій.

Постриженникъ Кириллова монастыря, Нилъ долго жилъ на Аѳонѣ, наблюдалъ тамошніе и цареградскіе скиты и, вернувшись въ отечество, на рѣкѣ Сорѣ въ Бѣлозерскомъ краю основалъ первый скитъ въ Россіи. *Скитское* жительство—средняя форма подвижничества между общежитіемъ и уединеннымъ отшельничествомъ. Скитъ похожъ и на особнякъ своимъ тѣснымъ составомъ изъ двухъ-трехъ келій, рѣдко больше, и на общежитіе тѣмъ, что у братіи пища, одежда, работы—все общее. Но существенная особенность скитскаго житія—въ его духѣ и направленіи. Нилъ былъ строгій пустынножитель; но онъ понималъ пустынное житіе глубже, чѣмъ понимали его въ древнерусскихъ монастыряхъ. Правила скитскаго житія, извлеченныя изъ

хорошо изученныхъ имъ твореній древнихъ восточныхъ подвижниковъ и изъ наблюденій надъ современными греческими скитами, онъ изложилъ въ своемъ скитскомъ уставѣ. По этому уставу подвижничество—не дисциплинарная выдержка инока предписаніями о внѣшнемъ поведеніи, не физическая борьба съ плотью, не изнуреніе ея всякими лишеніями, постомъ до голода, сверхсильнымъ тѣлеснымъ трудомъ и безчисленными молитвенными поклонами. „Кто молится только устами, а объ умѣ небрежетъ, тотъ молится воздуху: Богъ уму внимаетъ". Скитскій подвигъ—это *умное* или *мысленное дѣланіе*, сосредоточенная внутренняя работа духа надъ самимъ собой, состоящая въ томъ, чтобы „умомъ блюсти сердце" отъ помысловъ и страстей, извнѣ навѣваемыхъ или возникающихъ изъ неупорядоченной природы человѣческой. Лучшее оружіе въ борьбѣ съ ними—мысленная, духовная молитва и безмолвіе, постоянное наблюденіе за своимъ умомъ. Этой борьбой достигается такое воспитаніе ума и сердца, силой котораго случайные, мимолетные порывы вѣрующей души складываются въ устойчивое настроеніе, дѣлающее ее неприступной для житейскихъ тревогъ и соблазновъ. Истинное соблюденіе заповѣдей по уставу Нила не въ томъ только, чтобы дѣломъ не нарушать ихъ, но въ томъ, чтобы и въ умѣ не помышлять о возможности ихъ нарушенія. Такъ достигается высшее духовное состояніе, та, по выраженію устава, „неизреченная радость", когда умолкаетъ языкъ, даже молитва отлетаетъ отъ устъ, и умъ, кормчій чувствъ, теряетъ власть надъ собой, направляемый „силою иною", какъ плѣнникъ; тогда „не молитвой молится умъ, но превыше молитвы бываетъ"; это состояніе—предчувствіе вѣчнаго блаженства, и когда умъ сподобится почувствовать это, онъ забываетъ и себя, и всѣхъ, здѣсь на землѣ сущихъ. Таково скитское

„умное дѣланіе“ по уставу Нила. Передъ смертью (1508 г.) Нилъ завѣщалъ ученикамъ бросить трупъ его въ ровъ и похоронить „со всякимъ безчестіемъ“, прибавивъ, что онъ изо всѣхъ силъ старался не удостоиться никакой чести и славы ни при жизни, ни по смерти. Древнерусская агіографія исполнила его завѣтъ, не составила ни житія его, ни церковной ему службы, хотя Церковь причислила его къ лику преподобныхъ. Вы поймете, что въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, особенно въ монашествѣ, направленіе преп. Нила не могло стать сильнымъ и широкимъ движеніемъ. Оно могло собрать вокругъ пустынника тѣсный кружекъ единомысленныхъ учениковъ-друзей, влить живительную струю въ литературныя теченія вѣка, не измѣнивъ ихъ русла, бросить нѣсколько свѣтлыхъ идей, способныхъ освѣтить всю бѣдноту русской духовной жизни, но слишкомъ для нея непривычныхъ. Нилъ Сорскій и въ бѣлозерской пустынѣ остался аѳонскимъ созерцательнымъ скитникомъ, подвизавшимся на „умной, мысленной“, но чуждой почвѣ.

Зато вполнѣ туземная, родная почва была подъ ногами его противника преп. Іосифа. Современники оставили намъ достаточно чертъ для опредѣленія этой совершенно реальной, вполнѣ практической личности. Ученикъ и племянникъ его Досиѳей въ своемъ надгробномъ словѣ Іосифу изображаетъ его съ портретной точностью и детальностью, хотя нѣсколько приподнятымъ тономъ и изысканнымъ языкомъ. Проходя суровую школу иночества въ монастырѣ Пафнутія Боровскаго, Іосифъ возвышался надъ всѣми его учениками, совмѣщая въ себѣ, какъ никто въ обители, разнообразныя качества духовныя и тѣлесныя, остроту и и гибкость ума соединяя съ основательностью, имѣлъ плавный и чистый выговоръ, пріятный голосъ, пѣлъ и читалъ въ церкви, какъ голосистый соловей, такъ что приводилъ

Іосифъ Волоцкій.

слушателей въ умиленіе: никто нигдѣ не читалъ и не пѣлъ, какъ онъ. Свящ. Писаніе зналъ онъ наизусть, въ бесѣдахъ оно было у него все на языкѣ, и въ монастырскихъ работахъ онъ былъ искуснѣе всѣхъ въ обители. Онъ былъ средняго роста, красивъ лицомъ, съ округлой и не слишкомъ большой бородой, съ темнорусыми, потомъ посѣдѣвшими волосами, былъ веселъ и привѣтливъ въ обращеніи, сострадателенъ къ слабымъ. Церковное и келейное правило, молитвы и земные поклоны совершалъ онъ въ положенное время, отдавая остальные часы монастырскимъ службамъ и ручнымъ работамъ. Въ пищѣ и питіи соблюдалъ мѣру, ѣлъ разъ въ день, иногда черезъ день, и повсюду разносилась слава его добродѣтельнаго житія и добрыхъ качествъ, коими онъ былъ исполненъ. Видно, что это былъ человѣкъ порядка и дисциплины, съ сильнымъ чутьемъ дѣйствительности и людскихъ отношеній, съ невысокимъ мнѣніемъ о людяхъ и съ великой вѣрой въ силу устава и навыка, лучше понимавшій нужды и слабости людей, чѣмъ возвышенныя качества и стремленія души человѣческой. Онъ могъ покорять себѣ людей, выправлять и вразумлять ихъ, обращаясь къ ихъ здравому смыслу. Въ одномъ изъ житій его, написанныхъ современниками, читаемъ, что силой его слова смягчались одичалые нравы у многихъ сановниковъ, часто съ нимъ бесѣдовавшихъ, и они начинали жить лучше: „вся же тогда Волоцкая страна къ доброй жизни прелагашеся". Тамъ же разсказано, какъ Іосифъ убѣждалъ господъ въ выгодѣ снисходительнаго отношенія ихъ къ своимъ крестьянамъ. Обременительная барщина разоритъ хлѣбопашца, а обнищавшій хлѣбопашецъ—плохой работникъ и плательщикъ. Для уплаты оброка онъ продастъ свой скотъ: на чемъ же онъ будетъ пахать? Его участокъ запустѣетъ, станетъ бездоходнымъ, и разореніе крестьянина падетъ на

самого господина. Все умныя сельско-хозяйственныя соображенія—и ни слова о нравственныхъ побужденіяхъ, о человѣколюбіи. При такомъ обращеніи съ людьми и дѣлами Іосифъ, по его признанію, не имѣвшій ничего своего при поселеніи въ волоколамскомъ лѣсу, могъ оставить послѣ себя одинъ изъ самыхъ богатыхъ монастырей въ тогдашней Россіи. Если ко всему этому прибавимъ непреклонную волю и физическую неутомимость, получимъ довольно полный образъ игумена-хозяина и администратора,—типъ, подъ который подходило съ большей или меньшей удачей большинство основателей древнерусскихъ общежительныхъ монастырей. При устроеніи монастыря, когда у него еще не было мельницы, хлѣбъ мололи ручными жерновами. Этимъ дѣломъ послѣ заутрени усердно занимался самъ Іосифъ. Одинъ пришлый монахъ, разъ заставъ игумена за такой неприличной его сану работой, воскликнулъ „что ты дѣлаешь, отче! пусти меня",—и сталъ на его мѣсто. На другой день онъ опять нашелъ Іосифа за жерновами и опять замѣстилъ его. Такъ повторялось много дней. Наконецъ, монахъ покинулъ обитель со словами: „не перемолоть мнѣ этого игумена".

На церковномъ соборѣ 1503 г. оба борца встрѣтились и столкнулись. Скитское міросозерцаніе Нила все сполна было противъ монастырскаго землевладѣнія. Его возмущали, какъ онъ писалъ, эти монахи, кружащіеся ради стяжаній; по ихъ винѣ жизнь монашеская, нѣкогда превожделѣнная, стала „мерзостной". Проходу нѣтъ отъ этихъ лжемонаховъ въ городахъ и весяхъ; домовладѣльцы смущаются и негодуютъ, видя, какъ безстыдно эти „прошаки" толкутся у ихъ дверей. Нилъ и сталъ умолять вел. князя, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы чернецы по пустынямъ и кормились бы своимъ рукодѣліемъ. Вел. князь

Соборъ 1503 г.

поставилъ этотъ вопросъ на соборѣ. Нилъ и стоявшіе за него бѣлозерскіе пустынники говорили объ истинномъ смыслѣ и назначеніи иночества; Іосифъ ссылался на примѣры изъ исторіи восточной и русской Церкви и при этомъ высказалъ такой рядъ практическихъ соображеній: „Если у монастырей селъ не будетъ, то какъ честному и благородному человѣку постричься, а если не будетъ добродныхъ старцевъ, откуда взять людей на митрополію, въ архіепископы, епископы и на другія церковныя властныя мѣста? Итакъ, если не будетъ честныхъ и благородныхъ старцевъ, то и вѣра поколеблется". Этотъ силлогизмъ впервые высказывался при обсужденіи церковно-практическаго вопроса. Церковные авторитеты не ставили монастырямъ задачи быть питомниками и разсадниками высшихъ церковныхъ іерарховъ и не признавали непремѣннымъ оплотомъ вѣры іерархію родовитаго происхожденія, какъ это было въ Польшѣ. Первое положеніе Іосифъ заимствовалъ изъ практики русской Церкви, въ которой высшіе іерархи обыкновенно выходили изъ монастырей; второе положеніе было личной мечтой или личнымъ предразсудкомъ Іосифа, предокъ котораго, выходецъ изъ Литвы, сдѣлался волоколамскимъ дворяниномъ вотчинникомъ. Соборъ согласился съ Іосифомъ, и свое заключеніе представилъ Ивану III въ нѣсколькихъ докладахъ, очень учено составленныхъ, съ каноническими и историческими справками. Но вотъ что въ этихъ докладахъ возбуждаетъ недоумѣніе: на соборѣ оспаривали только монастырское землевладѣніе, а вел. князю отцы собора заявили, что они не благоволятъ отдавать и архіерейскія земли, противъ которыхъ на соборѣ никто не говорилъ. Дѣло объясняется молчаливой тактикой стороны, восторжествовавшей на соборѣ. Іосифъ зналъ, что за Ниломъ и его нестяжателями стоитъ самъ Иванъ III, кото-

рому были нужны монастырскія земли. Эти земли трудно было отстоять: соборъ и связалъ съ ними вотчины архіерейскія, которыхъ не оспаривали, обобщилъ вопросъ, распространивъ его на всѣ церковныя земли, чтобы затруднить его рѣшеніе и относительно монастырскихъ вотчинъ. Иванъ III молча отступилъ передъ соборомъ. Итакъ дѣло о секуляризаціи монастырскихъ вотчинъ, поднятое кружкомъ заволжскихъ пустынниковъ по религіозно-нравственнымъ побужденіямъ, встрѣтило молчаливое оправданіе въ экономическихъ нуждахъ государства и разбилось о противодѣйствіе высшей церковной іерархіи, превратившей его въ одіозной вопросъ объ отнятіи у Церкви всѣхъ ея недвижимыхъ имуществъ.

Литературная полемика.

Послѣ собора вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ перенесенъ былъ съ практической почвы на болѣе безопасную литературную. Загорѣлась оживленная полемика, длившаяся почти до конца XVI в. Она очень любопытна: въ ней столкнулись разнообразные и важные интересы, занимавшіе тогдашнее русское общество, высказались наиболѣе мыслящіе умы вѣка; съ ней прямо или косвенно связались самыя яркія явленія русской духовной жизни того времени. Но ея изложеніе не входитъ въ планъ моего курса. Съ ея ходомъ можно хорошо познакомиться по прекрасному труду покойнаго профессора А. С. Павлова *Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи*. Ограничусь немногими чертами. Самыми видными противниками „осифлянъ“, какъ звали послѣдователей Іосифа, выступили въ полемикѣ князь-инокъ Вассіанъ Косой и пришелецъ съ Аѳона Максимъ Грекъ. Сочиненія Вассіана—обличительные памфлеты: поборая по своемъ учителѣ Нилѣ Сорскомъ, яркими, нерѣдко правдиворѣзкими чертами изображаетъ онъ немонашескую жизнь

вотчинныхъ монастырей, хозяйственную суетливость монаховъ, ихъ угодливость передъ сильными и богатыми, корыстолюбіе, лихоимство и жесткое обращеніе со своими крестьянами. Въ немъ говоритъ не одно негодованіе пустынника-нестяжателя, но часто и раздраженіе бывшаго боярина изъ рода князей Патрикѣевыхъ противъ людей и учрежденій, опустошавшихъ боярское землевладѣніе. Вассіанъ клонитъ свою рѣчь къ тѣмъ же обвиненіямъ, какія потомъ прямо высказалъ единомышленникъ его кн. Курбскій: любостяжательные монахи своимъ сельскимъ хозяйничаньемъ разорили крестьянскія земли, а внушеніями о спасительности вкладовъ по душѣ сдѣлали воинскій чинъ, служилыхъ землевладѣльцевъ хуже каликъ, убогихъ. Сочиненія Максима Грека противъ монастырскаго землевладѣнія свободны отъ полемическихъ излишествъ. Онъ спокойно разбираетъ предметъ по существу, хотя по мѣстамъ и не обходится безъ колкихъ замѣчаній. Вводя строгое общежитіе въ своемъ монастырѣ, Іосифъ надѣялся исправить монастырскій бытъ и устранить противорѣчіе между иноческимъ отреченіемъ отъ собственности и земельными богатствами монастырей болѣе діалектической, чѣмъ практической комбинаціей: въ общежитіи-де все принадлежитъ монастырю и ничего отдѣльнымъ монахамъ. Это все равно, возражаетъ Максимъ, какъ если бы кто, вступивъ въ шайку разбойниковъ и награбивъ съ ними богатство, потомъ пойманный сталъ оправдываться на пыткѣ: я невиноватъ, потому что все осталось у товарищей, а я у нихъ ничего не взялъ. Качества истиннаго монаха никогда не совмѣстятся съ отношеніями и привычками любостяжательнаго монашества: такова основная мысль полемики Максима Грека.

Литература тогда значила еще меньше для правитель-

ственной дѣятельности, чѣмъ стала значить позднѣе. При всѣхъ полемическихъ усиліяхъ и успѣхахъ нестяжателей московское правительство послѣ собора 1503 г. покинуло наступательные планы противъ монастырскихъ вотчинъ и ограничилось обороной, особенно послѣ того, какъ попытка царя Ивана около 1550 г. воспользоваться ближайшими къ Москвѣ землями митрополичьей каѳедры для хозяйственнаго устройства служилыхъ людей встрѣтила рѣшительный отпоръ со стороны митрополита. Длинный рядъ указовъ и пространныя разсужденія на Стоглавомъ соборѣ о монастырскихъ непорядкахъ, не рѣшая вопроса по существу, пробовали различныя мѣры съ цѣлью остановить дальнѣйшее земельное обогащеніе монастырей на счетъ служилаго класса, „чтобъ въ службѣ убытка не было и земля бы изъ службы не выходила“; усиливался и правительственный надзоръ за монастырскими доходами и расходами. Всѣ отдѣльныя мѣры завершились приговоромъ церковнаго собора съ участіемъ бояръ 15 января 1580 г. Было постановлено: архіереямъ и монастырямъ вотчинъ у служилыхъ людей не покупать, въ закладъ и по душѣ не брать и никакими способами своихъ владѣній не увеличивать; вотчины, купленныя или взятыя въ закладъ у служилыхъ людей архіереями и монастырями до этого приговора, отобрать на государя, который за нихъ заплатитъ или нѣтъ—его воля. Вотъ все, чего могло или умѣло добиться отъ духовенства московское правительство XVI в. въ дѣлѣ о церковныхъ вотчинахъ.

Въ слѣдующій часъ мы увидимъ связь такого исхода дѣла съ судьбою крестьянъ, къ которымъ обращаемся въ своемъ изученіи.

Лекція XXXVI.

Связь монастырскаго землевладѣнія съ крѣпостнымъ правомъ.—Крестьяне въ XV—XVI в.—Виды сельскихъ поселеній. — Отношеніе жилой пашни къ пустотѣ.—Разряды землевладѣльцевъ.—Отношенія крестьянъ 1) къ землевладѣльцамъ, 2) къ государству.—Общественное устройство крестьянъ. Вопросъ о сельской общинѣ.—Крестьянинъ въ своемъ земледѣльческомъ хозяйствѣ.—Подмога, ссуда, льготы.—Крестьянскіе участки.—Повинности.—Заключеніе.

Монастырское землевладѣніе и крѣпостное право.

Послѣднее чтеніе я закончилъ обѣщаніемъ указать связь между вопросомъ о монастырскихъ вотчинахъ и судьбою крестьянъ. Какая же связь, вѣроятно, спрашивали вы себя, могла быть между столь разнородными порядками явленій? Связь была и притомъ двоякая. Во-первыхъ, монастырскія вотчины составились изъ земель служилыхъ людей и изъ земель казенныхъ и дворцовыхъ, составлявшихъ запасный фондъ для обезпеченія служилыхъ людей. При неудачѣ попытокъ воротить отходившія къ монастырямъ земли въ казну или на службу все, что̀ государственное хозяйство теряло на монастырскомъ землевладѣніи, ему приходилось выручать на крестьянскомъ трудѣ, усиливая его податное напряженіе. А потомъ, льготныя земли монастырей были постоянной угрозой для доходности земель казенныхъ и служилыхъ, маня къ себѣ крестьянъ съ тѣхъ и другихъ своими льготами. Правительство вынуждено было для ослабленія этой опасности полицейскими мѣрами стѣснять крестьянское право перехода. Это стѣсненіе—еще не крѣпост-

ная неволя крестьянъ; но оно, какъ увидимъ, подготовило полицейскую почву для этой неволи. Такимъ образомъ монастырское землевладѣніе въ одно и то же время содѣйствовало и увеличенію тягости крестьянскаго труда, и уменьшенію его свободы. Этой внутренней связью обоихъ фактовъ можно объяснить и сходство ихъ внѣшней исторіи. Всѣ эти безплодные литературные споры о монастырскихъ вотчинахъ и робкія законодательныя усилія стѣснить ихъ расширеніе—какъ живо напоминаютъ они столь же безплодные толки въ печати о вредѣ крѣпостного права и суетливыя заботы правительства о его смягченіи въ царствованіе Екатерины II, Александра I и Николая I. Обращаемся къ крестьянамъ XV—XVI в.

Сельскія поселенія.

Если вы станете изучать сельское крестьянское населеніе по поземельнымъ описямъ XVI в., это населеніе съ внѣшней стороны представится вамъ въ такомъ видѣ. Вокругъ села съ церковью, состоящаго изъ 4—10 крестьянскихъ дворовъ, рѣдко болѣе, а иногда только изъ барской усадьбы съ дворами причта и нѣсколькими кельями старцевъ и старицъ, нищихъ, питающихся отъ церкви, разбросаны тамъ и сямъ деревни, починки и пустоши, которые тянули къ этому селу, какъ къ своему церковному и хозяйственно-административному центру. Селеніе съ церковью, при которой были только дворы причта да кельи нищихъ, въ центральныхъ областяхъ, какъ и на новгородскомъ сѣверѣ, носило названіе *погоста*. Село безъ церкви, но съ дворомъ землевладѣльца или съ какими-либо его хозяйственными постройками, хотя бы безъ крестьянскихъ дворовъ, называлось *сельцомъ*. Поселки, возникавшіе на нови, на поднятомъ впервые земельномъ участкѣ, носили названіе *починковъ;* починокъ обыкновенно состоялъ изъ одного крестьянскаго двора. Съ теченіемъ времени почи-

нокъ обживался и разростался, рядомъ съ первоначальнымъ дворомъ возникали одинъ или два другихъ; тогда онъ становился *деревней*. Деревня превращалась въ *пустошь*, если въ ней не оставалось жилыхъ дворовъ, и пашня забрасывалась или поддерживалась только часть ея наѣздомъ изъ ближней деревни. Въ волости Вохнѣ Московскаго уѣзда, принадлежавшей удѣльному князю Владиміру Андреевичу, а потомъ перешедшей къ Троицкому Сергіеву монастырю, въ концѣ XVI в. было 3 погоста жилыхъ и 2 пустыхъ, гдѣ церкви „стояли безъ пѣнія" и безъ причта, 1 жилое сельцо, гдѣ монастырскій прикащикъ пахалъ на себя 24 десятины худой земли, 111 деревень и 36 пустошей.

Жилая пашня и пустота.

Смежные пахотные участки сосѣднихъ селеній по закону должны были во избѣжаніе потравы огораживаться обѣими сторонами „по половинамъ". У каждаго крестьянскаго двора былъ свой особый земельный участокъ съ соотвѣтствующимъ ему пространствомъ луговой земли, сѣнокоса, который измѣрялся копнами сѣна (20 копенъ на десятину). Тогда господствовало трехпольно-переложное земледѣліе. Пахотная земля дѣлилась на три поля, озимое, яровое и паровое. Но рѣдко гдѣ вся пахотная земля дѣйствительно распахивалась: вслѣдствіе истощенія почвы и переливовъ населенія бо̀льшія или меньшія пространства пахоты забрасывались, запускались въ *перелогъ* на неопредѣленное время. Въ центральныхъ областяхъ и на новгородско-псковскомъ сѣверо-западѣ перелогъ рѣшительно перерасталъ „пашню пахатную": тамъ въ вотчинахъ приходилась десятина пашни на 2—6 десятинъ перелога, въ помѣстьяхъ на 12—29 десятинъ, на монастырскихъ земляхъ на 1—14 десятинъ, а на земляхъ архіерейскихъ даже на 4—56 десятинъ. Но „пустота" состояла не изъ одного свѣже-запущеннаго перелога: въ составъ ея вхо-

дили обширныя площади лѣса пашеннаго и непашеннаго, т. е. выросшаго на давнемъ перелогѣ или на непаханомъ мѣстѣ. Чтобы яснѣе представить вамъ отношеніе пашни къ переложно-лѣсной пустотѣ, приведу нѣсколько цифръ изъ писцовой книги 1577 г., описывающей земли Коломенскаго уѣзда. Здѣсь на земляхъ монастырскихъ и служилыхъ, помѣстныхъ и вотчинныхъ, пашни паханой съ лугами числилось 46 тыс. десятинъ въ трехъ поляхъ, а подъ перелогомъ и лѣсомъ 275 тыс. десятинъ, т. е. земля „жилая", обрабатываемая, составляла шестую долю пустоты, иначе говоря, изъ 7 десятинъ обрабатывалась только одна (около 14%). Разсчитывая это отношеніе по роду землевладѣльцевъ, находимъ, что у служилыхъ вотчинниковъ приходилось пашни съ лугомъ 1 десятина на 3—4 десятины перелога и лѣса (20—25%), у помѣщиковъ одна на 6—7 (12—14%), у монастырей одна на 10 десятинъ (9%). Такъ было въ одномъ изъ центральныхъ старозаселенныхъ уѣздовъ. Почти такое же преобладаніе пустоты встрѣчаемъ въ уѣздѣ еще болѣе центральномъ: по книгѣ 1584 г. въ Сурожскомъ стану Московскаго уѣзда служилые вотчинники пахали и косили по 1 дес. на 3 дес. перелога и лѣса (25%), помѣщики по 1 дес. на 7 (12%), монастыри по 1 дес. на 6 (14%). Въ разработкѣ земли монастыри здѣсь, какъ видите, отстаютъ въ общей сложности отъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ. Но въ другихъ мѣстахъ встрѣчаемъ на ихъ земляхъ болѣе благопріятное отношеніе: такъ въ упомянутой волости Вохнѣ Троицкаго Сергіева монастыря по книгѣ конца XVI в. обрабатывалось по 1 дес. на ½ дес. пустоты (67%), а изъ 31 тыс. десятинъ того же монастыря въ уѣздѣ Переяславля Залѣсскаго пахали и косили 10 тыс. дес. (32%). Если такъ было въ центральныхъ областяхъ, то далѣе отъ Москвы на сѣверъ и востокъ можно

ожидать еще болѣе угнетающихъ размѣровъ пустоты, которая въ иныхъ мѣстахъ достигала 94%. Впрочемъ и здѣсь встрѣчаемъ рѣзкія исключенія. Волость Нерехта Костромскаго уѣзда была стариннымъ владѣніемъ Троицкаго Сергіева монастыря. Въ этой волости за селомъ Ѳедоровскимъ съ деревнями по книгѣ 1592 г. значилось перелогу и лѣсу 30%—отношеніе обратное тому, что̀ мы видѣли въ мѣстностяхъ ближе къ Москвѣ. Это показываетъ, что степень разработки земли зависѣла не столько отъ качества почвы, сколько отъ другихъ мѣстныхъ и историческихъ условій. Несмотря на исключительныя хозяйства, пахотные участки во многихъ мѣстахъ представлялись незначительными и разсѣянными островками среди обширныхъ нетронутыхъ или заброшенныхъ пустырей. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что изучая московскія поземельныя описи XVI в., мы имѣемъ дѣло съ бродячимъ и мелко разбросаннымъ сельскимъ населеніемъ, которое, не имѣя средствъ или побужденій широко и усидчиво разрабатывать лежавшія предъ нимъ обширныя лѣсныя пространства, пробавлялось скудными пахотными участками и сорвавъ съ нихъ нѣсколько урожаевъ, бросало ихъ на безсрочный отдыхъ, чтобы на другой цѣлинѣ повторить прежнія операціи.

Землевладѣльцы.

Земли, на которыхъ жили крестьяне, по роду землевладѣльцевъ дѣлились на 3 разряда: на земли *церковныя*, принадлежавшія церковнымъ учрежденіямъ, *служилыя* или *боярскія*, находившіяся во владѣніи служилыхъ людей, и *государевы*. Послѣднія подраздѣлялись на 2 разряда: на государевы *дворцовыя*, приписанныя ко дворцу и какъ бы составлявшія его частную собственность, и государевы *черныя*, т. е. государственныя, не находившіяся ни въ чьемъ частномъ владѣніи. Различіе между землями дворцовыми и черными было больше хозяйственное, чѣмъ юридическое:

доходы съ нихъ спеціально назначались на содержаніе государева дворца и поступали больше натурой, чѣмъ деньгами. Поэтому земли одного разряда часто переходили въ другой и въ XVII в. тѣ и другія смѣшались, соединившись подъ однимъ дворцовымъ управленіемъ. Такимъ образомъ въ Московскомъ государствѣ XVI в. существовало 3 разряда землевладѣльцевъ: государь, церковныя учрежденія и служилые люди. На всемъ пространствѣ Московскаго государства мы не встрѣчаемъ другихъ частныхъ землевладѣльцевъ, т. е. не существовало крестьянъ-собственниковъ. Крестьяне всюду жили на чужихъ земляхъ, церковныхъ, служилыхъ, либо государственныхъ; даже сидя на черныхъ земляхъ, не составлявшихъ ничьей частной собственности, крестьяне не считали этихъ земель своими. Про такія земли крестьянинъ XVI в. говорилъ: „та земля, великаго князя, а моего владѣнья"; „та земля Божья да государева, а роспаши и ржи наши". Итакъ черные крестьяне очень ясно отличали право собственности на землю отъ права пользованія ею. Значитъ, по своему поземельному положенію, т. е. по юридическому и хозяйственному отношенію къ землѣ крестьянинъ XVI в. былъ безземельнымъ хлѣбопашцемъ, работавшимъ на чужой землѣ. Изъ такого положенія развились своеобразныя отношенія юридическія, хозяйственныя и государственныя.

Крестьяне и землевладѣльцы.

Разсмотримъ прежде всего юридическія отношенія крестьянъ по землѣ, т.-е. ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ. Крестьянинъ былъ вольный хлѣбопашецъ, сидѣвшій на чужой землѣ по договору съ землевладѣльцемъ; его свобода выражалась въ крестьянскомъ *выходѣ* или *отказѣ*, т.-е. въ правѣ покинуть одинъ участокъ и перейти на другой, отъ одного землевладѣльца къ другому. Первоначально право это не было стѣснено закономъ; но самое свойство позе-

мельныхъ отношеній налагало обоюдное ограниченіе какъ на это право крестьянина, такъ и на произволъ землевладѣльца въ отношеніи къ крестьянину: землевладѣлецъ, напримѣръ, не могъ согнать крестьянина съ земли передъ жатвой, какъ и крестьянинъ не могъ покинуть свой участокъ, не разсчитавшись съ хозяиномъ по окончаніи жатвы. Изъ этихъ естественныхъ отношеній сельскаго хозяйства вытекала необходимость однообразнаго, закономъ установленнаго срока для крестьянскаго выхода, когда обѣ стороны могли разсчитаться другъ съ другомъ. Судебникъ Ивана III установилъ для этого одинъ обязательный срокъ—недѣлю до Юрьева дня осенняго (26 ноября) и недѣлю, слѣдующую за этимъ днемъ. Впрочемъ въ Псковской землѣ въ XVI в. существовалъ другой законный срокъ для крестьянскаго выхода, именно Филиппово заговѣнье (14 ноября). Значитъ, крестьянинъ могъ покинуть участокъ, когда кончались всѣ полевыя работы, и обѣ стороны могли свести взаимные счеты. Свобода крестьянина выражалась также въ томъ, что садясь на чужую землю, онъ заключалъ съ землевладѣльцемъ поземельный договоръ. Условія этого аренднаго договора излагались въ *порядныхъ грамотахъ* или *записяхъ*. Крестьянинъ договаривался съ землевладѣльцемъ, какъ свободное, юридически равноправное съ нимъ лицо. Онъ бралъ у хозяина большій или меньшій участокъ земли, сообразуясь со своими рабочими средствами. Потому участки эти были чрезвычайно разнообразны. Крестьянинъ снималъ извѣстную долю *обжи* или *выти*. Обжа и выть—податныя единицы земельной мѣры, изъ коихъ первою опредѣлялось пространство пахотной земли на новгородскомъ Сѣверѣ, а второю въ центральныхъ областяхъ. Обжей назывался вообще участокъ отъ 10 до 15 десятинъ въ трехъ поляхъ, смотря по качеству почвы. Выть была единицей нѣсколько болѣе значи-

тельной, хотя также очень измѣнчивой по той же причинѣ или по мѣстнымъ обычаямъ. Нормальный или казенный размѣръ выти доброй земли—18 десятинъ, средней—21, худой—24 десятины въ трехъ поляхъ. Впрочемъ въ хозяйственномъ оборотѣ бывали выти и большихъ, и меньшихъ размѣровъ. Крестьянинъ, сказалъ я, бралъ у землевладѣльца извѣстную долю обжи или выти, рѣдко цѣлую выть или обжу, и въ порядной грамотѣ излагалъ условія, на которыхъ снималъ землю. Новаго „приходца" принимали осторожно, съ разборомъ: нерѣдко онъ долженъ былъ представить нѣсколько поручителей, которые „ручали" бы его въ томъ, что онъ будетъ за ихъ порукой жить въ такомъ-то селѣ или деревнѣ „во крестьянѣхъ", землю пахать и дворъ строить, новые хоромы ставить и старые починивать, а не сбѣжитъ. Поручители были либо крестьяне того же владѣльца, къ которому рядился пришелецъ, либо даже сторонніе люди. Если съемщикъ садился на пустоши, а не входилъ въ готовый дворъ съ жилымъ, разработаннымъ участкомъ, онъ обязывался хоромы поставить и пашню пахать, поля огородить, пожни и луга расчищать, жить тихо и смирно, корчмы не держать и никакимъ воровствомъ не воровать; въ случаѣ неисполненія обязательствъ крестьянинъ или его поручители платили *заставу*, неустойку. Потомъ порядной опредѣляли платежи и повинности, какія долженъ былъ нести крестьянинъ за пользованіе снимаемой землей. Новый поселенецъ либо подчинялся общему положенію наравнѣ съ другими крестьянами, среди которыхъ онъ селился, либо заключалъ особыя личныя условія. Въ иныхъ имѣніяхъ всѣ повинности крестьянина соединялись въ извѣстномъ денежномъ или хлѣбномъ оброкѣ; въ другихъ вмѣсто денежныхъ и натуральныхъ платежей крестьянинъ обязывался исполнять условленныя работы на земле-

владѣльца. Но чаще встрѣчаемъ смѣшанныя условія: сверхъ оброка деньгами или хлѣбомъ крестьянинъ обязывался еще отбывать въ пользу землевладѣльца барщину, которая называлась *издѣльемъ* или *боярскимъ дѣломъ*. Совмѣщеніе оброка и барщины объясняется тѣмъ, что они выходили изъ разныхъ хозяйственныхъ источниковъ. Денежный и хлѣбный оброкъ въ древней Руси былъ собственно арендной платой за пользованіе чужой землей. Издѣлье имѣло совсѣмъ другое происхожденіе. Крестьянинъ, садясь на чужой землѣ, часто бралъ у хозяина *ссуду* или *подмогу*; за это вмѣсто платежа процентовъ крестьянинъ обязывался дополнительно работать на хозяина, чаще всего обрабатывать извѣстное количество барской земли. Итакъ барщина въ древней Руси вышла изъ соединенія поземельнаго найма съ денежнымъ или другимъ займомъ. Но таково было только первоначальное значеніе издѣлья: съ теченіемъ времени оно вошло въ составъ обычныхъ повинностей крестьянина, какъ и ссуда стала обычнымъ условіемъ поземельныхъ крестьянскихъ договоровъ. Мы разсмотримъ размѣры и виды крестьянскаго оброка, когда будемъ говорить о хозяйственномъ положеніи крестьянъ. Итакъ крестьяне XVI в. по отношеніямъ своимъ къ землевладѣльцамъ были вольными и перехожими арендаторами чужой земли, государевой, церковной или служилой.

Крестьяне и государство.

Теперь разсмотримъ отношенія крестьянъ къ государству. Въ XVI в. крестьянство еще не было сословіемъ въ политическомъ смыслѣ слова. Оно было тогда временнымъ вольнымъ состояніемъ, точнѣе, положеніемъ, а не постояннымъ обязательнымъ званіемъ съ особенными, ему одному присвоенными правами и обязанностями. Существенную его особенность составляло *занятіе*; вольный человѣкъ становился крестьяниномъ съ той минуты, какъ „наставлялъ

соху" на тягломъ участкѣ, и переставалъ быть крестьяниномъ, какъ скоро бросалъ хлѣбопашество, и принимался за другое занятіе. Слѣдовательно обязанности въ то время спадали съ лица вмѣстѣ съ отказомъ отъ правъ, съ ними связанныхъ. Совсѣмъ иное видимъ въ позднѣе образовавшихся сословіяхъ: отказомъ отъ сословныхъ правъ или потерей ихъ лицо не освобождалось отъ сословныхъ обязанностей; крестьянинъ тянулъ свое тягло, хотя бы не обрабатывалъ своего участка; дворянинъ служилъ, хотя бы оставался безземельнымъ. Въ XVI в. поземельное тягло, падавшее на крестьянина, нельзя назвать его сословной обязанностью. Здѣсь соблюдались довольно тонкія различія, съ образованіемъ сословій постепенно стиравшіяся. Крестьянское поземельное тягло падало собственно не на крестьянина по тяглой землѣ, имъ обрабатываемой, а на самую тяглую землю, кто бы ею ни владѣлъ и кто бы ее ни обрабатывалъ. Бояринъ, въ XV в. купившій у крестьянскаго общества тяглую землю, долженъ былъ съ нея тянуть тягло наравнѣ съ крестьянами, не становясь крестьяниномъ, потому что у него другое занятіе, которымъ опредѣлялось его общественное положеніе,—государственная военно-правительственная служба. Точно такъ же и холопъ, пахавшій тяглую землю своего господина, не становился крестьяниномъ, потому что не былъ вольнымъ человѣкомъ. Связь повинностей и званія съ занятіемъ указана и въ Судебникѣ 1550 года: онъ отличаетъ поземельныя обязанности крестьянина отъ личныхъ, которыми обыкновенно сопровождался, *но не обусловливался* поземельный договоръ. Крестьянинъ, отказавшійся отъ своего участка въ законный осенній срокъ, но оставившій на немъ озимую рожь, платилъ за нее поземельную подать и пошлину и послѣ отказа, пока не сжиналъ урожая; но за это время, съ ноябрьскаго

отказа до окончанія жатвы въ іюлѣ слѣдующаго года, онъ на землевладѣльца не былъ обязанъ работать, ибо это—его личное обязательство, не составлявшее непремѣннаго условія крестьянской порядной: возможны были и бывали поземельные контракты и безъ этого условія, а бобыль могъ принять на себя такое обязательство, селясь въ имѣніи владѣльца, но не снимая у него пахотнаго участка. Точно такъ же крестьянинъ могъ продаться съ пашни въ полное холопство даже не въ срокъ и оставить на своемъ участкѣ озимой или яровой хлѣбъ; съ этого хлѣба онъ платилъ крестьянскую подать, хотя уже, какъ холопъ, пересталъ быть крестьяниномъ, тяглымъ человѣкомъ; но при переходѣ въ холопство онъ не платилъ землевладѣльцу *пожилого* или *подворнаго* за покинутый имъ крестьянскій дворъ: это его личное обязательство, покрытое холопствомъ. Такой смыслъ постановленія Судебника объясняется и обратнымъ случаемъ, не нормированнымъ въ этомъ кодексѣ, но приводимомъ въ одномъ неизданномъ актѣ Махрищскаго монастыря за 1532 г., когда не крестьянинъ уходилъ отъ землевладѣльца, а землевладѣлецъ покидалъ своихъ крестьянъ. Вотчинникъ въ началѣ этого года продалъ монастырю свое сельцо, гдѣ у него было уже посѣяно озимое, съ правомъ посѣять и ярь и оставаться въ сельцѣ до конца года (до Рожд. Христ.), платя поземельные налоги за ярь и озимое. Крестьяне сельца обязаны были пахать его барскую пашню по прежнему личному съ нимъ уговору, но никого изъ нихъ онъ не могъ выслать изъ сельца безъ вѣдома монастыря по своему землевладѣльческому праву, а кто изъ нихъ уходилъ по своей волѣ, пожилое и другіе налоги платилъ въ монастырь, а не продавцу, уже потерявшему на то право. Продавецъ могъ въ августѣ посѣять рожь и на 1533 годъ и платить казенный налогъ только за озимое,

„доколѣ рожь изъ земли не выйдетъ". Итакъ государство начинало знать крестьянина, какъ государственнаго тяглеца, плательщика поземельной подати, лишь только онъ, сѣвъ на тяглую землю, принимался за ея обработку, бросалъ сѣмена во вспаханный имъ тяглый участокъ. Если онъ не сидѣлъ на тягломъ участкѣ, не обрабатывалъ тяглой земли, онъ не платилъ и подати, какъ и тяглая земля не тянула, если не работала, запереложивалась. Значитъ, крестьянская подать въ древней Руси падала не на крестьянскій трудъ и не на землю вообще, а на приложеніе крестьянскаго труда къ тяглой землѣ.

Общественное устройство.

Эта государственная подать служила основаніемъ и общественнаго устройства крестьянъ. Для уплаты податей и отбыванія повинностей крестьяне соединялись въ административные округа, которые назывались *станами* и *волостями*. Мы потомъ увидимъ различіе между тѣми и другими. Станы и волости первоначально и составляли сельскія общества, крестьянскіе міры, связанные круговой порукой въ уплатѣ податей. Этими округами управляли намѣстники и волостели, органы центральнаго правительства; но у нихъ было и свое мірское управленіе, свои мірскіе распорядительные сходы, выбиравшіе исполнительныя управы. Волостная управа состояла изъ старосты или сотскаго съ окладчиками, которые „сидѣли на разметѣ", на разверсткѣ податей и повинностей между членами общества. Вѣдомство мірскаго управленія состояло изъ дѣлъ поземельнаго хозяйства волости, въ составѣ котораго важнѣйшей статьей и были подати и повинности. Выборные вели текущія дѣла, въ случаѣ надобности поговоря съ волостью, „со всѣми крестьяны". Кромѣ разверстки податей и повинностей староста „передъ всей братіей" окладчиками раздавалъ по приговору схода пустые

участки въ волости новымъ поселенцамъ, испрашивалъ и давалъ имъ льготы, собиралъ и клалъ передъ этой братіей „на столецъ" наемныя деньги съ арендныхъ участковъ, отстаивалъ въ судѣ волостную землю отъ стороннихъ захватовъ и притязаній, ходатайствовалъ о нуждахъ своей волости передъ центральнымъ правительствомъ или жаловался на неправды его мѣстныхъ органовъ, если волость была черная, не имѣвшая ходатая въ своемъ вотчинникѣ. Самымъ тяжелымъ дѣломъ волостного міра, вызывавшимъ къ дѣйствію круговую поруку, была уплата податей міромъ за несостоятельныхъ или выбылыхъ членовъ общества. Назначалась обыкновенно извѣстная опредѣленная сумма податей на все общество по числу окладныхъ единицъ значившейся за нимъ по переписи жилой земли, „пашни паханой". Общество разверстывало эту сумму по отдѣльнымъ тяглымъ дворамъ, соображаясь съ земельнымъ участкомъ каждаго двора. Но иные крестьяне покидали свои участки и выходили изъ общества; другіе оказывались не въ состояніи платить падавшія на нихъ по ихъ пашнѣ доли общественныхъ платежей и переходили на меньшіе участки или въ безпашенные бобыли. За тѣхъ и другихъ до новой переписи обязано было платить подать все общество. Такое волостное устройство существовало въ удѣльные вѣка и сохранялось приблизительно до XVI в. Съ объединеніемъ Московскаго государства и съ развитіемъ служилаго и церковнаго землевладѣнія волость, какъ цѣлое сельское общество, постепенно разрушалась. Частные землевладѣльцы, служилые помѣщики и вотчинники, церковныя учрежденія, пріобрѣтавшіе земли въ черныхъ и дворцовыхъ волостяхъ и прежде тянувшіе одинаковое тягло съ окрестными волостными крестьянами, теперь запасались для своихъ земель раз-

нообразными льготами: мѣстныя власти, намѣстники и волостели, не судили ни ихъ самихъ ни въ чемъ, ни ихъ крестьянъ кромѣ наиболѣе тяжкихъ уголовныхъ дѣлъ, и приставовъ своихъ „не всылали къ нимъ ни по что"; они сами получали право суда и полицейскаго надзора надъ своими крестьянами, которые при этомъ также освобождались иногда отъ обязанности тянуть наравнѣ съ другими крестьянами своей волости въ ихъ мірскіе разметы. Село такого привилегированнаго землевладѣльца съ приписанными къ нему деревнями и починками выдѣлялось изъ состава волости, какъ особый судебно-административный округъ, со своимъ вотчиннымъ управленіемъ, съ барскимъ прикащикомъ или монастырскимъ посельскимъ старцемъ; но рядомъ съ ними дѣйствуютъ сельскій староста и другіе мірскіе выборные, которые ведутъ поземельныя дѣла своего міра съ участіемъ вотчинныхъ управителей, раскладываютъ налоги, панимаютъ землю у стороннихъ землевладѣльцевъ и даже скрѣпляютъ такія сдѣлки ручательствомъ не своего вотчинника, а сосѣднихъ дворянъ. Такія села и образовали новыя сельскія общества, на которыя распадались старые станы и волости. Судебникъ 1497 г. принимаетъ за сельское общество безразлично и цѣлую волость, и отдѣльное село и этимъ отмѣчаетъ эпоху, когда волость, какъ общество, начала разлагаться на села. Впрочемъ разложеніе далеко не было повсемѣстнымъ: только крупные или особенно покровительствуемые землевладѣльцы получали привилегіи, выдѣлявшія ихъ земли изъ волостного строя; у остальныхъ крестьяне и въ концѣ XVI в. „тягло государское всякое тянули съ волостью вмѣстѣ". Но и сельское вотчинное общество держалось на томъ же основаніи, какое объединяло прежнюю волость: это было то же государственное поземельное тягло. Зна-

читъ, и для селъ, и для волостей связью, соединявшей ихъ въ общества, служило поземельное тягло, а не прямо сама земля: это были сельскіе союзы финансовые, податные, а не собственно поземельные.

Вопросъ о сельской общинѣ.

Слушая мои слова о сельскихъ обществахъ XV—XVI в., вы навѣрное думали, что я не все сказалъ, и готовы спросить меня: что̀ такое были эти общества по характеру своего землевладѣнія, похожи ли они на нынѣшнія сельскія общины съ общимъ владѣніемъ землей? Вопросъ о происхожденіи русской сельской общины нѣкогда вызвалъ въ нашей литературѣ оживленный споръ, и на этотъ предметъ установились два взгляда, которые держатся доселѣ. Одни вслѣдъ за Чичеринымъ, поднявшимъ этотъ вопросъ въ пятидесятыхъ годахъ XIX в., думаютъ, что наша великорусская сельская община—учрежденіе довольно поздняго времени и получила свое окончательное образованіе только въ послѣдней четверти XVIII в. подъ дѣйствіемъ поземельнаго укрѣпленія крестьянъ и подушной подати. Другіе послѣдуютъ другому профессору нашего университета Бѣляеву, который, возражая Чичерину, утверждалъ, что сельская община—исконное явленіе русской жизни, что начала, на которыхъ основаны общинныя учрежденія нашего времени, дѣйствовали уже съ самыхъ раннихъ поръ исторической жизни Руси, задолго до прибытія Рюрика. Чтобы найтись среди этихъ взглядовъ, надобно отдать себѣ отчетъ въ спорномъ предметѣ. Въ древней Руси сельское общество называли *міромъ* и не знали слова *община*, какъ стали звать его въ литературѣ прошлаго столѣтія, разумѣя подъ этимъ словомъ сельское общество, какъ оно сложилось къ эпохѣ крестьянской реформы, со всѣми особенностями поземельнаго строя общины. Существенными особенностями, въ которыхъ выражалось ея основное начало,

общинное владѣніе землей, можно признать: 1) обязательную уравнительность надѣловъ, 2) строго-сословное значеніе общины и 3) круговую поруку. Земля распредѣлялась соразмѣрно съ рабочей и податной мочью крестьянъ: рядомъ съ формальнымъ, счетнымъ надѣломъ по ревизскимъ душамъ существовалъ еще надѣлъ дѣйствительный по тягламъ, т.-е. земля дѣлилась между дворами по наличнымъ рабочимъ силамъ каждаго двора и дѣлилась принудительно, навязывалась. Это потому, что размѣромъ надѣла опредѣлялась для каждаго крестьянина соотвѣтственная тяжесть сословныхъ обязанностей, падавшихъ на крестьянство: какъ скоро это соотвѣтствіе ходомъ нарожденія и вымиранія нарушалось, земля передѣлялась для возстановленія равновѣсія. Такимъ образомъ земля была не источникомъ повинностей, а вспомогательнымъ средствомъ для ихъ исполненія. Ни этой принудительной уравнительности участковъ съ ихъ передѣлами, ни сословнаго характера поземельныхъ крестьянскихъ обязанностей не находимъ въ сельскихъ обществахъ XV—XVI в. Крестьянинъ бралъ себѣ участокъ „по силѣ", т.-е. по своему усмотрѣнію, договаривая о томъ во владѣльческомъ или дворцовомъ имѣніи съ самимъ владѣльцемъ или съ его прикащикомъ безъ участія сельскаго общества. Податная тяжесть вольнаго съемщика опредѣлялась размѣромъ снятаго участка; слѣдовательно, земля служила источникомъ крестьянскихъ обязанностей, а не вспомогательнымъ только средствомъ для ихъ исполненія. Самые участки имѣли постоянный, неизмѣнный составъ. То были большей частью отдѣльныя деревни въ одинъ-два двора съ принадлежавшими къ каждой изъ нихъ угодьями, предѣлы которыхъ изъ вѣка въ вѣкъ опредѣлялись обычнымъ выраженіемъ поземельныхъ актовъ: „куда соха, коса и топоръ ходили".

Самъ крестьянинъ не былъ прикрѣпленъ ни къ участку, ни къ сельскому обществу, ни даже къ состоянію, свободно мѣнялъ свою пашню на другую, выходилъ изъ общества и даже изъ крестьянства. Изъ акта XV в. узнаемъ, что одна деревня въ продолженіе 35 лѣтъ перемѣнила шестерыхъ владѣльцевъ изъ крестьянъ. Такъ въ сельскихъ обществахъ XV—XVI в. не находимъ двухъ существенныхъ признаковъ общиннаго владѣнія землей. Можетъ быть, зародышъ такого владѣнія надобно видѣть въ очень рѣдкомъ явленіи, какое встрѣчаемъ въ описи земель Троицкаго Сергіева монастыря 1592 г. по Дмитровскому уѣзду. Но какой это слабый зародышъ! На этихъ земляхъ, скудныхъ почвой и пашней, крестьяне, пахавшіе по 5 или даже только $3^3/_4$ десятины худой земли на дворъ, сверхъ подворной пашни всѣмъ сельцомъ или всей деревней, двумя-четырьмя дворами пахали еще „по мѣрѣ всѣ сопча“ по 5—$7^1/_2$ дес., а въ одномъ сельцѣ 16 дворовъ пахали сообща 22 десятины, по $1^3/_8$ на дворъ. Это какъ будто пробная общественная запашка. Самый порядокъ отбыванія поземельныхъ повинностей пріучалъ крестьянъ видѣть въ землѣ связь, соединявшую ихъ другъ съ другомъ: повинности разверстывались повытно и отбывались сообща крестьянами: сидѣвшими на одной выти; разверстка производилась выборными села или волости. Въ томъ же направленіи дѣйствовала и круговая порука. Она служила средствомъ обезпеченія податной исправности сельскихъ обществъ, но не была исключительною особенностью сельскаго общиннаго быта: на ней, какъ увидимъ, строилось все мѣстное земское управленіе въ XVI вѣкѣ. Однако эта порука вела уже тогда если не къ періодическимъ общимъ передѣламъ, то къ частичнымъ раздѣламъ земли. Въ иныхъ деревняхъ по описямъ встрѣчаемъ пустые дворы, и пашни

„впустѣ“ у нихъ нѣтъ: это значитъ, что опустѣвшій участокъ или дѣлили между жилыми дворами, или отдавали одному двору вмѣстѣ съ лежавшимъ на пустотѣ тягломъ. Всѣмъ этимъ я хочу сказать, что въ сельскихъ обществахъ XVI в. нельзя найти общиннаго владѣнія землей съ обязательнымъ порядкомъ ея распредѣленія, а имъ было предоставлено лишь распоряженіе крестьянской землей, насколько то требовалось для облегченія имъ исправнаго платежа податей. Но это распоряженіе воспитывало понятія и привычки, которыя потомъ при другихъ условіяхъ легли въ основу общиннаго владѣнія землей. Такими условіями и были, согласно съ мнѣніемъ Чичерина, обязательный трудъ и принудительная разверстка земли по наличнымъ рабочимъ силамъ. Дѣйствіе этихъ условій становится замѣтно уже въ XVI в. и не трудно догадаться, что оно должно было проявиться сперва не въ крестьянской средѣ, тогда еще не закрѣпощенной, а въ холопьей. Издавна землевладѣльцы заставляли часть своей дворни обрабатывать барскую пашню, обзаводили дворами и хозяйствомъ и надѣляли землей. Въ документахъ XVI в. находимъ указанія на то, что этотъ надѣлъ былъ не подворный, а „съ одного“, на всѣ дворы сообща, огульно, при чемъ, вѣроятно, самимъ этимъ „страдникамъ“, какъ назывались пахотные холопы, предоставлялось или разверстывать, дѣлить и передѣлять данную имъ землю между собою, или дѣлиться урожаемъ соразмѣрно участію въ совмѣстной ея обработкѣ.

Теперь войдемъ въ экономическое положеніе крестьянъ, разсмотримъ, какъ они жили въ тѣсномъ кругу своего хозяйства. Крестьянинъ былъ вольный и перехожій съемщикъ чужой земли, свобода котораго обезпечивалась правомъ выхода и правомъ ряда, договора съ землевладѣльцемъ. Таково было положеніе крестьянина по закону; но уже въ Земледѣльческое хозяйство крестьянъ.

XVI в. оно было далеко не таково на дѣлѣ. Вольный и перехожій арендаторъ, крестьянинъ большею частью приходилъ на чужую землю съ пустыми руками, безъ капитала, безъ земледѣльческаго инвентаря. Распространеніе помѣстнаго землевладѣнія на заокскія и средневолжскія поля значительно увеличило массу безъинвентарнаго крестьянства; на тамошнія пустыя помѣстья привлекались, какъ мы видѣли (лекц. XXXIII), изъ центральныхъ уѣздовъ преимущественно неписьменные люди, не имѣвшіе своего хозяйства. Селясь на чужой землѣ, такой крестьянинъ нуждался въ воспособленіи со стороны землевладѣльца, особенно когда садился на пустоши, на нетронутомъ или давно запустѣвшемъ участкѣ. Рѣдкій поселенецъ обходился безъ этого воспособленія. Оно было почти общимъ условіемъ крестьянскихъ поземельныхъ договоровъ и принимало различные виды. Садясь осенью о Егорьевѣ днѣ на „жилой", уже обсиженный и распаханный участокъ, крестьянинъ входилъ въ готовый дворъ съ постройками и получалъ отъ землевладѣльца *подмогу* или *ссуду* деньгами, скотомъ, чаще хлѣбомъ „на сѣмены и на ѣмены", на посѣвъ и на прокормъ до жатвы. Подмога и ссуда иногда смѣшиваются въ крестьянскихъ порядныхъ; но между ними было различіе. Подмога давалась собственно на первоначальное дворовое обзаведеніе, на жилыя и хозяйственныя постройки, на огороду полей, и была безвозвратной ссудой, если крестьянинъ обзаводился, какъ слѣдовало по договору. Ссуда скотомъ и прочимъ инвентаремъ или деньгами для его пріобрѣтенія назначалась на веденіе хозяйства и числилась за крестьяниномъ, какъ долгъ, подлежавшій уплатѣ при уходѣ его отъ владѣльца. Денежная ссуда въ XV и началѣ XVI в. называлась *серебромъ издѣльнымъ*, потому что соединялась съ *издѣльемъ*, работой крестьянина (*издѣльнаго серебря-*

ника, какъ назывался получившій серебро) на владѣльца; этимъ оно отличалось отъ серебра *ростоваго,* займа съ уплатой роста, процентовъ. Потому землевладѣльцы и различали „деньги въ селахъ въ ростѣ и въ пашнѣ“. Если крестьянинъ садился на пустой участокъ, который нужно было распахать и обстроить, то получалъ сверхъ подмоги и ссуды еще льготу полную или частичную и болѣе или менѣе продолжительную, смотря „по пустотѣ“, по степени заброшенности участка, требовавшаго болѣе или менѣе сложныхъ подготовительныхъ работъ. Льгота давалась на годъ, на два и больше и освобождала съемщика какъ отъ „государева тягла“, казенныхъ податей, такъ и отъ господскаго оброка денежнаго и хлѣбнаго и всякаго издѣлія, либо только отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ повинностей. О степени нужды въ ссудѣ можно судить по отдѣльнымъ случаямъ: у Алексѣевыхъ, некрупныхъ вотчинниковъ Московскаго и Боровскаго уѣздовъ, въ 1511 г. числилось за ихъ крестьянами въ раздачѣ до 2000 р. на наши деньги. Крестьянское хозяйство особенно выразительно характеризуется обиліемъ указаній въ актахъ XVI в. на крестьянъ, засѣвавшихъ свои поля господскими сѣменами. Въ вотчинной книгѣ Кириллова бѣлозерскаго монастыря, составленной во второй половинѣ XVI в. и перечисляющей монастырскія села и деревни съ обозначеніемъ вытей арендуемой монастырскими крестьянами земли, показано около $1^1/_2$ тыс. вытей; $70^0/_0$ этихъ крестьянскихъ вытей засѣвались монастырскими сѣменами, т.-е. находились въ пользованіи людей, безъ помощи вотчинника не имѣвшихъ чѣмъ засѣять свои поля. Разсчитавъ на нынѣшнія хлѣбныя цѣны всѣ сѣмена, какія по книгѣ числились за крестьянами, рожь, пшеницу, ячмень и овесъ, найдемъ, что ихъ было выдано не менѣе, какъ на 52 тыс. руб. Эта сѣменная

ссуда оставалась за крестьяниномъ, пока онъ жилъ на монастырской землѣ, даже переходила отъ отца къ сыну, числилась за крестьянскимъ дворомъ, какъ его постоянный долгъ, проценты съ котораго вносились въ составъ ежегоднаго поземельнаго оброка монастырю: значитъ, сѣменной заемщикъ тяготился возвратомъ хлѣбной ссуды.

Крестьянскіе участки.

Основой хозяйства для крестьянина служилъ земельный участокъ, имъ обрабатываемый. Излагая юридическія отношенія крестьянъ XVI в. къ землевладѣльцамъ, я говорилъ, что крестьянинъ, договариваясь съ землевладѣльцемъ, бралъ у него какую-либо долю выти или обжи, рѣдко полную выть или обжу, еще рѣже больше того. Для изученія крестьянскаго хозяйства необходимо точнѣе опредѣлить размѣры крестьянскихъ земельныхъ участковъ. Они были очень разнообразны, измѣняясь по мѣсту и времени, по качеству почвы, по рабочей силѣ крестьянскихъ дворовъ и по другимъ условіямъ, трудно уловимымъ для отдаленнаго наблюдателя. Прослѣдить это разнообразіе на всемъ пространствѣ Московскаго государства XVI в.—въ настоящую минуту дѣло невозможное по состоянію научной разработки памятниковъ, относящихся къ этому предмету. Рядъ ученыхъ изслѣдователей внесъ и вноситъ въ научный оборотъ массу архивныхъ документовъ, дающихъ обильный матеріалъ для изученія распредѣленія пахотной земли по крестьянскимъ рукамъ, иначе говоря, для полнаго обзора подворныхъ крестьянскихъ надѣловъ въ разныхъ областяхъ Московскаго государства XVI и XVII вв. Но все это пока еще трудно объединить, свести къ цѣльнымъ выводамъ, и во всемъ этомъ обширномъ матеріалѣ еще многаго недостаетъ для такого полнаго обзора. Остается ограничиться отдѣльными указаніями памятниковъ, наибольшими и наименьшими величинами и гадательно вы-

веденными средними. Встрѣчаемъ подворные надѣлы и въ 24, даже въ 47 десятинъ, и въ 3 десятины; даже у одного и того же владѣльца, Троицкаго Сергіева монастыря, въ одной вотчинѣ крестьяне пользовались сейчасъ указаннымъ огромнымъ надѣломъ въ 47 десятинъ, въ другомъ довольствовались всего $4^1/_2$ дес. въ трехъ поляхъ. Къ концу XVI в. замѣтна наклонность къ сокращенію надѣловъ. Въ Тверскомъ уѣздѣ по описямъ первой половины вѣка господствовали довольно крупные надѣлы, десятинъ въ 12 или около того, и между прочимъ въ волости Кушалинѣ средній размѣръ подворнаго участка доходилъ до $8^1/_2$ десятинъ, а по писцовой книгѣ 1580 г. тамъ не приходилось и 4 десятинъ на дворъ. Вообще средней величиной запашки крестьянскаго двора въ XVI в. признается 5—10 десятинъ, а къ концу вѣка даже 3—$4^1/_2$ десятины и нѣсколько болѣе для южныхъ степныхъ уѣздовъ. Но при тогдашней подвижности и крайне неравномѣрномъ распредѣленіи крестьянскаго труда среднія величины не даютъ точнаго представленія о дѣйствительности. По подробнымъ описямъ нѣкоторыхъ имѣній въ селѣ съ десятками деревень и починковъ не находимъ двухъ поселковъ съ одинаковыми подворными участками: въ одной деревнѣ на дворъ отведено 7 десятинъ, а рядомъ въ другой 36 или даже $5^1/_2$ десятины. Вообще отъ изученія поземельныхъ документовъ XVI в. остается впечатлѣніе, что обычные крестьянскіе участки были менѣе значительны, чѣмъ можно было бы ожидать. Если бы можно было эти подворные участки разсчитать на ревизскія души, помня, что душевой составъ тогдашняго крестьянскаго двора былъ значительно сложнѣе современнаго, можетъ быть, оказалось бы, что подъ руками тогдашняго русскаго крестьянина было не больше, если не меньше, пахотной земли, чѣмъ сколько отведено его отдаленному потомку по Положенію 19 февраля 1861 года.

Повинности.

Еще труднѣе взвѣсить тяжесть повинностей, лежавшихъ на тягломъ крестьянскомъ участкѣ. Главное затрудненіе состоитъ въ ихъ сложности: участокъ несъ на себѣ государево тягло деньгами, натурой и трудомъ, потомъ платилъ владѣльцу оброкъ денежный и хлѣбный и разные мелкіе дополнительные поборы яйцами, курами, сырами, овчинами т. п. и наконецъ дѣлалъ господское издѣлье. Уставная грамота Соловецкаго монастыря крестьянамъ одного изъ его селъ объясняетъ, изъ какихъ работъ состояло это издѣлье: крестьяне пахали и засѣвали монастырскую пашню, чинили монастырскій дворъ и гумно, ставили новые хоромы вмѣсто обветшалыхъ, возили дрова и лучину на монастырскій дворъ, ставили подводы, чтобы вести монастырскій хлѣбъ въ Вологду, а оттуда привозить соль. Если хлѣбный оброкъ еще можно кой-какъ, съ нѣкоторой степенью точности, переложить на наши деньги, то эти издѣльныя повинности и дополнительные поборы натурой не поддаются даже приблизительному учету. Затрудненіе увеличиваютъ еще старинныя окладныя единицы, обжи и выти, измѣнчивыя и не вездѣ одинаковыя по размѣрамъ, притомъ совсѣмъ для насъ непривычныя, мѣшающія намъ живо понять тяжесть даже точно высчитаннаго по нимъ поземельнаго обложенія, и потому приходится перелагать ихъ на дворы или десятины, что не всегда удается. Ограничусь немногими данными, которыя дѣлаютъ такое переложеніе возможнымъ. Но здѣсь я опять сдѣлаю небольшую методологическую остановку. Я приведу вамъ нѣсколько цифръ о поземельныхъ повинностяхъ крестьянъ, укажу, сколько они платили своимъ землевладѣльцамъ. Но вы спросите: что это—много или мало? Наиболѣе понятная намъ мѣрка давно минувшихъ жизненныхъ положеній—сравненіе съ настоящимъ. Съ чѣмъ же

мы будемъ сравнивать поземельные платежи XVI в.? Съ современными арендными цѣнами, прежде всего подумаете вы. Едва ли. Современная аренда—актъ чисто гражданскаго права. Но крестьянинъ XVI в., снимая тяглый участокъ у землевладѣльца или у сельскаго общества, путемъ этой частной гражданской сдѣлки вступалъ въ извѣстныя обязательства передъ государствомъ, принималъ на себя всю тяжесть государева тягла, казенныхъ повинностей, падавшихъ на тяглую землю. Позднѣе, когда вольные хлѣбопашцы на чужой землѣ стали крѣпостными, государево тягло преобразилось въ подушную подать, а арендныя условія крестьянъ съ землевладѣльцами замѣнились обязательнымъ помѣщичьимъ оброкомъ и барщиной. Еще позднѣе, съ отмѣной крѣпостного права, крѣпостные оброкъ и барщина были замѣнены выкупными и дополнительными къ нимъ платежами. Таково преемство историческихъ фактовъ. Оно указываетъ, что соизмѣримыя величины въ нашемъ изученіи — это повинности крестьянъ XVI в. въ пользу землевладѣльцевъ и выкупные платежи крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Такая историческая перспектива поможетъ намъ яснѣе разглядѣть немногія явленія, которыя вскрываютъ хозяйственное положеніе крестьянъ въ XVI в. Наша задача получаетъ такую постановку: въ какой мѣрѣ наканунѣ закрѣпощенія крестьянскій трудъ былъ обремененъ въ пользу частнаго землевладѣнія сравнительно съ тягостями, какія оставляло оно на крестьянахъ при освобожденіи, приступавшихъ къ выкупу своихъ надѣловъ? Начну съ простѣйшихъ отношеній. Въ 1580 годахъ нѣкоторыя села Нижегородскаго уѣзда платили владѣльцу всего оброка по 9 четвертей ржи и овса съ выти: по переводѣ этого оброка на хлѣбныя цѣны начала 1880 годовъ, когда еще не были облегчены вы-

купные платежи, придется около $2^1/_2$ рублей на десятину—немного болѣе средняго выкупного платежа съ десятины по той губерніи (1р. 88 к.). Потомъ, одно сельцо въ Дмитровскомъ уѣздѣ платило (1592 г.) Троицкому Сергіеву монастырю съ выти середней земли по 1 рублю, т. е. по 3 р. съ десятины на наши деньги, а въ другихъ селахъ того же монастыря и тамъ же однѣ выти платили денежный оброкъ по 27 р. нш. д. съ выти худой земли и мелкихъ сборовъ по 4 р. 50 к., всего по 2 р. 10 к. съ десятины, другія вмѣсто денежнаго оброка пахали монастырской пашни по 2 дес. въ каждомъ полѣ съ выти, т. е. вполнѣ отрабатывали по двѣ круговыхъ десятины, пахали, бороновали, удобряли, убирали озимую яровую и паровую десятину. Отсюда видимъ, что денежный платежъ съ дмитровской десятины былъ даже нѣсколько ниже выкупного платежа по Московской губерніи (2 р. 50 к.), и что отработка круговой десятины, замѣнявшая оброкъ (13 р. 50 к.), въ концѣ XVI в. была вдвое или втрое дешевле, чѣмъ въ 1880 годахъ, когда въ центральныхъ губерніяхъ она обходилась отъ 25 до 40 р. Значитъ, земледѣльческій трудъ цѣнился гораздо дешевле, чѣмъ три вѣка спустя. Приведу еще примѣръ изъ сѣвернаго Заволжья. Въ 1567 г. одинъ служилый человѣкъ отказалъ Кириллову монастырю свое село Воскресенское въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ съ 47 деревнями и починками и со 144 крестьянскими дворами въ нихъ. Изъ сохранившейся подробной описи видимъ, какъ разнообразны были здѣсь подворные участки; были дворы и съ 22, и съ 2, даже съ $1^1/_2$ десятинами, т. е. съ участками втрое—вчетверо меньше средняго душевого надѣла по Новгородской губерніи. Въ среднемъ приходилось на дворъ по 7 десятинъ въ трехъ поляхъ. Вотчинныя повинности состояли изъ оброка денежнаго и хлѣбнаго, изъ празднич-

ныхъ денегъ и изъ *бѣлокъ* по пяти штукъ съ выти. Переложивъ все это на современныя деньги, кромѣ бѣлокъ, оцѣнить которыхъ не могу, найдемъ, что на десятину падало платежей 1 р. 69 к., немного болѣе выкупного платежа по Новгородской губ. (1 р. 26 к.). Приведенные случаи не возбуждаютъ недоумѣній. Но встрѣчаемъ данныя, способныя озадачить изучающаго. Въ селѣ Кушалинѣ, принадлежавшемъ къ тверскимъ дворцовымъ землямъ вел. кн. Симеона Бекбулатовича, кратковременнаго правителя земщины во времена опричнины, по книгѣ 1580 г. падало всѣхъ денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ по 5 р. 34 к. на десятину — сумма, болѣе чѣмъ втрое превышающая выкупной платежъ съ десятины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ по Тверской губерніи. При этомъ пашни приходилось безъ малаго по 4 десятины на дворъ; если этотъ средній подворный участокъ разложить на души по среднему душевому составу двора, выведенному по Тверской губерніи изъ данныхъ X ревизіи 1858 г. (2,6 души), то на душу придется не болѣе $1^1/_2$ десятинъ, почти втрое менѣе средняго душевого надѣла въ той губерніи по Положенію 19 февраля, а вѣдь составъ крестьянскаго двора въ XVI в. навѣрное былъ значительнѣе, чѣмъ въ XIX в. Въ тѣхъ же дворцовыхъ земляхъ были села, гдѣ на дворъ приходилось меньше 3 десятинъ, т.-е. не больше одной десятины на душу. Наконецъ встрѣчаемъ порядныя, въ которыхъ крестьяне поряжались платить денежный оброкъ, въ 4—12 разъ превышавшій выкупные платежи. Такую высоту оброка можно объяснить только какими-нибудь особенно доходными угодьями или другими выгодами участковъ, не указанными въ контрактахъ. При отрывочности дошедшихъ до насъ данныхъ трудно различить случаи нормальные и исключительные. Впрочемъ есть указанія,

склоняющія скорѣе къ мысли о господствѣ высокихъ нормъ оброка. Французъ капитанъ Маржеретъ, служившій царямъ Борису и Лжедимитрію I, въ своемъ сочиненіи о Россіи изображалъ положеніе дѣлъ въ Московскомъ государствѣ конца XVI и начала XVII вв. Онъ имѣлъ въ виду, кажется, дворцовыя и черныя земли, когда писалъ, что съ крестьянъ отдаленныхъ отъ столицы мѣстностей вмѣсто сборовъ натурой собираютъ деньги по весьма высокимъ окладамъ: если вѣрить ему, выть въ 7—8 десятинъ платила столько, что по разсчету на наши деньги приходилось платежей по 11—22 р. на десятину. Здѣсь разумѣлись и оброки, и казенныя подати, которыхъ къ концу XVI в. насчитываютъ до $1^1/_2$ руб. съ десятины и даже больше. Въ эпоху освобожденія крестьянъ выкупные платежи съ подушной податью, государственнымъ общественнымъ сборомъ и съ мірскими повинностями едва ли гдѣ достигали и минимальнаго размѣра платежей по Маржерету. Въ XVI в. нерѣдко крестьянинъ обязывался давать за землю вмѣсто оброка долю урожая, пятый, четвертый или третій снопъ. Изъ остатка онъ долженъ былъ выдѣлить сѣмена для посѣва, обновлять свой живой и мертвый инвентарь, платить казенныя подати и кормить себя съ семьей. Трудно уяснить себѣ, какъ онъ изворачивался со своими нуждами, особенно при господствѣ незначительныхъ надѣловъ. Тяжесть повинностей и недостатокъ средствъ отнимали у крестьянина охоту и возможность расширять свой скудный окладной участокъ; но онъ искалъ подспорья въ ускользавшихъ отъ тяглового обложенія угодьяхъ и промыслахъ, какіе доставляло обиліе водъ, лѣса и перелога. Этимъ можно объяснить признаки нѣкоторой зажиточности, тогда замѣтные даже въ малоземельныхъ хозяйствахъ. Не лишенъ интереса небольшой неизданный документъ, лежа-

щій, правда, за предѣлами изучаемаго періода, но бросающій ретроспективный свѣтъ на конецъ XVI вѣка: это—составленная въ 1630 г. опись „крестьянскихъ животовъ", скота, ульевъ, пчелъ, хлѣба въ клѣтяхъ и высѣянной ржи въ одномъ селѣ Троицкаго Сергіева монастыря въ Муромскомъ уѣздѣ. Въ селѣ 14 крестьянскихъ дворовъ, въ которыхъ жило 37 чел. муж. пола. Они засѣяли ржи до 21 десятины; слѣдовательно всей пашни у нихъ было около 62 дес. въ трехъ поляхъ, по 4,4 дес. на дворъ и по 1,7 дес. на душу—прямо нищенскій надѣлъ; 38 лѣтъ назадъ село пахало почти втрое больше. Однако даже въ малоземельномъ дворѣ, засѣвавшемъ $^1/_2$—$1^1/_2$ дес. озимаго поля, находимъ 3—4 улья пчелъ, 2—3 лошади съ жеребятами, 1—3 коровы съ подтелками, 3—6 овецъ, 3—4 свиньи, въ клѣтяхъ 6—10 четвертей всякаго хлѣба. Только два двора вели крупную запашку въ 12 и 15 десятинъ въ трехъ поляхъ; у нихъ было 2 и 5 ульевъ, 4 и 10 лошадей, по 3 коровы съ подтелками, 5 и 9 овецъ, 5 и 6 свиней и въ клѣтяхъ 30 и 4 четверти всякаго хлѣба.

Сводя изложенныя черты, можно такъ представить хозяйственное положеніе крестьянина XVI вѣка: это былъ въ большинствѣ малоземельный и малоусидчивый хлѣбопашецъ, весьма задолженный, въ хозяйствѣ котораго все, и дворъ, и инвентарь, и участокъ, было наемное или заемное, который обстраивался и работалъ съ помощью чужого капитала, платя за него личнымъ трудомъ, и который подъ гнетомъ повинностей склоненъ былъ сокращать, а не расширять свою дорого оплачиваемую запашку.

Въ слѣдующій часъ мы увидимъ, какое положеніе создалось къ началу XVII в. для крестьянства изъ всѣхъ условій его быта.

Лекція XXXVII.

Мнѣніе о прикрѣпленіи крестьянъ въ концѣ XVI в.—Законъ 1597 г. о бѣглыхъ крестьянахъ и предполагаемый указъ объ общемъ прикрѣпленіи крестьянъ.—Порядныя конца XVI и начала XVII в.—Хозяйственныя условія, подготовлявшія крѣпостную неволю крестьянъ.—Поземельное прикрѣпленіе черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ.—Ростъ ссуды и усиленіе личной зависимости крестьянъ владѣльческихъ.—Крестьянскіе свозы и побѣги и законодательныя мѣры противъ нихъ.—Положеніе владѣльческаго крестьянства въ началѣ XVII в.—Выводы.

Мнѣніе о прикрѣпленіи крестьянъ.

Обращаемся къ изученію одного изъ самыхъ важныхъ и самыхъ трудныхъ вопросовъ въ нашей исторіографіи,—къ вопросу о томъ, когда и какъ возникла крѣпостная неволя крестьянъ.

Излагая послѣдствія помѣстной системы, я сказалъ, что она подготовила коренную перемѣну въ судьбѣ крестьянства. Эту перемѣну обыкновенно изображаютъ такими чертами. До конца XVI в. крестьяне были вольными хлѣбопашцами, пользовавшимися правомъ свободнаго перехода съ одного участка на другой, отъ одного землевладѣльца къ другому. Но отъ этихъ переходовъ происходили большія неудобства какъ для общественнаго порядка, такъ и для государственнаго хозяйства и особенно для хозяйства мелкихъ служилыхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ богатые вотчинники и помѣщики сманивали крестьянъ, оставляя ихъ безъ рабочихъ рукъ, слѣдовательно безъ средствъ исправно отбывать государственную службу. Вслѣдствіе

этихъ затрудненій правительство царя Θедора издало указъ, отмѣнившій право крестьянскаго выхода, лишившій крестьянъ возможности покидать разъ занятыя ими земли. Всѣ печальныя послѣдствія крѣпостного права, обнаружившіяся позднѣе, вышли изъ этого прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ. Такъ какъ первый указъ, отмѣнявшій крестьянское право выхода, былъ изданъ, когда государствомъ правилъ именемъ царя Θедора шуринъ его Борисъ Годуновъ, то на этого правителя падаетъ вся отвѣтственность за эти послѣдствія: онъ — первый виновникъ крѣпостного права, крѣпостникъ-учредитель. Въ такомъ взглядѣ на происхожденіе крѣпостного права можно различить два главныя положенія: 1) въ концѣ XVI стол. правительство одною общей законодательной мѣрой измѣнило юридическое положеніе крестьянъ, отнявъ у нихъ право выхода, прикрѣпивъ ихъ къ землѣ, и 2) вслѣдствіе этого прикрѣпленія крестьяне попали въ неволю къ землевладѣльцамъ.

Законъ 1597 г.

Въ изложенномъ изображеніи дѣла не все ясно и точно. Выходитъ прежде всего, какъ будто одновременно однимъ и тѣмъ же актомъ установлено было и поземельное прикрѣпленіе крестьянъ, и крѣпостное право. Но это—два состоянія различнаго характера и происхожденія, во многихъ отношеніяхъ даже исключающія одно другое. Въ исторіи несвободныхъ состояній подъ поземельнымъ прикрѣпленіемъ крестьянъ разумѣютъ государственную мѣру, привязывающую крестьянъ къ землѣ независимо отъ ихъ личнаго отношенія къ землевладѣльцу, или, точнѣе, подчиняющую это отношеніе поземельному прикрѣпленію; подъ крѣпостнымъ правомъ разумѣютъ право человѣка на личность другого, основанное первоначально, при самомъ его зарожденіи, на частномъ юридическомъ актѣ, на *крѣпости*, независимо отъ отношенія крѣпостного къ землѣ,—право,

отдававшее крѣпостного человѣка, по выраженію нашего Свода Законовъ, „въ частную власть и обладаніе“ господина. Значитъ, изложенное нами мнѣніе соединяетъ въ одинъ моментъ акты столь несходные, какъ поземельное прикрѣпленіе и личная крѣпость. Это во-первыхъ. Далѣе, не только не сохранилось общаго указа, отмѣнявшаго крестьянскій выходъ, но въ уцѣлѣвшихъ актахъ нѣтъ и намека на то, чтобы такой указъ былъ когда-либо изданъ. Первымъ актомъ, въ которомъ видятъ указанія на прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, какъ на общую мѣру, считаютъ указъ 24 ноября 1597 г. Но этотъ указъ содержаніемъ своимъ не оправдываетъ сказанія объ общемъ прикрѣпленіи крестьянъ въ концѣ XVI в. Изъ этого акта узнаемъ только, что если крестьянинъ убѣжалъ отъ землевладѣльца не раньше 5 лѣтъ до 1 сентября (тогдашняго новаго года) 1597 года и землевладѣлецъ вчинитъ искъ о немъ, то по суду и по сыску такого крестьянина должно возвратить назадъ, къ прежнему землевладѣльцу, „гдѣ кто жилъ“, съ семьей и имуществомъ; „съ женой и съ дѣтьми и со всѣми животы“. Если же крестьянинъ убѣжалъ раньше пяти лѣтъ, а землевладѣлецъ тогда же, до 1 сентября 1592 г., не вчинилъ о немъ иска, такого крестьянина не возвращать и исковъ и челобитій объ его сыскѣ не принимать. Больше ничего не говорится въ царскомъ указѣ и боярскомъ приговорѣ 24 ноября. Указъ, очевидно, говоритъ только о бѣглыхъ крестьянахъ, которые покидали своихъ землевладѣльцевъ „не въ срокъ и безъ отказу“, т. е. не въ Юрьевъ день и безъ законной явки со стороны крестьянина объ уходѣ, соединенной съ обоюднымъ разсчетомъ крестьянина и землевладѣльца. Этимъ указомъ устанавливалась для иска и возврата бѣглыхъ временная давность, такъ сказать, обратная, простирав-

шаяся только назадъ, но не ставившая постояннаго срока на будущее время. Такая мѣра, какъ выяснилъ смыслъ указа Сперанскій, принята была съ цѣлью прекратить затрудненія и безпорядки, возникавшіе въ судопроизводствѣ вслѣдствіе множества и запоздалости исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ. Указъ не вносилъ ничего новаго въ право, а только регулировалъ судопроизводство о бѣглыхъ крестьянахъ. И раньше, даже въ XV в. удѣльныя княжескія правительства принимали мѣры противъ крестьянъ, которые покидали землевладѣльцевъ безъ расплаты съ ними. Однако изъ указа 24 ноября вывели заключеніе, что за пять лѣтъ до его изданія, въ 1592 году, должно было послѣдовать общее законоположеніе, лишавшее крестьянъ права выхода и прикрѣплявшее ихъ къ землѣ. Уже Погодинъ, а вслѣдъ за нимъ и Бѣляевъ основательно возражали, что указъ 24 ноября не даетъ права предполагать такое общее распоряженіе за пять лѣтъ до 1597 года; только Погодинъ не совсѣмъ точно видѣлъ въ этомъ указѣ 24 ноября установленіе пятилѣтней давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ и на будущее время. Впрочемъ и Бѣляевъ думалъ, что если не въ 1592 г., то не раньше 1590 года должно было состояться общее распоряженіе, отмѣнявшее крестьянскій выходъ, потому что отъ 1590 г. сохранился актъ, въ которомъ за крестьянами еще признавалось право выхода, и можно надѣяться, что со временемъ такой указъ будетъ найденъ въ архивахъ. Можно съ увѣренностью сказать, что никогда не найдется ни того, ни другого указа, ни 1590, ни 1592 года, потому что ни тотъ, ни другой указъ не былъ изданъ. Нѣкоторые высказывали даже мысль, что указъ 24 ноября 1597 г. и есть тотъ самый законъ, которымъ крестьяне впервые были прикрѣплены къ землѣ, но не прямо, а косвенно: безъ предварительнаго запреще-

нія правительство признало незаконными всѣ крестьянскіе переходы, совершившіеся въ послѣднія пять лѣтъ до изданія этого указа, и дозволило покинувшихъ свои участки крестьянъ возвращать на нихъ, какъ бѣглецовъ. Погодинъ, не признавая прикрѣпленія крестьянъ при царѣ Ѳедорѣ по особому общему закону, думалъ, что крѣпостное право установилось нѣсколько позднѣе, постепенно, какъ-то само собой, не юридически, помимо права, ходомъ самой жизни. Разберемся въ явленіяхъ, какія встрѣчаемъ въ поземельныхъ актахъ XVI и начала XVII в., чтобы видѣть, что̀ собственно случилось съ крестьянами въ то время.

Порядныя XVI-XVII в.

До насъ дошло значительное количество порядныхъ записей, въ которыхъ крестьяне уговариваются съ землевладѣльцами, садясь на ихъ земли. Эти порядныя идутъ съ половины XVI в. до половины XVII в. и даже далѣе. Если вы, читая эти записи, забудете сказаніе о прикрѣпленіи крестьянъ при царѣ Ѳедорѣ, то записи и не напомнятъ вамъ объ этомъ. Крестьяне въ началѣ XVII в. договариваются съ землевладѣльцами совершенно такъ же, какъ они договаривались во второй половинѣ XVI в. Крестьянинъ обязывался въ случаѣ ухода заплатить землевладѣльцу пожилое за пользованіе дворомъ, возвратить ссуду и вознаградить землевладѣльца за льготу, которой пользовался. Возможность для крестьянина уйти отъ землевладѣльца предполагается въ порядныхъ сама собою, какъ право крестьянина. Предположеніе, что въ концѣ XVI в. крестьяне были лишены этого права и прикрѣплены къ землѣ, дѣлаетъ непонятнымъ цѣлый рядъ порядныхъ, составленныхъ по узаконенной формѣ. Такъ одинъ монастырь, переводя въ 1599 г. своихъ крестьянъ изъ одного имѣнія въ другое, заключаетъ съ ними новый договоръ, рядится съ ними, какъ съ вольными съемщиками. Другой актъ того

же года разсказываетъ, что монастырь долго искалъ одного своего крестьянина, убѣжавшаго безъ расплаты, наконецъ, отыскавши его въ вотчинѣ одного служилаго человѣка, потребовалъ назадъ. Вдова землевладѣльца выдала бѣглеца. Во время Русской Правды крестьянинъ за такой побѣгъ былъ бы обращенъ въ полнаго холопа. Теперь, послѣ предполагаемаго прикрѣпленія, монастырь не только не наказываетъ бѣглеца, но заключаетъ съ нимъ новый договоръ и даже даетъ ему на обзаведеніе новую ссуду и льготу. Такія же явленія замѣчаемъ и въ царствованіе Михаила. По договору, заключенному въ 1630 г., одинъ крестьянинъ сѣлъ на землю Тихвинскаго монастыря со льготой и подмогой, освобожденъ былъ на годъ отъ казенныхъ податей и вотчиннаго оброка, взялъ у монастыря на обзаведеніе 10 рублей (болѣе ста рублей на наши деньги) и 10 четвертей разнаго хлѣба. Въ порядной встрѣчаемъ условіе: „если, говоритъ крестьянинъ, я не буду жить за монастыремъ на своемъ участкѣ по своему приговору или если стану гдѣ на сторонѣ рядиться въ крестьяне, монастырю взять на мнѣ за денежную и за хлѣбную подмогу и за льготу 30 рублей по сей порядной записи",—и только. Порядная и не предполагаетъ мысли о незаконности ухода крестьянина съ участка, снятаго имъ у монастыря; крестьянинъ обязуется только заплатить неустойку, чтобы вознаградить землевладѣльца за сдѣланные имъ расходы. Итакъ по порядным грамотамъ незамѣтно общаго прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ и въ первой половинѣ XVII в., по крайней мѣрѣ въ царствованіе Михаила. Съ другой стороны, нѣкоторые крестьяне являются прикрѣпленными къ землѣ, лишенными права выхода уже задолго до предполагаемаго указа объ общемъ поземельномъ прикрѣпленіи крестьянъ. Въ 1552 г. дана была чернымъ крестьянамъ Важскаго

уѣзда царская грамота, которая предоставляла сельскимъ обществамъ того уѣзда право возвращать своихъ „старыхъ", т.-е. давнихъ тяглецовъ, вышедшихъ на монастырскія земли безсрочно и безпошлинно, и сажать ихъ на покинутые участки, хотя тутъ же дается имъ право призывать на свои пустоши крестьянъ со стороны. Это распоряженіе касалось черныхъ, государственныхъ крестьянъ. Но и всѣ тяглые крестьяне являются тогда же какъ бы прикрѣпленными къ землѣ или къ тяглу. Въ 1560-хъ годахъ богатымъ солеварамъ Строгановымъ отданы были обширныя пустыя земли по Камѣ и Чусовой съ правомъ населять ихъ новоприходцами, призывая послѣднихъ со всѣхъ сторонъ. Строгановы не могли только принимать къ себѣ крестьянъ „тяглыхъ и письменныхъ", т.-е. посаженныхъ на тягло и записанныхъ въ податныя поземельныя книги: такихъ поселенцевъ Строгановы обязаны были выдавать назадъ по требованію мѣстныхъ начальствъ съ семьями и со всѣмъ имуществомъ. Итакъ предположеніе объ указѣ, отмѣнившемъ крестьянскій выходъ и прикрѣпившемъ крестьянъ къ землѣ въ концѣ XVI в., не оправдывается ни съ той, ни съ другой стороны, ни предшествующими, ни послѣдующими явленіями.

Условія, подготовлявшія неволю крестьянъ.

Чтобы понять, въ чемъ дѣло, надобно прежде всего остановиться на вопросѣ: было ли что́ отмѣнять законодателю XVI в.? Внимательно изучая поземельные договоры того времени, встрѣчаемъ указанія на крестьянскій „отказъ", на свободный и законно совершенный переходъ крестьянина отъ одного землевладѣльца къ другому; но легко замѣтить и то, что такіе случаи были чрезвычайно рѣдки. Порядныя записи, въ которыхъ такой переходъ указывается прямо или подразумѣвается,—исключительныя явленія: такіе договоры совершались тѣми немногими крестьянами, которые могли расплатиться съ землевладѣльцами или которые впервые

садились на крестьянское тягло изъ вольныхъ людей. Большая часть порядныхъ записей, намъ извѣстныхъ, написана была такими вольными людьми, переходившими въ разрядъ тяглыхъ. Огромная масса тяглыхъ крестьянъ уже не пользовалась правомъ перехода не потому, что это право было отмѣнено общимъ закономъ, а потому что сами крестьяне лишились или частными мѣрами были лишены *возможности* имъ пользоваться. Это лишеніе было дѣломъ продолжительнаго и сложнаго процесса, въ которомъ и завязались основныя, первичныя условія крѣпостного права. Изложу этотъ процессъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Приблизительно съ конца XIV до начала XVII вѣка среди крестьянства центральной окско-волжской Руси идетъ непрерывающееся переселенческое движеніе, сначала одностороннее—на сѣверъ за верхнюю Волгу, потомъ, съ половины XVI в., съ завоеваніемъ Казани и Астрахани, двустороннее—еще на юговостокъ по Дону, по средней и нижней Волгѣ. Среди этого движенія въ составѣ крестьянства обозначились два слоя, сидячій, осѣдлый—это *старожильцы*, и перехожій, бродячій—*приходцы*. Тѣ и другіе имѣли различную судьбу на земляхъ черныхъ и дворцовыхъ, очень мало различавшихся между собою, и на земляхъ владѣльческихъ, служилыхъ и церковныхъ. Старожильство означало давность мѣстожительства или принадлежности къ обществу, городскому или сельскому. Но первоначально оно не опредѣлялось точнымъ числомъ лѣтъ: старожильцами считались и крестьяне, сидѣвшіе на своихъ участкахъ 5 лѣтъ, и крестьяне, говорившіе про занимаемыя ими земли, что ихъ отцы садились на тѣхъ земляхъ. Само по себѣ старожильство не имѣло юридическаго значенія въ смыслѣ ограниченія личной свободы старожильцевъ; но оно получало такое значеніе въ связи съ какимъ-либо другимъ обяза-

тельствомъ. Въ обществахъ черныхъ и дворцовыхъ крестьянъ такова была круговая порука въ уплатѣ податей. Старожильцы образовали въ такихъ обществахъ основной составъ, на которомъ держалась ихъ податная исправность: разбродъ старожильцевъ велъ къ обремененію остававшихся и къ недоимкамъ. Насущною нуждою этихъ обществъ было затруднить своимъ старожильцамъ переходъ на болѣе льготныя земли, особенно церковныя. Выходъ затруднялся и уплатой довольно значительнаго пожилого, которое разсчитывалось по числу лѣтъ, прожитыхъ уходившимъ старожильцемъ на участкѣ; разсчетъ становился даже невозможнымъ, если во дворѣ десятки лѣтъ преемственно жили отецъ и сынъ. На встрѣчу тягловымъ нуждамъ черныхъ и дворцовыхъ обществъ шло и правительство, уже въ XVI в. начинавшее укрѣплять людей къ состояніямъ, къ тяглу или къ службѣ, чтобы обезпечить себѣ прочный контингентъ тяглыхъ и служилыхъ людей. Двустороннія условія привели къ тому, что частныя и временныя мѣры, обобщаясь, завершились къ началу XVII в. общимъ прикрѣпленіемъ старожильцевъ не только къ состоянію, но и къ мѣсту жительства. Изъ одного акта 1568 г. видимъ, что общимъ правиломъ было возвращать въ дворцовыя села ушедшихъ крестьянъ, если то были старожильцы тѣхъ селъ. Вмѣстѣ съ такимъ значеніемъ старожильства въ концѣ XVI в. повидимому установленъ былъ для него и точный срокъ давности. Уставная грамота, данная городу Торопцу въ 1591 г., говоритъ о „заповѣдныхъ лѣтахъ“, въ продолженіе которыхъ торопчане могли возвращать въ посадъ вышедшихъ изъ него старинныхъ своихъ тяглецовъ на старинныя ихъ мѣста. Если подъ этими заповѣдными лѣтами разумѣется срокъ давности, дававшій тяглому человѣку званіе старожильца, то можно думать, что именно этотъ срокъ вскры-

вается въ одномъ актѣ, составленномъ нѣсколько позднѣе. Въ 1626 г. дана была Спасскому монастырю въ Ярославлѣ правая грамота по дѣлу о запискѣ въ посадское тягло людей и крестьянъ, жившихъ на монастырской землѣ въ Ярославлѣ. Въ 1624 г. при описи г. Ярославля указано было разыскать, какіе люди жили на монастырской землѣ въ посадѣ, и если окажется, что они были люди вольные или старинные монастырскіе, а не государевы тяглые, или хотя и бывали въ тяглѣ за государемъ, „а вышли изъ-за государя больше *десяти* лѣтъ или въ свое мѣсто оставили на своихъ мѣстахъ жильцовъ тяглыхъ людей“, тѣхъ людей писать за монастыремъ попрежнему и къ посаду не приписывать, равно и про ярославцевъ, ушедшихъ съ посада, разыскать, куда и когда они ушли, и если ушли „не больше десяти лѣтъ“, воротить ихъ въ Ярославль и посажать на покинутыя ими мѣста. Замѣстительство, приравненное здѣсь къ старожильству, прямо указываетъ на круговую поруку, какъ на источникъ прикрѣпленія старожильцевъ. Наконецъ и всѣ тяглые и письменные люди черныхъ волостей, записанные въ тягло по книгамъ, признаны были, какъ старожильцы, прикрѣпленными къ своимъ землямъ или обществамъ. Въ наказѣ 1610 г. Левшину, управителю посада Чухломы и черныхъ волостей Чухломского уѣзда, это прикрѣпленіе выражено рѣшительно и указанъ его источникъ— стремленіе поддержать податную исправность плательщиковъ и остановить сокращеніе податной пашни. Левшину предписывалось крестьянъ изъ государевыхъ волостей никуда не выпускать и за государя крестьянъ ни изъ-за кого не вывозить до указу; такъ какъ „прожиточные крестьяне горланы съ себя убавливали пашни, съ выти стали жить на полвыти или на трети, не хотя государевыхъ податей платити, а тѣ свои доли наметывали на молодшихъ людей,

а вмѣсто той своей пашни пашутъ на пустошахъ и сѣно косятъ на пустыхъ доляхъ", то Левшину это разслѣдовать и распорядиться, чтобы крестьяне убавочныя пашни пахали, тяглой пашни съ себя не сбавливали, платили бы со своихъ вытей по животамъ и по промысламъ. Такимъ образомъ государственные и дворцовые крестьяне были прикрѣплены къ землѣ и образовали замкнутый классъ: ни ихъ не выпускали на владѣльческія земли, ни въ ихъ среду не пускали владѣльческихъ крестьянъ, и это обособленіе является въ подмогу круговой порукѣ для обезпеченія податной исправности сельскихъ обществъ. Такое прикрѣпленіе, разумѣется, не имѣло ничего общаго съ крѣпостнымъ правомъ. Это—чисто полицейская мѣра.

Ссуды. Какъ на казенныхъ земляхъ круговая порука привела къ поземельному прикрѣпленію крестьянъ, такъ на земляхъ владѣльческихъ ссуда подготовила крѣпостное право. Около половины XV в. застаемъ владѣльческихъ крестьянъ съ признаками довольно льготнаго положенія несмотря на широкое распространеніе ссуды или издѣльнаго серебра. Переходъ крестьянъ не былъ стѣсненъ ни срокомъ, ни обязанностью немедленной уплаты занятаго серебра: крестьянинъ-серебряникъ могъ уплачивать свой долгъ землевладѣльцу въ два года по уходѣ безъ процентовъ. Старожильцы даже пользовались особыми льготами за то, что усидчиво сидѣли на своихъ мѣстахъ или добровольно на нихъ возвращались. Но съ конца XV в. положеніе этихъ крестьянъ изображается совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Преп. Іосифъ Волоколамскій убѣждаетъ окрестныхъ землевладѣльцевъ во вредѣ непосильныхъ работъ и оброковъ, какими они привыкли обременять своихъ крестьянъ. Вассіанъ Косой въ полемикѣ съ землевладѣльческимъ монашествомъ жестоко нападаетъ на него за то, что оно разоряетъ своихъ крестьянъ жаднымъ

ростовщичествомъ и безчеловѣчно выбиваетъ разоренныхъ изъ своихъ селъ. Герберштейнъ, дважды пріѣзжавшій въ Москву при отцѣ Грознаго и хорошо ознакомившійся съ порядками въ его государствѣ, пишетъ, что крестьяне здѣсь работаютъ на своихъ господъ шесть дней въ недѣлю, что положеніе ихъ самое жалкое, и имущество ихъ не ограждено отъ произвола родовитыхъ и даже рядовыхъ служилыхъ людей. Въ первой половинѣ XVI в. крестьяне еще свободно переходили съ мѣста на мѣсто. Въ житіи Герасима Болдинскаго читаемъ, что когда къ основанному имъ подъ Вязьмой монастырю начали стекаться изъ окрестныхъ волостей крестьяне, слыша о хозяйственномъ благоустройствѣ обители, и основали около нея слободу, проѣзжавшій черезъ Вязьму сановникъ изъ Москвы, узнавъ про то, разсердился, зачѣмъ эти монастырскіе слобожане не тянутъ тягла вмѣстѣ съ мірскими крестьянами, велѣлъ призвать ихъ къ себѣ и бить нещадно, а когда Герасимъ вступился за своихъ, бояринъ обругалъ преподобнаго, пославъ ему „нелѣпые глаголы", а задержанныхъ поселенцевъ приказалъ бить пуще прежняго. Различныя условія содѣйствовали ухудшенію положенія владѣльческихъ крестьянъ: и усиленіе податныхъ тягостей съ расширеніемъ государства, и развитіе служилаго помѣстнаго землевладѣнія съ отягченіемъ службы помѣщиковъ отъ учащавшихся войнъ, и распространеніе ссуднаго крестьянскаго хозяйства, особенно на помѣстныхъ и церковныхъ земляхъ, и нерадѣніе законодательства о регулированіи поземельныхъ отношеній крестьянъ, которымъ только предписывалось во всемъ своего владѣльца слушать, пашню на него пахать и оброкъ ему платить, чѣмъ онъ ихъ изоброчитъ. Но до половины XVI в. въ поземельныхъ описяхъ и актахъ центральныхъ уѣздовъ государства крестьянство является населеніемъ, довольно

плотно сидѣвшемъ по многодворнымъ селамъ и деревнямъ на хорошихъ надѣлахъ, съ ограниченнымъ количествомъ перелога и пустошей. Иностранцы, проѣзжавшіе въ половинѣ XVI в. изъ Ярославля въ Москву, говорятъ, что край этотъ усѣянъ деревушками, замѣчательно переполненными народомъ. Во второй половинѣ вѣка, особенно въ его послѣднія десятилѣтія, картина рѣзко измѣняется. Сельское населеніе центра сильно рѣдѣетъ: старыя деревни превращаются въ пустоши; починки попадаются рѣдко или совсѣмъ отсутствуютъ; по городамъ, селамъ и деревнямъ отмѣчается въ актахъ небывалое дотолѣ множество пустыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ, гдѣ и постройки уже исчезли; въ Муромѣ на посадѣ въ 8 лѣтъ (1566—1574 г.) изъ 587 тяглыхъ дворовъ осталось только 111; англичанинъ Флетчеръ по пути между Вологдой и Москвой встрѣчалъ села, тянувшіяся на версту, съ избами по сторонамъ дороги, но безъ единаго обывателя; площадь пашни переложной и лѣсомъ зароставшей расширяется; оставшіеся на старыхъ мѣстахъ крестьяне сидятъ на сокращенныхъ пахотныхъ участкахъ; одновременно съ сокращеніемъ крестьянской запашки увеличивается барская пашня, обрабатываемая холопами за недостаткомъ крестьянскихъ рукъ. Насчетъ центра заселялись юговосточныя окраины, верхняя Ока, верхнее Подонье, среднее и нижнее Поволжье. При такой перемѣнѣ въ распредѣленіи населенія положеніе центральнаго владѣльческаго крестьянства затруднялось и въ хозяйственномъ, и въ юридическомъ отношеніи. Государственныя и владѣльческія повинности становились тяжелѣе по мѣрѣ убыли рабочихъ силъ. Ссудное хозяйство расширялось, а съ нимъ усиливалась и долговая зависимость крестьянъ. И старые землевладѣльцы центральныхъ областей, надо полагать, поддерживали дѣло новыхъ степныхъ помѣщиковъ,

разрѣженіе старпннаго крестьянскаго двора, образуя усиленной ссудой новыхъ домохозяевъ изъ неотдѣленныхъ членовъ старыхъ семей, изъ сыновей, младшихъ братьевъ и племянниковъ. На владѣльческихъ земляхъ такъ же, какъ и на черныхъ и дворцовыхъ, существовалъ слой старожильцевъ, но съ инымъ характеромъ. Тамъ старожильцы—основные кадры, которые поддерживали тягловую способность сельскихъ обществъ, несли на своихъ плечахъ всю тяжесть круговой поруки: здѣсь это—наиболѣе задолжавшіе, неоплатные должники. Я уже говорилъ, какъ разлагались стянутыя круговой порукой старыя волостныя общества съ появленіемъ среди нихъ привилегированныхъ частныхъ имѣній, вотчинъ и помѣстій, образовавшихъ въ ихъ составѣ особыя общества, новыя юридическія лица. Въ 1592 г. всѣ крестьяне помѣстья Астафья Орловскаго въ Вологодскомъ уѣздѣ заняли у другого дворянина „въ мірской расходъ на все помѣстье“ 4 руб. (болѣе 200 р. на наши деньги) и совершили заемъ безъ всякаго участія своего помѣщика. Но въ круговой крестьянской порукѣ по уплатѣ податей землевладѣлецъ долженъ былъ принять участіе: облагая своихъ крестьянъ работой и оброкомъ по усмотрѣнію, нерѣдко обладая правомъ суда и полицейскаго надзора надъ ними, даже правомъ льготить ихъ отъ государскаго тягла, онъ неизбѣжно становился отвѣтственнымъ посредникомъ въ ихъ дѣлахъ о казенныхъ платежахъ и повинностяхъ, даже когда волость сохраняла свою тягловую цѣльность и всѣ волостные крестьяне безъ различія землевладѣльцевъ „тягло государское всякое тянули съ волостью вмѣстѣ, по волостной ровности“, т.-е. по уравнительной разверсткѣ. Въ этомъ обособленіи вотчинъ и помѣстій—начало и причина отвѣтственности землевладѣльцевъ за казенные платежи своихъ крестьянъ, которая потомъ стала одною изъ

составныхъ нормъ крѣпостного права. Уже въ XVI в. землевладѣльцу приходилось иногда самому платить подати за своихъ крестьянъ. Въ 1560 г. власти Михалицкаго монастыря жаловались царю, что ихъ крестьяне терпятъ многія обиды отъ сосѣднихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и онѣ, власти, принуждены постоянно давать своимъ разоряемымъ крестьянамъ льготы въ монастырскихъ повинностяхъ, „да и тягли многія (казенные налоги) во много лѣтъ, измогаясь и займуя, за тѣхъ своихъ крестьянъ платили сами собою". Собственный интересъ побуждалъ благоразумнаго землевладѣльца становиться хозяйственнымъ попечителемъ своихъ крестьянъ раньше, чѣмъ законъ далъ ему право быть ихъ обладателемъ. Этимъ и объясняется положеніе старожильцевъ на владѣльческихъ земляхъ. Землевладѣлецъ не сталъ бы слишкомъ щедро льготить крестьянина и даже платить за него подати, еслибъ видѣлъ въ немъ кратковременнаго сидѣльца, котораго ближайшій Юрьевъ день осенній можетъ унести съ его участка. Его заботой было усадить крестьянина возможно прочнѣе, сдѣлать старожильцемъ. Естественныя побужденія клонили къ тому и самого крестьянина. Обстроившись и обжившись на своемъ мѣстѣ, домовитый хлѣбопашецъ не могъ имѣть охоты безъ нужды бросать свой участокъ, въ который вложилъ много своего труда, въ усадьбѣ котораго нерѣдко родился. Нѣкоторые признаки указываютъ на присутствіе значительнаго класса старожильцевъ и на владѣльческихъ земляхъ до половины XVI в. Потомъ, съ завоеваніемъ Поволжья, крестьянство было взбудоражено переселенческимъ движеніемъ съ центральнаго суглинка на южный черноземъ. Уходъ младшихъ членовъ семьи, людей неписьменныхъ, на новыя мѣста обезсиливалъ старый крестьянскій дворъ и вынуждалъ его сокращать запашку. На владѣль-

ческихъ земляхъ множество крестьянскихъ дворовъ, значившихся жилыми по описямъ первой половины вѣка, въ концѣ его являются пустыми: хлѣбопашца, которому наскучила работа надъ неподатливымъ лѣснымъ, хотя и отческимъ суглинкомъ, манила степная черноземная новь съ новыми ссудами и льготами. Навстрѣчу опасности остаться безъ „живущаго", съ одними „пустошами, что были деревни", центральные землевладѣльцы шли съ усиленными ссудами, льготами и неустойками; и ссуда, и неустойка за уходъ и за неисполненіе обязательствъ къ концу XVI в. постепенно увеличиваются: первая съ полтины поднимается до 5 р. (225 р.), вторая съ 1 р. до 5 и 10 р. На отдѣльныхъ примѣрахъ можно видѣть, какъ трудно было разсчитаться крестьянину, засидѣвшемуся у землевладѣльца до старожильства, т.-е. просидѣвшему больше 10 лѣтъ. Возьмемъ наиболѣе легкія условія разсчета. Крестьянинъ порядился на участокъ и взялъ 3 р. ссуды безъ льготы, что бывало не часто. Проживъ 11 лѣтъ и ставъ старожильцемъ, онъ при уходѣ долженъ былъ возвратить ссуду и уплатить за свой дворъ пожилое, въ лѣсныхъ мѣстахъ по 14 коп. за годъ (въ полевыхъ мѣстахъ, гдѣ было далеко до „хоромнаго", строевого лѣса,—вдвое), и пошлинъ 6 коп. Всѣ эти платежи во второй половинѣ XVI в. составили бы на наши деньги сумму больше 200 р. Меньше этого пришлось бы платить рѣдкому старожильцу. Приведу примѣръ краткосрочнаго сидѣнья. Въ 1585 г. два казенныхъ или дворцовыхъ крестьянина сѣли на пустую монастырскую деревню съ обязательствомъ въ три льготные года поставить дворъ и хоромы, обстроиться, распахать и унавозить запустѣвшую пашню, и за это получили 5 р. ссуды. Если бы они отсидѣли льготные годы, не исполнивъ обязательствъ, и захотѣли бы уйти, они должны

были бы заплатить пожилое за три года, ссуду и 10 р. неустойки, какъ уговорились съ монастыремъ: все это на наши деньги составило бы сумму около 700 руб. Едва ли бы они оказались въ состояніи уплатить такой долгъ. Какъ свободные люди, они могли уйти и безъ расплаты; но тогда монастырь вчинилъ бы противъ нихъ искъ о взысканіи, судъ присудилъ бы ихъ къ уплатѣ и по ихъ несостоятельности выдалъ бы ихъ монастырю „до искупа", т.е. превратилъ бы ихъ на много лѣтъ въ срочныхъ холоповъ кредитора, зарабатывающихъ свой долгъ. Такъ ссуда создавала отношенія, въ которыхъ владѣльческому крестьянину приходилось выбирать между безсрочно-обязаннымъ крестьянствомъ и срочнымъ холопствомъ. Это было не полицейское прикрѣпленіе къ землѣ, какое установила круговая порука для государевыхъ черныхъ крестьянъ, а хозяйственная долговая зависимость отъ лица, отъ землевладѣльца-кредитора по общему гражданскому праву. Эту разницу надобно особенно принять во вниманіе, чтобы избѣжать недоразумѣній.

Сврзы и побѣги.

Итакъ крестьянское право выхода къ концу XVI в. замирало само собой, безъ всякой законодательной его отмѣны. Имъ продолжали пользоваться лишь немногіе крестьяне, поселеніе которыхъ не соединялось ни съ какими затратами для землевладѣльцевъ и которымъ потому легко было разсчитаться съ ними, заплативъ только пожилое. Для остальныхъ крестьянъ вольный переходъ выродился въ три формы: *побѣгъ*, *свозъ* и *сдачу*—замѣстительство уходившаго другимъ жильцомъ. Въ поземельныхъ описяхъ XVI в. первыя двѣ изъ этихъ формъ обозначаются выраженіями: „выбѣжалъ", „сшелъ" или „сбѣгъ безвѣстно", „скитается", „вывезенъ" тѣмъ-то или туда-то. Между этими формами была разница качественная и количественная.

Побѣгъ возвращалъ задолжавшему крестьянину свободу, но былъ незаконенъ; своз допускался закономъ, но не возвращалъ крестьянину свободы; сдача возвращала свободу и допускалась закономъ, но была затруднительна сама по себѣ и возможна лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. На дворцовыхъ земляхъ вел. кн. Симеона Бекбулатовича въ Тверскомъ уѣздѣ по книгѣ 1580 г. изъ 306 случаевъ крестьянскаго перехода не отмѣчено ни одного замѣстительства. Случаи нормальнаго перехода безъ сторонней помощи и нарушенія закона довольно рѣдки: ихъ—17%. Чаще случались побѣги не въ срокъ и безъ отказа, безъ установленной явки, безъ уплаты пожилого, вообще безъ расплаты съ землевладѣльцемъ: ихъ—21%. Господствующей формой перехода былъ своз: на земляхъ Бекбулатовича такихъ случаевъ отмѣчено 61% слишкомъ. Это понятно. Крестьянинъ рѣдко могъ расплатиться съ землевладѣльцемъ: обыкновенно его выручалъ другой землевладѣлецъ, который вносилъ за него пожилое и ссуду и вывозилъ его на свою землю. Такой крестьянинъ, мѣняя участокъ, не мѣнялъ своего юридическаго положенія, а лишь переходилъ отъ одного кредитора къ другому. Свозы крестьянъ чрезвычайно усилились въ продолженіе XVI в. Въ этой операціи принимали участіе землевладѣльцы всѣхъ разрядовъ, и монастыри, и бояре, и мелкіе вотчинники, и помѣщики; даже черныя и дворцовыя волости свозили крестьянъ у свѣтскихъ землевладѣльцевъ, притомъ „насильствомъ", противъ воли господъ, нуждаясь въ тяглецахъ на пустые участки. Благодаря этой погонѣ за крестьянами въ XVI в. возникла ожесточенная борьба землевладѣльцевъ за крестьянскія руки. Время около 26 ноября, Юрьева дня осенняго, было порой, когда въ селахъ и деревняхъ разыгрывались сцены насилія и безпорядковъ. Прикащикъ

богатаго свѣтскаго землевладѣльца, слуга или посельскій богатаго монастыря ѣхалъ въ села черныхъ крестьянъ или мелкихъ помѣщиковъ и „отказывалъ“ крестьянъ, подговоривъ ихъ къ переселенію, платилъ за нихъ ссуду и пожилое и свозилъ на землю своего господина. Крестьянскія общества и мелкіе землевладѣльцы, лишаясь тяглецовъ и рабочихъ рукъ, старались силой удержать ихъ, ковали свозимыхъ крестьянъ въ желѣза, насчитывали на нихъ лишніе платежи и грабили ихъ пожитки, а не то собирали своихъ людей и встрѣчали самихъ откащиковъ съ какимъ могли оружіемъ въ рукахъ. Жалобы мелкихъ помѣщиковъ и государственныхъ крестьянъ ярко рисуютъ эти юрьевскія столкновенія.

Мѣры противъ нихъ.

Обѣ формы, въ какія выродилось крестьянское право перехода, а не самое это право, московское правительство съ конца XVI в. старалось стѣснить или даже уничтожить. И побѣги, и свозы, не улучшая положенія крестьянъ, сопровождались важными неудобствами для государства и государственнаго хозяйства, а особенно для сельскихъ обществъ съ круговой порукой и для обязанныхъ службой мелкихъ землевладѣльцевъ. Крестьянскій выходъ превратился въ одностороннюю привилегію или въ игру крупныхъ землевладѣльцевъ, не поддерживавшую свободу крестьянъ, но сильно вредившую интересамъ государства. Сельскія общества казенныхъ крестьянъ, теряя своихъ тяглецовъ, становились неисправными податными плательщиками; мелкіе служилые землевладѣльцы, лишаясь рабочихъ рукъ, переставали быть исправными ратниками. Наконецъ, крестьянскіе свозы и побѣги косвенно содѣйствовали переходу тяглыхъ крестьянъ въ классъ холоповъ. Судебникъ 1497 года, опредѣляя условія крестьянскаго выхода, назначаетъ только срокъ для

него съ уплатой пожилого за дворъ. Въ Судебникѣ 1550 г. встрѣчаемъ важное добавленіе: „а который крестьянинъ съ пашни продастся кому въ полную въ холопи, и онъ выйдетъ безсрочно и пожилого съ него нѣтъ". Крестьянинъ, запутанный свозами въ своихъ долговыхъ обязательствахъ, разрушившій свое хозяйство побѣгами, невольно могъ искать выхода изъ своихъ затрудненій въ этой добавкѣ Судебника. Но становясь полнымъ холопомъ, тяглый крестьянинъ переставалъ быть податнымъ плательщикомъ, пропадалъ для казны. Противъ этихъ невыгодныхъ послѣдствій крестьянскаго выхода и было направлено московское законодательство конца XVI и начала XVII в. Въ царствованіе Бориса Годунова 28 ноября 1601 г. изданъ былъ указъ, по которому дозволялось вывозить крестьянъ другъ у друга только мелкимъ землевладѣльцамъ, служилымъ людямъ второстепенныхъ и низшихъ чиновъ, и то не болѣе двухъ крестьянъ заразъ; землевладѣльцы Московскаго уѣзда, въ большинствѣ люди высшихъ чиновъ и крупные вотчинники, равно церковныя учрежденія, а также черныя и дворцовыя волости совсѣмъ лишены были права вывозить чьихъ-либо крестьянъ на свои земли. Этотъ указъ является мѣрой, направленной противъ землевладѣльцевъ въ пользу крестьянъ: онъ гласитъ, что царь позволилъ давать крестьянамъ выходъ по причинѣ налоговъ и взысканій, которыми землевладѣльцы ихъ обременяли. Указъ начинается объявленіемъ о дозволеніи выхода крестьянамъ, а далѣе ведетъ рѣчь вовсе не о выходѣ, а о вывозѣ крестьянъ землевладѣльцами; подъ выходомъ разумѣли уже только вывозъ, которымъ замѣнился выходъ. Указъ 24 ноября 1602 г. повторилъ прошлогоднее ограниченіе вывоза, но мотивировалъ его не какимъ-либо общимъ закономъ, прежде изданнымъ, а желаніемъ

прекратить бои и грабежи, которыми обыкновенно сопровождался своз крестьянъ однимъ землевладѣльцемъ у другого. Такъ какъ эти безпорядки происходили отъ нежеланія землевладѣльцевъ отпускать перезываемыхъ крестьянъ, то оба указа, и 1601 г., и 1602 г., надобно понимать въ томъ смыслѣ, что они опредѣляютъ, кому у кого дается право вывозить крестьянъ, т. е. вывозить безъ согласія ихъ владѣльцевъ, только по соглашенію съ вывозимыми крестьянами. Слѣдовательно вывозъ крестьянъ съ дозволенія ихъ владѣльцевъ былъ признанъ постояннымъ правиломъ, изъятіе изъ котораго допускалось этими указами, какъ временная мѣра, только на тѣ два года, когда они были изданы. Притомъ второй указъ дозволялъ вывозить крестьянъ „во крестьяне-жъ", т. е. даже въ дозволенныхъ границахъ вывозъ не могъ выводить крестьянъ изъ ихъ тяглаго состоянія: крестьянинъ и у новаго владѣльца долженъ былъ оставаться крестьяниномъ, не переходя въ нетяглые дворовые люди. При первомъ самозванцѣ указомъ 1 февраля 1606 г. прямо запрещенъ былъ переходъ крестьянъ въ холопство. Въ продолженіе 1601—1603 г. на Руси были неурожаи. Это заставило многихъ крестьянъ бѣжать отъ своихъ землевладѣльцевъ, отказавшихся поддерживать ихъ хозяйство въ голодные годы. Многіе бѣглецы, принятые другими землевладѣльцами, поступили къ нимъ въ холопство. Указъ 1 февраля предписывалъ всѣхъ крестьянъ, бѣжавшихъ до голодныхъ лѣтъ и отдавшихся въ холопство, возвращать къ старымъ владѣльцамъ попрежнему въ крестьянство. Этимъ отмѣнялась статья Судебника 1550 г., дозволявшая крестьянамъ продаваться съ пашни въ холопство. Крестьяне, бѣжавшіе отъ своихъ землевладѣльцевъ, отказавшихся кормить ихъ въ голодные годы, не возвращались на прежнія мѣста, оста-

ваясь въ томъ состоянiи, въ какое вступили послѣ побѣга. Всѣ эти указы не признаютъ крестьянъ прикрѣпленными ни къ землѣ, ни къ землевладѣльцамъ, не касаются и права выхода, а говорятъ только о крестьянахъ свозныхъ и бѣглыхъ. Не отмѣняя права выхода, законодательство направлялось только противъ невыгодныхъ для государственнаго порядка послѣдствiй этого права: 1) оно старалось прекратить переходъ крестьянъ въ нетяглое состоянiе, въ холопство; 2) оно пыталось уничтожить игру въ крестьянъ, какую вели крупные землевладѣльцы, сманивая ихъ съ земель казенныхъ крестьянскихъ обществъ или мелкихъ землевладѣльцевъ; наконецъ 3) по искамъ землевладѣльцевъ оно преслѣдовало незаконные побѣги крестьянъ, нарушавшiе право собственности землевладѣльцевъ. Такое отношенiе законодательства, не вмѣшивавшагося въ юридическое существо сдѣлокъ землевладѣльцевъ съ крестьянами, а только стремившагося предотвратить злоупотребленiя, поддерживало чисто гражданскiй характеръ этихъ сдѣлокъ. На то же указываетъ и пятилѣтняя исковая давность, установленная закономъ 1 февраля 1606 г. для дѣлъ о крестьянскихъ побѣгахъ: „а на бѣглыхъ крестьянъ... далѣ пяти лѣтъ суда не давати". Законодательныя мѣры противъ бѣглыхъ крестьянъ завершились указомъ 9 марта 1607 г., который впервые попытался вывести крестьянскiе побѣги изъ области гражданскихъ правонарушенiй, преслѣдуемыхъ по частному почину потерпѣвшаго, превративъ ихъ въ уголовное преступленiе, въ вопросъ государственнаго порядка: розыскъ и возвратъ бѣглыхъ крестьянъ независимо отъ исковъ землевладѣльцевъ онъ возложилъ на областную администрацiю подъ страхомъ тяжкой отвѣтственности за неисполненiе этой новой для нея обязанности, а за прiемъ бѣг-

лыхъ, прежде безнаказанный, назначилъ сверхъ вознагражденія потерпѣвшему землевладѣльцу большой штрафъ въ пользу казны по 10 р, (около 100 р. на наши деньги) за каждый дворъ или за одинокаго крестьянина, а подговорившій къ побѣгу сверхъ денежной пени подвергался еще торговой казни (кнутъ). Однако и этотъ указъ допустилъ давность для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ, только удлиненную до 15 лѣтъ. Зато онъ прямо призналъ личное, а не поземельное прикрѣпленіе владѣльческихъ крестьянъ: тѣмъ изъ нихъ, которые за 15 лѣтъ до указа записаны въ поземельныхъ описяхъ, въ писцовыхъ книгахъ 1592—1593 гг., указано „быть за тѣми, за кѣмъ писаны“. Однако указъ или не удался, или понятъ былъ только въ смыслѣ запрещенія крестьянскихъ побѣговъ и вывозовъ, а не какъ отмѣна законнаго выхода крестьянъ. Крестьянскія порядныя и послѣ того совершались на прежнихъ условіяхъ; самое допущеніе 15-лѣтней исковой давности для бѣглыхъ поддерживало за крестьянскими поземельными договорами характеръ чисто гражданскихъ отношеній. Указъ былъ изданъ, когда разгоралась смута, несомнѣнно помѣшавшая его дѣйствію. Онъ затягивалъ узелъ обязательныхъ отношеній крестьянъ къ господамъ, когда колебались всѣ основы государственнаго порядка, когда тяглые и несвободные классы сбрасывали съ плечъ свои старыя обязательства и еще менѣе стѣснялись новыми.

Владѣльческіе крестьяне въ началѣ XVII в.

Такимъ образомъ вопросъ о владѣльческихъ крестьянахъ до конца смуты оставался нерѣшеннымъ. Хозяйственная зависимость ихъ отъ землевладѣльцевъ все усиливалась, фактически лишая ихъ права выхода. Но законодательство не отмѣняло этого права прямо и рѣшительно, а только стѣсняло невыгодныя для государства формы, въ которыя оно вырождалось; не установляя крѣпостной неволи кре-

стьянъ, оно старалось пресѣкать нарушенія законныхъ отношеній между обѣими сторонами. Такое положеніе дѣла помогло къ началу XVII в. укорениться среди землевладѣльцевъ взгляду на крестьянъ, какъ на своихъ крѣпостныхъ. Выраженіе этого взгляда встрѣчаемъ уже въ царствованіе Бориса Годунова въ извѣстіи современнаго наблюдателя, иноземца Шиля, который писалъ, что еще при прежнихъ государяхъ московскихъ землевладѣльцы привыкли считать своихъ крестьянъ за крѣпостныхъ (Die Bauern... von ihren Herren für Leibeigene gehalten worden). Согласно съ этимъ взглядомъ во второй половинѣ XVI в. землевладѣльцы въ своихъ духовныхъ приказываютъ своимъ крестьянамъ наравнѣ съ дворовыми людьми работать на ихъ вдовъ до смерти послѣднихъ. Къ исходу Смуты выяснились въ вопросѣ двѣ идеи: 1) о необходимости прекратить выходъ, т.-е. вывозъ крестьянъ безъ согласія ихъ владѣльцевъ, какъ главный источникъ безпорядковъ и злоупотребленій въ сельской жизни, и 2) о томъ, что владѣльческій крестьянинъ, если и крѣпокъ, то не землѣ, а землевладѣльцу. Запрещенія крестьянскаго выхода требуютъ и договоръ Салтыкова съ Сигизмундомъ 4 февраля 1610 г., и договоръ московскихъ бояръ съ нимъ же 17 августа того же года, и земскій приговоръ ополченія Ляпунова (30 іюня 1611 г.), которое собралось подъ Москвой выручать ее изъ рукъ поляковъ. Мысль о личномъ прикрѣпленіи настойчиво выступаетъ въ рядѣ вкладныхъ монастырскихъ грамотъ начала XVII в., въ которыхъ вкладчики на случай выкупа вкладной вотчины родичами ставятъ имъ условіе: что монастырскія власти крестьянъ посадятъ, дворовъ устроятъ, пашни распашутъ, лѣсу расчистятъ и сѣнныхъ покосовъ раскосятъ, взять за то по ихъ сказкѣ, во что то вотчинное строеніе стало, „*а посаженныхъ крестьянъ вы-*

вести вонъ въ троицкія вотчины“. Но это была не норма, а только терпимая закономъ практика, которая всегда могла быть отмѣнена судомъ. Въ 1622 г. Ларіоновъ продалъ Маматову свою вотчину съ условіемъ, что въ случаѣ выкупа ея родичами Ларіоновъ оплачиваетъ ссуды, выданныя Маматовымъ посаженнымъ имъ крестьянамъ, „а крестьянъ (Маматову) вывести вонъ, а буде тѣхъ крестьянъ съ вотчиною *отсудятъ* вотчичу“, то на Ларіоновѣ взять за крестьянъ, за человѣка и за животы, смотря по крестьянскимъ животамъ. Эта оговорка показываетъ, что въ началѣ третьяго десятилѣтія XVII в. вопросъ о личной крестьянской крѣпости не былъ рѣшенъ даже въ принципѣ.

Выводы.

Итакъ законодательство до конца изучаемаго періода не устанавливало крѣпостного права. Крестьянъ казенныхъ и дворцовыхъ оно прикрѣпляло къ землѣ или къ сельскимъ обществамъ по полицейско-фискальнымъ соображеніямъ, обезпечивая податную ихъ исправность и тѣмъ облегчая дѣйствіе круговой поруки. Крестьянъ владѣльческихъ оно ни прикрѣпляло къ землѣ, ни лишало права выхода, т.-е. не прикрѣпляло прямо и безусловно къ самимъ владѣльцамъ. Но право выхода и безъ того уже очень рѣдко дѣйствовало въ своемъ первоначальномъ чистомъ видѣ: уже въ XVI в. подъ дѣйствіемъ ссуды оно начало принимать формы, болѣе или менѣе его искажавшія. Законодательство имѣло въ виду только эти формы вырожденія крестьянскаго права, слѣдило за ихъ развитіемъ и противъ каждой ставило поправку съ цѣлью предупредить вредъ, какимъ она грозила казнѣ или общественному порядку. Вслѣдствіе неоплатной задолженности крестьянъ при усиленіи переселенческаго движенія учащались крестьянскіе побѣги и запутывались иски о бѣглыхъ: усиливая мѣры противъ бѣглыхъ и ихъ пріема,

правительство законами объ исковой давности старалось ослабить и упорядочить иски и споры изъ-за бѣглыхъ. Право вывоза вызывало безпорядки и запутанныя тяжбы между землевладѣльцами: вывозъ былъ стѣсненъ чиновной классификацiей отказщиковъ и согласiемъ владѣльца, у котораго отказывали крестьянъ. Судебникъ 1550 г. дозволялъ крестьянину продаваться съ пашни въ холопство, лишая казну податного плательщика: указы 1602 и 1606 гг. установили *вѣчность крестьянскую*, безвыходность тяглаго крестьянскаго состоянiя. Такъ крестьянинъ, числясь по закону вольнымъ со своимъ устарѣлымъ правомъ выхода, на дѣлѣ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, не могъ уйти ни съ отказомъ, ни безъ отказа, не могъ по своей волѣ ни перемѣнить владѣльца посредствомъ вывоза, ни даже перемѣнить званiя посредствомъ отказа отъ своей свободы. Въ такомъ положенiи ему оставалось только сдаться. Но такое рѣшенiе крестьянскiй вопросъ получилъ нѣсколько позднѣе, за предѣлами изучаемаго нами перiода. Въ первыя два десятилѣтiя XVII в., когда уже дѣйствовали всѣ экономическiя условiя неволи владѣльческихъ крестьянъ, не была еще найдена юридическая норма, которая закрѣпила бы эту фактическую неволю, превративъ ее въ крѣпостную зависимость. Я напередъ обозначу эту искомую норму, объясненiе которой и послужитъ намъ исходной точкой при дальнѣйшемъ изученiи исторiи крѣпостного права: она состояла въ томъ, что *крестьянинъ, рядясь съ землевладѣльцемъ на его землю со ссудой отъ него, самъ отказывался въ порядной записи навсегда отъ права какимъ-либо способомъ прекратить принимаемыя на себя обязательства.* Внесенiе такого условiя въ порядную и сообщило ей значенiе личной крѣпости.

Лекція XXXVIII.

Обзоръ пройденнаго. — Управленіе въ Московскомъ государствѣ XV—XVI в. — Неблагопріятныя условія его устройства. — Общій взглядъ на его устройство и характеръ.—Управленіе удѣльнаго княжества.—Бояре введенные и Боярская дума.—Намѣстники и волостели.—Значеніе кормленій.—Перемѣны въ центральномъ управленіи Московскаго государства съ половины XV вѣка.—Приказы и Боярская дума.—Характеръ ихъ дѣятельности.

Обзоръ. Мы изучили внѣшнее положеніе Московскаго государства и внутреннее соціальное его устроеніе за полтора столѣтія, видѣли, какъ расширялась его территорія и какъ устанавливались въ немъ положеніе и взаимныя отношенія общественныхъ классовъ. Нетрудно замѣтить внутреннюю связь между обоими процессами. Внѣшнія войны все учащались и становились тяжелѣе, требуя все болѣе усиленныхъ жертвъ со стороны народа; общественныя отношенія складывались подъ гнетомъ все накоплявшихся государственныхъ повинностей; разверстка тягла служебнаго и податного служила главнымъ средствомъ начинавшагося сословнаго расчлененія общества. Такой ходъ дѣлъ могъ давать мало благопріятныхъ условій для успѣховъ народнаго труда и общественнаго благосостоянія. Важнѣе всего то, что напряженіе матеріальныхъ силъ народа для внѣшней борьбы оставляло слишкомъ мало простора для развитія духовныхъ интересовъ, давило общественную мысль, мѣшая ей уяснить себѣ новыя задачи, какія становились передъ формировавшимся національнымъ госу-

дарствомъ. И мы видѣли, какъ по винѣ внѣшнихъ затрудненій и внутренней нравственной косности случайно, робко, нерѣдко противорѣчиво разрѣшались возникавшіе вопросы общественнаго благоустройства, съ какимъ скуднымъ запасомъ идей и съ какими недоразумѣніями устроялось государственное и хозяйственное положеніе боярства и всего служилаго класса, монастырскаго духовенства и крестьянства.

Неблагопріятныя условія.

Всѣ эти затрудненія не могли не отразиться на устройствѣ государственнаго управленія, къ которому мы теперь обращаемся. И для этого дѣла было такъ же мало благопріятныхъ условій: не могли приготовить ихъ много удѣльные порядки и понятія, съ которыми московскіе государи и великорусское общество приступали къ государственному устроенію объединявшейся Великороссіи. Умамъ, воспитаннымъ въ понятіяхъ княжеской вотчины, въ обычаяхъ удѣльной усадьбы, трудно было усвоить себѣ общіе интересы народа, которые призвано вѣдать государственное управленіе. Самое понятіе о народѣ, какъ политическомъ и нравственномъ союзѣ, въ удѣльные вѣка раскололось на представленія о территоріальныхъ землячествахъ тверичей, москвичей, новгородцевъ и о профессіональныхъ общественныхъ цехахъ бояръ и вольныхъ слугъ, „селенскихъ богомольцевъ", невольныхъ и полувольныхъ „слугъ что подъ дворскимъ", тяглыхъ черныхъ плательщиковъ, посадскихъ и сельскихъ. Сторонннихъ источниковъ, изъ которыхъ можно было бы почерпать пригодныя политическія соображенія, брать подходящіе образцы и примѣры, не было. Католическій и протестантскій Западъ былъ слишкомъ чуждъ и подозрителенъ для православной Великороссіи по своимъ вѣрованіямъ, обычаямъ и порядкамъ. Старая учительница Россіи въ дѣлахъ религіи, риторики и придворной интриги Византія,—

но ея уже не существовало въ тотъ моментъ, когда началось устроеніе великорусскаго государства. Да и прежде Царьградъ въ политическомъ отношеніи былъ для Руси дряхлымъ хромымъ инвалидомъ, обучавшимъ правильной походкѣ едва становившагося на ноги ребенка.

Общій взглядъ.

Наименѣе благопріятнымъ условіемъ для устройства управленія въ Московскомъ государствѣ представляется отношеніе, въ какое сталъ московскій государь къ главному своему правительственному орудію, къ боярству. Этотъ классъ былъ наиболѣе ревнивымъ и упрямымъ хранителемъ удѣльныхъ преданій и предразсудковъ, принесенпыхъ имъ въ Москву и столь здѣсь непріятныхъ по многимъ еще свѣжимъ воспоминаніямъ. Эти преданія и воспоминанія не обѣщали дружной совмѣстной работы въ устройствѣ московскаго управленія. Отношеніе, установившееся между обѣими сторонами, какъ мы видѣли, если не было прямой и открытой борьбой, то можетъ быть названо глухимъ антагонизмомъ или „нелюбьемъ“, какъ говорили въ старину. Московское государство строилось, когда это нелюбье укоренялось все глубже, превращалось съ обѣихъ сторонъ въ дурную политическую привычку, а въ царствованіе Грознаго со стороны дурного царя грозило перейти въ анархію. Отразилось ли неестественное отношеніе хозяина, главнаго государственнаго строителя, къ его ближайшимъ сотрудникамъ на самомъ строеніи государства, на его ходѣ и характерѣ? Этого не замѣтно. Государственное управленіе образовывалось, дѣйствовало и преобразовывалось; руководили этимъ дѣломъ государь и его бояре; по ни въ образованіи, ни въ дѣятельности правительственныхъ учрежденій не уцѣлѣло явственныхъ слѣдовъ разлада, раздѣлявшаго строителей. Отъ дѣятельности московскаго управленія въ XVI в. осталось значительное коли-

чество документовъ; изучая ихъ, и не подумаешь, что политическія силы, направлявшія эту дѣятельность, не всегда ладили другъ съ другомъ. Въ кремлевскихъ дворцовыхъ палатахъ, на московскихъ боярскихъ подворьяхъ, въ литературѣ раздавались обоюдныя жалобы или обвиненія противниковъ, проповѣдывались различныя политическія теоріи, составлялись планы побѣга за границу, изучались родословныя, чтобы тѣнями дѣйствительныхъ или вымышленныхъ предковъ въ родѣ Августа Кесаря оправдать свои политическіе помыслы или притязанія,—словомъ, спорили, сердились, размышляли и доказывали. При царѣ Иванѣ и московская площадь стала свидѣтельницей этой политической размолвки: много боярскихъ головъ, нерѣдко цѣлыми семьями, положено было здѣсь на плаху. Но на дѣловой правительственной сценѣ все оставалось тихо; въ канцеляріяхъ, въ *приказахъ*, не спорили и не разсуждали, а распоряжались и писали, всего больше писали. Здѣсь шла ровная, безшумная работа, направлявшаяся обычаемъ, а не идеями. Люди, которые составляли дошедшіе до насъ канцелярскіе документы, очевидно, обладали большимъ практическимъ навыкомъ, знали дѣла, умѣли устанавливать порядокъ и формы дѣлопроизводства и дорожили установленной формой, были люди рутины, а не теоретики, и ихъ политическія идеи и сочувствія повидимому не принимали никакого участія въ выработкѣ этой рутины, этихъ правительственныхъ формъ и порядковъ. Все дѣлалось именемъ и по указу государя великаго князя всея Руси; воля этого государя являлась высшимъ и безспорнымъ двигателемъ правительственнаго механизма, народный интересъ этой *всея Руси* подразумѣвался, не проявляясь, какъ высшая цѣль его движенія, всѣми одинаково признаваемая и одинаково понимаемая.

Удѣльное управленіе.

Такое общее впечатлѣніе производятъ дѣловые документы правительственныхъ учрежденій, устанавливавшихъ и поддерживавшихъ московскій государственный порядокъ въ XVI в. Теперь войдемъ въ нѣкоторыя подробности, сдѣлаемъ очеркъ правительственныхъ формъ, въ какія отлился общественный складъ въ тогдашнемъ Московскомъ государствѣ. Московское управленіе того времени все развилось изъ удѣльнаго. Чтобы представить себѣ это послѣднее, надобно припомнить строй удѣльнаго княжества и характеръ удѣльнаго князя. Какъ мы уже видѣли (лекція XX), удѣльное княжество было собственно не государство, а хозяйство князя: иначе говоря, государство въ то время было не что иное, какъ княжеское хозяйство. Поэтому удѣльное управленіе было собственно эксплуатаціей различныхъ статей этого хозяйства. Населеніе удѣла для князя—не общество, не союзъ подданныхъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей общаго блага и общественнаго порядка: оно было лишь орудіемъ или предметомъ хозяйственной эксплуатаціи княжества. Правительственныя дѣйствія, имѣющія цѣлью охрану права и общественнаго благосостоянія, поддержаніе законнаго порядка, какъ-то судъ, полиція, даже частью самое законодательство, разсматривались, какъ доходныя статьи княжескаго хозяйства, были сопряжены съ извѣстными сборами въ пользу правительства и его агентовъ: такъ произошли всѣ тѣ пошлины судебныя, торговыя, свадебныя и другія, какія поступали въ княжескую казну или на содержаніе отдѣльныхъ управителей удѣльнаго времени. На такомъ строѣ удѣльнаго княжества построилась и держалась удѣльная администрація. Различныя учрежденія въ ея системѣ имѣли цѣлью извлеченіе дохода изъ разныхъ земель и угодьевъ въ княжествѣ, а люди, работавшіе на этихъ земляхъ, какъ бы

причислялись къ угодьямъ, составляя живую механическую силу, вводившую въ хозяйственный оборотъ эти мертвыя земли и угодья. Мы уже видѣли также (та же лекція), что всѣ земли въ удѣлѣ по своимъ хозяйственнымъ отношеніямъ къ князю дѣлились на три разряда: однѣ изъ нихъ были приписаны къ княжескому дворцу, обрабатывались непосредственно на князя, который получалъ съ нихъ необходимые для дворца припасы; другія земли отдавались на извѣстныхъ условіяхъ въ частное владѣніе лицамъ или учрежденіямъ (церковнымъ), составляли ихъ привилегированную собственность; наконецъ третьи сдавались въ пользованіе горожанамъ и крестьянамъ за извѣстныя повинности. Первыя земли назывались *дворцовыми*, вторыя *боярскими* и *церковными*, третьи *тяглыми* или *черными*. По роду этихъ земель различалось управленіе центральное и мѣстное.

Бояре введенные и дума.

Княжескій дворецъ былъ средоточіемъ удѣльнаго управленія. Разныя части дворцоваго хозяйства поручались отдѣльнымъ боярамъ и вольнымъ слугамъ, даже холопамъ князя. Дворцовые слуги и дворцовыя земли съ угодьями составляли вѣдомство боярина *дворецкаго*, дворцовыя лошади, конюхи и дворцовые луга—вѣдомство боярина *конюшаго*. Различныя угодья на княжихъ земляхъ, бортные лѣса (лѣсное пчеловодство), рыбныя ловли, звѣриные гоны, вѣдались особыми дворцовыми сановниками, *чашникомъ*, *стольникомъ*, *ловчимъ*. Такъ при удѣльномъ дворцѣ слагалась цѣлая система административныхъ вѣдомствъ, которыя всѣ имѣли хозяйственное происхожденіе и назначеніе. Главные управители, которымъ поручались эти вѣдомства, называются въ актахъ удѣльнаго времени *боярами введенными*, а совокупность ихъ вѣдомствъ составляла дворцовое или центральное управленіе княжества въ удѣльномъ смыслѣ

этого слова. Особо важныя правительственныя дѣла, которыя не могли быть рѣшены отдѣльными боярами введенными, касались не одного, а нѣсколькихъ дворцовыхъ вѣдомствъ или выходили изъ компетенціи ихъ всѣхъ, восходили къ самому князю и рѣшались имъ вмѣстѣ съ тѣми боярами, вѣдомства которыхъ они касались, или съ совѣтомъ всѣхъ наличныхъ бояръ. Дѣла послѣдняго рода, чрезвычайныя, собиравшія всѣхъ на совѣтъ, даже съ участіемъ высшаго духовенства, были вопросы о войнѣ и мирѣ, о духовномъ завѣщаніи князя, объ устройствѣ судьбы отдѣльныхъ членовъ княжеской семьи и т. п. Это и есть княжеская *дума* удѣльнаго времени, совѣтъ бояръ при князѣ, измѣнчивый по составу, составлявшійся особо для каждаго текущаго или экстреннаго дѣла, которое восходило къ князю. Эта дума не имѣла привычныхъ намъ формъ государственнаго учрежденія съ уставомъ и постояннымъ составомъ участниковъ, съ точно опредѣленной компетенціей и неизмѣннымъ порядкомъ дѣлопроизводства, съ канцеляріей и протоколами. Это былъ не государственный совѣтъ, а скорѣе княжескій обычай совѣщаться съ боярами о всякомъ незаурядномъ дѣлѣ. Но изъ этихъ совѣщаній, вызываемыхъ частными случаями правительственной практики, исходили частныя же, сепаратныя распоряженія, которыя однако служили прецедентами для дальнѣйшихъ однородныхъ случаевъ и повторяясь, превращались въ общую норму, въ законъ. Такъ складывалось удѣльное законодательство, органомъ котораго была Боярская дума съ княземъ во главѣ. Таково было устройство центральнаго удѣльнаго управленія, состоявшаго изъ отдѣльныхъ дворцовыхъ вѣдомствъ бояръ введенныхъ и изъ боярскаго совѣта, собиравшагося въ болѣе или менѣе тѣсномъ или широкомъ составѣ, изъ двухъ-трехъ или изъ всѣхъ наличныхъ бояръ.

Кормленщики.

Земли, не приписанныя къ княжескому дворцу, частновладѣльческія и черныя, входили въ кругъ мѣстнаго управленія, которому предоставлено было въ княжествѣ все, чего княжескій дворецъ не эксплоатировалъ самъ. Это управленіе находилось въ рукахъ *намѣстниковъ* и *волостелей*. Значительныя княжества дѣлились на административные округа, называвшіеся *уѣздами*. Впрочемъ уѣздъ не былъ административнымъ округомъ въ нашемъ смыслѣ слова, подчиненнымъ одной мѣстной власти съ ея орудіями. Уѣздъ состоялъ изъ города и сельскихъ обществъ, называвшихся *волостями* и *станами*. Станъ—та же сельская волость, только пригородная, ближайшая къ уѣздному городу, находившаяся въ *окологородьи*, какъ выражаются документы. Впрочемъ и обширныя волости дѣлились на станы, какъ и обширные станы—на волости. Въ Коломенскомъ уѣздѣ по книгамъ XVI в. встрѣчаемъ 11 становъ и 9 волостей. Намѣстникъ правилъ городомъ и подгородными станами; волости управлялись волостелями, которые обыкновенно ни въ чемъ не зависѣли отъ намѣстника своего уѣзднаго города: только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ намѣстнику принадлежалъ судъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, случавшимся въ волостяхъ его уѣзда. Намѣстники и волостели правили съ помощью подчиненныхъ имъ агентовъ, *тіуновъ*, творившихъ судъ ихъ именемъ, *доводчиковъ*, вызывавшихъ на судъ, и *праветчиковъ*, чинившихъ исполненіе по судебнымъ приговорамъ: доводчики нѣкоторыми своими функціями напоминаютъ нашихъ судебныхъ слѣдователей, а праветчики—судебныхъ приставовъ. Тіуны, доводчики и праветчики—не государственные чиновники: обыкновенно это были дворовые люди, холопы намѣстниковъ и волостелей. Главною цѣлью удѣльнаго областного управленія было извлеченіе доходовъ изъ управляемаго округа. Каждый

правительственный актъ памѣстника и волостеля, какъ и ихъ подчиненныхъ агентовъ, сопряженъ былъ съ извѣстнымъ сборомъ, такъ что правительственныя отправленія имѣли значеніе не столько дѣйствій, направленныхъ къ поддержанію порядка и охраненію права, сколько значеніе источниковъ дохода или доходныхъ статей для управителей. Въ этомъ смыслѣ должность областного управителя называлась *кормленіемъ*: управитель кормился насчетъ управляемыхъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Содержаніе его состояло изъ *кормовъ* и изъ *пошлинъ*. Кормы вносились цѣлыми обществами въ опредѣленные сроки, пошлинами отдѣльныя лица оплачивали правительственные акты, въ которыхъ они нуждались. Кормы были *въѣзжій*, единовременный, и ежегодные постоянные, именно *рождественскій*, *петровскій* и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *великоденскій*— „на великій день". Въѣзжій кормъ вносили при въѣздѣ управителя на кормленіе, при самомъ вступленіи его въ должность: кормленщикъ получалъ на въѣздъ отъ горожанъ и сельскихъ людей, „что кто принесетъ". Кормы рождественскій и другіе праздничные точно опредѣлялись грамотами *уставными*, какія давались цѣлымъ округамъ, или *жалованными*—отдѣльнымъ кормленщикамъ на жалуемые имъ въ кормленіе округа. Эти кормы разверстывались по *сохамъ*. Соха—податная единица, заключавшая въ себѣ извѣстное число тяглыхъ городскихъ дворовъ, опредѣлявшееся ихъ зажиточностью, или извѣстное пространство тяглой крестьянской пашни, измѣнявшееся по качеству земли и по роду землевладѣльцевъ. Въ московское время помѣстная и вотчинная соха заключала въ себѣ 1200 десятинъ доброй земли въ трехъ поляхъ, 1500 дес. земли середней и 1800 дес. худой; сохи земель дворцовыхъ, монастырскихъ и черныхъ были нѣсколько меньше, съ убав-

кой на 25—37%. Такъ доброй земли въ монастырской и дворцовой сохѣ числилось 900 дес. въ трехъ поляхъ, въ черной 750; количество десятинъ средней и худой земли въ каждой изъ этихъ сохъ пропорціонально увеличивалось. Въ удѣльное время кормы вообще взимались натурой: такъ рождественскаго корма намѣстнику бѣлозерскому по уставной грамотѣ 1488 г. съ каждой сохи (безъ различія разрядовъ) шло по полти мяса (полоть—десятая часть говяжьяго стяга), по 10 печеныхъ хлѣбовъ, по бочкѣ овса. Подобные же кормы, только въ уменьшенныхъ размѣрахъ, шли волостелямъ, тіунамъ и прочимъ подчиненнымъ агентамъ управленія. Кормы—окладные сборы, взимавшіеся въ опредѣленномъ постоянномъ размѣрѣ, по окладу. Другимъ, не менѣе обильнымъ источникомъ дохода для кормленщиковъ были сборы неокладные, пошлины, къ которымъ причислялись и пени за преступленія. Правительственная дѣятельность областныхъ управителей ограничивалась собственно дѣлами полицейскими и судебными, раскрытіемъ преступленій, преслѣдованіемъ преступниковъ и судомъ по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. Потому и пошлины были 1) судебныя, которыя составляли или извѣстный процентъ (напримѣръ 10% съ суммы иска), или *противень противъ исцова*, т. е. пеню съ виноватаго, равнявшуюся суммѣ самаго иска, 2) таможенныя—съ продаваемыхъ товаровъ, 3) свадебныя, взимавшіяся при выдачѣ замужъ обывательницы въ предѣлахъ округа или за его предѣлы: въ первомъ случаѣ кормленщикъ получалъ *свадебный убрусъ* (платокъ), во второмъ *выводную куницу* (мѣхъ). Ограничимся однимъ примѣромъ, хотя и довольно исключительнымъ, чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о доходности кормленій. Въ московское время натуральные кормы были переложены на деньги, какъ это и сдѣлано въ

упомянутой бѣлозерской уставной грамотѣ. Въ 1528 г. служилому человѣку Кобякову дана была въ кормленіе волость Сольца Малая, занимавшаяся солевареніемъ. Въ жалованной грамотѣ волостелю перечислено до 14 доходныхъ статей, кормовъ и пошлинъ, не считая въѣзжаго корма. Почти всѣ доходы здѣсь переложены на деньги. По минимальному разсчету на наши деньги, гдѣ такой разсчетъ возможенъ, волостель получалъ въ годъ только съ кормовыхъ статей около 1350 рублей: это едва ли составляло и половину дохода. Впрочемъ кормленщикъ, по крайней мѣрѣ въ дворцовыхъ волостяхъ, взималъ всѣ поборы не исключительно на себя: доля ихъ шла въ казну въ пользу князя и центральныхъ управителей, бояръ введенныхъ, которые также пользовались доходами отъ своихъ должностей. На это указываетъ духовная грамота великаго князя московскаго Семена Гордаго: отказывая весь свой удѣлъ своей княгинѣ, завѣщатель дѣлаетъ распоряженіе, чтобы его бояре, которые останутся на службѣ у его княгини и будутъ править волостями, отдавали ей половину доходовъ съ управляемыхъ ими округовъ.

Значеніе кормленій.

Намѣстничества давались обыкновенно болѣе знатнымъ служилымъ людямъ, боярамъ, волостельства—людямъ менѣе родовитымъ изъ слугъ вольныхъ. Кормленіе—не вознагражденіе за правительственный трудъ, а награда за *службу* придворную и военную, какая лежала на служиломъ человѣкѣ и отправлялась безмездно: управленіе городомъ или волостью не считалось службой. Такая награда была однимъ изъ средствъ содержанія служилаго человѣка и отличалась отъ должностного жалованья въ нашемъ смыслѣ тѣмъ, что получалась прямо съ населенія, которымъ правилъ кормленщикъ, а не выдавалась изъ общихъ доходовъ государственной казны. Нѣкогда кормленщики, вѣроятно,

сами и собирали свои кормы, для чего въ урочное время, въ назначенные праздники, объѣзжали свои округа, какъ въ первые вѣка нашей исторіи дѣлали князья и ихъ областные намѣстники, отправляясь на полюдье. Намъ съ нашими общественными понятіями не легко уже вникнуть въ смыслъ и характеръ кормовыхъ правительственныхъ должностей удѣльнаго времени, носившихъ столь рѣжущее нашъ слухъ названіе. Впрочемъ нагляднымъ образчикомъ этихъ старинныхъ административныхъ объѣздовъ могутъ служить знакомыя намъ праздничныя хожденія духовенства по приходамъ, также идущія изъ глубокой старины и совершающіяся почти въ тѣ же праздники. Кормленія отвѣчали господствовавшему тогда натуральному хозяйству и служебному положенію служилыхъ людей, какъ и ихъ общественнымъ понятіямъ. При сосредоточеніи сборовъ, назначенныхъ на содержаніе мѣстнаго управленія, уѣздныя казначейства превратились бы въ склады мяса, печенаго хлѣба и сѣна: все это портилось бы прежде, чѣмъ успѣвало попасть въ руки потребителя. По той же причинѣ и при недостаткѣ денежныхъ знаковъ періодическое вознагражденіе—отъ времени до времени—было удобнѣе постояннаго краткосрочнаго. Истратившись на службѣ, покормится намѣстникъ или волостель въ уѣздѣ годъ или два, пополнитъ свои „животы“ и съ возстановленнымъ достаткомъ вернется въ столицу *служить*, исполнять бездоходныя военныя и другія порученія государя въ ожиданіи новой кормовой очереди. Удѣльное кормленіе, какъ и нынѣшнее жалованье, было средствомъ для службы; но была существенная разница въ тогдашнемъ и нынѣшнемъ взглядѣ на отношеніе этого средства къ самой дѣятельности, съ которой оно связывалось. Для кормленщика его правительственныя дѣйствія служили только поводомъ къ получе-

нію дохода, составлявшаго настоящую цѣль кормленія. И нынѣшній служащій обычно расположенъ смотрѣть на свой окладъ, какъ на дѣйствительную цѣль своей службы, а на служебные труды свои только какъ на предлогъ къ полученію оклада. Но надъ этимъ низменнымъ ремесленнымъ взглядомъ на окладъ высится оффиціальная идея самой службы, какъ служенія общему благу, народнымъ нуждамъ и интересамъ, а должностной окладъ—только служебно-цензовое вознагражденіе за трудъ, знаніе, время и издержки какіе въ требуемой по штату мѣрѣ служащій приноситъ въ жертву государю и отечеству, какъ и всякій гражданинъ косвенно по мѣрѣ силъ жертвуетъ тѣмъ же въ видѣ налоговъ.

Приказы.

Удѣльное управленіе по отношенію, какое существовало въ немъ между центромъ и областью, не подходитъ ни подъ одинъ изъ основныхъ административныхъ порядковъ: это не была ни централизація, ни мѣстное самоуправленіе. Дѣятельность мѣстныхъ земскихъ властей остается мало замѣтной и еще менѣе вліятельной при намѣстникахъ и волостеляхъ, которымъ князь передавалъ чуть не всю свою власть надъ двумя разрядами земель въ княжествѣ безъ отчета, контроля и устава, такъ что центръ, завѣдуя собственно только однимъ изъ трехъ разрядовъ земель, самъ являлся тоже какъ бы областью, которая находила свою связь съ прочими областями только въ лицѣ князя. Но по мѣрѣ того какъ Московское княжество превращалось въ великорусское государство, въ немъ усложнялись и административныя задачи, а вмѣстѣ съ тѣмъ все живѣе ощущались неудобства удѣльнаго порядка; то и другое должно было измѣнить управленіе какъ въ центрѣ, такъ и въ области. Перестройка центральнаго управленія началась съ дворцовыхъ вѣдомствъ. Эти вѣдомства были собственно единолич-

ныя и временныя правительственныя порученія: каждое изъ нихъ управлялось тѣмъ или другимъ лицомъ, бояриномъ введеннымъ, которому князь поручалъ, „приказывалъ“ извѣстную часть своего дворцоваго хозяйства. Эти единоличныя порученія главныхъ прикащиковъ теперь и превратились въ сложныя и постоянныя присутственныя мѣста, получившія названіе *избъ* или *приказовъ*. Это было нѣчто въ родѣ современныхъ министерствъ или департаментовъ, на какіе дѣлятся министерства. Судебникъ 1497 г. изображаетъ приказы въ самый моментъ ихъ превращенія изъ личныхъ порученій въ учрежденія, въ постоянныя вѣдомства. Онъ предписываетъ судить боярамъ и окольничимъ, а на судѣ у нихъ быть дьякамъ, а „посуловъ“ не брать ни отъ суда, ни отъ „печалованія“, т.-е. отъ частнаго ходатайства или услуги помимо суда, предписываетъ давать управу всякому „жалобнику“, ищущему управы, а кого управить „непригоже“, т.-е. кого разсудить судья не въ правѣ, о томъ сказать великому князю или отослать его къ тому судьѣ, „которому которые люди приказаны вѣдати“. *Судьи*—начальники приказовъ, какъ они и послѣ назывались. У каждаго судьи свой дьякъ, секретарь, разумѣется, съ подьячими, т.-е. своя канцелярія, и свои *люди*, т.-е. дѣла, которыя ему приказано вѣдать, *свое вѣдомство*. Отмѣчено и отношеніе приказовъ къ верховной власти: дѣло, превышавшее компетенцію судьи, требовавшее законодательнаго рѣшенія, докладывалось вел. князю, какъ законодательной власти. Но и въ Судебникѣ еще не сгладились слѣды прежняго порядка временныхъ личныхъ порученій. Онъ запрещаетъ судьѣ приказа оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ еще недавно, властнымъ ходатаемъ по частнымъ дѣламъ за условленное вознагражденіе: *посулъ*—*посулить*, обѣщать. Дѣла, подлежавшія суду вел. князя,

по статьѣ Судебника могли разрѣшаться лицами, „кому князь великій велитъ“: это, очевидно, удѣльные прикащики ad hoc, на данный случай. Такъ Судебникъ 1497 г. довольно опредѣлительно указываетъ эпоху возникновенія первыхъ приказовъ, время, когда совершился переходъ отъ управленія посредствомъ лицъ къ управленію посредствомъ учрежденій. Впрочемъ этотъ переходъ не былъ рѣзкой замѣной одного порядка администраціи другимъ, основаннымъ на иныхъ началахъ. Перемѣна носила болѣе техническій, точнѣе. бюрократическій характеръ, чѣмъ политическій: приказы были постепеннымъ развитіемъ, осложненіемъ дворцовыхъ вѣдомствъ. Въ XIV в. при несложномъ княжескомъ хозяйствѣ для управленія той или другой его отраслью достаточно было одного лица, которое дѣйствовало больше посредствомъ устныхъ распоряженій, или обращаясь для письменныхъ актовъ къ помощи немногочисленнаго общаго штата дворцовыхъ дьяковъ. По мѣрѣ того какъ государственное хозяйство становилось сложнѣе, административныя задачи дѣлались разнообразнѣе, развивалось и письменное дѣлопроизводство. Тогда боярину введенному понадобилась особая канцелярія съ дьякомъ и подьячими, секретаремъ и подсекретарями, иногда еще и товарищъ для совмѣстнаго веденія дѣлъ. Какъ скоро въ вѣдомствѣ складывался такой штатъ, съ той минуты и возникалъ приказъ, какъ постоянное учрежденіе. Такъ вѣдомство удѣльнаго дворецкаго превратилось въ приказъ *Большого Дворца*, вѣдомство боярина конюшаго— въ *Конюшенный* приказъ и т. д. Но рядомъ съ приказами, которые развивались изъ прежнихъ дворцовыхъ вѣдомствъ, возникали приказы новые, для которыхъ не было соотвѣтственныхъ частей при удѣльномъ дворцѣ. Эти приказы вызывались новыми потребностями государственной жизни. Теперь, съ одной стороны, возникали такія правительствен-

ныя задачи, которыя не укладывались въ тѣсныя рамки дворцоваго хозяйства, съ другой—все сильнѣе чувствовалась потребность стянуть къ центру такія правительственныя дѣла, которыя прежде находились въ безотчетномъ распоряженіи областныхъ правителей. Такъ въ центрѣ накоплялось много новыхъ правительственныхъ дѣлъ и задачъ. По мѣрѣ ихъ накопленія и возникали одинъ за другимъ новые приказы въ продолженіе XV и XVI вв. Въ удѣльное время князь въ несложныхъ внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ обходился безъ особаго лица, для нихъ назначеннаго: каждый вопросъ внѣшней политики разрѣшался самимъ княземъ съ боярами введенными. Когда внѣшнія отношенія Московскаго государства усложнились, въ Москвѣ появился приказъ, ихъ вѣдавшій, *Посольская* изба, министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Въ удѣльное время военно-служебныя дѣла служилыхъ людей по своей простотѣ также не требовали особаго вѣдомства. Въ XV и XVI вв., когда служилый классъ разростался все болѣе, а войны учащались, военнымъ дѣломъ и классомъ стало завѣдывать особое мѣсто, получившее названіе *Разряда* или *Разряднаго* приказа. Съ развитіемъ служилаго землевладѣнія, помѣстнаго и вотчиннаго, возникъ *Помѣстный* приказъ. Таковъ одинъ рядъ новыхъ приказовъ, вызванныхъ усложненіемъ центральнаго управленія. Другой рядъ возникалъ вслѣдствіе правительственной централизаціи. Въ удѣльное время много правительственныхъ дѣлъ отдано было въ безконтрольное распоряженіе областныхъ правителей; теперь интересы государственнаго порядка потребовали установленія извѣстнаго надзора за дѣйствіями кормленщиковъ. Удѣльные намѣстники и волостели вѣдали всѣ уголовныя дѣла; теперь важнѣйшія преступленія изъяты были изъ ихъ компетенціи и для рѣшенія такихъ дѣлъ созданъ былъ

особый приказъ *Разбойный.* Удѣльные областные правители вѣдали всѣ дѣла о холопахъ; теперь эти дѣла подчинены были особому центральному учрежденію, *Холопьему* приказу. Такъ мозаически пристраивались новые приказы къ старымъ, и къ концу XVI в. они образовали сложное зданіе московской приказной администраціи, въ которой считалось не менѣе 30 особыхъ учрежденій. Московское управленіе складывалось, какъ строились государевы московскіе дворцы: вмѣстѣ съ ростомъ царской семьи и хозяйства къ основному корпусу прибавлялись пристройки и надстройки, терема, свѣтлицы, новыя крыльца и переходы. Изъ сказаннаго видно, что московскіе приказы имѣли троякое происхожденіе; одни развивались изъ дворцовыхъ вѣдомствъ удѣльнаго времени; другіе были вызваны новыми правительственными задачами, возникшими съ образованіемъ Московскаго государства; наконецъ третьи были созданы стремленіемъ стянуть важнѣйшія правительственныя дѣла изъ областей къ центру. Гораздо труднѣе произвести точную группировку приказовъ по свойству подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ. Такъ какъ приказы возникли не вдругъ по одному плану, а появлялись постепенно по мѣрѣ надобности съ усложненіемъ административныхъ задачъ, то распредѣленіе правительственныхъ дѣлъ между ними представляется чрезвычайно неправильнымъ и запутаннымъ на нашъ взглядъ, привыкшій къ строгой регламентаціи и точному распредѣленію дѣлъ по существу. Потому чрезвычайно трудно привести приказы въ систему, указать основанія распредѣленія дѣлъ между ними. Въ этомъ распредѣленіи московскіе государственные люди руководствовались не политическими принципами, а практическими удобствами. Такъ незамѣтно мысли о раздѣленіи суда и администраціи; хотя было четыре спеціаль-

ныхъ судныхъ приказа по гражданскимъ дѣламъ, *Московскій*, *Владимірскій*, *Дмитровскій* и *Рязанскій*, однако судебныя дѣла и между ними гражданскія вѣдались и въ другихъ приказахъ повидимому чисто-административнаго характера. По существу дѣлъ приказы можно распредѣлить на два основныхъ разряда, какъ и распредѣлялъ ихъ еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія Неволинъ. Къ первому отдѣлу относились приказы общегосударственные, которые вѣдали общія государственныя дѣла на всемъ пространствѣ государства или въ значительной его части: таковы были приказы Посольскій, Разрядный, Разбойный, Холопій, приказъ *Большого Прихода*, вѣдавшій государственные доходы, преимущественно неокладные и пр. Другую группу составляли приказы, которые можно назвать территоріальными: они вѣдали всякія или, лучше сказать, различныя дѣла, но только въ извѣстныхъ частяхъ государства. Сюда можно отнести наибольшее количество приказовъ. Таковы были *Казанскій Дворецъ*, возникшій послѣ завоеванія Казани и управлявшій бывшими царствами Казанскимъ, Астраханскимъ и Сибирскимъ, потомъ выдѣлившійся изъ него приказъ *Сибирскій*, а также мѣстные дворцы, которые вѣдали подъ руководствомъ приказа Большого Дворца дворцовыя дѣла въ областяхъ государства, бывшихъ прежде независимыми княжествами или областями, *Новгородскій*, *Тверской* и другіе. Этой группировкѣ нельзя приписать ни достаточной точности и полноты, ни особеннаго значенія. Систематическая классификація приказовъ вообще не удавалась ихъ изслѣдователямъ, какъ не удавалась она и ихъ творцамъ, московскимъ государямъ. Для насъ важнѣе видѣть, по какимъ отраслямъ управленія размножались приказы болѣе усиленно и по какимъ менѣе. Сравнительное вниманіе правительства въ

этомъ отношеніи—показатель и уровня политическаго сознанія, и наиболѣе настоятельныхъ государственныхъ потребностей. Мы распространимъ свой разсчетъ и на приказы XVII вѣка: характеръ государственнаго строительства и при новой династіи измѣнился очень мало: да и многіе приказы, впервые появляющіеся въ документахъ XVII в., навѣрное или вѣроятно существовали раньше. Насчитываемъ до 15 приказовъ по военному управленію, не менѣе 10 по государственному хозяйству и до 13 по дворцовому вѣдомству. При видѣ такой организаціи становится яснымъ направленіе московской правительственной дѣятельности. Видимъ, что особенныя усилія были обращены на устройство отраслей управленія, составляющихъ безраздѣльную область государства, а также на расширеніе удѣльной кремлевской обстановки, какою окруженъ былъ московскій государь со своимъ необъятнымъ дворцовымъ хозяйствомъ. Между тѣмъ въ обширной сферѣ внутренняго благоустройства и благочинія, непосредственно соприкасающейся съ народными нуждами и интересами, находимъ всего 12 приказовъ, да и изъ тѣхъ одни, какъ *Аптекарскій* и *Книгопечатный*, были незначительныя конторы съ очень ограниченнымъ кругомъ дѣйствія, другіе служили только потребностямъ столицы или администраціи: таковы были два *Земскихъ Двора*, полицейскія управленія г. Москвы, и извѣстный съ начала XVI в. *Ямской* приказъ, министерство почтъ, назначенный преимущественно для разсылки приказныхъ бумагъ и для развозки чиновниковъ по казенной надобности. Попеченіе объ общемъ благосостояніи, пути сообщенія, народное здравіе и продовольствіе, общественное призрѣніе, содѣйствіе промышленности и торговлѣ, наконецъ народное просвѣщеніе,—всѣ эти элементарныя условія общественнаго благосостоянія не находили себѣ

прямыхъ органовъ въ строѣ приказнаго управленія, а со стороны Церкви, точнѣе, церковныхъ властей, насколько касалось ихъ общее благосостояніе, государство не встрѣчало не только поощренія, но даже и поддержки въ дѣлахъ этого рода. Мы уже видѣли, какъ холодно отнесся Стоглавый соборъ къ возбужденному царемъ вопросу объ общественномъ призрѣніи. Приказъ *Строенія богадѣленъ* возникъ только во второй половинѣ XVII в. и то по почину и на средства царя, а исполненіе приговора того же Стоглаваго собора объ учрежденіи городскихъ церковныхъ училищъ, кажется, всего меньше заботило отцовъ собора, постановившихъ учредить эти училища и обладавшихъ слишкомъ достаточными для того матеріальными средствами. Правительство государственное и церковное всего требовало отъ народа и ничего или почти ничего не давало ему. Можетъ быть, ожидать отъ того и другого чего-либо большаго въ XVI в. значило бы предварять время; но установить отсутствіе того, чего желательно было бы ожидать отъ нихъ, безспорно значитъ опредѣлить ихъ политическій возрастъ, какъ и мѣру ихъ внутренней нравственно-общественной силы.

Боярская дума.

Дѣятельность приказовъ объединялась высшимъ правительственнмъ учрежденіемъ, руководившимъ отдѣльными вѣдомствами, государевой *Боярской думой.* Въ удѣльное время, какъ мы видѣли, эта дума составлялась изъ тѣхъ или другихъ, вообще немногихъ бояръ, призываемыхъ княземъ особо по каждому важному дѣлу. Теперь эта дума изъ тѣснаго и измѣнчиваго по составу совѣта съ колеблющимся вѣдомствомъ превратилась въ постоянное сложное учрежденіе съ болѣе устойчивымъ составомъ и опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ. Высшіе сановники и знатнѣйшіе слуги, засѣдавшіе въ удѣльной думѣ, всѣ носили званіе

бояръ. Когда въ Московскомъ государствѣ боярство распалось на нѣсколько слоевъ, неодинаковыхъ по своему происхожденію и политическому значенію, тогда и въ личномъ составѣ думы произошло раздѣленіе на іерархическіе чины, соотвѣтствовавшіе генеалогической знатности думныхъ совѣтниковъ. Представители знатнѣйшихъ боярскихъ фамилій садились въ думу съ прежнимъ званіемъ бояръ; люди второстепенной знати, состоявшей преимущественно изъ потомковъ стариннаго нетитулованнаго московскаго боярства, вводились въ совѣтъ въ званіи *окольничихъ*, иногда дослуживаясь и до боярскаго чина; наконецъ, при в. кн. Василіи Ивановичѣ, а можетъ быть и раньше, въ составѣ думы появляется еще новый чинъ, получившій названіе „дѣтей боярскихъ что въ думѣ живутъ",— потомъ называвшійся короче *думными дворянами*; обыкновенно это были дѣльцы, дослуживавшіеся до мѣста въ думѣ изъ захудалыхъ боярскихъ фамилій или изъ дворянской массы, не принадлежавшей къ боярству. Значитъ, думные чины представляли собой различные генеалогическіе слои служилаго класса, сложившагося въ XV—XVI в. Въ думѣ присутствовали еще думные дьяки, статсъ-секретари и докладчики думы. При такой новой организаціи Боярская дума состояла уже не изъ 3—4 бояръ введенныхъ, какъ въ удѣльное время, а изъ нѣсколькихъ десятковъ членовъ, носившихъ разныя званія. Всѣ они назначались въ думу государемъ. Можно различить два элемента въ ея составѣ, аристократическій и бюрократическій. Въ званія бояръ и окольничихъ назначались обыкновенно старшіе представители важнѣйшихъ боярскихъ фамилій; какъ скоро они достигали извѣстнаго возраста, имъ „сказывали думу", вводили въ совѣтъ, соображаясь съ мѣстническими обычаями и отношеніями. Напротивъ, думные дворяне и думные дьяки

большею частью люди незнатные, получали назначеніе по усмотрѣнію государя за личныя качества или государственныя заслуги. Этотъ второй элементъ пока мало замѣтенъ и мало вліятеленъ; во весь XVI в. дума сохраняла строго боярскій, аристократическій составъ. Но правительственное значеніе думныхъ людей не ограничивалось ихъ сидѣньемъ въ думѣ. Всѣ служилые люди, носившіе званія бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ, въ силу своихъ званій были членами государственнаго совѣта и назывались *думными людьми*; но тѣ же думные люди управляли московскими приказами, командовали полками въ походахъ и правили областями въ качествѣ намѣстниковъ и воеводъ. Полковой воевода или уѣздный намѣстникъ, конечно, не могли постоянно засѣдать въ московской думѣ; поэтому на ежедневныя ея засѣданія являлись большей частью только начальники московскихъ приказовъ, *судьи*, какъ они назывались, которыхъ должность привязывала къ столицѣ. Сами думные дьяки не были исключительно секретарями и докладчиками думы: каждый изъ нихъ управлялъ извѣстнымъ приказомъ. То были обыкновенно главные дьяки или начальники важнѣйшихъ приказовъ, Посольскаго, Разряднаго, Помѣстнаго и иногда либо Новгородскаго Разряда, либо Казанскаго Дворца, такъ что думныхъ дьяковъ обыкновенно бывало трое или четверо. Дѣла посольскія, разрядныя и помѣстныя непосредственно вела сама дума; потому приказы, въ которыхъ сосредоточивались эти дѣла, были какъ бы отдѣленіями думской канцеляріи; потому же во главѣ ихъ и стояли дьяки, а не бояре или окольничіе. Главное мѣсто между этими приказами принадлежало Большому Московскому Разряду: завѣдуя служебными назначеніями служилыхъ людей, онъ сообщалъ другимъ приказамъ касавшіяся ихъ распоряженія

государя и его совѣта, какъ и вносилъ въ думу дѣла, восходившія къ государю помимо приказовъ, такъ что думный разрядный дьякъ имѣлъ значеніе государственнаго секретаря. Постоянное присутствіе въ думѣ начальниковъ важнѣйшихъ приказовъ сообщало ей видъ совѣта министровъ. Дума вѣдала очень обширный кругъ дѣлъ судебныхъ и административныхъ; но собственно это было законодательное учрежденіе. Каждый новый законъ исходилъ изъ думы съ обычною помѣтой: „государь указалъ и бояре приговорили". Законодательное значеніе думы теперь уже не держалось только на давнемъ обычаѣ, а прямо утверждено было въ Судебникѣ 1550 года, одна статья котораго гласитъ: „А которыя будутъ дѣла новыя, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати". Всѣ дополнительные къ Судебнику указы и были приговорами думы. Далѣе, дума руководила дѣйствіями приказовъ и имѣла контроль надъ областнымъ управленіемъ. Она же рѣшала множество судебныхъ дѣлъ, какъ высшая или единственная инстанція. Члены думы собирались на засѣданія во дворцѣ, въ Кремлѣ или гдѣ находился государь, обыкновенно рано по утрамъ, лѣтомъ при восходѣ солнца, зимой еще до разсвѣта; засѣданія длились часовъ по пяти-шести, между заутреней и обѣдней, и нерѣдко возобновлялись вечеромъ, когда думные люди, соснувъ послѣ обѣда, съ первымъ ударомъ колокола къ вечернѣ опять съѣзжались во дворецъ. На засѣданіи совѣтники разсаживались по чинамъ, окольничіе ниже бояръ и т. д., а люди одного чина по породѣ, въ мѣстническомъ порядкѣ; дьяки присутствовали стоя; иногда царь сажалъ и ихъ. Засѣданіе думы обозначалось выраженіями „сидѣть за дѣлы" или,

если на засѣданіи присутствовалъ самъ царь, „слушать дѣлъ съ бояры“. Ходить съ докладами въ думу значило „всходить съ дѣлами въ верхъ передъ бояръ“. Пріемные и жилые покои дворца вообще назывались *верхомъ.* Дума сама очень рѣдко возбуждала вопросы, подлежавшіе ея обсужденію. Законодательный починъ обыкновенно шелъ снизу или сверху, а не изъ среды самого совѣта. Текущія дѣла вносились въ думу начальниками приказовъ, каждымъ по своему вѣдомству; что не могло быть доложено ни изъ какого приказа, что не входило въ текущее приказное дѣлопроизводство, то вносилъ въ думу самъ государь; ему принадлежалъ починъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ внѣшней политики и внутренняго государственнаго строенія. Государь часто самъ предсѣдательствовалъ въ думѣ, „сидѣлъ съ бояры о дѣлахъ“; нерѣдко онъ приказывалъ боярамъ „безъ себя сидѣть“ объ извѣстномъ дѣлѣ. Иногда бояре не рѣшались безъ государя произнести окончательнаго приговора о томъ, чего имъ „безъ государева указу вершить было немочно“, и тогда дѣло докладывалось отсутствовавшему государю. Но если бояре, засѣдая безъ государя, по данному имъ полномочію находили возможнымъ рѣшить законодательный вопросъ, то ихъ приговоръ получалъ силу закона, не восходя къ государю на утвержденіе. Таковъ былъ обычный порядокъ думскаго законодательства. Начальникъ приказа вносилъ въ думу запросъ о новомъ законѣ на имя государя въ обычной формулѣ: „и о томъ великій государь что укажетъ?“ Государь, если не рѣшалъ дѣла самъ или съ боярами, *указывалъ* о томъ сидѣть боярамъ, приговоръ которыхъ и становился закономъ. Предварительный указъ государя, ставившій вопросъ на очередь, и боярскій приговоръ—таковы два необходимые момента законодательнаго процесса;

они и обозначены въ формулѣ *государь указалъ и бояре приговорили;* третій моментъ, утвержденіе приговора всѣхъ бояръ отсутствовавшимъ государемъ, представляется случайностью или исключеніемъ. Были, кажется, только два рода боярскихъ приговоровъ, которые всегда представлялись на утвержденіе государя въ случаѣ его отсутствія на засѣданіи: это приговоры о мѣстническихъ дѣлахъ и о наказаніи за тяжкія преступленія; пересмотръ дѣлъ второго рода обыкновенно сопровождался отмѣной или смягченіемъ наказанія. Иногда, въ особо важныхъ случаяхъ, обычный составъ думы расширялся и въ нее входилъ сторонній правительственный факторъ, глава русской церковной іерархіи, одинъ или съ высшимъ духовенствомъ, епископами. Этотъ высшій іерархъ, до конца XVI в. митрополитъ, а потомъ патріархъ, со своими епископами составлялъ особый правительственный совѣтъ, вѣдавшій дѣла русской Церкви и называвшійся *Освященнымъ соборомъ.* Этотъ соборъ дѣйствовалъ или независимо отъ государевой думы, или вмѣстѣ съ нею, или по ея указанію. Совмѣстное или подчиненное дѣйствіе Освященнаго собора вызывалось церковными дѣлами, близко касавшимися интересовъ государства, или дѣлами государственными, соприкасавшимися съ вѣдомствомъ Церкви. Для рѣшенія такихъ дѣлъ созывались соединенныя собранія Боярской думы и Освященнаго собора. Такія собранія носили спеціальное названіе *соборовъ*, которые надобно отличать отъ земскихъ.

Характеръ ея дѣятельности.

Обсужденіе дѣлъ въ думѣ излагалось думными дьяками въ протоколахъ или „спискахъ государеву сидѣнью о всякомъ земскомъ указѣ“; но это, кажется, не было постояннымъ правиломъ и отъ XVI в. до насъ не дошло такихъ записей. Только мѣстническія тяжбы, которыя рѣшала дума, записывались подробно для дальнѣйшихъ справокъ. Дьяки всегда помѣчали только приговоры думы, которые потомъ

облекались въ форму указа или закона. Приведу для примѣра случай изъ XVII в., достаточно выясняющій не только отношеніе помѣты къ указу, но и административный темпераментъ времени. На неумѣлое донесеніе нераспорядительнаго уѣзднаго воеводы положена была помѣта: „отписать съ опалой“. Помѣта была разработана въ указъ, начинающійся внушительными словами: „И ты, дуракъ безумный, худой воеводишка! Пишешь“ и пр. По отсутствіи протоколовъ мы мало знаемъ о томъ, какъ шли совѣщанія въ думѣ и какъ составлялись приговоры. Но извѣстно, что тамъ бывали пренія, даже возраженія самому государю, „встрѣчи“. О вел. князѣ Иванѣ III разсказывали, что онъ любилъ встрѣчу и жаловалъ за нее. Сынъ его Василій не былъ такъ сдержанъ и почтителенъ къ чужому мнѣнію: изъ бесѣдъ Берсеня-Беклемишева узнаемъ о бурной сценѣ, устроенной великимъ княземъ строптивому оппоненту, котораго онъ съ бранью выгналъ изъ совѣта, положивъ на него опалу. Иногда, въ тревожныя времена, при борьбѣ придворныхъ партій, пренія разгорались, по словамъ лѣтописи, въ „брань велію и крикъ и шумъ великъ и слова многія бранныя“. Это были рѣдкіе, исключительные случаи. Обычное теченіе дѣлъ въ думѣ отличалось строгой чинностью, твердостью формъ и отношеній. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе выносится изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ дѣятельности думы. Ея строй, авторитетъ и обычный порядокъ дѣлопроизводства какъ будто разсчитаны были на непоколебимое взаимное довѣріе ея предсѣдателя и совѣтниковъ, свидѣтельствовали о томъ, что между государемъ и его боярствомъ не можетъ быть разногласія въ интересахъ, что эти политическія силы срослись между собою, привыкли дѣйствовать дружно, идти рука объ руку и что идти иначе они не могутъ и не умѣютъ. Бывали столкновенія; но они шли внѣ думы и очень слабо

отражались на ея устройствѣ и дѣятельности. Бывали споры, но не о власти, а о дѣлѣ; сталкивались дѣловыя мнѣнія, не политическія притязанія. По своему историческому складу Боярская дума не сдѣлалась ареной политической борьбы. Государь ежедневно дѣлалъ много правительственныхъ дѣлъ безъ участія боярскаго совѣта, какъ и боярскій совѣтъ рѣшалъ много дѣлъ безъ участія государя. Это вызывалось соображеніями правительственнаго удобства, а не вопросомъ о политическихъ правахъ и прерогативахъ, было простымъ раздѣленіемъ труда, а не разграниченіемъ власти. Случай съ Берсенемъ—одна изъ немногихъ вспышекъ нервной раздражительности, вырвавшаяся наружу изъ этой безшумной и замкнутой лабораторіи московскаго государственнаго права и порядка. Здѣсь повидимому каждый зналъ свое мѣсто по чину и породѣ и каждому знали цѣну по дородству разума, по головѣ. Съ виду казалось, въ этой отвердѣвшей обстановкѣ не было мѣста политическимъ страстямъ и увлеченіямъ, ни въ какую голову не могла запасть мысль о борьбѣ за власть и значеніе; лица и партіи со своими себялюбивыми или своекорыстными помыслами должны были исчезать подъ давленіемъ государственнаго интереса и политическаго приличія или обычая. Такимъ же характеромъ отличалась и дѣятельность московскихъ приказовъ. Въ этой кучѣ учрежденій, возникавшихъ въ разное время, безъ общаго плана, по указаніямъ и нуждамъ текущей минуты, было много путаницы и толкотни, изводилось много бумаги и времени, дѣлалось немало административныхъ грѣховъ; но не слышно отзвуковъ политической борьбы. Во главѣ приказовъ большею частью ставились люди, которые засѣдали и въ Боярской думѣ, и *тамъ* они были такими же послушными рутинными дѣльцами, какъ *здѣсь* являлись сдержанными лояльными совѣтниками.

Лекція XXXIX.

Перемѣны въ областномъ управленіи.—Нормировка кормленій.—Докладъ и судные мужи.—Губное управленіе.—Его составъ.—Вѣдомство и процессъ.—Характеръ и значеніе.—Два вопроса.—Отношеніе губного управленія къ кормленщикамъ.—Земская реформа.—Ея причины.—Введеніе земскихъ учрежденій.—Вѣдомство и отвѣтственность земскихъ властей.—Вѣрное управленіе.—Характеръ и значеніе реформы.

Перемѣны въ областномъ управленіи.

Я изложилъ перемѣны, происшедшія въ центральномъ управленіи Московскаго государства съ половины XV в. Не трудно замѣтить общее направленіе, въ какомъ шла правительственная перестройка. Въ удѣльное время центральное управленіе было собственно дворцовымъ, ограждало и проводило личные и хозяйственные интересы удѣльнаго князя. Съ половины XV в. въ Московскомъ государствѣ оно постепенно выходитъ изъ тѣсной сферы княжескаго дворцоваго хозяйства и приноровляется къ потребностямъ общегосударственнымъ, усвояетъ задачи общенароднаго блага. Разумѣется, эта перемѣна не была слѣдствіемъ какого-либо перелома въ политическихъ понятіяхъ московскаго государя или московскаго правительственнаго класса. Наоборотъ, самыя эти понятія измѣнялись подъ вліяніемъ перестройки управленія, вынуждавшейся ходомъ дѣлъ, какъ говорится, силою вещей. Этотъ процессъ, какъ бы сказать, историческаго вымоганія новыхъ понятій особенно наглядно отразился на перемѣнахъ, происшедшихъ въ областномъ управленіи Московскаго государства съ половины XV в.

Здѣсь сквозь новыя государственныя нужды въ усложнявшихся правительственныхъ учрежденіяхъ и отношеніяхъ пробиваются непривычныя для тогдашнихъ умовъ идеи о различіи общихъ и мѣстныхъ интересовъ, центра и областей,— о необходимости надзора за мѣстными властями и о способахъ регулированія ихъ дѣятельности. Эти идеи носятъ еще первичный, элементарный характеръ, представляются частичными попытками; однако онѣ постепенно складываются въ цѣлый планъ, направленный къ стѣсненію, а потомъ и къ отмѣнѣ кормленій. Такъ должности по областному управленію, бывшія удѣльными средствами содержанія служилыхъ людей, преобразовывались въ мѣстные органы центральнаго управленія.

Нормировка кормлений.

Можно различить три главные момента въ ходѣ этого переустройства областного управленія. Первый моментъ обозначился тѣмъ, что центральное правительство стало точнѣе опредѣлять законодательнымъ путемъ установившіяся въ силу обычая или практики права и отвѣтственность областныхъ управленій и, регулируя порядокъ кормленія, стѣсняло произволъ кормленщиковъ. Такую регламентацію областного управленія встрѣчаемъ какъ въ общихъ узаконеніяхъ обоихъ Судебниковъ, такъ и въ мѣстныхъ уставныхъ грамотахъ, какія жаловала центральная власть цѣлымъ областямъ или отдѣльнымъ городскимъ и сельскимъ обществамъ. Самое появленіе такихъ узаконеній и грамотъ, регулировавшихъ дѣятельность мѣстныхъ управителей, показывало, что центральная власть начинала заботиться объ огражденіи интересовъ мѣстныхъ обывателей отъ своихъ собственныхъ агентовъ, т. е. начинала сознавать свое назначеніе охранять благо общества. Кормленщикъ, намѣстникъ или волостель, получалъ при назначеніи на кормленіе *наказный* или *доходный списокъ*, своего рода таксу,

подробно опредѣлявшую его доходы, кормы и пошлины. Притомъ натуральные кормы переложены были на деньги: такъ по бѣлозерской уставной грамотѣ 1488 г. намѣстникъ за рождественскій кормъ получалъ съ сохи вмѣсто 10 печеныхъ хлѣбовъ или ковригъ 10 денегъ (около 5 рублей), вмѣсто воза сѣна 2 алтына (около 6 рублей) и т. д. Затѣмъ запрещено было кормленщикамъ самимъ собирать свои кормы съ населенія: это поручено было выборнымъ отъ обществъ, сотскимъ въ городахъ и подгородныхъ станахъ, старостамъ въ прочихъ сельскихъ волостяхъ. Съ теченіемъ времени становились опредѣленнѣе и самые сроки кормленій. Въ XVI в. московское правительство повидимому стремилось сокращать ихъ: въ эпоху второго Судебника общимъ правиломъ былъ, кажется, годовой срокъ, хотя бывали случаи кормленій двухлѣтнихъ и трехлѣтнихъ. Изложенныя мѣры стѣсняли намѣстниковъ и волостелей, какъ кормленщиковъ, упорядочивая ихъ отношенія къ плательщикамъ, предупреждая или смягчая обоюдныя неудовольствія и столкновенія сторонъ.

Докладъ и судные мужи.

Ко второму моменту въ преобразованіи мѣстнаго управленія можно отнести мѣры, въ которыхъ сказывалась попытка придать кормленщикамъ характеръ мѣстныхъ правителей въ государственномъ смыслѣ слова и въ этомъ направленіи измѣнить ихъ судебно-административную дѣятельность. Эти мѣры стѣсняли не только произволъ, но и самый объемъ власти кормленщика, изъемля наиболѣе важныя дѣла изъ ихъ компетенціи. Средствомъ этого ограниченія служилъ двойной надзоръ за ихъ дѣйствіями, шедшій сверху и снизу. Надзоръ сверху выражался въ *докладѣ*. Такъ называлось въ древнерусскихъ документахъ перенесеніе судебнаго или административнаго дѣла изъ низшей инстанціи въ высшую, изъ подчиненнаго учрежденія въ

руководящее для окончательнаго рѣшенія, *вершенія*, говоря языкомъ этихъ документовъ. Такъ путемъ доклада переносились дѣла изъ приказовъ „въ верхъ", въ Боярскую думу или къ государю; точно такъ же и областные управители обязаны были докладывать извѣстныя дѣла центральнымъ приказамъ. Областной управитель только разбиралъ дѣло, но рѣшеніе по дѣлу давалось центральнымъ учрежденіемъ, подлежащимъ приказомъ или самой Боярской думой, причемъ, разумѣется, пересматривалось и все дѣлопроизводство съ точки зрѣнія его добросовѣстности и правильности. Въ продолженіе XV и XVI вв. все большее количество дѣлъ, прежде вершившихся на мѣстѣ, въ области, идетъ отъ областныхъ кормленщиковъ на докладъ въ центральныя учрежденія. Такъ докладъ ограничивалъ власть областныхъ управителей. Во второй половинѣ XV в. по первому Судебнику лишь нѣкоторые изъ намѣстниковъ и волостелей обязаны были посылать въ столицу на докладъ извѣстныя дѣла о холопствѣ и важнѣйшія уголовныя—о разбоѣ, душегубствѣ и татьбѣ съ поличнымъ. По второму Судебнику это ограниченіе распространено на всѣхъ намѣстниковъ и волостелей. Точно такъ же съ конца XV в. едва ли не большая часть судныхъ поземельныхъ дѣлъ рѣшается въ центрѣ, а не въ области. Съ другой стороны, судебныя дѣйствія намѣстниковъ и волостелей подчинены были надзору представителей мѣстныхъ обществъ. Сохранившіеся акты удѣльнаго времени изображаютъ дѣятельность лишь органовъ княжеской власти, какими были въ мѣстномъ управленіи намѣстники и волостели. Но едва замѣтно мелькаетъ въ тогдашнихъ грамотахъ другой рядъ властей, въ которыхъ выражалась самодѣятельность мѣстныхъ обществъ. Города и пригородные станы издавна выбирали своихъ сотскихъ, сельскія волости—своихъ старостъ. По актамъ удѣльнаго

времени трудно сказать, каково было значеніе этихъ земскихъ властей; вѣроятно, онѣ вели хозяйственныя дѣла своихъ міровъ, а также охраняли общественную безопасность „отъ лихихъ людей“, отъ татей и разбойниковъ. Съ объединеніемъ Московской Руси этихъ земскихъ выборныхъ стали привлекать и къ дѣламъ государственнаго хозяйства: на сотскихъ, старостъ и выборныхъ окладчиковъ, какъ мы видѣли, возлагали раскладку казенныхъ податей и повинностей, какъ и сборъ кормовъ, шедшихъ областнымъ управителямъ. Можетъ быть, въ силу давняго обычая эти власти имѣли и судебное значеніе, вѣдали какія-либо судныя дѣла своихъ обществъ, не входившія въ юрисдикцію кормленщиковъ. Но до второй половины XV в. сохранившіеся памятники законодательства не указываютъ такого значенія мірскихъ выборныхъ, ни особой ихъ юрисдикціи, ни участія въ судѣ областныхъ управителей. Зато съ этого времени земскія учрежденія становятся все болѣе дѣятельными участниками мѣстнаго управленія и суда. Прежде всего земскіе выборные вводятся въ судъ намѣстниковъ и волостелей. Первый Судебникъ и уставныя грамоты его времени предписываютъ, чтобы на судѣ у областныхъ кормленщиковъ присутствовали сотскіе, старосты и *добрые* или *лутчіе люди*; Судебникъ прибавляетъ еще дворскаго, выборнаго управителя, завѣдывавшаго въ нѣкоторыхъ городахъ тюрьмами и другими казенными зданіями, а также утверждавшаго нѣкоторыя гражданскія сдѣлки, напримѣръ, переходъ недвижимыхъ имуществъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Призывая этихъ земскихъ „судныхъ мужей“ на судъ областныхъ кормленщиковъ, законъ возстановлялъ или обобщалъ давній народный обычай, требовавшій при совершеніи юридическаго акта присутствія свидѣтелей для удостовѣренія его подлинности или дѣйствительности. Таково же

было первоначальное значеніе и судныхъ мужей: они присутствовали на судѣ, какъ его свидѣтели—ассистенты. Если дѣло, разсмотрѣнное намѣстникомъ или волостелемъ, шло на докладъ въ высшую инстанцію и одна сторона оспаривала, „лживила" *судный списокъ*, судебный протоколъ, то староста съ другими судными мужами призывался засвидѣтельствовать, такъ ли шелъ судъ, какъ онъ записанъ въ судномъ спискѣ, который при этомъ сличали съ противнемъ, копіей протокола, выдававшейся суднымъ мужамъ при первомъ производствѣ дѣла у кормленщика за его печатью. Если судные мужи показывали, что судъ шелъ такъ, какъ онъ изложенъ въ судномъ спискѣ, и этотъ списокъ сходился съ копіей „слово въ слово", сторона, оспаривавшая протоколъ, проигрывала дѣло; въ противномъ случаѣ отвѣтственность за неправильное судопроизводство падала на судью. Добрые люди выбирались особо для каждаго дѣла, какъ понятые. Въ XVI в. они превращаются въ постоянное учрежденіе, первоначально въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно на новогородскомъ Сѣверѣ, а потомъ и повсюду: по второму Судебнику въ судѣ областныхъ управителей должны были присутствовать особые выборные, земскіе старосты съ присяжными засѣдателями, *цѣловальниками*, которыхъ надобно отличать отъ прежнихъ сотскихъ, старостъ и десятскихъ, вѣдавшихъ сборъ и раскладку податей и вообще хозяйственныя дѣла своихъ міровъ. Теперь и компетенція присяжныхъ судныхъ мужей расширилась: они стали принимать болѣе дѣятельное участіе въ отправленіи правосудія. Имъ вмѣнялось въ обязанность на судѣ кормленщиковъ „правды стеречи" или „всякаго дѣла беречи вправду, по крестному цѣлованію, безъ всякія хитрости". Такимъ образомъ они должны были наблюдать за правильностью судопроизводства, охраняя правовой порядокъ, мѣстный

юридическій обычай отъ произвола или неопытности кормленщиковъ, не знавшихъ или не хотѣвшихъ знать мѣстной правды,—словомъ, быть носителями мірской совѣсти. Кромѣ того Судебникъ 1550 г. давалъ имъ право блюсти справедливые интересы тяжущихся сторонъ. Это значеніе выражено въ двухъ его постановленіяхъ: одно требовало, чтобы на судѣ кормленщиковъ присутствовали старосты и цѣловальники тѣхъ же волостей, изъ которыхъ были истецъ и отвѣтчикъ; по другому постановленію, когда приставъ намѣстника или волостеля отдавалъ обвиняемаго или осужденнаго на поруки и при этомъ не находилъ поручителей, то онъ не имѣлъ права ковать этого человѣка въ желѣза, не явивъ старостѣ и цѣловальникамъ; въ противномъ случаѣ послѣдніе по требованію родственниковъ могли освободить арестованнаго и даже взыскать для него съ пристава безчестье за неправильный арестъ. Такъ земскіе выборные, ставъ постоянными присяжными засѣдателями на судѣ намѣстниковъ и волостелей, являются посредниками между кормленщиками и своими земскими мірами. Наконецъ оба контроля, сверху и снизу, которымъ подвергались дѣйствія кормленщиковъ, соединялись въ порядкѣ принесенія на нихъ жалобъ обывателями, установленномъ Судебниками и уставными грамотами. Обыватели сами назначали срокъ, когда намѣстникъ или волостель долженъ былъ стать или послать своего человѣка на судъ передъ великимъ княземъ, чтобы отвѣчать на обвиненіе въ московскомъ приказѣ или передъ государевой думой.

Губное управленіе.

Итакъ, повторяю, второй моментъ въ переустройствѣ управленія обозначился установленіемъ двусторонняго надзора за дѣйствіями областныхъ кормленщиковъ. Участіе земскихъ выборныхъ въ отправленіи правосудія было только вспомогательнымъ коррективомъ суда кормленщиковъ. Уже

въ первой половинѣ XVI в. обозначился и третій моментъ изучаемаго процесса, состоявшій въ порученіи мѣстнымъ мірамъ самостоятельнаго веденія дѣла, которое неудовлетворительно вели кормленщики, именно дѣла охраны общественной безопасности. Этимъ и началась замѣна кормленщиковъ выборными земскими властями. До царя Ивана IV намѣстники и волостели вѣдали и уголовныя дѣла, сначала безъ доклада, а потомъ перенося важнѣйшія изъ нихъ на пересмотръ, рѣшеніе или утвержденіе въ столицу. Наиболѣе тяжкія уголовныя преступленія, разбой, душегубство, татьба, поджогъ и т. п.—всѣ такія *лихія дѣла*, какъ они тогда назывались, были для намѣстниковъ и волостелей самыми доходными судебными статьями, доставляли имъ наиболѣе значительныя пошлины; за такія преступленія осужденный подлежалъ „продажѣ", конфискаціи всего имущества въ пользу кормленщика за вычетомъ вознагражденія истцу, тогда какъ другія правонарушенія давали ему только „противень противъ исцова" или „вполы исцова", т.-е. пеню, равную иску или его половинѣ. Значитъ, личный интересъ областного правителя побуждалъ его преслѣдовать лихія дѣла и *карать* за нихъ; но у него не было ни побужденій, ни даже средствъ *предупреждать* ихъ. Когда совершалось убійство, волостель, а чаще намѣстникъ, которому обыкновенно принадлежалъ судъ по уголовнымъ дѣламъ, требовалъ отъ общества, на землѣ котораго совершено преступленіе, выдачи преступника; въ противномъ случаѣ общество платило ему виру въ 4 рубля (въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. не менѣе 400 р. на наши деньги). Подвергались преслѣдованію отдѣльныя лихія дѣла, но не было учрежденія, которое вело бы постоянную, организованную борьбу съ лихими людьми, рецидивистами, профессіональными разбойниками и татями. Кормленщики, очевидно, не годились для такой

борьбы. Между тѣмъ страшное развитіе разбойничества, о которомъ говорятъ памятники тѣхъ вѣковъ, требовало особыхъ органовъ управленія для огражденія общественной безопасности и предупрежденія преступленій. Правительство пробовало сначала посылать въ области особыхъ сыщиковъ для преслѣдованія лихихъ людей; но эти сыщики, требуя себѣ содѣйствія отъ мѣстныхъ обществъ, сами ложились на нихъ новымъ бременемъ, чинили обывателямъ великіе убытки и волокиту великую. Потому въ Москвѣ рѣшили поручить уголовную полицію самимъ мѣстнымъ обществамъ. Въ малолѣтство Грознаго, во время боярскаго правленія, правительство начало давать городскимъ и сельскимъ обществамъ такъ называемыя *губныя грамоты*, предоставлявшія имъ преслѣдованіе и казнь лихихъ людей. Такъ старинная обязанность земскихъ обществъ выдавать намѣстнику душегубцевъ теперь превратилась въ ихъ отвѣтственное право ловить и казнить разбойниковъ. И это дѣло устроялось очень постепенно, съ большими колебаніями. Въ иныхъ мѣстахъ правительство поручало „разбойничьи дѣла дѣлать“ выборнымъ присяжнымъ засѣдателямъ на судѣ кормленщиковъ или наличнымъ сотскимъ и старостамъ подъ руководствомъ извѣстныхъ уже намъ городовыхъ прикащиковъ; въ другихъ мѣстахъ оно предписывало выбирать для этого дѣла особыя спеціальныя власти. Уголовно - полицейскій округъ, въ которомъ преслѣдованіе лихихъ людей предоставлялось самому обществу, назывался *губой*. Первоначально губное окружное дѣленіе совпадало съ мелкимъ административнымъ. Такъ по губнымъ грамотамъ 1539 г., бѣлозерской и каргопольской, самимъ раннимъ актамъ этого рода, до насъ дошедшимъ, обыватели всѣхъ классовъ, „свѣстясь межъ собя всѣ за одинъ“, для поимки и казни разбойниковъ выбирали въ каждой волости тѣхъ уѣздовъ *головъ*

изъ дѣтей боярскихъ, человѣка по 3 или по 4 на волость, а имъ въ помощь старостъ, десятскихъ и лучшихъ людей, которые выбирались изъ тяглаго населенія. Такъ въ губномъ дѣлѣ устанавливалась совмѣстная дѣятельность служилаго и тяглаго общества съ подчиненіемъ послѣдняго первому. Но при этомъ изъ селъ крупныхъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ составлялись особыя губы, независимыя отъ волостныхъ, со своими губными головами и цѣловальниками. Такъ изъ 5 селъ Кириллова монастыря въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ образована была въ 1549 г. особая губа съ 2 губными старостами, „выборными головами“ изъ служилыхъ людей и съ цѣловальниками изъ крестьянъ тѣхъ же селъ. Но эти монастырскіе губные головы по важнымъ губнымъ дѣламъ должны были съѣзжаться съ волостными и становыми губными головами въ г. Бѣлозерскѣ, гдѣ и вершили такія дѣла всѣ вмѣстѣ. Эти съѣзды естественно вели къ объединенію мелкихъ губныхъ единицъ, къ установленію всеуѣздной губной власти. Во второй половинѣ XVI в. такая власть и явилась въ видѣ всеуѣздныхъ губныхъ старостъ, по одному или по два на весь уѣздъ, который теперь образовалъ одну цѣльную губу. Надъ бѣлозерскими волостными и становыми губными головами, установленными въ 1539 г., грамота 1571 г. поставила двухъ всеуѣздныхъ губныхъ старостъ. Подобное объединеніе губныхъ учрежденій происходило и въ вотчинахъ крупныхъ частныхъ землевладѣльцевъ. Въ многочисленныхъ селахъ Троицкаго Сергіева монастыря, разсѣянныхъ по 22 центральнымъ уѣздамъ, было нѣсколько своихъ монастырскихъ губъ съ выборными губными прикащиками и цѣловальниками, съ губными избами, т.-е. правленіями, и съ тюрьмами при нихъ для татей и разбойниковъ, — все на монастырскомъ содержаніи. Въ 1586 г. надъ всѣми этими

монастырскими губами поставленъ былъ общій губной староста изъ монастырскихъ служилыхъ людей.

Ставъ всеуѣзднымъ, губное управленіе образовало сложную сѣть руководящихъ и подчиненныхъ полицейскихъ органовъ, раскинувшуюся по всему уѣзду. Во главѣ ихъ стояли губные старосты, избиравшіеся на всесословномъ уѣздномъ съѣздѣ, но только изъ служилыхъ людей, по одному или по два на уѣздъ. Они вели дѣла вмѣстѣ съ губными цѣловальниками, которыхъ выбирали изъ своей среды одни тяглые люди, посадскіе и сельскіе, въ прежнихъ мелкихъ губныхъ округахъ, посадахъ, волостяхъ, станахъ и селахъ. Старостамъ подчинены были сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе, выбиравшіеся по сотнямъ, полусотнямъ и десяткамъ, полицейскимъ участкамъ, на которые дѣлились по числу дворовъ губные округа. Его составъ.

Въ губныхъ учрежденіяхъ сказался ростъ сознанія государственныхъ задачъ: они были плодомъ мысли, что преступленіе не есть частное дѣло, а касается всего общества, затрогиваетъ общее благо, а потому и преслѣдованіе его есть обязанность государства и требуетъ особыхъ органовъ и пріемовъ управленія. Развитіе этой мысли вело къ постепенному расширенію губного вѣдомства, захватывавшаго все большій кругъ уголовныхъ дѣяній. По второму Судебнику и по первымъ губнымъ грамотамъ этому вѣдомству изъ всѣхъ лихихъ дѣлъ предоставленъ былъ только разбой, къ которому потомъ были прибавлены татьба, а въ XVII в. душегубство, поджогъ, оскорбленіе родителей и др. Для губныхъ дѣлъ установленъ былъ особый порядокъ дѣлопроизводства. Кормленщики вели судныя дѣла обвинительнымъ или состязательнымъ процессомъ, который собственно и назывался *судомъ*. Дѣло возбуждалось частнымъ искомъ или обвиненіемъ и рѣшалось признаніемъ отвѣтчика, Вѣдомство и процессъ.

свидѣтельскими показаніями, полемъ, присягой, письменными документами. Губной староста велъ дѣла розыскнымъ или слѣдственнымъ порядкомъ. Дѣло обсуждалось и безъ частнаго иска, поимкой татя съ поличнымъ, *повальнымъ обыскомъ*, опросомъ мѣстныхъ обывателей о прежнемъ поведеніи обвиняемаго, объ его общественной благонадежности, и *оговоромъ*, указаніемъ преступника съ пытки на соучастниковъ преступленія. Эти улики имѣли силу судебныхъ доказательствъ сами по себѣ, безъ сравнительной судебной оцѣнки каждой изъ нихъ. Частное обвиненіе въ разбоѣ, не поддержанное ни оговоромъ, ни прямыми уликами, вело къ повальному обыску, а облихованный въ обыску, хотя бы бездоказательно, все-таки подвергался пыткѣ и если не сознавался въ преступленіи, „по обыску" осуждался на пожизненное тюремное заключеніе, а изъ имущества его вознаграждался истецъ. Цѣль губного процесса строго полицейская—предупрежденіе и пресѣченіе „лиха", искорененіе лихихъ людей. Губная грамота грозила губнымъ властямъ: „а сыщутся лихіе люди мимо ихъ, и на нихъ исцовы иски велѣть имати безъ суда, да имъ же отъ насъ (государя) быти кажненымъ". Потому губного старосту заботило не возстановленіе права въ каждомъ случаѣ его нарушенія, а обезпеченіе общественной безопасности. Вступая въ должность, онъ обязанъ былъ созвать въ уѣздный городъ на съѣздъ уѣздныхъ жителей изъ всѣхъ классовъ общества, изъ духовенства бѣлаго и чернаго, изъ дворянства, городского и сельскаго населенія, и опросить ихъ подъ присягой, кто у нихъ въ губѣ лихіе люди, тати и разбойники или ихъ укрыватели, и кого въ этомъ общемъ предварительномъ обыску называли лихими людьми, тѣхъ брали и ставили передъ губнымъ старостой, а ихъ имущество переписавъ берегли до окончанія дѣла. Такъ на-

чиналась сложная и шумная губная процедура по всему уѣзду съ арестами, пыточными оговорами, очными ставками, „исцовыми исками", повторительными повальными обысками и пытками, конфискаціями, висѣлицами.

Характеръ и значеніе.

Въ этой громоздкой организаціи и ея хлопотливой дѣятельности настойчиво проводилась двоякая тенденція. Во-первыхъ, всѣ классы общества призывались содѣйствовать выборнымъ губнымъ властямъ, ловить и уличать лихихъ людей; это была общая мобилизація мѣстныхъ міровъ для охраны общественной безопасности, составлявшей общій интересъ всѣхъ сословій. Во-вторыхъ, преслѣдованіе лихихъ людей, которое сначала предоставлялось отдѣльнымъ городскимъ и волостнымъ мірамъ какъ право, по ихъ челобитью, потомъ, съ превращеніемъ губного дѣла въ повсемѣстное и всеуѣздное учрежденіе, стало для нихъ отвѣтственной повинностью. Такой характеръ учрежденія обнаруживался, съ одной стороны, въ томъ, что всесословнымъ выборомъ губного старосты, уѣздное общество ручалось за своего избранника и это было обязательное ручательство, требовавшееся и для старосты, котораго иногда назначало само правительство, обязывая избирателей отвѣчать и за его дѣятельность, расплачиваться за неисправность назначеннаго, какъ и избраннаго; съ другой стороны, общимъ предварительнымъ обыскомъ обыватели губного округа ручались передъ правительствомъ и другъ за друга въ томъ, что они не допустятъ лихихъ людей въ своей средѣ, подъ угрозой въ противномъ случаѣ платить пени и иски потерпѣвшихъ отъ не предотвращеннаго ими лихого дѣла „безъ суда вдвое". Такъ въ основу губного управленія положено было начало государственной отвѣтственности, выражавшееся въ двойной обязательной порукѣ мѣстныхъ міровъ—за своихъ выборныхъ и за самихъ себя, за каждаго изъ своихъ членовъ.

Два вопроса.

Это было новое начало въ московскомъ государственномъ строѣ, еще покоившемся на удѣльномъ смѣшеніи частнаго права съ государственнымъ. Но здѣсь возникаютъ два вопроса. Охрана общественной безопасности—дѣло не мѣстное, а общегосударственное: почему же это дѣло нашли нужнымъ поручить выборнымъ представителямъ мѣстныхъ обществъ, а не прямымъ органамъ центральной власти? Далѣе, общество въ Московскомъ государствѣ XVI в. разбито было на множество экономическихъ состояній, различавшихся родомъ занятій, родомъ, размѣрами и отчасти принадлежностью капитала. Это были неустойчивыя, подвижныя состоянія: лица могли переходить изъ одного разряда въ другой и мѣнять или соединять занятія. Государство едва начинало налагать на эти классы сословный отпечатокъ, распредѣляя свои службы и повинности между ними по ихъ экономическимъ различіямъ. Въ этой соціально-политической дифференціаціи стали обозначаться три основныя состоянія, въ которыя по роду повинностей смыкались дробные общественные классы: то были *служилые* землевладѣльцы, обязанные ратной службой, тяглые *посадскіе* обыватели; торгово-промышленные люди, тянувшіе тягло „по животамъ (имуществу) и промысламъ“ (оборотному капиталу), и тяглые *уѣздные*, сельскіе пахотные люди, тянувшіе поземельное тягло по пашнѣ. Не говоримъ о духовенствѣ, которое издавна было обособлено своимъ церковнымъ служеніемъ. Былъ ли всесословный характеръ губного управленія признакомъ, что въ государствѣ или народѣ чувствовалась потребность поддержать или укрѣпить совмѣстную дѣятельность зарождавшихся сословій въ управленіи? Отвѣтъ на эти вопросы находимъ въ происхожденіи и устройствѣ земскихъ учрежденій царя Ивана IV.

Губное управленіе и кормленщики.

При введеніи губного управленія повидимому еще не предполагалось ни отмѣнять кормленія, ни даже ограничивать права кормленщиковъ. Законодательство старалось точно разграничить оба вѣдомства, губное и кормовое, и безобидно опредѣлить ихъ взаимныя отношенія. Судебникъ 1550 г. заботливо ограждаетъ компетенцію кормленщиковъ отъ вмѣшательства губныхъ старостъ, которымъ предоставляетъ вѣдать только дѣла о разбоѣ, дѣла же о татьбѣ предписываетъ судить по губнымъ грамотамъ, которыя то отдаютъ татинныя дѣла вмѣстѣ съ разбойными въ вѣдѣніе губныхъ старостъ, то предписываютъ послѣднимъ судить эти дѣла совмѣстно съ кормленщиками, при чемъ участіе тѣхъ и другихъ въ такомъ судѣ строго разграничивается: кормленщики правили на осужденномъ свои „продажи", взысканія, а губные удовлетворяли истцовъ изъ его имущества и подвергали его уголовной карѣ, кнуту и т. д. Но въ обществѣ поняли нововведеніе, какъ мѣру, направленную прямо противъ кормленщиковъ. Съ чувствомъ глубокаго внутренняго удовлетворенія разсказываетъ объ этомъ псковской лѣтописецъ подъ 1541 г. Онъ пишетъ, что государь показалъ милость своей отчинѣ, началъ давать городамъ и волостямъ грамоты—лихихъ людей обыскивать межъ себя самимъ крестьянамъ по крестному цѣлованію и казнить ихъ смертью, не водя къ намѣстникамъ и ихъ тіунамъ, и „была намѣстникамъ нелюбка велика на христіанъ". Псковичи также взяли такую грамоту (до насъ не дошедшую), и начали псковскіе цѣловальники и сотскіе судить и казнить лихихъ людей. Намѣстникъ псковскій сильно злился на псковичей за то, что „у нихъ какъ зерцало государева грамота", какъ бѣльмо на намѣстничьемъ глазу, вѣроятно, хотѣлъ сказать лѣтописецъ. „И бысть крестьянамъ радость и

льгота отъ лихихъ людей“, добавляетъ повѣствователь и въ перечнѣ этихъ лихихъ людей ставитъ и самихъ намѣстниковъ съ ихъ слугами.

Земская реформа.

Земская реформа была четвертымъ и послѣднимъ моментомъ въ переустройствѣ мѣстнаго управленія. Она состояла въ попыткѣ совсѣмъ отмѣнить кормленія, замѣнивъ намѣстниковъ и волостелей выборными общественными властями, поручивъ самимъ земскимъ мірамъ не только уголовную полицію, но и все мѣстное земское управленіе вмѣстѣ съ гражданскимъ судомъ.

Ея причины.

Различныя побужденія привели къ этой перемѣнѣ. Система кормленій сопряжена была съ большими неудобствами какъ для ратной службы, т.-е. для обороны страны, такъ и для мѣстнаго управленія. Мы уже знаемъ, что военно-служилый классъ въ Московскомъ государствѣ имѣлъ двойственное значеніе, составлялъ главную боевую его силу и вмѣстѣ служилъ органомъ управленія. Кормовыя мѣста питали множество ратныхъ людей. Но въ XVI в. государство принуждено было чуть не ежегодно поднимать значительныя силы на ту или другую свою окраину. Мобилизація крайне затруднялась тѣмъ, что множество ратныхъ людей было разбросано по кормленіямъ, а порядокъ управленія страдалъ отъ того, что его органы должны были покидать дѣла для похода. Такъ обѣ вѣтви управленія мѣшали одна другой: военные люди становились неисправными управителями, а становясь управителями, переставали быть исправными военными людьми. Къ тому же новыя потребности общественнаго порядка, усложняя задачи управленія, требовали отъ управителей все большей внимательности къ интересамъ государства и нуждамъ населенія, къ чему у кормленщиковъ не было ни привычки, ни охоты. Отсюда развились разнообразныя злоупотребленія управителей и страшное не-

довольство управляемыхъ. Среди мѣръ, какія придумывало московское правительство для обузданія слишкомъ распускавшагося аппетита кормленщиковъ, особенно важенъ былъ своеобразный порядокъ должностной отвѣтственности, выработавшійся изъ стариннаго права управляемыхъ жаловаться высшему правительству на незаконныя дѣйствія подчиненныхъ управителей. По окончаніи кормленія обыватели, потерпѣвшіе отъ произвола управителей, могли обычнымъ гражданскимъ порядкомъ жаловаться на дѣйствія кормленщика, которыя находили неправильными. Обвиняемый правитель въ такой тяжбѣ являлся простымъ гражданскимъ отвѣтчикомъ, обязаннымъ вознаградить своихъ бывшихъ подвластныхъ за причиненныя имъ обиды, если истцы умѣли оправдать свои претензіи; при этомъ кормленщикъ платилъ и судебныя пени и протори. По тогдашнему порядку судопроизводства истцы могли даже вызывать своего бывшаго управителя на поединокъ, поле. Литвинъ Михалонъ, знакомый съ современными ему московскими порядками половины XVI в., негодуя на безнаказанный произволъ пановъ въ своемъ отечествѣ, съ восторгомъ пишетъ въ своемъ сочиненіи о такомъ московскомъ способѣ держать областную администрацію въ границахъ законнаго приличія. Но это было приличіе, охраняемое скандаломъ: съ точки зрѣнія общественной дисциплины что̀ могло быть предосудительнѣе и соблазнительнѣе зрѣлища судебной драки бывшаго губернатора или его замѣстителя, двороваго его человѣка, съ наемнымъ бойцомъ, выставленнымъ людьми, которыми онъ недавно правилъ отъ имени верховной власти. Установившійся способъ защиты управляемыхъ обществъ отъ произвола управителей служилъ источникомъ безконечнаго сутяжничества. Съѣздъ съ должности кормленщика, не умѣвшаго ладить съ управляемыми, былъ сигналомъ ко

вчиненію запутанныхъ исковъ о переборахъ и другихъ обидахъ. Московскіе приказные судьи не мирволили своей правительственной братіи. Изображая положеніе дѣлъ передъ реформой мѣстнаго управленія, лѣтописецъ говоритъ, что намѣстники и волостели своими злокозненными дѣлами опустошили много городовъ и волостей, были для нихъ не пастырями, не учителями, а гонителями и разорителями, что со своей стороны и „мужичье" тѣхъ городовъ и волостей натворило кормленщикамъ много коварствъ и даже убійствъ ихъ *людямъ:* какъ съѣдетъ кормленщикъ съ кормленія, мужики ищутъ на немъ многими исками, и при этомъ совершается много „кровопролитія и оскверненія душамъ", разумѣется, отъ поединковъ и крестоцѣлованій, такъ что многіе намѣстники и волостели, проигрывая такія тяжбы, лишались не только нажитыхъ на кормленіи животовъ, но и старыхъ своихъ наслѣдственныхъ имуществъ, вотчинъ, платя убытки истцовъ и судебныя пени.

Введеніе земскихъ учрежденій.

Съ цѣлью прекратить это соблазнительное сутяжничество царь на земскомъ соборѣ 1550 г. „заповѣдалъ" своимъ боярамъ, приказнымъ людямъ и кормленщикамъ помириться „со всѣми хрестьяны" своего царства на срокъ, т. е. предложилъ служилымъ людямъ покончить свои административныя тяжбы съ земскими людьми не обычнымъ исковымъ, боевымъ, а безгрѣшнымъ *мировымъ* порядкомъ. Заповѣдь царя исполнена была съ такою точностью, что въ слѣдующемъ 1551 г. онъ могъ уже сообщить отцамъ церковнаго, такъ называемаго Стоглаваго собора, что бояре, приказные люди и кормленщики „со всѣми землями помирились во всякихъ дѣлахъ". Эта мировая ликвидація административныхъ тяжебъ и была подготовительной мѣрой къ отмѣнѣ кормленій. По обычному преобразовательному пріему московскаго правительства сдѣланы были предвари-

тельные пробные опыты. Въ февралѣ 1551 г., когда только что собрался Стоглавый соборъ, дана была крестьянамъ Плесской волости Владимірскаго уѣзда уставная грамота, изъ которой видимъ, что крестьяне этой волости „пооброчились", рѣшили взамѣнъ намѣстничьихъ кормовъ и пошлинъ платить въ казну оброкъ, за что имъ предоставлено было право судиться „межъ собя" у старостъ и цѣловальниковъ, „кого собѣ изберутъ всею волостью". Эту льготу плесскіе крестьяне выхлопотали себѣ только на годъ, но потомъ продолжили ее и на другой годъ, удвоивъ оброкъ. Въ 1552 г., мѣсяца за три до казанскаго похода, посадскимъ людямъ и крестьянамъ Важскаго уѣзда на поморскомъ Сѣверѣ дана была такая же грамота, отмѣнявшая у нихъ управленіе намѣстника и передававшая управу во всякихъ дѣлахъ излюбленнымъ ими головамъ. Вскорѣ по завоеваніи Казани правительство съ развязанными для внутреннихъ дѣлъ руками и съ необычайно приподнятымъ духомъ принялось за дальнѣйшую разработку вопроса о кормленіяхъ. Мнѣніе Боярской думы, которой царь поручилъ это дѣло, склонилось въ пользу отмѣны кормленій, такъ что царь въ ноябрѣ 1552 г. могъ уже оффиціально объявить о принятомъ правительствомъ рѣшеніи устроить мѣстное управленіе безъ кормленщиковъ. Тогда и выработанъ былъ общій планъ земскаго самоуправленія. Среди послѣдовавшихъ по случаю паденія Казанскаго царства торжествъ и щедрыхъ наградъ героямъ подвига, служилымъ людямъ, не было забыто и неслужилое земство, которое понесло на себѣ финансовыя тяготы похода: „а кормленіями, замѣчаютъ лѣтописи, государь пожаловалъ всю землю". Это значитъ, что земское самоуправленіе рѣшено было сдѣлать повсемѣстнымъ учрежденіемъ, предоставивъ земскимъ мірамъ ходатайствовать объ освобожденіи ихъ, буде они того

пожелаютъ, отъ кормленщиковъ. Земскія общества одно за другимъ стали переходить къ новому порядку управленія. Убѣдившись по предварительнымъ опытамъ реформы, что земство въ ней нуждается, правительство рѣшило сдѣлать ее общей мѣрой и въ 1555 г. издало законъ, не дошедшій до насъ въ подлинномъ видѣ, а только въ изложеніи лѣтописца. Такою общею мѣрой реформа является уже въ грамотѣ, данной слободѣ переяславскихъ рыболововъ 15 августа 1555 г., въ которой царь говоритъ, что онъ велѣлъ „во всѣхъ городѣхъ и волостѣхъ учинити старостъ излюбленныхъ, которыхъ себѣ крестьяне межъ себя излюбятъ и выберутъ всею землею“ и которые умѣли бы ихъ разсудить въ правду, „безпосульно и безволокитно“, а также сумѣли бы собрать и доставить въ государеву казну оброкъ, установленный взамѣнъ намѣстничьихъ поборовъ. Отсюда видны основанія или условія реформы. Переходъ къ самоуправленію предоставлялся земскимъ мірамъ, какъ *право*, и потому не былъ для нихъ обязателенъ, отдавался на волю каждаго міра. Но кормленіе служилыхъ управителей было *земской повинностью*, которую земскіе міры, желавшіе замѣнить кормленщиковъ своими выборными, обязаны были выкупать, какъ потомъ выкупались дворянскія земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости. Всѣ доходы кормленщиковъ, кормы и пошлины, перекладывались въ постоянный государственный оброкъ, который земство платило прямо въ казну. Эта перекладка получила названіе *откупа*, а жалованныя грамоты на освобожденіе отъ кормленщиковъ назывались *откупными*. Земская повинность была тѣсно связана и вводилась одновременно съ общей реорганизаціей обязательной службы служилыхъ людей: тогда установлены были нормальные размѣры этой повинности и вознагражденія

за нее—помѣстные и денежные оклады. Помѣстное землевладѣніе, усиленно развивавшееся со времени отмѣны кормленій, становилось главнымъ средствомъ содержанія служилаго класса; новый источникъ дохода, создававшійся откупными платежами, служилъ мобилизаціоннымъ подспорьемъ. Изъ новаго государственнаго оброка служилые люди получали „праведные уроки", постоянные денежные оклады „по отечеству и по дородству", т. е. по родовитости и по служебной годности.

Вѣдомство и отвѣтственность.

Земская реформа была крутымъ политическимъ переломомъ; но практически ее упрощалъ второй Судебникъ, установивъ обязательное и повсемѣстное присутствіе земскихъ старостъ и цѣловальниковъ въ судѣ кормленщиковъ. Оставалось только вывести изъ мѣстнаго суда самихъ кормленщиковъ, передавъ ихъ функціи этимъ земскимъ засѣдателямъ и превративъ ихъ въ самостоятельную судебную коллегію. Въ этомъ собственно и состояла реформа, не потребовавшая ни новыхъ органовъ, ни новаго судебно-окружнаго дѣленія. Земскіе выборные дѣйствовали въ посадахъ, станахъ, волостяхъ и слободахъ,—въ прежнихъ дробныхъ округахъ намѣстниковъ и волостелей; только на Сѣверѣ встрѣчаемъ крупные земскіе округа, вмѣщавшіе въ себѣ по нѣскольку волостей, даже цѣлые уѣзды, какъ Важскій или Холмогорскій въ Двинской землѣ. Каждый округъ выбиралъ одного, двухъ или больше излюбленныхъ старостъ съ нѣсколькими цѣловальниками. Вѣдомство разнообразилось по мѣстнымъ условіямъ. Въ него входили собственно судныя дѣла исковыя, т.-е. гражданскія и тѣ изъ уголовныхъ, которыя, какъ бой (побои) и грабежъ, велись состязательнымъ, исковымъ порядкомъ, а не губнымъ, слѣдственнымъ. Но въ иныхъ мѣстахъ и губныя дѣла, поджогъ, душегубство, разбой и

татьба, вѣдались земскими судьями совмѣстно съ губными старостами, а на Сѣверѣ, въ Двинской землѣ, гдѣ за недостаткомъ служилыхъ людей не изъ кого было выбрать губныхъ старостъ, губныя дѣла поручались однимъ земскимъ старостамъ. На земскихъ выборныхъ судьяхъ лежалъ и сборъ откупного оброка, которымъ окупалось земское самоуправленіе; но иногда на нихъ же возлагали сборъ и доставку въ казну и другихъ окладныхъ налоговъ. Излюбленные старосты или выборные судьи съ цѣловальниками вели порученныя имъ судныя и казенныя дѣла подъ личною отвѣтственностью и мірской порукой: недобросовѣстное или неумѣлое исполненіе судебно-административныхъ обязанностей наказывалось смертной казнью „безъ отпросу“ и конфискаціей имущества виновныхъ, которое шло пострадавшимъ отъ ихъ неисправности истцамъ и тѣмъ, „кто на нихъ доведетъ“; подразумѣвалось, что и все общество, выбиравшее старосту и цѣловальниковъ, отвѣчало за ихъ неисправную дѣятельность въ случаѣ ихъ несостоятельности. При такой строгой отвѣтственности земскіе выборные судьи вели порученныя имъ дѣла не только безпосульно и безволокитно, но и безмездно: грамоты только обѣщаютъ именемъ царя, что если земскіе судьи будутъ дѣлать свое дѣло исправно, судить прямо и казенный оброкъ сбирать и привозить въ срокъ и сполна „и намъ и землѣ управа ихъ будетъ люба, государь съ ихъ земель никакихъ пошлинъ и податей брать не велитъ да и сверхъ того пожалуетъ“.

Вѣрное управленіе.

Я изложилъ важнѣйшія перемѣны въ устройствѣ мѣстнаго московскаго управленія за изучаемое время. Онѣ совершались въ одномъ строго опредѣленномъ направленіи: опредѣленіе правъ кормленщиковъ или таксація кормленій, докладъ, введеніе земскихъ засѣдателей въ судъ

кормленщиковъ, наконецъ замѣна послѣднихъ выборными старостами, губными и потомъ излюбленными,—все это были повидимому послѣдовательные моменты одного процесса, развитія мѣстнаго самоуправленія. Но были ли эти моменты успѣхами мѣстной общественной самодѣятельности? Характеръ земскаго самоуправленія, введеннаго при царѣ Иванѣ, всего яснѣе выражался въ томъ участіи, какое тотъ же царь заставилъ мѣстныя земскія общества принять въ финансовомъ управленіи. Земскіе старосты собирали прямые налоги. Сборъ налоговъ косвенныхъ, таможенныхъ пошлинъ, также эксплоатація доходныхъ казенныхъ статей (питейное дѣло, соляные и рыбные промыслы и т. п.) отдавались *на вѣру*. Для этого земскія тяглыя общества обязаны были изъ своей среды выбирать или ставить по назначенію правительства *вѣрныхъ*, т.-е. присяжныхъ головъ и цѣловальниковъ, которымъ ввѣрялся сборъ такихъ доходовъ. Исправность сбора обезпечивалась кромѣ вѣры, присяги, еще имущественною отвѣтственностью сборщиковъ и поручительствомъ ставившаго ихъ земскаго общества. Въ значительныхъ торговыхъ пунктахъ такія порученія возлагались на надежныхъ людей изъ московскаго купечества и изъ мѣстнаго торговаго класса. Правительство начало пробовать этотъ новый способъ эксплоатаціи казенныхъ статей въ то самое время, когда думало о развитіи земскихъ учрежденій. Такъ въ 1551 г. таможенные сборы въ г. Бѣлозерскѣ отданы были на вѣру двумъ москвичамъ и двадцати бѣлозерцамъ на годъ. Если вѣрный голова съ цѣловальниками не добиралъ напередъ назначенной или ожидаемой по смѣтѣ суммы казеннаго сбора, они должны были доплачивать недоборъ изъ собственныхъ средствъ вдвое; при ихъ несостоятельности за нихъ платили избиратели. Со временемъ

это *вѣрное* управленіе разрослось въ цѣлую сѣть учрежденій, тяжело опутавшую земскія общества. Ежегодно множество лицъ отрывались отъ своихъ частныхъ дѣлъ, чтобы по выбору, по очереди или по назначенію исполнять эти тяжкія казенныя порученія съ опасностью разориться.

Характеръ и значеніе реформы.

Теперь намъ ясенъ характеръ земской реформы царя Ивана. Мѣстное самоуправленіе обыкновенно противополагается централизаціи; но обѣ системы управленія могутъ быть поставлены въ такое отношеніе другъ къ другу, которое искажаетъ существо той и другой. Мѣстное самоуправленіе въ настоящемъ смыслѣ слова есть болѣе или менѣе самостоятельное веденіе мѣстныхъ дѣлъ представителями мѣстныхъ обществъ съ правомъ облагать населеніе, распоряжаться общественнымъ имуществомъ, мѣстными доходами и т. п. Какъ нѣтъ настоящей централизаціи тамъ, гдѣ мѣстные органы центральной власти, ею назначаемые, дѣйствуютъ самостоятельно и безотчетно, такъ нѣтъ и настоящаго самоуправленія тамъ, гдѣ выборныя мѣстныя власти ведутъ не мѣстныя, а общегосударственныя дѣла по указаніямъ и подъ надзоромъ центральнаго правительства. Въ первомъ случаѣ имѣемъ дѣло съ децентрализаціей, каковою было управленіе намѣстниковъ и волостелей; во второмъ мѣстное самоуправленіе является орудіемъ централизаціи. Дѣло не столько въ выборѣ или въ назначеніи мѣстныхъ властей, сколько въ свойствѣ самыхъ функцій, ими отправляемыхъ, и въ степени ихъ зависимости отъ центральной власти. Разсматривая кругъ дѣлъ губныхъ и излюбленныхъ земскихъ старостъ, сборъ государственныхъ податей, судъ и полицію, видимъ, что это были все дѣла не мѣстныя, земскія въ собственномъ смыслѣ, а общегосударственныя, которыя прежде вѣдались мѣстными органами центральнаго правительства, намѣстниками и воло-

стелями. Слѣдовательно сущность земскаго самоуправленія XVI в. состояла не столько въ правѣ обществъ вѣдать свои мѣстныя земскія дѣла, сколько въ обязанности исполнять извѣстныя общегосударственныя, *приказныя* порученія, выбирать изъ своей среды отвѣтственныхъ исполнителей „къ государеву дѣлу". Это была новая земская повинность, особый родъ государственной службы, возложенной на тяглое населеніе. Естественно, такая служба была соединена со строгимъ надзоромъ и отчетностью мѣстныхъ органовъ передъ центральнымъ правительствомъ. Главной пружиной земскихъ учрежденій и было начало мірской отвѣтственности, круговой поруки, проведенной строго и послѣдовательно, и потому основнымъ побужденіемъ къ ихъ введенію надобно считать потребность въ установленіи *государственной отвѣтственности* мѣстныхъ управителей, какой не подлежали кормленщики, несшіе только отвѣтственность *гражданскую* передъ управляемыми мѣстными обществами. Такое сочетаніе централизаціи и самоуправленія было вынуждено политической необходимостью. Успѣшное объединеніе Великороссіи ставило объединителей въ большое затрудненіе. Собиравшуюся землю надо было не только защищать, но и устроить, а готовыхъ средствъ и пригодныхъ орудій устроенія недоставало. Московскіе собиратели были застигнуты врасплохъ собственными успѣхами, не были подготовлены къ послѣдствіямъ своего дѣла, отставали отъ задачъ, какія оно имъ ставило. Тогда московское правительство и обратилось къ обычному пріему своей устроительной политики—требовать недостающихъ матеріаловъ устроенія отъ самого населенія: требовался новый расходъ—оно вводило новый налогъ; потребовались новые отвѣтственные и даровые органы мѣстнаго управленія—обязательная поставка ихъ была возложена на мѣстное общество.

Для обезпеченія отвѣтственности этихъ общественныхъ судебно-административныхъ рекрутовъ ихъ сдѣлали выборными: выбирать тогда значило отвѣчать за выборныхъ. Итакъ земское самоуправленіе XVI вѣка было вызвано обнаружившеюся при новыхъ государственныхъ задачахъ и потребностяхъ недостаточностью или непригодностью прежнихъ мѣстныхъ правительственныхъ учрежденій. Для разрѣшенія этихъ новыхъ задачъ на помощь центральному правительству и было призвано земство съ его круговой порукой.

Такъ мы отвѣтили на одинъ изъ поставленныхъ вопросовъ—о мѣстныхъ органахъ управленія съ немѣстными вѣдомствами. Другого вопроса—о сословномъ характерѣ мѣстныхъ учрежденій—коснемся въ слѣдующемъ чтеніи.

Лекція XL.

Управленіе и общество.—Дробность и сословный характеръ мѣстнаго самоуправленія.—Неудача всесословнаго начала.—Необходимость объединенія мѣстныхъ учрежденій.—Земскіе соборы.—Сказаніе о соборѣ 1550 г.—Разборъ сказанія.—Составъ соборовъ 1566 и 1598 гг.—Служилые и торгово-промышленные люди въ ихъ составѣ.—Земскій соборъ и земля.—Значеніе соборнаго представителя.—Порядокъ соборныхъ совѣщаній.—Значеніе соборнаго крестоцѣлованія.—Связь соборовъ съ мѣстными мірами.—Происхожденіе и значеніе земскихъ соборовъ.—Мысль о всеземскомъ соборѣ.—Московское государство въ концѣ XVI в.

Изучивъ управленіе губное, земское и вѣрное, попытаемся теперь представить себѣ, какъ сформировалось общество въ рамкахъ этихъ новыхъ учрежденій.

Дробность мѣстнаго управленія.

Эти учрежденія, какъ мы видѣли, имѣли двойственный характеръ: они были мѣстныя по источнику, изъ котораго органы мѣстнаго самоуправленія, выборные люди, получали свои полномочія; но они не были мѣстными по свойству дѣлъ, какія вѣдали эти выборные мѣстныхъ земскихъ міровъ,—дѣлъ общегосударственныхъ, приказныхъ, а не мѣстныхъ земскихъ. Какъ мѣстныя учрежденія по происхожденію своего личнаго состава, они еще болѣе прежняго раздробили мѣстное управленіе и притомъ какъ въ территоріальномъ, такъ и въ вѣдомственномъ отношеніи. Уѣздъ въ Московскомъ государствѣ и прежде не былъ вполнѣ цѣльной административной единицей; управленіе сельскихъ волостелей было слабо связано съ управленіемъ городскихъ намѣстниковъ, власть которыхъ, и то не вездѣ, простиралась на

весь уѣздъ только по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ. Теперь мѣстные земскіе міры, сельскіе и городскіе, со своими излюбленными старостами и вѣрными головами совсѣмъ обособились другъ отъ друга, разбившись на мелкія земскія единицы, посады, волости, станы, слободы и отдѣльныя села съ деревнями, не имѣя объединяющаго органа въ уѣздѣ. Только два управленія, губное и дворянское, во главѣ которыхъ стояли представители мѣстныхъ служилыхъ міровъ, губные старосты и городовые прикащики, были соединены въ крупные округа, имѣли средоточіе въ уѣздномъ городѣ. Впрочемъ и это было не вездѣ: въ Рязанскомъ уѣздѣ служилые люди были разбиты на 4 общества, по станамъ, а въ Новгородскомъ было 10 губныхъ округовъ съ особыми губными старостами въ половинахъ каждой пятины. Эта территоріальная дробность мѣстнаго управленія соединялась еще съ его вѣдомственной сложностью. Въ немъ дѣйствовали рядомъ четыре вѣдомства: губное, церковное, простиравшееся и на мірянъ, состоявшихъ на службѣ при церковныхъ учрежденіяхъ или жившихъ на церковныхъ земляхъ, служилое дворянское и земское въ собственномъ смыслѣ, къ которому принадлежало все тяглое населеніе, жившее въ городахъ и селахъ на земляхъ казенныхъ, дворцовыхъ и частновладѣльческихъ нецерковныхъ. Притомъ и земское вѣдомство развѣтвлялось на три особыя управленія, судебное, хозяйственное и вѣрное. Хозяйственныя дѣла тяглыхъ городскихъ и волостныхъ обществъ по раскладкѣ и сбору казенныхъ податей и отбыванію повинностей, по распоряженію общественными землями вели старинные земскіе старосты, сотскіе и десятскіе. Они продолжали дѣйствовать и при новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ царя Ивана: Судебникъ 1550 г. опредѣлительно отличаетъ ихъ отъ старостъ и цѣловальниковъ, „ко-

торые у намѣстниковъ и у волостелей и у ихъ тіуновъ въ судѣ сидятъ“.

Всѣ эти вѣдомства, за исключеніемъ губного, носили сословный характеръ. Земскимъ старостамъ и цѣловальникамъ подвѣдомы были собственно земскіе, тяглые люди и тяглыя земли; церковные служилые землевладѣльцы зависѣли отъ нихъ или, точнѣе, соприкасались съ ними только по своимъ землямъ, населеннымъ тяглыми людьми, или по дворамъ на тяглой городской землѣ, если льготныя грамоты не освобождали ихъ отъ участія въ земскомъ поземельномъ тяглѣ: это была зависимость поземельная, а не личная или сословная. Между тѣмъ въ законодательствѣ царя Ивана по устройству мѣстнаго управленія и помимо всесословныхъ губныхъ учрежденій сказывалось стремленіе установить связь между разными вѣдомствами и тѣмъ поддержать совмѣстную общественную дѣятельность обособлявшихся классовъ. По постановленію Стоглаваго собора въ судѣ архіерейскихъ бояръ по дѣламъ гражданскимъ и нѣкоторымъ уголовнымъ—о бояхъ и грабежахъ—должны были засѣдать рядомъ съ поповскими старостами, благочинными, и земскіе старосты съ цѣловальниками и съ земскимъ дьякомъ. Подобно тому въ 1556 г. предписано было въ Новгородской землѣ всѣмъ сословіямъ, духовенству, служилымъ людямъ и крестьянамъ для сбора казенныхъ податей выбрать изъ каждой пятины по одному служилому человѣку и по три—по четыре человѣка изъ лучшихъ людей другихъ классовъ, да изъ сельскихъ погостовъ по человѣку, и этимъ „выборнымъ старостамъ“ подъ присягой и подъ страхомъ имущественнаго взысканія собирать всякія казенныя подати. Такая организація казенныхъ сборовъ была очень похожа на устройство губной полиціи. Но направленіе государ-

Его сословный характеръ.

ственнаго строительства не благопріятствовало проведенію всесословнаго начала въ мѣстное управленіе. Совершалась разверстка государственныхъ повинностей между общественными классами; она смыкала подвижныя, измѣнчивыя гражданскія состоянія въ плотные государственные союзы, обязанные служить потребностямъ и интересамъ государства, а не нуждамъ мѣстныхъ обществъ. Государство искало въ землѣ не только матеріальныхъ средствъ для дѣятельности, но и самихъ дѣятелей, отвѣтственныхъ органовъ мѣстнаго управленія. Поставка такихъ органовъ тоже пала на мѣстныя общества, какъ особая повинность, для исполненія которой приведенъ былъ въ дѣйствіе выборный механизмъ. Изъ классовъ, раздѣленныхъ своими особыми интересами и обязанностями, трудно было образовать цѣльное земство съ дружной совмѣстной дѣятельностью. Управленіе обыкновенно устрояется въ большемъ или меньшемъ соотвѣтствіи съ составомъ общества и его отношеніемъ къ государству. Въ Московскомъ государствѣ общество дѣлилось на сословныя группы по роду тягостей, возложенныхъ на него государствомъ: и мѣстное самоуправленіе, ставъ орудіемъ централизаціи, распадалось на сословныя вѣдомства. Такая дробность — главный недостатокъ мѣстныхъ учрежденій XVI в. Она устанавливала очень неудобное отношеніе мѣстнаго управленія къ центральному. Ничѣмъ не объединяемые на мѣстѣ, разобщенные сословные міры не находили средоточія и въ правительственномъ центрѣ. Выборныя мѣстныя власти, всѣ эти губные старосты, городовые прикащики, излюбленные судьи, земскіе старосты и вѣрные головы непосредственно обращались по своимъ дѣламъ въ московскіе приказы и притомъ въ разные, по роду дѣлъ или по территоріальному распорядку приказныхъ вѣдомствъ. Этотъ недостатокъ единства отча-

сти восполнялся политическимъ органомъ, который возникъ въ тѣсной связи съ мѣстными учрежденіями XVI в. и въ которомъ центральное правительство встрѣчалось съ представителями мѣстныхъ обществъ. Этому органу въ нашей литературѣ усвоено названіе *земскаго собора*, а въ памятникахъ XVII в. онъ называется иногда „совѣтомъ всея земли". До конца XVI в. земскій соборъ созывали четыре раза: въ 1550, 1566, 1584 и 1598 гг. Надобно разсказать, при какихъ обстоятельствахъ и въ какомъ составѣ созывались эти собранія, чтобы понять ихъ характеръ и значеніе.

Земскіе соборы.

Первый соборъ былъ созванъ Иваномъ IV въ пору крайняго правительственнаго возбужденія царя. Вѣнчаніе на царство съ принятіемъ царскаго титула, женитьба и вслѣдъ за тѣмъ страшные московскіе пожары, народный мятежъ, казанскіе и крымскіе набѣги,—всѣ эти треволненія съ самаго начала 1547 г. поочередно то поднимали, то повергали въ уныніе его неустойчивый духъ. Онъ долго не могъ оправиться отъ впечатлѣнія московскихъ пожаровъ и черезъ три слишкомъ года на Стоглавомъ соборѣ описывалъ свой тогдашній испугъ съ живостью только что пережитой минуты: тогда „внидѣ страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости моя, и смирися духъ мой, и умилихся и познахъ своя согрѣшенія". Тогда онъ рѣшился покончить и съ боярскимъ правленіемъ, и со своей легкомысленной юностью, и хлопотливо принялся за государственныя дѣла. Онъ началъ искать вокругъ себя людей и средствъ, которые помогли бы ему поправить положеніе дѣлъ. При такомъ настроеніи царя созванъ былъ соборъ 1550 г. До насъ не дошло дѣянія или протокола этого собора и мы не знаемъ ни его состава, ни подробностей его дѣятельности. Но о немъ сохранился такой разсказъ. На двадцатомъ году своего возраста царь Иванъ, видя государство въ великой тугѣ и

Сказаніе о соборѣ 1550 г.

печали отъ насилія сильныхъ, умыслилъ всѣхъ привести въ любовь. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ, какъ бы уничтожить крамолы и утолить вражду, царь „повелѣлъ собрать свое государство изъ городовъ всякаго чина“. Въ воскресный день царь вышелъ съ крестами на московскую Красную площадь и послѣ молебна съ лобнаго мѣста сказалъ митрополиту: „Молю тебя, святый владыко, будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ. Знаю, что ты добрыхъ дѣлъ и любви желатель. Самъ ты знаешь, что я послѣ отца своего остался четырехъ лѣтъ, а послѣ матери осьми лѣтъ“. Изобразивъ затѣмъ яркими чертами безпорядки боярскаго правленія въ продолженіе своего несовершеннолѣтія, царь вдругъ бросилъ въ глаза присутствовавшимъ на площади боярамъ запальчивыя слова: „О неправедные лихоимцы и хищники, неправедный судъ по себѣ творящіе! Какой теперь отвѣтъ дадите намъ—вы, многія слезы на себя воздвигшіе? Я чистъ отъ этой крови; ждите своего воздаянія“. Потомъ царь поклонился на всѣ стороны и продолжалъ: „Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! Молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь; нынѣ намъ вашихъ обидъ и разореній и налоговъ исправить невозможно.... молю васъ, оставьте другъ другу вражды и тяготы свои.... я самъ буду вамъ судія и оборона, буду неправды разорять и хищенія возвращать“.

Разборъ сказанія.

Этотъ разсказъ возбуждаетъ много недоразумѣній. Прежде всего, какъ понять выраженіе *повелѣ собрати свое государство изъ городовъ всякаго чину?* Здѣсь больше намековъ, чѣмъ словъ. Раскрывая эти намеки, можно такъ перевести эту лапидарную фразу; царь повелѣлъ вызвать изъ областей своего государства представителей всѣхъ чиновъ. Но не видно, были ли это выборные люди и какіе именно чины, званія или классы они представляли. Трудно также

понять, почему тронная рѣчь, которою царь открылъ соборъ, была произнесена не въ палатѣ кремлевскаго дворца, а на Красной площади, было ли это только первое, публичное засѣданіе собора въ обстановкѣ древне-русскаго народнаго митинга съ крестнымъ ходомъ и молебномъ, или вся дѣятельность собора ограничилась рѣчью царя. Сохранившееся сказаніе ничего больше не говоритъ о соборѣ, а только приводитъ другую рѣчь, какую сказалъ царь въ тотъ же день Алексѣю Адашеву, поручая ему принимать и разсматривать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ. Вѣроятно, тогда учрежденъ былъ Челобитный приказъ, т. е. Коммиссія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, и Адашевъ былъ назначенъ начальникомъ этого новаго приказа. И самая рѣчь царя производитъ странное впечатлѣніе. Въ ней много темперамента; но она могла быть болѣе послѣдовательной. Читая ее, прежде всего подумаешь, что это былъ царскій призывъ всего народа, всѣхъ его классовъ ко взаимному всепрощенію и дружной дѣятельности на общую пользу: принимая бразды правленія въ свои руки, государь становился прямо передъ своимъ народомъ и призывалъ высшаго пастыря Церкви и всю свою землю въ лицѣ ея представителей помочь ему въ установленіи государственнаго порядка и правосудія; верховная власть хотѣла прямо и откровенно объясниться съ народомъ, указать ему направленіе, въ какомъ она будетъ дѣйствовать, примирить враждебныя стремленія различныхъ элементовъ. Но призвавъ митрополита быть „любви поборникомъ", царь продолжалъ рѣзкимъ, бранчивымъ обличеніемъ всего боярства въ самовластіи и хищничествѣ и соборъ, созванный съ цѣлью всѣхъ помирить, открылъ воззваніемъ чуть не къ междоусобной войнѣ. Да еще вопросъ, есть ли эта рѣчь историческій фактъ, а не просто чье-ни-

будь ораторское произведеніе, подобное рѣчамъ, какія античная исторіографія любила влагать въ уста своимъ Ѳемистокламъ и Катонамъ. Дѣло въ томъ, что въ первую половину царствованія Ивана, при митрополитѣ Макаріи и при его участіи, былъ продолженъ и дополненъ большой русско-историческій сборникъ, *Степенная книга,* названная такъ потому, что разсказъ въ ней расположенъ по великокняженіямъ, а великокняженія—по *степенямъ*, т.-е. поколѣніямъ, въ генеалогическомъ порядкѣ. Въ спискѣ Степенной, писанномъ еще при Макаріи, нѣтъ ни царской рѣчи и никакого извѣстія о соборѣ 1550 года; но то и другое оказалось въ позднемъ спискѣ Степенной XVII вѣка, и притомъ, какъ выснилъ проф. Платоновъ, на особомъ листѣ, вклеенномъ въ текстъ рукописи и писанномъ другимъ почеркомъ. Впрочемъ, каково бы ни было происхожденіе соборной царской рѣчи, трудно заподозрить самое событіе. Въ слѣдующемъ 1551 году для устройства церковнаго управленія и религіозно-нравственной жизни народа созванъ былъ большой церковный соборъ, обыкновенно называемый *Стоглавымъ*, по числу главъ, въ которыя сведены его дѣянія въ особой книгѣ, въ *Стоглавѣ*. На этомъ соборѣ между прочимъ было читано собственноручное „писаніе“ царя и также сказана имъ рѣчь. Это многословное писаніе, составленное въ духѣ византійско-московскаго витійства, имѣетъ тѣсную внутреннюю связь съ рѣчью на Красной площади: въ немъ слышатся тѣ же нестройныя ноты покаянія, прощенія и раздраженія, мира, смиренія и вражды. И въ рѣчи, обращенной къ церковному собору, царь говорилъ, что въ предыдущее лѣто онъ съ боярами билъ челомъ отцамъ собора о своемъ согрѣшеніи, и святители благословили и простили его и бояръ въ ихъ винахъ. Царь, очевидно, разумѣлъ соборъ предыдущаго 1550 года, на которомъ при-

сутствовали русскіе іерархи. По всѣмъ этимъ чертамъ первый земскій соборъ въ Москвѣ представляется какимъ-то небывалымъ въ европейской исторіи актомъ всенароднаго покаянія царя и боярскаго правительства въ ихъ политическихъ грѣхахъ. Умиротвореніе народа и самого царя, встревоженныхъ внѣшними и внутренними бѣдами, было, очевидно, важнѣйшимъ нравственнымъ моментомъ, объясняющимъ цѣль и значеніе перваго земскаго собора. Но изъ дальнѣйшихъ словъ царя на Стоглавомъ соборѣ видимъ, что въ 1550 г. было возбуждено немало и другихъ чисто практическихъ дѣлъ, обсуждались и рѣшались важные законодательные вопросы. Царь докладывалъ святителямъ, что прошлогодняя его заповѣдь боярамъ помириться на срокъ со всѣми христіанами царства во всякихъ прежнихъ дѣлахъ исполнена. Мы уже знаемъ, что это было предписаніе кормленщикамъ покончить спѣшно мировымъ порядкомъ всѣ тяжбы съ земскими обществами о кормленіяхъ, и что это именно предписаніе надобно разумѣть въ обращенной къ народу мольбѣ царя на Красной площади „оставить другъ другу вражды и тяготы свои“. Потомъ царь положилъ на Стоглавомъ соборѣ новый Судебникъ, представляющій исправленную и распространенную редакцію стараго дѣдовскаго Судебника 1497 г., на пересмотръ котораго онъ получилъ отъ святителей благословеніе на томъ же прошлогоднемъ соборѣ. Къ этому царь прибавилъ, что онъ устроилъ по всѣмъ землямъ своего государства старостъ и цѣловальниковъ, сотскихъ и пятидесятскихъ и „уставныя грамоты пописалъ“, и просилъ отцовъ собора разсмотрѣть эти акты и, обсудивъ ихъ, подписать Судебникъ и уставную грамоту, „которой въ казнѣ быти“. Значитъ, съ земскимъ соборомъ 1550 года прямо или косвенно связанъ былъ цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ,

нами уже изученныхъ, цѣлый планъ перестройки мѣстнаго управленія. Этотъ планъ начинался срочной ликвидаціей тяжебъ земства съ кормленщиками, продолжался пересмотромъ Судебника съ обязательнымъ повсемѣстнымъ введеніемъ въ судъ кормленщиковъ выборныхъ старостъ и цѣловальниковъ и завершился уставными грамотами, отмѣнявшими кормленія. Рядъ этихъ грамотъ, какъ мы знаемъ, появляется именно съ февраля 1551 г., когда царь докладывалъ о нихъ Стоглавому собору. Изъ словъ царя можно заключить, что при составленіи мѣстныхъ уставныхъ грамотъ была выработана еще общая, какъ бы сказать, нормальная уставная грамота, которая, какъ образцовая, должна была храниться въ государственномъ архивѣ и которую царь предложилъ отцамъ Стоглаваго собора на разсмотрѣніе вмѣстѣ съ новоисправленнымъ Судебникомъ: она содержала повидимому общія основныя положенія, примѣнявшіяся въ отдѣльныхъ грамотахъ къ мѣстнымъ условіямъ. На нее указываютъ и мѣстныя грамоты, предписывая излюбленнымъ судьямъ „судити и управа чинити по Судебнику и *по уставной грамотѣ*, какъ есмя уложили о судѣ *во всей землѣ*". Изъ всего сказаннаго можно заключить, что главнымъ предметомъ занятій перваго земскаго собора были вопросы объ улучшеніи мѣстнаго управленія и суда.

Соборы 1566 и 1598 гг.

Такъ вскрывается связь перваго земскаго собора съ устройствомъ мѣстнаго управленія. Но надобно еще видѣть отношеніе земскаго собора къ самимъ мѣстнымъ обществамъ: только тогда можно будетъ достаточно выяснить, какъ зародилась въ московскихъ умахъ идея соборнаго представительства. Для этого предстоитъ разсмотрѣть составъ земскихъ соборовъ XVI в. Матеріалы для такого изученія даютъ соборы 1566 и 1598 гг. Первый былъ со-

званъ во время войны съ Польшей за Ливонію, когда правительство хотѣло знать мнѣніе чиновъ по вопросу, мириться ли на предложенныхъ польскимъ королемъ условіяхъ. Второму собору предстояло избрать царя, когда пресѣклась царствовавшая дотолѣ династія Калиты. Сохранились акты или протоколы обоихъ соборовъ, *приговорный списокъ* 1566 г. и *утверженная грамота* 1598 г. объ избраніи Бориса Годунова на царство. Въ обоихъ актахъ помѣщены поименные перечни членовъ этихъ соборовъ. На первомъ соборѣ присутствовало 374 члена, на второмъ 512. Во главѣ обоихъ соборовъ становились два высшія правительственныя учрежденія, церковное и государственное, Освященный соборъ и Боярская дума; призывались начальники и подчиненныхъ центральныхъ учрежденій, московскихъ приказовъ съ ихъ дьяками, а также мѣстные органы центральнаго управленія, городовые воеводы. Все это были правительственныя лица, а не представители общества, не земскіе люди. Изъ всѣхъ классовъ общества на обоихъ соборахъ всего сильнѣе было представлено служилое сословіе: на соборѣ 1566 г. военнослужилыхъ людей, не считая входившихъ въ составъ правительственныхъ учрежденій, было почти 55% всего личнаго состава собранія, на соборѣ 1598 г. 52%. Представительство этого класса по источнику представительныхъ полномочій было двоякое, должностное и выборное. Эта двойственность объясняется организаціей служилаго класса, тогдашняго дворянства. Мы уже знаемъ, что въ составѣ его надо различать два слоя: высшіе военно-служилые чины образовали дворянство московское, столичное, низшее—дворянство городовое провинціальное. Столичные чины образовали особый корпусъ, исполнявшій разнообразныя военныя и административныя порученія центральнаго правительства. Пополняясь путемъ

Служилые люди на соборахъ.

выслуги изъ рядовъ городового дворянства, этотъ корпусъ въ XVI в. не терялъ служебной связи съ послѣднимъ. Столичные дворяне въ походахъ обыкновенно назначались командирами, *головами* уѣздныхъ *сотенъ*, ротъ, составлявшихся каждая изъ служилыхъ людей одного какого-либо уѣзда. Въ XVI в. головами уѣздныхъ сотенъ назначались обыкновенно тѣ изъ столичныхъ дворянъ, у которыхъ были помѣстья и вотчины въ тѣхъ же уѣздахъ. Ихъ можно назвать походными предводителями уѣзднаго дворянства, какъ городовыхъ прикащиковъ мы назвали дворянскими предводителями въ административномъ смыслѣ (выше стр. 306). На соборѣ 1566 г. уѣздныя дворянскія общества были представлены только своими головами-земляками, столичными дворянами, сохранявшими поземельную связь съ ними. Эти головы командовали отрядами, двинутыми противъ Польши, и явились въ Москву прямо съ театра войны, по поводу которой былъ созванъ соборъ. Нѣкоторые изъ нихъ и указали на это въ своемъ соборномъ мнѣніи, заявивъ, что они не хотятъ помереть запертыми въ Полоцкѣ: „мы, холопы государевы, нынѣ на коняхъ сидимъ и за его государское съ коня помремъ", добавили они. Ихъ потому и призвали на соборъ, что они лучше другихъ знали положеніе дѣла, занимавшаго соборъ. Но ни изъ чего не видно, чтобы уѣздные отряды избирали ихъ своими представителями на соборъ. Каждаго изъ нихъ полковой воевода назначилъ на походѣ головой уѣздной сотни, какъ лучшаго служилаго землевладѣльца въ уѣздѣ, а какъ голову его призвали или послали на соборъ представителемъ его сотни, т. е. уѣзднаго дворянскаго общества. Назначеніе на должность по служебной годности и призывъ или посылка на соборъ по должности—такова конструкція тогдашняго соборнаго представительства, столь далекая отъ нашихъ политическихъ

понятій и обычаевъ. Мы увидимъ, что этой особенностью всего выразительнѣе выясняется характеръ и значеніе земскаго собора XVI в. Въ этомъ отношеніи избирательный соборъ сдѣлалъ, правда, нѣкоторый шагъ впередъ въ сторону нашихъ понятій о представительствѣ. И на немъ было много столичныхъ дворянъ, представлявшихъ уѣздныя дворянскія общества по своему должностному положенію. Но рядомъ съ ними встрѣчаемъ довольно незначительное число дворянъ (около 40 на 267 членовъ собора) изъ военнослужилыхъ людей, которыхъ съ нѣкоторою вѣроятностью можно считать *выборными* соборными депутатами уѣздныхъ дворянскихъ обществъ изъ ихъ же среды. Это— новый элементъ въ составѣ собора 1598 г., незамѣтный на прежнемъ, но онъ столь малозначителенъ, что является какъ бы мѣстной случайностью или исключеніемъ, не нарушавшимъ основного принципа соборнаго представительства.

Люди торговопромышленные.

Соборное представительство городского торгово-промышленнаго класса построено было на одинаковыхъ основаніяхъ съ представительствомъ служилыхъ землевладѣльцевъ и въ немъ эти основанія выражены были даже болѣе явственно. На соборъ 1566 г. было призвано только столичное купечество, притомъ лишь высшихъ статей, въ числѣ 75 человѣкъ. Не видно и невѣроятно, чтобы это были выборные представители своихъ статей или вообще какихъ-либо корпорацій: скорѣе, это—вся наличность высшаго московскаго купечества, какую въ данную минуту можно было призвать на соборъ. Но за этимъ купечествомъ стоялъ весь торгово-промышленный міръ, какъ за столичнымъ дворянствомъ стояли уѣздныя дворянскія общества. Подобно тому же дворянству московская купеческая знать набиралась изъ лучшихъ людей, выдѣлявшихся изъ рядового торговаго люда, столичнаго и провинціальнаго. И эта

торговая знать тоже несла службу, только въ другой сферѣ управленія. Намъ уже извѣстно, что такое была *вѣрная* служба: это—цѣлая система финансовыхъ порученій, исполненіе которыхъ казна возлагала на земскіе классы, не имѣя пригодныхъ для того приказныхъ органовъ. Высшее столичное купечество въ этой казенной службѣ имѣло такое же руководящее значеніе, какое въ службѣ ратной принадлежало столичному дворянству: на него возлагались наиболѣе важныя и властныя, но и самыя отвѣтственныя казенныя порученія. Эта служба и поддерживала его связь съ мѣстными городскими обществами, изъ которыхъ оно вербовалось. Ярославскій или коломенскій капиталистъ, возведенный въ чинъ московскаго гостя, коммерціи совѣтника, продолжалъ жить и торговать въ своемъ городѣ, и правительство возлагало на него веденіе важныхъ казенныхъ операцій обыкновенно въ его же родномъ краю, съ хозяйственнымъ бытомъ котораго онъ былъ хорошо знакомъ по собственнымъ дѣламъ. Такъ тузы мѣстныхъ рынковъ становились отвѣтственными агентами центральнаго финансоваго управленія и являлись въ областныхъ городахъ направителями наиболѣе цѣнныхъ казенныхъ операцій, питейныхъ, таможенныхъ и другихъ, верстали мѣстныхъ посадскихъ людей податными окладами, закупали на государя мѣстные товары и вообще вели разнообразныя торгово-промышленныя предпріятія казны. Это былъ своего рода финансовый штабъ московскаго правительства, руководившій областными торгово-промышленными мірами. Если такимъ образомъ въ соборномъ актѣ 1566 г. отразилось фискально-служебное значеніе столичнаго купечества, то въ спискѣ его представителей на соборѣ 1598 г. выразился съ нѣкоторымъ измѣненіемъ основной принципъ соборнаго представительства. Къ тому времени и столичное

купечество подобно дворянству получило окончательную сословную организацію, раздѣлилось на чины по своей капиталистической мочи и казенно-служебной годности. Высшее купечество составилось изъ *гостей* и изъ торговыхъ людей двухъ *сотенъ, гостиной и суконной*, гильдій своего рода; рядовая торгово-промышленная масса столицы образовала нѣсколько *черныхъ сотенъ и слободъ*, которыхъ можно приравнять къ промысловымъ цехамъ. На соборъ 1598 г. вызваны были 21 человѣкъ гостей, старосты высшихъ сотенъ и 13 сотскихъ черносотенныхъ обществъ. Гости, очевидно, были призваны поголовно, по своему званію, сколько можно было ихъ тогда призвать: ихъ и въ XVII в. было немного, обыкновенно десятка два-три. Но сотенные старосты и сотскіе были призваны или посланы на соборъ по должностному положенію; только должности свои они получали по общественному выбору, а не по назначенію начальства, какъ головы дворянскихъ сотенъ. Такъ суммарный призывъ 1566 г. теперь замѣнился для купеческихъ сотенъ призывомъ ихъ должностныхъ представителей.

Земскій соборъ и земля.

Въ описанномъ сложномъ составѣ обоихъ соборовъ можно различить четыре группы членовъ: одна представляла собою высшее церковное управленіе, другая—высшее управленіе государства; третья состояла изъ военно-служилыхъ людей, четвертая изъ людей торгово-промышленныхъ. Тѣ же группы отчетливо различаетъ въ составѣ собора 1566 г. и современный лѣтописецъ. Онъ пишетъ, что государь на соборѣ говорилъ со своими богомольцами, архіепископами и со всѣмъ Освященнымъ соборомъ, „и со всѣми бояры и съ приказными людьми, *да* и со князи и съ дѣтьми боярскими и съ служилыми люди, *да* и съ гостьми и съ купцы и со всѣми торговыми людьми“. Первыя двѣ группы были правительственныя учрежденія; двѣ послѣднія со-

стояли изъ лицъ двухъ общественныхъ классовъ. Только лицамъ этихъ послѣднихъ группъ и можно придавать представительное значеніе. Но эти лица не были представителями своихъ классовъ въ нашемъ смыслѣ слова, выборными депутатами, спеціально уполномоченными представлять ихъ только на соборѣ. Это были все должностные или служилые люди, поставленные во главѣ мѣстныхъ обществъ по назначенію или выбору и исполнявшіе военно-административныя, либо финансовыя порученія правительства. Значитъ, основой соборнаго представительства былъ не общественный выборъ по довѣрію, а правительственный призывъ по должности или званію. Я уже оговорился, что исключеніе, замѣченное на соборѣ 1598 г., не колебало этой основы. Если хотя приблизительно такой же былъ составъ собора 1550 г., то выясняется общая физіономія земскихъ соборовъ XVI вѣка. На нихъ правительство встрѣчалось съ обществомъ, призывало на совѣтъ людей двухъ его классовъ, столичнаго дворянства и столичнаго же купечества. Но люди этихъ классовъ являлись на соборъ не представителями общества или земли, а носителями службы, общественными орудіями центральнаго управленія. Иначе говоря, оба эти класса имѣли тогда значеніе представителей земли только по своему правительственному положенію, а не по земскому полномочію: это были верхушки мѣстныхъ обществъ, снятыя правительствомъ, пересаженныя въ столицу, чтобы служить добавочными орудіями управленія тѣми же обществами. Значитъ, земскій соборъ XVI вѣка былъ въ точномъ смыслѣ *совѣщаніемъ правительства съ собственными агентами.* Таковъ первичный типъ земскаго представительства на Руси. Тогда иначе и не понимали народнаго представительства, какъ въ смыслѣ собранія разностепенныхъ носителей власти, органовъ управленія,

а не уполномоченныхъ общества или народа. Но по понятіямъ того времени такое собраніе было все-таки народное представительное собраніе, имѣющее власть рѣшать судьбы народа. Такой взглядъ на народное представительство сложился потому, что тогда и народъ понимали далеко не понынѣшнему. Нынѣ понимаютъ такъ, что народное представительство есть выраженіе воли народа, черезъ избираемыхъ имъ представителей, и что народъ, какъ политическое цѣлое, и есть государство, а правительство— это только организація, связующая народъ въ такое цѣлое и создаваемая самимъ же народомъ. Въ Москвѣ XVI в. думали, что не народу подобаетъ назначать выразителей своей воли, что для того есть готовыя, волею Божіей установленныя извѣчныя власти—правительство съ его подчиненными слугами, которое и есть настоящее государство; говоря проще, народъ не можетъ имѣть своей воли, а обязанъ хотѣть волею власти, его представляющей. На соборѣ, избравшемъ Бориса Годунова на царство, изъ непривилегированныхъ классовъ присутствовали только 13 сотскихъ и притомъ только отъ столичныхъ черносотенныхъ обществъ; между тѣмъ акты объ избраніи говорятъ про участіе въ этомъ дѣлѣ „всенароднаго множества", „всѣхъ православныхъ христіанъ *всѣхъ городовъ* Россійскаго государства" и даже „всего многобезчисленнаго *народнаго* христіанства отъ конецъ до конецъ всѣхъ государствъ Россійскаго царствія". Здѣсь говоритъ не одно приказно-книжное краснорѣчіе, болѣзнь высшихъ московскихъ канцелярій: предполагалось, что всенародное множество духовно присутствуетъ на соборѣ и говоритъ устами своихъ невыборныхъ, прирожденныхъ столичныхъ представителей. Юридическія фикціи занимали гораздо больше мѣста въ общественномъ сознаніи тогдашняго русскаго

человѣка, чѣмъ теперь. Фикція представительства рядовой народной массы высшими столичными чинами складывалась не безъ участія русскихъ церковныхъ законовѣдовъ, какъ и самый земскій соборъ строился отчасти по подобію Освященнаго собора, у котораго заимствовалъ и свое названіе *собора*. Въ древнерусскомъ церковномъ обществѣ преобладала мысль, что настоящая дѣятельная Церковь—это іерархія. Потому церковный соборъ по своему составу былъ собраніемъ только пастырей и учителей Церкви. И земскій соборъ XVI вѣка вышелъ собраніемъ руководителей всѣхъ частей государственнаго управленія, представителей всѣхъ вѣдомствъ, дѣйствовавшихъ внѣ собора раздѣльно, въ кругу своихъ особыхъ задачъ. Въ земскомъ соборѣ видѣли, какъ бы сказать, представительство государственной организаціи. То живое, конкретное содержаніе, которое жило и работало въ рамкахъ этой организаціи, управляемое общество или народъ, разсматривалось не какъ политическая сила, способная говорить на соборѣ устами своихъ уполномоченныхъ, не какъ *гражданство*, а какъ *паства*, о благѣ которой могутъ думать сообща только ея пастыри. Земскій соборъ былъ выразителемъ ея интересовъ, но не ея воли; члены собора представляли собою общество, насколько управляли имъ. Нужно было пережить страшное потрясеніе, испытанное государствомъ въ началѣ XVII вѣка, чтобы переломить этотъ взглядъ на народное представительство и сообщить дальнѣйшимъ земскимъ соборамъ настоящій, не фиктивный представительный составъ.

Соборный представитель.

При изложенномъ составѣ соборовъ не можетъ быть вопроса о системѣ соборнаго представительства, о томъ, было ли это представительство сословій, чиновъ или еще какое другое. Если соборъ представлялъ что-либо, то только

столицу; но въ этой столицѣ сосредоточивались властные, руководящіе элементы всей земли. Поэтому и можно сказать, что соборъ представлялъ землю посредствомъ столицы и самую столицу представлялъ лишь настолько, насколько она представляла землю. Тѣмъ же составомъ собора опредѣлялось и значеніе соборнаго представителя. Онъ шелъ на соборъ по должности, по служебному званію или положенію. Правительство ли въ силу этого призывало его на соборъ, или его посылало туда общество, во главѣ котораго онъ стоялъ,—это въ сущности было все равно, какъ скоро лицо, становившееся во главѣ извѣстнаго общества изъ его же среды, по назначенію или по выбору, въ силу своего положенія признавалось естественнымъ, непремѣннымъ представителемъ своего общества во всѣхъ случаяхъ, когда оно нуждалось въ представителѣ. Оба источника представительныхъ полномочій, общественный выборъ и правительственный призывъ по должности, тогда не противополагались одинъ другому, какъ враждебныя начала, а служили вспомогательными средствами другъ для друга; когда правительство не знало, кого назначить на извѣстное дѣло, оно требовало выбора, и наоборотъ, когда у общества не было кого выбрать, оно просило о назначеніи. Дѣло было не въ источникѣ соборныхъ полномочій, а въ отысканіи надежнаго исполнителя соборнаго рѣшенія. На соборѣ нуженъ былъ не мірской челобитчикъ, уполномоченный ходатайствовать передъ властью о нуждахъ и желаніяхъ своихъ избирателей, а правительственный или общественный дѣлецъ, способный отвѣчать на запросы власти, дать совѣтъ, по какимъ дѣламъ она его потребуетъ. Потому на соборъ призывали изъ общества не людей, пользовавшихся довѣріемъ мѣстныхъ міровъ и общественныхъ классовъ, по своимъ личнымъ качествамъ

и отношеніямъ, а людей, стоявшихъ во главѣ этихъ міровъ или классовъ, по своему положенію знакомыхъ съ ихъ дѣлами и мнѣніями и способныхъ исполнять рѣшеніе, принятое на соборѣ. Такое положеніе среди мѣстныхъ обществъ занимали столичное дворянство и высшее столичное купечество. Высказывая свое мнѣніе на соборѣ или принимая его рѣшеніе въ присутствіи центральнаго правительства, люди этихъ классовъ, какъ его исполнительные органы, тѣмъ самымъ обязывались проводить это мнѣніе или рѣшеніе на тѣхъ служебныхъ постахъ, какіе укажетъ имъ правительство. Такой типъ представителя складывался практикой соборовъ XVI в. Представителя-челобитчика „обо всякихъ нуждахъ своей братіи", какимъ преимущественно являлся выборный человѣкъ на земскихъ соборахъ XVII в., совсѣмъ еще не замѣтно на соборахъ XVI в. Значитъ, цѣлью собора XVI в. было объединить мнѣнія и дѣйствія высшаго правительства и его подчиненныхъ органовъ, давать первому справки о томъ, что думаютъ о положеніи дѣлъ и какъ относятся къ соборному вопросу люди, которые будутъ отвѣтственными проводниками рѣшенія, принятаго властью на основаніи наведенныхъ справокъ и выслушанныхъ мнѣній.

Соборныя совѣщанія.

Эта цѣль всего явственнѣе выступаетъ въ приговорной грамотѣ собора 1566 г. Изъ нея видимъ, что соборъ былъ открытъ рѣчью царя, который поставилъ на обсужденіе собора вопросъ, какъ ему стоять противъ своего недруга, мириться ли, отступившись отъ ливонскихъ городовъ, взятыхъ королемъ подъ свою защиту, или продолжать за нихъ войну. Соборный актъ составился изъ письменныхъ мнѣній, поданныхъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ группами, на которыя раздѣлился соборъ. Эти группы образовали: 1) духовенство монашествующее, архіепископы, епископы, архимандриты,

игумены и старцы въ числѣ 32 лицъ, т.-е. Освященный соборъ, 2) бояре, окольничіе и другіе сановники съ 7 дьяками высшаго ранга въ числѣ 30 человѣкъ, т.-е. Боярская дума, 3) дворяне первой статьи или степени въ числѣ 97 человѣкъ и 4) дворяне и дѣти боярскіе второй статьи въ числѣ 99 человѣкъ—тѣ и другіе принадлежали къ столичному дворянству, 5) три торопецкихъ помѣщика и 6) шесть великолуцкихъ—тѣ и другіе тоже столичные дворяне, выдѣлившіеся въ двѣ особыя мѣстныя группы, 7) дьяки московскихъ приказовъ, 33 человѣка, и 8) гости и купцы, *москвичи и смольняне*, тѣ и другіе—столичные купцы двухъ высшихъ разрядовъ, соотвѣтствовавшихъ сотнямъ гостинной и суконной въ соборной грамотѣ 1598 г.,—всѣхъ съ гостями 75 человѣкъ. Членъ думы печатникъ Висковатый не согласился съ остальными думными людьми и „мысль свою сказалъ“ особо, подалъ отдѣльное мнѣніе, а смоленская гильдія, раздѣляя мнѣніе своей братіи, остального столичнаго купечества, внесла отъ себя дополнительное замѣчаніе. Видимъ, что члены собора группировались довольно разнообразно, по учрежденіямъ, по чинамъ, общественнымъ классамъ и даже частью по мѣстностямъ. Замѣчаемъ далѣе, что соборъ былъ хорошо освѣдомленъ по вопросу, который ему предложено было обсудить: высшія группы, даже духовенство, входятъ въ такія подробности международныя, политическія, географическія и стратегическія, что, очевидно, правительство сообщило собору достаточныя данныя для разносторонняго сужденія о дѣлѣ. Члены каждой группы обсуждали вопросъ особо, „межи себя говорили о литовскомъ дѣлѣ“. Но и въ резолюціяхъ, и въ ихъ мотивировкѣ, даже въ отдѣльныхъ выраженіяхъ столько сходства, что возникаетъ мысль, не предшествовали ли групповому обсужденію вопроса общія совѣщанія,

на которыхъ выработаны были наиболѣе вѣскія соображенія, усвоенныя всѣми группами или ихъ большинствомъ. Но при этомъ мнѣнія группъ не теряли своей профессіональной своеобразности: каждая группа смотрѣла на вопросъ съ своей точки зрѣнія, указанной ея общественнымъ положеніемъ. Мнѣніе духовенства очень рѣшительно; оно разсматриваетъ дѣло преимущественно съ нравственно-религіозной стороны и не безъ діалектики. Велико смиреніе государя: во всемъ онъ уступаетъ. Столько городовъ уступилъ тамъ-то и тамъ-то; плѣнныхъ полочанъ отпускаетъ даромъ, своихъ выкупаетъ. Велика его правда передъ королемъ; больше уступить ничего нельзя. Уступить королю ливонскіе города—разореніе церквамъ, которыя государь въ Ливоніи поставилъ, Пскову тѣснота будетъ великая и всѣмъ купцамъ торговля затворится. Неправда короля та, что взявшись защищать ливонскіе города отъ Москвы, онъ побралъ ихъ московскими же руками. Ливонскіе нѣмцы отдались ему, обезсилѣвъ отъ московскаго наступленія; а безъ того могъ ли онъ хоть одинъ городъ ливонскій взять? А Ливонская земля отъ прародителей, отъ великаго государя Ярослава Владиміровича—достояніе нашего государя. Потому духовенство приходитъ къ воинственному заключені—не мириться, за ливонскіе города стоять, „а какъ стоять, въ томъ его государева воля, какъ его Богъ вразумитъ: нашъ долгъ за государя Бога молить, а совѣтовать о томъ намъ не пригоже". Бояръ и другихъ думныхъ сановниковъ больше занимаютъ виды политическіе и дипломатическіе. Они предусматриваютъ опасности перемирія, въ продолженіе котораго король соберется съ силами и укрѣпится въ Ливоніи. Лучше продолжать войну, особенно въ виду внѣшнихъ затрудненій Польши, „а намъ всѣмъ за государя головы свои класть". Впрочемъ во всемъ воля

Божія да государева, „а намъ какъ показалось, такъ мы государю и изъявляемъ свою мысль". Дворяне разныхъ группъ комбинируютъ по своему соображенія старшихъ, духовенства и думныхъ людей. Они какъ будто даже смущены тѣмъ, что ихъ спрашиваютъ о такомъ важномъ государственномъ дѣлѣ. Воля государя, какъ сдѣлать свое государево дѣло, а они, холопи государевы, вѣдь только служилые люди, на коняхъ сидятъ и съ коня за государя помрутъ, велитъ государь, и они на его дѣло готовы, за одну десятину отвоеванной у недруга земли головы свои покладутъ. Одно соображеніе болѣе всего убѣждаетъ ихъ въ правдѣ государевой: пока государь Ливонской земли не воевалъ, король за нее вступаться не умѣлъ, а нынѣ вступается. Мнѣніе приказныхъ дьяковъ также очень воинственно. Полоцкъ и ливонскіе города государь взялъ своею саблею, а другіе города обезсилѣли отъ нашей же войны; потому ихъ король и засѣлъ: такъ съ какой же стати государю отъ нихъ отступаться? Не имѣя боевыхъ головъ, дьяки пишутъ въ заключеніе: „а мы, холопи, къ которымъ его государскимъ дѣламъ пригодимся, головами своими готовы". Гости и купцы взглянули на дѣло съ экономической стороны. Государь и всѣ люди „животы свои положили", достатки свои потратили, добиваясь ливонскихъ городовъ: какъ же отъ нихъ отступиться? Мы люди неслужилые, заканчиваетъ записка, службы не знаемъ, но не стоимъ не токмо за свои животы, а и головы свои за государя кладемъ вездѣ, чтобы государева рука вездѣ была высока. Надобно еще отмѣтить разницу въ терминахъ, какими обозначены въ приговорной грамотѣ мнѣнія соборныхъ группъ: духовныя лица даютъ государю свой *совѣтъ*; всѣ остальные члены собора только изъявляютъ свою *мысль*. Это, очевидно, сравнительная оцѣнка мнѣнія духовенства и всѣхъ мірскихъ членовъ собора.

Ободренный единодушно выраженной готовностью всего собора служить государеву дѣлу, царь заломилъ королю непомѣрныя требованія, которыя всѣ были отвергнуты польскимъ правительствомъ, и война продолжалась. Но въ 1570 г., не созывая новаго собора, царь заключилъ перемиріе на условіи statu quo, хотя бояре настаивали на прежнемъ соборномъ приговорѣ.

Соборное кресто-цѣлованіе.

Такъ шло дѣло на соборѣ. Но самымъ существеннымъ моментомъ въ соборной грамотѣ является общая резолюція, которой она оканчивается. Здѣсь духовенство заявляетъ, что оно „къ сей грамотѣ, къ своимъ рѣчамъ“ руки приложило, а прочіе члены собора „на сей грамотѣ, на своихъ рѣчахъ“ государю своему крестъ цѣловали. Цѣловать крестъ на своихъ рѣчахъ значило обязаться подъ присягой исполнять соборный приговоръ. Рукоприкладство духовенства замѣняло присягу, которая была ему воспрещена. Обѣ формы скрѣпленія соборнаго приговора показываютъ, что этотъ приговоръ имѣлъ не только нравственное, но и юридическое значеніе былъ не просто результатомъ совѣщанія, а формальнымъ обязательствомъ и притомъ общимъ, круговымъ, связывавшимъ всѣхъ членовъ собора въ нѣчто цѣлое, въ корпорацію своего рода, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ соборному приговору: всѣ они въ концѣ резолюціи обязывались государю своему служить правдою и добра хотѣть ему и его дѣтямъ „и ихъ землямъ“ и противъ его недруговъ стоять, „кто во что пригодится, до своего живота по сему крестному цѣлованію“. Это обязательство ставитъ насъ прямо предъ вопросомъ о происхожденіи и значеніи земскихъ соборовъ XVI вѣка.

Соборъ и мѣстные міры.

Не будучи представительнымъ собраніемъ въ нашемъ смыслѣ слова, соборъ однако не терялъ права считаться *земскимъ*. Въ составѣ его легко различить два элемента,

распорядительный и исполнительный. Первый выражался въ высшихъ центральныхъ учрежденіяхъ, второй—въ лицахъ столичнаго дворянства и высшаго столичнаго купечества. Мѣстные міры, служилые и земскіе, на соборѣ 1566 г. не имѣли прямого представительства, не были представлены ни спеціальными соборными уполномоченными, ни даже выборными своими властями. Но оба столичные класса поддерживали ихъ связь съ соборомъ, не только соціальную, но и административную. Мѣстное самоуправленіе создавалось мірскимъ *выборомъ*, столичное дворянство и купечество—правительственнымъ *наборомъ*: это были выжимки, извлеченныя изъ мѣстныхъ обществъ на пополненіе служебнаго столичнаго персонала. Но становясь орудіями центральнаго управленія, они не порывали связи съ мѣстными мірами, продолжали тамъ свои хозяйственныя дѣла, а столица навязывала имъ новыя мѣстныя заботы и отношенія, разсылая ихъ по уѣздамъ съ разнообразными отвѣтственными порученіями. И самая эта отвѣтственность, скрѣпленная соборнымъ крестоцѣлованіемъ, сближала центральное правительство съ мѣстнымъ самоуправленіемъ общностью основнаго начала: это была отвѣтственность передъ *государствомъ* — принципъ новый, введенный въ мѣстное управленіе при Грозномъ взамѣнъ прежней отвѣтственности *гражданской*, какой подлежали кормленщики по жалобамъ обиженныхъ. Только эта отвѣтственность на соборѣ была поставлена нѣсколько иначе, чѣмъ въ мѣстномъ управленіи. Тамъ внизу мѣстный міръ ручался передъ правительствомъ за своего выборнаго управителя, а здѣсь наверху правительственные агенты корпоративно ручались за проведеніе соборнаго приговора въ тѣхъ мѣстныхъ мірахъ, куда ихъ пошлетъ правительство. Но при этой разницѣ цѣль правительства была и здѣсь, и тамъ

одна и та же—заручиться отвѣтственными исполнителями. Такое соединеніе власти со службой посредствомъ соборнаго крестоцѣлованія было высшей формой государственной отвѣтственности или корпоративной поруки, положенной въ основаніе мѣстнаго самоуправленія.

Происхожденіе соборовъ.

Земскій соборъ XVI вѣка былъ не народнымъ представительствомъ, а расширеніемъ центральнаго правительства. Это расширеніе достигалось тѣмъ, что въ составъ Боярской думы, т.-е. государственнаго совѣта, въ особо важныхъ случаяхъ вводился элементъ по происхожденію не правительственный, а общественный, но съ правительственнымъ назначеніемъ: это были верхи мѣстныхъ обществъ, служилыхъ и промышленныхъ, стянутые въ столицу. На соборѣ они не составляли особаго собранія или совѣщанія, становившагося или дѣйствовавшаго отдѣльно отъ центральнаго правительства, а входили прямо въ его составъ и лишь при подачѣ мнѣній образовали нѣсколько группъ, параллельныхъ правительственнымъ, подававшихъ голоса наряду съ Освященнымъ соборомъ, боярами и приказными людьми. Земскій соборъ XVI вѣка — это Боярская дума т.-е. правительство, съ участіемъ людей изъ высшихъ классовъ земли или общества. Такое пополненіе правительства было потребностью времени. Царь Иванъ вынесъ изъ боярской опеки до боли удрученное чувство негодности системы правительственныхъ кормленій: въ ней онъ видѣлъ источникъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій народа, и ему уже грезилась гибель государства. Тогда онъ сталъ думать не о замѣнѣ родовитыхъ кормленщиковъ новымъ правительственымъ классомъ, а только о постановкѣ всего управленія на новыя основанія и объ освѣженіи правительства новыми силами, взятыми снизу, изъ управляемаго общества. Въ 1550 г. онъ говорилъ

А. Адашеву, назначая его начальникомъ Челобитнаго приказа: „взялъ и тебя изъ самыхъ малыхъ людей, слыша о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, и приблизилъ къ себѣ и не тебя одного, но и другихъ такихъ же, кто бы печаль мою утолилъ и на людей, врученныхъ мнѣ Богомъ, призрѣлъ; приноси къ намъ истину, избери судій правдивыхъ изъ *бояръ и вельможъ*". Въ посланіи къ Стоглавому собору онъ также умолялъ духовенство и „любимыхъ своихъ князей и вельможъ", воиновъ и все православное христіанство: „помогайте мнѣ и пособствуйте всѣ единодушно". Мы уже знаемъ, какъ это воззваніе было осуществлено въ реформѣ мѣстнаго управленія: дѣла, отнесенныя въ вѣдомство мѣстныхъ учрежденій, должны были вести правительственные органы изъ среды мѣстныхъ же обществъ по ихъ выбору и подъ двойной отвѣтственностью, личной—самихъ выборныхъ и круговой—всѣхъ избирателей. Въ центрѣ дѣло строилось нѣсколько сложнѣе. Здѣсь въ помощь боярскому и приказному управленію прибрано было изъ мѣстныхъ обществъ два штата исполнительныхъ органовъ, военно-административный и казенно-финансовый. Разсылаемые изъ центра, они дѣйствовали на мѣстахъ съ помощью мѣстныхъ выборныхъ, имъ подчиненныхъ. То были для столичныхъ дворянъ уѣздные дворянскіе окладчики, для столичныхъ гостей и купцовъ—мѣстные цѣловальники. Для столичныхъ агентовъ мірской выборъ замѣнялся правительственнымъ порученіемъ; личная отвѣтственность падала на тѣхъ и другихъ, на столичныхъ и мѣстныхъ агентовъ, обезпечивая ихъ исполнительность. Въ вопросахъ чрезвычайной важности, требовавшихъ особенно дружной энергіи всѣхъ наличныхъ правительственныхъ силъ, правительство призывало своихъ ближайшихъ столичныхъ агентовъ въ свой составъ, чтобы видѣть, за что

они могутъ взяться, что имъ въ мочь и что не въ мочь. Специальное соборное крестоцѣлованіе такого агента замѣняло для верховной власти спеціальный выборъ соборнаго народнаго депутата; оно создавало ей отвѣтственнаго исполнителя, который, поручившись за исполнимость соборнаго приговора, будетъ проводить отвѣтственное его исполненіе на мѣстахъ, являясь тамъ показателемъ верховной воли и тѣмъ объединяя разрозненную дѣятельность сословныхъ міровъ и дробныхъ мѣстныхъ учрежденій. Этимъ и отличались по своему происхожденію наши соборы отъ западно-европейскихъ представительныхъ собраній, съ которыми ихъ обыкновенно сопоставляютъ. Тамъ эти собранія вышли изъ потребности установить мирное отношеніе стойкихъ за свои вольности средневѣковыхъ сословій между собою и къ правительству. Наши соборы вызваны были необходимостью для правительства сосчитать вмѣстѣ со своими органами наличныя общественныя средства, потребныя для извѣстнаго дѣла, и обезпечить себѣ точное исполненіе принятаго рѣшенія. Нашъ соборъ родился не изъ политической борьбы, какъ народное представительство на Западѣ, а изъ административной нужды. Итакъ *земскіе соборы возникли у насъ въ одно время и въ связи съ мѣстными реформами царя Ивана и являются совмѣстными совѣщаніями Боярской думы, т.-е. центральнаго правительства, съ людьми столичныхъ классовъ, служившихъ ему ближайшими отвѣтственными органами; такія совѣщанія устроялись для выработки общаго постановленія по особо важнымъ вопросамъ государственной жизни и для принятія членами собора отвѣтственнаго круговаго ручательства въ исполненіи соборнаго приговора.*

Ихъ значеніе.

Боюсь, какъ бы вы въ моемъ взглядѣ на происхожденіе земскихъ соборовъ не усмотрѣли желанія умалить ихъ зна-

ченіе. Мы часто приступаемъ къ ихъ изученію съ большими ожиданіями. *Земское представительное собраніе въ Москвѣ XVI вѣка!* Но чтобы возможно было такое собраніе, надобно предположить цѣлый рядъ политическихъ и юридическихъ понятій о народѣ и государствѣ, о власти и свободѣ, о личныхъ и политическихъ правахъ, объ общемъ и частномъ интересѣ, о политическомъ представительствѣ и частномъ полномочіи,—надобно предположить въ тогдашнихъ московскихъ умахъ присутствіе такихъ сложныхъ понятій, во всемъ складѣ тогдашней русской жизни—цѣлый запасъ условій, дающихся только на значительномъ уровнѣ общественнаго развитія. Какъ могли сложиться такія условія, откуда было вырости такимъ понятіямъ на верхневолжскомъ суглинкѣ, столь скудно оборудованномъ природой и исторіей? Изучая земскіе соборы XVI в., не встрѣчаемъ такихъ понятій и условій, а видимъ только, что соборъ не былъ постояннымъ учрежденіемъ, не имѣлъ ни обязательнаго для власти авторитета, ни опредѣленной закономъ компетенціи и потому не обезпечивалъ правъ и интересовъ ни всего народа, ни отдѣльныхъ его классовъ, и даже выборный элементъ незамѣтенъ или едва замѣтенъ въ его составѣ. Что же это за представительное собраніе, спросите вы, въ которомъ представителями народа являлись все должностныя служащія лица? Земскій соборъ XVI в., конечно, не удовлетворялъ отвлеченнымъ требованіямъ ни сословнаго, ни народнаго представительства. Съ этой догматической точки зрѣнія вы правы, и я вслѣдъ за вами готовъ сказать: какое же это представительное собраніе, въ которомъ не было настоящихъ представителей? Но кромѣ догматики права, кромѣ общихъ формъ и принциповъ государственнаго порядка, есть еще *политика,* совокупность разнообразныхъ практическихъ средствъ до-

стиженія государственныхъ цѣлей. Въ этой сферѣ могутъ складываться такія формы участія общества въ управленіи, которыя не подходятъ подъ привычные виды народнаго представительства. Съ этой стороны и наши земскіе соборы XVI в. находятъ свой политическій смыслъ, свое историческое оправданіе. Въ изучаемый періодъ нашей исторіи у насъ наблюдается нѣчто подобное тому, что бывало прежде и повторялось послѣ. Извѣстный правительственный порядокъ, вызванный своевременными нуждами страны, держался долго и по мнованіи ихъ, какъ анахронизмъ, и общественный классъ, руководившій и пользовавшійся этимъ отжившимъ порядкомъ, ложился на страну ненужнымъ бременемъ, его общественное руководительство становилось злоупотребленіемъ. Съ половины XV в. московскіе государи продолжали править объединявшейся Великороссіей посредствомъ перешедшей изъ удѣльныхъ вѣковъ системы кормленій, къ которой съ образованіемъ московскихъ приказовъ присоединилось быстро размножавшееся дьячество. То и другое къ половинѣ XVI в. сомкнулось въ плотный приказный строй, кормившій пеструю толпу бояръ и дворянъ съ ихъ холопами, дьяковъ и подъячихъ изъ тѣхъ же дворянъ, а наиболѣе „изъ поповичей и простого всенародства", по выраженію кн. Курбскаго. Въ противовѣсъ этой приказной администраціи, своими кормежными привычками совсѣмъ не отвѣчавшей задачамъ государства, и были поставлены въ областномъ управленіи выборное начало, а въ центральномъ—правительственный наборъ: тѣмъ и другимъ средствомъ открывался постоянный притокъ въ составъ управленія мѣстныхъ общественныхъ силъ, на которыя можно было возложить безмездную и отвѣтственную административно-судебную службу. Въ обществѣ временъ Грознаго бродила мысль о необхо-

димости сдѣлать земскій соборъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ исправленія и обновленія приказной администраціи. Въ припискѣ къ *Бесѣдѣ* валаамскихъ чудотворцевъ, памфлету, составленному тогда противъ монастырскаго землевладѣнія, неизвѣстный публицистъ приглашаетъ духовныя власти благословить московскихъ царей на такое доброе дѣло—созвать „вселенскій совѣтъ" изъ всѣхъ городовъ и уѣздовъ, изъ людей всякихъ чиновъ, и „погодно" держать его при себѣ, каждодневно распрашивая хорошенько про всякое мірское дѣло, и тогда царь сможетъ удержать своихъ воеводъ и приказныхъ людей отъ поминка, посула и отъ всякой неправды, отъ „многочисленныхъ властелинныхъ грѣховъ", и правдою тою устроится во благоденствіи царство его. На дѣлѣ земскій соборъ XVI в. не вышелъ ни всеземскимъ, ни постояннымъ, ежегодно созываемымъ собраніемъ и не взялъ въ свои руки надзора за управленіемъ. Однако онъ не прошелъ безслѣдно ни для законодательства и управленія, ни даже для политическаго самосознанія русскаго общества. Пересмотръ Судебника и планъ земской реформы—дѣла, исполненныя, какъ мы видѣли, не безъ участія перваго собора. По смерти Грознаго земскій соборъ даже восполнилъ пробѣлъ въ основномъ законѣ, точнѣе, въ обычномъ порядкѣ престолонаслѣдія, т.-е. получилъ учредительное значеніе. Верховная власть въ Московскомъ государствѣ, какъ извѣстно, передавалась удѣльнымъ вотчиннымъ порядкомъ, по завѣщанію. По духовной 1572 г. царь Иванъ назначилъ своимъ преемникомъ старшаго сына Ивана. Но смерть наслѣдника отъ руки отца въ 1581 г. упразднила это завѣщательное распоряженіе, а новаго завѣщанія царь не успѣлъ составить. Такъ второй его сынъ Ѳедоръ, ставъ старшимъ, остался безъ юридическаго титула, безъ акта, который давалъ бы ему право

на престолъ. Этотъ недостающій актъ и созданъ былъ земскимъ соборомъ. Русское извѣстіе говоритъ, что въ 1584 г., по смерти царя Ивана, пришли въ Москву изъ всѣхъ городовъ „именитые люди" всего государства и молили царевича, „чтобъ былъ царемъ". Англичанину Горсею, жившему тогда въ Москвѣ, этотъ съѣздъ именитыхъ людей показался похожимъ на парламентъ, составленный изъ высшаго духовенства и „всей знати, какая только была (all the nobility whatsoever)". Эти выраженія говорятъ за то, что соборъ 1584 г. по составу былъ похожъ на соборъ 1566 г., состоявшій изъ правительства и людей двухъ высшихъ столичныхъ классовъ. Такъ на соборѣ 1584 г. мѣсто личной воли вотчинника—завѣщателя впервые заступилъ государственный актъ *избранія,* прикрытаго привычной формой земскаго челобитья: удѣльный порядокъ престолонаслѣдія былъ не отмѣненъ, а подтвержденъ, но подъ другимъ юридическимъ титуломъ, и потому утратилъ свой удѣльный характеръ. Такое же учредительное значеніе имѣлъ и соборъ 1598 г. при избраніи Бориса Годунова. Рѣдкіе, случайные созывы собора въ XVI в. не могли не оставлять послѣ себя и немаловажнаго народно-психологическаго впечатлѣнія. Только здѣсь боярско-приказное правительство становилось рядомъ съ людьми изъ управляемаго общества, какъ со своею политическою ровней, чтобы изъявить государю свою мысль; только здѣсь оно отучалось мыслить себя всевластной кастой и только здѣсь дворяне, гости и купцы, собранные въ столицу изъ Новгорода, Смоленска, Ярославля и многихъ другихъ городовъ, связываясь общимъ обязательствомъ „добра хотѣть своему государю и его *землямъ*", пріучались впервые чувствовать себя единымъ народомъ въ политическомъ смыслѣ слова; только на соборѣ Великороссія могла сознать себя цѣльнымъ государствомъ.

Мысль о всеземскомъ соборѣ.

Наконецъ, мысль о привлеченіи общества къ участію въ управленіи, руководившая областными реформами въ царствованіе Ивана IV, сообщила политическое движеніе, историческій ростъ и земскому собору. Составъ его съ каждымъ созывомъ становился сложнѣе, все шире захватывалъ общество—знакъ, что уяснялась самая идея общественнаго представительства. На соборъ 1566 г. призваны были только столичные дворяне и купцы высшихъ степеней по должности или по званію: это были фиктивные представители общества; выборныхъ уполномоченныхъ не замѣтно. Наблюдатель московскихъ событій Смутнаго времени нѣмецъ Буссовъ говоритъ, что и Бориса Годунова избирали государственные чины, находившіеся тогда въ Москвѣ. Но изъ акта 1598 г. видимъ, что этотъ соборъ не имѣлъ уже прежняго чисто столичнаго, именитаго состава. Среди Освященнаго собора, прежде исключительно монашескаго, появляются 11 московскихъ протопоповъ. На соборѣ становится замѣтно присутствіе выборныхъ уполномоченныхъ отъ провинціальнаго дворянства, перваго сословія, которому досталось прямое представительство на соборѣ. Далѣе, московскія купеческія сотни или гильдіи, успѣвшія уже сложиться въ корпораціи, были призваны на соборъ не поголовно, какъ въ 1566 г., а въ лицѣ своихъ выборныхъ властей, старостъ. Представительство спускается въ глубь общества: призывается на соборъ и рядовое столичное населеніе черныхъ сотенъ такъ же въ лицѣ своихъ выборныхъ сотскихъ. Правда, столица и на этомъ соборѣ сохранила подавляющее преобладаніе: отъ торгово-промышленнаго населенія провинціальныхъ городовъ не видимъ ни одного уполномоченнаго. Но мысль о всеземскомъ соборѣ уже мелькаетъ въ умахъ, какъ видно изъ помянутой *Бесѣды*; по крайней мѣрѣ Борисъ Годуновъ, по сви-

дѣтельству Маржерета, передъ своимъ избраніемъ требовалъ, хотя и притворно, созыва государственныхъ чиновъ, отъ каждаго города по 8 или по 10 человѣкъ, дабы *весь народъ* рѣшилъ единодушно, кого возвести на престолъ. Пресѣченіе династіи должно было ускорить движеніе этой мысли. Выборный царь не могъ смотрѣть на государство взглядомъ наслѣдственнаго, какъ на свою вотчину, и его власть, переставая быть *собственностью*, получала характеръ *должности*, возложенной на него сторонней волей, выражавшейся въ соборномъ приговорѣ. Зарождалась новая идея народа, не какъ паствы, подлежащей воспитательному попеченію правительства, а какъ носителя этой государственной воли, которая на соборѣ передавалась избранному царю. Вмѣстѣ съ ростомъ этой идеи расширялся на соборѣ и составъ выборнаго представительства, первые признаки котораго и встрѣчаемъ по пресѣченіи старой династіи, на избирательномъ соборѣ 1598 г. Начинавшаяся смута, все шире захватывая общество, подталкивала и эту идею. Первый самозванецъ шелъ въ личинѣ наслѣдственнаго царя; однако и онъ для суда надъ князьями Шуйскими, обвинявшимися въ распространеніи слуховъ о его самозванствѣ, созвалъ соборъ, на которомъ, по русскимъ извѣстіямъ, ни власти, т.-е. духовенство, ни бояре и никто изъ *простыхъ* людей не заступался за обвиняемыхъ, а всѣ на нихъ кричали. Маржеретъ увѣряетъ, что на этомъ соборѣ присутствовали лица, выбранныя изъ всѣхъ чиновъ или сословій (personnes choisies des tous estats). Въ XVII в., какъ увидимъ, изучая нашу исторію этого столѣтія, соборъ разовьется въ настоящее представительное собраніе; но роковыя условія русской жизни, для противодѣйствія которымъ были созываемы земскіе соборы, затрутъ ихъ и надолго заглушатъ мысль, пытав-

шуюся въ нихъ укрѣпиться,—мысль объ установленіи постояннаго, закономъ нормированнаго притока здоровыхъ общественныхъ силъ въ составъ правящаго класса, ежеминутно стремящагося у насъ превратиться въ замкнутую отъ народа касту, въ чужеядное растеніе, обвивающее народное тѣло.

Ходъ устроенія государства.

Мы изучили происхожденіе и ходъ устроенія Московскаго государства и видѣли, что политическій разладъ государя съ боярствомъ не оказалъ замѣтнаго дѣйствія на ходъ государственнаго устроенія. Реформы царя Ивана, такъ измѣнившія областное управленіе, были направлены не противъ боярства, а противъ кормленщиковъ, боролись не съ политическими притязаніями, а съ чиновничьими злоупотребленіями, съ административнымъ произволомъ. Наоборотъ, государственное устроеніе не оказало ли дѣйствія на политическій разладъ государя съ боярствомъ, не этимъ ли объясняется образъ дѣйствій обѣихъ ссорившихся сторонъ? Царь предпринимаетъ поголовное истребленіе боярства, своей правой руки въ управленіи, но не устраняетъ отъ дѣлъ этого класса, безъ котораго онъ не могъ обойтись, а этотъ классъ терпитъ и молчитъ, боязливо подумывая только о побѣгѣ въ Литву. Отъ ожесточившагося царя льется и небоярская кровь, на всю землю его именемъ набрасывается стая опричниковъ, легитимизованныхъ мундирныхъ анархистовъ, возмущавшихъ нравственное чувство христіанскаго общества, а это общество терпитъ и молчитъ. Туга и ненависть поднялась, по словамъ современника, въ міру на царя, роптали и огорчались, однако—ни проблеска протеста. Только митрополитъ заговорилъ было за свою паству, но скоро замолкъ насильственно. Какъ будто одна сторона утратила чувство страха и отвѣтственности за излишества произвола, а другая,

многомилліонная сторона забыла мѣру терпѣнія и чувство боли, застывъ въ оцѣпенѣніи отъ страха передъ какой-нибудь шеститысячной толпой озорниковъ, гнѣздившихся въ лѣсной берлогѣ Александровской Слободы. Какъ-будто какой-то высшій интересъ парилъ надъ обществомъ, надъ счетами и дрязгами враждовавшихъ общественныхъ силъ, не позволяя имъ окончательнаго разрыва, заставляя ихъ противъ воли дѣйствовать дружно. Этотъ высшій интересъ—оборона государства отъ внѣшнихъ враговъ. Московское государство зарождалось въ XIV вѣкѣ подъ гнетомъ внѣшняго ига, строилось и расширялось въ XV и XVI вѣкахъ среди упорной борьбы за свое существованіе на западѣ, югѣ и юговостокѣ. Эта внѣшняя борьба и сдерживала внутреннія вражды. Внутренніе домашніе соперники мирились въ виду общихъ внѣшнихъ враговъ, политическія и соціальныя несогласія умолкали при встрѣчѣ съ національными и религіозными опасностями.

Особенности его склада.

Такъ складывалось Московское государство. Оно складывалось тяжело и медленно. Мы теперь едва ли можемъ понять и еще меньше можемъ почувствовать, какихъ жертвъ стоилъ его складъ народному благу, какъ онъ давилъ частное существованіе. Можно отмѣтить три его главныя особенности. Это, во-первыхъ, *боевой строй государства.* Московское государство—это вооруженная Великороссія, боровшаяся на два фронта, на западѣ за національное единство, на юговостокѣ за христіанскую цивилизацію, тамъ и здѣсь—за свое существованіе. Вторую особенность составлялъ *тягловой*, неправовой характеръ внутренняго управленія и общественнаго состава, съ рѣзко обособлявшимися сословіями. Управленіе вели обязанные органы, наверху служилые люди, внизу отвѣтственные сословные выборные. Сословія различались не правами, а повинностями, между ними распредѣленными. Каждый обя-

занъ былъ или оборонять государство, или работать на государство, т.-е. кормить тѣхъ, кто его обороняетъ. Были командиры, солдаты и работники, не было гражданъ, т.-е. гражданинъ превратился въ солдата или работника, чтобы подъ руководствомъ командира оборонять отечество или на него работать. Было сословіе, которое по своему назначенію могло бы просвѣщать и солдатъ, и работниковъ, духовенство, и на Стоглавомъ соборѣ царь заставилъ его дать обѣщаніе, что оно устроитъ народное образованіе; но мы не знаемъ, была ли устроена послѣ этого собора хотя одна церковно-приходская школа. Третьей особенностью Московскаго государственнаго порядка была *верховная власть съ неопредѣленнымъ, т.-е. неограниченнымъ пространствомъ дѣйствія и съ нерѣшеннымъ вопросомъ объ отношеніи къ собственнымъ органамъ,* именно къ главному изъ нихъ, къ боярской аристократіи. Ходъ дѣлъ указывалъ старой династіи демократическій образъ дѣйствій, непосредственное отношеніе къ народу; но она строила государство вмѣстѣ съ боярствомъ, привыкла дѣйствовать съ помощью родословной знати. Изъ образа дѣйствій Грознаго видно, что у нея и явились было демократическія стремленія, но остались аристократическія привычки и удѣльныя понятія. Она не могла примирить этихъ противоположностей и погибла въ борьбѣ съ этимъ противорѣчіемъ.

Его положеніе въ Европѣ.

Теперь посмотримъ, какое мѣсто заняло Московское государство среди другихъ государствъ Европы. Тогдашняя Западная Европа не дала бы отвѣта на этотъ вопросъ, потому что слабо замѣчала самое существованіе этого государства. Это впрочемъ не мѣшало ему быть полезнымъ для Европы. У каждаго народа своя судьба и свое назначеніе. Судьба народа слагается изъ совокупности внѣшнихъ условій, среди которыхъ ему приходилось жить и дѣйствовать. Назначеніе народа выражается въ томъ упо-

требленіи, какое народъ дѣлаетъ изъ этихъ условій, какое онъ вырабатываетъ изъ нихъ для своей жизни и дѣятельности. Нашъ народъ поставленъ былъ судьбой у восточныхъ воротъ Европы, на стражѣ ломившейся въ нихъ кочевой хищной Азіи. Цѣлые вѣка истощалъ онъ свои силы, сдерживая этотъ напоръ азіатовъ, однихъ отбивалъ, удобряя широкія донскія и волжскія степи своими и ихними костями, другихъ черезъ двери христіанской Церкви мирно вводилъ въ европейское общество. Между тѣмъ Западная Европа, освободившись отъ магометанскаго напора, обратилась за океанъ, въ Новый Свѣтъ, гдѣ нашла широкое и благодарное поприще для своего труда и ума, эксплуатируя его нетронутыя богатства. Повернувшись лицомъ на Западъ къ своимъ колоніальнымъ богатствамъ, къ своей корицѣ и гвоздикѣ, эта Европа чувствовала, что сзади, со стороны уралоалтайскаго востока ей ничто не угрожаетъ, и плохо замѣчала, что тамъ идетъ упорная борьба, что перемѣнивъ двѣ главныя боевыя квартиры на Днѣпрѣ и Клязьмѣ, штабъ этой борьбы перемѣстился на берега Москвы, и что здѣсь въ XVI в. образовался центръ государства, которое наконецъ перешло отъ обороны въ наступленіе на азіатскія гнѣзда, спасая европейскую культуру отъ татарскихъ ударовъ. Такъ мы очутились въ арьергардѣ Европы, оберегали тылъ европейской цивилизаціи. Но сторожевая служба вездѣ неблагодарна и скоро забывается, особенно когда она исправна: чѣмъ бдительнѣе охрана, тѣмъ спокойнѣе спится охраняемымъ и тѣмъ менѣе расположены они цѣнить жертвы своего покоя. Таково было европейское положеніе Московскаго государства въ концѣ XVI вѣка.

Оглавленіе.

*) Далѣе страницы полевыхъ заглавій не соотвѣтствуютъ двумъ предшествовавшимъ изданіямъ, имѣющимъ меньшее число страницъ (508) сравнительно съ настоящимъ *(прим. изд.)*.

*) Заглавіе въ текстѣ пропущено.

Цѣна 2 р. 50 к.

На корешкѣ каждаго экземпляра долженъ быть авторскій штемпель.

